А·ФАДЕЕВ
7

А·ФАДЕЕВ
А·ФАДЕЕВ
А·ФАДЕЕВ
А·ФАДЕЕВ
А·ФАДЕЕВ

А·ФАДЕЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

А·ФАДЕЕВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В СЕМИ ТОМАХ

Под общей редакцией

Е. Ф. КНИПОВИЧ, В. М. ОЗЕРОВА,
Б. Н. ПОЛЕВОГО, С. Н. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1971

А·ФАДЕЕВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ СЕДЬМОЙ

ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1971

Р 2
Ф15

Подготовка текста и примечания
С. И. Преображенского

7-3-2
Подп. изд.

ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА

1921—1956

1921

1. И. И. ДОЛЬНИКОВУ

26 сентября 1921 года

Александр — Исааку.

Свинство, дружище, с моей стороны, что не писал долго, но обстоятельства весьма основательны. Слушай! Поверил бы ты, черт возьми! если бы кто-нибудь сказал тебе, что Сашка, столь презиравший математику и любивший до потери сознания русский язык да политическую экономию, в один месяц прошел алгебру, геометрию, тригонометрию, физику и арифметику и выдержал экзамен в Горную академию? Нет, ты бы послал того человека к черту, а то еще, чего доброго, привлек бы к ответственности за клевету. Но это правда! Каррамба! Эта канитель закончилась только вчера, и вот я из военкомбригов в студенты!

Здесь в Москве кое-кто из дальневосточников прибавился. Например, появились поэт Никола с супругой, Лев Перлин, Яншин со второй половиной.... Жизнь духовная по-прежнему богата. Поговорим с тобой о ней. Были на представлении пьесы Луначарского (между прочим, сей последний запузыривает каждую неделю лекции по три; тут и чтение новых поэм, тут «Идеализм и материализм», тут «Пророки революции», тут и «Скрябин и революция») «Слесарь и Канцлер». Ну, скажу тебе! Бесконечно правы пролетарские поэты, когда говорят, что новая поэзия и литература будут созданы самим пролетариатом. Ведь вот Луначарский! Талантливый человек, великолепно изображает весь ужас рухнувшего строя, высмеивает бесподобно социал-соглашателей, вскрывает подноготную

милитаризма и т. д. и т. д., но только пытается дать частичку нового быта и новых людей, моментально съезжает на слабенькую французскую мелодраму. И в творчестве всех наших талантливых интеллигентов я все натыкаюсь на «сей печальный факт». Нужно тебе заметить, что я занимался как лев или как Акакий Акакиевич — часов по 15 в сутки, — а посему мало посещал всевозможные театры, лекции и прочее, но все же как-то мимоходом завернул на две оперы и еще кой на что, но так как это все ты видел, то и описывать не стану. Достоин пера вчерашний парад Московского гарнизона в честь первого советского выпуска Академии Генерального штаба...

Месяца через два в первом Государственном театре РСФСР идет премьерой (открытие зимнего сезона) пьеса Костарева «Idée Fixe». Вот, брат, если можешь, — приезжай, то-то будет любопытно.

В общем, хотел написать много, но все вылетело к черту из головы. Поговорим о ДВР. Ты прислал посылку — хорошее дело, можешь продолжать в том же духе, но неужели ты подумал, что мы настолько забыли бога и предались мамоне, что нам какая-то пшенная крупа будет интереснее судьбы наших ребят: Игоря, Гришки, Петьки, Саньки и вообще всех друзей и знакомых. Ведь это позор твоим сединам! Спеши исправиться.

Кроме того, ты бы вместо мыла присылал бы дальневосточные издания: журналы, газеты (со своими писаниями, в частности), все же было бы веселее. Не знаешь ли чего о моих родных?

Сообщи, имеется ли возможность пересылать письма во Владивосток и каким образом.

Ну, жму руку.

Мой адрес: Москва, Остоженка, 38, Пречист. рабфак, Э. Крастину для Фадеева.

Александр.

2. И. И. ДОЛЬНИКОВУ

7 декабря 1921 года

Александр — Исааку.

Твое продолжительное молчание, дружище, наводит на размышления, уж не захандрил ли ты по той или иной причине во всю Ивановскую и не захандрил ли настолько,

что «опостылел тебе белый свет» и все твои друзья (вспоминающие, кстати сказать, о тебе частенько) и решил ты уморить их в безызвестности? Если так, то — плюнь! Диалектически рассуждая, все развивается на белом свете от низших форм к высшим.... Это во-первых. Во-вторых нас ты все равно не уморишь, так как народ мы живучий, хандрить не хандрим и «духа не угашаем». Пусть это будет вступлением.

По правилам ученических сочинений.... за вступлением должно следовать изложение, а посему я и приступаю к оному.

Прежде всего, получаешь ли ты наши письма, или их постигает та же участь, что постигла когда-то мои, писанные тебе из госпиталя в представительство, манускрипты, за неполучение которых ругал ты меня свиньей, а я, приехав из Питера, стал сам получать их с необычной для советской почты аккуратностью. Если так, то печально, но дело, конечно, не в этом, а если не в этом, то, конечно, оно и не «в шляпе» и не «в принципе», а в чем-то другом. Так в чем же? (Логика — убийственная.) Дело в том, что без переписки, как я говорил тебе в прошлом письме (а под перепиской надо понимать, что один пишет, а другой отвечает, а не только один пишет), невозможно найти материала для «посланий».

Помнится, что те письма, за неполучение которых ты ругал меня свиньей, были очень толсты и содержательны, а все потому, что я вступал тогда в полемику с тобой по всем вопросам современности (литературы и поэзии, в частности) и по этой самой причине не только не жаловался на отсутствие материала для посланий, но даже рычал на недостаток бумаги. Так не объяснить ли «жидковатость» моего теперешнего письма тем обстоятельством, что я принужден в данном случае полемизировать с тобой по поводу твоего убийственного для прошлогодних мух молчания?

Что сказать о жизни «наших в Москве»? Учатся, жуют хлеб, работают, нервничают, за недостатком времени забросили лекции и театры и, стало быть, не считая последнего, по-прежнему во всех отношениях благоденствуют. Благоденствуют, т. е. дышат и немного кушают, а иногда и разговаривают, участвуя тем самым в том интересном, многообразном, калейдоскопическом винегрете, что именуется жизнью. Прими последнюю фразу за шутку, а не

за философию и не обвиняй в антимарксистском определении понятия «жизнь».

Говорят, что ты здорово работаешь, дискуссируешь с кем-то в газете, а нас и не удостоишь присылкой хоть одного экземпляра претерпевающей невероятные дискуссионные страдания газеты. А ведь не мешало бы и нам к этому приобщиться.

Эх, Исак, Исак (не думай, что это содрано из Гоголя, так как Тарас Бульба говорит: «Эх, Остап, Остап!» — и то совсем по другому поводу), забыл ты нас, грешных, и, пусть засвидетельствует мои слова Иегова, не войдешь ты в царствие небесное из-за этого самого....

Но, между прочим, Москва все-таки тоже не дремлет. Не говоря уже о дискуссиях, придется отметить повышение производительности, улучшение настроения беспартийных масс, сокращение учреждений и штатов и т. д. Идут постановки новых пьес, например, в 1-м театре Пролеткульта ставится недавно оконченная Плетневым «Лена», происходит чествование различных писателей в дни их годовщин, как, например, Достоевского, Некрасова и пр. И по-прежнему в Политехническом музее «лекционируют» Луначарский, Поссе, Коган, Рейснер и другие. Появились на свет и новые журналы. Например, «Печать и революция» — очень интересный журнал критики и библиографии, издаваемый Госиздатом, или «Красная новь», номера которой, должно быть, у тебя уже имеются, или «Наука и революция» и т. д.

Сейчас на носу партконференция и 9-й съезд Советов, к которому, «по примеру прошлых лет», как любил выражаться Луценко, будет организована громадная, обещающая быть интересной, выставка. В области различных «поэтических кафе» приходится констатировать несомненно прогрессирующий упадок. Гибнут из-за собственной идеологической слабости футуристы, имажинисты, фуисты и другие «исты», нет больше лозунгов «Вся власть ничевокам!», но зато медленно, но верно, с упорством «изюбря» растет и развивается Пролеткульт Москвы и Питера.

Придет время, и о первых забудет «неблагодарное» потомство, вспомнит история только Маяковского, а пролеткульты станут рассадником нового искусства. Так будет, что бы ни писал и о чем бы ни плакал Чужак.

Ну... Жму руку. Пиши.

Александр.

1922

3. И. И. ДОЛЬНИКОВУ

1 мая 1922 года

Александр — Исааку.

Сегодня, только что сейчас, получил твое письмо от 7 февраля 22 года (год необходимо проставить, т. к. нонче письма ходят долго, гляди получишь настоящее послание в апреле 23-го года, а к тому времени можно забыть, в каком году сам писал письмо).

Последнее время в голове и без твоего письма необычайно кошмарный винегрет: погибли Санька, Фельдман, Игорь, Харитоша, Серобабин, ранен Володя маленький, поморозились Гришка и Хомяков, ампутированы ноги у Никитенки — это черная часть винегрета. Приехал в Москву Петька Нерезов и поступил на рабфак; я ездил на месяц в отпуск в деревню Витебской губернии, где пахал, чистил сад, пилил дрова, ходил на охоту, катался верхом, посещал «вечорки», митинговал и т. д. и т. д. Наконец, сегодня только что вернулся с грандиознейшей, еще не бывалой в РСФСР первомайской демонстрации, — это светлая часть все того же винегрета. Состояние в общем такое, как будто бы я все время нахожусь под «мухой». Однако хочу сказать пару слов по поводу письма: мудрено стал ты писать, Иська, — вот уж поистине трудно понять без полбутылки. Хотя я, ничего не читая за последнее время, вероятно, и поотстал от тебя в области общественных наук, однако те элементы этих самых наук, с которыми ты меня в письме знакомишь, мне, конечно, известны. Они бьют мимо цели, так как единственная цель, которую я ставил себе прошлым письмом, было действительно искреннее желание изречь пару теплых и бодрых слов, на всякий случай, на твое утешение. Очень рад, что эта цель достигнута, еще более рад, что в этом уже не было надобности. Должен только написать, что ты «извратил» мое миросозерцание. Я — никакой не «зверек», не «изолированный от общества человек», т. к. очень полно и широко живу общественной жизнью, а главное, ты сам знаешь, насколько я интересуюсь всеми вопросами современности, насколько расположен я к восприятию (пусть по-дилетантски!) универсальных знаний. Но я

говорю и буду говорить, что нехорошо перегибать палку только в эту сторону, ибо «человек создан для счастья, как птица для полета».... «Кесарю — кесарево, а богу — богово». Плохо, если всё кесарю или всё богу. На этом кончим этот вопрос, а проверим все дела на практике, когда при встрече будем боксировать. Соревнование хорошее дело — смотри, как следует старайся, а то, ей-богу, поколочу!

Я по-прежнему занимаюсь в Горной академии. 15 мая поеду в Подмосковный угольный бассейн на геологическую практику, а в июне в Туркестан — на «нефть» — на рудничную практику.

Нужно сказать, что недавно я чуть не укатил на год в Якутскую область, но дело сорвалось: ЦК не пустил, а хотелось пособирать пушнины! Сначала горевал в неудаче, а потом решил: «Нет, так не надо, другую найдем». Не в Якутскую область, так в Туркестан! Какая разница? Там — холоднее, а там — теплее, а в общем, все один дьявол! Что же еще писать тебе?

Живу я теперь в общежитии Горной академии, где много хорошей братвы, в частности, сейчас мой сожитель Костарев, не унывая, что я его не слушаю, яростно доказывает мне, что природа не любит постоянства, и доказывает это положение большей частью нецензурными словами — ну, да пусть простит его Иегова! Однако... черт возьми! он брызжет слюной и лезет драться. Костарев!..

А вот пришел и Белецкий, к которому я ездил в Витебскую губернию, он намнет Костареву бока, ибо дядя здоровый, а я с эпическим спокойствием докончу послание.

Жму руку, дружище, прими привет от всех ребят, а от меня приветище всему своему семейству «со чадами»...

Александр.

1924

4. И. И. ДОЛЬНИКОВУ

<Апрель — июнь 1924 года>

Александр — Исааку.

Воспользовавшись случаем, пишу тебе маленькое посланьице, на которое, для обоюдной пользы и развлечения, рекомендую ответить. Давненько уж мы не обменивались

мыслями и «мыслишками», а люди как будто бы не чужие.

Никогда нельзя узнать, где что найдешь, а где потеряешь. Так и со мной. Учился в Горной академии. Программа была очень велика, а учиться не было возможности — перебили на партработу. Перевелся в Электротехнический институт, а тут откуда ни возьмись ЦК — схватил за жабры и смобилизнул в число 100 на партвоспитательную работу среди ленинского призыва. Комичней всего то, что работаю я совсем не по этой части. Тут (в Краснодаре) встретили меня приветливо, но сказали примерно следующее: «Партвоспитателей у нас — хоть пруд пруди, а вот не желаете ли инстуктором Обласккома?.. Хор-рошая должность!..» Что ж, инструктором — так инструктором! Мы народ не гордый. Учеба, таким образом, пошла прахом, о чем я по своей эпикурейской привычке — ни о чем не жалеть и не заботиться — не слишком беспокоюсь. Разъезжаю по всяким Новороссийскам, Сочам и сахарным заводам, купаюсь в Кубани, жарюсь на солнце, пью пиво, пишу инструкции и положения, читаю доклады на самые разнообразные темы — вплоть до «влияния рачьего свиста на северное сияние» и чувствую себя, в общем и целом, удовлетворенным. Кой-что пишу и кой-что читаю — много ли нужно маленькому человеку?

Не поленись ответить мне пару строк о своем житьебытье, о делах и «делишках», о друзьях, врагах и знакомых, да мало ли о чем можно написать, если есть охота и привычка к подобным вещам. А ведь ты, черт возьми, литератор! Точка.

Крепко жму руку. Привет Риве и всем родным. Good bye.

Александр.

5. Р. С. ЗЕМЛЯЧКЕ

<Июль — август 1924 года. Краснодар>

Дорогая Розалия Самойловна!

Давно бы написал Вам, да подвел Б., сообщивший, что в Ессентуках он Вас не нашел. Я боялся, что письмо не дойдет по назначению.

У нас довольно удачно и деловито прошли окружные съезды молодежи и профсоюзов и пленум окружкома.

Общий итог: лицо организации основательно переменилось — много улетучилось «кубанского» духа. Чувствовалось это и на совещании секретарей райкомов после пленума, где был очень живой и товарищеский обмен мнений по вопросам *практической* работы, — без всякой дипломатии. Баранов обнаруживает большую любовь к работе, а главное, стремится построить ее по системе и плану. Я очень боюсь — на основании многочисленных фактов, — что Бакулич слабый для него помощник: разбрасывается, не ухватывает самой сути и нет в нем того, что Вы называете четкостью.

Зато Нейбах — вот это пред так пред! Исполком прибрал к рукам и во всех *партийных* делах идет навстречу, обнаруживая очень правильное понимание стоящих перед организацией задач.

Районные новости таковы: связь моя с районом крепнет (т. е. пришелся ко двору).... Выдвигаем 15 ленинцев на ответственную работу. Провели хорошее собрание хозяйственников с бюро ячеек и профсоюзами, на днях проводим второе с докладами директора, секретаря ячейки и предзавкома кожевенной фабрики. (Директор оказался славным партийцем и парнем.) Благодаря удачному стечению всяких обстоятельств получилась возможность осуществить в большой степени основную задачу — подбор секретарей ячеек.

Новые секретари уже на нефтеперегонном, у грузчиков, на табачной фабрике, у инвалидов и на пивоваренном заводе. Хочу похвастаться тем, что в посланных ребятах не ошибся и, что всего приятнее, ячейки довольны новыми секретарями, а значит, и райкомом.

Вопрос с домом-коммуной для «Кубаноля» провалился. Марголин выступил с речью: «Как смеет райком обсуждать «жилищный (?!) вопрос»!» Никакого, мол, дома не нужно. Баранов тоже не поддержал. А жаль. В связи с районированием дом можно было бы найти. Обиднее всего, что взяли на издевку основную мысль (в особенности Марголин). «Работу, говорит, подымают не домами, а если в Москве, мол, так делают, то это очень скверно». Злой я до сих пор из-за такого отношения к этому вопросу. Ну да аллах с ними. Я доволен хотя бы уже и тем, что, сводив Баранова на завод и познакомив его с Кубанольской ячейкой и беспартийной массой, доказал ему всю правильность

моего предложения. Пройдет время, снова подымем этот вопрос.

Здоровье мое, увы, совсем пошло на нет. Баранов предлагает, в связи с тем, что аппарат райкома в сборе, пойти в отпуск 15 августа, и я чувствую, что это необходимо для меня. Но с другой стороны, та́к хочется доделать начатое. Что Вы думаете по этому вопросу?

Напишите (по адресу на окружком), как Ваше здоровье и скоро ли думаете выписываться?... Письма жду с нетерпением.

С комприветом

Ваш *Булыга*.

6. Р. С. ЗЕМЛЯЧКЕ

26 сентября 1924 года. Краснодар

Дорогая Розалия Самойловна!

Получили ли мое первое письмо с изложением наших «дел и делишек»? Извиняюсь, что данное письмо будет узколичного характера, но у меня есть к Вам одна просьба. В моей жизни появилось новое обстоятельство, заставляющее меня подумать о некоторой «смене вех».

Еще будучи в Москве, я написал рассказ «Против течения» из времен революции на Дальнем Востоке. Я читал его в группе пролетписателей «Молодая гвардия», и встречен был он весьма одобрительно. Потом он был напечатан в № 10 «Молодой гвардии» за 23 год и некоторое время спустя отмечен (с хорошей стороны) нашей партийной критикой. Надо сказать, что писал я его урывками, с большим трудом, за недостатком времени, которое, как Вы знаете, было занято учебой и партработой.

В последующее время меня сильно тянуло к дальнейшим писаниям, но времени стало еще меньше (как раз был завален работой). Я начал новую повесть, подвигалась она чрезвычайно медленно.

«Молодая гвардия» предлагала мне перейти в основном на литературную работу, говорила, что я, забрасывая литературную работу, «гублю талант», но я не обращался к парторганизациям с просьбой о некоторой разгрузке, так как партийную работу очень люблю, а что будет в дальнейшем из моих писаний, тогда не знал. Таким

образом, я и Вам ничего не говорил о своих литературных занятиях и поехал в Краснодар. Новая повесть моя «Разлив» (из жизни дальневосточной революционной деревни) была постепенно окончена и вышла в Москве в альманахе «Молодогвардеец». Ее встретили тоже очень хорошо. Показателем успеха обоих произведений служит то, что издательство «Молодая гвардия» сразу же купило их для издания отдельной книгой в количестве 5—8000 экземпляров. Кроме того, журнал «Октябрь» предложил мне продать ему еще не написанную мною, а находящуюся в проекте повесть «Таежная болезнь», от нескольких журналов поступило приглашение в сотрудники и еще целый ряд фактов, указывающих, что, очевидно, не только большое желание, но и способности к этому делу у меня имеются. Нечего и говорить о том, что та партработа, которую я теперь веду, не дает мне, несмотря на очень большую тягу, возможности заниматься своими писаниями. Я много думал над этим вопросом. Я всегда считал (и это мнение мое подтверждено партией в резолюциях XIII съезда о печати) литературу очень важным явлением в жизни и до сих пор держусь того мнения, что овладеть ею в процессе революционной борьбы для пролетариата совершенно необходимо.

Я посоветовался по этому вопросу с Барановым. Он прочел мои произведения — они ему понравились, — прочел некоторые отзывы критики обо мне, и вместе с ним мы пришли к выводу, что мне нужно в *основном* налечь на литературную работу. Наиболее приемлемым и удачным, гарантирующим от отрыва от партии и масс, было бы мне перейти на работу в «Отдел рабочей жизни» какой-либо московской газеты. Связь через рабкоров с крупнейшими предприятиями и с рабочей массой, повседневное знакомство с мировыми и союзными событиями — все это дало бы возможность чувствовать ежедневно пульс нашей советской жизни, и между моей склонностью к литературной работе и данной работой в газете не было бы противоречия.

Таким образом, просьба моя сводится к тому, чтобы Вы посодействовали моему откомандированию в Москву и помогли через ЦК перейти на газетную работу. Точка.

Как провели Вы отпуск и поправились ли? Справедливы ли слухи, ходящие в Краснодаре, что Вас отзывают в Москву? Имеете ли письма оттуда? Меня тут все забыли,

и я ничего не знаю, что и где делается. Большущий Вам привет от Баранова, Бурнаева и др.

Ваш *Ал. Булыга.*

P. S. Интересно, как Вы смотрите на все вышеизложенное?

7. Р. С. ЗЕМЛЯЧКЕ

7 октября 1924 года. Ростов-на-Дону

Дорогая Розалия Самойловна!

Получил назначение заведующим отделом партийной жизни в «Советском Юге». Это меня удовлетворяет, знакомая и интересующая меня область, и, кроме того, очевидно, останется время для литературных занятий. Во всяком случае, я с жаром принялся за новую работу — сейчас поехал по краю наладить связь с местами. Жду не дождусь, когда смогу побеседовать с Вами о Москве, в частности о Пленуме ЦКК. Надеюсь, что в будущем почерпну у Вас немало, чтобы вдохнуть «живую душу» в свой отдел в газете: считаю, что это один из важнейших отделов, — вернее, *должен быть* таковым, но нигде (даже, по-моему, в «Правде») до надлежащей высоты не дошел. В Краснодаре все по-старому, как я Вас информировал. К Баранову приходил Рязанов, — говорит, что не может сработаться с Нейбахом. Баранов показывал мне изданное Синюковым воззвание по сельхозналогу, в стиле комбедов 18-го года.

Тихоречане здорово им (т. е. Синюковым) недовольны. Говорят, что у него порядочная эрудиция, но ужиться с ним трудно, а «низы» — так просто его боятся.

Помимо газетной работы, я надеюсь кое-что посмотреть на местах в части партработы и по приезде расскажу Вам свои впечатления. Всего хорошего.

Булыга.

1925

8. В. А. ГЕРАСИМОВОЙ

8 мая 1925 года. Ростов-на-Дону

Валя!

Сегодня я вернулся из Шахт, — застал твое письмо, а также письма от Жорки Донского и Гришки («Орла»).

Невольно вспомнил про свое — «сумасшедшее», отправленное тебе из Шахт. Как-то ты его переваришь?

Сейчас я более спокоен и мудр. Во-первых, потому, что «сумасшедшее» меня несколько облегчило — до этого не с кем было поделиться. Во-вторых, потому, что *твое* письмо *получено,* а твои письма — даже так называемые «надколотые» — всегда меня радуют, так как они все-таки — от *тебя.* В-третьих, наконец, потому, что из моего окна — прямо перед глазами — стелется позеленевшая от молоденькой травы степь, а молодеет она так каждый год и каждый год засыхает, чтобы снова молодеть. Это напоминает мне старика Демокрита — «все течет, все изменяется» — и старую, но очень хорошую «философию» — жизнь чередуется со смертью, но в *конечном* счете всегда *побеждает жизнь.*

Как-то зашли мы — Максимов, я, несколько «худых мальчиков» и «рабочих подростков» — в степь, на старый-старый курган, — под вечер. Солнце, заходя, стало большим и красным, и не жгучим, — можно было смотреть на него, — кругом была только степь. Я, по известным тебе причинам, не мастер изображать краски — закат был чертовски хорош и разноцветен, — через тысячу неуловимых оттенков он переходил в дымчато-лиловый — цвет вечернего тумана, стлавшегося по горизонту — все ближе и ближе, — и в нем, в тумане, колыхались плавно степные холмы, — они плавали, как что-то живое и мощное. Я вдруг совершенно ясно представил себе древнего Илью Муромца или Святогора, — как он, один-одинешенек (в этом тоже есть что-то величественное!), отливая «шеломом», по пояс в лиловом тумане, с которым сливается грива его коня, — в былинной задумчивости плывет по степному (степенному) морю. Ведь *было* же что-то вроде этого, — через степь эту катились гунны, обросшие шерстью, на ней дрались и умирали печенеги, татары и... красноармейцы. От этого степь кажется такой мудрой и вечной. Это — эмоция, и, как таковая, она может «грешить» против марксизма. Это — отступление от темы; зря ты прочла его — оно написано скверной пильняко-гоголевской смесью.

Дело же вот в чем: как я и угадывал, Жорка весело поржал над «старым Пимом». Но он добавил еще следующее: «Ежели Герасимова думает, что я «пацан» («мальчик», — примеч. редакции), интересующийся картинками, то ты ей дай справочку, что я больше интере-

суюсь *живыми*» (подчеркнуто редакцией). Мудро написал Георгий-«победоносец»! В сущности, *в этом* и заключается главное отличие «орлов» от «худых мальчиков». Второй «орел» — Гришка (я приведу тебе буквальные его слова — они совпадают немного с твоими, но ты ему не говори, что я написал их тебе, а то он рассердится на меня), — пишет: «...в Наре видел сестру М. Герасимовой, с ней демонстрировал 1-го Мая. Она, правда, девка ничего. Следует уделить ей больше внимания. Она и поет, и вообще ничего — что́?!» (Сукин сын, уже перенял у меня «что́».) Пишет он мне еще и о том, что в Киргизию не едет, просит сообщить нальчинский адрес — собирается летом в гости, ко мне. Юрка Давыдов тоже приедет отдыхать в Нальчик, а Жорка Д. будет в Грозном — рукой подать. Надо, видно, и тебе ехать — уж больно выбор «орлов» хороший. И я — старый Короленко — благословлю тебя «с кривой улыбкой». (Есть такие серые старички, на обязанности которых лежит благословлять и радоваться чужому, так называемому, счастью. Боюсь только, что я не выдержу роли, ибо *сам* слишком хочу так называемого счастья, — от этого и «кривая улыбка».) Теперь несколько философических рассуждений «о любви». (Рассказ Старого Пима на баке трехмачтового парусника, идущего из Саутгемптона в Гонолулу.)

«...Я с детства отличался большой любознательностью и неисчерпаемой любовью к жизни. Больше всего я любил — вообще — людей, еще больше, в частности, девушек. Но как только я достигал любви одной из них, так у меня являлась мысль: «а ведь вот *эта,* которая идет мимо меня по улице, и *та,* с которой я грузил сегодня дрова, *тоже* очень хороши», — и меня тянуло и к этим двум. Но первая требовала, чтобы я не интересовался этими, она любила *только* меня; но я *не мог* любить *только* ее, ее притязания казались мне посягательствами на мою свободу, и я бросал ее — гнался за другими. Эти другие бывали подчас гораздо хуже, иногда лучше, но и с этими было то же самое (пауза). Вы знаете Старого Пима за доброго материалиста, но последний всегда сочетался в нем с романтиком. Бывало и так: я люблю девушку, но меня тянет к ребятам — удить рыбу, бегать на лыжах, ехать в Сидней, — а она не может проделывать этого со мной и просит, чтобы я остался. Мне сразу становилось

тягостно, казалось, жизнь замыкается в узкий круг — любовь моя к ней пропадала, я бросал и эту. Но жизнь я любил по-прежнему; она дарила мне свои щедроты, и был я веселый 23-летний Пим, и девушки «падали» на меня, потому что тот, кто *меньше* любит, — всегда *сильнее*. (Пауза. Старый Пим выпустил клуб дыма и продолжал.) Однажды встретил я некую Валю из Бостона. Она понравилась мне. Я сказал ей об этом и сказал также, кто я таков, и со спокойной душой поехал в Сидней, унося с собой ее кудрявый образ. Это началось как обычно, но как *необычно* стал я скучать по ней! Мы переписывались, она приезжала ко мне, и я к ней. Любовь ее была очень неровна. То я был ей совсем безразличен, то она говорила мне, что очень любит меня. Большей частью это бывало в минуты, когда физическая близость мутила нам головы. Она спрашивала: «Веришь ли ты мне?» Я верил, потому что знал, что она говорит мне искренне, но странная тревога сжимала мое сердце. Я имел уже кое-какой опыт в таком деле. Я знал, что когда мужчина и женщина, даже совсем чужие, лежат на одной постели, то иногда физическое влечение заставляет их клясться друг другу в любви и им кажется, что это действительно так, но потом они видят, что это просто туман — *большая* любовь имеет, очевидно, *другие* корни. И *умом* своим, *опытом* своим я больше склонен был верить тому, что она говорит, когда находится подальше от меня, — а она говорила тогда, что я ей безразличен. Кроме того, она всегда заглядывалась на всех «черноглазых» и на «орлов», — одним словом, хотя мы были очень разные люди, но любила она меня *так,* как я *любил раньше всех девушек.* И странная штука эта жизнь! Казалось бы, чего лучше! Быть мне тем же веселым Пимом — кататься на лыжах, ездить в Сидней, в поездках пользоваться мимолетной любовью других, не забывая о Вале, ибо это «иногда занятно и ни к чему не обязывает», и делать то же Вале, а расставшись с ней совсем, без печали, мы унесли бы большую дружбу друг к другу и хорошую память о нашей любви. Но нет! Я полюбил Валю из Бостона *так,* как раньше *любили меня девушки.* Я по-прежнему ездил в Сидней и катался на лыжах, но делал это по привычке, а *не* по желанию. Говоря иначе, мне *не* хотелось удить рыбу *без* Вали из Бостона, мне *не* хотелось ехать в Сидней без Вали из Бостона и я *не* интересовался девушками, идущими по

улице, потому что я интересовался *только* Валей из Бостона.

В любви своей я достиг какой-то небывалой высоты, и упасть с нее казалось мне очень страшным, — я боялся разбиться. Неопределенность Валиной любви стала терзать меня. Вы знаете, что я очень прост и несложен, и раз я полюбил даже *такой* великой любовью, мне требовалось, чтобы она — любовь эта — была *крепкой, простой и здоровой.* Но этого не могло быть. Ибо нутро мое, нутро веселого 23-летнего Пима, не привыкшего к психологизму, вступило в отчаянное противоречие с неопределенностью Вали из Бостона, а также со *своими старыми привычками,* — мысли мои завертелись в заколдованном кругу, и страшно было «упасть с высоты». Я заскучал, стал худ и безрадостен. Я мучился невероятно. Однажды, не выдержав, я написал ей об этом: мне не с кем было больше поделиться. Написав, я стал спокойней. Я много думал тогда об этих противоречиях и вот к чему пришел... (Старый Пим раскурил трубку, где-то звякнула якорная цепь.)

Я прежде всего установил, что *никогда* я не смогу разлюбить Валю из Бостона *первый,* ибо в любви сильнее тот, кто *меньше* любит, а я любил *больше,* и потому еще, что ведь прежние девушки *не могли* разлюбить меня *первыми.* Но я понял, что, мучаясь дальше, я сойду с ума или превращусь в «худого мальчика». И мне стало стыдно этого, ибо я походил тогда на известного вам мещанина, который, признавая необходимость ГПУ, потерял сон и покой, когда его заставили работать в этом ГПУ. Я сказал себе: «Пим! Легко уезжать в Сидней, удить рыбу, быть жизнерадостным, когда ничто не привязывает тебя к любимой девушке. В этом нет ничего необыкновенного, это совсем просто. Нет! Ты смоги сохранить бодрое, жизнерадостное нутро, остаться прежним веселым Пимом, *даже* если придется «упасть с высоты», если *разлюбит* тебя Валя из Бостона!» И когда я подумал так, жизнь снова закипела в моих жилах, я почувствовал, что мускулы мои снова тверды, а взгляд ясен. Я подумал: «Я буду прежним веселым Пимом, я буду благодарить жизнь и Валю из Бостона — и за любовь мою к ней, и за письма ее, которые я целовал как мальчишка, и за страдания, которые приносит мне любовь моя к ней, ибо все это жизнь, а жизнь прекрасна и жизнь *всегда* побеждает

смерть!» Когда я пришел к этому выводу — уже была ночь, на реке кричали сирены, в окно пахло весной, за рекой стлались в тумане — темном, как ночь — былинные необъятные степи. Я решил написать ей об этом — пусть она знает, что пережил веселый 23-летний Пим. Я написал ей следующее: «Я не могу забыть тебя, Валя из Бостона, я люблю тебя всю, без остатка, — спасибо тебе за это. Но я не буду больше «плакать», я буду ездить в Сидней, удить рыбу, кататься на лыжах, буду терпелив и мудр, как старый таежный волк, я буду целовать твои письма и помнить о тебе везде, любить всякое слово и даже память о тебе, если ты разлюбишь меня.

И будет одно из двух: либо случится *это* (т. е. ты *разлюбишь* меня), тогда я «упаду с высоты», но я не разобьюсь, — потому что я веселый 23-летний Пим! — я только сильно ударюсь и буду долго болеть, но я вылечусь и поеду в Сидней, а из Сиднея в Сингапур — ведь мир огромен! Либо ты будешь крепко любить меня, и тогда тебе *захочется* со мною ехать в Сидней, удить рыбу, кататься на лыжах, а я с радостью буду делать многое, что хочется *тебе,* но будешь ты все-таки *Валей из Бостона,* а я — *веселым жизнерадостным Пимом,* ибо *огромен* мир, ибо грош цена *той* любви, что посягает на *свободу* любимого существа, ибо любовь — это все-таки радость, ибо «человек создан для счастья, как птица для полета...» (Пим сделал паузу, темнело, происходили всякие прекрасные ночные вещи, которые лень описывать. Капитан, выходя из каюты, споткнулся о порог и, сплюнув, выругался.)

— Ну и как же вышло? — робко спросил маленький юнга с синими глазами, который только вступал в мир, но уже имел свою Валю из Бостона.

«Это не так важно, — сказал старый Пим после некоторой паузы. — Ведь не в этом дело. Дело в том, что так или иначе — счастлива Валя из Бостона, а я остался до глубокой старости прежним веселым Пимом — и так же волнуется море, и так же прекрасен мир.

Я сказал — счастлива Валя из Бостона, хотя она не верила в свое счастье и мрачно смотрела на будущее, — но не может быть и никогда не будет! — несчастливой в этом мире девушка с чудными кудрями и с плавной по-

ходкой! А как вышло? Об этом я не скажу — это зависело только от Вали из Бостона, и, если вы встретите ее, пусть она сама скажет вам об этом...»

Гаранькина! Я больше не смогу ничего написать после длинного и скучного рассказа старого Пима, хотя еще много места осталось и мне жаль расставаться с тобой, — хочется говорить еще и еще, потому что я люблю тебя. Не осуждай меня за мысли мои, иначе по гроб жизни будет с мрачной укоризной смотреть на тебя моя синяя курточка и... «сон твоих ночей не будет глубок».

Александр.

P. S. Письмо это эгоистическое. Для удобства приправлено в третьем лице старым Пимом. Очевидно, никакая любовь не в состоянии сделать меня *не* эгоистом. В *этом* отношении, как и во многих, впрочем, — я неисправим.

А.

9. П. Х. МАКСИМОВУ

24 июня 1925 года. Нальчик

Дорогой Павел Хрисанфович!

Посылаю тебе отрывок из повести, для помещения в очередной литстраничке. Ты знаешь мою нелюбовь к печатанию отрывков, поэтому поймешь, что посылаю я его из-за денег. В них у нас нужда. Надеюсь, что ты постараешься напечатать как можно скорее. Очень прошу не делать никаких изменений и сокращений. Отрывок невелик, займет не более полстраницы. Кроме того, надеюсь на твою внимательность при просмотре корректуры.

Читали мы прошлую литстраницу. Ничего. Очень хорошее одно стихотворение Перегудова. Пиши нам, адрес знаешь.

С товарищеским приветом

Ал. Фадеев.

P. S. Привет кому следует. Где Артем? Собираешься ли приехать?

10. Р. С. ЗЕМЛЯЧКЕ

13 июля 1925 года. Пятигорск

Дорогая Розалия Самойловна!

Очень рад был получить письмо от Вас. Вы спрашиваете, как нам живется? Материально устроились очень хорошо, условия для работы тоже подходящие. Настроение в общем хорошее. Досуг проводим вместе с П. (Он оказался большим мастером играть в мяч и в городки.) Работа наша идет вперед, — конечно, не без перебоев. Уж больно «профессия» наша «эмоциональная», — зависит, так сказать, от «вдохновения». Особенно трудно дается Бусыгину. Он рабочий парень, почти без образования, фронтовик, но дарование у него, несомненно, имеется. Пишет он весьма интересную повесть «Поселок Кремневка», где хочет дать современный рабочий поселок во всем его многообразии. Тут и ленинский набор, рабочая беспартийная масса, и инженер, эволюционирующий в нашу сторону, и лавочник-злопыхатель, и просто мещанство. Несмотря на многие технические, формальные недостатки, вещь эта, по-моему, будет очень интересна: у нас почти нет произведений о современном рабочем быте. Что касается меня, то я сижу над той же повестью, отрывки которой Вы читали. Она разрослась у меня в чрезвычайно большую вещь (аппетит пришел во время еды!), количественно бóльшую, чем две прошлых вещи, вместе взятые. В отношении языка, подачи типов, настроений отдельных героев она, несомненно, является шагом вперед. Это я сам чувствую. Затруднения связаны с областью распределения матерьяла — построения вещи. Тут я слаб. Работать приходится чрезвычайно много. Вообще я убедился в последнее время, насколько все мы, пролетписатели, преувеличиваем свои силы, многие из нас не умеют и не хотят учиться (это как раз то, что в резолюции ЦК названо, весьма справедливо, «комчванством»). На самом деле мы не вышли еще из ученического возраста и ничего еще не умеем. И чем скорее все осознают это, тем лучше будет для пролетарской литературы. Я пришел теперь к этому и решил работать над собой по мере сил и времени. Может, и выйдет что-нибудь путное.

Дорогая Розалия Самойловна! Мне хочется затронуть здесь еще один вопрос из другой области, относительно Вашего настроения и некоторых разговоров, которые мы с Вами вели по части методов Вашей работы (которые Вам кажутся порой «отсталыми»), Вашего «одиночества» и проч. К сожалению, все мы настолько бываем загружены работой, что не можем подчас обменяться хорошим искренним словом, а очень бы нужно. Иногда мы этого просто не умеем. Сколько раз хотелось мне рассказать Вам о том, ни с чем не сравнимом, воспитательном значении, которое имело для меня и для многих, многих других (вспомните Тевосяна, Хвалебнову и многих хороших рабочих, выросших под Вашим руководством уже на моих глазах) совместная работа и товарищеское общение с Вами. В этом отношении я Вам чрезвычайно благодарен, вся эта «учеба» Ваша вошла в плоть и кровь, стала чем-то неотделимым. Ведь многие внутренние процессы и во мне, и в целом ряде товарищей, которых мне приходилось наблюдать, совершались незаметно для Вас, а это было — буквально — рождение и воспитание *большевика*, освобождение его от пут *прежнего воспитания* — остатков мещанства, интеллигентства и проч.

Сколько молодежи благодаря Вам научилось не только понимать, но чувствовать нутром основную сущность партии, ее линию, настроение массы, научилось презирать болтовню, освободилось от идеалистической «революционности вообще», основанной, например, на простом, слепом преклонении перед «авторитетами», часто мнимыми, и заменило ее подлинным трезвым сознанием долга и чувством революционной перспективы в мелочах. Здесь, товарищ Землячка, Ваше не пропадет за Вами, и здесь Вы не одиноки. А это, пожалуй, не такое уж слабое утешение в той временной, надеюсь, обстановке некоторого «отстранения» и одиночества, в которую Вы попали.

Я буду очень рад, если Вы почувствуете за моими словами гораздо больше, чем я сумел сказать, ибо слова эти звучат, может быть, официально и не передают теплого, действительно дружеского отношения моего к Вам. (Да только ли моего?)

Однако я слишком расписался. Прощайте. Желаю Вам как следует отдохнуть во время отпуска. В Мацесту я, пожалуй, не смогу приехать — слишком далеко, а в Кис-

ловодске постараюсь обязательно побывать. (Напишите, когда приедете туда.)

Ребята мои шлют Вам приветы. Имеете ли что-нибудь из Москвы?

Жму Вашу руку.

Ал. Фадеев.

1926

11. Р. С. ЗЕМЛЯЧКЕ

4 декабря 1926 года. Москва

Дорогая Розалия Самойловна!

Всего неделя, как я вернулся из Ярославля, где заканчивал повесть (она выйдет в конце декабря или в начале января, — обязательно вышлю Вам ее), и вот уже погряз в такие неприятные писательские дела, что невольно потянуло Вам пожаловаться. В нашем литературном движении характерным является, во-первых, то, что во всех концах Союза, а особенно в крупных пролетарских центрах, растет прекрасный литературный молодняк (к сожалению, малокультурный, но, к счастью, *сознающий* свою малокультурность и стремящийся преодолеть ее) — это весьма положительный факт, который говорит о том, что *надо* работать на этом поприще, а во-вторых, характерно то, что *в верхушке* пролетарского литературного движения, за исключением нескольких хороших партийных фигур.... находятся весьма и весьма неприятные лица, частью даже совсем разложенные, мало понимающие и партию, и то, что творится в нашей стране. В этом, с позволения сказать, «активе» развиты самые низкие формы сплетни, подсиживания, чванства и прочих «хороших» вещей. Характерно, например, что некоторые из этого «актива» (вроде Б. — старого партийца, давно уже пишущего, но, по-моему, совершенно оторвавшегося от партии) на только что прошедшем пленуме ВАПП свой основной удар сосредоточили на двух рабочих парнях, Полосихине и Горбатове, выдвинутых в прошлом году из рабочих литкружков Москвы и Донбасса. На пленуме меня избрали оргсекретарем. В основном, конечно, я буду

заниматься творчеством — иначе пропадает всякий смысл моего откомандирования с партработы, — но немало времени придется, понятно, уделить организации. Мой план теперь примерно таков: в первую очередь ориентироваться на *крупные рабочие центры;* дать им возможность расти *быстрее* (до сих пор совершенно одинаковое внимание уделялось, например, «Забою» (Донбасс) и какой-нибудь Самарской ассоциации), во-вторых, прощупать на местах и в первую очередь в Москве наиболее талантливых и крепких ребят из рабочих литкружков и лично связаться с ними, помочь им расти, выдвигать наиболее созревших в журналы, и, в-третьих, осуществить наконец тесное сотрудничество с близкими нам попутчиками (Сейфуллина, Леонов, Всев. Иванов и пр.), в первую очередь с крестьянскими писателями, — тогда никакие склоки (и никакая мелочная борьба вообще) нам не будут страшны. Что же касается некоторых наших уже выросших сравнительно пролетписателей, их придется как-то примирять и «согласовывать», хотя очень и очень несимпатичные люди есть среди них.... Конечно, такие авторитетные писатели, как Серафимович, всегда поддержат *здоровую* тенденцию.

Во время пребывания в Ярославле я походил по некоторым ячейкам, был на городском активе, заглядывал также в некоторые рабочие клубы. По-моему, удручающее там положение с партработой. Организация в большинстве мещанская (за исключением большого «Красного Перекопа» — 14 000 рабочих — там *нет* крупных предприятий, но «Красный Перекоп» как-то слабо чувствуется в работе и, уж конечно, не по его вине), какая-то медлительность во всем, в клубах — грязь и мерзость запустения. Очень хорошо работает, однако, кооперация. Секретарем губкома Строганов (может быть, знаете?) — он мне понравился. Говорят, он сормовский рабочий. Там еще довольно сильная фигура зав. агитпропом Колесникова (жена одного из 26 бакинских комиссаров), но с ней мне не пришлось сталкиваться, поэтому не могу характеризовать ее.

Одно, так сказать, «семейное» обстоятельство действует на меня удручающе: во время одной из командировок жены в Москву ее выдвинули на съезде губпроса (т. е. в ее отсутствие) в правление союза — работать завкультотделом. Когда она вернулась, губком понял, что

совершил ошибку: во-первых, из нее такой же завкультотделом, как, примерно, из Ильюши Залкинда заворг губкома, — она совершенно не приспособлена к работе, где нужно хоть что-нибудь организовать; во-вторых, в течение года работы, в повседневных мелочах организационно-административного порядка она, конечно, в значительной мере порастеряет то, что приобрела на ФОНе (Вы сами знаете, как не хватает времени заглянуть в книгу в подобной работе), а это с общественной точки зрения очень нецелесообразно, так как у нее громадные способности педагогические и по части всяких теоретических изысканий в области общественных наук, — через два месяца она уже должна была вернуться в университет в качестве ассистента и, вероятно, вскоре получила бы кафедру, как это принято выражаться на «научном языке». Разумеется, год в губпросе (Вы представляете, что это за нудьга?! Вот бы не хотел быть завкультотделом губпроса!) отбросит ее далеко назад. Для меня же из всей этой истории та прямая «невыгода», что третий год придется жить без жены. Я слабо утешаю себя тем, что подпольщики, сидя в тюрьме, вероятно, и дольше бывали оторваны от семьи. Мария Самойловна говорит, что сейчас ее невозможно отозвать — препятствует какой-то циркуляр насчет выборных должностей.

Вот, Розалия Самойловна, хотя Вы и сомневались, что я напишу Вам, но, как видите, я наболтал Вам целую кучу интересных и неинтересных вещей. Больше новостей у меня нет. Ребят-горняков еще не видел — занят был своим пленумом. В Замоскворечье обещают прикрепить меня к хорошей ячейке. Адски хочется писать — буду продолжать тот большой роман, о котором Вам говорил когда-то; я его все-таки начал летом. Как Вам работается? Что поделывают Ваши меньшевики? Я все-таки надеюсь побывать у Вас на заводе в порядке... пролетписательского любопытства: Радек ругал в «Правде» современных писателей, что они малолюбопытны. Если будет время, напишите о своем здоровье и настроении. Когда будет Пленум ЦКК, очевидно, увидимся.

Желаю Вам всего доброго.

С большущим дружеским приветом

Ал. Фадеев.

1927

12. РОСТОВСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

<Январь — февраль 1927 года>

По поручению секретариата ВАПП обращаюсь к вам с настоящим официальным письмом. Извиняюсь, что задержал ответ на ваше письмо по болезни, тем более что прочие работники ВАПП в истекший со времени пленума период были целиком заняты большой работой по созданию Федерации советских писателей и не могли вместо меня написать этот ответ. Должен, однако, сказать, что, еще лежа в постели, я написал подробное письмо товарищу Бусыгину с объяснением по всем затронутым в вашем письме вопросам, которое просил огласить на РАПП. Остается четыре предложения: 1) либо Бусыгин не получил моего письма, что весьма невероятно, так как письмо послано было заказным на адрес «Советского Юга» — Бусыгину лично; 2) либо Бусыгин не счел нужным оглашать это письмо на РАПП — тогда прошу обвинять в молчании не правление ВАПП, а Бусыгина; 3) либо он оглашал это письмо, но Бюро СКАПП не знает того, что делается в РАПП, так как тов. Ставский неоднократно напоминает нам, почему мы молчим, тогда как мною *послано* письмо члену правления РАПП Бусыгину; 4) либо Бюро СКАПП и РАПП считают это письмо «частным» и поэтому не считают его ответом на свое, но тогда невольно возникает вопрос, с каких пор Бюро СКАПП и РАПП стали сторонниками всяческих бюрократических методов работы?

Тем не менее приходится отвечать вторично. Итак, по существу:

1. Об ошибках «На литературном посту», об отношении к попутчикам и о Федерации советских писателей

Ошибки по отношению к попутчикам, указанные вами, действительно были в «На литературном посту» по № 5 включительно. РАПП помнит, что на эту тему я делал

доклад, и РАПП помнит также, что мы решили тогда не выносить резолюцию по этому вопросу, а подождать, пока я выясню в Москве, как будет обстоять дело с линией ВАПП и с линией журнала «На литературном посту» в дальнейшем и нельзя ли выправить эти ошибки «мирным путем». Письмо РАПП явилось теперь слишком запоздалым, так как, во-первых, редакция «На литературном посту» на пленуме ВАПП чистосердечно признала эти свои ошибки и обещала их исправить; во-вторых, с 7-го номера «На литературном посту» эти ошибки уже не повторяются; в-третьих, на пленуме была исправлена старая платформа ВАПП в направлении сотрудничества с попутчиками; в-четвертых, редакция «Большевика» в № 23—24 признала, что Авербах (редактор журнала «На литературном посту») исправил свои ошибки и подошел к линии резолюции ЦК о художественной литературе (см. статью Авербаха, письмо Ионова и примечание редакции); в-пятых, к моменту получения вашего письма были созданы уже Федерации советских писателей в Ленинграде и в Одессе; в-шестых, Федерация в масштабе РСФСР до пленума ВАПП не создавалась не по злой воле руководителей ВАПП и «На литературном посту», а потому, что не было санкции ЦК ВКП(б) на это, большой политической важности, дело. Наконец, в-седьмых, письмо пришло как раз в тот момент, когда санкция на создание Федерации была получена и было приступлено к ее осуществлению. Информация о ходе наших переговоров с попутчиками послана мной товарищу Ставскому, — прошу его огласить мое письмо на собрании РАПП. К этому письму могу добавить, что уже состоялось учредительное заседание Федерации, избран совет Федерации и бюро. В бюро вошли: от ВАПП — Авербах, Либединский, Фадеев; от Союза писателей — Кириллов, Воронский, Эфрос; от Союза крестьянских писателей — Деев-Хомяковский, Доронин, Замойский. По утверждении Федерации Совнаркомом, нами будет послана об этом подробная информация на места.

В таких условиях опубликование вашего письма, подрывающего теперешнее, в основном *правильное*, руководство ВАПП, послужило бы во вред делу пролетарской литературы и, в первую очередь, сорвало бы дело Федерации.

II. Некоторые практические вопросы работы ВАПП

Внутренняя работа ВАПП до сих пор хромает, так как оргсекретарь Фадеев, кому поручена эта работа, около месяца был болен. Кроме того, сильно влияет полнейшее отсутствие средств.

1) Смета ВАПП на 1926—27 гг. до сих пор не утверждена в Комитете по делам печати, и денег пока не отпускается. Хожу туда каждый день.

2) Резолюции пленума до сих пор не были отпечатаны, благодаря нашей задолженности «Огоньку», печатавшему ранее все наши материалы на стеклографе. Отпечатать резолюции на пишущей машинке раньше чем в месячный срок совершенно не представлялось возможным, т. к. у нас одна пишущая машинка обслуживает три организации (ВАПП, «Октябрь», «На литературном посту»). ВАПП имеет около 100 ассоциаций, литературных кружков, а резолюции достаточно велики. По тем же причинам мы не рассылаем и долго не сможем рассылать протоколы бюро ВАПП.

3) Средств нам будет отпущено очень мало: трудно заранее указать цифру. Для Северного Кавказа на журнал мы просим 1500 рублей на весь год — это максимально, что мы могли запросить. Будет отпущено, конечно, меньше и, конечно, не скоро. Сейчас в кассе ВАПП нет ни копейки. Из этого вы и должны исходить.

4) Журналы «На литературном посту» и «Октябрь» на днях выйдут. Задержка в издании происходит не от нас, а от ГИЗа.

5) Ответственный редактор «Октября» не Лузгин, а Серафимович. Лузгин — его заместитель. Стихотворным отделом ведает Полетаев. Кроме того, в редколлегию входят Полосихин и я.

6) Рукописи северокавказцев мы поделили между мной и Полетаевым и на днях пришлем ответы. В дальнейшем все рукописи прошу направлять на мое имя.

Признавая всецело слабость своей организационной внутренней работы, секретариат ВАПП указывает, однако, на то, что в трех номерах бюллетеня даны самые основные указания на длительный период. Кроме того, мною было послано обстоятельное письмо к докладу о рабоче-крестьянских писателях в Крайком ВКП(б), адресованное Саркису и Ставскому, с рядом основных предложений по

работе СКАПП. Секретариат ВАПП не имеет данных, которые говорили бы о том, что эти указания выполнены хотя бы на 25 процентов, и поэтому, при недостатке наших указаний, налицо еще больший недостаток вашего выполнения. Наша организация почти не имеет аппарата, — он только-только еще начинает складываться, — улучшение нашего руководства, превращение его в повседневное, систематическое руководство — не такое уж легкое и быстрое дело. Пока что многое приходится делать путем личной, полуофициальной переписки, и, разумеется, таким путем трудно обслуживать 4000 членов ВАПП.

Констатируя в общем и целом улучшение работы вашей организации за последнее время, секретариат ВАПП уверен, что ваша организация останется верной опорой пролетарской литературы, развивающейся под лозунгом учебы, творчества и самокритики.

С товарищеским приветом.

Орг. секретарь ВАПП *Ал. Фадеев.*

13. В. П. СТАВСКОМУ

<Январь — февраль 1927 года>

Дорогой Володя!

На большинство вопросов, затронутых тобой, я уже ответил тебе, а также в «официальном» письме к РАПП. Кстати: почему ты так настаиваешь на том, чтобы письма были «за № и с приложением казенной печати»? Сам знаешь, что аппарат у нас маленький, одна машинка на три организации, а местных кружков гибель, приходится поневоле *совершенно официальные* письма писать частным порядком, *лично.* Вполне можешь пришивать их к делу, если требуется. То же насчет того, почему мало экземпляров резолюций. Откуда можем мы их напечатать в стольких экземплярах?! И странно звучит, будто ты должен приплачивать из личных средств, чтобы их размножать, — ведь всегда можно *бесплатно* (как мы и делали раньше) стукнуть экземпляра по три в «Молоте», в «Советском Юге», в Крайкоме — вот и всё. А ведь нам

пришлось бы на машинке, предоставленной нам не больше 2-х часов в день, шлепать несколько сот резолюций! Что касается протоколов, то я с сего числа налаживаю посылку для *нескольких* членов правления из наиболее крупных центров — ты тоже будешь получать. Остальные дела таковы: смета еще не утверждена. Добились только 1000 рублей для себя, на орграсходы, что даст возможность погасить кой-какие долги и выпустить бюллетень № 4.

Сообщи ребятам некоторые результаты по рукописям:

1) Рассказ Кофанова «Капля Солнца» идет во 2-м номере. Другой рассказ на просмотре. Стихи забракованы все.

2) Стихи Каца на просмотре *у Полетаева.* Некоторые он прочел и *не* одобряет, но мы еще поспорим; думаю, что часть удастся пустить в «Октябре».

3) Рукопись Мухина-Молотова нигде *не* обнаружена. Напиши подробно, откуда ты ее извлек и *кому лично дал,* когда был в Москве. При сем прилагаю справку, данную мне из «Октября». Можешь сообщить ему об этом и скажи, что на его *недостойное, комчванское письмо* я отвечать не буду, — таким тоном писать без всяких художественных данных и заведомо *зная,* что руководство «Октября» *коренным образом* изменено теперь и что *я лично* работаю в «Октябре» только с января, — это сплошное безобразие, недостойное *даже* Мухина-Молотова.

4) Возвращаю тебе рассказы «Двое» и «Старый метраппаж», которые забракованы. «Конец Василия Ивановича» принят и утерян, — пришли новый экземпляр.

5) Поэма Серебрянского не принята, признана слабой.

Пусть ребята не обижаются на много отказов. В этом году мы будем подходить гораздо *строже,* только с *некоторыми* очень немногочисленными исключениями для отдельных провинциалов, руководящих местными ассоциациями, чтобы вовсе их не оттолкнуть. По этим соображениям, например, идет рассказ Кофанова, против которого я был, считая его *слабым,* но редколлегия *приняла,* считая, что он (т. е. рассказ) среднехудожественен, т. е. не так уж слаб, и надо его напечатать, чтобы подбодрить Кофанова, тем более что он ждал около года....

1928

14. И. К. МИКИТЕНКО, Г. А. КОВАЛЕНКО, И. Л. ЛЕ, И. М. ЛИМАНОВСКОМУ, В. А. СУТЫРИНУ

<Начало 1928 года>

Тт. Микитенко, Коваленко, Ле, Лимановский, Сутырин!

1. Вопрос о *художественной* платформе ВАПП сводится к тому, чтобы отменить старую безобразную художественную платформу «Октября», принятую на конференции ВАПП в 1925 г., и признать необходимым выработку художественных платформ отдельных национальных отрядов в свете *общей* идеологической линии и тех реальных успехов, которые сделали литературы за эти годы. Наши доклады (Либединского, Ермилова и мой) касаются *русской* пролетарской литературы, оперируют ее материалом, хотя, разумеется, ряд философских теоретических положений докладов — о материалистическом и идеалистическом методах в искусстве, теория «непосредственных впечатлений» и т. д. — применимы в специфическом преломлении ко многим нашим национальным отрядам, в частности к украинской пролетарской литературе и др.

Считаете ли вы *удобным* ставить наши доклады на всесоюзном съезде (разумеется, сделав оговорку, что они относятся к *русской* пролетарской литературе и ставятся в порядке участия и помощи ей других отрядов)? *Или* перенести их на съезд РСФСР, который, вероятно, состоится тут же после всесоюзного (для создания российского центра)?

2. Имеются ли в Белоруссии, на Украине и в Закавказских республиках выработанные *художественные* платформы? Если нет, то предполагаются ли к вырабатыванию, как можно принять участие в этом деле и не имело ли бы смысла заняться этим грандиозным делом в какой-то связи, взаимодействии, взаимопомощи отдельных отрядов, с тем чтобы на ближайшем всесоюзном съезде стояли уже платформы *ряда* национальных пролетарских литератур?

Ал. Фадеев.

15. В. П. СТАВСКОМУ

16 июля 1928 года

Дорогой Володя!

Из твоего большого письма, которое ты послал сразу по приезде из станицы, я понял так, что ты чуть ли не сразу выезжаешь куда-то отдыхать. Поэтому я не торопился с ответом, ожидая нового адреса, а просто распорядился, чтобы Нович устроил тебе рублей 200 из Литфонда или в порядке аванса одного из журналов (Нович временно заменяет секретаря РАПП: дел в РАПП почти никаких, поэтому ты не удивляйся). Несколько дней тому назад я напоминал ему об этом — он сказал, что устроит. Если нет еще практических результатов, ты на всякий случай нажми на него еще раз открыткой на адрес РАПП. Я со своей стороны тоже потороплю его. Несколько ответов на твои вопросы:

1) *О Горьком.* Здесь мы сделали несколько ляпсусов. Не в том дело, что статья Авербаха по поводу Молчанова, а затем его ответ Астрову (а также «Толстой о Горьком») неправильны или неинтересны по существу и не должны были бы быть напечатаны. Нет, они правильны и интересны, и их можно было печатать, но плохо, что, *кроме* них, мы не поместили ни одной развернутой статьи о Горьком, выявляющей *наше действительное искреннее отношение к нему как к большому писателю и ближайшему другу пролетарской литературы.* Лично мы встречались с ним неоднократно и не раз официально приветствовали его от ВОАПП на всяких собраниях. Но для широкой публики, не знающей этого, благодаря односторонности наших статей могло показаться (и показалось), что мы *«против* Горького». Только стесняемся об этом прямо сказать. Ложность такой позиции усугубилась еще тем, что приезд Горького и ряд других обстоятельств вызвали большое оживление среди попутчиков. Причем *правые* стремились использовать и это оживление, и самого Горького в смысле расширения всяческих «свобод и прав». В этих своих попытках они довольно удачно использовали те настроения недовольства по поводу всяческих бюрократических извращений нашего аппарата, сопряженного с литературными делами (Главлит, издательства, редакции журналов — мало ли там ошибок!), а также отдельные факты

заушательства, мещанского приспособленчества под «ультрареволюционным» флагом, — одним словом, использовали те настроения недовольства, которые есть и не могут не быть среди даже очень близких нам попутчиков. Горький пока что не особенно поддается на такие поползновения правых, фактически он продолжает играть весьма революционную роль среди писателей, стоит, так сказать, на *левом* их фланге. С нашей стороны надо было в период этого оживления очень активно выступить *против* всяческих бюрократических ошибок и извращений аппарата, в первую очередь, против собственных, одним словом, умно и быстро *применить лозунг партии о самокритике* к области литературы. Этим мы дали бы недовольству писателей *правильный выход,* показали бы, что с подобными явлениями можно и нужно бороться на теперешней советской почве, а вовсе не путем всяческих «свобод», о которых плачутся *правые,* а попутчикам кажется, что это они о них пекутся! Но мы это прозевали (большинство ребят разъехалось), а вместо того *объективно* ударили по Горькому, хотя совсем и не хотели этого. Это, конечно, *крупный ляпсус.* Недавно мы собрали фракцию, откровенно признались сами себе в ошибке и постараемся наверстать потерянное. В ближайших номерах журнала дадим статьи, характеризующие наше действительное отношение к Горькому, к той роли, которую он играет сейчас в стране. А *основным политическим вопросом* в области литературы выдвинем лозунг самокритики — против бюрократических извращений, против заушательства писателей, против мещанских влияний и приспособленчества под всяческими мнимокрасными флагами — и, конечно, в первую очередь, против всех этих явлений в наших собственных журналах и организациях.

2) Очень рад, что вопрос с твоим откомандированием уже решился. Со своими сомнениями насчет работы (справишься или нет) ты должен покончить. РАПП мало придется заниматься высокой политикой — больше практическими делами: связь с местами, четкость в работе правления, подбор актива и т. п. С этим ты великолепно справишься, а мы поможем.

3) Юрка на днях уезжает в колхоз в Херсонскую губернию, знакомиться с «коллективизирующейся деревней». Леопольд и Володька на Кавказе отдыхают. Селива-

новский в Оренбургской губернии — тоже. Ефремов на даче изучает Маркса. В РАПП мерзость запустения.

4) Мои личные дела таковы. Валя все болела.... 4 дня тому назад ей снова делали операцию. Прошла благополучно. Если не будет осложнений, она скоро поправится. Конечно, я сильно волновался и все эти полторы недели ничего не мог делать. Вообще уж я писал свой роман (движется он очень медленно, хотя получается, кажется, не плохо), написал ответ М. Семенову, — читал ли ты его статью в № 11 «Революции и культуры», где он подло использовал неправленые стенограммы наших докладов на съезде, приписав нам кучу еретических мыслей, которых мы на деле не высказывали. По слухам, под псевдонимом М. Семенова прячется Зонин (вкупе с Виктором Кином). Вот ренегат, а? Не знаю, напечатают ли мой ответ в том же журнале. Сейчас решается моя судьба — заберут ли в *терчасть* или нет (на $1^1/_2$ месяца). Я не прочь пойти, но, кажется, отдел печати Пура считает это нецелесообразным, а хочет заменить специальной переподготовкой при Пуре. Если заберут, то не придется никуда съездить летом. Если нет, то выжду недели 3—4, пока Валя поправится и уедет на курорт, и выеду к вам на Северный Кавказ, месяца на полтора.

Ну, будь здоров. Жму руку. Привет Клаве и всему семейству.

Александр.

1929

16. Ю. Н. ЛИБЕДИНСКОМУ

2 апреля 1929 года

Дорогой Юра!

Получил твое письмо из Днепропетровска и очень посочувствовал тебе, т. к. сам не раз — в той или иной степени — испытывал похожее. Подобные чувства тем острее, чем меньший они получают выход и удовлетворение. Представление же о том, что ты встретил как раз ту, которая наиболее отвечает твоим запросам и потребностям, — это уже просто «надстройка», это внешнее выражение неудовлетворенности данного чувства или той грусти, в которую вылилось в данном случае ощущение

неудовлетворенности. «Искал, дескать, искал и вот нашел и мог бы быть счастлив, но помешали внешние обстоятельства, и вот я несчастлив».

А если бы ты ехал с самым даже любимым для тебя человеком и встретил бы другую, которая так или иначе отвечала бы своим внешним и внутренним обликом каким-то твоим запросам и потребностям, и так же ты знал бы, что уж никогда ее не встретишь, все равно ты бы опечалился, — только уж форма была бы другая: «Конечно, мол, со мной самый дорогой мне человек, но как же прекрасна эта другая, как бы я тоже мог быть с ней счастлив, но, увы, я связан, и я уж никогда ее не увижу», и все равно было бы очень тоскливо....

Это та совершенно допустимая *романтика*, которая сопровождает нас всю жизнь и которая рушится... тотчас же, как только чувство получает удовлетворение. Одним словом, ты не горюй, — еще не раз встретишь похожих, с которыми сопроводит тебя либо удача, и окажется, что это уж не такое счастье (хотя это может кончиться и неплохой совместной жизнью), либо—опять-таки неудача, и ты вновь переживешь несколько тоскливых дней, но останется «хорошее воспоминание», как останется оно у тебя от этого случая....

По тебе я очень соскучился и рад, что мы вместе проведем лето — много у меня раздумий, и по линии творчества, в частности о какой-то общественной *неприкаянности* нашей профессии (нет повседневной связи со всем живым, массовым, что творится вокруг, — кустарное наше дело и много зряшней мышиной беготни! — а потребность в такой связи очень велика, и в то же время и боязно, что отсутствие или слабость такой связи может превратиться в привычку), и по линии отношения к разным людям, и по линии всяких партийных дел. Встретившись, мы, наверно, изойдем разговорами. Кроме того, мне кажется, что, поездив вместе, мы много сможем увидеть интересного и этим возместим то, что теряем, когда сидим за письменным столом.

До 10 июня я буду в Москве, где меня задерживают некоторые неотложные дела по заводской ячейке. Если ты занят в Ленинграде до 7-го, то приезжай, если же еще задержишься, то я могу приехать в Ленинград числа 11-го. Телеграфируй, как это у тебя складывается, или напиши. Но ни в коем случае без меня никуда не уезжай.

Лешка занят новой большой статьей по вопросам культурной революции, и я его почти не вижу. Володя Ставский уехал в Тверь изучать рабочую окраину. Они договорились с Исбахом, который уехал в Коломну, переписываться о ходе социалистического соревнования (Коломна и Тверь соревнующиеся заводы) и потом издать свою переписку. Из этого могло бы получиться нечто очень интересное... Юра! Немедленно телеграфируй, сдал ли Чумандрин в набор свою повесть для отдельной книги или нет. Захваченный множеством больших и малых, нужных и ненужных дел, я успел отредактировать ее только до половины и боюсь, что работаю зря (если он уже сдал), а работа оказалась трудной и кропотливой. Если не сдал, то я ее кончу и вышлю дня через 4, а если уже поздно, так не буду тратить время. Обязательно срочно телеграфируй.

Крепко жму руку и целую.

Александр.

17. Р. С. ЗЕМЛЯЧКЕ

<Декабрь 1929 года. Москва>

Дорогая Розалия Самойловна!

Простите, что я невольно обманул Вас. Я был наездом из дома отдыха ЦЕКУБУ, — сообщение с ним автомобилем и очень нерегулярное. Когда я сговаривался с Вами, предполагалось, что машина пойдет обратно на следующий день, а оказалось, что в этот же, в 8 часов, — я узнал это слишком поздно и не смог поймать Вас по телефонам, чтобы предупредить (а остаться — означало бы, что до новой машины два дня пропадут в Москве). Надеялся было встретиться с Вами в следующий приезд, в среду 27 ноября, но у Вас был выходной день, с квартиры никто не ответил, а к 5 часам я снова должен был уехать. В конце концов решил Вам написать. В дом отдыха загнала меня неврастения в очень острой форме. Объясняется она все возраставшим и все более мучившим меня противоречием между желанием, *органической потребностью* писать, сознанием, что в *этом* состоит мой долг, и той литературно-общественной нагрузкой, которая не дает возможности писать и от которой никак нельзя избавиться. Постоянные скачки — только втянешься

в творческую работу, надо бежать на одно из многочисленных заседаний, или выступать, или просматривать корректуру журналов или чужие рукописи, заваливающие меня, — избавишься от этого всего и с мучительным трудом восстанавливаешь творческое равновесие, но опять нужно в ЦК, в редакцию, в издательство и т. п., — такие скачки́ вконец издергали меня психически. Главное, чувствуешь, что пишешь меньше, чем должно (причем это меньшее дается с большим напряжением), а в общественном отношении тоже работаешь хуже и невнимательнее, наскоком, живой жизни — так сказать, *плоти* строительства, творчества масс — почти не видишь, знаешь обо всем только по газетам, по собраниям ячейки (нерегулярно посещаемым), да по кратковременным выездам для различных выступлений или на местные районные конференции. Горький перед отъездом предупреждал меня самым серьезным образом, что если я не разгружусь и буду дальше жить так, то дело может кончиться просто гибелью дарования, ибо писатель должен работать систематически — нет писателей по одному нутру, без труда и технического совершенствования в своем деле. В конце концов по совету Серафимовича я бросил все дела на том месте, на котором они находились в данный момент, и попросту *спрятался* от всех за городом, — в Москве бываю только изредка, наездом, и чувствую, как под влиянием работы снова бодрею.

Через две недели сдаю в «Октябрь» вторую часть «Последнего из удэге» и одновременно 1-й том романа (из 2-х частей) сдаю в типографию для отдельной книги. 2-й том (фактически уже написанный) думаю приготовить к печати — в «Октябре» и для отдельной книги — в течение ближайших $1^1/_2$ месяцев. Но... на душе у меня все-таки *не* спокойно, потому что невозможно все время жить в доме отдыха, потому что я знаю, что меня ищут в РАПП, ищет Халатов, ищут мои редакции (в «Октябре» я прозевал недавно идеологически двусмысленный рассказ А. Платонова «Усомнившийся Макар», за что мне поделом попало от Сталина, — рассказ анархистский; в редакции боятся теперь шаг ступить без меня), слабое мое участие в работе заводской нашей ячейки, которого я не могу сейчас усилить, тоже мне не по нутру. (Я чувствую в ячейке какое-то неблагополучие: важнейшие вопросы тянутся по неделям, не будучи разрешены; недавно — это

было в конце Пленума ЦК и Вас не было на этом собрании — стоял вопрос о внутрипартийном положении и чувствовалось, что в части ячейки есть скрытые правые настроения; один товарищ (О.) более или менее ясно их даже высказал, а со стороны всего собрания чувствовалась какая-то пассивность; может быть, *слаб* все-таки Г.? может быть, лучше был бы, например, К.? или все дело в том, что неблагополучно у них *на производстве* и надо где-то решительно ставить вопрос *о снятии И.?*

Беспокоит меня также то, что в создавшихся условиях, когда положение на литфронте довольно острое, сил наших еще мало.... Может быть, нельзя совсем бросать это? Значит, придется, возвратившись в город (это будет через 2, максимум через 3 недели), снова впрягаться в литдела и, значит, вновь узаконить тот поистине *рабский* темп своей *творческой* работы, который на фоне гигантского строительства, развертывающегося по всей стране, недопустимо жалок, — ведь попросту ничего существенного не успеешь написать, а ведь *именно писанием* я смогу наибольшую пользу принести партии. Обрабатывая «Последнего из удэге», я фактически уже *весь полон «Провинцией»,* думаю только о ней. Жизнь внесла в этот роман «поправки», которым можно только радоваться — величайшее колхозное движение и индустриализация, — от старого замысла остались только *фигуры-типы,* фактическое же обрамление их, поле их деятельности, развитие их невероятно углубляются и расширяются. Когда я все это успею сделать?! Какие условия, *формы* работы (в смысле сочетания писательской и общественной работы), наиболее правильны, благоприятны, партийно целесообразны здесь? Сколько ни думаю над этим, прихожу к выводу, что *мне нужно вовсе на год, на два уехать из Москвы* (конкретно — на Северный Кавказ, в связи с «Провинцией») и вообще больше жить в провинции, больше *смотреть,* больше участвовать в строительной работе, преобразующей страну. Но как это сделать? Я знаю, что вся наша организация будет решительно против моего отъезда. АПО ЦК, вероятно, тоже будет против такого *длительного* отъезда. С другой стороны, не встречусь ли я в провинции с меньшим *пониманием* значения моей *писательской* работы (помните, как относились к писателю на Северном Кавказе все, кроме Вас и Микояна), не получится ли так, что меня тоже чрезмерно нагрузят там чем-нибудь

посторонним? Когда Вас уже не было на Северном Кавказе и я работал в отделе печати Крайкома, меня выдвинули еще редактором «Советского Юга». Я, мотивируя тем, что пишу роман («Разгром»), просил не давать этой добавочной нагрузки, но Чудов стал кричать, что ежели партия потребует, то можно и *«бросить романы»*. Как будто я писал себе в забаву! Как будто на место писателя так же легко найти заместителя, как на место редактора! Обо всем этом я хочу посоветоваться с Вами и, если потребуется, просить Вашей помощи в деле отъезда (может быть, Вы сведете меня с Андреевым, чтобы он обеспечил мне возможность основной моей работы, когда я буду на Кубани?). Если ЦК не будет возражать, я выеду туда незамедлительно после возвращения из дома отдыха.

Простите еще раз, что невольно обманул Вас тогда по телефону и что занял собой такое длинное письмо, отняв у Вас время. Всегда с любовью и благодарностью вспоминаю о Вас.

Ал. Фадеев.

Привет Марии Самойловне.

1930

18. Ю. Н. ЛИБЕДИНСКОМУ

30 января 1930 года

Дорогой Юра!

Рукопись «Рождения» с твоими исправлениями пришла, к сожалению, уже после того, как последняя корректура повести в «Октябре» была сдана, — поэтому эти исправления смогут попасть только в отдельное издание. Завтра Ступникер высылает тебе ту, первую твою рукопись, где я делал все исправления, чтобы ты, получив корректуру от «Московского рабочего», смог эти мои исправления учесть, — просмотреть их сам и принять или отвергнуть те или иные из них. Их, ты увидишь, не так уж много. Они идут по трем линиям: 1) стиля (в узком смысле) — укорочение и оглаживание некоторых фраз и выражений, 2) сокращение некоторых рассуждений голо-публицистического характера и 3) выбрасывания некоторых, казавшихся мне надуманными или лишними, психологических деталей.

На исправлениях этого последнего типа я хотел бы здесь остановиться в связи с некоторыми мыслями, которые меня сейчас занимают. Ты помнишь, что, критикуя в свое время «Поворот», я говорил тебе, что, на мой взгляд, там есть излишек детальной, иногда мельчайшей психологизации (например, в обрисовке Ольги и в других местах), который — плюс излишек рассуждений и объяснений в «Повороте» — делает вещь статичной, это во-первых, а во-вторых, превращается в нечто самодовлеющее, интересное само по себе, но не необходимое для обрисовки характеров в свете основной идеи. В «Рождении героя» — вещи, мне, в отличие от «Поворота», очень нравящейся и, с моей точки зрения, лучшей из тобой написанного, этих недостатков гораздо меньше. Но они тоже есть, причем в том варианте, который ты читал самым первым, их было меньше, чем в том, который ты сдал в «Октябрь». Приведу некоторые примеры.

Неестественно, лишне и надуманно (не вообще, а в *контексте* повести), что Шорохов после того, как ночью ему вспомнилась жена и он назвал ее уменьшительным именем, *после* того уже сознательно он вызывает в памяти ее и ее имя и *от этого* делается ласковее с товарищами и, разговаривая в учреждении с Эйдкуненом, опять вызывает: «Таля... Талюшка...» Для Шорохова, человека несозерцательного, естественно обратное: выключение *всего* этого плана (Люба, жена, дети) во время его работы. Ты же повторяешь эту деталь, чтобы усилить, подчеркнуть внутренний конфликт у Шорохова, но этого не требуется, т. к. это уже и без того ясно, а впоследствии подчеркивается детьми. Я оставил только то, как он вспоминает о том, что Люба сегодня устраивает вечеринку. Больше никакой детализации, никакого объяснения не требуется. Шорохов не может быть *совершенно* лишен рефлексии. Но у него должно быть *меньше* рефлексии, чем ты ему навязал. Так же лишне, когда в другом разговоре с Эйдкуненом (кстати, в рукописи, сданной в «Октябрь», всюду было Эйднунен, — я думал, что ты *изменил* фамилию, и не исправил этого), когда в другом разговоре, — кажется, когда опрашивают Соловьева, — Шорохов вспоминает ночного Эйдкунена, который ему что-то запретил, и отмахивается от этого. *У Шорохова* в *этом* контексте не должно быть *такой* рефлексии. Ты ее пришиваешь для увязки конфликта Соловьева с внутренним

конфликтом Шорохова, но этого не требуется, т. к. эта увязка дана самим *содержанием* обоих конфликтов. Вот такие и подобные детали у тебя разбросаны по всей вещи в целом (не портя ее, но засоряя и замедляя ее). Просмотрев последний твой экземпляр, я заметил, что ты сам многие из них выбросил (в некоторых местах последовательнее, чем на это решился я). Надо сказать, что некоторые такие вещи я заметил у себя в «Последнем из удэге» — в свое время некоторые из них ты мне сам указывал, — и я беспощадно их теперь вымарал. Вымарывал я у себя не только такие, которые художественно фальшивы, но и такие, которые правдивы, но не обязательны — вообще всякий «психологизм» *самодовлеющего* характера. *Такой* психологизм чужд нашему методу.... Давая отпор схемкам Лидии Тоом и Бека, нам нужно отгораживаться и от перегибов в *другую* сторону — от такого психологизма, который есть у Ивана Макарова, например. Если в первый период, когда мы боролись (внутри пролетарской литературы), главным образом, со схемой и со штампом, мы с радостью отмечали в таких, например, произведениях, как «Преступление Мартына» и «Наталья Тарпова», все то, что шло *против* схемы и штампа, — то на данном этапе полезно и в какой-то степени *отгораживаться* от них, не соглашаться, когда их метод *отождествляется* с нашим, ибо у них, действительно, есть элементы самодовлеющего психологизма. В интересах чистоты того метода, который мы выковываем, надо драться на *два фронта,* ибо в нашей организации много такого народу, который, начиная писать органически (что очень хорошо), обнаруживает склонность в сторону психологических излишеств или в сторону «душеустрояющих» психологических характеристик... а их всех отождествляют с нами.

У некоторых глубоко наших ребят, как Миша Чумандрин, в процессе их учебы тоже налипают — в противовес их основной установке — ненужные, иногда просто надуманные психологические подробности в действиях, чувствах и мыслях героев (например, в «Бывшем герое»), ибо, стремясь учиться по нашим платформам, они не всегда понимают и чувствуют, что нам не всякий психологизм нужен, что психологизм *сам по себе* — это, вообще говоря, скука.

Раздумывая над этим, я пришел к выводу, что, не насилуя себя, нам — тебе, мне, Вале, Маркуше — нужно все же помнить об этом и в собственном творчестве. Я перечитал ряд произведений под этим углом зрения. «Разгром» *в этом отношении* был «идеален» — там почти всё соподчинено основным социально-индивидуальным характеристикам — основной идее. В «Удэге» при общем углублении я увидел много психологических излишеств. Ты не можешь себе представить, сколь стало его веселее читать, когда я их сейчас изъял.

Меня поразило, как в этом смысле *блестяще* — очень экономно, строго — написаны Валины «Сестры» и «Индивидуальное воспитание» Маркушки. «Поворот», которого я давно не перечитывал, вновь подтвердил для меня, что кроме *не движущегося через людей, а привносимого* тобой философствования там есть много не подчиненного основной идее психологизирования — часто очень интересного самого по себе, но (с точки зрения нашего метода) ему (методу) противостоящего. С точки зрения воспитания нашего молодняка статья Григорьева просто вредна. «Поворот» надо было подвергнуть усердной самокритике.

Я очень устал в процессе писания этого письма и уже не смогу написать ни о чем другом. Много работаю сейчас над «Удэге». Очень скучно жить одному. Волнуюсь за Валю.

Крепко целую ее, тебя и Анну Сергеевну.

Саша.

19. А. В. ФАДЕЕВОЙ

24 мая 1930 года

Милая и родная мамуля!

Мне не удается повидаться с тобой и написать тебе потому, что я обязан кончить к 1 июня первый том «Последнего из удэге». Это последний срок, который мне дали, но дело даже не в этом, а в том, что у меня немало долгов издательствам, и если я не кончу к 1 июня, нам всем не на что будет жить... Послали меня на конференцию ЛАПП в Ленинграде — я пробыл там 8 дней, — вернувшись, позвонил тебе на службу, но ты оказалась выходная, а у меня предстояло два заседания, и ночью я должен был приготовить статью об итогах конференции для «Литгазеты».

И вот, почти не спав ночь, сейчас еду опять в Узкое, т. к. сегодня 24-е, а мне еще очень много нужно написать. Я действительно гораздо больше загружен, чем ты можешь себе представить, и из-за этого приходится мало писать, а ведь это у меня единственный источник средств существования... Поэтому ты прости меня, что я тебе не пишу и не еду к тебе. Я тебя люблю и помню — да и как же может быть иначе — дай только разделаюсь с романом.

Крепко, крепко тебя целую.

Саша.

Мой адрес: Москва, 17, почтовое агентство «Теплый стан», санаторий «Узкое» (это по Калужскому шоссе).

1931

20. В. М. САЯНОВУ

3 марта 1931 года

Дорогой Виссарион!

В оставшихся от старой редакции «Красной нови» материалах я обнаружил стихи «Присказка» и «Надпись на книге поэта-символиста». Срочно напиши — напечатаны ли они где-либо уже и можно ли их использовать? Необходимо вообще твое постоянное сотрудничество в «Нови» — стихами, прозой, статьями. Не можешь ли прислать что-либо в ближайшее же время? Пиши на редакцию: Старо-Панский, 7.

Привет!

Ал. Фадеев.

21. А. С. СЕРАФИМОВИЧУ

3 апреля 1931 года

Дорогой Александр Серафимович!

Рад был получить твое письмо, хотя, судя по письму, ты находишься во взволнованном состоянии, т. е. радоваться как бы и нечему. Но я был рад, что ты все-таки написал мне, так как я считал, что ты на меня в страшной обиде (и, главное, имеешь для этого основания), а сам я захворал — только сегодня встал с постели — и не мог написать тебе первый.

Надо сказать, что ты неправильно считаешь меня человеком обидчивым, — я бываю иногда вспыльчив, но обидчив — никогда. К сожалению, люди имеют больше оснований обижаться на меня, чем я на них. Думаю, что здесь ты ошибся. Случай, указываемый тобой (по времени приезда Горького), — это ошибка: вероятно, я был усталый, рассеянный, как возбужден чем-нибудь, но обиды на тебя у меня никакой не было, да и за что? Обидно было, когда ты ушел из «Октября», но это — своеобразная «обида» (было ясно для меня, что журнал уйдет в руки Панферова, но тебя я совершенно понимал и внутренне оправдывал) — это уже не «обида», а просто жалость, что расстраивается дело, — это нисколько не изменило моего отношения к тебе. Скажу больше, — ничто и не изменит. Ибо симпатии и привязанности мои (прочные) зиждутся на понимании, уважении и любви к *основному, определяющему* в человеке, на знании, что, каковы бы ни были его поступки, они не выйдут за пределы этого основного и определяющего, ибо человек этот *таков* и таким я его принимаю. А случайные недомолвки, обиды, шероховатости — это же пустяки.

В данном же случае *я* был перед тобой виноват (невольно, правда), и вот в чем: «Литгазету» я давно уже не читаю (чтобы не злиться регулярно в пятидневку из-за ее мерзости) и твоей заметки и ответа Колесниковой не читал. Когда ты позвонил мне, я не мог и предполагать, что по этому поводу.

Так как ты время перенес, и в 5 часов в *этот* день у меня при всем желании не вышло, то я уехал к себе домой — а живу я теперь далеко в лесу, в Сокольниках. И хотя я помнил, что есть другой срок, завтра в 2, но начал с утра писать, да и решил не выезжать из дому и два дня просидел в Сокольниках, надув не только тебя, но сорвав много назначенных встреч и даже заседание редколлегии «Нови».

Потом я, конечно, звонил ежедневно на Трехгорный, и в Дом Советов, да ничего не выходило.

Прошло несколько дней, прихожу как-то на фракцию РАПП, и там обсуждается твое заявление о выходе из РАПП. Тут я ознакомился со всеми матерьялами и понял, что искал ты меня в связи с *этим* делом и что мой неприход приобрел, таким образом, общественный характер. Мое мнение на фракции было таково: во всей истории винова-

ты мы, руководство РАПП, — почему? Потому что настоящее, внимательное товарищеское отношение к старому пролетарскому писателю, у которого учатся и еще будут учиться, должно было бы выражаться в том, что именно *мы* должны были бы дать внимательного и умного *редактора* его сочинений, поручить лучшему критику *нашему* предисловие, найти *своего* добросовестного комментатора. В конце концов, это *обязанность* нашей организации. В конце концов, это прежде всего *в ее интересах.* А раз мы не занимаемся, то, кроме нас, некому, и за дело берутся Фатовы, Нерадовы и т. п. люди, которые *субъективно* делают это добросовестно, старательно (иначе бы им и жить не на что было), но *объективно* — это приспособленцы, жуки и просто мелкие люди, у которых (только дело выйдет за пределы комментария) сейчас же упрощенство, глупость, политическая безграмотность.

Что касается Колесниковой, то она может делать кучу ошибок, глупостей, несознаваемо-бюрократических в том числе, но человек этот в издательском деле не случайный и человек свой, преданный, политически выверенный. Скажу без преувеличений: на фоне современного ГИХЛа это самая умная и «светлая» голова при всех ее недостатках. И дело так получилось: с сочинениями твоими была волокита (вначале, конечно, не по ее вине), — наконец, взялся Нерадов, тебя он удовлетворял (потому что никого больше не было, а примечания он делал добросовестно, и дело двинулось), но Колесникова знала его прошлые «художества» в ЧИП'е, его карьеризм, приспособленчество, интриганство и считала своим общественным долгом его «истребить», а ты, справедливо рассерженный всей волокитой, ГИЗ'ом, невниманием, РАПП'ом, избрал ее как мишень для распутывания этого образовавшегося вокруг твоих сочинений идиотского бюрократического узла, да *так* и огрел (ведь надо учесть, что ты известный всей стране Серафимович, а она никому не ведомая Колесникова), что ведь это для нее жизненное потрясение (а для тебя — при всей важности дела — только эпизод). Конечно, ей надо было — раз уж ты согласился на Нерадова — не трогать его, но ведь он писал в предисловии невероятно упрощенские вещи. Виноваты, конечно, *мы,* что допустили до такого состояния. На фракции все уныло с этим согласились (согласились, потому что — *правда,* а уныло — потому что у нас таких (и еще бо́льших)

прорывов много, а силенки наши ты сам знаешь: все перегружены и издерганы). Но раз уж инцидент произошел, то решили его как-то ликвидировать и избрали Селивановского и... меня для переговоров. Дело было позднее, я не возражал, а втайне решил — поручения этого *не выполнять*. Потому что мне глупо быть *посредником* между РАПП'ом и тобой, так сказать Главноуговаривающим от РАПП'а при тебе, потому что я люблю и тебя, и РАПП самих по себе и каждого по-своему и именно поэтому не гожусь в дипломаты между вами, а по существу — *свинство* со стороны РАПП, когда *он виноват* во всем, использовать личные твои хорошие отношения ко мне с тем, чтобы я отвел в землю тот гром, который предназначается на его спину. Видишь ли, я сам в течение многих уже недель подумывал о выходе не из РАПП (РАПП — это политическая, а не только литературная, исторически сложившаяся боевая организация рабочего класса, и выходить из нее нельзя ни мне, ни тебе — это возрадует только *классового врага*), а думал я о выходе из *Секретариата*, ибо работать там не имею возможности, а отвечать за его дела приходится, а работает он *не так* и делает *не то*, что нужно сейчас. Дело не в Авербахе одном — работает он безумно много и приносит больше пользы, чем вреда (ты не преуменьшай его роли: «боятся» его только дураки и приспособленцы, а большинство его уважает на самом деле, ибо он заслужил этого; конечно, его часто, очень часто надо поправлять, — и такие ребята, как Киршон, Ермилов, Либединский, Сутырин частенько поправляют его), — дело в нашей *системе* работы, которая не приспособлена никак к работе с писателем. Мы меньше всего занимаемся *писателем* и *литературой*, как это ни смешно, и, чтобы исправить это, нужен целый переворот. А так как я человек сам пишущий и сильно занятой, то возглавить этот переворот не могу — остается только злиться да исправлять частности. Но все-таки я решил не выходить из Секретариата. Ведь это значит умыть руки, снять с себя ответственность, а ведь это негоже, особенно в период такой ожесточенной борьбы в стране, в условиях всяческих трудностей. Работников мало, а дело новое, а время суровое, — приходится уж отвечать и за победы и за поражения, и за достоинства и за недостатки. Обо всем прочем поговорим при встрече — сообщи, есть ли у тебя в Доме правительства телефон, как можно с тобой созвани-

ваться, когда ты бываешь в Москве. Меня всегда можно поймать в редакции «Красной нови» с 2-х до 4-х (5-63-12). Завтра я уже думаю выходить (у меня ангина была).

Прошу на меня не серчать. Может быть, сообщишь открыткой, когда будешь в Москве, я зайду.

Крепко жму руку.

Ал. Фадеев.

P. S. Написал целое послание. Боюсь, разберешь ли мой почерк.

А. Ф.

P. P. S. Лучше бы нам прокатиться на моторной лодке, чем переписываться по этому поводу.

22. А. М. ГОРЬКОМУ

30 июня 1931 года

Дорогой Алексей Максимович!

Мне сказали, что Вы рекомендовали прилагаемую статью для перевода. Он сделан. (По-моему, не очень хорошо, но это можно поправить.) Матерьял показался мне интересным и полезным. Однако мне сказали в Международном бюро революционной литературы, что автор этой хроники — фигура социал-фашистского толка. Следовательно, его можно напечатать, только выругав его самого, покритиковав неправильное, что есть в его хронике, и мотивировав, почему, однако, мы считаем целесообразным опубликовать этот матерьял в нашей печати — что в нем полезного *для нас*. Верно ли, что Вы рекомендовали этот матерьял? Верно ли, что Бертран де Жувенель — социал-фашист? Не могли ли бы Вы сопроводить его статью своей заметкой (вроде предисловия или введения), чтобы не было у читателя недоумения, зачем мы печатаем социал-фашиста. Мне лично материал этот кажется интересным по следующим линиям:

1. Довольно выпукло (хотя и бегло) набросаны фигуры представителей французского реализма, могучей «школы», у которой многие из нас хотели бы учиться и учиться, и — что *особенно* важно — показано их исключительное отношение к своей работе, как к *труду* — тяжелому и правдивому труду.

2. Это интересно и в историко-литературном плане, тем более что дано в живой форме. Надо, чтобы у нас больше знали о Флобере, Золя, Доде, Гонкурах. Писатели эти очень много дают и должны дать еще больше всей нашей пишущей молодежи. Я был бы очень благодарен Вам, если бы Вы исполнили мою просьбу.

С приветом

Ал. Фадеев.

P. S. Я очень хотел бы повидаться с Вами, но прохожу сейчас военную переподготовку (это проделывают у нас периодически для политсостава и командиров времен гражданской войны) — освобожусь только к 1 августа.

23. А. М. ГОРЬКОМУ

21 июля 1931 года

Дорогой Алексей Максимович!

Посылаю Вам первую книгу «Последнего из удэге», как обещал.

Я забыл поговорить с Вами об одном деле, которое поручено мне редакцией «Нови»: просить Вас дать Вашу новую пьесу (или, по крайней мере, отрывки из нее) в «Новь» для напечатания. Возможно ли это?

Статья Бертрана де Жувенеля (о свидании четырех) печатается в 8-й книге.

С горячим приветом

Ал. Фадеев.

24. А. Н. ТОЛСТОМУ

17 августа 1931 года

Алексей Николаевич!

Письмо Ваше, адресованное товарищу Анову (от 8 августа), удивило меня до крайности. Вы, совместно с Сухотиным, предложили редакции «Записки Мосолова», обязавшись представлять материал в определенные сроки. Вещь эта всем нам крайне не понравилась, написана она — Вы сами это знаете — чрезвычайно неряшливо, бег-

ло, безыдейно, читать ее можно с любого конца. Но, во-первых, не нам судить Вас — старого опытного писателя, а во-вторых, журнал наш, где совсем недавно сменилась редакция, находится в таком положении, что не может пока что печатать только такой материал, который ему нравится и который действительно находится на высоте, — материала, попросту говоря, не хватает. Поэтому мы согласились на Ваше предложение и приняли «Записки Мосолова».

В результате, Вы нам давали через час по столовой ложке этой скучной и кислой микстуры (уверяю Вас — и Вы опять-таки сами это знаете, — что никакой принципиальной разницы между главами, написанными Вами, и главой, написанной Сухотиным, *нет*) — так или иначе, мы уже обязались перед читателем, — и вдруг (в силу причин, которые никому не интересны, так как они имеют отношение к Вашей с Сухотиным *личной* биографии, но никакого отношения к художественной литературе) повесть мы обязаны прервать.

Ваше письмо, разъясняющее дело, приходит уже тогда, когда последний номер *сверстан*, то есть тогда, когда уже ничего изменить нельзя без материальных убытков и длительной задержки номера. Единственный выход для нас — написать конец первой части. Мы это и сделали. Зачем же громкие и фальшивые слова о пролетарской художественной литературе и т. п.? Благодарите бога, что я (вопреки моим привычкам) ограничиваюсь только этим письмом, но стоило бы Вас высмеять на весь Союз Советских Республик.

Ал. Фадеев.

25. А. М. ГОРЬКОМУ

<До 8 сентября 1931 года>

Алексей Максимович!

Говорят, Вы 16-го созываете редакцию издания «Истории г[ражданской] в[ойны]». Боюсь, что я числа 8—9-го уеду на юг (очень устал и похварываю). Я пробуду на юге не больше месяца. Над историей буду работать очень интенсивно (и как писатель, и как организатор) по приезде. Очень хотел бы до отъезда повидаться с Вами и переговорить обо всем.

Ал. Фадеев.

26. В. В. ВЕРЕСАЕВУ

<1931 год>

Уважаемый товарищ Вересаев!

Не буду говорить Вам о том, какой интерес для современного читателя имеют Ваши воспоминания. Но мне кажется, их нельзя печатать без исправления ряда ошибок (в той области, которая является и сейчас чрезвычайно актуальной, имеет и сейчас боевое значение).

Мне кажется, ошибки эти таковы:

1. На странице 5-й Вы даете неверную характеристику марксизма, недиалектически отрывая производственные процессы от субъективной деятельности, от человеческой практики: получается какой-то *лежачий* марксизм, *пассивный* марксизм.

2. Ваша оценка легального марксизма (в частности, Струве — бывшего короткий срок попутчиком марксизма, теперь белогвардейца и эмигранта) недостаточно сурова. Вы *недостаточно* дифференцируете легальную и революционную струю в марксизме.

3. Совершенно не подчеркнута огромная роль *Ленина* как в борьбе с народничеством, так и с легальным марксизмом.

4. Есть элементы идеализации Михайловского и всей среды эпигонов народничества (несмотря на известное разоблачение их во второй половине отрывка).

Мне кажется, ошибки эти затемняют и искажают действительный смысл идейной борьбы того времени. А ведь на опыте этой борьбы учатся сейчас целые поколения, учатся миллионы.

С приветом

Ал. Фадеев.

1932

27. А. М. ГОРЬКОМУ

14 марта 1932 года

Дорогой Алексей Максимович!

Давно все собирался написать Вам, но жил в такой суете и передрягах, — боялся — выйдет формально. Прежде всего большое спасибо Вам, хотя и запоздалое, за

письмо в Гагры. Настроение, о котором рассказывал Вам Авербах, у меня действительно было, но это было — так, раздумье, — им я и поделился только с Авербахом. И оно очень скоро прошло — по тем же соображениям, какие Вы изложили в письме: Вы совершенно правы. Создание пролетариатом своего и нового в области искусства сопряжено с не меньшими трудностями, чем в остальных областях. И немало охотников предложить более «легкие» дорожки — или ползти на брюхе перед старым (вместо критического *хозяйского* усвоения его и преодоления для подъема на более высокую ступень) — или писать поверхностные стишки и очерчочки «на злобу дня», *выдавая* их за самоновейшее, передовое и пролетарское. Но на «легких» дорожках этих ничего действительно нового и своего и действительно большого не создашь. Если под мусором групповых склок и литдрязг (да позволено будет произвести такое слово) прощупать *основу* современных литературных разногласий, то довольно ясно видно, что идет борьба со всеми и всяческими любителями легких дорожек. Уклониться от этой борьбы, хотя бы и под предлогом весьма благородным — ухода на иной фронт, непосредственно партийной работы или хозяйственной, когда есть внутреннее сознание, что наиболее полезен будешь именно в *этой* борьбе, — это, конечно, спасовать пред трудностями, сдаться. Этого я, разумеется, не сделаю, и очень рад Вашей поддержке — особенно потому, что она идет от Вас. Особенно же обрадовало меня Ваше письмо потому, что Вы правильно оценили Авербаха. Признаться, я боялся, что некоторые его внешние манеры — известная его крикливость и элементы «ячества», в которых, однако, больше биологической любви к жизни и ребячества, а корыстного не больше, чем во всех людях, — оттолкнут его от Вас. Но Вы оценили его правильно. Он — прекрасный товарищ, в литературе работает не случайно, предан этому делу, и работа его исключительно полезна. Вся наша рапповская группа состоит из людей очень разных — и по социально-бытовым навыкам в прошлом, и по психологическим особенностям, — притирались мы друг к другу с большим скрипом, с драками и поножовщиной, и притерлись потому, что достигли общего понимания того дела, за которое взялись. Судя по тому, что другой такой группы в литературе нет (я говорю о ее обширности, спаянности и преданности делу), и судя по тому, что

молодые, здоровые и талантливые кадры, особенно из рабочих, тянутся к нам (несмотря на наше исключительное неумение работать), — дело наше *правое;* а это еще больше укрепляет и спаивает нас. Конечно, и партия именно поэтому поддерживает нас, хотя и ругает за неуменье. И хочется, чтобы Вы тоже как-то приняли и полюбили нас (если можете).

Я живу сейчас на даче под Уфой — много пишу (самому пока что нравится то, что пишу, а это дает хорошее настроение), катаюсь верхом и на лыжах, пью кумыс. Кругом дремучие снега и целыми днями солнце. Пестует меня Мотя Погребинский, — Вы его знаете, — человек, которого я очень люблю. Несмотря на его внешнее «чудачество» (он любит прикидываться простаком, но это в нем бескорыстно, вроде игры), он человек незаурядный, талантливый и очень добр — в самом конкретном и не пошлом смысле, т. е. не бескостно добр. Работа его с «ворами» и беспризорными — лучшее подтверждение этого. Были недавно в башкирском театре. В громадном помещении, построенном Аксаковым, ходили очень веселые башкиры и башкирки, чувствовавшие свое несомненное право гулять и смеяться в этом здании. Пьеса — о вредительстве на одном башкирском меднеплавильном заводе. Трактовка очень упрощенная и схематичная, но все доведено до такой наивности и примитивности, что приятно и весело смотреть. Автор — в прошлом батрак, а теперь председатель Башкирского ЦИКа, — смотрел свое детище наивными глазами и был, видно, рад, что все это сам придумал, вызвал к жизни весь этот веселый маскарад и грохот. Главную роль — старого крестьянина, открывшего ценные месторождения руды, которые хотят скрыть вредители, а крестьянина сжить со света, — играл глухой старик-башкирин, в прошлом уральский рабочий, 25 лет участвовавший в любительских башкирских спектаклях, теперь заслуженный артист республики. Играл, надо сказать, очень талантливо, — публика, все больше молодежь, яростно хлопала: нет никаких сомнений, что молодежь эта той породы, которая будет сама великолепно добывать и плавить руду, читать прекрасные книги на башкирском языке и писать пьесы гораздо лучше этой.

В числе зрителей сидела молодая башкирка из деревни с грудным ребенком, — ребенок никак не мог уснуть от грохота на сцене, она его тут же кормила то левой, то

правой грудью, но так и не ушла до конца пьесы. В общем, все было очень здорово, почище всякой эпохи Возрождения. Здесь я перечитал «Клима Самгина» — раньше читал по журналам с большими промежутками и, как выяснилось, пропусками. О впечатлении во всем объеме, конечно, не скажешь в письме; но это произведение — исключительной мощи: и темперамента и ума. Крючков говорил мне, будто Вы считаете первый том тяжеловатым, но это — напрасно. Говорю не только по личному впечатлению и даже не только по впечатлению моих товарищей, принадлежащих к квалифицированному и искушенному читателю, но и по отношению к этой книге передовых рабочих. Я много лет прикреплен к ячейке завода имени Калинина (металлический завод б. Доброва и Набгольц) — там есть читательский актив, с которым я близко связан: все прекрасно всё понимают; те, кто менее привык к серьезному чтению, жалуются на медлительность в самом начале, но после Ходынки втягиваются и уже не ропщут. Это подтверждение того, что книга интересна не только от ума, но и непосредственно — по силе изобразительности. Сам я перечел ее в несколько залпов и, пока читал, не мог делать перерывов, чтобы писать самому, — не писал два дня. Неужели Вы все это перевидали и переслышали? Даже страшно делается. Конечно, это не только об интеллигенции и даже не столько о ней, сколько о жизни страны — огромной, богатой, нищей и талантливой, полуазиатской страны — за сорок лет. Всё — от крестьян, подымающих колокол и громящих амбар, от жалкого царя, от Ли Хунг-чанга, до играющих в революцию, эстетствующих, чудаковствующих, богоискательствующих и прочая и прочая болтунов и просто обывателей, до бессмысленно талантливых буржуев и небуржуев, до подымающихся рабочих масс и организующих их подъем большевиков, — все, все в целом дает исключительно монументальную, цельную и правдивую картину. И трудно представить себе какую-либо иную форму, кроме той формы своеобразного жития, какую вы избрали, чтобы вместить все это. После прочтения делается мрачновато, — много жестокости и много противных людей, но мрачноватость эта — не обезволивающая, а наоборот — подымающая и озлобляющая; очень скоро начинаешь чувствовать себя так, словно все в мире стало ясней и сам ты стал более вооружен. Ясно, что *так* жить дальше было

совершенно невозможно, ясно, почему именно в *этой* стране первой произошла революция, и хочется успешно двигать ее дальше — это основной, разумный и эмоциональный вывод. В общем, исключительно здорово, и хочется по прочтении сказать автору что-нибудь очень ласковое.

Крепко жму Вашу руку. Будьте здоровы и веселы. Привет всем Вашим.

Ал. Фадеев.

P. S. Когда приедете? Очень хочется поехать с Крючковым встретить Вас, но боюсь, что не пустит «Удэге», которого я еще не кончил, а начал уже печатать в «Красной нови». Зря начал, но скучно стало, что долго не печатаюсь.

А. Ф.

28. А. М. ГОРЬКОМУ

1 апреля 1932 года

Дорогой Алексей Максимович!

Получили ли Вы мое письмо через Крючкова?

Мне хочется еще о «Климе Самгине». Несколько мыслей, — простите за их разбросанность. Мне кажется, огромной Вашей художественной *победой* является то, что вы достигли того, к чему, собственно, и должно стремиться искусство, — сказали некоторые важнейшие вещи в полный трубный голос. Под этим я подразумеваю не просто художественно правдивое писание и не те обобщения, которые даются через рассуждения, хотя бы и очень умные, — когда важнейшие генерализационные узлы удается подать через показ самой живой ткани и плоти жизни — во всей силе, полноте, цельности, бесстрашии. Такие места обладают большой весомостью, наглядностью, возвышаются, как монбланы, и освещают всю остальную ткань произведения. Наиболее сильными *для меня* являются, во-первых, завершающие первый том и бросающие свет на дальнейшее — необыкновенно бесстрашно и жестоко поданная Ходынка и следующая вскоре за ней Нижегородская выставка, квинтэссенция огромного талантливого труда миллионов народа, с выступающими на ее фоне жалким, гнусным улыбающимся царишкой, ки-

тайцем Ли Хунг-чангом, которого только и не хватает для полного выражения азиатчины, и ватной игрушечной старушкой с ее богатырями, поданной Вами с исключительной силой ласковости. Во-вторых — образ Марины и вся сцена радения, наиболее полно освещающие — российскую многомиллионную, скованную и уродливо направленную *буслаевщину*, понимаемую не как простое озорство и бахвальство, а именно как не находящую выхода, изуродованную *мощь жизни* и прежде всего огромных сил и талантов миллионов народа. Как хорошо, что возле эдакой мощной бабищи лепится Серафима Нехаева и всяческие полоумные. Это было показано Вами в десятках образов и явлений, но нужны были именно образ Марины и сцена радения, чтобы вновь осветить и *соединить* это в сознании читателя и вновь и вновь обратить его чувства и помыслы против сил, единственно виноватых в эдаком уродстве и искажении. При непосредственном чтении мне было показалось, что *этот* образ Марины недостаточно подготовлен ее предыдущим показом, но теперь я вижу, что так и надо было, это — очень правильно и умно. На фоне говорунов и позеров, распустивших павлиньи хвосты, жила себе здоровая баба, била кулаком по ладони и говорила: «да, я — баба, баба» — и ничем не была примечательна для них, кроме своего здоровья, да вдруг и начала выделывать всяческие штуки. И когда эдакий павлин увидел себя рядом с этой хотя и изуродованной, но подлинной силой, вдруг и обнаружился просто перепуганный господин в клетчатом пиджачке, с клиновидной бородкой, жалкий и пустой, как выеденный стрючок. Вот уж чего были действительно лишены эти хорошие господа! И очень умно и не случайно, что Кутузов таки поспал с этой бабой и что Клим невольно и потом сопоставляет эти два образа. Нисколько не сомневаюсь, что Вы с такой же полнотой и силой покажете, что именно Кутузову и людям его складки, их словам и делам, оказалась под силу огромная мощь миллионов — и не одной страны! — ибо именно они соединили величайшую почвенность, бесстрашный размах с самой передовой, прямой и бесстрашной человеческой мыслью и опытом освободительных движений миллионов всего мира. То-то удивятся и завоют хорошие господа! (т. е., собственно, уже завыли!). Марина — балующийся щенок рядом с эдакой мощью. Вы знаете, даже весело делается сознавать такие штуки.

Очень хорошо Вы написали 9-е января, но мне показалось, что там нет *цельного нарастания,* а некоторая раздробленность (все это, разумеется, по сравнению с изложенным выше, а не само по себе). Может быть, с недостаточной полнотой водружен Гапон? Не мало ли одного того собрания (перед 9-м января), на котором был Клим (или, вернее, не мало ли Вы остановились на этом собрании?). Конечно, Гапон — пешка, но тем более его бы выточить для контраста с теми силами, что он поднял?

А может быть, я недостаточно вчитался, — тогда плюньте на эти рассуждения.

Люди — теперь, когда повесть отодвинулась, — почти все (вплоть до эпизодических) стоят в памяти. Не упоминая уже сказанных, — Варавка, Лютов, Безбедов, дьякон, Лидия, Нехаева, Дронов, Митрофанов, Анфимьевна (да всех не перечислишь!) поданы исключительно, можно их пощупать и пофилософствовать с ними. Замечательна сцена, когда Шалянин поет в ресторане среди всей этой сволочи «Дубину» (тоже буслаевщина!). А до чего выразительны людишки в поезде (в третьем томе), когда Клим едет из Москвы обосновываться на Марининых хлебах! Сам же Клим — это *монументальный ультрасредний.* Пропустить всю страну через глаза эдакого ультрасреднего — это действительно надо придумать.

Вещь Ваша, Алексей Максимович, *гениальна* в самом простом и полном смысле этого слова. Вы как-то говорили, что требуется синтетическая вещь о *нашей* эпохе. Помнится, Вы сказали: «вроде как «Колокол» Шиллера для своей». Нет, «Колокол» — чепуха, бренчанье. Синтез нужен такой, чтобы соединял всю полноту реалистического анализа и показа всего многообразия и пестроты действительности. Для эпохи, подготовившей нашу, это осуществлено в «Климе Самгине».

Желаю Вам и дальше такого же могучего здоровья и вспрыскиваю его, за неимением других напитков, хорошим крепким кумысом.

Привет всем Вашим.

Ал. Фадеев.

P. S. Живу по-прежнему у Моти.

Он шлет вам всем приветы, — очень много работает и не шибко-то здоров.

Искренне делается обидно, когда тонет Борис Варавка. «Мальчик-то все-таки был» и очень, очень славный.

29. А. М. ГОРЬКОМУ

25 июня 1932 года

Дорогой Алексей Максимович!

Очень прошу Вас выкроить время и побеседовать с тов. Тагировым — башкирским писателем, о пьесе которого я Вам писал как-то в письме в Сорренто. Он пишет уже около 20 лет, подпольщик, в настоящее время работает председателем Башкирского ЦИКа, а по линии литературной — председателем оргкомитета башкирских советских писателей. Среди тюркских народов СССР имя его известно и за пределами Башкирии. Пьесы его ставятся в Татарии, Крыму, Узбекистане, Астрахани и т. п. Ему очень хотелось бы повидаться и побеседовать с Вами. Одну из его вещей, о пугачевщине, переведенную на русский язык (к сожалению, довольно плохо), я в настоящее время редактирую, чтобы напечатать в русском журнале.

Леопольд, Луговской и я живем очень дружно и все очень много работаем. Настроение у нас довольно бодрое.

Из Москвы идут всяческие кислые известия о литературных делах, но, должно быть, это неизбежно на первых порах, а в конечном счете все будет к лучшему.

Сейчас, когда видишь, что не только у нас, но и в других областях искусства и в научных областях происходит такая же реорганизация более или менее замкнутых коммунистических организаций в более широкие, с вовлечением широких советских кадров, — начинаешь понимать политический коренной смысл всего этого и ужасно делается обидно, что в своей литературной области мы не нашли в себе достаточно ума и понимания, чтобы самим начать этот поворот и возглавить его: все проходило бы с меньшими накладными расходами.

Очень огорчило меня то, что Вы не имели возможности ни в Сорренто, ни тем более здесь работать дальше над «Климом Самгиным». Сколь ни важно все то, что Вам приходится делать сейчас, все же, думается, *первое* важнее, потому что этого никто и никак не сможет выполнить, кроме Вас: на романе этом могут и будут расти и воспитываться целые поколения.

Что, если бы Вы немного тряхнули плечами и сбросили бы с себя всяческую заседательскую суетню? Просто грустно, что дело обстоит так, как оно обстоит.

Желаю Вам крепкого здоровья и дозволяю себе изъясниться в любви к Вам и к большинству того, что Вы создали, и обнимаю Вас. Привет всем Вашим.

Привет от Леопольда, Луговского и Герасимовой.

Ал. Фадеев.

30. А. В. ФАДЕЕВОЙ

25 июля 1932 года

Задержал ответ на твое письмо от 29/VI, так как получил его в день отъезда по башкирским районам и уральским заводам, — вернулся только вчера. Поездка была исключительно интересна, — удалось побывать в башкирских кантонах: Стерлитамаке, Аврене-Петровском, а также на Белорецком металлургическом и сталепроволочном заводах и в Магнитогорске. Мы ездили все время на машине, сделали свыше 1000 километров, проехали почти весь Южный Урал. Очень красивая природа, отчасти напоминающая Уссурийский край: крутые перевалы (местами приходилось автомобиль подталкивать руками), хвойные и лиственные леса, горные реки, скалы. Всюду чувствуется, как сильно изменилось лицо страны. Особенно сильное впечатление произвел Магнитогорск — город, выросший в степи, с передовой машинной техникой. Я получил от Клавы письмо от 9/VII, из которого узнал, что деньги мои она аккуратно получает и что мое письмо и наша с Володей молния дошли до нее. После отпуска она на работу не возвращается. Бориса ожидает в августе и предполагает, что им удастся перебраться в Москву. Я думаю, что нам остается только ждать. Несомненно, что перебираться в Москву им есть прямой смысл. Если Борис успеет приехать до мобилизации, которая бывает в октябре, то он попадет в Балтийский флот и будет навещать нас все время своей военной службы: от Ленинграда до Москвы одна ночь езды. В смысле постоянной его «мирной», так сказать, работы, конечно, он вполне может устроиться здесь, а также и Клава. Ведь они оба имеют специальности, на которые теперь большой спрос. Если

эта их постоянная работа будет и не в самой Москве, то, во всяком случае, не за тридевять земель, как сейчас, — можно будет видаться, списываться и т. д. Разыскалась ли Нича и где она? Есть ли у нее квартира? Может быть, есть смысл ей жить пока в Сокольниках? Переезжай-ка лучше ты туда, — по крайней мере, отдохнешь. Если соберешься переехать, телеграфируй, я вышлю деньги. Сейчас не решаюсь, т. к. не уверен, не уехала ли ты уже в Москву. Поправилась ли Таня и где проводит отпуск?

Насчет критики нас, бывших работников РАПП, ты права, что эта критика частенько носит групповой характер, но это неизбежный «накладной расход» перестройки и, в конечном счете, не опасен: важно, что решение ЦК в основе правильно и своевременно! Постепенно все образуется.

Крепко целую тебя, Таню и Нину. Пишите.

Саша.

31. А. М. ГОРЬКОМУ

25 августа 1932 года

Дорогой Алексей Максимович!

Возмутительно обстоят литературные дела. Возмутительно не то, что оргкомитет ничего не делает, программы работы не дает, погряз в дрязгах и сплетнях и все еще живет на «проработке» (отвратительное слово в применении к идейной борьбе) бывшей РАПП, — это вещь вполне ожиданная и «естественная», — *возмутительно поведение многих бывших рапповцев, моих единомышленников.* Из этого круга надо исключить большинство литераторов, занятых в области *самого* художественного слова, ибо поэты, драматурги и прозаики (Шолохов, Либединский, Афиногенов, Луговской, Колосов, Чумандрин, Караваева и т. д. и т. п.) занимаются именно тем, чем они заниматься *должны* (особенно после того, как многих из них зачислили только в администраторы и в политики, а из разряда литераторов вычеркнули). С разной степенью дарования и умения, но уже этой осенью и зимою — поэты, прозаики и драматурги бывшей РАПП дадут изрядную продукцию и тем оправдают свое существо-

вание на земле. Но весь критический и организаторский фланг (из которого я в данном контексте исключаю Авербаха, ибо его положение особое) ведет себя возмутительно — критики ведут себя как *обыватели и литературные банкроты.* Эти люди, а их в руководстве РАПП было немало, их наберется всех десятка два (назову «виднейших»: Селивановский, Серебрянский, Макарьев, Корабельников, Трощенко, Коваленко, Буачидзе) далеко не безразличны для меня, со многими из них я соединен годами совместной борьбы и дружбы, — некоторых из них Вы тоже знаете и, по моим впечатлениям, относитесь к ним хорошо, и это дает мне возможность писать Вам о них вполне правдиво, ничего не умалчивая, — но пришло время, когда все они повернулись с несколько «неожиданной» стороны и глубоко возмущают меня. Судите сами. Люди эти — занимали руководящие посты в литературных организациях и в журналах, поучали писателей пролетарских и попутнических, произносили речи, «воспитывали» ударников, «соломонничали» направо и налево, называли себя ячейкой ЦК в литературе, и что же? Как только их сняли с их «постов», ни один из них, буквально *ни один,* не написал *ни* одной критической строчки ни об одном писателе, не написал *ни строчки* в защиту ряда коренных, важнейших, принципиальнейших установок и положений бывшей РАПП, справедливых и для нового этапа, нуждающихся в дальнейшем развитии и углублении и подвергающихся ныне самым несправедливым нападкам. Не сделано ни единого шага в сторону товарищеской работы с писателями по внутренней, творческой и идейной организации их. Единственный *Ермилов* работает — и хорошо работает в этом направлении. Нет ни единой попытки пересмотреть старый опыт и подвергнуть критике то, что устарело или было ошибочно. Происходит отвратительное хождение по литературным задворкам, собирание слухов, варение в собственном соку, ожидание банкротства оргкомитета и — никакого дела. И естественно, в широких кругах писателей, оставшихся, в буквальном смысле слова, без призора, создается впечатление об этих людях как людях прежде всего не храбрых, в идеи свои слабо верящих и советскую революционную и пролетарскую литературу по существу *не любящих....* Я писал всем этим товарищам (адресовал Макарьеву) письмо об этом, месяца два назад, — откли-

ков никакейших. Авербах находится в положении архиневыгодном (ему-то как раз следовало бы помолчать известный срок!), и, однако, он вынужден *сам* вновь ввязываться в драку, а вся «могучая когорта» критиков молчит, как будто воды в рот набрала! Приходится мне в ближайшее время бросить свой роман, который находится на половине, и ехать в Москву — писать статьи и организовать людей, хотя по существу (если бы люди, которым прежде всего надлежит заниматься литературной теорией и критикой, не оказались *растерянными обывателями и банкротами*) следовало бы прежде всего закончить роман. Такова горькая действительность. По моим ощущениям, этого *банкротства* большинства рапповских критических кадров Авербах в полной мере не понимает, а между тем это так: за четыре месяца, истекших со времени решения ЦК, не сделано и не написано никем из них *ничего,* что могло бы внести хоть какую-нибудь линию, ясность, оздоровление, творческую атмосферу в литературную среду. Позорно, но факт. Я очень боюсь, что долголетняя дружба, то, что среди этих людей немало лично симпатичных, и то, что они делают вид, будто они по-прежнему верны и стойки, мешает Авербаху понять все это (хотя я не раз разговаривал с ним на эту тему) и он будет придерживаться этих кадров — вместо того чтобы искать и идейно организовывать новые, беспрерывно растущие молодые писательские и критические кадры. В ближайшие дни засяду за статью, в которой попытаюсь изложить и защитить то *основное и главнейшее* в работе и установках бывшей РАПП, что оправдано и продолжает оправдывать себя.... подвергнуть критике то, что устарело и оказалось ошибочным, и наметить хоть какую-нибудь программу деятельности. Откладывать роман, который не имел возможности из-за перегрузки писать в прошлом, не хочется буквально до слез, но не вижу никакого другого выхода. С этой статьей приеду в Москву и попытаюсь сделать кое-что практически — по объединению писателей и оздоровлению обстановки. Терпеть дальше существующий маразм было бы просто непартийно, да и мочи нет.

Авербах пишет: «Ребята настроены *по-боевому*». Грош цена боевому настроению, которое не реализуется в дело! Да и не верю я больше в их «боеспособность» — срок для проверки был достаточен. Он сам настроен по-

боевому, вот ему и другие кажутся такими. Если Вы найдете целесообразным ознакомить Авербаха с этим моим письмом, я буду только доволен, это заставит его резче поставить вопрос перед «настроенными по-боевому ребятами» и выдрать с них хоть клок реального дела. Однако достаточно об этом. У меня есть одно предложение к Вам: не поддержите ли Вы идею издания еще одной серии для молодежи, серии книг (название для нее я еще не придумал) *об условиях жизни, роста и формирования рабочего и крестьянского подростка при капиталистическом строе?* Вы знаете, что таких книг у нас мало, а те, что есть, затерялись в общей массе плохих и хороших книг. Между тем важность и значение такой серии для нашей молодежи доказывать не нужно.

Я думаю, если не подходить с требованиями высокой художественной формы, а только с требованием жизненной правды и живости изложения, можно было бы издать хорошую серию — книг 15, — которая показала бы: 1) как эксплуататорский строй, сделавший своим знаменем индивидуализм и трубящий о «свободе личности», на деле губил и калечил миллионы личностей эксплуатируемых классов; 2) как вырастали революционеры из рабочих и крестьян в условиях старого общества (процесс освобождения от пут религии, от мелкобуржуазной ограниченности, появление революционного сознания и т. д.; 3) как, несмотря на условия чудовищного гнета (и в борьбе с ним), пробивались на свет таланты из рабочих и крестьян. Я приведу Вам (без соблюдения порядка издания, который, я думаю, должен быть хронологическим) примерный список книг, подлежащих, на мой взгляд, включению в серию. Прошу Вашего совета, если идея кажется Вам приемлемой, — что нужно вычеркнуть, а что дополнить. Те книги, которые, возможно, не попадались Вам на глаза, я сопровождаю краткими комментариями.

1. *Шаповалов* — «По дороге к марксизму».

2. *Вольнов Ив.* — «Повесть о днях моей жизни».

3—4. *Горький* — «Детство» и «В людях».

5. *Канатчиков* — «Из истории моего бытия».

Это почти единственная книга, где говорится о превращении юноши-крестьянина в рабочего, а потом в революционера.

6. *Тачалов* — «Мрачная повесть».

7. *Горячев* — «Черные дни».

Эта книга, потрясающая по содержанию, была очень скверно издана ГИЗом в году 25-м и прошла совершенно бесследно. Жестокие условия жизни в деревне толкают парня в город, но у него нет паспорта, и его возвращают по этапу, подвергают порке и т. п. Он все-таки вырывается, но попадает в новую кабалу и зависимость и в итоге — искалечен душевно и физически.

8. *Свирский* — «История моей жизни».

Здесь можно взять только первую книгу о детстве и отрочестве. Подросток в условиях двойного гнета — классового и национального.

9. *Черненко* — «Расстрелянные годы».

Мальчик — сын грузчика на Волге. Эпоха 1905 года. Пробуждение революционного сознания.

10. *Демидов* — «Жизнь Ивана».

11. *Дж. Лондон* — «Мартин Идэн».

12. *Петцольд* — «Суровая жизнь».

13. *А. Попп* — «История одной работницы».

Если включить в серию и то, как формировались революционеры из среды интеллигентов — пролетариев и разночинцев, можно добавить ряд книг — воспоминаний старых большевиков и роман *Л. Никулина* «Время, пространство, движение», который он печатает сейчас в «Красной нови». Может быть, можно пополнить всю серию за счет еще некоторых классических произведений русской и иностранной литературы, которые более подходят сюда, а не к «Истории молодого человека XIX столетия», но мне как-то не приходят на ум такие. Напишите, что Вы думаете на сей счет.

Желаю Вам всего доброго. Останетесь ли в Москве до 15-й годовщины? Привет всем Вашим.

Ал. Фадеев.

P. S. До нас дошли слухи, что Вы заболели. Надеюсь, нет ничего серьезного? Но я почему-то уверен, что Вы всё выдюжите. Хорошо было бы, если бы Вы сократили выступления и вновь занялись Климом Самгиным.

А. Ф.

32. А. М. ГОРЬКОМУ

18 сентября 1932 года

Дорогой Алексей Максимович!

Это письмо Вы, вероятно, получите ко дню сорокалетия Вашей литературной деятельности. В этот день, помимо ряда полезных и необходимых вещей, люди будут напоминать Вам с приятными лицами, что вот Вы пишете уже 40 лет, т. е. что лет Вам уже немало, и это последнее обстоятельство, как я понимаю, не будет доставлять Вам большого удовольствия. Тем не менее решаюсь влить в эту бочку меда с дегтем и свою долю этой смеси, ибо — что ж поделаешь — факт остается фактом, а потрудились Вы в своей жизни на славу, а трудиться Вам еще придется много, а работоспособность у Вас чудовищная, а я Вас очень люблю и не могу не выпить за Ваше здоровье добрую чару кумыса. Кроме того, я думаю, что помимо того огромного революционного и художественно-воспитательного значения, которое имеет эта годовщина для рабочих и колхозников, есть нечто безусловно замечательное в том, что страна социализма именно так отмечает своего художника. Ибо вопреки тому, что и до сих пор многие «попуты» в тайне души думают, что буржуазия, может быть, лучше и выше ценила искусство, чем рабочий класс, — вопреки этому буржуазия эта самая со времен эпохи Возрождения, когда она (буржуазия) была в добром соку, в сущности, все последующее время держала большое искусство на задворках, развивая ежегодно скучную шумиху вокруг премий малоинтересным писателям и людям. Да и шумиха-то эта была — для горстки. Ваш юбилей — это репетиция к тому, как будут миллионы любить и уже любят искусство и своих художников при социализме. И я очень рад и за социализм, и за искусство, и за художников и с любовью приветствую Вас.

Письмо я Ваше получил и очень благодарен. «Злая муха», укусившая меня, это — беспокоящее ощущение и понимание того, что в нашей так называемой литературной общественности есть некоторое недомогание, объясняемое отсутствием руководства. В этом, мне кажется, большая доля вины лежит на людях, которых партия — не по месту, на которое они были поставлены и

с которого сейчас удалены, а по существу — для этой цели воспитывала. И то, что, уйдя с этого места, они как-то перестали болеть за литературное дело и стараться направлять его, меня искренне огорчает. Следовательно, не в тяжелом грехе неделания вообще могу я обвинять и Макарьева и других, о ком писал Вам, а в специфическом неделании ничего в *той* области, где бы они и по полученному ими кой-какому опыту, и по собственным претензиям, и по необходимости самой обстановки обязаны были бы работать *более* активно и преданно. А так как я никогда не в состоянии был освободиться от чувства своей внутренней ответственности за дело, в котором приходится работать, то я невольно подумываю о других людях, которых наша жизнь выдвигает в литературу довольно щедро и которые могли бы работать лучше, чем отпадающие. Воспоминание же о том, что отпадающие очень многое и с хорошими лицами в свое время обещали и декларировали, а потом об этом забывают, действует на меня, как красная тряпка на быка. Вследствие этого я наметил уже четыре длинных и скучных, но, как кажется, «правильных» статьи, из коих две уже написал, — статьи, за которые на меня, очевидно, начнут вешать всех собак, но которые, возможно, кой-кого и объединят и организуют. Роман же я, действительно, не брошу, хотя в начале октября и собираюсь в Москву, где хочу пробыть до 15-й годовщины. О серии книг, про которые я Вам писал, поговорим при свидании, — дело это меня давно занимает. Живущие со мной — Герасимова, Луговской и некая молодая композиторша Чернова, жена Луговского, — с энтузиазмом приветствуют Вас.

Всего Вам самого доброго.

Ал. Фадеев.

1933

33. АНДРЕЮ БЕЛОМУ

<30 июня 1933 года>

Уважаемый Борис Николаевич!

Как Вам отдыхается, как работается?

Тов. Гронский болен, в отпуску, и я решил написать Вам это коротенькое письмо, чтобы Вы не думали, что

мы Вас забыли. Напишите, когда можно Вас ожидать в Москве. Это нужно нам для того, чтобы знать, в какой форме мы можем привлечь Вас к работе по подготовке съезда.

С товарищеским приветом

Ал. Фадеев.

34. А. М. ГОРЬКОМУ

<Июнь — июль 1933 года>

Дорогой Алексей Максимович!

Несколько вопросов и предложений к вам:

Первое — 15 июля мы созываем совещание председателей оргкомитетов республик и областей по вопросу подготовки к съезду.

По-моему, совершенно необходимо, чтобы Вы выступили на этом совещании и поговорили с товарищами, руководящими литературным делом на местах.

Второе — мы хотим выпустить к съезду сборник статей и материалов по основным вопросам литературной работы — в том смысле, как мы договаривались во время собеседования с Вами.

Необходимо предварительно посоветоваться с Вами о характере и плане сборника и необходима Ваша статья руководящего характера.

Третье — мы поручили группе товарищей договориться с Домом ученых о встрече литераторов с учеными. Хотелось бы согласовать с Вами содержание этой встречи и просить о Вашем согласии участвовать в ней.

Четвертое — очень хотелось поговорить с Вами об альманахе «Год шестнадцатый», об «Истории гражданской войны» и о некоторых вопросах, связанных с моей личной литературной работой.

Поэтому я очень прошу Вас принять меня, если возможно, еще до 15-го.

Желаю Вам доброго здоровья.

Ал. Фадеев.

35. Г. М. КОЗИНЦЕВУ И Л. З. ТРАУБЕРГУ

31 июля 1933 года

Дорогие товарищи!

Сценарий Ваш, несомненно, один из самых интересных за последнее время. Зная Ваши предыдущие работы, я представляю себе, что на экране все это выйдет у Вас еще интереснее и талантливее. И вообще говоря, я очень рад, что Вы перешли к подобного рода тематике. Но мне кажется, Вам нужно еще серьезно поработать над ним, и вот по каким линиям:

1. Еще и еще подумать над тем, как углубить и индивидуализировать основной образ большевика, ибо он все-таки только намечен. Вы можете возразить мне, что он развернется в последующих сериях. Но, по-моему, он уже здесь должен быть таким, чтобы зритель его лично полюбил.

2. Вы недостаточно показываете ту́ черновую, организационную, идейно-воспитательную, пропагандистскую работу большевиков, которая в соединении с подлинным революционным размахом отличала их от всех и всяческих фразерствующих партий. Целый ряд внешне-героических моментов, иногда просто трюков, при помощи которых Вы характеризуете революционные столкновения, возможны и характерны не только для большевиков, но еще в гораздо большей степени для эсеров.

3. Очень однообразными чертами даете Вы жандармов, полицию вообще. Они у Вас как в схематических произведениях — только морды бьют. Вспомните все богатство характеристик, которые имеются, скажем, в «Климе Самгине» для всей этой сволочи.

Очень жалею, что не могу в письме сделать ряд конкретных замечаний по сценарию, которые идут, главным образом, по линии надписей и разговоров.

Крепко жму руку!

Ал. Фадеев.

36. М. А. ШОЛОХОВУ

21 августа 1933 года

Дорогой Миша!

В бытность в Москве Н. Шенгелая — он сказал мне, что вы будете работать вместе над экранизацией «Поднятой целины». Это сообщение меня очень заинтересовало. Дело в том, что сейчас по почину и нашему и киноработников совместная работа писателя с режиссером входит в моду. Так, например, Ю. Либединский работает с М. Калатозовым, Б. Лапин — с Эсфирью Шуб, я — с А. Довженко и т. п. Для того чтобы осуществить такой контакт, пришлось преодолеть немало косности, и сейчас на подобного рода совместную работу смотрит, можно сказать, весь кинематографический мир: выйдет ли что? Собравшись в Москве, мы, инициаторы этого дела, — Ю. Либединский, М. Калатозов, А. Довженко, Н. Шенгелая, я и т. п. — взяли на себя своего рода коллективную ответственность за работу каждой из групп. К этому делу мы хотим привлечь и тебя. Специально пишу тебе это письмо для того, чтобы ты занялся работой над картиной вплотную. Н. Шенгелая — очень талантливый режиссер, но организовать весь огромный материал, которым он будет располагать, работая над «Поднятой целиной», ему будет очень трудно без твоей помощи. А хочется, чтобы картина вышла по-настоящему хорошей. Чтобы не получилось того, что было с «Тихим Доном», а у меня с «Разгромом», — примеры прошлого опыта, которыми оперируют противники совместной работы писателя с режиссером. А между тем мне кажется, что мы совместными силами могли бы двинуть дело развития советского кино и тем премного помочь советской власти. А то последнее время просто смотреть нечего.

Как идет твоя работа над второй книгой «Поднятая целина» и пишешь ли дальше «Тихий Дон»? Подай весточку о себе.

Жму крепко руку.

А. Фадеев.

37. С. М. ЭЙЗЕНШТЕЙНУ

22 августа 1933 года

Дорогой Сергей Михайлович!

Я очень жалею, что мне не удалось до Вашего отъезда ближе познакомиться с Вами и поговорить с Вами о Вашей работе в кино, которую я оцениваю исключительно высоко.

У меня создалось впечатление — может быть, неправильное, — что на Ваше творческое самочувствие влияют толки и пересуды кинематографических и «околокинематографических» людей о том, что вот, дескать, Эйзенштейн «замолчал», «новых картин не дает» и т. п.

Мне кажется, что Вы должны совершенно спокойно относиться к подобного рода разговорам, ибо, как мне известно, все эти годы Вы не прекращали своей работы, которая у такого крупного мастера, как Вы, связана с постоянными поисками нового. А в таких случаях (не мне Вам это говорить) не всегда сразу дается в работе то, что нужно. Здесь важно только, по-моему, не поддаться голой форме, которая, ежели с ней экспериментируешь, начинает довлеть сама по себе и превращаться в тормоз.

Сейчас меня очень интересует задуманная Вами новая работе о Москве. Я не могу сказать Вам, с какой радостью я принял бы участие в этой работе, ибо не сомневаюсь, что это очень много дало бы мне именно потому, что тот путь, которым я иду в области литературы, очень мало сходен с тем путем, которым Вы идете в кино. Мне хотелось бы как-то поближе связаться с Вами. Мне говорили, что Вы не прочь были бы поработать с писателем. Я посоветовал бы Вам связаться с Павленко. Он — писатель безусловно талантливый и в работе — человек организованный, а главное — умный. В такой совместной работе важно, чтобы писатель, работающий с тем или иным режиссером, мысленно мог «переходить» на его творческие позиции, для того чтобы помочь ему осуществить замысел в соответствии с *его* индивидуальностью. В этом отношении я мог бы быть Вам хорошим помощником, но, к сожалению, собственная литературная работа и работа совместно с Довженко, которая меня очень увлекает, ли-

шает меня этой возможности. Однако, если бы Вы привлекли меня в какой-то степени к работе над сценарием и вообще познакомили бы меня с Вашей работой, я был бы Вам глубоко благодарен.

Мне хочется еще раз сказать Вам о том, что Вы исключительно много дали для советской и мировой кинематографии и, несомненно, дадите еще больше. Поэтому Вы должны бодрее смотреть на вещи.

Крепко, крепко жму Вам руку.

Ал. Фадеев.

38. Э. И. ШУБ

24 сентября 1933 года

Дорогая Эсфирь!

Пишу, зная, что это письмо или не дойдет до тебя совсем, или дойдет месяца через полтора. Сидим в Николаевске-на-Амуре, куда прилетели на самолете, — над совершенно дикими и дьявольски красивыми местами мы летели! — а завтра отъезжаем морем во Владивосток. Все, что здесь, в крае, творится, настолько необыкновенно, — не похоже ни на что российское, — что писать об этом в письме — это профанация, это почти невозможно. На этом материале можно делать *десятки* сценариев и романов, но факты действительности бьют всякий вымысел. У нас головы распухли! Мы уже говорили с Довженко, что отразить Дальний Восток хорошо можно было бы, работая *твоим* методом, опираясь только на факты, и жалели, что тебя нет с нами. Как-то ты поживаешь, черняввая? Мы частенько вспоминаем о тебе и говорим: «Вот она будет смеяться, когда мы ей об этом расскажем!» Ты не унывай от тяжестей жизни, друг мой!

Крепко жму руку и обнимаю тебя.

А.

Из Владивостока напишу тебе подробней обо всем.

39. В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ТИХООКЕАНСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ»

<Сентябрь 1933 года>

Дорогие товарищи!

Излагая содержание нашего с вами собеседования (см. № 189 от 11 сентября), вы допустили ряд неточностей:

1. Сучанский поэт Костя Рослый никогда не сотрудничал в дореволюционном владивостокском журнале «Великий океан». До революции он изредка печатался во владивостокских газетах. Талант его расцвел уже после революции, особенно в период партизанского движения, активным участником которого был Костя Рослый.

2. Журнал «Творчество» выходил не до революции, а в 20-м году под редакцией Чужака. Именно вокруг него группировались поэты Третьяков, Асеев и др.

3. Григорий Отрепьев никогда не работал в «Творчестве», а был амурским красноармейским писателем (периода 20—21 годов). Стихи его печатались в красноармейских газетах, а пьесы ставились в красноармейских клубах.

4. В 1920 году весной я участвовал в переброске военных грузов на пароходе «Казак Уссурийский» не по р. Амуру, а по реке Уссури.

5. В период организации комсомольских ячеек я сделал 250 верст на лодке не от Джалинды до первого железнодорожного пункта, а от места слияния Шилки и Аргуни до Джалинды, откуда идет ветка на станцию Рухлово Амурской железной дороги.

6. Вы написали о том, что «Союз рабочей молодежи» в г. Владивостоке в период первой советской власти (1917—18 годы) находился под влиянием анархистов. Это верно. Но не только анархисты влияли на него, а и большевики. В тот период это была организация гораздо более революционная, чем «Союз учащихся», в котором состоял я (в «Союзе учащихся» было наше левое революционное крыло и правое, буржуазное, меньшевистское). Многие из членов «Союза рабочей молодежи» очень скоро стали большевиками, так же как и наше левое крыло «Союза учащихся» скоро стало большевистским.

А. Фадеев.

40. Э. И. ШУБ

14 ноября 1933 года

Милая Эсфирь!

Посылал тебе уже несколько писем и телеграмм, но получила ли ты их — не ведаю, ибо лазим мы по таким дебрям, откуда, по-моему, никакие письма не доходят и дойти не могут. Вот тебе беглое изложение нашего маршрута: Москва — Хабаровск, из Хабаровска поездом в Биробиджан и — на машинах — по еврейским колхозам. Далее: Хабаровск — Николаевск-на-Амуре самолетом (да, пропустил еще поездку к гольдам по реке Тунгуске на моторной лодке!) — здесь несколько дней разъезжали на катерах по Амурскому лиману (смотрели рыбные промысла и консервные заводы) и — верхами — по сопкам смотрели наши военные укрепления. Далее: пароходом во Владивосток с заездом на Сахалин (смотрели рыбные промысла). Из Владивостока — катером — в звероводческий (олений, енотовый, песцовый) совхоз, потом — дрезиной — на ст. Кангауз (строится новая ж.-д. ветка через страшеннейшую тайгу и сопки) и в угольной вагонетке (вымазались как черти!) на Сучанские рудники. С Сучана пошли таежными тропами (общей сложностью километров 300) в Улахинскую долину, в которой я вырос. Это таежное путешествие длится уже более месяца. В тайге нас захватила зима, но дух у всех бодр. Сейчас сидим в селе Кокшаровке у староверов, в шубах с мужичьего плеча, седые, с интеллигентными лицами, похожие на декабристов в ссылке. Едим рябчиков и зайцев собственного убоя и предполагаем на днях с бригадой местных охотников пойти на несколько дней в тайгу — охотиться на крупного зверя. В одном из сел к нам пришвартовался в качестве постоянного спутника известный уссурийский охотник, спутник Арсеньева и друг гольда Дерсу Узала — крестьянин с Варваровки Василий Тарасович Глушак. Это старый тигробой и медвежатник (он поймал в своей жизни до 30 тигров живьем, а перебил, как он сам говорит, «и счету нет»). Мы в нем души не чаем. Представь себе пятидесятилетнего богатыря с необыкновенно ясными детскими глазами, руками как сковороды, — скромного и какого-то чистого — и физически и морально. После этой охоты мы поедем, очевидно, по

границе с Кореей и Китаем, потом вернемся в Хабаровск и — на собаках — поедем на север в строящийся новый город Комсомольск, а уже потом — в Москву. В Москве будем к 1 января. Все шлют тебе горячие приветы. Я крепко целую тебя! Как-то ты живешь там? Как работа?

Саша.

1934

41. В БЮРО ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО КРАЙКОМА ВКП(б)

<Февраль — март 1934 года>

Дорогие товарищи!

Во время поездки по краю мне удалось посетить Улахинскую долину (ту ее часть, которая входит в Яковлевский район).

Эта долина (села Чугуевка, Соколовка, Сандагоу, Бреевка, Извилинка, Архиповка, Каменка, Кокшаровка, Угорка, Антоновка, Саратовка, Самарка, Жиловлевка, Окраинка) сейчас находится в чрезвычайно заброшенном состоянии в смысле внимания к ней со стороны партийных, советских и хозяйственных организаций. Между тем Улахинская долина, особенно село Чугуевка, являются центрами партизанского движения в Приморье. Уж не говоря о том, что очень значительный процент населения в селе Чугуевке (почти половина) был активным участником партизанской борьбы, эта долина в течение 3-х лет, с 19 по 22 г., кормила почти все партизанские отряды Приморья, которые проходили через нее и неделями и месяцами жили в ее селах.

Вместе с тем благодаря наличию в Улахинской долине значительных слоев староверов, стодесятинников, которые в настоящее время оттуда удалены, но корни их остались там, классовая борьба в период коллективизации носила особенно ожесточенный характер, и остатки классово враждебных сил, пытающихся влиять на население, имеются там и до сих пор.

Исходя из этого, я ходатайствую перед крайкомом и крайисполкомом о проведении ряда мероприятий по улучшению культурного положения в долине:

1. Необходимо учредить в Улахинской долине МТС, ибо в тех селах, где жили староверы, до сих пор пустует около 2000 га прекрасной земли, а, в сущности говоря, Улахинская долина является долиной очень плодородной.

2. Необходимо учредить в Чугуевке медпункт, который был там до революции, а сейчас нет.

3. Построить в селе Чугуевке школу-семилетку, так как старая дореволюционная школка сгорела и ребята учатся по хатам.

4. Послать в долину хорошего радиста и комплект радиоприемников, так как во всей долине нет радио.

5. Если не предполагается в связи с льготами, предоставляемыми населению ДВК, разрешить колхозам более отдаленных местностей иметь свои мельницы, то необходимо где-то в районе Бреевки или Извилинки поставить еще одну государственную мельницу, иначе крестьяне более дальних деревень в верховьях реки Улахе должны везти хлеб за 50 и больше верст по отвратительным дорогам, убивая лошадей и время.

6. Провести новую дорогу от районного центра (село Яковлевка) до Чугуевки. Старая дорога пришла в невероятный упадок. Ежегодно на ней гибнет масса лошадей. Из-за этой дороги сельпо сидят без товаров. Если подсчитать средства, затрачиваемые ежегодно на ремонт этой дороги, то должен сказать, что гораздо выгоднее построить новую, тем более что большое количество мостов для предполагающейся новой дороги уже сделано, но потом работа по неизвестным причинам прекратилась и мосты зря гниют.

С комприветом.

Член Далькрайкома *А. Фадеев.*

42. А. И. БУСЫГИНУ

<Февраль — март 1934 года>

Дорогой Саша!

Я премного виноват перед тобою, что перед отъездом на Дальний Восток не успел прочесть твоего романа, а на Дальнем Востоке задержался не полтора месяца, как предполагал, а целых пять.

Сейчас роман мною прочитан, и мне хочется серьезно поговорить с тобой. Несомненно, целые куски этого романа являются лучшими из того, что ты написал. Несомненно, удачны фигуры старика Бесергенева, эпизодические фигуры Крота, отыскивающего клад, Китькина. По роману разбросано немало прекрасных художественных деталей (к примеру, эпизод с тем, как Попов дает дворнику обкуривать трубку и т. д.).

Но в целом этот кусок, который ты мне дал (не говоря уже о том, что он не представляет собой законченной части), изобилует крупнейшими недостатками:

1. Твой роман внеисторичен. Неизвестно, в какие годы старого режима это происходит. Это могло быть в конце прошлого столетия, в начале этого, до 1905 года, после пятого года и т. п. Иначе говоря, ты не показываешь отражения крупнейших исторических сдвигов в рабочем классе, а более или менее показываешь, как плохо жилось ему при старом режиме вообще. Но это уже показано с гораздо большей историчностью и Горьким, и Глебом Успенским, и некоторыми другими.

2. В твоем романе нет ощущения обстановки, я бы сказал «пространства», в котором происходит действие, нет картин, рисующих общий быт слободы, ее расположение, отношение к городу; нет изображения завода, или фабрики, или мастерской; нет воздуха, наконец. Все это создает ощущение, будто люди движутся в безвоздушном пространстве.

3. В романе пока что нет событий. Люди движутся, разговаривают, расходятся, выпивают, но с ними не происходит никаких сюжетных движений.

4. Вещь растянута — многое можно и должно было бы сказать короче.

5. Язык изобилует многими вульгаризмами, вроде: «захлестнул хату разухабистый мотив», «незаметно куда-то смылся» и т. п.

Мне кажется, Саша, что тебе пора всерьез пересмотреть свой дальнейший путь. Тебе необходимо пойти на работу куда-либо на предприятие или в деревню — работу такого типа, которая давала бы тебе возможность посвятить ближайшие год-два чтению книг и вообще всяческой самообразовательной работе, ибо совершенно несомненно, что при твоем бесспорном таланте — отсутствие культуры,

школы, учебы чрезвычайно отрицательно сказывается на тебе.

Я сказал бы, что если бы у тебя была возможность сейчас заново поступить куда-либо учиться, то это следовало бы сделать, невзирая на то, что ты уже в зрелых годах.

Я пишу это тебе из самого искреннего товарищеского расположения, ибо мне обидно, что бесспорное твое дарование, замеченное мною еще в Ростове-на-Дону, так попусту пропадает во всяческой суетне и не поднимается на необходимую высоту благодаря недостатку знаний.

Напиши мне, каковы твои материальные обстоятельства жизни, для того чтобы я мог помочь тебе реализовать возможность учебы.

Еще раз прошу простить меня за такую долгую задержку ответа.

Крепко жму руку. Не унывай, потому что у тебя есть все возможности еще многое и многое сделать.

А. Фадеев.

43. М. Л. СЛОНИМСКОМУ

<Февраль — март 1934 года>

Дорогой Миша!

Я только что перечел роман о ленинградской оппозиции с теми поправками, которые ты сделал.

Я должен сказать, что эти поправки, за некоторым исключением (слишком примитивно подано отрицательное отношение оппозиции к середняку), в основном и главном улучшили роман с точки зрения тех требований, которые можно было ему предъявить пять-шесть месяцев тому назад.

Но мне кажется, что теперь, в связи с 17-м партийным съездом, который все вопросы, затронутые в твоем романе, осветил с новой стороны, а главное, с невиданной высоты, — этот роман нуждается, во-первых, в еще большей коренной переделке и, во-вторых, он должен быть окончен, т. е. он должен охватить всю борьбу с правой оппозицией.

Почему это так? Потому что теперь — на 17-м съезде — это проявилось с предельной наглядностью —

ясно всякому, что, по существу, борьба с ленинградской оппозицией была не чем иным, как борьбой с одним из оттенков троцкизма, т. е. это была борьба по вопросу о судьбах социализма.

Если ты прочтешь высказывания кающихся оппозиционеров (Зиновьева, Каменева) на съезде, ты увидишь, что они также пришли к пониманию своего оппозиционного прошлого именно как социал-демократического.

С этой точки зрения те люди, через которых ты выражаешь сущность борьбы, слишком мелки и не в состоянии поднять огромную идею романа. Если взять борцов за линию ЦК, то, конечно, Виктор слишком бледен, а Лапушкин — недалек.

Если брать оппозицию, то большинство ее представителей даны тобою также как мелочные люди, обыватели, за исключением Краузе и Будникова. Совершенно очевидно сейчас, что все это должно быть поднято неизмеримо выше, все должно быть углублено.

С другой стороны, осветить сущность борьбы того периода без показа того, что произошло в стране в последующие годы, того, что преобразило страну и доказало всем гибельность путей оппозиции, — осветить борьбу без показа всего этого совершенно невозможно так, чтобы это было правильно понято молодежью и не настраивало бы на подозрительный лад более пожилые кадры.

Отсюда мой самый искренний товарищеский совет тебе: если ты всерьез хочешь преодолеть эту тему и не боишься связанных с этим трудностей, необходимо тебе засесть за очень серьезную переделку этой вещи — в крайнем случае, даже на некоторый срок отложить ее, поработать над чем-нибудь другим, с тем чтобы спустя некоторый срок вернуться к ней с новым пониманием и новыми силами.

Должен сказать тебе, что этого рода предложение вызвано вовсе не какими-либо новыми указаниями «свыше», ибо ничего нового в этом смысле нет... а вызвано исключительно тем, что поездка по стране, а особенно все то, что я слышал на XVII съезде, дало мне самому новое, гораздо более глубокое понимание сущности той борьбы, которую партия вела с ленинградской оппозицией.

Если бы нам удалось встретиться, я, конечно, многое порассказал бы тебе поподробнее.

Если тебя беспокоит вопрос о деньгах, то я устрою так, что никто из авансировавших тебя не будет торопить. Если нуждаешься сейчас, то можно будет выслать тебе денег и еще. Если ты не думаешь, что сможешь переделать и дописать свой роман в течение ближайшего года, то сможешь покрыть постепенно свой аванс какими-либо рассказами или статьями.

Я замечательно попутешествовал по Дальнему Востоку, о чем расскажу при встрече. Был бы исключительно рад, если бы ты согласился после Всесоюзного писательского съезда поехать туда со мной. Мне дали уже согласие Луговской и Павленко, я надеюсь еще сагитировать Тихонова. Когда свидимся, будет очень приятно.

Очень прошу тебя выяснить в Ленинградском издательстве писателей, какова судьба книги Эльзы Триоле «Бусы».

Крепко жму тебе руку.

Привет Иде Исааковне.

А. Фадеев.

44. В. В. ЕРМИЛОВУ

23 октября 1934 года

....Мужественная наша бригада, отбрехав положенное количество докладов и выступлений, изрядно отбанкетировав (от слова банкет) и распечатавшись в газетах в порядке тщеславия и культпропаганды, — разъехалась. Петя остался в Хабаровске, Гидаш и Фраерман уехали во Владивосток, Лядова — в Комсомольск, а я, осуществляя первую часть своей программы — пошляться и отдохнуть месяца полтора, — поехал по глухим пограничным районам Амурской области и вот сейчас сижу на станции Бочкарево, ожидая поезда на Хабаровск. Поезда все нет. Однако, изрядно поздоровев за время поездки и обросши грязью, я демонстративно грызу тыквенное семя и чувствую себя прекрасно. Обилие жизни, сознание, что вот мне скоро 33 года, а сделано мало, мысли о собственной необразованности, желание поиметь какую-нибудь девушку покрасивей, планы «Удэге» и нескольких рассказов — вот, примерно, круг, в котором вращается от скуки на ст. Бочкарево моя игривая и мятущаяся мысль.

Поездка моя была прекрасна. Природы было до... Пограничники — в большинстве рабочие из центра — все меня читали и очень обласкали. Признаться, было стыдно, ибо жизнь этих людей полна суровых лишений и большого труда, а мои «труды» все еще какие-то птичьи, а не человечьи и дались сравнительно легко.

Видел я массу звериных следов и сотни глухарей, но не охотился, т. к. не взял с собой ружья. Вернувшись в Хабаровск, поеду во Владивосток и засяду писать где-нибудь на даче.

Напиши мне, где Юрка — в Москве или Ленинграде — и каков его адрес? Я бы написал ему. Как работает genosse Щербаков? Если есть что-либо заслуживающее внимания в литсферах, не поленись «обрисовать» в кратких чертах.

Крепко жму тебе руку. Приветствуй Дашу и славное свое потомство.

А.

Мой адрес: Хабаровск, редакция «Тихоокеанской звезды».

P. S. За время путешествия прочел вторую книгу «Петра I» и в свете ее перечитал первую. Вижу, что в оценке этого произведения — ошибся. Вещь — замечательная. Полнокровная, блестящая по языку. Петр и многие другие фигуры как отлитые, — хороши мужики, хотя им не так-то много уделено внимания (это, конечно, недостаток), — читается с увлечением.

Я почувствовал просто уважение к старику, — он прямо в расцвете своего дарования. Даже зависть берет.

А.

1935

45. С. М. ЭЙЗЕНШТЕЙНУ

16 января 1935 года

Дорогой Сергей Михайлович!

Давненько не видел Вас, хотя вспоминал неоднократно и в мыслях, и в разговорах. Судьба моя сложилась так: уже на съезде писателей более или менее выяснилось,

что за пределами нашего Дальнего Востока навряд ли нам удастся попутешествовать. Луговской не поехал вовсе, а Павленко и я решили все-таки поехать — в надежде на перемену ситуации. В крайнем случае — подробно посмотреть край и пописать что-нибудь. Оно так и вышло. Мы изъездили половину Дальнего Востока и много поработали — каждый над своим.

Вчера Павленко уехал в Москву, а я рассердился и решил не уезжать отсюда, пока не добью до конца «Последний из удэге», если для этого потребуется даже больше года. Где Эсфирь? Я имел от нее одну открытку из Турции. По открытке видно, что письмо мое, посланное в Стамбул, до нее не дошло и что какие-то ее письма тоже до меня не дошли. Если бы я точно знал, что она уже в Москве, немедленно написал бы ей. Как Вы живете? Начали ли работать в театре? Закончили ли книгу? Что думаете насчет того, чтобы взяться за новую картину? Или, может быть, хандрите? Последнего не стоит делать — просто невыгодно и непродуктивно.

Видел «Чапаева». Картина мне очень понравилась. По прессе, правда, выходит, что она точно с неба свалилась, но это неверно. В ней многое от Вас (эпизод с «психической атакой» целиком Ваш) и многое от Пудовкина (рисунок самого Чапаева—пудовкинский). Но никакого эклектизма я не почувствовал, — следовательно, это закономерное движение вперед. Чувствуется — и не только по кино, — что пришла пора кое-что синтезировать. Это чувствуется даже по линии взаимоотношений различных видов искусств между собой. В конце концов — при всех срывах, бюрократических извращениях и т. п. — попытки кинорежиссеров и писателей работать вместе были не случайны. Сейчас, слышно, притираются друг к другу архитекторы, скульпторы и живописцы. Следовательно, *чувствуется* потребность синтезировать: не только обобщать накопленное во времени, по каждому из искусств, но и находить новые формы сосуществования. С этой стороны интересно, что делается в театрах? Театр по самому существу своему искусство синтетическое, особенно у нас, в чем большая заслуга Мейерхольда, а отчасти Таирова и вахтанговцев.

Моя личная жизнь прекрасно изображена Пушкиным: «Онегин жил анахоретом».... Живу я на 19-й версте под Владивостоком, в громадной и теплой даче — совершенно один, Так расписался, что больше ничем и заниматься не

хочется. Возможно, пишу плохо, но такие вещи выясняются впоследствии. Напишите мне что-нибудь.

Желаю Вам бодрости, а главное, энергии. И беритесь-ка за хорошую работу, — в конце концов, это лучшее, что мы можем делать на сей земле.

Крепко жму руку.

Привет дружеский Пере и Эсфири, если она приехала.

А. Фадеев.

P. S. Мой адрес: Владивосток, до востребования.

46. П. А. ПАВЛЕНКО

13 февраля 1935 года

Дорогой Петя!

Получил от тебя две телеграммы и телеграфно же ответил. Еще раньше послал письмо, — получил ли ты его? Жизнь моя течет по-прежнему — пишу, читаю, изучаю английский, изредка бываю в городе. Театральное совещание перенесено на март, чему я очень рад. Приезжали сюда на пять дней Фесенко с женой, я с ними очень сдружился, часто вспоминали о тебе. Нельзя ли раздобыть для него стенографический отчет нашего съезда? У меня есть экземпляр, да он мне нужен для докладов. Прочел новые «Лит. забавы» и ответы Заславского и Панферова, — все это как-то очень мало затронуло меня. Писания мои шли все время хорошо, но сейчас запнулся на главе о Ланговом в новой его «карательной» роли и толкусь на месте. Среда эта мне мало известна, — по манере, взятой мной, не могу пройти мимо или обмануть читателя каким-нибудь кунштюком, — и вот мараю уже десяток вариантов, и все кажется, что «таланта во мне положительно нету». Если увидишь Ермилова, скажи ему о моих мучениях, и пусть не обижается, если пошлю роман на две-три недели позже обещанного.

Настроение у меня хорошее, но, конечно, чувствую себя одиноко... А здесь уже начинается приморская весна. Снег на солнцепеке везде потаял, начинаются эдакие многообещающие восходы, закаты, запахи, потрескивания, и в доносящихся до меня женских голосах слышится уже голубиное воркование.

Удалось ли тебе побывать на съезде Советов? Судя по газетам, это было нечто монументальное, и это было единственное, что заставило меня вздохнуть по Москве. Прошла ли премьера «Баррикад» и как? Удается ли тебе писать новый роман? Судя по атмосфере, тебе нечего бояться, что он будет не к месту! Может быть, ты даже запоздаешь с ним!.. Как поживает Володька? Пусть он напишет мне, ведь он теперь здоров, и за ним долг. Крепко жму руку и обнимаю тебя. Привет Арише.

А.

P. S. Видаешь ли ты Адамовичей и когда они поедут на Камчатку. На всякий случай, сообщаю их адрес: Б. Харитоньевский д. 9, кв. 4.

47. Э. И. ШУБ

1 марта 1935 года

Милая Эсфирь! Получил твое письмо с характеристиками турок — очень веселился (они хоть не лапались, черти?). А больше всего был рад, что ты хорошо поездила, что работаешь, что тон твоего письма бодрый и даже в руке чувствуется твердость. Если это определяющий (более или менее) тон во всей твоей жизни сейчас, то я очень рад за тебя. Эйзену я написал — дня за два до того, как написал тебе, — письмо на адрес ГУКФ (точный адрес квартиры забыл), — получил ли он? Прекрасно то, что он взялся за картину. В талант этого человека я верю, как в гранитную скалу, потому что *его* таланту присуще, помимо всех других качеств, качество большого ума, а таланты этого типа так же живучи и неистребимы, как сама жизнь, — они кончаются только со смертью их носителей. Таланты этого типа могут проходить, — вернее, не могут не проходить, — через периоды сомнений в своих силах, мучений, ошибок (поисков в ложных направлениях), «кризисов» и молчаний, но неизбежно заявляют о себе снова и снова, порой тогда, когда уже никто ничего не ждет от них, и трудно бывает определить, из какой дыры они снова выпрыгнут — живехонькие, обогащенные, омоложенные, драчливые, как черти. Таков

и Эйзен. Я иногда чувствую, как он сомневается *в себе* и наделяет силой *других* и возвышает их: «До чего, мол, спокойно и уверенно живут, а я-то мучаюсь!» Но еще мужественный старик Гете (стихов которого я терпеть не могу) говорил: «Наше (художников. — *А. Ф.)* воображение, по самой природе своей склонное носиться с высокими (надо бы сказать, с большими. — *А. Ф.*) мыслями, питаемо фантастическими образами поэзии, измышляет себе целый ряд возвышенных существ, ниже которых мы стоим, и все, кроме нас, великолепно, и всякий другой, только не мы, является совершенством. И это вполне естественно. Нам так часто приходится убеждаться в том, что нам многого недостает; и именно то, чего нам недостает, мы часто приписываем другим, которых мы и наделяем в этом случае *не только всем, что мы сами имеем, но еще и некоторым идеальным довольством и спокойствием.* И вот счастливец налицо — продукт нашей собственной фантазии. Напротив того, если мы при всей нашей слабости и неповоротливости *примемся спокойно за работу, то часто оказывается, что мы с нашим лавированием и шатанием из стороны в сторону достигаем большего, чем другие с их парусами и веслами, и — тогда мы приходим к действительному познанию своих сил, убеждаясь, что не только не отстаем от других, но подчас даже обгоняем их...»* Старец — прямо скажем — был хотя и многословен, но честен и не глуп. Эйзен сейчас прошел через все то, чтобы «спокойно взяться за работу», и не только прийти «к действительному познанию своих сил», но и вновь *показать эту силу другим....* Надо ли говорить, Эсфирь, как желаю я успеха тебе и как я рад, что ты живешь и работаешь, такая умница и красавица? Жизнь моя однообразна: пишу, гуляю по лесу, читаю Шекспира, которого можно правильно понимать уже после 30 лет, когда в опыте человека, в обобщенном виде, открываются собственные думы, страсти и гадости. Здесь — весна: распускается верба, подснежники вылезают из-под листьев, иногда выпадает теплый рыхлый снег и тут же тает; красные командиры (я живу недалеко от санатория РККА) прижимают к деревьям своих подруг, обняв их большими руками, — подруги издают голубиное воркование, я завидую командирам... Иногда я выезжаю во Владивосток и гуляю по местам своего детства.... Настроение у меня ровное, работящее, но я делаюсь староват для

того, чтобы оно было «безмятежным», и, выражаясь по-байроновски,

...Везде звучит лет скорбный стон,
И демон дум меня тревожит...

Пиши, милая Эсфирь. Целую тебя. Книгами ты меня просто осчастливишь.... Будь здорова, купайся в ванне, не пей вина и не храни денег в сберкассе,

А.

48. П. А. ПАВЛЕНКО

5 марта 1935 года

Дорогой Петя!

Вернулся из Никуса, ныне Ворошилова, Литвин и привез письма — твое и Гидаша, записку от Ариши, книги, бумагу, папиросы и т. д. и т. п. Можешь себе представить, какой это был праздник для меня! Живя в Москве, такие вещи разучаешься понимать. Но я был просто взволнован — то начинал читать письма, то смотрел книги, то закуривал папиросу — и так благодарен был вам всем! Передай Арише, что, начиная с XXI главы, 3-я часть «Удэге» пишется, так сказать, в дыму от ее чудесных папирос. Сегодня я ездил во Владивосток и получил у Визеля твою телеграмму о том, что посланы еще письмо и книги с Хусаиновым, — все это создает у меня настроение торжественной приподнятости: я напеваю маршеобразные песни, гоняю грязного пятнистого кота, который прижился к нашей даче и мешает писать неустанным пошлым мяуканьем...

Да, книга «Мастера искусств и т. д.» — книга замечательная. (К сожалению, я вынужден был отложить ее чтение как раз на середине писем Ван-Гога. Отложить пришлось потому, что все свободное от писаний время уходит на подготовку доклада на краевом театральном совещании («Соц. реализм на театре и в драматургии»). Читаю Белинского, Плеханова, Станиславского, Захаву, драмы Толстого, Шекспира и т. д. По этой же причине пришлось временно отложить «Капитал», известную толику которого я все-таки отгрыз с огромным увлечением. Мне очень понравились высказывания Эжена Будена, Клода Моне (в беседе с Фельсом) и особенно Ренуара,

и также Ван-Гога в тех пределах, в каких успел его прочесть. Особенно близко прозвучало для меня — «И в фигурах и в пейзажах я хотел бы выразить не *сентиментальную* грусть, а *серьезную горечь жизни*», так как я всегда чувствовал, что у меня (и у большинства современных) в изображении прошлого ли, настоящего ли несчастья людей есть в лучшем случае сила чувствительности, но не сила горечи, а именно она и нужна, чтобы вызвать реакцию *действенную*: стремление переделать, изменить, улучшить жизнь. Впрочем, сейчас как-то всем существом тянешься к передаче радостных сторон жизни, и это, конечно, затрудняет мне несколько работу над «Удэге»: я с удовольствием настрогал бы сейчас кучу бодрых простых рассказов о колхозниках, красноармейцах, лесорубах, охотниках, корейцах, ненцах, лезгинах и т. д. Говорить и писать *о существе* своей работы, о ее «душе» и о технике, мы, правда, не умеем. Объясняется это, конечно, тем, что писатели мы, наверно, не очень хорошие. Какой-нибудь «Мой творческий опыт рабочему автору» (есть и у меня такая книжонка, а какой уж там «творческий», и какой уж там «опыт»!) — это, в общем, серая болтовня о том, чего сам не знаешь. Думаю, что объясняется это тем, что у нас — даже тогда, когда, как я сейчас, все силы отдаешь работе, — нет настоящей культуры писательского *труда* и того «напряженного внимания, направленного на предмет, которое позволяет увидеть его с новой неожиданной стороны» (Л. Толстой о Мопассане). Может быть, это еще придет. Иногда мне кажется, что «принятие» — в смысле восторга, очарования, симпатии, способности подвергнуться влиянию и т. п. — *слишком разных* (по манере, по духу, по технике и школе) писателей прошлого и настоящего тоже свидетельствует не столько о широте ума и чувства, сколько об отсутствии (пока что) *собственной,* глубоко продуманной и прочувствованной творческой линии — не в общем, а в индивидуальном смысле. Мне, например, в конечном счете понравилась «Смерть Вазир-Мухтара», книга взволновала меня. В то же время Толстой, например, до сих пор самый великий и *близкий* для меня писатель. А я думаю, что Толстому *никак* не мог бы понравиться Тынянов — не потому, что Толстой «уже», а я «шире», а потому, что Толстой именно и велик этой своей *неповторимой,* могучей индивидуальностью, для которой Тынянов — сплошная ложность, красивость, блеф.

Конечно, и мне не свойственна всеядность — даже по отношению к великим, в смысле мировой славы и живучести писателям и художникам. Например, я органически не перевариваю Шиллера. Драйзер, по-моему серое, скучное сукно и не умен. Никогда я не любил живописи Сезанна, и высказывания его и о нем только объяснили мне, почему я не люблю его. В нем есть что-то претенциозно-рассудочно-формалистическое, и даже в его «творческих муках» и постоянной «неудовлетворенности» есть какое-то неосознанное позерство изломанности и отсутствует правда. Но диапазон моего «принятия» — например, и Шолохов и Олеша — меня иногда просто пугает.

Я чувствую, что рассказы я писал бы сейчас совсем другим языком, но сажусь с утра за «Удэге» и «совершенно свободно» завожу старую, изрядно надоевшую словесную шарманку. К сожалению, часто, слишком часто подозреваешь только что написанную тобой страницу в том, что это где-то, когда-то, кем-то и приблизительно так же было уже написано. И только искренность пережитого волнения и сознание, что *общая мысль* романа индивидуальна и нова, стимулирует работу.

Естественно, что и нечего бывает сказать о своей литературной работе, кроме общих мест, ибо нет убежденности в своем пути, яростного отвергания *для себя* (т. е. не в смысле хулиганского выбрасывания за борт, а неприемлемости в *работе*) чужого пути, нет настоящего поиска *своей* манеры — это с одной стороны, — и нет настоящей муки, муки до боли в голове, до слез над тем, что не выходит в моменты сомнений. Все это признаки *ремесленничества,* и притом ремесленничества человека, *плохо* знающего свое ремесло. Единственное, что «украшает», — это правдивое сознание, что у настоящих творцов было хорошо, а у тебя выходит дурно. Вот это переживается искренне, глубоко и подчас с истинной болью, потому что ведь хочется высказаться в полный голос, а в моменты каких-то взлетов кажется, что есть что сказать — такое, чего никто не сказал...

О личном быте моем нового сказать нечего. Это уже четвертое письмо, которое я пишу тебе. Упоминаю об этом для ориентировки, и ты, когда отвечаешь, указывай, получаешь или нет мои письма и от какого числа: а то ведь в переписке с Дальним Востоком немало писем пропадает. Приезжай-ка поскорей вместе с Аришей в наши

края! Тащи Володьку, Колю Тихонова, еще кого-нибудь. Мы здесь на славу подискуссируем. До чего меня взволновал по газетам съезд колхозников, я тебе и передать не могу. Из всего трудящегося человечества я корнями своими, происхождением, воспитанием больше всего связан все-таки с мужиком, и сказочная судьба его переживается мной, как личная. Крепко жму руку и обнимаю тебя, Петя; поцелуй Аришу. Еще раз спасибо вам обоим. Анатолию я напишу самостоятельно.

Твой *А.*

P. S. Расшевели Щербакова, Юдина, чтобы скорее перевело меня ЦК в Дальневосточную парторганизацию.

49. Ю. Н. ЛИБЕДИНСКОМУ

10 апреля 1935 года

Дорогой Юра!

Твое письмо от 1 марта я получил только 26 марта, в день отъезда в Хабаровск на пленум Крайкома. Во все время пленума трудно было ответить, — хотелось и хочется подробно написать обо всем. Разговор, правда, получится по «финскому» образцу: между твоим письмом и моим разрыв получится почти в два месяца. Больше всего меня обрадовало все, что ты пишешь о своей работе над пьесой. Не нужно говорить, как я был бы счастлив, если бы это была *удача!* Это была бы победа и правильной линии, и тебе придало бы новые творческие силы и чувство свободы и раскрепощенности в работе. Валя как-то писала мне, что хуже всего, если я не работаю над «Удэге», а занимаюсь второстепенными литературными делами, т. е. просто «проживаю», обманывая себя *видимостью* дела. Тогда уж лучше перейти на партийную (или другую) работу, чтобы — или вернуться к литературе с новыми силами, или стать партработником, — иначе — неопределенность, прозябание, пустота. Сколько раз я думал об этом и в применении к тебе! В период «рапповского конца» и прихода к новому содержанию и формам литературного бытия ты оказался наиболее уязвимым среди нас. Это тебя изрядно вышибло из настоящей, органической творческой работы (больше, чем *всех* нас). Я больше всего боялся, что ты *не вышел*

из этого состояния. В таком случае правильнее было бы бросить все, переменить весь строй жизни, среду, — переучиваться наново. Мы еще не так стары, чтобы бояться отдать полтора-два года на переучебу. Но то, что ты пишешь про пьесу, а главное, то, *как* ты над ней работаешь, — целиком меняет дело. Если она даже не выйдет *«победительной»*, то ведь это не страшно (ибо — выйдет вторая или третья). Главное же, войти в ту внутреннюю атмосферу творчества, в которой ощущаешь, что отдаешь делу всего себя, органически понимаешь тему и — свободен выражать все, что понимаешь и чувствуешь. Победы и поражения при *таком* самочувствии — это, так сказать, нормальные победы и поражения, т. е. проистекающие от твоих собственных данных, а не от внешних условий, помех и конъюнктур. Если это у тебя есть, можешь и дальше работать смело и не отчаиваться, даже когда «не выходит», — таких писателей, у которых всегда бы всё «выходило», не было и нет. Ты не писал мне о том, какое еще новое «дело» тебе пришивали, но это сопровождает жизнь всех людей. Признаться, меня всегда больше вышибали из колеи те неурядицы и неудачи, которые происходили на *личной* почве, а не на *общественной*. Должно быть, потому, что во втором случае есть более точные, твердые и *разумные* критерии борьбы и поведения, а в первом больше рефлексии, пережитков индивидуализма и собственной глупости. Поэтому, если и до сих пор я очень недомогаю тем, что моя так называемая «личная жизнь» поломалась целиком и полностью (поломалась по моей вине), то в наше общественное и писательское (что для меня слитно) будущее я — при всех нюансах — смотрю смело, готов сражаться до конца и чувствую силу. К этому, последнему я призываю и тебя — ведь это то, чем определяется наша ценность и полезность в жизни.

Я с большим интересом жду переделанных «Комиссаров». Там в самом деле некоторые вопросы революции были поставлены и разрешены *неверно*, если глядеть с современной исторической вышки. Но эта неправильность, к счастью, не такого порядка, чтобы требовалась коренная переделка основных *образов*. Реалистическая здоровая тенденция — я ее *очень* почувствовал в свое время — пробилась сквозь схему: теперь ты, очевидно, все расставил на свои жизненно правдивые места.

Я прочел в №№ 10 и 11 «Литературного критика» введение к эстетике Гегеля и получил истинное наслаждение. Вопросы специфики искусства во времена РАПП пытались разрабатывать, к сожалению, только ты да я. Я поразился, как близко к истине мы добирались! И как жалко, что все это было искажено у нас недостатком знаний, догматизмом и групповой борьбой. Благодаря такому искажению эти работы нельзя даже переиздать, а между тем — это пока единственные попытки применить марксистскую философию к современной практике литературного *творчества.*

Я уверен, что выход «Эстетики» Гегеля на русском языке даст огромный толчок в этом направлении. К сожалению, сам я уже долго не вернусь к теоретической работе (не в смысле изучения, а в смысле реализации), — все силы отдаю и буду отдавать непосредственной творческой работе. Третья часть «Удэге» подходит к концу, — думаю, понадобится 20—30 дней, чтобы добить ее. Страшно подумать, что это только половина романа. Много новых, современных тем лезет в голову. Некоторую разрядку буду делать через небольшие рассказы, но основные силы отдам роману, — пока не кончу. Я по-прежнему сижу на 19-й, изредка выезжая в город, или в воинскую часть, или (как в этот раз — на пленум) на какой-нибудь интересный съезд или собрание. Очень много читаю. Но в смысле всяких житейских радостей жизнь идет довольно однообразно. Очень скрашивает ее то, что я живу «на родине» и так всё и всех здесь знаю и меня знают, что, даже сидя на даче, я — в своей стихии и движусь вперед вместе с жизнью. Кроме того, в последнее время я начинаю получать все больше и больше писем из Москвы, порой от людей совершенно неожиданных — и поэтому, хотя и с запозданием, обо всем информирован. Я желаю тебе большой удачи, милый Юра, и прошу не забывать меня. То, что у нас возникали иногда «принужденности» в отношениях, это, должно быть, верно. Но ведь их не бывает только в жизни идеализированной, а живая жизнь — она такова. Дружба приобретается не милыми словами и теплыми улыбками — хотя они тоже очень вкусны, — а жизненным опытом, и тем она прочнее.

Крепко жму руку тебе и целую.

Александр.

50. А. В. ФАДЕЕВОЙ

10 мая 1935 года

Дорогая мама!

Незадолго до первомайских праздников привезли мне из Никольска мои летние одежки и твое письмо. Очень был рад узнать, что ты чувствуешь себя лучше. Примерно в это же время получил письмо от Тани, — ей я через несколько дней отвечу. На первомайском параде я немного простудился и дней 8—9 провалялся в гриппе. Сегодня температура вполне нормальная, но я никуда не выхожу. Думаю, что примерно послезавтра буду уже вполне здоров. По возвращении с пленума Крайкома, в первой половине апреля, я написал тебе о том, что ЦК разрешил мне остаться в крае только до осени. Исходя из этого, я до осени не поеду в Москву, — постараюсь за лето кончить четвертую часть романа (третью я кончаю на днях и сразу высылаю в «Красную новь»). Жизнь моя после пленума идет так однообразно, что не о чем и писать: большую часть времени отнимает роман, с утра около 1—1½ часов занимаюсь английским, много читаю, гуляю по лесу и по берегу залива, изредка наезжаю в город — вот и весь быт мой. Как-то на несколько часов заезжала из Никольска Варя Поповская (она ездила на машине по новому шоссе, которого ты не знаешь, за всякими покупками во владивостокский ГУМ и заглянула ко мне), — ее посылают научным работником в Благовещенский институт, и сейчас она, должно быть, уже в Хабаровске или в Благовещенске. Я очень соскучился по вас и по Герасимовым, но работать здесь мне удобней. Кроме того, надеюсь еще в течение лета поездить и набрать материала для будущего (обязательно побываю и в Чугуевке). Боюсь, что эта перспектива тебя огорчает и ты чувствовала бы себя бодрей, если бы знала, что я вернусь уже скоро, но здравый смысл подсказывает мне, что лучше мне не срываться сейчас, а продуктивно использовать предоставленное мне время. Я крепко целую тебя и всех, всех.

Саша.

P. S. Деньги буду аккуратно высылать.

51. П. А. ПАВЛЕНКО

20 мая 1935 года

Милый Петя!

Давно не было от тебя писем, и я даже послал письмо с некоторой укоризной. Но на другой день получил твое письмо и сразу же «отреагировал» телеграммой. В укоризненном письме я изложил тебе план своей ближайшей жизни — он остается таким же.

В сущности, я уже знаю, что ни ты, ни кто другой из людей, кои были бы мне приятны, — не приедешь (и не приедут). Я даже не могу осуждать за это, потому что понимаю, как это трудно. Все это, разумеется, не радует меня, но жизнь — штука довольно суровая и, конечно, это печальное обстоятельство (твой неприезд) еще не самое печальное из возможных.

Все-таки мне грустно, потому что я действительно люблю тебя среди людей, живущих на этой земле, а главное, становлюсь староват для того, чтобы искать (и иметь внутреннюю возможность найти) новых друзей.

При всем одиночестве, которое я испытываю, изменить перспективу своего бытия я не собираюсь, да и не могу: и по работе как-то так лучше выходит, да уже и привык я (даже к одиночеству), — я консервативен от природы. Закончил я третью часть «Удэге» (худо-бедно, а десять листов все-таки) и, благословясь, кряхтя и стеная, принялся за четвертую.

Соскучился очень по Вале, которую люблю и всегда буду любить больше всех девушек на свете, но здесь, т. е. в отношениях с ней, видно, ничего не поправишь...

Приморская весна уже закончилась, и наступило типичное здешнее лето: туманы, ветры, дожди. Да, слава богу, скоро уеду на Камчатку, где лето всегда устойчиво хорошее. Правда, и здесь, при плохой погоде, много прелести — такая буйная прет листва и трава, и море шумит, шумит...

Но счастья нет и между вами,
Природы вольные сыны!..
И под издранными шатрами
Живут мучительные сны.
И ваши сени кочевые
В пустынях не спаслись от бед,
И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет...

Ну, прощай, милый Петя. Желаю тебе удачи в жизни и счастья, если оно возможно. Мой большой привет Арише, которую я всегда помню и люблю.

Крепко жму руку тебе.

А.

52. Ю. Н. ЛИБЕДИНСКОМУ

29 ноября 1935 года

Милый Юра!

Мураше во время одного из разговоров с ней о твоей пьесе пришла в голову мысль: почему бы не положить в основу действия пьесы борьбу на заводе вокруг стахановского движения? Зная, в каком направлении ты сейчас пьесу перестраиваешь, я целиком ее мысль поддержал, и мы послали тебе соответствующую телеграмму. Сейчас, безусловно, появится очень много пиес и пиесок о стахановцах. Они будут убоги и плоски, но ответят на первую потребность увидеть это огромное движение, воплощенное в образы. Ты имеешь исключительную, редко представляющуюся возможность ответить на эту потребность *первым* и в то же время на высоте очень больших, коренных для целой полосы развития, мыслей. С другой стороны, именно почва стахановского движения, борьба вокруг стахановских методов работы, проверка, рост и отсев людей на *этом* «оселке», проявление классово враждебных тенденций *здесь,* с целью доказать невозможность этих методов работы, — все это ставит пьесу *на ноги* и все твои мысли приобретают огромную *конкретность*.

Представь себе, к примеру, конфликт Тоси и Неронова именно на *этой* почве; Скорнякова, понявшего (после всего им лично перенесенного) весь огромный смысл стахановского движения на заводе и потому выигравшего (практически ведь так и произошло и с Саркисом, бывшим зиновьевцем, а теперь первым человеком, раздувшим пламя стахановского движения в Донецком округе).

Какой огромный смысл приобретет столь неопределенная сейчас Маруся Долидзе, — выступая как представительница «социализма на уравнительно-бедняцком уровне». И еще значительнее делается фигура этого — забыл его фамилию, прототипа одного твоего старинного

ленинградского «приятеля», — который срывается и ловится прежде всего на том, что не в состоянии ухватить смысл стахановского движения и обязательно попадает в плен *отсталости* и *классово враждебных элементов.*

Кроме того, мне кажется, что надо сделать этот завод работающим на оборону — скажем, военное снаряжение — и Зою Опалинскую — военным инженером, окончившим генштаб и приехавшим принимать это снаряжение. Тогда и маневры, как проверка пригодности самого снаряжения, и место Зои Опалинской, как человека, дающего окончательную оценку и проверку всему, вокруг чего шла *борьба* на заводе, *приобретают гораздо более действенное значение, целью и непосредственно воспринимаются зрителем.*

Подумай над всем этим, — как это тебе покажется, а?

Мурашино состояние более или менее прежнее. Здесь часто бывало пасмурно, иногда дождливо, — она простудилась и голова у нее болела больше обычного. Теперь погода улучшилась и ей стало получше.

Живем мы в гостинице-пансионате «Синоп». Хорошие комнаты, сносное питание, красивый парк, жить и работать можно. Когда отделаешься от своих дел, приезжай, — здесь можно хорошо устроиться.

Мураша просит передать, что она тебя нежно целует и гладит по головке и будет рада, если ты приедешь.

Крепко жму руку тебе.

А.

53. П. А. ПАВЛЕНКО

17 декабря 1935 года

Дорогой Петя!

Прости, что не сразу ответил на твое письмо. Но оно пришло как раз в тот момент, когда я после долгих мучений и возни наконец попал в форму и стал успешно работать. Поездка в Чехословакию, так много мне давшая, однако, совершенно выбила меня из колеи. Недели две я вообще не мог и помыслить о работе, потом стал с неврастеническим непостоянством — от времени до времени — марать листы таким жутким дерьмом, что роман вполне можно было бы переименовать в какой-нибудь

«Бурелом», или «Корни», или «Когти». Приняло это настолько затяжной характер, что я уже хотел немедленно бежать на родную 19-ю версту, — «мне только в тайге и жить», — мрачно думал я. Но господь все же помиловал меня. Пишу и буду писать, пока пишется, не задумываясь о сроках. Здесь при наличии Марианны я все же не чувствую себя так одиноко, как на Дальнем Востоке. Учти также присутствие Паоло Юдина, который в обстановке отдыха потребительски очень приятен. Ты проявил за истекший год поразительную трудоспособность и волю. В результате — большой роман и сонм болезней. В болезнях утешить нельзя, но думаю, что после тридцати лет каждый человек постепенно должен что-нибудь приобрести — порок сердца, геморрой, водянку, ревматизм... свищ в мочевом пузыре и т. п. Этого не бывает только с теми могучими стариками, которых мы *выдумываем* в своих произведениях. Ни одного из таких стариков я лично не видал. У Василия Тарасовича Глушина был уже жуткий ревматизм и «сердце заходит», как говаривал он, а ведь ему было всего 54. «Всего 54», — это много, если учесть, что мы болтаемся где-то между 30-ю и 40. Но ведь он охотник на тигров, черт возьми, а мы, так сказать, интеллектуалы (если и не по уму, то хоть по образу жизни)!

Я почти ничего не прочел за эти полтора месяца. Правда, перечел раннего Гамсуна («Пан», «Виктория» и т. д.). Читал, сморкался, смотрел на портрет автора, — все собственное казалось поразительно сухим, лишенным подлинного, волнующего чувства. Конечно, те чувства, которые должны передать мы, неизмеримо мощнее — и по объему, и по содержанию, — а все-таки...

«...Первая железная ночь.

В девять часов солнце заходит. На земле ложится белесоватая мгла. Мерцают несколько звезд. Через два часа показывается серп луны. Я бреду в лес с ружьем и собакой, я развожу огонь, и свет моего костра поблескивает среди сосновых стволов...

«Первая железная ночь!» — говорю я. И безумная, страстная радость пронизывает меня странным трепетом при мысли о месте и времени.

Вы, люди, звери и птицы! Я поднимаю стакан за одинокую ночь в лесу! За тьму и шепот бога среди деревьев, за простые нежные созвучия безмолвия, звенящие

в моих ушах! За зеленую листву и за желтую листву! Я пью за звук жизни, который слышу, за морду, фыркающую в траве, за собаку, обнюхивающую землю! Бурный тост — за дикую кошку, припавшую грудью к земле и готовую ринуться на воробья во мраке! За кроткую тишину в зеленом царстве, за звезды и за полумесяц, да, — за них и за него!.. Эта тишина, что шепчет мне на ухо, — это кипучая кровь самой великой природы, бог, дыханьем своим обвевающий мир и меня! При свете своего костра я вижу блестящую паутинку, слышу плывущую по морю лодку, отблеск северного сияния скользит вверх по небу на севере. О, клянусь бессмертной душой моей, я благодарен за то, что это я сижу здесь!..»

Да, я несомненно десятки раз испытывал именно такие чувства и настроения, но ни одного раза я не написал об этом своими словами... Занимался и занимаюсь английским языком. Передай мое *благодарение,* выражаясь языком Гамсуна, милой Арише за русско-английский словарь. Он дал мне возможность перевести кусочки из разных русских книг на английский язык. Если бы она еще нашла англо-русский, я отплатил бы ей когда-нибудь грубым физическим трудом: потаскал бы воду, рамы мог выставить к весне, убрал навоз под окном, что-нибудь такое.

Когда приедет Володька, пусть немедленно телеграфирует мне. Я желаю тебе счастья и здоровья, милый Петя. Рукопись — как только будет готова — вышли мне немедленно.

Крепко жму руку и целую тебя. Еще раз большой привет Ирине.

А.

54. П. А. ПАВЛЕНКО

<1935>

Дорогой Peter!

Письма ваши доставляют всегда неизъяснимую радость прожженной душе старого ковбоя... На Дальний Восток я безусловно поеду. Но я задался мечтой — возможно, несбыточной — сдать до отъезда 4-ю часть «Удэге». При мужественном и честном планировании это можно

сделать к концу февраля. Следовательно, на родину можно попасть в середине марта, не раньше. Однако если какие-либо обстоятельства жизни — полом ноги, дурное настроение... и т. д. — сорвут работу, то я выеду в родные льяносы и пампасы *немедленно*. Пока этой перспективы нет. Я, правда, уже попал под грузовик, но отделался легким ушибом. Паша, которого Вовка Ермилов называет «небезызвестный представитель Нидерландов эпохи Ренессанса г. ван-Юддин», отбыл в Москву, доставив мне своим отъездом искреннее горе. Под старость я становлюсь все более сентиментальным.

Хорошо, если бы ты, правда, приехал на две недели? На кой черт ты связался с этими журналами? Все одна слабохарактерность, дорогой Peter, а последствия отвратительные: разве успеешь справиться с такими замыслами при двух журналах?

Я прочел «Фиесту» Хемингуэя и «Смерть героя» Олдингтона. Обе книги очень талантливы, но первая лучше. Дело в том, что в обеих книгах герои не стоят пятака в базарный день и сами по себе дьявольски скучны. Но Олдингтон вьется вокруг них с саркастической серьезностью образованного гимназиста, а выдержать 354 страницы серьезной иронии, скепсиса... и еще вокруг дерьма, в сущности, очень трудно — скучно, прежде всего. Что же касается Хемингуэя, то он без претензий, тихим голосом и довольно экономно сплетничает о своих героях, и, как всякая сплетня, это порождает любопытство, а когда твое любопытство удовлетворено, то видишь, что это не сплетня в сущности, а такова жизнь «малых сих».... [1]

1936

55. А. В. ФАДЕЕВОЙ

<Январь — февраль 1936 года>

Что касается моего сухумского сидения, то оно уже приносит свои плоды: в работе над четвертой частью я перевалил далеко за половину и — в конце февраля, се-

---

[1] Конец письма не сохранился.

редине марта — надеюсь кончить. Помимо всего прочего, я, по обыкновению, сильно поправился, о чем можешь судить по прилагаемой карточке. Ежели Клава не едет в Одессу, то можешь использовать деньги, оставленные на ее переезд, по своему усмотрению. Не горюй особенно, если Боря и Клава разойдутся. Человек он молодой и найдет себе кого-нибудь получше. В таких делах вообще не стоит обвинять каких-то «злых людей», вторгающихся со стороны и нарушающих «семейное счастье». Не говоря уже о случайностях в браке, которые в условиях царских законов иногда, к сожалению, прикрепляли людей друг к другу навеки, а сейчас исправляются более легко, — семейные отношения вообще и в наше время полны таких противоречий, что иногда развод является лучшим выходом из них. В этом нет, разумеется, ничего особенно радостного, но такова «объективная действительность». И направится это дело только тогда, когда в результате революции — шаг за шагом — установятся во всех областях жизни более разумные и «прозрачные», как говаривал Маркс, отношения между людьми. Третья книга моя (читали ли вы ее?) хорошо встречена среди большей части литературных кругов. В «Литературной газете» была рецензия Мариэтты Шагинян, очень приятная для меня, и хороший отзыв был в статье Эрлиха «Нам чудится деляга», посвященной другим проблемам. Вероятно, подобных отзывов было бы больше и в других органах печати, если бы не боялись дразнить могучего старика — Горького, который, как известно, отрицательно относится к роману. Это меня в общем мало печалит, потому что в романе я уверен, — он свой путь к читателю и общественному мнению безусловно найдет.

Ты напрасно думаешь, что я «бегу от семьи», — ведь я вас всех горячо люблю, но московская жизнь с ее суетней, склоками, заседаниями, бытовыми заботами немедленно выбивает меня из работы, а литературная моя работа это — главное, что я должен делать в жизни. Крепко целую тебя и Таню и Володю с чадами и домочадцами. Пусть он не унывает, — работать в конце концов можно везде. Еще раз крепко, крепко целую тебя.

Саша.

56. И. Г. ЛЕЖНЕВУ

9 февраля 1936 года

Уважаемый товарищ Лежнев!

Благодаря тому, что на Дальнем Востоке я не мог достать Вашей книги «Записки современника», я только здесь в Сухуме смог прочесть ее. Книга эта, несомненно, умная и мужественная, и не только полезная для кадров интеллигенции, воспитанных в условиях старой России, но и для нашей молодежи, которую она может уберечь от многих психологических вывертов и ложных идей, все время возникающих — хотя и в обедненном виде — и в наших условиях, условиях капиталистического окружения, деятельности его вольной и невольной идейной агентуры внутри, а также — некритического подчас усвоения старого культурного наследства. Особенно понравились мне главы:

а) где Вы разбираете влияние Ницше на формирование психологии и идеологии «культурного интеллигента» в предвоенные годы. Влияние Ницше на мировую литературу действительно было огромным. И *разные* стороны этого влияния (одну из которых Вы проследили через Оскара Уайльда на «наших» эстетах) я в процессе чтения Вашей книги проверял по памяти на Гамсуне, на Джеке Лондоне и многих других (не случайно Гамсун ушел к фашизму!).

Если бы наши критики знали о Ницше не только понаслышке, т. е. понимали бы, что пресловутый «белокурый зверь» (ежели Ницше — то, конечно, «белокурый зверь»!) не исчерпывает его «теорий», а опирается на «учение» об *истине и иллюзии,* особенно близкое упадочническим литературным школам, и на то, что «никакой закон не управляет», а «мы одни только выдумали причины, последовательность, соотношение, относительность» и пр. и пр., — они (критики) поняли бы и многие стороны в творчестве, например, Олеши, Пильняка и многих других писателей, воспитавшихся в предвоенные годы на предвоенной литературе. Я уже не говорю о значении, которое тема Ницше имеет в связи с международным фашизмом и его агентурой у нас, чем Вы, кажется, собираетесь заняться. Очень важна была бы работа и о Бергсоне, и о Фрейде, об их огромном влиянии на совре-

менную западную и американскую литературу, влиянии, просачивающемся через эту литературу и *к нам* (Всев. Иванов, Бабель, тот же Олеша и другие).

Говорить о соцреализме, забывая, что он слагается, в частности, в борьбе с влияниями в мировой литературе последних буржуазных «властителей дум», которые находят скрытые пути и к нам, — это вообще свидетельство нашей малограмотности и нежелания учиться.

б) Глава, где Вы разбираете корни «сменовеховских» настроений интеллигенции периода нэпа — это не в бровь, а в глаз и *очень* поучительно. Цитата из Тана просто великолепна! Я помню, что еще в те годы она доставила мне искреннее веселье своим откровенным желанием *хорошо пожрать*.

Письмо несколько затянулось, но я невольно компенсировал невозможность поговорить с Вами.

Желаю Вам всего хорошего. Крепко жму руку.

Ал. Фадеев.

57. Э. И. ШУБ

26 февраля 1936 года

Милая Эсфирь!

Очень жалею, что я не могу прислать тебе роз! В середине февраля прошли морозы и снег: последние розы поблекли и погибли... «Увяла роза, дитя зари; не говори — так вянет младость...» Письмо твое доставило мне и большую радость, и искренне повеселило....

К сожалению, как это повседневно и наглядно показывает жизнь, позже всех обретают социалистическую сущность наши литераторы, а особенно критики. Пример тому — галиматья «высказываний» после хороших и правильных статей «Правды» о Шостаковиче. Уж кому бы, как не критикам, связать эти статьи с тем, что еще так недавно та же «Правда» по почину Сталина *подняла* Маяковского, и показать, что это, следовательно, голос не за натуралистическое серое письмо, а за большое, умное, правдивое, взволнованное революционное искусство.

Она же, критика, если бы она была большевистской, а не глупо-трусливо-угоднической, могла бы разъяснить, что это — не «опала», не съедение Шостаковича (а тем более могучего старика Мейерхольда, которому досталось не за его не осознанную им сущность, а за специфическую «мейерхольдовщину»), а что в иных творениях того же Шостаковича (а тем более почти во всех творениях могучего старика Мейерхольда) есть и то *большое* и *содержательное,* что стоит в противоречии с их «левацким уродством», и *именно это* они могут и должны развивать, чтобы раскрепостить и распространить на массы свой незаурядный (а у Мейерхольда — исключительный) талант. Ведь Маяковский тоже прорывался через «левацкое уродство» и прорвался, потому что не был «тонконогим», а был большим человеком революции, — прорвался и загремел «во весь голос». Лучшие люди страны видят и чувствуют огромное противоречие между большими, подлинно человеческими, все растущими потребностями масс и теми продуктами искусства, продуктами последней, так сказать, самой «левой» изощренности (вследствие *распада* старого), которые часто восславляются дураками из холуйства перед этой изощренностью, но в состоянии удовлетворить только людей в очках, с тонкими ногами и жидкой кровью. Когда-нибудь— уже скоро—лучшие люди страны, партии получат возможность (в смысле времени) *повседневно* заниматься делами искусства, — тогда многое «образуется». Да и хорошая молодежь подрастет. Советую тебе, сделав все правдивые, *реальные* выводы из статей «Правды», поплевывать на пошлый рев и визг больших и маленьких ослов и осликов и спокойно заниматься своим делом.

Я не приеду раньше конца марта, начала апреля. Если можно, очень прошу прислать мне сценарий, — я сделаю ему полный разбор по своему усмотрению и по своей совести. Очень желал бы тебе большого успеха. Это то, что тебе незаслуженно не хватает в последние годы.

Я пишу теперь по 10—12 часов в день, стал очень злым и старым от табака и нервного напряжения. С Валей отношения у меня вполне дружеские, но, конечно, ничего нового по сравнению с последними годами нет и не может быть, да, наверное, и не нужно. Вся наша прозрачная семья перебралась в другой дом отдыха. Я живу

изолированно, почти в мансарде, с балконом на море. И у самого балкона растут кипарисы — так близко, что я могу их трогать рукой.

Крепко жму руку и обнимаю тебя...

А.

58. Э. И. ШУБ

7 апреля 1936 года

Милая Эсфирь!

Я давно уже тебе не писал, — объясняется это только тем, что я все гоню и гоню вперед четвертую часть и совершенно осатанел от работы. Я уже не могу дольше сидеть здесь (в отличие от дальневосточной — здешняя жизнь моя, если бы не писания, совершенно бессмысленна), а конца части все не вижу, хотя кажется — вот-вот. Нервы так устали, что буквально ничем больше не могу заниматься и даже не читаю ничего. Единственная разрядка была в конце марта, когда приехал на несколько дней Коля Шенгелая, перенесший воспаление легких. Болезнь не пошатнула могучего старца. Быстрая мингрельская кровь, кровь целых поколений конокрадов, еще дает себя знать. Можешь себе представить, какие это были дни?.. Где-то мы ездили, разнимали какую-то драку армян с мингрельцами, какие-то смутные воспоминания о пещере Симона Канонита остались в мозгу. Какая-то вермишель из тостов, духанов, автомобильной езды, Шенгелаевых зубов. Все пошло на пользу. И снова пишу, как проклятый. С огромным трудом и скукой осилил тыняновского Пушкина. Не потому, что плохо написано — написано хорошо, а потому, что нет пока что в романе движущего противоречия, все описательно-статично, однообразно-иронический тон, и даже в языке есть какая-то однообразная назойливая ритмичность (хотя язык как будто не плох — в меру архаичен и в меру прост). А главное, когда прочел — понял, что все это уже давно известно. Но много хорошего и даже прекрасного: Василий Львович и Сергей Львович — это очень тонкая работа, поразительно чувствуется, что они разные и братья; старик Аннибал. Много конкретно-осязаемого, бытового, что в применении к историческому роману является

безусловным достоинством. Не плох был Сперанский, пока читал, а сейчас, когда роман отодвинулся, толстовский Сперанский заслоняет, и тыняновского не вижу. В отношении самого Пушкина: только в главе «Лицей» начинает чувствоваться характер, а в «Детстве» — нет. Это не хорошо. Это *главный* недостаток. Дети вообще имеют свое индивидуальное лицо, а гениальные дети *особенно*. Но в общем это вещь, конечно, значительная и вся, очевидно, еще впереди. Что же касается скуки, то я сам ею грешу.

Здесь весна в полном разгаре. Много деревьев в белом цвету. Опять же море. Дельфины. Дельфинки. Все это не для меня. Очень представляю себе, как буду сидеть на твоем чердаке и терзать тебя часа три чтением «Удэге».... Я часто говорю себе: «Мытарь! Благодари бога, что он не создал тебя добродетельным...»

Что ты поделываешь, милая Эсфирь! Что с вашим Пушкиным? Здорова ли ты, друг мой? Так хотелось бы повидать тебя. Когда подумаю, что раньше середины мая, очевидно, не кончу (несмотря на то, что конец давно уже казался «так близко, так возможно!») — волосы седеют и крупные коровьи слезы капают в пивную кружку. За дискуссией в кино, театре, литературе следил по мере сил, много смеялся, немного злился. Потом понял, что все пойдет на пользу тем, у кого любовь к искусству неотделима от любви к стране и народу и у кого есть голова на плечах и позвоночник в теле. А у кого всего этого нету — пусть пропадет, туда ему и дорожка.

Крепко жму руку и целую тебя, Эсфирь!

А.

59. Н. А. ОСТРОВСКОМУ

27 мая 1936 года

Дорогой Коля!

Я вынужден выехать внезапно и, очевидно, не смогу с тобой повидаться... Я очень жалею, что мне не удалось поговорить с тобой о твоей книге «Как закалялась сталь». Мне хотелось бы указать на некоторые ее специфические недостатки, чтобы ты смог учесть их при работе над новым романом. Сейчас я уже не успею изложить

их письменно, но сразу по приезде в Москву пришлю тебе письмо с подробным разбором повести. Я очень рад был познакомиться с тобой. Радостно сознавать, что большевики уже нашего с тобой поколения, т. е. относительно молодого поколения, дают образцы такого непревзойденного величавого и простого мужества и преданности революционному долгу. А книга твоя, несомненно, пробуждает в людях нашего советского народа самые лучшие и передовые *чувства,* и это ее главное достоинство. Как человек одной с тобой профессии («на данном этапе»), я знаю, как трудно, — это самое трудное! — передавать и вызывать *новые чувства.* Итак — до следующего моего письма, до новой встречи.

Знаю, что нет такой силы на свете, которая смогла бы поколебать твой дух и согнуть твою волю.

Крепко жму руку.

Ал. Фадеев.

60. Н. А. ОСТРОВСКОМУ

28 июня 1936 года

Дорогой Николай!

Прости, что так задержал обещанный тебе разбор романа «Как закалялась сталь». Первое время ушло на различные партийные, литературные и бытовые дела. А тут свалилось это несчастье — смерть Алексея Максимовича. Старик свалился совершенно неожиданно: легких у него почти совсем не было, но весь организм в остальном был исключительно здоров. Мог бы он еще жить и жить. А писать он стал, судя по известному мне куску IV части «Клима Самгина», еще лучше прежнего. Как это часто бывает, истинные размеры этого человека стали видны только после его смерти. И только теперь сознаешь полностью — что это ушел целый кусок мира. Хочется написать о нем большую работу. Пока что работаю над статьей для сборника Гослитиздата.

Я прочел «Как закалялась сталь» с полгода назад и делал об этой книге доклад в Сухуме. То, что я напишу тебе здесь, является как бы кратким содержанием доклада.

Роман понравился мне многими сторонами: прежде всего, глубоко понятой и прочувствованной партийностью, которую я только у Фурманова (из писателей) видел так просто, искренне и правдиво выраженной; новым вйдением и чувствованием мира, выраженными, главным образом, в центральном герое — Павле Корчагине, который, несмотря на необычное продолжение своей биографии, является типичным; всем своим обликом он противостоит молодым людям XIX столетия, так хорошо изображенным в ряде романов русских и иностранных писателей; скажу больше — мне кажется, что во всей советской литературе нет пока что другого такого же пленительного по своей чистоте и в то же время такого жизненного образа; наконец, — широтой картины, охватывающей исторически довольно большую полосу развития и показывающей различные классы общества в их столкновениях, хотя, разумеется, основное внимание книги обращено на жизнь рабочих, красноармейцев, комсомольцев.

Искренность и теплота тона и акварельные, т. е. не броские, тонкие краски придают этой книге большое индивидуальное своеобразие. Она очень лирична. Вместе с тем отмечу одну очень существенную «частность»: тебе удаются диалоги, а это первый признак, что тебе под силу была бы драма.

Тем не менее книга страдает рядом недостатков, которые не так трудно было бы исправить и в последующих изданиях, и в дальнейших книгах.

1. Сосредоточив всю силу внешней и внутренней характеристики на Павле Корчагине, ты почти всех остальных героев наметил либо двумя-тремя внешними и внутренними штрихами, подчас слишком общими (даже такие важные фигуры, как Жухрай, Артем и т. п.), либо одной фамилией. Есть, конечно, исключения, в частности в отношении некоторых женских образов — Тоня, Рита. Но в общем, этот недостаток типичен для твоей книги. И особенно, мне кажется, не хватает тебе именно *внешней* характеристики — наружности, одежды, жеста, данных, конечно, не пространно, а через детали, что сразу бы налило плотью совершенно правдивые, реальные и многообразные эмоции; чувства и мысли, которые разбросаны по твоим многочисленным персонажам, в частности диалоги, от этого еще бы выиграли.

2. В романе не всегда есть «объемность», столь необходимая для реалистического произведения, т. е. *чувство пространства,* уменье показать в каждой людской ситуации при помощи ряда штрихов, какая обстановка окружает людей, какие предметы — природа, вещи, расположение света и теней, расстановка людей по отношению к предметам и друг к другу. Этого у тебя не хватает; порой кажется, что люди действуют в безвоздушном пространстве. Когда начинаешь писать, — это я знаю по собственному опыту,—очень мало уделяешь внимания вопросу о том, в какой комнате происходит действие: большой, маленькой, высокой, низкой, или какой день — пасмурный или солнечный, высокое или низкое небо, близко горы или далеко, кто из участников действия сидит, кто стоит и проч. А между тем в реальной жизни это ощущение необходимо для ориентировки, и оно также необходимо в произведении.

3. По книге рассыпаны, особенно по второй части, публицистически-газетные характеристики политических ситуаций, а иногда (что — реже) и общественных чувств. Возьми, к примеру, кусок, связанный со смертью Ленина. Это совсем другая словесная ткань, которая дает такое же ощущение, как если бы ты пил горячую воду и вдруг она перeслаивалась бы струями холодной. Это сразу отличимо и режет.

Это, собственно, все.

Узнал вчера, что ты опубликовал уже в «Молодой гвардии» первую часть «Рожденные бурей». На днях достану эти номера, прочту и тогда напишу тебе.

Крепко жму руку. Если будет время, пиши.

Ал. Фадеев.

61. П. А. ПАВЛЕНКО

24 октября 1936 года

Милый Петя!

Хотя и не так часто приходилось нам видеться в последние месяцы, но все-таки как-то чувствовалось, что ты живешь где-то рядом. А сейчас уехал, — и стало скучновато. Когда живешь в суете, время идет незаметно, все думаешь — завтра зайду, завтра, завтра, потом

действительно встретишься, и вроде все нормально. А вот когда нет, и знаешь, что заехать невозможно, сразу чувствуешь отсутствие и никакая суета не спасает. Да, впрочем, и суеты-то сейчас нет у меня. Заехал... на дачу и добиваю окаянную 4-ю часть. По милости Романа Кима всю часть перекроил — и, видимо, на пользу ей и себе. К первому ноября, очевидно, *окончательно* кончу. Очень трудно писать, когда уже стал *«искушенным»*. Т. е. трудно потому, что на более высшей зрелой основе надо приобрести бесстрашие (в мыслях, чувствах) юности, снова— на почве ума и знания — найти какую-то *наивность*. Когда я почти мальчишкой пошел на фронт, я совершенно непосредственно и до конца ничего не боялся — до пeрвого боя. Если продолжать образ до конца, я уже до первого боя *начал свою* военную биографию и начал прекрасно, — меня в пример ставили. Первый же бой произвел на меня ужасное впечатление. Только самолюбие помогло мне не показать другим, что я просто до ужаса испуган. И началось долгое «дранманже», как говорят почтово-телеграфные чиновники, пока, в силу привычки (а в нашем деле — профессионального навыка), а *главное* в силу приобретенной мудрости, что ли, и постоянных *усилий воли* — не появилось новое отношение к себе, к смерти и революции, — и, в сущности, только тогда я стал делать настоящее дело по отпущенным мне в военное время пределам.

В «Удэге» я нахожусь вроде на середине пути. От юности («Разгрома») ушел, «навыки» приобретаю, приближаюсь к какой-то самой большой и важной *ясности*, но что-то еще тормозит, пугает, сковывает, и то вырвешься на подлинную, как кажется, высоту, то вдруг чувствуешь себя немым. Да что, в сущности, пугает и сковывает?..

Когда за спиной человечества тысячелетия ужасной жизни, так легко и просто человеку с дарованием написать о том, как и ему еще тяжело живется на свете, сколько он испытал страданий, горя, потерь. И даже совсем нетрудно рассказать о том, сколько ты другим причинил горя, страданий и потерь! И именно поэтому прекрасные в этом смысле вещи Дос-Пассоса, Хемингуэя, Селина — со всем их бесстрашным обнажением эгоизма и страдания — не могут быть нам примером. Гораздо труднее показать, как мы, *такие*, открыли новую правду людских отношений (именно мы сами), новые связи друг

с другом, образцы жизни для человечества. А я уверен, что мы можем и должны писать об этом так, как мы переживали и постигали это сами, потому что мы *истинные сыны своего времени*. И даже... Шолохов всаживает в своих Григориев и Аксиний *свой* характер, и казаки признают его, характер Шолохова, *своим* характером... Я абсолютно уверен, что и для тебя, и для меня... не только дело в *знании* жизни, — ведь мы чертовски много видели и знаем! — а все дело в подлинном правдивом выражении *своих* мыслей и чувств от самых высоких до самых низменных, — и *здесь* мы не достигли еще «бесстрашия», *здесь* что-то нас еще пугает и сковывает. Характерно, что «полковник Луговец» в книге, которую он считает самой интеллигентскою и в которой он выворачивал всего себя, написал такие строки:

Я вел свои экспедиции, стоял у своих реторт,
Я делал свою работу, хоть это не первый сорт,—

и

Я шел за тобою следом с тяжелой, как жизнь, семьей,
И мать, и жена, и сестры стирали белье твое,
Прости же меня за ошибки, судьба их назад берет... —

строки, под которыми подпишутся и геолог, и слесарь, и прачка. А он предполагал, что это нечто вроде «исповеди отщепенца»!

А перечитай сейчас Маяковского! И ни черта он не «наступал на горло собственной песне!» Наоборот, — когда прочтешь его с начала до конца — что я недавно и сделал,— благоговейно снимешь шляпу... Потому что это — правда о нас, о революции, о времени, о коммунизме.

В этом смысле лучшим поэтом *мира* был Пушкин. Ни Шекспир, ни Гете, ни Байрон, как они ни велики, не достигали такой предельной искренности, простоты и многообразия чувств и мыслей. Человек сумел даже половой акт написать откровенно и целомудренно («О нет, не дорожу мятежным наслажденьем...»). В нем умещались —

И *с отвращением,* читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю...

И —

Что смолкнул веселия глас...
. . . .
Да здравствуют музы, да здравствует *разум*.
Ты, солнце святое, гори...

Милый Петя! Я мог бы писать об этом в *письме* бесконечно. Но в романе я еще не достиг этого. Может быть, это объясняется очень просто — может быть, это объясняется тем, что «таланту у меня положительно нету». Но если б знали люди, как я этим действительно мучаюсь! Вот уж, на самом деле, этого не могут понять и никогда не поймут «ни мать, ни жена, ни сестры», и именно поэтому я тебе об этом пишу.

Прости меня за наивные выражения чувств, но когда я с 19-й версты ехал в город на почту и получал письмо с твоим, столь знакомым мне почерком на конверте, я испытывал и подлинное волнение, и какое-то веселое житейское удовольствие. Волнение — оттого, что ждал сообщения о каких-нибудь житейских неприятностях, и веселое житейское удовольствие — оттого, что знал, что ты обязательно будешь мне писать о литературе, живописи, музыке, обо всей этой окаянной работе, которая и является *основой* нашей повседневной жизни и которую поэтому надо воспринимать просто и обыкновенно, как столяры и хлеборобы воспринимают продукты своей работы — шкаф, зерно. Хорошо сделал шкаф, но узор надо было бы пустить пониже... [1]

1937

62. Э. Ю. ТРИОЛЕ

1 июля 1937 года

Милая Эльза!

Очевидно, мне не удастся зайти к тебе сегодня. Очень жалко. Потому что, когда я ехал в Париж,— даже когда я узнал, что поеду в Париж, — с той поры я все время думал о тебе, или, правильнее сказать, радовался, что увижусь с тобой. И я был по-детски огорчен, что ты больна, а когда увидел тебя, бледную, похудевшую, с холодным пузырем на животе, понял, что среди людей на земле ты чем-то дорога для меня, и — стал болеть вместе с тобой,

[1] Конец письма не сохранился.

Конечно, грустно, что это похоже на объяснение в любви (я так много наврал женщинам), но поскольку я ни на что не претендовал и не претендую (и, как говорит Зощенко, «промеж нами ничего не было»), я имею, должно быть, право сказать, что люблю тебя. За что же, спрашивается? За то, что ты — умница, за то, что ты внутренне правдива (то есть сама себе не врешь), за то, что я был молод, когда с тобой подружился, и мне приятно и грустно об этом вспоминать, за то, что мы долго не виделись, и поэтому ты так и осталась в моей памяти — хорошей, красивой и веснушчатой, — за то, что мне очень хочется такой тебя и сохранить в своем сердце. (Одним словом — парень тольки что из гимназии.) Но перитонит — это, правда, отвратительная вещь, и у меня просто живот болит, когда я тебя представляю, и это уже настолько неожиданное чувство, что начинаешь даже сам себя уважать. Я ясно вижу, как под старость во мне будут чередоваться сентиментальность с разливами желчи, во время которых я буду бить нянек костылем, но и тогда я буду относиться к тебе с нежностью и какой-то душевной открытостью. В общем, поправляйся и живи, друг милый.

Некто *А. Ф. (эсквайр).*

63. А. О. СТЕПАНОВОЙ

22 декабря 1937 года

Милая Линушка!

Сейчас еще очень рано, только что рассвело. В вагоне все спят. Я сижу на откидном сиденьице в коридоре у окна и пишу тебе. Мы только что проехали Беслан, Серноводск, начались предгорья Кавказа, еще невысокие, холмистые. Снега, конечно, нет. Туманно. Если бы я не представлял себе, как вы там маетесь без домработницы и какая ты стала худенькая, горемычка моя, настроение у меня было бы прекрасным. Я так люблю новые места, и я уже предвкушаю их. Мы едем местами, где я бывал в 1925 году, когда работал на Северном Кавказе. Я был тогда еще очень молод и необыкновенно жизнерадостен. Работал я в краевой газете, в Ростове н/Д, жил в маленькой комнатке на четвертом этаже с видом на Дон и на степи. И по роду работы очень много ездил. Я жил один,

но понятия не имел, что такое одиночество. Новые места, люди, города, пейзажи, события — все я воспринимал с необыкновенной жадностью. В Ростове, придя с работы домой поздно вечером, усталый, я мог часами смотреть на огни Батайска в степи за Доном, на отражение этих огней и звезд в Доне, на небо, на черный мост, похожий на Бруклинский, на трубы пароходов, пришедших из Черного и Азовского морей и напоминавших о том, что мир очень просторен. Эта жадность к жизни осталась во мне и сейчас, но одиночество я воспринимаю теперь как тяжелый крест. А с тех пор, как ты появилась на свете, мне уже трудно представить себе хоть один шаг без тебя.... Как хорошо было бы сейчас почувствовать твою руку в своей и заглянуть в твои умные черные глазыньки. За окном творится много интересного: пасутся овечьи стада, два горца на лошадках, стройных, изящных, как они сами, выехали на гребень холма; маленькие козлики с едва наметившимися рожками дерутся, вставая на дыбки. Холмы, холмы и туман. Скоро будет Кавказ весь в снегах. Я так тоскую по тебе, радость моя, умница! До свиданья, хорошая моя....

А.

1938

64. М. АЛЬТЕРМАНУ

<Апрель 1938 года>

Товарищ Альтерман!

С некоторым опозданием отвечаю на вопрос, поставленный в Вашем письме: «Кем был бы Мечик в наши дни».

Я думаю, Вы и большинство класса, вместе с Вашим педагогом, были правы. Конечно, Мечик примкнул к революционному движению по мотивам личным, индивидуалистическим, скрыто-карьеристским. Такие люди, столкнувшись с трудностями движения и с препятствиями, которые ставит революционная действительность на

путях личной карьеры, превращаются либо в брюзжащих обывателей, либо во врагов революции и народа.

Некоторые критики думали, что в образе Мечика мною дан обобщенный образ интеллигенции в период гражданской войны... Это неверно. Ведь Левинсон тоже выходец из интеллигенции. Действительность показала, что в процессе социалистического строительства интеллигенция стала равноправным членом нашего общества. Многие из старых и молодых интеллигентов, колебавшихся и сомневавшихся в первые годы революции, стали вполне советскими людьми и хорошими советскими работниками.

Мечик принадлежит к худшей разновидности интеллигенции — той ее разновидности, которая плохо поддается переделке, потому что сочетает крайний индивидуализм, ячество — с дряблой волей.

С товарищеским приветом!

А. Фадеев.

1939

65. А. М. СЕМЕНОВУ

Март 1939 года

Дорогой товарищ Семенов!

Я чувствую себя очень перед тобой виноватым за то, что так долго не давал отзыва на твой роман «Двадцать первый год». Я уже месяца два, как прочел его, но буквально не мог найти двух-трех часов, чтобы осмыслить прочитанное и написать отзыв. Последний месяц вырвали конференции — районная, областная и наконец — съезд. За это же время пришлось кончать сценарий о Фрунзе. И — бездна всяких дел по союзу. Но, действительно, лучше поздно, чем никогда.

Роман твой свидетельствует о незаурядном таланте его автора. И все же — он «не вышел» (во всяком случае — в этой, первой его части).

Что в романе свидетельствует о несомненном таланте автора?

1. Выбор темы, решительно никем еще не затронутой, и темы чрезвычайно интересной и важной в истории нашей революции — о нэпе, этом сложнейшем маневре нашей партии в условиях обнищавшей, мелкособственнической уездной России.

2. Индивидуальный характер авторского видения мира и манеры его (мира) изображения. Несомненно, тебе удалось увидеть и показать в обстановке того времени, в людях многое такое, что еще никем не сказано: смятение в сознании многих и многих коммунистов, трудности, необычность хозяйствования в условиях конкуренции, соревнования с частнособственнической инициативой, пробуждение собственнических инстинктов в людях, — и все это в условиях уездной, бездорожной, глухой страны, где еще во многом господствует «недотыкомка серая». И в то же время — огромная моральная сила, действенная, неутомимая преобразующая сила людей-строителей, организаторов жизни, коммунистов, людей без позы, без крика, без фальши, со слабостями, с изъянами, но людей настоящих, думающих, строящих, борющихся.

3. Владение диалогом. Умение индивидуализировать его. Это — наиболее сильная твоя сторона. Диалог — не пустой, живой и философский, насыщенный мыслями и еще больше «подмыслями», неожиданными психологическими ходами. Хороша природа. Много удачных неожиданных психологических характеристик и вне диалога.

Но — при всем этом — написано неумело, непрофессионально, плохо построено, растянуто, бездейственно и потому — читательски это скучно. Школа Достоевского, учеником которой ты являешься (не знаю — непосредственно или преломленно через «Клима Самгина», сделанного тоже в школе Достоевского с «поправкой» на огромную индивидуальность автора), школа эта может быть очень плодотворной и в то же время она требует большого *профессионального* уменья. У Достоевского любой диалог — это конфликт, противоречие, острое, мучительное, действенное и надрывное. У Достоевского все время что-нибудь *происходит,* его сюжет почти уголовный, настолько он действенный, трагичный, движущийся. В «Климе Самгине» люди бесконечно много «разговаривают», но разговаривают на фоне и во время происходящих здесь же, в романе, огромных потрясающих событий, охватывающих и решающих судьбу народа, классов, го-

сударства. У тебя в романе почти ничего не происходит, ничто не движется, люди или занимаются психологией, или разговаривают, разговаривают, разговаривают, людей — по размеру части — ужасно много, охарактеризовать каждого, объяснить его место и назначение в романе ты не успеваешь. При всем том очень много недоговоренности, «туманности», люди и в мыслях и в разговорах все время ходят вокруг чего-то самого главного, не умея это сформулировать, говорят иносказательно — часто говорят умно и неожиданно, но из всей вермишели умного и глупого — с трудом достаешь кусок настоящего неперваренного мяса. Нет чего-то главного, *самого* главного. Мне кажется, этот грех проистекает еще и оттого, что, за отдельными исключениями, ты все-таки больше сосредоточиваешь внимание на бессознательных, нутряных, подспудных, затаенных движениях и сторонах человеческой психики, чем на разумных, осознанных, целеустремленных, действенных, интеллектуальных. А эта последняя сторона господствует и господствовала в психике людей, преобразующих мир. Без настоящих, прямых, осознанных участниками коллизий и конфликтов вообще трудно двигать сюжет современного романа.

И, наконец, при всей талантливости, чувствующейся даже и в языке, стиль романа свидетельствует о незнании *законов* русского языка (а иногда и о незнании русской грамматики). Почти на каждой странице есть выражения, недопустимые с точки зрения русского речевого строя — в том смысле, что сочетаются несочетаемые понятия или автор невольно, употребив не те слова, выражает совсем не то, что хотел.

Кто-то, читавший роман до меня, обильно почеркал страницы, и я в подавляющем большинстве случаев с ними согласен, — я подчеркивал бы те же самые места.

При всем том я повторяю: это написано талантливо и незаурядно. На любой странице можно найти что-нибудь хорошее, неожиданное, свидетельствующее о хорошей наблюдательности и своеобразии мышления. Дело, очевидно, в том, что тебе надо писать больше, чаще, надо самого себя *выработать*. Может быть, стоит писать дальше этот роман, а потом, когда поставишь точку в конце, снова вернешься к первой.... [1]

---

[1] Конец письма не сохранился.

66. А. Н. ТИХОНОВУ (СЕРЕБРОВУ)

22 июня 1939 года

Уважаемый Александр Николаевич!

Я чувствую себя очень виноватым, что так долго задержал твою рукопись, тем более что я прочел ее уже довольно давно. Но никак не удавалось встретиться, а за всякими суматошными делами письмо также не мог удосужиться написать.

Воспоминания, по-моему, очень хороши. Есть некоторые стилистические недоделки, но их кто-то уже отметил в тексте и в большинстве случаев правильно. Образ Льва Николаевича — и внешний, и внутренний — сделан великолепно: выпукло и оригинально.

Самое серьезное мое замечание таково: все философские рассуждения Толстого нельзя просто фиксировать без авторского критического отношения к ним. Если даже в старое время Алексей Максимович в своих воспоминаниях о Толстом, написанных отрывочно, как бы для самого себя, все время полемизировал с Толстым и не мог удержаться от критики его проповедей, — то тем более в наше время, когда новое поколение молодежи вовсе незнакомо с Толстым — философом и проповедником, необходимо тут же на месте вскрывать авторской репликой или писательским замечанием наивную, смешную и вредную сторону его учения.

Тебе, может быть, это покажется лишним. Но надо совершенно реально представлять себе, что некоторые современные молодые люди, которым могла наскучить в школе пресная система преподавания общественных наук, впервые через твои воспоминания ознакомятся с некоторыми толстовскими взглядами и подумают про себя: а может быть, старик был прав. Это был бы вывод неожиданный и вряд ли для тебя желательный.

Мне кажется, это надо учесть. С этой главной поправкой я считаю очерк очень сильным, выразительным, по-настоящему художественным и с удовольствием напечатал бы его в «Красной нови», если ты не отдал его в другое место.

С приветом

Ал. Фадеев.

67. В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «МОЛОТ»

20 июля 1939 года

От всего сердца горячо приветствую «Молот» в день его пятнадцатилетия. Горжусь тем, что начало моей литературной биографии связано с рабочей газетой, воспринявшей с первых своих шагов славные традиции, прекрасные революционные традиции рабочего класса Ростова-на-Дону.

«Молот» за 15 лет воспитал немало литераторов — журналистов и писателей, перо которых беззаветно служит делу Ленина, делу воспитания социалистического человека, делу освобождения человечества.

Да здравствует наш «Молот»!

Ал. Фадеев.

68. И. К. ЛУППОЛУ

17 октября 1939 года

Дорогой Иван Капитонович!

Возвращаю схему тома «Истории советской литературы». Все мои замечания *в тексте.*

Нет времени писать отдельное письмо, очень хотелось бы, чтобы с этими замечаниями ознакомились все работающие над томом, — может быть, они им пригодятся.

С ком. приветом

А. Фадеев.

69. М. М. ПРИШВИНУ

22 октября 1939 года

Дорогой Михаил Михайлович!

Простите, что так поздно отвечаю Вам, — Ваш очерк о выставке «Большая биология» попал ко мне после Вашей правки только после моего возвращения из Армении.

Товарищи по редакции «Литгазеты» не напечатали этот очерк потому, что и после Ваших поправок

свободолюбие пчелки сравнивается со свободолюбием староверов, свободолюбием собственническим, религиозным и анархическим, в то время как пчелка эта, несомненно, колхозного происхождения.

Любой Ваш очерк, — и в этом Ваша сила, сила большого художника-реалиста, — ведь имеет не только буквальный, зримый, но и подспудный, второй, подводный, поэтический ход. В такого рода произведениях в тех случаях, когда они берут тему, имеющую острое, злободневное, политическое звучание, необходима исключительная точность, — Вы этим прекрасно владеете, и конечно, не мне Вас учить. Но я обращаю Ваше внимание на то, что вставка о себе в контексте с пчелкой и староверами невольно приобрела двусмысленный характер. Пчелка свободолюбива, как те староверы, от которых она повелась. К сожалению, староверы «оказались владельцами богатейших пасек» и превратились в «консервативных буквоедов», как Вы пишете. И здесь Вы со староверами расходитесь и «продолжаете искать Белые Воды, край непуганых птиц и корень жизни «жень-шень» на Востоке и будете искать до конца», т. е. Вы продолжаете в *наших, современных* условиях «свободолюбие» староверов... в условиях *царизма.* Вряд ли Вы стремились к такому неожиданному выводу, а объективно так оно получилось — и только потому, что для характеристики свободолюбия пчелки Вы взяли староверов, а не колхозный строй.

Уверяю Вас, что Мичурин, Лысенко, Цицин и их последователи, таланты и возможности которых смогли полностью развернуться при колхозном строе, в отношении подлинного свободолюбия (в смысле поисков нового, открытий, радости и плодотворности настоящего творческого труда) дадут сто очков вперед любому из самых свободолюбивых староверов, староверам это и не снилось. Уж лучше бы было, справедливее сравнивать прекрасную советскую пчелку с этими людьми, с колхозниками, а не с закоренелыми ретроградами.

Как видите, Ваш очерк о пчелках имеет непосредственное отношение к политике сегодняшнего дня. Именно поэтому, очевидно, к нему отнеслись так строго и в «Известиях» и в «Литгазете».

Крепко жму Вашу руку.

А. Фадеев.

70. В. П. СТАВСКОМУ

14 декабря 1939 года

Дорогой Володя!

Уже несколько дней, как сообщили о твоем мужестве и о твоем ранении, но просили не тревожить. Пользуюсь полученным разрешением послать ребят и написать, чтобы сказать тебе, как мы здесь глубоко взволнованы, тронуты всем и полны гордости за тебя.

Думаю, что не нужно тебе говорить, насколько мелки и малоинтересны всякие литературно-житейские недоразумения перед подлинными глубокими коренными вопросами нашей общей борьбы и жизни. В них, на них, и только на них, проявляются люди, и именно поэтому каждый наш человек, в котором течет горячая большевистская кровь, а не водица, чувствует в тебе настоящее большевистское сердце и гордится тобой и желает тебе могучего здоровья на страх врагам!

С глубоким чувством я жму тебе руку, старый товарищ, знаю и верю, что скоро поправишься, братски обнимаю, дорогой Володя.

Твой *Ал. Фадеев.*

71. В РЕДАКЦИЮ «МОСКОВСКОГО АЛЬМАНАХА»

<1939 год>

1. Хорошо, что мы *не называем* альманах «Альманахом молодых» (или «молодежи»), т. е. не делаем ошибки других сборников, благодаря которым к ним, этим сборникам, всегда устанавливалось отношение снисходительное, предубежденное, «приседающее». Но все же альманах *по существу* должен быть альманахом молодежи, настоящей талантливой писательской молодежи — в этом его смысл, цель, оправдание.

Поэтому я предлагаю изъять из альманаха вещи «стариков» (Асеева, Зощенко, Ахматовой). Раньше я придерживался другого мнения, недооценив одного очень существенного обстоятельства: в советской общественности создается впечатление, — учитывая особенно *характер*

вещей Асеева, Зощенко, Ахматовой, — что этот альманах создан в *обход* существующей системы журналов, для того чтобы «дать выход» вещам, не могущим быть напечатанным в другом месте. Или, иначе говоря, первая же книга альманаха получит плохой политический резонанс, никто не поймет, для чего она выпущена. А между тем по замыслу она должна показать лицом наши талантливые молодые кадры, в ряде вещей ничуть не уступающие старикам.

2. Надо передать «Писатель о своем деле» Хемингуэя в журнал «Литературная учеба», снабдив эти отрывки предисловием, дающим не только систематизацию литературных взглядов Хемингуэя, но и их *социальное* объяснение. Печатать литературные высказывания одного Хемингуэя в альманахе советской литературной молодежи — это создать впечатление, что альманах выбрал его как своеобразное «знамя». А между тем у Хемингуэя много неправильного (противоречащего советскому марксистскому пониманию) во взглядах на литературу.

3. К этому первому альманаху, впрочем не только к нему, надо подойти очень строго не только с точки зрения художественного качества, но и особенно с точки зрения *идеологического* качества, — подойти, если хотите, с «придирками» — не мелочными, «перестраховочными», а с высоты *большого и принципиального общественного сознания.*

С этой точки зрения я не советовал бы печатать:

а) «В степи» — стих. Маркова. Это не советское стихотворение. Надо оставить хорошее, советское стихотворение — «Озеро Лаче».

б) Четверостишие Матусовского «Никогда тебя не постигая». Это лирика претенциозная, но мелкая, альбомная — зачем она здесь, когда есть другие хорошие стихи Матусовского.

в) «Катюша» — Я. Смелякова. Мысль этого стихотворения правильная и стихотворение талантливое. Но явление, которое он хочет осудить, дано им в «легком» ироническом плане, я сказал бы, в легкомысленно-ироническом плане или даже фривольно-ироническом. А между тем с этим явлением вся передовая советская общественность ведет сейчас очень серьезную борьбу, как с одним из пережитков капитализма (дело здесь именно не в отвлеченной интеллигентской морали, нам чуждой, и тем

более не в ханжестве, которое мы презираем, *а в пережитках капитализма,* в том, что это явление нам *социально враждебно).*

Известно, что наша пресса яростно обрушивается на это явление и в литературе. В этих условиях *тон* стихотворения Смелякова не будет понят и вызовет обратную реакцию у читателя и тем более в прессе. В сборнике стихов Смелякова — не в альманахе, отдельно — это стихотворение не будет так звучать по контексту со многими другими, — там ему и место, а не в альманахе.

4. Я прошу эти мои замечания размножить для членов редакции альманаха и созвать редколлегию 1-го в 3 часа дня (не позже) в Союзе писателей, где мы все эти вопросы совместно обсудим.

А. Фадеев.

1940

72. Е. С. БУЛГАКОВОЙ

15 марта 1940 года

Милая Елена Сергеевна!

Я исключительно расстроен смертью Михаила Афанасьевича, которого, к сожалению, узнал в тяжелый период его болезни, но который поразил меня своим ясным, талантливым умом, глубокой внутренней принципиальностью и подлинной умной человечностью. Я сочувствую Вам всем сердцем: видел, как мужественно и беззаветно Вы боролись за его жизнь, не щадя себя, — мне многое хотелось бы сказать Вам о Вас; как я видел, понял и оценил Вас в эти дни, но Вам это не нужно сейчас, это я Вам скажу в другое время.

Может быть, и не было бы надобности в этом письме: вряд ли что может облегчить твердого и умного человека с сердцем в период настоящего горя. Но некоторые из товарищей Михаила Афанасьевича и моих сказали мне, что мое вынужденное чисто внешними обстоятельствами неучастие в похоронах Михаила Афанасьевича может быть понято как нечто, имеющее «политическое

значение», как знак имеющегося якобы к нему «политического недоверия».

Это, конечно, может возникнуть в головах людей очень мелких и конъюнктурных, на которых не стоит обращать внимания. Уже в течение семи дней я безумно перегружен рядом работ (не по линии Союза писателей, а работ, место и время которых зависят не от меня) — не бываю в Союзе, не бываю и часто даже не ночую дома, и закончу эти работы не раньше 17—18-го. Они мне и не дали вырваться, о чем я очень горевал, — главным образом, из-за Вас и друзей Михаила Афанасьевича: ему самому было уже все равно, а я всегда относился и отношусь равнодушно к *форме*.

Но я не только считал нужным, а мне это было по-человечески необходимо (чтобы знать, понять, помочь) навещать Михаила Афанасьевича, и впечатление, произведенное им на меня, неизгладимо. Повторяю, — мне сразу стало ясно, что передо мной человек поразительного таланта, внутренне честный и принципиальный и очень умный, — с ним, даже с тяжело больным, было интересно разговаривать, как редко бывает с кем. И люди политики, и люди литературы знают, что он человек, не обременивший себя ни в творчестве, ни в жизни политической ложью, что путь его был искренен, органичен, а если в начале своего пути (а иногда и потом) он не все видел так, как оно было на самом деле, то в этом нет ничего удивительного: хуже было бы, если бы он фальшивил.

Мне очень трудно звонить Вам по телефону, т. к. я знаю, насколько Вам тяжело, голова моя забита делами, и никакие формальные слова участия и сочувствия не лезут из моего горла. Лучше, освободившись, я просто к Вам зайду.

Нечего и говорить о том, что все сопряженное с памятью М. А., его творчеством мы вместе с Вами, МХАТом подымем и сохраним: как это, к сожалению, часто бывает, люди будут знать его все лучше по сравнению с тем временем, когда он жил. По всем этим делам и вопросам я буду связан с Маршаком и Ермолинским и всегда помогу всем, чем могу. Простите за это письмо, если оно Вас разбередит.

Крепко жму Вашу мужественную руку.

Ал. Фадеев.

73. В. В. ОВЕЧКИНУ

27 марта 1940 года

Уважаемый товарищ Овечкин!

К сожалению, мы не смогли напечатать Ваш очерк, написанный к 10-летию коллективизации. Дело не в том, что Вы правдиво и ярко показали трудности, которые стояли перед колхозами на Кубани. Это как раз хорошо, а дело в том, что Вы очень бледно, трафаретно и общо (по-газетному) рассказали о колхозных победах, о хороших колхозных людях, о передовых колхозах. Поэтому очерк Ваш получился однобоким, и нам пришлось его отклонить.

Вопрос о Вашем переводе в действующую часть, как видите, отпал в связи с заключением мира.

Пусть Вас не смущает неудача с этим очерком, это бывает. Ни в коем случае не бросайте литературной работы, работайте хотя бы понемножку, каждый день.

Все, что Вам понравится, присылайте в «Красную новь». Пишите, если в чем-либо Вам нужна будет поддержка и помощь.

С товарищеским приветом

Ал. Фадеев.

74. А. Н. ТОЛСТОМУ

6 ноября 1940 года

Алексей Николаевич!

Направляю тебе книгу В. Василевской «Пламя на болотах» с предисловием Е. Усиевич. Это предисловие даст тебе совершенно достаточный материал для характеристики этой книги в докладе. Предисловие это правильное. В нем не отмечены, однако, некоторые существенные художественные недостатки книги.

1) То, что является исключительным достоинством книги, — глубокое знание быта украинской деревни под гнетом панской Польши, — это же поворачивается в известном смысле как недостаток книги: быт самодовлеет. Изображение жизни крестьянина, осадника, иногда настолько перегружено бытовыми деталями, описаниями предметов и обстоятельств, что заслоняет целое. Если бы не исключительная страстность автора, если бы не глубокое со-

чувствие его угнетенным людям, — книга вообще не поднималась бы над уровнем так называемой бытовой литературы.

2) Отсюда некоторые типические художественные недостатки книги: растянутость, отсутствие экономии в диалогах, излишне подробные описания природы, быта, дум и чувствований.

3) Очень трудно судить о стиле, поскольку это перевод. Тем не менее книга изобилует тяжеловесными выражениями.

Вместе с тем В. Василевская — настоящий художник. Достаточно прочесть на выборку отдельные места и главы книги, чтобы видеть ее достоинства. В предисловии Е. Усиевич эти достоинства книги правильно подчеркнуты.

С приветом

Ал. Фадеев.

1941

75. ТОВАРИЩУ СУКОВАНЧЕНКО

19 апреля 1941 года

Произведений, в которых был бы отражен Крым, у меня нет. Лично я бывал в Крыму в качестве отдыхающего в октябре — ноябре 1935 года (в Форосе и в Ялте), в мае 1937 г. (в Ялте), и осенью 1938 г. я ездил на места Перекопских боев, собирая материал для сценария о М. В. Фрунзе.

Кое-что о Крыме 1920 года имеется в сценарии, написанном мною совместно с писателем Л. Никулиным и опубликованном в журнале «Молодая гвардия» (1940 г. № 7).

А. Фадеев.

76. В ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

29 апреля 1941 года

В книге П. Семынина — три поэмы, из них «Негр» — единственная не вызывающая разногласий и справедливо высоко оцененная. «Поэма о маляре» и «Окраина» явно не доработаны. Об «Окраине» я лично разговаривал

с Семыниным, показывая ему места, которые могут звучать двусмысленно, как издевка, и, мне кажется, он представляет себе, в каком направлении ее нужно переработать. В отношении «Поэмы о маляре» мне кажутся справедливыми критические замечания Щипачева и некоторые из замечаний Ф. Левина.

Надо обязать Семынина, человека талантливого и с настоящим поэтическим будущим, еще поработать над книгой. Она у него в результате — получится.

Ал. Фадеев.

77. ГЕРБЕРТУ УЭЛЛСУ

28 июля 1941 года

Союз советских писателей поручил мне выразить Вам и всем английским писателям, объединенным в Пен-клуб, а также писателям Пен-клуба 20 стран, глубокую благодарность за сочувствие и поддержку нашего народа в его борьбе с гитлеровским фашизмом.

В этой борьбе мы не сложим оружия до тех пор, пока коварный враг не будет уничтожен. Сознание, что мы идем вместе с великим английским народом, со всем прогрессивным человечеством, удесятеряет наши силы.

Это не только союз сильных армий, соединившихся, чтобы разбить гитлеровскую военную машину. Это также союз людей мысли, направленной против свирепых человекоподобных обезьян, решившихся во что бы то ни стало задавить всякую человеческую мысль.

Победит разум. Победит человек.

Александр Фадеев.

1942

78. А. В. ФАДЕЕВОЙ

16 февраля 1942 года

Милая и родная моя мама! Дорогой и любимый мой дружок. Так часто я грущу о том, что ты там одна, моя голубка. Но подожди еще немного, настанет весна, и я —

или возьму тебя в Москву, если по обстоятельствам войны это можно будет сделать, — или ты уедешь к Тане. Я пересылал тебе адрес Тани. Связалась ли ты с ней? На всякий случай прилагаю ее старинную открытку. На мою телеграмму она не ответила мне. Я посылал тебе большое заказное письмо в двадцатых числах января, потом записку с Гольцевым. Получила ли ты их? Не обижайся, что не писал до этого. Из Казани не было смысла писать, почти ежедневно был связан с Чистополем по телефону, и ты все знала обо мне, а в случае надобности могла сама позвонить или телеграфировать. Потом я все время был в движении — Куйбышев, Москва,— в Москве, как я писал тебе, я пробыл всего несколько дней, безумно загруженный (организовал новую объединенную газету «Литература и искусство» и выехал на 3 недели на фронт). Я, как всегда, очень занят, и к обычным трудностям жизни прибавилось то, что я не имею машины, и питаться приходится в столовой,— уходит очень много времени на передвижения и ожидания. До сих пор не сумел побывать на месте твоей службы (не выяснил еще и насчет пенсии), побывал только на квартире твоей....

Я временно живу по такому адресу: Москва, ул. Щукина, д. 8-а, кв. 38. Но, возможно, скору перееду....

Я крепко целую тебя, моя родная. Передай мой большой привет Муре и Ольге Адамовне. Поцелуйте ребятишек. Здоровы ли они? Пусть Мура не горюет и не унывает, — скоро нам всем будет легче.

Саша.

79. В. А. ЛУГОВСКОМУ

20 марта 1942 года

Дорогой старик!

Я уже посылал тебе небольшое письмецо почтой. Получил ли ты его? Меня на некоторое время подкосило крупозное воспаление легких. 23-й день я уже в кремлевской больнице, и это дает мне возможность написать тебе подлиннée.

Долго скитался я по Москве, не имея квартиры. Дом наш в Комсомольском отошел под военное ведомство. Оно им, правда, не воспользовалось, но дом не отапли-

вается, и вещи мои были вывезены родственниками и знакомыми. Наконец я притулился на Б. Левшинском переулке у Павлика Антокольского. Здесь, в маленьком уютном кабинетике, возле полки с хорошими книгами, на диване, слегка коротковатом для меня (так что ноги мои ночью покоятся на французских поэтах),— я живу. С Павликом мы более или менее близко сошлись в Казани. Душа у меня к нему издавна лежит. В нем есть что-то душевное и благородное, без показного,— он очень застенчив, что очень талантливо изображает Ираклий Андроников, — он умен и эмоционален, талантлив и любит поэзию. Зоя очень мила и добра. Квартира у них теплая и какая-то по-особенному уютная. Выходит, мне там хорошо.

Коля Тихонов, вызванный на некоторое время из Ленинграда для одного задания поэтического характера, еще здесь, но скоро уедет, вернее — улетит. Старик прилетел очень худым и изможденным, ступал своими кривоватыми ногами в бурках не очень твердо от изнуренности, но настроен исключительно светло и мужественно. Здесь мы его кормили и поили, сколько могли. Вскоре он пополнел, посвежел, глаза его заблистали, и обнаружился все тот же — не сгибающийся, смеющийся и рассказывающий все самое необыкновенное — старый седой дьявол. До моей болезни легких мы видались почти ежедневно, хотя, правду говоря, времени для дружеских бесед стало очень мало. Он работал как зверь, заполняя газеты и радио, а моя судьба уж известна. Но дней шесть-семь я болел гриппом — и тут мы немало почитали стихов в обществе Павлика и Зои, Риты Алигер, Виктора Гольцева (он приезжал на побывку с фронта и жил у Антокольского), Коли и меня. Самое забавное, что в течение 3-х дней вся эта компания жила у Павлика — веселой и дружной коммуной.

Москва теперь совсем не такая, какой ты ее знал. Особенно интересна она была в первые дни нашего возвращения. Она еще хранила печать самых суровых дней обороны ее,— была вся в баррикадах, заснеженная, многие дома стояли, как обледенелые глыбы. Потом она быстро стала заполняться народом, теплеть и расчищаться на глазах. Однако и сейчас она очень демократична, бобровых воротников почти не видать, много военных,— нет коммерческих магазинов и ресторанов, атмосфера

подтянутости и дисциплинированности. Но, боже, до чего Москва бывает хороша в солнечные морозные дни или лунные ночи, хочется бродить и бродить по ней без конца!

Как-то, выйдя от Павлика, я вспомнил, что рядом находится музей Голубкиной, и зашел туда. Дом был заморожен, вход открыт, я поднялся по лестнице, никем не встреченный. Интеллигентного вида пожилой мужчина, в потертой бобровой шапке, с бородкой, как у Луначарского, что-то делал среди заколоченных, с торчащей в щелях соломой ящиков,— руки у него были скрючены и синие от мороза. Я назвал себя, сказал, что я поклонник таланта Голубкиной,— он так и просиял. Выяснилось, что гипс и мрамор вывезли, а бронза была запакована в эти страшные ящики. Я ушел с внезапно возникшей грустью в сердце, вызванной, должно быть, воспоминаниями о том, как мы ходили с тобой по этому музею в другие времена.

В эти суровые дни, когда все так заняты, напряжены, ожесточены, когда ложишься и встаешь с постели измученный и озабоченный, воспоминания действуют с силой почти разящей.

Во время моей болезни гриппом договорились с Алигер, как только поправлюсь, вместе съездить в Сокольники: мне нужно было узнать, куда эвакуировалась семья самого младшего моего брата (он тяжело ранен и лежит в госпитале в Пятигорске), а ей — наведать родню мужа, убитого на фронте. От круга пошли пешком по пятому Лучевому просеку. И вот я снова был у дачи, с которой у меня так много связано, и где ты неоднократно гостил у меня зимой, и где мы бродили летом. Забор был спален на топливо, лес вокруг сильно повырублен. Но все-таки это были те же Сокольники, чудесные как юность. Потом мы подошли к тем местам, где однажды мы попивали с тобой чудесный кагор прямо из бочонка, а потом выяснилось, что родственники Алигер живут в тех скоростройках на поле, мимо которых мы с тобой прошли, когда ходили на могилу твоего отца. И вот тем же полем, но в снегу, мы прошли к церкви на кладбище.

День с утра был пасмурный, но тут разыгрался ветер. Церковь стояла такая же прекрасная, старинная, уходящая ввысь, со своими русскими крыльцами. Я долго

лазил по снегу, проваливаясь иногда выше пояса,— все хотел найти могилу твоего отца. Но многие кресты целиком были под снегом (эта зима вообще очень снежная), а в некоторых местах из-за снега невозможно было пролезть. Так и не удалось мне найти могилу.

Когда мы подошли к самой церкви, мы услышали, что там идет служба,— день был воскресный. У главного входа эти звуки стали особенно ясны,— это была служба без пения, только голос священника явственно доносился из пустой и холодной церкви. На паперти внутри стояли нищие с клюками, и так все это было необыкновенно в современной Москве! Просто диву даешься, сколько вмещает в себя наша Россия!

Пройдя через знакомую тебе деревушку, которая славилась в старой Москве своими ворами, мы вышли на шоссе, ведущее к сельскохозяйственной выставке. В это время выглянуло солнце, и кресты на церкви с их заиндевевшими цепями и заиневшие ветви кладбищенских дерев, выглядывавшие из-за крыш деревни, вдруг засияли и засверкали на солнце радостно и весело. Некоторое время мы еще видели эти кресты и деревья из окон троллейбуса, потом их не стало видно, но они навсегда остались в моем сердце.

Милый старик! Ты должен сделать все, чтобы перестать быть больным. Ты знаешь, что это возможно, если этого очень захотеть. Это значит, что все физические и духовные силы нужно подчинить *только* этой задаче. Но для этого надо вернуть себе то моральное состояние, которое возникает у сильных людей, когда они вновь начинают верить в возможность добра и счастья. Мне кажется, таким ты был в Соснах. Это моральное состояние ты должен вернуть. Для этого ты должен ликвидировать абсолютно все, что взвинчивает нервы (вино, табак, сплетни и переживания,— женщины, конечно, только рекомендуются, но не занудливые), посадить себя на режим, читать Джека Лондона и Стивенсона и больше гулять на воздухе.

Крепко жму твою руку. Поцелуй Ольгу Михайловну и мою незабвенную Тусю. Сердечный привет Елене Сергеевне и Сережке, когда их увидишь.

Твой *Пит Джонсон*
(эсквайр).

80. А. В. ФАДЕЕВОЙ

9 августа 1942 года

Любимая моя мамуля, родная моя голубка!

Прости, что так долго не писал тебе. Я прожил в Ленинграде два с половиной месяца. Срок этот не был предусмотрен, он нарастал постепенно, все время казалось, что вот-вот удастся выехать, и было поэтому как-то бессмысленно писать в Чистополь из блокированного города, откуда письма идут так долго. Я долго пробыл в Ленинграде потому, что собирал материал для книги о Ленинграде,— мне поручил написать ее Ленинградский горком по согласованию с ЦК. Я много ездил по ленинградскому фронту и немало времени провел в Балтийском флоте. В самом Ленинграде по условиям бытовым писать почти не удавалось. Я вернулся в Москву 8 июля и застал здесь Лину. Дела Союза писателей нахлынули на меня, а надо было писать книгу. Я выпросил себе 10 дней, для этой работы, и мы с Линой выехали за город, в дом отдыха ЦК.

Но срок этот оказался мал. Книгу не удалось кончить, а уже надо было возвращаться в Москву и заниматься делами Союза, которые за мое отсутствие пришли в полный упадок. В результате, с 28 июля, когда мы с Линой вернулись в Москву, и по сей день — я работаю часов по 15—16 в день, с утра пишу, вечером — в Союза, в ЦК и т. д. и безумно устаю. Книгу на днях кончу, и тогда будет легче.

Мне удалось без труда добыть разрешение тебе на въезд в Москву. Оно уже у меня в кармане....

Ты у меня подбодрись. Ничу и Неду я застал в Ленинграде в довольно скверном состоянии. Они сильно голодали и извелись — особенно Нича. Я им помог там, как мог, но мне стало ясно, что они пропадут после того, как я уеду. И я устроил по приезде в Москву им вызов в Москву (из Ленинграда это легче проходит, т. к. все знают тяжелое положение ленинградцев). Теперь они временно живут у меня и на днях поедут в дом отдыха под Москвой. Конечно, их разрешили вызвать на время и не прописывают в Москве. Но думаю, что я смогу устроить Ничу на работу и добьюсь прописки — временно, пока дела Ленинграда не улучшатся. Она ни в чем

не нуждается, т. к. получает зарплату мужа (бедняга ушел рейсом в Гонконг перед началом англо-японской войны и не может выбраться оттуда. Но, как гражданин СССР, он на свободе, и Нича хотя и редко, но имеет от него письма),— кроме того, у нее кое-что отложено. Я очень рад тому, что они здесь. И буду счастлив, когда ты, наконец, приедешь и я смогу обнять тебя.

Родная моя, я тоже очень волнуюсь о Боре. Несколько раз, используя свои связи с командованием, я пытался навести о нем справки. Но положение сейчас таково, что нигде нет сведений и нельзя пока что получить их — ни о живых, ни о мертвых, ни о раненых и пропавших без вести участниках крымских боев,— ни по линии армии, ни по линии флота. Остается только ждать и надеяться на лучшее.

Муре скажи, что ее квартира в абсолютном порядке. Пусть она не волнуется за нее. Ведь это наше, Союза писателей, домовладение. Управдом жил там с моего ведома. Он оказался каким-то жуликом, и его арестовали. Но если бы этого и не было, он выехал бы в любое время по моему требованию, как человек, мне подчиненный. Сейчас там живет временно редактор одного из наших журналов — Евгения Ивановна Ковальчик. Она имеет в Москве квартиру, но очень далеко, на Можайском шоссе. И живет в Муриной квартире с моего разрешения, чтобы ближе было к службе и в столовую.

Целую тебя, родная моя. До скорой встречи. Не грусти и постарайся не очень ослабеть физически. Так часто думаю о тебе и так страдаю при мысли, что ты живешь худо.

Нича и Неда шлют тебе привет. Передай мой привет Муре и О. А. Поцелуйте детишек. Муре маленькой скажите, что ее письмо и рисуночек доставили мне большую радость.

Саша.

81. А. Б. ДЕРМАНУ

16 сентября 1942 года

Дорогой Абрам Борисович!

Получил Ваш материал чистопольских радиопередач. К сожалению, их в таком виде нельзя здесь использовать. «Антифашизм Горького» — эта тема уже не раз разра-

батывалась и на страницах «Литературной газеты», и в журналах, и в радиопередачах. Разумеется, она далеко не исчерпана, но нуждается в более глубокой разработке, к тому же Вы цитируете ряд антифашистских высказываний Горького с очень резкой и открытой характеристикой капитализма. А между тем, по понятным Вам условиям войны, мы на эту сторону в нашей открытой пропаганде сейчас стараемся не нажимать.

Статья о Евгении Петрове устарела. Статья о Тиле Уленшпигеле очень хороша, но тоже устарела.

Очень тепло написана и годилась бы и сейчас статья об Исаковском. Но, при общей его правильной характеристике, Вы не анализируете его последних стихов и совершенно не говорите о патриотическом характере его поэзии. Это делает статью об Исаковском годною для любого времени, но не нужной именно сегодня. Я бы очень просил Вас взять у Исаковского все его стихи военного времени и написать о них специальную рецензию для газеты «Литература и искусство». Мы могли бы предоставить Вам подвал (страниц 7—8 на машинке).

Я взял в Гослитиздате Вашу брошюру о Чехове. Конечно, в таком виде ее не стоит издавать. К обычной, годной для всякого времени характеристике Чехова — Вы пристегиваете несколько антифашистских высказываний и проводите сомнительные параллели между чеховскими образами, вроде унтера Пришибеева, и образами фашистов. Кроме того, нельзя строить значительную часть статьи о Чехове сейчас на том, что он не видел исторического героя ни в одном из классов современного ему русского общества. Сейчас гораздо важнее было бы написать брошюру, в которой Чехов предстал бы перед нами как русский национальный писатель, с его любовью к России, к русскому человеку, к русской природе. И противопоставить его фашизму надо было бы не по формальному сопоставлению образов, а по его глубокой гуманистической сущности.

Одним словом, нужна брошюра о Чехове как о русском гуманисте, который самим фактом своего существования и всем своим творчеством противостоит фашизму, а Ваша статья целиком построена на том, что Чехов был

против угнетения человека. Это верно, но не только в этом дело сейчас.

Постараюсь раздобыть и послать Вам чего-нибудь сладкого.

Крепко жму Вашу руку.

Все товарищи по Пресс-бюро шлют Вам привет.

Ал. Фадеев.

82. А. Б. ДЕРМАНУ

14 ноября 1942 года

Дорогой Абрам Борисович!

Статья об Исаковском пойдет в одном из ближайших номеров газеты «Литература и искусство». Вторую статью — по вопросам современной литературы — я со своей рецензией переслал в журнал «Октябрь». Если она им почему-либо не подойдет, я передам ее в какой-либо другой из толстых журналов,— вообще, думаю, она тоже увидит свет.

Наверно, я не точно объяснил, в каком смысле устарело Ваше радиовыступление о Тиле Уленшпигеле. Оно устарело для Всесоюзной радиопередачи, поскольку у них уже была большая радиопередача, посвященная этой теме. А для газеты она оказалась слишком примитивной, популяризаторской.

Статьи о «Василии Теркине» и о «Народ бессмертен», конечно, нужны, но статьи журнального, а не газетного характера. Если бы Вы смогли их прислать в ближайшие две недели, они могли бы увидеть свет. В противном случае они устареют. Статьи о Герцене и Достоевском, в связи с современной войной и «немецкой проблемой», нужны для газеты и для журналов.

Вопрос о положении чистопольцев будет нами обсужден на днях, и примем какие-нибудь кардинальные меры по улучшению их быта. В отношении Вас персонально я просил К. А. Тренева выяснить вопрос на месте и дать мне знать, если Вы по-прежнему считаете, что Вам было бы лучше жить и работать в Москве. Он мне ничего пока что не написал, и поэтому я решил, что Вы предпочли остаться в Чистополе. Должен Вам сказать, что

в бытовом отношении Вам вряд ли будет хорошо в Москве, здесь очень холодно в квартирах.

Крепко жму Вашу руку.

Ал. Фадеев.

P. S. Гонорары за Ваши статьи буду елико возможно скоро переводить.

83. А. О. СТЕПАНОВОЙ

23 декабря 1942 года

Родная моя Линушка! Пользуюсь оказией, чтобы переслать тебе это письмецо. С машиной я благополучно добрался до вторых эшелонов фронта. Побывал в одном из авиационных полков, входящих в авиадивизию, которой командует Байдуков, Герой Советского Союза. Об этом полку я написал в «Правду»,— вы, наверно, читали,— написал, когда уже находился между Ржевом и Великими Луками, в селении, где расположена база корреспондентов центральных газет. Отсюда мы с Борисом Полевым попали в район жарких боев за Великие Луки. В течение семи-восьми дней шла борьба за дома и улицы, сопровождавшаяся сильными боями в воздухе и артиллерийским огнем. Мы находились в сравнительной безопасности, т. к. командный пункт части находился в 2-х километрах от Великих Лук и был хорошо замаскирован. Потом, когда была занята половина города, мы перебрались в эту часть и здесь повидали столько величественного, трагического и прекрасного, что об этом вкратце не расскажешь.

Из Великих Лук мы вывезли маленькую девочку, лет $2^1/_2$, найденную нашим танкистом на улице, завернутую в тряпье с запиской, где было написано ее имя — Галя. Девочку эту удочерил корреспондент Информбюро Евнович и в сопровождении медсестры отправляет ее к жене в Москву. Мы опять находимся в корреспондентском пункте, чтобы по военному телеграфу передать очередные корреспонденции в «Правду», а послезавтра опять выедем в Великие Луки. Дело в том, что, пока операция по взятию этого города не закончится, писать можно только о второстепенных вещах. И весь огромный материал, собранный мною, без окончания операции просто

пропадет для меня,— естественно, я хочу дождаться взятия Великих Лук. Если этого не произойдет, придется в последних числах декабря вернуться все-таки в Москву.... Очень волнуюсь о здоровье твоем и мамы.

Крепко и нежно целую тебя, единственная любимая моя девочка. Поцелуй сынульку. Сердечный привет Марии Владимировне и всем, всем нашим. Им, поди, холодно там на улице Огарева?...

Завтра мне 41 год! Твой *Саша.*

84. И. Л. СЕЛЬВИНСКОМУ

<1942 год>

Дорогой Илья!

Ты уехал так внезапно, что я не успел с тобой проститься, а главное, не успел с тобой поговорить по поводу твоей заметки «Поэт на фронте» и стихотворения «Степь», которое слишком поздно попало мне в руки.

Заметка «Поэт на фронте» была бы очень нужна сейчас, и по мысли она совершенно правильна. Но так как ты приводишь отрывки только из своих стихов и по контексту заметки видно, что ты говоришь о себе, я побоялся, что она прозвучит нескромно. Мне кажется, ты мог бы ее так перередактировать (может быть, привести конкретные примеры работы других литераторов, которых ты знаешь и любишь,— Вишневского, Горбатова, процитировать некоторых других поэтов), чтобы она прозвучала сильно и убедительно. На всякий случай, если у тебя нет другого экземпляра, направляю тебе свой. Прошу, если можно, поправить и вернуть.

«Степь» мне очень нравится. Но одну строфу я считаю неправильной и политически вредной:

Кто их осудит за эту затею?
Нет у седых ни семьи, ни крова...
Но
никогда
не убьешь
идею
Вечной
связи
почвы и крови.

В поэтическом образе «связи почвы и крови» нет не только ничего вредоносного, а это даже хорошо: это говорит о народных корнях и вообще это понимается в социальном смысле. А ведь «идея вечной связи почвы и крови» — это не марксистская, не политическая идея. Это идея «вульгарного физиологического материализма», который великолепно приспособили в своих интересах германские фашисты для оправдания гнуснейшей расовой теории.

Поскольку ты, разумеется, имел в виду совершенно не это, а именно поэтический образ «связи почвы и крови», эта строфа — так, как она получилась, — стоит в невыносимом противоречии с основной мыслью и со всем образным строем стиха. Мне кажется, тебе нужно эту строфу или уточнить, или вовсе ее выбросить. Она в стихе совсем не нужна. Если ты согласишься это сделать — мы немедленно напечатаем этот прекрасный стих в газете «Литература и искусство».

Очень жалею, что не удалось поговорить лично и не только об этом.

Крепко жму руку.

Ал. Фадеев.

1943

85. А. Н. ТОЛСТОМУ

10 января 1943 года

Желаю тебе еще долгие годы сохранить могучую силу твоего глубоко русского таланта.

Сердечный привет!

Фадеев.

86. А. Б. ДЕРМАНУ

19 марта 1943 года

Дорогой Абрам Борисович!

Отвечаю с запозданием на Ваши письма, так как снова на полтора месяца выезжал в Ленинград и получил их только после приезда.

Статья об Исаковском напечатана. Заметка о книжке Кальма находится у меня. На днях прочту книжку, и если буду согласен с Вашей оценкой, то, конечно, в ближайшее время напечатаю Вашу рецензию. Ваша статья по более общим вопросам литературы (забыл ее название), к сожалению, забракована журналами: мы ее посылали с рекомендацией Пресс-бюро, но потерпели фиаско.

Статья «Характер немецких просчетов» мне тоже нравится, но по тону своему и по размерам она подходит скорее для журнала, а не для газеты. Она направлена в редакцию журнала «Октябрь». Их мнения еще пока нет.

Неоднократно пытался добыть Вам несколько килограммов сахара, но неудачно. Сейчас попробую воспользоваться энергией тов. Хесина и добыть сахар в Наркомторге.

Крепко жму руку и обнимаю Вас.

Ал. Фадеев.

P. S. Как только потеплеет, отзовем Вас в Москву, довольно Вам маяться в Чистополе.

87. П. Х. МАКСИМОВУ

19 марта 1943 года

Дорогой Павел!

Отвечаю с запозданием, так как всего несколько дней, как вернулся из Ленинграда.

Я очень рад, что ты вступаешь в партию, и думаю, что ты уже давно являешься человеком, близким нашей партии. К сожалению, я по положению своему не имею права дать тебе рекомендацию: члены ЦК не имеют права рекомендовать в партию.

Крепко жму твою руку, привет жинке.

Ал. Фадеев.

P. S. Напиши все, что знаешь о судьбе Крымова, и попроси товарищей, его сослуживцев, написать мне все, что они знают о его судьбе.

О твоей рукописи «Потомки нартов» сегодня же позвоню в «Известия».

А.

88. В. М. САЯНОВУ

13 апреля 1943 года

Дорогой Витя!

Я жду от тебя телеграмму, когда ты сможешь выехать, — вызов будет послан незамедлительно. Здесь, в Москве, раза два я встречал на литературных собраниях сестру твоей жинки, но поговорить с ней мне удалось только мельком. Сама она выглядела чрезвычайно изможденной. Я дал ей самую высокую оценку твоей работы и сказал, что, возможно, тебе удастся выехать к семье в апреле—мае. По ее словам, жена твоя живет довольно терпимо. Но всем осточертела так называемая «периферия».

Напечатан ли мой отрывок «Катя Брауде»? Если напечатан, переведи мне гонорар, ибо я беден, как Иов. Мой адрес: Москва, Б. Комсомольский пер., д. 3-а, кв. 25.

Передай мой самый дружеский привет Коле Тихонову, Саше Прокофьеву, Боре Лихареву.

Крепко жму руку

твой *Ал. Фадеев.*

89. М. Б. КОЛОСОВУ

<Март — май 1943 года>

Дорогой Марк!

Как легко догадаться, ничего особенного, ничего по-настоящему интересного в нашем Союзе писателей и в нашей Военной комиссии за это время не произошло. Собираемся на днях обсуждать в клубе прозаические, поэтические и драматургические произведения, написанные за время войны.

Письмо твое, написанное 4 января, получено в Москве только 21 февраля. Я был в Ленинграде и фактически получил его 19 марта. Юрий находится в распоряжении Глав.ПУРККА и пишет военную приключенческую повесть. Валя живет в Чкалове (ее адрес: Чкалов, Главный почтамт, до востребования), но, очевидно, в ближайшее время вместе с семьей вернется в Москву. Моя книга

о Ленинграде только недавно разрешена к печати и, вероятно, появится в «Знамени» в одном из ближайших номеров. Давно уже написал письмо Сельвинскому, но не мог отправить, не зная его адреса. Посылаю это письмо на твой адрес. Передай ему мой сердечный привет, а также и Виктору Ардову, если он еще с Вами.

Крепко жму руку и обнимаю тебя.

Ал. Фадеев.

90. В. В. ВИШНЕВСКОМУ

<Март — май 1943 года>

Дорогой Всеволод!

С нетерпением жду твоей пьесы. Здесь был Таиров (он болел, лежал в Кремлевке), и я ему сказал о новой твоей пьесе. Конечно, он очень заинтересован в ней.

У нас закончилось на днях совещание, специально посвященное работе писателей на фронте. К сожалению, нельзя было вызвать на это совещание товарищей с фронтов. Поэтому вопрос поневоле вращался вокруг уже известных имен. Совещание в этом смысле ничего не прибавило к тому, что уже всем известно, если не считать некоторых небезынтересных выступлений — Горбатова, Эренбурга, Светлова и др. Один из наиболее острых вопросов не только на нашем совещании, а и на пленуме оргкомитета художников и на совещании композиторов по вопросам песни был вопрос о сущности советского патриотизма, взятый в национальном разрезе. *Есть люди, которые не очень-то хорошо понимают, почему мы так заостряем теперь вопрос о национальной гордости русского народа.* Этому непониманию, к сожалению, способствуют некоторые деятели искусства, совершенно не понимающие глубоко советской сущности нашей национальной гордости, не понимающие того, что *мы гордимся как раз тем, что история выдвинула нас в качестве передовой силы в освободительной борьбе человечества,* и скатывающиеся к квасному «расейскому» патриотизму. Однако дело, конечно, не в них, поскольку корни шовинизма в русском народе да и в других народах СССР уже подрублены и им не на чем распуститься. А дело в том, что среди известных кругов интеллигенции еще немало

людей, понимающих интернационализм в пошло-космополитическом духе и не изживших рабского преклонения перед всем заграничным. Именно из этой среды в первый период войны раздавались голоса о будто бы существующем преимуществе немцев перед нами в области организации, в области военной науки и т. п. Мне кажется, что Эренбург, при всей его несомненной ненависти к немцам, не вполне, однако, понимает всего значения национального вопроса в области культуры и искусства и, сам того не замечая, противопоставляет всечеловеческое значение подлинной культуры ее национальным корням.

В Москву вернулись сейчас почти все основные писательские кадры, вернулась почти вся чистопольская колония и значительная часть ташкентцев. Стало очень много работы и всяческой суеты в связи с устройством материально-бытовых дел. Я было начал писать повесть и двигать вперед «Удэгэ», но все это пришлось отложить в сторону. Иногда не удается просто поговорить с человеком по душам. Когда здесь был В. Саянов — виделись мы с ним только мельком. С Кроном удалось поговорить более душевно, но, к сожалению, виделись мы с ним за все время пребывания его здесь тоже не более 2—3 раз. Если в разговорах с ними ты почувствуешь хотя бы отдаленную нотку обиды на меня, ты постарайся разъяснить им мое разнесчастное положение.

Крепко жму руку и обнимаю тебя. Вс. Азарову передай, что я постараюсь навести порядки в его литературных делах и тогда напишу ему подробное письмо.

Мой сердечный привет Соне. Скажи, что ее записочку Сарре Лебедевой я в свое время передал и она просила при случае приветствовать Соню. А сама,— говорит,— писать ленива. Пиши, дорогой Всеволод.

Ал. Фадеев.

91. В. О. ПЕРЦОВУ

30 ноября 1943 года

Дорогой Виктор!

Я готов поддержать тебя в вопросе об издании сборника советской прозы, но мне кажется, что следует ставить вопрос об издании сборника рассказов, новелл и

маленьких повестей, одним словом, произведений законченных. Опыт показывает, что сборники, если они не носят прямого учебного характера, сильно проигрывают, когда в них печатают отрывки из больших произведений. А в таком сборнике, как ты предлагаешь, мы поневоле вынуждены дать много таких отрывков, и сборник произведет поистине странное впечатление. Мне кажется, надо издать сборник небольших законченных произведений и запланировать серию избранных повестей и романов. Я переговорю на эту тему с Чагиным.

Всего тебе доброго.

Ал. Фадеев.

P. S. Мне сказали, что у тебя больна жена. Сообщи мне — не нужно ли ей чем-нибудь помочь?

1944

92. Л. Н. МАРТЫНОВУ

10 января 1944 года

Уважаемый товарищ Мартынов!

Я взял на себя смелость задержать издание Вашей книги в «Советском писателе», с тем чтобы Вы ее пересмотрели и переработали.

Вот мои замечания:

1) «Поэма о стене» — вещь политически двойственная и не может быть напечатана. Выражение «Загнать за Можай», как Вам известно, относилось в старину к врагам Московского государства. Сейчас — хотя бы и условно, поэтически — это выражение может быть применено (и применено Вами) по отношению к врагам нашей Родины — немецко-фашистским захватчикам, в тот период, когда их прогнали от Москвы. Но применить это выражение к советскому работнику, который волею судеб попал на работу в подмосковный район, да еще связать это каким-то образом с темой изгнания врага,— это, извините, бессмысленно и глупо. А если учесть, что Вами нарочито подчеркнуто, что речь идет о так называемой

зоне «за сто километров от Москвы», то это заставляет думать, что речь идет даже не о советском работнике, а о человеке, не имеющем права проживать в столице. И поэма приобретает уже просто политически двусмысленный характер.

2) «Дым отечества» — стихотворение, понятное Вам и Вашим близким друзьям, а потому его, может быть, и следует размножить на машинке и распространить среди Ваших близких друзей, а вовсе нет надобности помещать его в книге, рассчитанной на широкого советского читателя. Стихотворение написано на самую большую тему, какая только может быть в дни Отечественной войны. А что Вы хотите сказать,— никому не ясно.

3) «Нюрнбергский портной». Вы пишете с иронией, даже саркастически,— это так. Но все, что творят фашизированные немцы и их вдохновители, настолько зверски-примитивно, это такая гнусная и примитивная мясорубка, что Ваши ирония и сарказм, поднятые на «поэтически-философскую» высоту, помимо Вашей воли *поэтизируют*, облекают в выспренную оболочку все это, до крайности примитивное, зверски-тупое и гнусное. С фашистами нельзя разговаривать ни языком Мефистофеля, ни Вагнера, ни Гофмана, — они примитивней и глупее.

4) В первом Вашем стихотворении, очень хорошем, образ Лукоморья есть образ некоей сказочной страны; эта страна одновременно и Родина, и — поэзия. В этом сочетании прелесть этого стиха. В поэме «Лукоморье» Вы развиваете этот поэтический образ Родины. Но строчки:

Лукоморья у нас два,
А быть может, и не два... —

эти строчки вносят путаницу в образ, смещают поэтическое представление в сторону нелепых догадок. Эти строчки надо исправить. По Вашей же собственной поэтической логике — у нас одно Лукоморье — это наша Родина, предмет Вашей книги, Вашей поэзии.

Остальные стихи в сборнике, по-моему, все приемлемы. Но сборник обязательно следует дополнить еще рядом патриотических, хороших, настоящих стихов. Не забудьте, что сборник выходит в дни Отечественной войны.

С приветом.

А. Фадеев.

93. М. И. АЛИГЕР

21 ноября 1944 года

....Я был бесконечно взволнован нашей неожиданной встречей на улице, точно сама судьба хотела свести нас — в этой московской толчее, вопреки всему. Но обстоятельства — сначала общественные, о которых я могу рассказать только лично, а потом личные (в течение более чем месяца болели мой маленький сын Миша и его мать, и я совсем сбился с ног) — отодвинули надолго наш разговор.

Все эти месяцы я жил очень замкнуто и одиноко, и в моей жизни и в душе моей произошли большие перемены, о которых я чувствую глубокую потребность и необходимость рассказать тебе....

Роман, который и вообще-то в последний месяц, в силу обострившегося душевного противоречия и полной невозможности для меня — в силу характера моего — жить в душевном противоречии, почти не двигался, — роман теперь и вовсе отодвинулся куда-то. План жить летом одному в городе — один из мнившихся мне способов обрести душевное равновесие — отлетел, конечно, прочь....

И я поступил так, как только и мог поступить в этих обстоятельствах: я сел писать. Дело в том, что, как бы ни складывалась моя жизнь, каким бы я сам ни выглядел перед богом и людьми, это самое настоящее, большое, правдивое, сильное, глубоко сердечное, что я могу делать для людей. И я должен был преступить через все и прежде всего делать это, чтобы это не погибло в душе моей и для меня, и для людей. Я знал и знаю это теперь, что, может быть, я вообще должен был жить иначе, чем складывалась моя жизнь до сих пор, что, очевидно, в конкретной ситуации я тогда мог и должен был еще что-то сделать и сказать.... но я лично только запутаюсь душой и погибну в том противоречии, в каком я живу, если я не преступлю через него и не начну писать. И я стал писать. И что бы там ни думали обо мне люди, и что бы я, действительно, ни сделал в своей жизни дурного, я счастлив, что я нашел в себе силы поступить именно так. И если что утешало меня в эти месяцы, так это мысль о том, что

ты, со своей душой и талантом, наверное, тоже обрела эти силы и тогда тебе тоже жилось эти месяцы душевно легче и на многое ты могла смотреть уже более широкими и сильными глазами.

Моя работа, общественное и моральное значение которой я теперь сам не имею права недооценивать, эта моя работа по многу часов в день (в известной отрешенности от семейных проблем и обстоятельств), наедине с природой и господом богом, прежде всего сказала мне, что в моей жизни я всегда и главным образом был виноват перед ней, перед работой. Всю жизнь, в силу некоторых особенностей характера, решительно всегда, когда надо было выбирать между работой и эфемерным общественным долгом, вроде многолетнего бесплодного «руководства» Союзом писателей, между работой и той или иной семейной или дружеской обязанностью, между работой и душевным увлечением, между работой и суетой жизни,— всегда, всю жизнь получалось так, что работа отступала у меня на второй план. Я прожил более чем сорок лет в предельной, непростительной, преступной небрежности к своему таланту, в том неуважении к нему, которое так осудил Чехов в известном письме к своему брату.

Как ни странно это, но от сознания своих слабостей, недостатков, дурных поступков я часто чувствовал и чувствую себя виноватым перед богом и людьми, но я никогда не чувствовал самой главной и самой большой не только в личном, но в общественном, даже государственном смысле своей вины — вины перед своим талантом, который не мне принадлежит.

И мне стало ясно, почему так всегда получалось в моей жизни. Это получалось из-за одной особенности характера, которую я сам старался не замечать, а другие, даже самые близкие мне люди не в силах заметить и понять, так как она скрыта за моей внешней физической крепостью, взрывами энергии и жизнерадостности, за элементарной житейской хитростью и более или менее ясно мыслящей головой,— это сочетание необыкновенной любви к жизни, ко всем ее проявлениям, к ее красотам, радостям, наслаждениям,— любви стихийной, страстной, порывистой до беззаветности, до потери головы,— с необычайной болезненной душевной ранимостью и слабостью

характера, в смысле изъянов воли, каких-то стихийных провалов в области воли. Мне стало ясно, что в этой особенности моего характера, т. е. в этом сочетании, заключены одновременно и своеобразный источник моей талантливости, — так сказать, ее биологический источник, — и то, что губит мой талант, или, во всяком случае, часто тормозит его, не дает ему проявиться во всю силу. Бог дал мне душу, способную видеть, понимать, чувствовать добро, счастье, жизнь. Но, постоянно увлекаемый волнами жизни, не умеющий ограничивать себя, подчиняться велению разума, я, вместо того чтобы передать людям это жизненное и доброе, в собственной жизни — стихийной, суетной — довожу это жизненное и доброе до его противоположности и, легко ранимый, с совестью мытаря, слабый особенно тогда, когда чувствую себя виноватым, в итоге только мучаюсь и каюсь и лишаюсь последнего душевного равновесия, необходимого для творчества.

Тот последний месяц лета.... я все время чувствовал себя виноватым.... даже перед Тихоновым и Поликарповым за то, что не работаю в Союзе, перед Ковальчик и Новогрудским за то, что не работаю в газете, и пр. и пр. Так я чувствовал себя виноватым перед всем миром — в тем большей степени, чем больше я убеждался, что все поименованные лица.... и учреждения.... с охотой принимают меня за виноватого и осуждают меня. А между тем любому делу (к сожалению, кроме самого главного своего дела), любому человеку, с которым связывала меня судьба, я, по характеру своему, отдавал всего себя, не щадя сил, беззаветно, во всю силу души и таланта, безжалостно сжигая себя с двух концов, с безграничной щедростью души еще очень нерастраченной, с мыслью, которая в минуты увлечения звенит во мне, как песня: «Ладно, потом разберемся!»

Разве мог я при этом еще говорить людям: «Присмотритесь, мол, к моей душе, она слишком легко ранимая, поэтому не старайтесь ее примерить или применить к своей, а наоборот — проверьте, можете ли вы поберечь ее, охранить ее; коли вы можете, вы будете если не обладать ею, то, во всяком случае, она обернется к вам лучшими своими сторонами, а не можете, так лучше отойдите,

иначе вы будете и сами бесконечно страдать, а мою душу не только замучите, но лишите ее самой главной ее духовной силы».

....Никто, решительно никто, никогда не понимал, не понимает и не может понять меня — не в том, что я талантлив, а в особенностях, в характере моей индивидуальности, которая на деле слишком ранима при истинных размерах моего таланта и поэтому нуждается в особенном отношении. (Люди, даже самые хорошие и любящие, не могут помочь мне, да и не обязаны, потому что у людей свои индивидуальности, свой талант, свои требования к жизни, своя гордость, свое желание счастья и своя своевольность. И, поступая в меру и силу своей индивидуальности, они имеют предо мной то преимущество, что чувствуют себя вправе поступать так, как им нравится и как они считают нужным, не считаясь с моей индивидуальностью и даже осуждая ее.) Вот это ясное сознание того, что никто не поможет мне и даже не почувствует своего долга помочь мне, а при всех условиях будет осуждать меня за то, что я «плохой», заставило меня самого позаботиться о себе. И как только я стал писать, оправдались слова Гете: «Наше (художников) воображение... измышляет себе целый ряд возвышенных существ, ниже которых мы стоим, и всё, кроме нас, великолепно, и всякий другой, только не мы, является совершенством. И это вполне естественно. Нам так часто приходится убеждаться в том, что нам многого недостает; и именно то, чего нам недостает, мы часто приписываем другим, которых мы и наделяем в этом случае... всем, что мы сами имеем... Напротив того, если мы при всей нашей слабости и неповоротливости примемся спокойно за работу, то часто оказывается, что мы с нашим лавированием и шатанием из стороны в сторону достигаем бо́льшего, чем другие с их парусами и веслами, и — тогда мы приходим к действительному *познанию* своих сил, *убеждаясь*, что не только не отстаем от других, но подчас даже обгоняем их».

Благодаря работе, я как бы вновь поднялся на вершину *своей* человеческой силы и правды, и это, собственно говоря, и дает мне душевную силу для такого трудного письма....

А. Ф.

1945

94. Б. С. РОМАШОВУ

Июнь 1945 года

Дорогой мой Борис Сергеевич!

По моим святцам получается, что тебе исполнилось 50 лет. Независимо от того, верны мои святцы или нет, пользуюсь случаем сказать, что я всегда любил и люблю твое творчество, помню нашу молодость и крепко жму твою руку.

Твой *Александр Фадеев.*

95. А. О. СТЕПАНОВОЙ

3 декабря 1945 года

Милая моя Линуша!

Спасибо тебе за заботу.

Мои дела такие:

Роман с 50-и глав растет до 54-х. Я написал 50. Я пишу теперь по главе в день, и т. к. последняя, 54-я, главка совсем маленькая, я кончу черновик 5 января. Из 11 глав, которые мне после окончания черновика предстоит обработать, 4 — очень сырые, и на переписку их потребуется также дня 4. Что же касается последних семи глав, то они написаны вдохновенно и нуждаются в мелких поправках, и их я буду диктовать прямо на машинку Анне Соломоновне. Учитываю одни сутки возможного просчета в сроках, — короче говоря, я приеду, вернее всего, *десятого*. А в журнал начну сдавать *седьмого* числа. Если тебе позвонят из журнала, так и скажи: обещал сдать седьмого. И Марию Владимировну предупреди.

Вот и весь мой отчет.

Я очень плохо сплю и превратился в сомнамбулу.

Милый мой дружочек! Приеду, освобожу тебя от всех хлопот, и ты отдохнешь наконец.

Целую тебя и детишек. Привет М. В.

Саша.

1946

96. В РЕДАКЦИЮ ЧЕШСКОЙ ГАЗЕТЫ «МЛАДА ФРОНТА»

Январь 1946 года

Уважаемый редактор!

Из поставленных Вами вопросов я посылаю Вам ответ только на первый вопрос: «Что бы я хотел пожелать чешским читателям «Молодой гвардии»?» Что касается остальных вопросов, то мне подобные же вопросы поставило газетное агентство ЧТК, и я предпочел ответить на них для ЧТК, поскольку мои ответы смогут в этом случае попасть во многие газеты, в том числе и в Вашу.

С уважением

А. Фадеев.

Благодарю за внимание, проявленное Вашей газетой к «Молодой гвардии».

Независимо от того, насколько удался мой роман, я возьму на себя смелость пожелать молодым чешским читателям быть такими же, как юные борцы «Молодой гвардии».

Какие черты характеризуют этих юношей и девушек?

Беззаветная преданность своей родине и своему народу во имя счастья всего человечества. Предельное мужество и бесстрашие в борьбе с немецко-фашистскими поработителями родной земли. Сочетание благородных юношеских мечтаний, высоких идеалов справедливости с необыкновенным трудолюбием и деловитостью в осуществлении этих идеалов. Великая идейная принципиальная дружба, преданность друг другу в борьбе за общие цели. Моральная чистота в общественных делах, в личной дружбе, в отношениях любви между юношами и девушками.

Эти черты характера выглядят особенно величественно в свете того, что империализм, который еще силен во многих странах, обесчеловечивает, стандартизует, развращает молодежь, превращая ее в своих рабов и слуг, прививая ей звериные инстинкты, зоологический индивидуализм и самый низкий карьеризм.

Не трудно видеть, что черты характера, присущие «молодогвардейцам», характеризуют высокоразвитую личность нашего времени и являются выражением самых высоких гуманистических идеалов. И поскольку такая молодежь не выдумана мною, а действительно существует, ее смело можно назвать надеждой человечества.

Ал. Фадеев.

97. С. М. ЭЙЗЕНШТЕЙНУ

21 мая 1946 года

Дорогой Сережа!

Как ни печально, что мы с тобой здесь не встретились, я все же очень рад за тебя, — что ты удираешь отсюда в Барвиху, где тебе будет и свободнее и веселее, а главное, что это уже этап по пути выздоровления. Инфаркт — это гадкая вещь, но у людей не старых, к каким мы, к счастью, пока принадлежим, не пьющих, к каким, к сожалению, принадлежишь только ты, а главное — способных к размеренному трудовому режиму, на что ты, как человек в общем не склонный к суетности жизни, а привыкший жить в мире собственных разносторонних интеллектуальных интересов, вполне найдешь в себе достаточной собранности и организованности, — у людей этого возраста и склада сей инфаркт может так и остаться в памяти, как опасный звонок, а жить и работать можно еще десятки лет.

Я это знаю по тому, что это было с моим родным отцом, когда он был в сорокалетнем возрасте, лечился около года, а потом прожил до семидесяти.

Конечно, я не мог заболеть интеллигентной болезнью, поскольку я человек низменный. Сейчас я выдержал страшный бой за два яйца всмятку, которыми я просил заменить мне манную кашу, одержал победу и, съев эти нормальные куриные яйца, чувствую себя много подвинувшимся вперед по пути выздоровления. Если бы мне дали бифштекс по-деревенски, я завтра уже бы пел «Ой, да ты калинушка», а послезавтра мог бы выписаться. Но здесь этого не понимают, и теперь я болею только от голода.

Милый Эйзен, обнимаю тебя и желаю тебе окончательного здоровья. Надеюсь, мы будем встречаться

почаще, а не то, как показала жизнь, можно эдак и умереть, не повидавшись.

Salud! Rot Front!

Александр Фадеев
(эсквайр).

P. S. Записку твою я, конечно, сохраню,—из подлости.

98. А. О. СТЕПАНОВОЙ

22 мая 1946 года

Любимая моя Линушенька!

Я выписал на четверг тебя и Таню. Температура у меня по-прежнему нормальная. Мне прописали теперь более человеческую еду, и я чувствую себя уже значительно крепче....

Я нашел у Гюго чудный эпиграф к рассказу «Ляля» — о девочке, подобранной в городе, в котором идет бой. Рассказ этот так ясно сложился в моей голове, что я, кажется, напишу его, прежде чем сяду за «Удэге». Но я насочинял огромное количество рассказов, очень романтичных, с преодолением сил природы, с любовью, иногда с войной — и все о юных, молодых людях, — рассказов с чудесными названиями:

«Суровые времена».
«Четыре тысячи двести над уровнем моря».
«Дурные поступки».
«Рассказ о Билле Хэйвуде».
«Гусар».
«Мой отец».
«За здоровье того, кто в пути» (с эпиграфом из Джека Лондона).
«Игорь и я».
«Окно в историю».
«На берегу лазурного моря».
«Да святится имя твое»

и другие.

Это все рассказы, которые надо печатать в «Смене», «Вокруг света», «Огоньке». Но они все со вторым планом

и будут сверкать на страницах этих журналов, как жемчужины (кха... кха...).

Нежно целую тебя, моя любимая. Поцелуй много, много раз наших детишек.

Твой незабвенный *Л.*

99. Н. К. ЗАЛИЛОВОЙ

18 июня 1946 года

Товарищ Залилова!

Во время пленума Союза писателей в Москве в 1945 году было получено письмо из одного подразделения Красной Армии, занявшего Моабитскую тюрьму в Берлине (в это время, когда они писали письмо, еще не весь Берлин был занят нашими войсками). В этом письме они сообщали, что, заняв тюрьму, среди всякого бумажного мусора они нашли вырванный из какой-то книги листок с чистыми полями, где на полях имеется запись татарского писателя Муса Джалиль.

Листок этот был приложен. На полях была запись Залилова примерно следующего содержания: «Я, известный татарский писатель, Муса Джалиль, заключен в Моабитскую тюрьму, как пленный, которому предъявлены политические обвинения, и, наверно, буду скоро расстрелян. Если кому-нибудь из русских попадет эта запись, пусть передадут привет от меня моим товарищам — писателям в Москве».

....Дальше шло перечисление фамилий, среди них и моя фамилия, а остальные фамилии я забыл. Потом — просьба сообщить семье и адрес семьи. Потом шла подпись и число, которого я не помню,— кажется, это был даже 44-й год.

На полях было еще две приписки, сделанные разными лицами, разным карандашом и, очевидно, в разное время. Одна — выражала надежду, что, может быть, Залилов еще останется жив. Другая, очень безграмотная, была враждебного содержания к советской власти и говорила, что «вашего Джамбула (по неграмотности писавший спутал фамилию «Джалиль» с фамилией «Джамбул») уже нет в живых».

Красноармейцы из подразделения, приславшие этот листок, писали, что они ознакомились с его содержанием и поклялись отомстить за смерть писателя Залилова.

Я показал это письмо Кави Наджми, и мы вместе зашли к т. Поликарпову и показали это письмо с просьбой списаться с этой воинской частью (она приписала в письме № своей полевой почты) и всякими другими путями проверить изложенные факты.

Дело происходило в помещении Союза писателей, в президиуме. Тов. Поликарпов взял письмо и спрятал его в стол к себе, чтобы проверить все эти факты. Мы договорились, что до проверки не будем никому рассказывать об этом, в том числе и семье.

Удалось ли тов. Поликарпову проверить эти факты и где сейчас находится это письмо, Вы можете проверить у тов. Поликарпова. Он сейчас в Союзе не работает, но, наверно, находится в Москве и поможет Вам. Чтобы напомнить ему обстоятельства дела, можете показать ему мою записку.

Чтобы двинуть в ход выяснение обстоятельств гибели Залилова, я в феврале этого года рассказал то, что пишу Вам сейчас, Ерикееву и просил его, чтобы он от Союза писателей Татарии поинтересовался этим делом.

С приветом.

А. Фадеев.

P. S. Я сейчас, к сожалению, болен,— а то я лично помог бы Вам.

100. П. Х. МАКСИМОВУ

22 июня 1946 года

Дорогой Павел Хрисанфович!

Извини, что отвечаю не сразу: я полтора месяца проболел и сейчас еще нахожусь на положении выздоравливающего.

Еще раз извини, что я вынужден писать так резко, но я знаю, что ты можешь писать лучше. В частности, я очень рад, что Ростовское издательство выпускает твою книгу о Горьком. Я читал то, что было написано тобой до войны, и это было интересно. Конечно, у тебя было достаточно материалов, чтобы это развить и дополнить,

Твое первое письмо, от 3 мая, в той части, где оно говорит о романе Н., я переслал заместителю редактора «Литературной газеты» Е. И. Ковальчик, поскольку она фактически ведет газету, — Сурков больше занят в «Огоньке». Я попросил ее раздобыть книгу Н., ибо они не могут решить вопрос о твоей статье «втемную», без книги.

Я чувствую, что тебе пока трудно живется, но все-таки я очень рад, что ты вернулся в родные места. Как говорила одна женщина на пепелище: «Живой человек обживется». Мне всегда бывает больно при мысли о том, что такие друзья моей юности, как Бусыгин, Кац, уже никогда не вернутся.

Я был в Ростове осенью 1943 года. Ходил по родным мне местам, и так тяжело было смотреть на развалины.

Мне так хотелось в те дни, чтобы ты был в Ростове.

Мое пребывание там скрашивалось только тем, что я встретил Янчевскую, сестру Бусыгина — Варю, да Нину Ивановну, машинистку из редакции, которой я когда-то диктовал первые главы «Разгрома». Передай этим хорошим женщинам мой сердечный привет, если их увидишь.

Крепко жму твою руку.

Поклон жинке твоей. Где она теперь работает и удовлетворена ли?

Пиши мне по домашнему адресу.

Ал. Фадеев.

101. Н. С. КЛЕМЕНТЬЕВУ

24 июня 1946 года

Дорогой товарищ Клементьев!

Письмо вашего коллектива с жалобой на издателя Моисеева я получил. Недостатком этого письма — в той части, где вы характеризуете творчество писателей г. Чкалова, — является *полное отсутствие* самокритики. Даже мой отзыв о творчестве некоторых из писателей Чкалова вы изложили так, будто я говорил только хорошее и лестное и совсем не критиковал вас.

Тем не менее вам, конечно, надо помочь. Я написал тов. Денисову, чтобы вас собрали в Обкоме и поговорили с вами о ваших нуждах. Я прошу в письме, чтобы

помогли вам в издательских делах, в помещении для отделения Союза и дали денег на литературную консультацию. С другой стороны, я написал, чтобы с вас больше требовали в смысле *качества* вашей работы (и в части вашей литературной работы, и в смысле общественном): вам надо периодически устраивать литературные вечера в городе и на местах — с хорошими литературными докладами, с читкой своих произведений. И надо, чтобы у вас работала «литературная консультация» для начинающих.

Прочел вашу литературную газету, выпущенную ко Дню Победы. Ваша глава из поэмы понравилась мне по языку (хотя мне кажется несколько искусственным глагол «припеть») и по свободному, естественному течению стиха. Я бы сказал, что в Вашем отрывке чувствуется некрасовская школа, если бы не то обстоятельство, что в большинстве произведений Некрасова всегда есть еще и «второй план», как бы «подводное течение». А Ваш стих более прямолинеен, более — в лоб. Поэтому невольно возникает сопоставление Вашего стиха с никитинским. Никитин пользуется почти тем же народным словарем, что и Некрасов, похож на него «манерой», но в большинстве случаев лишен «второго плана».

С точки зрения большой поэзии — это недостаток Никитина, а стало быть, и Ваш. У Никитина были и вещи глубокие, не просто бытовые, — например, «Русь»: «Под большим шатром голубых небес...» и т. д.

Но естественность и народность Вашего стиха мне лично по сердцу.

«Весна» Возняка более выдержана с точки зрения формы, чем многие другие его стихи, о которых я говорил, что они производят впечатление недоработанных: в каждом из них всегда можно найти неудачную строфу, трафаретные строчки. «Весна» написана строже.

Мне понравились стихи П. Строкова, особенно — «Беда».

Рассказы Гарбаря, Левина, Бычкова производят впечатление не законченных произведений, а отрывков из крупных вещей. Можно сказать, что у всех трех авторов есть дар изобразительности, особенно у Левина. В рассказе его есть новизна темы, хорош образ старика на трубе — с этакой русской затейливостью. У Гарбаря рассказ развертывается поэтично, по-горьковски, но окончание —

произвольное, и большая поэтическая тема остается незавершенной. И в языке есть неряшливость: например, «небесные барашки» никак не могут «подпрыгивать». Рассказы Гарбаря и Бычкова следовало бы освободить от некоторых словесных штампов.

Мне кажется, вы вообще должны относиться строже к работе друг друга и лучше редактировать то, что печатаете. На вашем месте я бы не допустил такой трафаретной, казенной и убогой «шапки», какую вы дали «Дневнику солдата». Даже в статье Незнамова есть такая неряшливость. Он пишет: *«в конце* 80-х и в начале 90-х годов Оренбург переживал экономический кризис» — и дальше следует цитата из газеты «Оренбургский край», относящаяся к 1882 году, то есть к самому *началу* 80-х годов. «Язык» Шавырина и «В дороге» Николаева — это новеллы-были, в основе которых лежат анекдотические случаи. Такие новеллы нуждаются в исключительно тщательной работе над словом. Язык должен быть точный, емкий, выразительный. Новелла-анекдот частенько нуждается в стилизации — либо под говор того, кто ее рассказывает, либо под манеру письма, свойственного той или иной эпохе, если новелла историческая. Новеллы-были Шавырина и Николаева написаны языком средней прозы и от этого много теряют. «В дороге» Николаева — несколько живее, ему удался диалог; и анекдот, лежащий в основании сюжета, забавней. Однако «уполномоченный» как-то уж очень нарочито бюрократичен и глуп.

О сказе Пистоленко я не пишу здесь, так как я прочел все его сказы и пьесу «Аленький цветочек» и напишу ему отдельно. Передайте ему, пожалуйста, что я полтора месяца пролежал в больнице и сейчас еще сижу на даче в качестве выздоравливающего и поэтому не успел переговорить по поводу его пьесы с Московским ТЮЗом. Дней через десять я выйду в мир, переговорю с театром и напишу ему обо всем сразу.

По причине болезни я не смог организовать вызов группы чкаловских писателей в Москву, но обязательно сделаю это. Возняку передайте, что письмо его я получил, а книги его до меня не дошли.

Как Ваше здоровье? Не нуждаетесь ли Вы в специальном лечении где-нибудь в санатории — на юге, в Боровом или на кумысе? Напишите мне, ведь я мог бы Вам это организовать.

Крепко жму Вашу руку.

Сердечный привет всем товарищам. Привет Марине Андреевне и Вашим ребятишкам.

Ал. Фадеев.

102. С. Я. МАРШАКУ

24 июня 1946 года

Дорогой Сам!

Очень прошу посмотреть рассказы О. Неклюдовой, которые мне очень понравились своей выдумкой и человеческой интонацией.

Так как она автор молодой, а кадры детской литературы еще не очень широки, я думаю, ей надо было бы помочь напечататься и вообще поощрить ее в этом жанре.

Я все еще в полулежачем положении и не могу навестить тебя. А я очень и очень по тебе соскучился. Будешь ли ты отдыхать, лечиться? Где?

Дней через десять я думаю выехать в город и позвоню тебе. Еще раз прошу тебя ознакомиться с рассказами и, если они понравятся тебе, помочь автору их напечатать в одном из детских журналов.

Сердечно обнимаю тебя. Привет Софье Михайловне.

Ал. Фадеев.

103. О. Л. ЛЕОНИДОВУ

1 июля 1946 года

Дорогой Олежек!

Боря Ромашов сказал мне, что ты болен. Это меня искренне огорчило, потому что ты для меня всегда был и остаешься чудесным жизнелюбцем. Я бы и сам желал прожить столько, сколько прожил Мафусаил и сколько живут крокодилы, то есть 900 лет. Но, увы, меня то и дело сражают неромантические, грязные болезни. Я пролежал месяц в больнице и вот уже около месяца полулежу на даче.

Благо бы сердце или, скажем, там легкие! А то осложнение на желудок. Слыханное ли дело с моим воспитанием сидеть на манной каше, сваренной на воде!

Поправляйся, дорогой Олежек, — нам еще необходимо посидеть и обсудить ряд жизненных проблем. Как-то я встретил Ларису Семеновну Сварог и узнал, что ты и Эся являетесь старинными друзьями этого дома, как и я. Она приглашала нас вместе навестить их. Я с грустью подумал о том, что бедняга Сварог уже не сможет взять гитару и спеть: «Пойми, пойми, пойми, пойми, пойми всю силу и огонь моей любви»... но зайти, конечно, следовало бы.

Я выйду в мир недели через две, и очень хотелось бы увидеться. Всегда был бы рад видеть тебя и Эсю у нас на даче. Если ты еще не скоро встанешь, я тебя навещу.

Напиши мне по городскому адресу.

Крепко жму руку. Сердечный привет Эсе Львовне.

Ал. Фадеев.

104. В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

19 октября 1946 года

В отчете о московском собрании поэтов («Литературная газета», № 42 от 12 октября) неверно изложены отдельные места моего выступления на этом собрании.

В отчете сказано: «А. Фадеев резко критиковал творчество И. Сельвинского». Это не точно. Я резко критиковал прежние произведения И. Сельвинского («Улялаевщина», «Пао-Пао», «Записки поэта», «Рысь», отдельные лирические стихи), в которых имеются грубые политические ошибки, чувствуется влияние чуждых и враждебных советскому мировоззрению ницшеанско-бергсонианских взглядов и непреодоленные влияния литературного декаданса. Резкость этой критики вызвана тем, что в отдельных стихах Сельвинского перед войной и даже во время войны снова сказались эти влияния. Но я не критиковал творчество И. Сельвинского в целом, поскольку

им созданы были и до войны, и особенно в дни войны полезные и талантливые советские произведения. Я говорил о том, что творчество Сельвинского значительно двинулось бы вперед, если бы он понял ошибочность и вредность ряда прежних своих произведений и не держался за них.

В отчете сказано: «П. Антокольский, В. Инбер своим путем пришли к советскому искусству, мы можем не соглашаться и спорить с ними по вопросам поэзии, но это будет здоровый спор, помогающий движению вперед».

Как известно, все советские писатели своим путем пришли к советскому искусству, и становится непонятным, кто такие «мы», которые считают полезным «не соглашаться» с людьми, пришедшими к советскому искусству.

Речь шла об особенностях поэтического пути В. Инбер и П. Антокольского, особенностях, состоящих в том, что поэтическая молодость этих поэтов, очень разных, складывалась под влиянием школ литературного декаданса. Но они, каждый по-своему, сумели преодолеть эти влияния в решающем и главном, и их творчество слилось со всей передовой советской поэзией, свидетельством чего являются такие прекрасные произведения, как «Пулковский меридиан» и «Сын». Что же касается «спора», то речь шла здесь о другом: о неизбежности и плодотворности дискуссий между советскими поэтами, стоящими на общих идейных позициях, но разными по своим направлениям в области поэтической формы.

В отчете, наконец, сказано: «А. Фадеев... дает отрицательную оценку поэмы С. Кирсанова «Александр Матросов». Штукарство, фокусничество мешают поэту говорить полным голосом». Я говорил о том, что формальные выверты, свойственные ряду произведений Кирсанова в прошлом, сказываются и в его поэме «Александр Матросов» и снижают ее художественное значение. Но я не оценивал «отрицательно» поэму в целом. Она интересна по замыслу, тема поэмы — нужная в наши дни, в поэме есть поэтически удачные и сильные места, особенно в новом, переработанном варианте, и при всех ее недостатках поэма может быть полезной нашему читателю.

А. Фадеев.

105. З. И. СЕКРЕТАРЕВОЙ и К. П. СЕРОВУ

22 октября 1946 года

Дорогие Зоя и Костя!

Был очень рад получить от вас письма и чувствую себя бесконечно виноватым, что так долго не отвечал на них. Объясняется это моей исключительной занятостью, вызванной известными вам событиями в Союзе писателей. Работа в Союзе в этот реорганизационный период не только лишила меня творческой работы, но и прервала мою личную переписку. Даже свои депутатские обязанности я выполняю в эти недели с большим запозданием. Теперь как будто бы дело начинает постепенно налаживаться, и я думаю, что мне удастся снова начать писать.

Мне, конечно, очень хочется закончить «Последний из удэге».

«Молодую гвардию» я вам обязательно пришлю через некоторое время. Я дожидаюсь «роскошного» издания романа в Детском издательстве с прекрасными иллюстрациями художника Щеглова, — такое издание не стыдно и подарить. Имеющееся у меня сейчас издание «Роман-газеты», хотя и сделано опрятно, выпущено все-таки на газетной бумаге — и непрочно.

С большим волнением и радостью я прочел в письме Зои о Тане Цивилевой. О том, что она может вести себя так и только так, я никогда не сомневался. Мне ужасно хочется ей помочь, но я не знаю, как это сделать, не оскорбляя ее гордости. Может быть, ей надо послать что-нибудь из вещей, но что именно? Я мог бы перевести ей денег, но она не примет. Может быть, это можно сделать через Зою? Т. е. я переведу Зое, а Зоя — Тане? Я очень прошу вас посоветовать мне, что я мог бы сделать, — совершенно конкретно. Я в ближайшее время ей обязательно напишу и тоже вышлю «Молодую гвардию» — единственный подарок, который я могу ей пока что сделать.

Характеристику Зое о ее работе среди молодежи я посылаю.

Нича Сибирцева, или, вернее, Шушарина, живет в Ленинграде в большом доме политкаторжан возле Троицкого моста, по Петровской ул., д. 1/2, кв. 60.

Сердечно вас обнимаю, прошу не забывать меня и писать, я обещаю быть более аккуратным.

Крепко жму ваши руки.

А. Фадеев.

106. К. М. СИМОНОВУ

23 октября 1946 года

Дорогой Костя!

У К. И. Чуковского есть очень хорошая работа о Некрасове, которую он готовит к 125-летию поэта — в начале декабря. В этой работе есть несколько вполне самостоятельных глав, рассматривающих Некрасова как новатора в области формы в связи с принципиальной новизной его народной темы в русской поэзии XIX века. Написано это необыкновенно просто, талантливо и очень убедительно....

Ты сделал бы благое дело, если бы напечатал какую-либо из глав....

Вызови его.

Сердечный привет!

А. Фадеев.

107. К. М. СИМОНОВУ

30 ноября 1946 года

Дорогой Костя!

Направляю тебе письмо Гидаша и его поэму. Прошу тебя *лично* вызвать его и договориться.

Поэма мне очень нравится. Надо действительно убрать некоторые из главок, чтобы в законно трагическом звучании поэмы не было нот безвыходности. Но, по-моему, Кривицкий его чрезмерно обкорнал. Ведь это — первая большая вещь Гидаша после всего им пережитого. Есть смысл шире и полнее представить этого талантливого человека.

С приветом

Ал. Фадеев.

1947

108. В. В. ВИШНЕВСКОМУ

3 января 1947 года

Дорогой и милый Всеволод!

Очень обрадовался, узнав вчера у Сони, что давление у тебя понизилось. Место для тебя в Барвихе мы уже попросили и надеемся, что не откажут.

Печально то, что как мне стало известно, ты продолжаешь заниматься делами — и журнала и секции. Это надо категорически оставить. Обойдутся пока что и сами, а иначе — не поправишься. Не волнуйся также, что занимаемся журнальными делами в твое отсутствие. Дискуссия о «Сталинграде» будет продолжена в клубе, я обязательно буду на ней, и вещь в обиду не дадим. Конечно, она заслуживает критики в известных частях, но основной знак должен быть положительный...

Мы думаем на ближайшей партгруппе обсудить все №№ вышедших журналов. Ошибки есть во всех четырех наших журналах (включая «Звезду» и первый—10—11-й номер «Нового мира», вышедший под редакцией Симонова), — это надо отметить. Однако во всех четырех журналах есть некоторые сдвиги к лучшему. «Знамя» № 11—12 выгодно отличается от всех предыдущих хорошо подобранным отделом критики. Березко я еще не прочитал,— однако отзываются о нем хорошо.

Но все дело в том, что тебе надо пока что отвлечься от всех этих дел и спокойно лечиться. Все остальное приложится. Крепко жму твою мужественную лапу и обнимаю тебя от всего сердца.

Твой *А. Фадеев.*

Поставил число и вспомнил: — С Новым годом, друг мой!

109. В СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

11 января 1947 года

Прошу Совет Министров СССР отменить неправильное указание Управления делами Совета Министров СССР о вывозе вещей и библиотеки А. Н. Толстого с его

дачи в Барвихе и отчуждении этой дачи в ведение Управления делами Совета Министров СССР.

Прошу сохранить дачу А. Н. Толстого в том виде, как она существует, и разрешить Союзу писателей СССР организовать в этой даче мемориальный музей А. Н. Толстого.

А. Н. Толстой, автор «Петра I» и «Хождения по мукам», является классиком русского народа и крупнейшим советским писателем, приумножившим мировую славу советской литературы. По решению правительства ему будет сооружен памятник в Москве.

Нет никакой надобности дожидаться 100 лет со дня его смерти, чтобы потом по крупицам собирать подлинные вещи писателя и восстанавливать дом, где он жил, на который можно было бы повесить мемориальную доску. Гораздо целесообразней уже сейчас сохранить единственную дачу, где А. Н. Толстой жил и творил все последние годы своей жизни, как мемориальный музей.

Говорят, что дача находится в «запретной» зоне. Это соображение нельзя квалифицировать иначе, как бюрократическое соображение.

Во-первых, «запретные» зоны советская власть не закрепляет навечно. Во-вторых, и в «запретную» зону вполне могут ездить организованные экскурсии трудящихся. В-третьих, в «запретной» зоне проживают десятки тысяч московских колхозников и мемориальная дача А. Н. Толстого могла бы служить предметом их заботы и чуткости.

Не могу скрыть и то обстоятельство, что это самоуправство с дачей крупнейшего советского писателя после его смерти вызвало большое возбуждение в умах советских писателей. Невольно приходит в голову мысль, что, очевидно, так же могут поступить после нашей смерти с дачей каждого из нас, если эта дача понравится какому-нибудь крупному и симпатичному советскому чиновнику.

Думаю, что такой акт — отчуждение дачи крупного писателя после его смерти в пользу государственного служащего, невозможен даже в любой из самых бедных стран на Балканах и тем менее приличен для такой богатой страны, как наша.

Прошу дать указание об отмене этого непозволительного акта.

А. Фадеев

110. В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «СТАЛИНСКАЯ ГВАРДИЯ» ТОВАРИЩУ КОМПАНИЕЦ

Февраль 1947 года

Передайте через Вашу газету мою глубокую благодарность солдатам, сержантам и офицерам — читателям «Молодой гвардии» — за теплое отношение к роману.

Герои моего романа в подавляющем большинстве — живые люди и выведены под своими именами.

Исключение представляют некоторые эпизодические фигуры, вроде бойца Каюткина, генерала армии, прозванного «Колобком», а также подпольщика Матвея Шульги: это фигура действительная, но выведенная под другой фамилией; вообще весь эпизод с Шульгой взят мной не из краснодонских материалов.

Сценарий по «Молодой гвардии» сделан не мной, а кинорежиссером Герасимовым, сделан, на мой взгляд, хорошо.

Сделать фотокопию рукописи я не имею времени, но в виде компенсации посылаю Вам подлинный листок из черновика первой главы романа.

Сердечный привет Вам и всем читателям!

Ваш *А. Фадеев.*

111. А. ОРЛОВОЙ

25 апреля 1947 года

Дорогая Шура!

Спасибо Вам за добрые слова о моем романе.

По поводу некоторых неточностей в характеристике семейного положения Вашего брата должен сказать Вам следующее. Я писал не подлинную историю молодогвардейцев, а роман, который не только допускает, а даже предполагает художественный вымысел. Поэтому ни Вы, ни родные других молодогвардейцев не должны требовать от меня абсолютной точности. У меня, конечно, не было возможности и времени для того, чтобы установить все семейные подробности, касающиеся почти ста юношей и девушек. Я не мог переговорить с родными всех молодо-

гвардейцев. Поэтому в изображении Вашего брата я воспользовался теми сведениями, которые у меня были. Я прошу Вас не огорчаться этим обстоятельством. Несмотря на эти погрешности, я писал о Вашем брате с большой сердечной теплотой и любовью. Я думаю, что после прочтения книги у людей сохранится светлая память о нем. А это и было главной целью моего романа.

Желаю Вам всего хорошего.

Передайте сердечный привет Вашей маме и сестре.

А. Фадеев.

112. В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «КРАСНОЕ ЗНАМЯ»

5 мая 1947 года

Передаю боевой большевистский привет всему коллективу журналистов, рабочих и служащих газеты «Красное знамя». Правдивый голос газеты «Красное знамя» зазвучал в Приморье еще до победы Октябрьской социалистической революции. Газета сыграла немалую роль в мобилизации трудящихся на борьбу за пятилетки в условиях Дальнего Востока. Желаю ей лучших успехов в деле воспитания и организации советских людей на строительство коммунизма.

Примите еще раз сердечный привет от литератора, впервые выступавшего на страницах вашей газеты в 1917 году.

А. Фадеев.

113. С. П. ПИЩЕЛКЕ

20 августа 1947 года

Дорогой Семен!

Не могу тебе передать, как я чувствую себя виноватым, что не сумел вовремя ответить на твои письма.

Должно быть, ты знаешь по газетам, что эти письма совпали с особенно горячим периодом моей жизни: я почти все время был в командировках — в Англии, в Латвии, болел, а главное, в нашем Союзе писателей шла и еще идет такая коренная перестройка, что я буквально сплю по 5—6 часов в сутки и едва справляюсь с делами.

Наша юность с тобой так связана вместе, что не хотелось отвечать тебе коротким формальным письмом. Я как увидел твою фотографию, твоих уже взрослых детей, сразу подумал о том, какие мы стали старые, но «штурмовые ночи Спасска» до сих пор стоят в моей памяти.

Как-то особенно запомнился мне один чудесный вечер, который мы провели у твоих близких в селе Спасском незадолго до японского выступления. Какие чудесные, простые люди нас окружали! С некоторыми из них я встретился через несколько месяцев, когда, после убийства белыми Уткина на Имане, пробирался из Иманского района во Владивосток и те же знакомые и милые люди в селе Спасском прятали меня от японцев и белых. Помню, я лежал в каком-то сарае и все время думал: «А вдруг сейчас зайдет Сеня Пищелка?»

Конечно, очень запомнился бой в Спасске и как ты ногами топтал свою фуражку под ураганным огнем японцев и не хотел уходить.

До сих пор сохраняю в своей душе глубокую благодарность к тебе и ко всем нашим ребятам коммунистического отряда за то, что вы тогда вынесли меня через болота по грудь в воде, раненого, из японского окружения.

А особенно приятно было вспомнить, как в селе Ракитном ты обучал нас украинским песням, которые я пою и до сих пор.

Сегодня я первый день в отпуску и вот получил возможность написать это письмо.... Вообще мне хотелось бы поддерживать с тобой связь и не терять тебя из виду. Я не могу по условиям работы часто писать и отвечать на письма, но через известные промежутки времени могу все-таки подать голос о себе.

Я не вполне уверен, не изменился ли твой адрес в последнее время. Поэтому до твоего ответа не посылаю тебе своих книг с надписью, а также своей фотографии, по которой ты сможешь увидеть, каким я стал старым седым чертом.

Крепко жму руку. Привет твоей жинке и всему твоему семейству. Я тоже уже женат и имею двух детей, двух сыновей, только они еще далеко не призывного возраста.

Сердечный привет и поклон.

Твой *Саша Булыга,* он же

Фадеев.

114. Г. Х. ЦАПУРИНУ

31 августа 1947 года

Дорогой Гриша!

Не обижайся на меня за то, что я иногда месяцами не отвечаю на твои письма, это объясняется исключительной занятостью. Этот год был очень трудным для меня. В Союзе писателей у нас коренная перестройка, работы так много, что спишь по 5—6 часов в сутки. Я очень много, кроме того, был в разъездах: был в Чехословакии, в Англии, ездил в Латвию, болел. Если учесть всю мою служебную переписку и большое количество депутатских писем, у меня почти не остается времени на личную переписку.

Я лично, опираясь на собственный опыт и на опыт других литераторов, как начинающих, так и «кончающих», не советовал бы тебе бросать работу и приниматься за литературные дела до тех пор, пока ты не напечатаешься и не только будешь уверен в собственных творческих силах, но и получишь общественное признание. Литературный труд обманчив: всякий пишущий человек, от самого маленького до самого крупного, не имеет ясного представления о собственных способностях, часто склонен их преувеличивать, хотя и не менее часто переживает горькие муки сомнения. Вот почему я просил тебя и раньше и прошу теперь прислать мне все написанное тобой. Я дам тебе подробный разбор твоих рукописей; можешь не сомневаться, ответ мой будет дружественным и прямодушным.

За эти месяцы я получил несколько писем от Зои Секретаревой и ее мужа Кости Серова, которого на Дальнем Востоке звали Мишкой-Медведем, но которого ты вряд ли помнишь, так как он возник на нашем горизонте в 1920 году.

Получил я также письма от Тамары Головниной и Тани Цивилевой. Тамара — директор сельскохозяйственного училища и учебного комбината при нем, а Таня — у нее на службе....

Не знаю, писал ли я тебе о тяжелых неприятностях у Федора К., связанных с использованием государственных средств его бухгалтером в личных целях, в чем оказался виновен и К. Мое ходатайство о помиловании его в связи с прежними заслугами не имело успеха. Он осужден, хотя и не на большой срок. Мне жаль, что так глупо и

преступно сложилась биография этого талантливого человека. Мне это особенно тяжело, потому что, как ты знаешь, наша революционная юность проходила вместе, и я до сих пор благодарен вам, Цапуриным и тому же Федору с его друзьями-наборщиками за первую школу борьбы, пройденную вместе с рабочей молодежью. Так и не могу узнать, где находится Настя, которую ты, наверно, прекрасно помнишь. В рождественские дни 1918 года мы вместе с ней морозили пельмени для наших заключенных и потом вместе отвозили их в колчаковскую тюрьму и чешскую гауптвахту.

Крепко жму руку и желаю тебе всего хорошего.

Еще раз прошу, не обижайся на меня.

Ал. Фадеев.

115. Д. К. и М. Т. АНДРОСОВЫМ

31 августа 1947 года

Дорогие Дарья Кузьминична и Макар Тимофеевич!

Прошу извинения, что благодаря исключительной занятости с таким опозданием отвечаю на Ваши письма. Вы, конечно, совершенно правы, что дневник Вашей дочери Лиды никогда не попадал к немцам. Дневник этот находится у меня, и я Вам его с глубокой благодарностью возвращаю. Но Вы не вправе обижаться на меня за то, что в моем романе есть известная доля художественного вымысла.

Хотя герои моего романа носят действительные имена и фамилии, я писал не действительную историю «Молодой гвардии», а художественное произведение, в котором много вымышленного и даже есть вымышленные лица. Роман имеет на это право.

Если бы в моем романе был искажен самый смысл и дух борьбы молодогвардейцев, я заслуживал бы всяческого обвинения. Но вымысел в моем романе способствует возвышению подвига молодогвардейцев в глазах читателя, и поэтому Вы не вправе меня обвинять.

Все, что я написал о Вашей дочери, показывает ее как девушку очень преданную и стойкую. Я сознательно сделал так, что ее дневник будто бы после ее ареста попал к немцам. Вы лучше меня знаете, что в дневнике нет ни одной записи, которая говорила бы о деятельности «Мо-

лодой гвардии» и могла бы послужить для немцев на пользу в смысле раскрытия «Молодой гвардии». В этом отношении Ваша дочь была очень осторожна. Следовательно, допустив такой вымысел в романе, я не кладу никакого пятна на Вашу дочь.

Но по дневнику Вашей дочери видна ее чистая любовь к Николаю Сумскому. И в этом же дневнике выражена ее преданность Советской Родине и ненависть к немецким и румынским оккупантам. Весь вымысел о том, будто дневник Вашей дочери попал к немцам, нужен был мне как раз для того, чтобы показать: 1) что немцы с особенной силой терзали Вашу дочь, зная ее советский дух, 2) что немцы знали о ее любви к Сумскому и пытались вынудить у нее признание о любимом человеке. Этих обстоятельств не было на самом деле, — то есть немцы на самом деле, возможно, и не знали об этом, а только догадывались. Но я посчитал возможным ввести это в роман, чтобы тем самым подчеркнуть и возвысить стойкость Вашей дочери и ее бессмертный подвиг.

Кроме того, я смог, благодаря этому вымыслу, привести в романе два подлинных отрывка из дневника Вашей дочери, характеризующих ее как глубоко советскую девушку, с презрением относящуюся к захватчикам.

Таким образом, Вы видите, что мой вымысел не только не порочит Вашу дочь, а наоборот — возвышает ее подвиг.

Это место так и воспринимается всеми читателями. А если среди Ваших соседей, как Вы пишете, есть люди, которые в дурном смысле используют это место романа, то это или чужие советскому духу люди, или просто люди глупые. С их мнением вряд ли кто-нибудь будет считаться.

Еще раз извините за задержку с ответом.

Желаю вам всего хорошего.

Ал. Фадеев.

116. И. Л. КРЕМЛЕВУ

31 августа 1947 года

Уважаемый товарищ Кремлев!

Первая книга Вашего романа чрезвычайно интересна. Впервые показана оборона Астрахани, ее значение для революции и России и роль Кирова в этом деле.

Впервые показана роль английского империализма и его разведки за спиной белого движения.

Впервые показан внутренний путь образования Красной Армии из Красной гвардии и партизан — и наконец — путь формирования руководителей, командиров и пр. из рядовой массы (Панфилов, Астахов и др.).

Роман настолько ценен, что я возьму на себя смелость настаивать, чтобы Вы над ним еще поработали.

В основе он художественно найден, но еще не освобожден от некоторого строительного мусора.

1. Есть места политически ненужные. Есть неточные политические формулировки. Есть некоторый излишний нажим на расстрелы и аресты, хотя причины и роль революционного террора вскрыты и показаны Вами в основном очень хорошо.

2. Есть мелкие психологические неточности, штампы и недоделки в характеристике отдельных лиц. Следовало бы, к примеру, больше в самом начале раскрыть *духовный* мир Вареньки, не то получается, что Вы через любовную внешнюю характеристику навязываете читателю хорошее отношение к ней. Следовало бы дать несколько теплых индивидуальных черт Астахову в самом начале, а то он слишком сух и его разворот дальнейший, данный очень хорошо, не вполне мотивирован.

3. Следует почистить язык, на нем следы не то спешки, не то долгого отсутствия упражнения в стиле (я это хорошо знаю по себе, когда долго не пишешь).

Насколько я мог, я постарался отметить на полях или подчеркнуть, а иногда и прокомментировать на полях все эти — трех указанных видов — недостатки.

В политическом смысле *самое главное* — это в первых же главах романа суметь передать существо *политических, исторически сложившихся* разногласий партии, Ленина и Сталина с Троцким и с «рабочей» оппозицией (Шляпников), если эту последнюю вообще стоит вводить (Вы о ней сказали слишком мало). Иначе у Вас в двух третях книги все эти серьезнейшие политические расхождения выглядят то как борьба лиц, то просто как действия злоумышленников. Смысл и вредность *политической* линии Троцкого (с сохранением тех намеков на связь его и его агентов с иностранной агентурой) Вами должны быть вскрыты и разъяснены в первых же главах романа: учтите, что большинство Ваших читателей не знает того

времени. А публицистики Вам бояться нечего. Она в Вашем романе вполне уместна.

Мои замечания в деталях столь скрупулезны, что я хотел бы с Вами обязательно поговорить после отпуска, т. е. числа 16—17 сентября. Хорошо было бы, если бы Вы сохранили этот экземпляр с моими пометками для разговора.

Извините, что задержал рукопись дольше, чем хотел.

Желаю Вам успеха.

Ал. Фадеев.

117. В ГОСЛИТИЗДАТ

14 октября 1947 года

Считаю работу В. Кирпотина «Молодой Достоевский» одной из лучших работ по литературоведению, вышедших за последние годы.

Достоинство книги состоит, во-первых, в том, что она рассматривает молодого Достоевского, т. е. Достоевского периода его близости к Белинскому и петрашевцам, в связи с конкретной историей общественного развития России его времени. Поэтому анализ ранних литературных произведений Достоевского, сам по себе сделанный блестяще, естественно вытекает из общественно-политической борьбы того времени и обнимает собою не только литературный процесс, а и реальную историю.

Достоинство книги состоит, во-вторых, в том, что многие политические и литературные проблемы, поставленные в книге, живо перекликаются с наиболее насущными литературными и политическими вопросами нашего времени. Поэтому работа Кирпотина глубоко современна.

Эту работу вполне можно назвать новаторской. Не только в том смысле, что он раскрывает наименее исследованное, наиболее «темное» место в литературоведении. Работа новаторская и в том смысле, что она принадлежит к не столь еще многим литературоведческим трудам, показывающим, сколь плодотворно применение в деле литературного исследования подлинного марксистско-ленинского метода.

Ал. Фадеев.

118. К. П. СЕРОВУ

23 октября 1947 года

Дорогой Костя!

Спасибо за память. Только теперь получил ленинградское издание «Молодой гвардии». Издание хорошее, но иллюстрации мне не понравились. Я люблю более ясный, четкий рисунок, а главное — характерность в лице. У Таранова же все как-то темно, вяло, условно. Да, как говорится, бог с ним! Не знаешь ли, как дела у Кокушника с пенсией? Еще в мае он просил меня прислать справку, но в силу страшной занятости я отсылаю эту справку, к сожалению, только теперь и чувствую себя виноватым перед ним.

Дорогой Костя! Я перевожу для Танюши Цивилевой на твое имя 3000 рублей. Вы посмотрите с Зоей, — может быть, ей что-нибудь нужно купить или, может быть, Вы уговорите ее взять эти деньги, чтобы она могла истратить их по своим потребностям.

Я надеюсь в декабре попасть в Ленинград. Тогда мы обязательно увидимся и, может быть, мне удастся на денек съездить в Псков, чтобы повидать и Таню и Тамару.

Крепко жму твою руку. Поцелуй Зою.

А. Фадеев.

119. Л. Ф. ПАЛАМАРЧУКУ

Октябрь 1947 года

Уважаемый товарищ Паламарчук!

Будьте добры передать товарищу Резниченко мое восхищение его чудесными иллюстрациями к «Молодой гвардии». Они сделаны очень просто, в характере героев романа, с какой-то необыкновенно мягкой ретушью, очень эмоционально. С моей личной точки зрения, это пока что наилучшие иллюстрации к роману. На втором месте идут иллюстрации Щеглова в издании Детгиза в Москве.

Передайте тов. Резниченко мой сердечный привет и благодарность.

А. Фадеев.

1948

120. М. И. АЛИГЕР

<Начало 1948 года>

В связи с некоторыми обстоятельствами, мне хотелось бы вернуться к твоей пьесе.

Критика «Молодой гвардии» и мои разговоры на эту тему с умными людьми привели меня к выводу, что и в твоей вещи есть некоторые моменты, недоучтенные в смысле их общеполитического звучания.

Если можно, я позвоню завтра между 5—7 часами и мы сговоримся о встрече.

А.

Было совещание в Комитете по делам искусств с художественными руководителями театров, где — в связи с критикой «Молодой гвардии» и снятием с постановки «Кремлевских курантов» — шел разговор о поправках к ряду пьес. И уже совершенно официально—Храпченко—было предложено исправлять твою пьесу, а следовательно, и спектакль.

Если ты уже это сделала, нельзя ли мне посмотреть? Перепечатано ли это? Если — да, то, может быть, ты мне оставишь это в ССП?

А.

Правда, я не знаю, было ли сказано, что *до* переделки следует приостановить спектакли. Возможно, и нет, так как с «Молодой гвардией» поступили гуманно и не прекратили спектакли: решили подготовить новый вариант и, когда он будет готов, — показать в новом виде.

А.

121. И. Я. АБЕЗГАУЗУ

5 января 1948 года

Дорогой тов. Абезгауз!

Извините, что так долго не отвечал на Ваше теплое послание. Это было вызвано частыми разъездами и моей исключительной занятостью.

Ваше письмо доставило мне искреннюю радость и вызвало то живое чувство, какое всегда возникает в человеке при воспоминании о днях его молодости.

Конечно, я хорошо помню нашу совместную работу на заводе «Красный блок». Я даже помню, как был у Вас однажды в гостях на дому. Если не ошибаюсь, Вы жили на той же улице, где был расположен завод, или, во всяком случае, в том же районе.

Как видите, за то время, что письмо лежало у меня, меня уже успели покритиковать. И как раз за типы старых подпольщиков, которые Вам так понравились. Но Вы не огорчайтесь. Меня покритиковали не за то, что эти подпольщики плохо описаны, а за то, что нужно было бы шире показать деятельность нашей партии в подполье и показать не только таких большевиков, которые оказались организационно слабыми и провалились, а главным образом таких, что сумели организовать силу для действенного отпора немецко-фашистским захватчикам. Последнее, конечно, более типично, и я это еще сделаю.

Когда будет открытие памятника на заводе в связи со столетием завода? Или, может быть, это уже состоялось, а я, будучи в отъезде, прозевал? Напишите мне.

С сердечным приветом.

А. Фадеев.

122. М. Ф. РЫЛЬСКОМУ

14 января 1948 года

Дорогой Максим Фаддеевич!

Извини, что по занятости так долго не отвечал на твое письмо. И прими мою сердечную благодарность за новогоднее поздравление.

Как это иногда бывает в жизни, я оказался не столько помощником в опубликовании твоей поэмы в «Октябре», сколько виновником ее ненапечатания.

Говоря откровенно, она показалась мне чрезвычайно расплывчатой, не собранной по мысли и, попросту говоря, неряшливо написанной. Что касается перевода Брауна, то перевод настолько небрежен, лишен сердца, что производит местами впечатление халтуры. Об этом я имел возможность в течение буквально нескольких часов разговаривать с Брауном в Ленинграде.

Учитывая обстановку критического пересмотра многого из того, что тобой написано, я не мог не учесть, что отношение критики к твоей поэме будет более строгое, чем мое. Отдельные места поэмы, неясные, может быть, только по неудачному их поэтическому выражению, даже просто по характеру перевода, в таких условиях могут восприниматься как идеологически неясные. Я не могу указывать здесь на них только по недостатку времени, но подробно отметил их при разговоре с редакцией «Октября».

По всем этим вместе взятым причинам я и посоветовал журналу не печатать поэму.

Крепко жму руку.

Когда будешь в Москве, всегда буду рад видеть тебя у себя. Надеюсь встретиться с тобой в конце января в Киеве.

Всего тебе доброго.

А. Фадеев.

123. М. М. ПРИШВИНУ

5 февраля 1948 года

Дорогой Михаил Михайлович!

Сердечно поздравляю Вас в день 75-летия. Сам уже немолодой человек, я имею счастье помнить Ваши книги с детства. «В краю непуганых птиц» — это одна из книг, формировавших меня как человека. Вы можете себе представить, как близка она была сердцу подростка, выросшего в условиях прекрасной дальневосточной природы. Крайне сожалею, что условия работы не дают возможности лично пожать Вам руку.

Сердечно благодарю Вас и поздравляю от всего сердца.

Александр Фадеев.

124. В УПРАВЛЕНИЕ ПО ОХРАНЕ АВТОРСКИХ ПРАВ

14 февраля 1948 года

Прошу перечислить с моего счета на счет Комиссии Союза писателей помощи детям погибших на войне 10% от наличной суммы ко дню получения данного приказа.

Прошу дать указание об отчислении с моего счета на счет Комиссии 10% и в дальнейшем, со всех сумм, поступающих на мой счет.

А. Фадеев.

125. А. А. ЖДАНОВУ

6 марта 1948 года

Письмо Х. в части освещения деятельности «Молодой гвардии» отражает ту обывательскую возню, которую подняли над памятью погибших юношей и девушек некоторые из родителей и кое-кто из оставшихся в живых членов этой молодежной организации.

Цель этой возни: задним числом возвысить себя, сына или дочь из своей семьи, а заодно и всю семью, для чего — принизить и опорочить тех из героев «Молодой гвардии» и их семьи, которые получили более высокую награду правительства или более высоко были оценены нашей печатью.

Как известно, постановление правительства о героях «Молодой гвардии» и освещение их деятельности в печати основывались на материале, собранном ЦК ВЛКСМ на месте, по свежим следам событий. Материал этот представляет из себя почти стенографическую запись рассказов всех оставшихся в живых «молодогвардейцев», их родителей, учителей, товарищей по школе, свидетелей, а также дневники самих участников, фактические документы, многочисленные фото и т. д.

Я лично был в Краснодоне в сентябре 1943 года и также лично опросил, по меньшей мере, около ста человек, в том числе и Х. В то время решительно никто не давал мне никаких сведений и показаний, которые противоречили бы официальному материалу ЦК ВЛКСМ.

Этот материал и лег в основание моего романа.

Как известно, я не писал истории «Молодой гвардии», а писал художественное произведение, в котором, наряду с действительными героями и событиями, наличествуют и вымышленные герои и события. Об этом мной неоднократно заявлялось и в печати, и в выступлениях по радио, и на многочисленных собраниях читателей, и в письмах к краснодонцам.

Само собой понятно, что иначе и не может быть создано художественное произведение.

Ал. Фадеев.

126. О. Д. ФОРШ

Март 1948 года

Милая Ольга Дмитриевна!

Прости, что, наобещав с три короба.... я так долго злоупотреблял твоим терпением и ни разу не написал тебе. Но учти, что ко мне в должности Генерального секретаря нужно относиться, как к невменяемому. Мне редко удается сделать вовремя что-нибудь путное, поскольку я постоянно увлекаем стихией так называемых «неотложных», т. е. суетных дел. Сейчас я уже вполне доспел для Канатчиковой дачи, но все еще не дают отпуска.

Возвращаю тебе книжечку «В старом Тифлисе». Я ее, конечно, прочел, и рассказики, особенно тот, который дал название всей книжечке, доставили мне истинное удовольствие. Но одновременно они объяснили мне, почему библиотека «Огонька» не смогла их выпустить. Тираж библиотеки 100 тысяч. После первых же ее опытов она, т. е. библиотечка, получила совершенно ясные указания: не издавать книжек, могущих иметь значение для более или менее узкого круга читателей, интересных только для наиболее образованного и искушенного круга интеллигенции, а выпускать книги для широких слоев народа, книги современные, политически актуальные. На этом основании и зарезали ряд неплохих книжек, но имеющих звучание для определенного круга людей, — в том числе и твою.

Действительно, в основании большинства твоих рассказов в этой книжке лежит анекдот. Для понимания тонкости большинства из них требуется специфическое образование или, во всяком случае, знание этого круга фактов.

Я не хочу этим сказать, что рассказы твои — книжные и что существа их не поймет хорошо грамотный человек. Я хочу этим только сказать, что очень неширокий круг интеллигенции может воспринимать ту специфическую тонкость строения и организации материала, на которой держится каждый из рассказов и без понимания которой — они неинтересны.

Извини, если этим своим суждением доставил тебе некоторое огорчение. Меня всегда удивляло, почему при твоем неисчерпаемом жизнелюбии, знании людей и тонком их понимании, при такой биографии с ее разнообраз-

ными географическими маршрутами, ты в своей прозе так укрепилась на истории, а в стиле до сих пор не можешь отрешиться от некоторых элементов стиля, свойственного самой дурной на свете символистской прозе. Я, конечно, человек балованный и, к моему сожалению, «научен» видеть и понимать известные прелести даже этого, глубоко чуждого мне стиля.

Но мне всегда казалось, что он в известной мере сковывает твою душу. И те произведения, где душа звучит через все препоны, не случайно получают общенародное значение.

Таков роман «Одеты камнем». Как давно он написан, насколько больше формального мастерства достигла с той поры твоя рука, а роман продолжает жить, и я с удовольствием увидел его в избранной серии к 30-летию революции.

Не подумай, что я в какой-то степени стараюсь охаять все другое написанное тобой. Нет, это все — произведения таланта и мастерства, все имеет своих почитателей, все вплетается в развитие нашей советской культуры. Мне хочется просто сказать тебе, что именно мне самому больше нравится. Живешь ли ты уже на даче или это только в проекте?

Напиши мне о всех своих делах издательских.

Сердечный привет Тамаре.

Крепко жму руку и обнимаю.

А. Фадеев.

127. КОЛЛЕКТИВУ УЧИТЕЛЕЙ И УЧАЩИХСЯ ЧУГУЕВСКОЙ ШКОЛЫ

Март 1948 года

Большое спасибо вам за ваше теплое письмо. Я с удовольствием побывал бы в Чугуевке, о которой люблю вспоминать и в которой не был с 1933 г., но, к сожалению, я нахожусь на службе и не могу вырвать время для такой дальней поездки. В Чугуевке у меня очень много старых друзей, с которыми еще в условиях старого царского строя мы собирались где-нибудь на сеновале, чердаке или в бане и читали художественные книги. Со многими из них пришлось потом участвовать

в партизанской войне против японских интервентов и колчаковцев. Вероятно, их дети тоже уже давно окончили чугуевскую школу, а сейчас уже учатся их внуки.

Вы называете Чугуевку глухим таежным селом. Но, конечно, в моем представлении она уже не такая глухая. Чугуевка связана хорошей дорогой с железнодорожной магистралью. В Чугуевке теперь много советских учреждений и культурных очагов, одним из которых является ваша школа. В мои времена это действительно было глухое таежное село, соединенное со станцией Евгеньевкой очень дрянным разбитым и размытым трактом. Школа была всего лишь начальная. А интеллигентов на селе было лишь пятеро: учитель, почтовый чиновник, лесной объездчик да моя мать — фельдшерица и мой отчим — фельдшер. Изредка заглядывал землемер или таксатор с таежной экспедицией.

Дело, как видите, сильно изменилось. Но еще очень много работы, чтобы превратить Чугуевку в подлинно культурный центр социализма. В сущности, когда я учился в гор. Владивостоке, я не мечтал о чем-либо более высоком, как вернуться в свою Чугуевку агрономом или учителем и отдать все свои силы подъему культурного уровня народа. Тогда я был еще мал и не знал, что подлинный расцвет культуры народа может начаться после социалистической революции. Когда я это понял, я отдал свои силы революции. И обстоятельства жизни забросили меня далеко от родного села.

Но вы работаете уже в условиях советского строя, в условиях социализма, и расцвет культуры народа, культурный рост сел и деревень и превращение районных центров в первостепенные очаги социалистической культуры уже в полной мере зависит от вашей энергии, инициативы, изобретательности и неустанной работы.

Желаю вам успеха в этом благородном деле.

Со своей стороны при всякой возможности я буду подбрасывать вам книги для вашей библиотеки.

Прошу тов. Кузьмину написать мне, получает ли она журнал «Новый мир», который я выписал на ее имя.

Сердечный привет вам всем и глубокая благодарность от вашего односельчанина.

А. Фадеев.

128. Г. Х. ЦАПУРИНУ

31 марта 1948 года

Дорогой Гриша!

Нельзя рассматривать мой роман «Молодая гвардия» только как описание действительных событий. Ведь в нем немало и выдумки. Поэтому вполне справедливы претензии наших старших товарищей большевиков на то, что роль партии в романе недостаточно отражена. Партия в романе показана главным образом через Шульгу и Валько, которые плохо организовали подполье, провалились сами и провалили все дело. Конечно, такие случаи бывали. Но по опыту нашего подполья при Колчаке ты сам знаешь, что большевики неплохие организаторы и этим побеждают. Поэтому следовало бы в романе, получившем такое большое народное распространение, показать эту сильную сторону большевиков.

Вот это я и собираюсь сделать.

Что касается денег, то я их тебе вышлю.

Прошу, во-первых, написать, сколько тебе нужно. Я помню, что они нужны тебе на постройку домика. Мне нужно знать, в какой местности, какими силами ты будешь его строить, какова общая сумма затрат. В общем, напиши мне подробно обо всем.

Жму твою руку. Привет всем твоим домашним.

Ал. Фадеев.

129. М. В. ИСАКОВСКОМУ

8 апреля 1948 года

Дорогой Миша!

Вчера вечером вместе со своим маленьким Мишей слушал радиопередачу, состоявшую целиком из твоих песен. Она длилась около часа. Чудесные песни, — я испытал редкостное наслаждение. Маленький Миша стоял на стуле, приложив ухо к приемнику, — все пытался вертеть кнопки по-своему, его, конечно, «пресекали»: оказывается, он жаждал «Катюшу».

Сколько ты написал прекрасных, человечных стихов, — они действительно поются с какой-то беззавет-

ностью, полные юмора, лирики, глубокой народной красоты, — некоторые нельзя слушать без слез.

Я сейчас лежу больной сердцем, много времени для раздумья, и — очень хорошо было слушать эти песни. Сразу пришло в голову, как редко мы видаемся и, вероятно, многое не сказали друг другу такого, что хотелось бы сказать. Боже мой, как хотелось бы мне для тебя здоровья, силы!

Большое спасибо тебе за «Трансвааль». Написано чудесно и очень перекликается с моей юностью, что, вероятно, ты почувствовал через «Удэге».

Отдал ли ты это в какой-нибудь журнал?

Крепко, крепко жму твою поистине мужественную руку.

Сердечный привет Лиде и Наталье Ивановне.

Твой А. Фадеев
(эсквайр).

130. И. А. ГЛОТОВУ

30 апреля 1948 года

Уважаемый товарищ Глотов!

Ознакомившись со сценарием Е. П. Серебровской о Белинском, я хочу просить Вас о некоторой поддержке в дальнейшей ее работе над сценарием.

Сам Белинский, как характер, ей, по моему мнению, удался. Речевой текст (там, где дело касается самого Белинского) тоже удачен, хорошо выражает характер. Отдельные эпизоды очень драматичны.

Мне известно, что над сценарием работает и Юрий Павлович Герман. Но эта тема трудная, в которой даже очень талантливый и профессиональный литератор может потерпеть неудачу (чего я, разумеется, не желаю Герману).

По-моему, не было бы никакого вреда, если бы Вы дали в соавторы Серебровской какого-нибудь профессионального человека. Пусть будет два сценария, и Вы сможете выбрать действительно лучший. С точки зрения расходов Вы теряете не так много, поскольку у Вас все равно заключен договор с Серебровской. Да не стоит скупиться на сценарий там, где речь идет о Белинском,

Я разговаривал с тов. Большаковым о возможности доработки сценария Серебровской в соавторстве с профессиональным сценаристом, независимо от того, что Герман работает над этой темой. И товарищ Большаков выразил принципиальное согласие на это (конечно, идеальным выходом из положения было бы, если бы Герман согласился работать вместе с Серебровской).

Меня этот вопрос беспокоит как председателя Правительственного Комитета по Белинскому, поскольку я тоже отвечаю перед государством за успех дела.

С приветом

А. Фадеев.

131. К. М. СИМОНОВУ

1 мая 1948 года

Дорогой и милый
краснокожий брат мой, Костя!

Последние трое суток, перед отъездом в Барвиху, у меня так много дел и столько остатней литературной работы, что я от нервничания и переутомления сплю по 4—5 часов в сутки и никак не могу уснуть днем.

Все это привело меня в крайний упадок, и я очень извиняюсь, что не приду разделить твою трапезу с немецкими писателями, с коими провел вчера два с половиной часа.

Лягу я спать в 9 часов, вот что я сделаю!

И очень прошу зайти ко мне в час или в два — завтра. Поговорим немного по делам и погуляем. У меня будет Корнейчук. Покажу тебе рыб, которые живы.

Жму твою мужественную руку. Привет сердечный Вале.

Твой *А. Ф.*

(эсквайр).

132. Л. И. КЛИМОВИЧУ

5 мая 1948 года

Дорогой товарищ Климович!

Прошу прощения, что не выступил со статьей по поводу Вашей хрестоматии по литературе народов Средней Азии и Азербайджана и рецензии т. Брагинского

о хрестоматии в газете «Культура и жизнь» (№ 9, 31 марта 1948 г.).

Дело в том, что до этой рецензии я ознакомился только с художественным материалом, собранным Вами в хрестоматии. При известных недостатках в подборке этих материалов — главным образом в отношении советских авторов некоторых республик — Вы проделали исключительно большую работу, с любовью отобрав самое ценное от стародавних времен до наших дней, включив немало такого, что не было известно русскому читателю, — и к тому же почти все в лучших переводах.

Ознакомившись теперь с Вашими вступительными статьями и комментариями, я пришел, однако, к выводу, что выступать сейчас со статьей в защиту хрестоматии было бы неполезно для дела.

Статья Брагинского как была, так и продолжает оставаться неважной статьей. Ее недостаток в том, что это — поверхностная, дилетантская статья типичного «проработочного» стиля. Автор ее работает дубинкой. Его желание не улучшить, исправить работу, а дискредитировать ее, поэтому он —

а) замалчивает собранный в хрестоматии богатый материал, благодаря которому эта единственная хрестоматия уже реально служит делу дружбы народов СССР, в то время как т. Брагинский только размахивает дубинкой;

б) кроит и передергивает цитаты из Ваших вступительных статей, чтобы превратить Вас в человека, вовсе не желающего признавать народные корни многих явлений литературы прошлого и великой роли русской культуры в развитии литератур народов СССР.

Тем не менее в статье т. Брагинского, как в кривом зеркале, отражены действительные серьезные недостатки Вашей книги, идущие как по тем линиям, по которым он Вас «прорабатывает», так и по другим линиям, которые он по запальчивости не заметил.

Я прочел ряд статей и книг, рассматривающих те же проблемы, что и Вы в своей хрестоматии, и понял, что у Вас как у составителя нет полной ясности по некоторым самым кардинальным вопросам литературного наследства народов Переднего Востока. Поэтому Вы не в силах разъяснить и преодолеть путаницу, существующую в работах по истории литературы этих народов ряда

очень заслуженных и признанных востоковедов (в том числе тт. Бертельса, Дьяконова). В хрестоматии есть попытка *совместить* эту путаницу с некоторыми верными попытками разобраться в истории литератур народов Средней Азии и Ирана. Между тем совместить это невозможно.

Я, разумеется, не имею права претендовать на обширные знания в области литератур, поднятых Вами. Но чтобы ясно было *существо* моей критики, я прилагаю свои заметки по прочитанному.

Я считаю необходимым, чтобы бюро национальных комиссий:

а) подготовило принципиальную гласную дискуссию по основным работам, касающимся литератур Средней Азии, включая Вашу хрестоматию;

б) привлекло к дискуссии наших востоковедов (авторов работ и других) Москвы, Ленинграда и республик, привлекло писателей из республик и тех из русских писателей и переводчиков, кто занимался этим вопросом;

в) разослало все работы, материалы, статьи основным участникам дискуссии. Дискуссию надо провести так, чтобы внести полную ясность в самые кардинальные вопросы развития литератур народов Переднего Востока, ибо путаница в этих вопросах является *главным тормозом* не только в науке об этой литературе, но и в развитии самих этих литератур.

К дискуссии надо очень хорошо подготовиться. Следовало бы, подготавливая широкую дискуссию, проработать предварительно все вопросы в бюро национальных комиссий и коллективно помочь докладчику, которого Вы выдвинете (со своей стороны, не возражаю сказать вступительное слово и выступить в прениях).

Дискуссию эту мы сможем, очевидно, провести поздней осенью.

Прошу рассмотреть этот вопрос на бюро с практически организационной стороны и информировать меня о Вашем мнении.

В заключение хочу сказать Вам, что мои заметки представляют из себя краткий конспект прочитанного, с отдельными полемическими замечаниями по отношению к их авторам и к Вам. Но многое в этих заметках совпадает с тем, что есть у Вас, поэтому Вы никак не должны

рассматривать их целиком как полемику с Вами. Я писал их для себя.

С дружеским приветом

Ал. Фадеев.

P. S. Кроме прилагаемых заметок, я сделал некоторые примечания на полях хрестоматии, за что прошу извинить меня.

А. Ф.

133. К. М. СИМОНОВУ

<Первая половина 1948 года>

Дорогой Костя!

Я взял рукопись Гладкова с собой, но, откровенно говоря, совершенно забыл про нее, т. к. сразу же врезался в Белинского. Оказалось, что мои знания о нем настолько устарели, что приходится, — учитывая малый срок до доклада, — работать часов по 5 в сутки, и то дело идет медленно.

Никак не успею просмотреть Гладкова к завтрашнему дню. В последний раз поклялся ему, что дам ответ в понедельник, а я в воскресенье передам рукопись Лине, и ты сможешь в воскресенье же забрать у нее на даче часиков в 7—8 или чуть раньше. (Ты можешь с ней сегодня сговориться без четверти 6 по городскому телефону, когда она предполагает вернуться из Барвихи в Переделкино.)

Не можешь ли ты позвонить А. Н. Кузнецову, а не то и прямо А. А. насчет моего отпуска для работы над «Молодой гвардией». Отсутствие решения меня крайне беспокоит.

Крепко жму руку и обнимаю.

А. Ф.

134. А. С. БУШМИНУ

11 октября 1948 года

Дорогой товарищ Бушмин!

Извините за то, что так не скоро прочел Вашу работу и отвечаю Вам с таким опозданием.

Ваша работа производит исключительно благоприятное впечатление своей любовью к предмету, научной до-

бросовестностью, всесторонним охватом изучаемого явления.

Мне было даже несколько совестно читать, как много времени Вы уделили, например, моей газетной деятельности в ростовский период жизни.

Все, что сказано Вами о Морозке и о месте его в романе, сказано впервые, великолепно логически доказано и, конечно, вполне соответствует моему замыслу. Конечно, это и по замыслу, и по объективному ходу произведения — главная фигура романа. Вообще анализ действующих лиц, их места в романе и их взаимоотношений в свете главной идеи выполнен Вами с той подлинно научной основательностью, опирающейся на политически ясную концепцию, что он, анализ этот, — почти безапелляционен. В силу своей занятости я не имею возможности дать Вам развернутую рецензию и поэтому не останавливаюсь на многих других прекрасных сторонах Вашей работы и вынужден отметить, главным образом, то, что, с моей точки зрения, следовало бы поправить.

Начну с некоторых неточностей в биографической части. Мать разошлась с А. И. Фадеевым, а умер он в 1917 году. Расхождение их носило настолько личный характер, что вопрос этот лучше всего обойти и,— если уж Вам так нужны эти факты, — оставить упоминание о браке моей матери с Г. В. Свитычем, обойдя вопрос о том, что сталось с А. И. Фадеевым.

Учился я в сельской школе не в Чугуевке, а в Саровке — мы приехали в Чугуевку, когда я уже учился в коммерческом училище.

Мария Владимировна Сибирцева, по-моему, преподавала не алгебру, а какой-то гуманитарный предмет, но я в этом не уверен. Я помню ее начальницей прогимназии и не помню ее преподавательницей гимназии, — возможно, это было уже после 1920 года, но и в этом я не вполне уверен. В Ленинграде живет родная дочь Марии Владимировны, сестра Игоря и Всеволода Сибирцевых. Она может дать Вам точные данные....

Ваша работа излишне многословна. Каждую мысль Вы разжевываете с излишней обстоятельностью и по нескольку раз к ней возвращаетесь. Это ослабляет внимание. Я все-таки советовал бы Вам меньше времени уделять предыстории романа,— в частности, тому же ростовскому периоду. В «предыстории» много гадательного.

Конечно, я начал читать Ленина юношей, но переход к большей литературной простоте вряд ли был связан тогда непосредственно с высказываниями Ленина на этот счет, а скорее был порожден ходом самой жизни.

Напрасно Вы категорически вымели Джека Лондона из числа моих литературных учителей. Вспомните только, в каком диком краю я вырос. Майн Рид, Фенимор Купер и — в этом ряду — прежде всего Джек Лондон, разумеется, были в числе моих литературных учителей. Замысел «Последнего из удэге» не мог бы возникнуть в столь молодые годы без «Последнего из могикан» Купера.

Мне кажется слабой и недоказанной в своих сопоставлениях с классиками, да еще в мою пользу, глава о природе в «Разгроме». Природа, пейзаж — это дело настолько тонкое, что надо работать ланцетом и чрезвычайно осторожно. Вы же сделали все сопоставления грубовато, я бы сказал... «по-рапповски».

Трудовой пейзаж был уже у раннего Григоровича. У Тургенева пейзаж не только барина-созерцателя, но и тонкое средство выражения чувств героя или героев, путем совпадения или путем контраста. Конец «Певцов» — этот вечер и голос: «Антропка, тебя тятька высечь хочет»,— это, знаете ли, надо уметь увидеть и услышать, и — если Вы не забыли «Певцов», поверьте — это глубоко социально. У Л. Толстого много трудового пейзажа. Пейзаж у него часто служит выражению глубокой мысли (вспомните князя Андрея и старый дуб, а потом тот же дуб, покрывшийся зеленью) и еще чаще, чем у Тургенева,— большему выражению чувств, эмоционально окрашивая состояние действующего лица. Что же касается раннего Горького, то у него природа частенько поступала, как человек («море смеялось»), и трудовой пейзаж возник в его творчестве значительно позже. Одним словом, мне в отношении пейзажа нечем похвастаться перед классиками, и даже Горький не может быть столь грубо противопоставлен своим предшественникам. Глава эта — неудачна. Нельзя сказать, что психика человека является главным предметом литературы, как Вы говорите это в одном месте в противоречии со всей Вашей концепцией. Я уже не говорю о том, что это противоречит замечательному определению Энгельса, Вам известному: «типичный характер в типичных обстоятельствах». Это Ваше выражение совершенно уводит в сторону от того нового под-

личного подхода к человеку, который, в сущности, и есть главное в социалистическом гуманизме нашей литературы. Это — показ человека прежде всего через деяние, то есть как раз через то, что определяет его место и назначение в обществе и в природе.

Старый гуманизм говорил: «Мне все равно, чем ты занимаешься,— мне важно, что ты человек». Социалистический гуманизм говорит: «Если ты ничем не занимался и ничего не делаешь, я не признаю в тебе человека, как бы ты ни был умен и добр».

Поэтому в наше время нельзя показать ученого без непосредственного вхождения в сферу его научной деятельности, стахановца — без его труда, полководца — без вхождения в сферу его стратегического и тактического разума и опыта, учителя — без методов его преподавания, школьника — без его учебы, матери — без ее всестороннего действенного отношения к своим детям.

Следовательно, Вам надо не только выбросить одну неудачную фразу, но и просмотреть всю работу — там, где Вы говорите о психике,— под этим углом зрения: надо убрать все, что противоречит Вашей, в общем, правильной концепции, и даже дополнить кое-что, исключающее всякую возможность уцепиться за Вас какому бы то ни было стороннику так называемого «психоанализа».

В свете вышеизложенного неверно... сделанное Вами противопоставление трудового человека «внизу» человеку «на высоких должностях». Не забывайте, что человек «на высоких должностях» — это тоже трудовой человек на более высокой трудовой основе (я не говорю об исключениях, ибо подлецы бывают и «внизу»). Так же как социалистическую природу стахановца на производстве нельзя понять вне его труда, так же нельзя изобразить социалистическую природу секретаря обкома без проникновения в многостороннюю сферу его деятельности. Когда будет окончательно ликвидировано всякое противоречие между трудом физическим и трудом умственным, отпадет всякая возможность сделанного Вами противопоставления. Но и сейчас метод изображения людей разных масштабов деятельности один и тот же.

Я так много уделил внимания недостаткам, полагая, что Вы захотите свою работу напечатать. Я тоже в этом заинтересован — не столько как автор «Разгрома», сколько как один из редакторов уже много лет пишущейся и

все не могущей быть законченной «Истории советской литературы».

Пожалуй, самым ценным в Вашей работе является то, что она берет «Разгром» в контексте всей прозы двадцатых годов, в живом контексте классовой борьбы, как она отражалась в литературе в те годы. И в понимании борющихся литературных сил, их расстановки Вами открыто много интересного. Здесь Ваши обобщения большей частью оригинальны, смелы, и это — серьезный вклад в историю советской литературы.

Если будете в Москве, прошу Вас зайти ко мне, и мы поговорим обо всем подробнее....

Напишите, защищали ли Вы уже свою диссертацию (если защищали, как все это происходило) или это Вам еще предстоит?

Крепко жму Вашу руку.

Ал. Фадеев.

135. М. М. ЗОЩЕНКО

12 октября 1948 года

Уважаемый Михаил Михайлович!

Извини, что отвечаю тебе с таким многомесячным опозданием! В мае я уехал в санаторий, а потом ушел в длительный творческий отпуск, и все дела волей-неволей отложились на осень.

Что произошло с твоей комедией? Кроме меня и П. И. Лебедева, ее прочли некоторые другие товарищи, от которых также зависела ее постановка в театре. Товарищи нашли, что комедия не перерастает в сатиру на американский империализм, что она недостаточно остра и зла, что враг показан только смешным, что при отсутствии положительных персонажей юмористические обыгрывания гангстерства без сатирического разоблачения самой сущности империализма могут вызвать у зрителя обратный эффект — благодушного отношения к злу. К числу этих товарищей принадлежит К. М. Симонов. Он нашел такие же недостатки в комедии и именно поэтому отказался ее печатать. Я советовался по этому вопросу с Лебедевым, и мы пришли к выводу, что в этих условиях настаивать на постановке комедии в театре значило бы

подвести тебя под удар. Все дело в том, что и у меня и у него,— если уж говорить о наших сомнениях,— то же главное опасение вызвал этот изложенный выше недостаток комедии. Мне, правда, казалось, что театр дотянет там, где у тебя смягчено, но если не только я и Лебедев, а все обратили внимание именно на эту сторону комедии, значит, в этом есть объективная правда и комедия сама нуждается в доработке именно в этом направлении.

Мне кажется, ты вполне можешь это сделать.

Вопрос, который ты хочешь через меня поставить в ЦК, — о возможности твоей работы в литературе — вопрос неправомерный. Ведь все дело в том, чтобы сделать вещь политически и художественно цельную и нужную. Значит, дело в самой работе, а не в чьем-то разрешении на ту или иную работу.

Я пишу одновременно письмо в президиум Ленинградского союза писателей, чтобы они снеслись с горкомом и областным отделением профсоюза работников печати на предмет восстановления тебя в правах члена профсоюза. Тебе необходимо будет подать заявление в писательский горком профсоюза в Ленинграде о восстановлении тебя в правах члена профсоюза, поскольку после исключения — ты печатался в журнале и имеешь произведения малых форм, разрешенные к постановке.

Я написал также во Всесоюзное правление Литфонда о предоставлении тебе дополнительной ссуды, чтобы дать возможность закончить пьесу.

Мне кажется, что тебе, главным образом, не следует падать духом.

Желаю успеха.

А. Фадеев.

136. Ю. Н. ЛИБЕДИНСКОМУ

25 октября 1948 года

Дорогой Юра!

Прости, что с таким опозданием отвечаю на твое письмо и что ни я, ни Лина не смогли попасть на ваше семейное торжество.

От всей души мы поздравляем вас с такой исключительной удачей, и я самым нежным образом целую своего маленького-маленького тезку.

По тяжелому стечению обстоятельств, мы не смогли прийти из-за болезни Лины....

Я все еще перерабатываю молодую гвардию в старую и, учитывая известные слабости моей натуры, избегаю светской жизни. Меня, как известно, дважды надолго отрывали от работы — в связи с годовщиной Белинского и в связи с поездкой в г. Вроцлав. Теперь я явочным порядком протянул свой творческий отпуск на октябрь, но мне его не хватит, и я с большим душевным расстройством думаю о том, как трудно будет кончать работу, будучи уже вновь на должности в ССП.

Еще раз сердечно поздравляем вас — обнимаем.

Крепко жму руку.

Александр.

Видел в Варшаве Ирину Крымову, которая просила передать тебе и Лиде привет. Она поднимает вопрос о возможности перенесения праха Юрия Крымова с того места, где он похоронен, на Новодевичье кладбище. Очень прошу тебя посоветоваться с другими членами комиссии и позондировать почву, можно и нужно ли это сделать?

А.

137. Г. Х. ЦАПУРИНУ

25 октября 1948 года

Дорогой Гриша!

Я не переводил и не перевожу тебе денег пока что только потому, что мои финансовые дела несколько пошатнулись и мне трудно выслать такую большую сумму.

В связи с той общественной критикой, по поводу которой мы имели переписку, «Молодая гвардия» в старом виде уже не переиздается. Известные отчисления я имел от постановок «Молодой гвардии» на сцене. Но так как не я сам переделывал «Молодую гвардию» в пьесу, то отчисления эти делятся между авторами инсценировок и мною — таков закон. Пьеса шла на сцене уже в течение двух лет и сейчас мало где ставится, — таким образом, и этот источник дохода у меня почти иссяк. В настоящее время

я сам живу на зарплату и на некоторые сохранившиеся сбережения.

Все это лето я находился в творческом отпуске и работал над переделкой «Молодой гвардии». Отпуск мой в октябре кончается, но тем не менее к концу декабря я надеюсь эту свою литературную работу закончить. Книга, очевидно, снова выйдет в свет в другом варианте и будет переиздаваться, и у меня снова будут деньги. Тогда я смогу помочь тебе.

По существу твоего желания построить домик,— особенно учитывая, что в 49 году я смогу тебе помочь,— я советовал бы тебе не искать никакой другой местности для постройки дома, а через свое предприятие возбудить ходатайство о государственной ссуде на постройку дома, согласно недавно вышедшему Указу о государственных ссудах на индивидуальное жилищное строительство.

Большое спасибо тебе за фотографию всей твоей семьи. Правда, если бы я снялся со всеми своими чадами и домочадцами, с семьями братьев и сестры, то нас, Фадеевых, было бы не меньше. Однако, как кажется, ваша семья имеет патриархальный характер, то есть вы живете все вместе, если не ошибаюсь. И вам действительно нужен дом, так как семья ваша, несомненно, будет приумножаться, чего я ей от всей души желаю.

Ну, а моя семья... живет в разных местах, в известной части даже в разных городах.

Я, кажется, знавал твоего брата еще мальчиком. Я уже тебе говорил, что ваша семья Цапуриных была жизненным прообразом семьи Алексея Чуркина, выведенной мной в романе «Последний из удэге». Конечно, в романе, как и полагается, все наврано. Но если память мне не изменяет, мальчик Костя, самый младший брат Алексея Чуркина, которого по роману исключают из школы за то, что он отказался учить закон божий,— этот мальчик, вернее, его образ, навеян мне рассказом твоим и Андрея, еще при Колчаке, о вашем маленьком братишке, который имел аналогичные школьные неприятности в то время.

Во всяком случае, если память мне и изменила и я все напутал, передай брату привет от меня.

Одновременно кланяюсь твоей жинке и жене Андрея, с которой я познакомился в Хабаровске осенью 1934 года

в гостинице, где они жили с Андреем. Помнится, он ушел на работу, а она угостила меня ужином и напоила чаем.

Одним словом, приветствую всю вашу фамилию.

Крепко жму руку.

Ал. Фадеев.

138. П. И. ЛЕБЕДЕВУ

Октябрь 1948 года

Дорогой Поликарп Иванович!

Я прочел пьесу А. А. Крона «Второе дыхание» после ее кардинальной переработки. И думаю, что в этом новом варианте пьеса заслуживает того, чтобы ее поставили на сцене.

Сомнительного характера «половые проблемы» теперь отпали. Прояснилась основная тема вещи: подобно тому как в беге для достижения высшего результата необходим новый подъем, или, по-спортивному, «второе дыхание», так и человек, в силу своих внутренних данных достигший первого успеха, должен для достижения новых духовных высот обрести «второе дыхание» — культуру общую, а еще больше того, культуру душевную или моральную на высшей основе.

Известным недостатком пьесы, затемняющим в первых двух актах ее большое содержание, является то, что это духовное развитие героя, с его взлетами и падениями, показывается преимущественно на отношении к женщине, а другие не менее важные стороны этого процесса,— особенно важные для советского человека — деятеля и борца,— показываются только попутно.

Но, во-первых, в последующих актах эта сторона дела выправляется, а во-вторых, нет ничего вредного в том, чтобы в наших молодых людях развивалась настоящая духовная культура в отношении к женщине.

По этим причинам я поддерживаю новый вариант пьесы Крона.

С приветом

А. Фадеев.

139. М. Л. СЛОНИМСКОМУ

Октябрь 1948 года

Дорогой Миша!

Я даже не мог предполагать, что ты так кардинально переделаешь роман. В сущности, это уже новое произведение. В таком виде роман, конечно, не может встретить никаких возражений на предмет его печатания. Чтение его мне лично доставило большое удовольствие.

К отдельным чисто художественным его недостаткам могу отнести:

некоторые, совершающиеся вовне события, которых нельзя миновать, но которые не обязательны для характеристики внутренней жизни героев, излагаются скороговоркой,— это хорошо знакомо мне по «Последнему из удэге»,

образ Клешнева все-таки недостаточно внутренне раскрыт,— вернее сказать, он может существовать в романе и таким, но хочется большего, так как знаешь по жизни, что подобные натуры внутренне богаче.

Больше не пишу, ибо пишу сам и мало времени. Поговорим при встрече подробнее.

Крепко жму руку.

Сердечный привет жене и всему семейству.

А. Фадеев.

140. К. Ф. ПИСКУНОВУ

Октябрь 1948 года

Уважаемый Константин Федотович!

Пересылаю Вам книгу Сергея Диковского «Приключения катера «Смелого» и думаю, что эту увлекательную и хорошо написанную книгу следовало бы переиздать.

О Вашем решении очень прошу мне написать.

С приветом

А. Фадеев.

141. ТОВАРИЩАМ ЧЕРКАЛОВОЙ, МАТЮНИНОЙ, КАЧАЛОВСКОЙ

Октябрь 1948 года

Дорогие друзья!

Нет слов, как я благодарен вам за внимание к моей литературной работе. А ваше желание назвать литературный кабинет моим именем я рассматриваю как очень для меня почетное.

Но мне кажется, что преждевременно называть какие-либо кружки или учреждения именами живущих и здравствующих литераторов, которые сами еще находятся в процессе развития.

Поэтому я очень рекомендовал бы вам назвать ваш кружок именем Горького, или Маяковского, или Николая Островского — на выбор.

Сердечно всех вас приветствую и желаю успеха в работе вашего литературного кабинета.

Крепко жму ваши руки.

А. Фадеев.

142. З. Т. ГЛАВАН

Ноябрь 1948 года

Уважаемая Зинаида Трофимовна!

Вы совершенно правы в обоих своих предположениях: с одной стороны, я действительно не имел достаточных данных о Борисе Главане, с другой стороны, я считал возможным вносить известные элементы вымысла, поскольку я писал не подлинную историю «Молодой гвардии», а роман.

Думаю, что мной правильно передан самый дух борьбы молодогвардейцев против немецко-фашистских захватчиков и что образ Бориса Главана — такой, каким он у меня получился,— вызывает симпатию и любовь читателя.

Я понимаю, что родительскому сердцу, может быть, и трудно примириться с тем, что сын получился не таков, каким был в жизни.

Но что же делать нам, писателям, если для выражения идеи произведения, а также в интересах его занимательности, мы должны по-своему комбинировать события и вносить необходимое разнообразие в обрисовку характеров героев, то есть прибегать к художественному вымыслу.

Думаю, что интересы воспитания молодежи могут служить для нас оправданием в этом деле.

С уважением к вам

А. Фадеев.

143. К. М. СИМОНОВУ

<Конец 1948 года>

Дорогой Костя!

Старик, надо отдать справедливость, много поработал над своей вещью. Она значительно улучшилась, стала благородней, и, по-моему, печатать ее можно в таком виде.

Тем не менее остался еще излишек зверства, и надо приложить усилия — твои и Кривицкого,— чтобы, где только можно, уговорить старика сократить те или иные зверские подробности. Их в общем так еще много, что чем больше удастся изъять — тем лучше для вещи, для автора и для журнала. *Обязательно* надо уговорить его ужать, убрать ненужные подробности в сцене убийства Серегой жены Агафьи,— там слишком много зверства, *до болезненности*. Не надо так подробно, натуралистически показывать кровь, раны, процесс избиения — это уже не литература. Сцена сама по себе так страшна, что достаточно одной, двух деталей. Посоветуй ему также — где-то в этих же главах романа — убрать детские рассуждения о мужиках, как только о жестоких зверях, под влиянием то ли этой, то ли подобных сцен.

Немного надо бы убрать такого и во второй половине романа, в которой этого, правда, меньше, чем в начале. но над которой он больше в этом смысле не работал и ничего не убрал.

Но вещь в общем очень сильная, передай мой привет старику и изложи мое мнение ему.

Обнимаю тебя.

А. Фадеев
(эсквайр).

1949

144. Е. И. КОВАЛЬЧИК

27 января 1949 года

Дорогая Евгения Ивановна!

Извини, что приходится разговаривать телефонограммами из-за отсутствия возможности поговорить с тобой прямо по телефону.

Мне приходит в голову мысль, что огромная работа по рецензированию книг издательства «Советский писатель» должна быть использована в газете. Многие рецензии нуждаются только в небольшой правке применительно к газете, а главным образом, в сокращении. Другие — могут служить основой для рецензий. Я просил бы тебя связаться с Макаровым, сообщить ему фамилии авторов и дать на выборку лучшие и положительные и отрицательные рецензии, чтобы он ознакомился с ними и вызвал авторов к себе в редакцию.

Кроме того, мне кажется, что большая докладная записка с выводами по издательству должна быть превращена в трехколонник для газеты с общими выводами по поводу работы издательства за 1948 год. В этом трехколоннике нужно отметить хорошие книги, выпущенные издательством, но отнести это обстоятельство, главным образом, за счет общего подъема советской литературы и той помощи (материально-хозяйственной), которую оказал издательству Совет Министров СССР, а в основном этот трехколонник должен содержать резкую критику издательства за выпуск идеологически вредных книг, за выпуск книг малохудожественных, серых, за исключительно плохое редактирование книг, за общую неряшливость и безответственность.

В статье должны быть также выводы, совершенно правильно сделанные вами в Комиссии, об уравниловке в отношении гонорара и тиража, и, конечно, статья должна содержать суровую критику Секретариата Союза советских писателей за плохое руководство издательством. Указать, что книги обсуждаются от случая к случаю, что господствует, главным образом, подведение итогов в конце

года, когда уже ничего нельзя поправить. Надо выругать редсовет за бездеятельность. И, конечно, не забыть сказать о том, что руководители издательства по своей безответственности определяют судьбу книги — принять ее или не принять — по случайным рецензиям, а потом предъявляют эти рецензии автору, пряча за ними собственное мнение.

Статья должна заключать мысль, что все эти ошибки и недостатки происходят от забвения государственных и народных интересов на почве приятельских отношений, желания «потрафить».

Этот трехколонник следует сделать как можно скорее, материал имеется прекрасный, выводы совершенно правильные, и лучше всего было бы, если бы его сделала ты. Если у тебя уж никак не хватает времени, поручи комунибудь другому, только не Л. Может быть, Макаров по вашим материалам, особенно по этой сводной докладной записке, сам напишет статью.

Прошу показать мою телефонограмму Макарову и с ним поговорить. В конце концов ему имеет смысл дать все материалы в копиях.

С приветом

Ал. Фадеев.

145. А. В. ФАДЕЕВОЙ

1 февраля 1949 года

Милая моя мамуля!

Сегодня, поздно вечером, выяснилось, что я должен вылететь завтра самолетом в Париж на заседание Комитета связи деятелей культуры в борьбе за мир,— Комитета, который был образован на Вроцлавском конгрессе. Заседание это продлится около недели. С дорогой туда и сюда, учитывая всякие случайности и задержки, может выйти дней 10—12.

Поздно было уже ехать или звонить тебе, т. к. ты могла бы после этого взволноваться, не спать ночь, и я решил тебе написать. Завтра я выеду из дому в $5^1/_2$ утра и тоже не смогу к тебе заехать. Но ты «не скучай, не грусти», как поет Мишенька, потому что дни эти пролетят незаметно, срок небольшой. Еду (или, вернее, лечу) я

вместе с т. Федосеевым, с которым были во Вроцлаве и вместе были избраны в Комитет....

Крепко, крепко тебя целую, моя любимая мамочка, прошу не волноваться, не скучать, — скоро увидимся.

Саша.

146. Г. М. ПОПОВУ

18 марта 1949 года

О проекте памятника Максиму Горькому, выполненном В. И. Мухиной, по эскизу скульптора Шадра.

В. И. Мухина воспроизвела в монументальном виде и с предельной точностью тот образ, который был сделан Шадром эскизно и в небольшом размере. Шадру и Мухиной, несомненно, удалось уловить некоторые существенные внешние и духовные черты облика Горького; их работа, с моей точки зрения, талантлива. Вместе с тем в работе Шадра излишне утрированы и заострены некоторые особенности фигуры Горького. Это особенно чувствуется в строении его лица и головы. Этот недостаток в работе Шадра можно объяснить либо эскизностью ее выполнения, либо непреодоленными формалистическими пережитками в творчестве Шадра. Эти излишне заостренные утрированные черты, будучи воспроизведены В. И. Мухиной в монументальной форме, нарушают требования реалистической правды, того жизненного сходства, которое необходимо для памятника. Мне кажется, что, если бы В. И. Мухина не придерживалась в точности эскиза Шадра, она могла бы придать памятнику необходимую простую и ясную форму. Эту работу можно было бы тогда рассматривать как совместную работу Шадра и В. И. Мухиной.

Мои предложения:

1) В таком виде проект памятника не премировать, отложив рассмотрение этого вопроса до того времени, когда проект памятника будет переработан.

2) Предоставить возможность В. И. Мухиной переработать проект памятника Горькому.

Я видел проект памятника один раз и, к сожалению, не имел возможности участвовать в обсуждении этого вопроса на Комитете по Сталинским премиям.

Члены Секретариата и Президиума Союза советских писателей, насколько мне известно, не видели проекта памятника Горькому и не имели о нем суждения. То, что я пишу Вам в этом письме, является моим личным мнением.

А. Фадеев.

147. Ф. М. ГОЛОВЕНЧЕНКО, А. К. КОТОВУ, Н. С. РОДИОНОВУ

Март 1949 года

Ознакомившись с 13-м томом Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, хочу сделать два замечания, которые, как мне кажется, могут иметь значение и для последующих томов.

1. Мне кажется, что следовало бы заменить встречающиеся в рукописях Л. Н. Толстого нецензурные слова — многоточием. Этих слов еще слишком много в быту, и вряд ли стоит поощрять их распространение, опираясь, так сказать на великие авторитеты. В этом томе на подобные слова натыкаешься с первой же страницы.

2. Вряд ли возможно варианты даже художественных произведений Л. Н. Толстого выпускать без краткого предисловия, помогающего читателю понять и правильно оценить путь идейно-художественного развития Толстого в конкретной связи с публикуемым материалом. Нельзя, например, обойти молчанием нарочито вызывающие «аристократические» антинародные высказывания Толстого на стр. 240, 242.

Нельзя, во-первых, потому, что эти высказывания нуждаются в нашей критической оценке. Нельзя, во-вторых, потому, что эти, выброшенные впоследствии, высказывания Толстого были вычеркнуты им самим в процессе работы над романом, в котором, как известно, главной идеей стала идея народности. Таким образом, на этом примере можно показать идейное развитие Толстого и направление, в каком шло это развитие.

Не менее важно сопоставить в предисловии первоначальные варианты образов Кутузова, Багратиона с окончательным воплощением этих образов в романе.

Это сопоставление дает особенно наглядную возможность подвергнуть критике взгляды Толстого на историческую роль этих полководцев, его взгляды на науку вождения войск вообще.

С таким предисловием (и с той поправкой, какую я предложил вначале) я поддерживаю выпуск в свет этого прекрасного тома.

А. Фадеев.

148. А. С. БУШМИНУ

17 мая 1949 года

Дорогой Алексей Сергеевич!

Я тоже не согласен с рецензией Важдаева по поводу Вашей статьи, особенно в связи с тем, что я знаю работу в целом.

Эту свою точку зрения я довел до сведения редакции «Нового мира» и направил им одновременно копию старого своего отзыва на Вашу диссертацию.

Я просил их напечатать Ваш ответ, несколько его подсократив по согласованию с Вами: ответ получился излишне длинным.

Конечно, редакция может со мной не согласиться. Во всяком случае, прошу Вас теперь обращаться непосредственно к К. Симонову и А. Кривицкому.

С приветом

А. Фадеев.

149. ТОВАРИЩУ КОШЕЛЕВУ

28 мая 1949 года

Дорогой товарищ Кошелев!

Роман «Молодая гвардия» написан для юношества и прежде всего для школьников. Поэтому всякая переделка романа специально для школ, на каком бы языке она ни производилась, с моей точки зрения, только обедняет книгу.

Я прошу передать мою благодарность В. Галицкому за то, что он потратил так много труда на переработку книги для чтения на русском языке в польских школах,

Я понимаю, какое значение это имеет с точки зрения практического изучения русского языка в польских школах. Но это настолько меняет содержание романа и так меняет весь его строй и стиль, что я, как автор, не могу дать разрешения на издание подобной книги.

С приветом

А. Фадеев.

150. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

1 июня 1949 года

Милая Ася!

Вот наконец и я пишу Вам, пишу, когда Вы, должно быть, уже перестали считать меня хорошим человеком. Пишу один в комнате, в санатории под Москвой. Бушует гроза, окна открыты, уже очень поздний вечер, и мне очень хорошо, как бывало хорошо в детстве и в юности, когда за окном так же рвалась в темноте молния и лил шумный весенний дождь. И я не скрою, что мне хотелось бы быть сейчас подле Вас, потому что Вы тоже — моя далекая милая юность... И потому, что Вы живете в Спасске, городке, с которым связаны годы и годы моего детства и юности. Каждый год весной и осенью я проезжал через этот маленький городок, чтобы попасть из училища домой или из дома в училище. Неподалеку от него, в селе Черниговке, жил Гриша Билименко. Если Вы читали «Молодую гвардию», то в лирическом отступлении, начинающемся словами «Друг мой, друг мой», я писал именно о Грише Билименко, как о друге, который ждал меня, чтобы нам вместе добираться до училища. Друг этот — образ собирательный, но *это* место — о нем, о Грише Билименко, и обо мне. Он всегда останавливался у своего родственника на окраине Спасска, и я действительно, подъезжая к Спасску ночью, после двух-трех дней пути на подводе через чудовищную тайгу (я жил в Чугуевке), с замиранием сердца думал: «Застану ли я его или нет?» И всегда заставал, потому что он ждал меня.

А в апреле 1920 года, в ночь японского выступления, мне пришлось даже сражаться за этот маленький городок, и я был в первый раз ранен на одной из его улиц; об этом теперь почему-то тоже очень приятно вспоминать,

Да, милая Ася, понадобилось несколько лет — и каких лет! — после того, как я получил первую весточку от Вас из Средней Азии, чтобы, наконец, я смог Вам ответить. Это как раз потому, что Вы — моя милая юность, и мне всегда трудно, очень трудно написать Вам. Вы бы мне не простили обычного, формального, вежливого ответа, да у меня и рука не двинулась бы для такого ответа. Для того чтобы ответить Вам, мне нужно очень много свободного времени, как сейчас, а главное, чтобы все мои душевные силы были высвобождены для Вас, и только для Вас — тоже, как сейчас. А это всегда было очень нелегко для человека моей не поддающейся описанию и почти непредставимой для Вас занятости, к тому же — с огромной семьей, с врывающимися повседневно заботами, волнениями, передвижениями, новыми и новыми обязанностями, а главное, с повседневным калейдоскопическим вращением людей вокруг.

Так оно и получилось. Тогда, взволнованный вестью от Вас, я все думал: вот-вот освобожусь немного, напишу с той нежностью к Вам, которую я с дней юности всегда ношу в своей душе, как чистое-чистое воспоминание. А жизнь сурова, она идет себе да идет по своим законам, а там, глядишь, началась война... Не то в конце войны, не то уже после войны послал я Вам телеграмму — еще по тому старому, среднеазиатскому адресу, — конечно, она осталась без ответа, теперь я понимаю почему — Вы уехали.

Милая Ася! Если бы знали Вы, как я вспоминал Вас и все, что связано с Вами, в 1933—34—35 годах! В эти годы я дважды ездил на Дальний Восток — после такого многолетнего перерыва! — и жил там (главным образом под Владивостоком, на 19-й версте) первый раз около полугода, а второй раз — целый год. В те годы Владивосток еще очень мало строился. Я застал его почти таким же, каким покинул. Я ходил по знакомым дворам и улицам, и все, все оставалось еще прежним. Но людей моего детства и моей юности во Владивостоке уже не было или почти не было. Мне некому было сказать: «А помнишь?» Я мог часами бродить по городу с грустно стесненным сердцем, предаваясь воспоминаниям в полном одиночестве. Боже мой, сколько раз я проходил мимо домика, где столько прошло безвозвратного, счастливого! Я подолгу стоял возле него, — над этим обрывом, над этим

заливом, с которыми тоже так много связано в моей душе, и мне жалко было уходить, потому что не хотелось разрушать того грустного, чистого, как в детстве, строя души, который овладевал мною. Если бы я мог предполагать, что Нина Сухорукова по-прежнему живет в этом домике! Мне доставило бы столько счастья просто увидеть ее лицо. Но я никогда не мог предположить, чтобы человек, знающий меня с детства, не постарался встретиться со мной. Меня очень легко было найти, я часто выступал с докладами, лекциями во многих местах, газеты об этом писали, во Владивостоке меня буквально все узнавали на улицах, так долго я там прожил в те годы.

Боже мой, как я снова в эти уже зрелые годы был влюблен в Вас, милая Ася! Как жаль, что Вы были уже в то время за тридевять земель! Я все время видел перед собой Ваше лицо, но, конечно, я его видел таким, каким я знал его еще в ранние юные годы. Как это вполне естественно бывает с мальчиками и девочками, мы с Вами, как однолетки, развивались неравномерно. Вы были уже, в сущности, девушка, а я еще мальчик. И, конечно, Вам трудно было увлечься этим, тогда еще не вышедшим ростом и без всякого намека на усы умненьким мальчиком с большими ушами. Но если бы Вы знали, какие страсти бушевали в моей душе! Я сгорал от ревности, от нежности, от постоянного желания видеть, видеть Вас, быть возле Вас. Должно быть, именно в силу неразделенности чувства, оно длилось необыкновенно долго для того возраста — три или четыре года. В сущности, уже только бури гражданской войны заглушили его. Но зато, — это бывает в награду от бога, — навсегда осталась в сердце эта нежность к Вам, и, когда я закрою глаза и каким-то волшебством вдруг представлю себя тем мальчиком, я ощущаю эту нежность в душе совершенно так же, как тогдашнее солнце на ве́ках (когда лежишь в купальне, например) или как запах цветов, травы, листьев тех лет. Во всяком случае, я благодарен жизни за эту юность с Вашим присутствием: все-таки она, эта юность, взросла не на пустыре, а рядом с ней росла, цвела сирень (а может быть, жасмин, если Вам больше нравится), нежный запах которой я запомнил навечно.

В прошлых письмах Вы спрашивали меня о наших общих друзьях той поры. Но мы с годами все растеряли

друг друга. Саня Бородкин погиб еще в гражданскую войну. (Я помню, кстати, как мы все сидели не то в какой-то беседке, не то под этим обрывом; было темно, дул пронзительный холодный ветер; Саня Бородкин склонился к Вам, а Вы сказали странным голосом: «Ах, Саня, кого Вы мне сейчас напомнили!»; сердце мое вдруг облилось горячей кровью ревности, тоски, потому что я знал, — или мне казалось, что знал, — в кого Вы были влюблены и кого Вам в эту секунду напомнил Саня Бородкин. Это был юноша не из нашей компании, и, по-моему, Вы были влюблены в него только издали. Но тогда ведь все казалось таким важным!) Что касается остальных, то вскоре по окончании гражданской войны жизнь разбросала нас настолько и территориально, и профессионально, и семейно, и морально, что мы встречались все реже, все случайнее, пока и вовсе не потеряли друг друга из виду — настолько, что если бы вздумал я теперь, к примеру, кого-нибудь искать, то даже не мог бы найти кончиков оборванных нитей, кончики эти совершенно затерялись.

Я пишу Вам это письмо уже несколько часов, и мне жаль кончать его, потому что мне опять трудно будет написать Вам. Не потому, что в душе моей вообще мало сил, — нет, силы мои огромны, — а потому что жизнь такова. Гроза уже прошла, и такой свежестью напоен воздух, и действительно пахнет сиренью. Если бы Вы были сейчас возле меня, я все время целовал бы Вашу руку.

В юности мне очень трудно было расстаться с Дальним Востоком. Тогда мне казалось, что все близкое моему сердцу остается здесь. Кроме того, я уже вымахал к тому времени в рослого детину, я уже немало повоевал и исходил тысячи километров дорог, и я любил наш край большой мужественной любовью. Потом моя жизнь личная (первой половины жизни) сложилась неудачно. К тем годам (1933—35), о которых я Вам здесь написал, я остался совершенно одинок, детей у меня от первого брака не было, я не имел никаких должностей, кроме своей профессии, и — совершенно свободный, несколько «разочарованный», что меня красило, — я вернулся на родину с намерением навсегда остаться в крае. И как же кровоточило мое сердце от невыносимого одиночества там, где каждый камень дома, поворот улицы, деревцо в саду напоминали мне о самых чистых днях, о поре са-

мых больших мечтаний и надежд! Тогда еще купальня клуба «Динамо» была абсолютно такой же, какой она была, когда принадлежала Камнацкому. Я помню, у меня сердце забилось, когда я покупал билетик. Я мог часами лежать под солнцем на горячих досках, закрыв глаза, ощущая все тот же, что и в детстве, особенный, неповторимый — от обилия водорослей — запах тихоокеанской волны, с невыносимо щемящим сердцем — оттого, что я был абсолютно один в своих ощущениях и воспоминаниях. Я жил на девятнадцатой версте, бродил одиноко по Океанской. Иногда я пешком ходил во Владивосток, через Седанку, Вторую речку, Первую речку, мимо дома, где жил Саня Бородкин. Я выходил на Комаровскую, заходил во двор домовладения, где жил в детстве у Сибирцевых. И все было таким же, как в детстве (только на пустыре против дома, где мы играли в футбол, поставили цирк). Да, все было таким же, только я уже был другим и рядом со мной не было решительно никого из тех людей, которых я любил.

Вы спросили меня в последнем письме: «А может, Вы меня совсем забыли, и имя, и лицо, и все»?.... Все, что я пишу Вам, я пишу еще и потому, чтобы сказать Вам, что в те дни я пережил полосу жизни, когда мне снова нужно было Ваше, и только Ваше, лицо и имя. И Вы теперь еще лучше поймете меня, почему мне так трудно было написать Вам. Это Ваше письмо, как и прошлые письма, подымает светлую печаль в сердце, но доставляет и боль, так как тот прекрасный чистый круг жизни, который был начат мною мальчиком, на Набережной улице, в сущности, уже завершен и — как у всех людей — завершен не совсем так, как мечталось.

Уже окончательно и совсем поздно, скоро будет светать.

Целую Вас, моя далекая юность, облако, пронесшееся мимо моей жизни.

Саша.

....Напишите хотя бы для того, чтобы я знал, получили ли Вы мое письмо? Сейчас, наверно, начались каникулы, и я боюсь, что это мое письмо затеряется, как теряется многое, многое хорошее в жизни иногда просто из-за случайности.

С.

151. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

16 июня 1949 года

Получил Ваш телеграфный ответ на мою молнию (я послал ее, боясь, что изменился Ваш адрес), потом — телеграфный ответ на мой вопрос о Вашем отпуске и, наконец, сегодня — сразу — и письмо Ваше от 8 июня, и телеграмму о том, что письмо мое получено Вами.

Не могу Вам передать, как волновало и волнует меня все это! Ответ на мою молнию пришел на другой день утром. Я все ходил по парку и все представлял себе Вас — как Вы просыпаетесь, умываетесь, ходите по Вашему домику, который я по письму Вашему так хорошо вижу, получаете вдруг мою молнию, пишете ответ. А тут экзамены... Какая Вы теперь? Мы не виделись больше тридцати лет, по-моему? Все это кажется мне колдовством — после того, как наши жизни так резко (и так бурно!) мчались, каждая своим отдельным путем, три десятка лет...

Я так многого не досказал Вам в прошлом письме. Но жизнь моя такова: начиная с четвертого июня я уже вынужден был выезжать в Москву дважды — проводить пушкинские дни; из Москвы за мной, как всегда, увязался хвост дел, которые нужно было доделать даже в санатории: ездили ко мне люди, я писал всякие бумаги, читал срочные рукописи, и мне опять было трудно написать Вам, хотя, в сущности, мне только *это* нужно сейчас.

Я снова возвращаюсь к периоду 1933—35 годов на Дальнем Востоке потому, что он, этот период, был для меня — в смысле личной моей жизни и, во многом, в смысле писательском — периодом трудным, переломным и в то же время периодом больших надежд. Из прошлого письма Вы могли видеть, что тогда — опять-таки в этом глубоко *личном* смысле — был завершен целый этап моей жизни. Человек на середине между 30-ю и 40 годами — вполне уже зрелый человек, и к тому же в самом расцвете деятельности. Но к тому времени он незаметно накапливает и немало житейского мусора. И в случае какого-то личного душевного кризиса у него появляется желание словно «начать все сначала», вернуться к истокам своего жизненного пути, к юности. В сущности, тогда это духовное «возвращение» еще вполне возможно,

Потому что, — как это в мои 48 лет теперь особенно видно, — *тогда*, между 30-ю и 40 годами, — человек еще совсем, совсем молод. А то, что он умнее и опытнее, — это только плюсы его «второй молодости». И Вы можете себе представить, как Вы были просто *нужны* моей душе!

Но как я Вам писал, никого не было из тех, кого я любил, кто был лично дорог мне *именно по дням юности*. Я нашел своих сверстников только в деревне и очень много встретил в разных концах края соратников по гражданской войне на Дальнем Востоке — главным образом, среди колхозников. Это *необыкновенно много* дало мне как человеку и особенно как писателю, что, впрочем, неотделимо одно от другого, если речь идет о писателе настоящем. Но, оставаясь в области личной жизни одиноким, я был не очень счастливым тогда. Примерно с ноября 34 года и по август 1935-го я уже мало ездил по краю, больше писал и жил абсолютно один на даче, на 19-й версте, вблизи от залива. Как порою грустно мне было! Залив замерз. Метель мела. Иногда все оттаивало, как это бывает в наших краях уже в феврале, — я много гулял один и жил, можно сказать, воспоминаниями. Я работал тогда над романом «Последний из удэге», над его третьей частью, которую критика находила наиболее удачной. И правда, мне работалось трудно, но хорошо, что я объясняю тем состоянием душевной раскрытости, которая естественно возникла от соприкосновения с «корнями». Но, конечно, я не мог жить много лет в таком состоянии одиночества и душевной ранимости. Надо сказать, что моя личная жизнь начала распадаться уже в 1929 году (женился я в 1925), а окончательно распалась в 1932. Мне было очень трудно найти новую жизнь. Любовь вообще «найти» нельзя. Я вернулся с Дальнего Востока в Москву в сентябре 35 года, но еще до лета 37-го года был одиноким. Это очень плохо — человеку быть одиноким в течение многих лет в самом расцвете его сил.

Было у меня за это время неизбежно много случайного и просто нехорошего. И в этом смысле Дальний Восток, вновь раскрыв мою душу к добру и разбередив в ней самое чистое, молодое, не принес мне, однако, счастья и даже избавления от многого дурного в самом себе.

Потом — в 1937 году — я женился, женился, — наконец-то! — по большой и взаимной любви, которая связывает наши жизни и теперь, и думаю, что все, на что

может рассчитывать в семейном счастье человек моего возраста, я имею....

Когда люди сходятся, уже *перевалив* самую молодую и счастливую — и длительную, от 17 до 37 (20 лет полного физического расцвета!) — пору жизни (а мы сошлись с моей женой, когда уже обоим тянуло все ближе и ближе к 40), — когда люди сходятся, прожив свою молодую пору совершенно порознь, прожив ее с другими, другим отдав многие силы своей души, лишенные *общих* молодых воспоминаний, — многое и многое в их жизни уже невозвратимо, неповторимо, невоспроизводимо. В их поздней любви свои большие радости. Но не случайно все-таки эту любовь так и называют люди — «поздней».

...Что ж еще сказать Вам, Ася, об этой стороне моей жизни? У меня двое детей, двое мальчиков — одному 12 лет, другому $4^1/_2$. Семья у меня большая, потому что перед самой войной умер мой брат Володя и после него на моем иждивении осталось 5 человек его семьи. Еще живут с нами наши мамы — моя и жены, и девочка, оставшаяся после гибели в Отечественной войне моего младшего брата Бориса.

Милая Ася! По Вашему письму (от 8 июня) мне показалось, что Вы вдруг начали стесняться меня, «затормозились» душевно. А между тем в Ваших письмах давних, из Узбекистана, и в том, из Спасска, на которое я Вам ответил, была та ясная душевная нота, которая так созвучна тому, что я испытываю к Вам в своей душе.

Я уже объяснял Вам, почему я не ответил *тогда*, до войны. И Вы должны понять: какой малый срок отделял то Ваше первое письмо из Узбекистана от моих надежд и мечтаний, связанных с Вами, которые я, однако, успел уже похоронить, вернувшись в 1935 году с Дальнего Востока! Какое волнение и смуту вызвало оно, то Ваше письмо, в моей душе — и, как нарочно, в ту пору, когда только-только началась новая моя жизнь, и у меня уже был сын, и я уже знал, что теперь не должен (и не могу даже пытаться) изменить эту мою жизнь до самой смерти! Вот это все-все, что я написал Вам в прошлом письме и в этом, — мне хотелось написать Вам тогда; я чувствовал душевную необходимость, потребность написать Вам и не нашел сил для этого. А мне интересно все, решительно все, что связано с Вами, все, что произошло с Вами за то большое время, что мы не виделись. И, конечно,

напишите о 19—20 годах и о более поздних. Особенно мне хочется услышать от Вас о Вашей судьбе в 18—19 и в 19—20 годах, потому что это мне дорого и потому что я до сих пор не могу объяснить себе, как получилось, что наша юношеская и девическая совместная компания распалась? Ведь я Вас знал (и, как мне наконец удалось объясниться теперь, «30 лет спустя», — был влюблен в Вас) с детских лет, — я влюбился еще *до* того, как сложилась наша мальчишеская компания, и любил Вас потом все время нашей *общей* дружбы. В сущности, в том виде, как Вы помните нашу *мальчишескую* компанию, она только-только начала складываться к концу 1916—17 учебного года и вполне сдружилась и окрепла в 1917—18 году. А в 1918—19 году, когда мы были в 8-м классе, мы уже все работали во владивостокском антиколчаковском большевистском подполье, о чем Вы, наверно, не знали. Почему-то все «события» этих трех учебных годов — я говорю только о «событиях», связанных с дружескими отношениями *нашей* юношеской и *вашей* девической компании,— слились для меня в одно целое; то есть я помню все, помню наши встречи, разговоры, прогулки, вечера на квартире у Нины, в училище, в гимназии, но я не помню, в каком году что было; все осталось в памяти, как слитная симфония юности. Я не помню, *когда* мы сошлись — и юноши и девушки — именно как совместная дружеская компания. И я уже совсем не могу вспомнить, как, почему и когда это все распалось? Я помню хорошо все, что касается моих отношений *к Вам.* Я помню наши «мужские» разговоры в 17—18 году и уже в зиму 18—19 года о *Вас* (все мои друзья знали, что я влюблен в Вас). И в то же время не могу вспомнить, когда, где я видел Вас в последний раз, когда я *потерял* Вас? Было ли это «распадение» нашей компании потому, что весной 19 года все мы, юноши, ушли в партизаны, а Вы остались во Владивостоке, или по какой-либо причине мы перестали встречаться *раньше*? Напишите мне об этом подробней. Напомните мне также обстоятельства жизни Федорова — где он учился или работал, знали ли мы (наша компания) его по тем еще годам (1916—18) или позже, — откуда он знал нас? Напишите, когда — в каком году — Вы кончили «ученье», где работали сперва, когда и как судьба бросила Вас с Дальнего Востока в Узбекистан, встречались ли Вы с кем-нибудь из нашей компании за все

эти годы, как снова попали на Дальний Восток? Мне все, все интересно....

Первого июля кончается мой отпуск, и мне уже не удастся писать Вам такие длинные письма. Но теперь мне вообще уже легче будет отвечать Вам, потому что я высказал самое главное. И Вы не будете осуждать меня, если письма будут иногда короткими.

До свиданья, милая Ася.

Саша.

P. S. Простите за многочисленные помарки: трудно как-то переписывать.

Как мне хочется сделать Вам что-нибудь хорошее. Но что? Ну, хоть подписать Вас на «Литературную газету», на какие-нибудь литературно-художественные журналы? Получаете ли Вы хоть одну из центральных газет? Может быть, Вас интересуют какие-нибудь специальные педагогические издания? Напишите мне, это все я могу Вам выслать — могу подписать решительно на все, что Вас интересовало бы, выслать любую книгу. Напишите мне, что Вам нужно, милая Ася.

С.

152. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

21 июня 1949 года

Милая Ася!

Мне хочется еще рассказать Вам, как же так получилось, что наша юношеская (мальчишеская) компания, которую Вы знали и любили, все-таки распалась и все мы потеряли друг друга из виду. На первый взгляд это может показаться тем более странным, что теперь, задним числом, можно сказать — это была компания молодых людей незаурядных: не случайно из всех учащихся г. Владивостока именно она раньше всех пришла к народу и вышла в революцию: а в 1917—18—19 годах мы — из учащейся среды — были в этом отношении единственными.

Я вспоминаю сейчас, как постепенно складывалась наша «коммуна» (как окрестили мы ее в 17—18 году). До Февральской революции все мы принадлежали к раз-

ным компаниям, меняющимся, текучим — как это вообще бывает в детстве в силу причин случайных. Я лично сменил множество детских «дружб», из которых я вспоминаю некоторые даже с сожалением, — они были ложными (со стороны моих партнеров). Моя беда состояла в том, что я, с раннего детства очень начитанный мальчик, долгое-долгое время оставался все же слишком наивным в житейском смысле. Я не понимал, что законы социального неравенства имеют самое прямое отношение ко мне — сыну сельской фельдшерицы, учившемуся на стипендию и с 12 лет начавшему зарабатывать уроками, чтобы иметь возможность жить. Поэтому я слишком часто раскрывал свою душу там, где мое положение было глубоко неравным, а — в силу наивной доверчивости моей — и ложным. Но из моих дружеских склонностей (до 17 года) некоторые были более или менее постоянными, так как они протянулись через все детские годы, то спадая, то вновь и вновь оживая. Дружба с Исей Дольниковым, Женей Хомяковым (сыном лесного ревизора, жившего на самом верху Суйфунской улицы, на углу Последней) и с Гришей Билименко. Все они или отвечали разным сторонам моей души, или соприкасались со мной в разных пунктах «биографии». В ту пору все они трое были далеки друг от друга. Я дружил с каждым порознь: с Гришей потому, что мы оба были «из деревни» и вместе ездили со станции Евгеньевка во Владивосток и обратно; с Женей потому, что много лет подряд мы сидели на одной парте, жили близко друг от друга и вместе возвращались пешком из школы (я в течение долгих лет жил на Суйфунской, Комаровской, Нагорной, Последней); с Исей потому, что он, так же как и я, любил читать книжки и с детства, так же как и я, проявлял склонность к писательству. Женя Хомяков был мальчик странной (не мальчишеской) психической организации и, в общем, одиночка. А у Гриши был еще свой друг, «отдельный» от меня, Саня Бородкин, а у Иси — Лева Гринштейн, тоже совершенно «отдельный» от меня. Когда мы подросли немножко, у меня появились некоторые общие интересы с друзьями моих друзей — Саней и Левой — на почве спорта, здесь впервые появился в нашей орбите и Петя, — он был сильнее нас и «злой», и мы его побаивались, — и прекрасный футболист и хоккеист Паша Цой, с которым дружил Петя. Когда мы еще подросли, стали

ходить на вечера и танцевать, — появились новые, более сильные «общие интересы» — ухаживание за девочками. В этот период наметилась уже целая компания друзей, но опять-таки отдельная от меня, — Гриша, Саня и Петя, к которой примыкал и Паша Цой. Меня тоже чем-то привлекала эта компания. Но она была менее интеллектуальна в ту пору по своим склонностям, а у меня бурно формировались самые разносторонние интеллектуальные интересы. Например, у меня решительно ничего не было тогда общего с Петей и Пашей Цой, кроме футбола, а я искал большего. Я продолжал дружить с Гришей, а через него немножко с Саней Бородкиным, сохраняя одновременно дружбу с Исей, а через него дружа немножко и с Левой Гринштейном. Но только началась революция и развернулась та гигантская социальная битва, свидетелями и участниками которой нам пришлось быть на протяжении ряда лет, как все наши меняющиеся, еще аморфные тяготения прояснились. Между нами произошла глубокая внутренняя перегруппировка. Она имела, тогда еще не сознаваемый нами, большой социальный смысл.

К концу 1916—17, а особенно к началу 1917—18 учебных годов как-то само собой сложилось прочное ядро нашей «коммуны»: Петя — Саня — Гриша —я. (Насколько я помню, именно в этом сочетании мы и дружили с Вами. Что касается других членов «коммуны», то, помоему, они даже не бывали на Набережной. Напомните, так ли это?)

Почему именно такое сложилось ядро — так сказать, «душа коммуны»? Потому, что мы были самой демократической, низовой, близкой к народу частью своих сверстников по училищу. Это мы своим влиянием втащили вскоре в «коммуну» — каждый по своей линии — Исю Дольникова, Гринштейна, Пашу Цой. Для последних — в смысле их левых, революционных настроений — имело также огромное значение, что они принадлежали к угнетенным национальностям. Думаю, что это обстоятельство определило также тогдашнее настроение Шуры Голомбика. Он был также принят в «коммуну».

Нельзя, конечно, забывать, что наши левые революционные взгляды были еще не оформлены: по юности своей мы еще не были принципиальны в «оттенках», — и опять же по юности своей — мы были очень и очень снисходи-

тельны к недостаткам и слабостям друг друга, в том числе и к политическим.

В 1917—18 учебном году мы все были в 7-м классе. Это была очень дружная, независимая, буйная, смелая, веселая компания, центром которой была наша четверка. Около «коммуны» выдерживаемые на почтительном расстоянии (но с оставлением для них некоторой «перспективы» большего сближения) находились Женя Хомяков и его друг Вова Вейс, сын врача, жившего на Комаровской улице.

Вы, конечно, помните ученическую забастовку в коммерческом училище, работу нашей «коммуны» в городском «Союзе учащихся», в газете «Вестник учащихся» и влияние, оказываемое нами на многие и многие круги учащихся *вне* нашей школы. Кстати сказать, как физический памятник от того времени существует в Ленинграде писатель Павел Далецкий. Тогда он был тоже «деятель» всяких ученических объединений, тощий такой гимназист в очках, писавший в «Вестнике учащихся» стихи символического оттенка.

К концу этого учебного года мы уже установили контакт с рабочей молодежью Владивостока, выпускавшей газету «Трибуна молодежи». Женю Хомякова и Вову Вейса мы не принимали в «коммуну» из-за их робости и сомнений в их политических симпатиях и потому также, что это были не «мальчишки», а «интеллигенты», хотя оба были в общем «симпатичные ребята» в понимании того времени. Внутри «коммуны» наиболее неорганическим, непрочным ее членом был Гринштейн —он «левил» на словах, а в общем мечтал о карьере и был очень беспринципен, чего мы тогда не замечали. С Павлом Цой мы очень дружили, так как это был отчаянной смелости парень. Но у него были какие-то отдельные от нас и тогда непонятные нам «корейские» филиалы — в связях, мыслях. Что касается Дольникова и Голомбика, то они раньше нас всех — еще тогда, в 1917—18 году, — объявили себя «партийными» большевиками. Хотя ядро «коммуны» (наша четверка) в то время не называло себя большевистским, жизнь показала, что *наш* путь к партии был путем органическим.

Как мы были дружны и любили друг друга! Мы все были влюблены в кого-нибудь, делились этим «тайным тайных», сочувствовали успехам и неудачам друг друга

в любви, верили друг другу во всем. Мы презирали деньги, собственность. Кошелек у нас был общий. Мы менялись одеждами, когда возникала к тому потребность. Как мы были счастливы!

На всю жизнь осталась в моей душе весна 1918 года. Без памяти влюбленный в Вас, счастливый дружбой «коммуны», я ехал вместе с Гришей в Спасск. Перед отъездом к себе в деревню я провел вместе с ним несколько дней в Спасске, где он тоже задержался у родственников отца. Там жила некая Надя, в которую он был влюблен. Он выводил свою любовь вечером в маленький садик в наброшенной на ее плечи его форменной курточке. В садике играл струнный оркестр из военнопленных мадьяр. Я, конечно, покровительствовал любви своего друга. Беспечная, миленькая и совершенно еще неосмысленная Надя даже не подозревала, что мы ежедневно митингуем с ее Гришей у спасских мужиков, у железнодорожников за советскую власть. Если бы знали мы, на каком волоске уже висела эта власть у нас в крае!

Как Вы знаете, летом произошел чешский переворот, и в крае установилась белая власть. Когда я с большим опозданием из-за уссурийского фронта, не дававшего мне проехать, — опозданием к началу учебного года — приехал во Владивосток, мой двоюродный брат Всеволод Сибирцев сидел в заключении на чешской гауптвахте. Другой двоюродный брат, Игорь Сибирцев, работал в большевистском подполье. Я остановился в семье Сибирцевых, которые жили тогда в Сибирском флотском экипаже, начал помогать брату Игорю и был принят в партию. Начались выяснения взглядов друзей по «коммуне». Ися Дольников к тому времени уже был в партии и тоже работал в подполье. Саня, Гриша и Петя — после первой же нашей встречи — оказались таких же убеждений и через меня и Дольникова тоже вошли в подпольную работу. Шуры Голомбика не было во Владивостоке. Гринштейн оказался морально очень далеким от нас; мы встретились уже как чужие, и он сам отпал от нас. Внутреннее чутье подсказывало нам, что Пашу Цой и Женю Хомякова и Вову Вейса нельзя посвящать в наши дела. И они — при внешних приятельских отношениях с нами — были далеки от нашей внутренней жизни. Так сузилась наша «коммуна» до пятерки. Но мы обрели новую большевистскую среду и, продолжая учиться в 8-м классе, тесно

сдружились с рабочей молодежью — военного порта, железнодорожных мастерских, типографии и пр. Впрочем, Петя уже не учился с нами. Не помню, то ли он был исключен еще из седьмого класса за какой-то проступок, то ли просто не перешел в восьмой класс и бросил ученье.

К весне 1919 года в области началось партизанское движение. Первыми были переброшены в отряды Петя, Гриша, Саня и Дольников. Для того чтобы проехать в Сучанский район по железной дороге, нужны были пропуска от коменданта города. С помощью наших товарищей из типографии мы сделали для ребят искусственные пропуска на чужие фамилии и соответствующие паспорта. Я уехал несколько позже. Мне удалось схитрить с пропуском. Женя Хомяков только что сдал выпускные экзамены, получил аттестат и, как всегда весной, собрался ехать в имение своего отца под Шкотово. Я, зная, что мне все равно ехать в партизаны, и не будучи ни в какой степени готов к экзаменам, попросту не явился на них. Но, использовав старую дружбу, я объяснил Жене, что не попал на экзамены по болезни, и напросился к нему в гости «на недельку».

Для того чтобы проехать в имение под Шкотово, тоже нужен был пропуск. И, конечно, Женя получил его легко и на себя, и на меня, как на своего товарища по школе, едущего к нему «в гости».

Помню этот чудесный день — стояла прекрасная дальневосточная весна — в имении Хомяковых, когда мы вдвоем с Женей пошли охотиться на уток. И здесь, на берегу озера, я сказал ему, что должен с ним проститься, и объяснил, куда я иду. Он обнял меня и заплакал.

Я дошел пешком до Шкотова, сел в поезд на Кангауз, там пересел в поезд-узкоколейку и на станции Сица, где у меня была явка к одному столяру, получил направление в Сучанский отряд, штаб которого стоял в деревне Фроловке. Здесь я снова соединился со своими друзьями.

Почти в самом начале нашей партизанской эпопеи Петя, Гриша и Саня были переброшены в другой район, и нам пришлось воевать порознь. Я встретился с ними уже в 20-м году в Благовещенске. В это время они были на гражданской работе, а я — в армии. Больно до слез вспоминать, как тяжело нам было снова расставаться. Я провел с ними вместе всего лишь неделю: часть, в которой я находился, была переброшена в Забайкалье против

атамана Семенова. А через два-три месяца после его разгрома, в феврале или марте 21 года, я уехал в Москву — делегатом X съезда партии. Я был в числе тех делегатов съезда, которые были направлены на подавление Кронштадтского мятежа, был тяжело ранен на льду во время Кронштадтского штурма, пролежал около пяти месяцев в госпитале в Ленинграде и, наконец, попал на учебу в Горную академию.

Здесь, в Москве, не то в конце 1922 года, не то в начале 23-го, я снова встретился с Петей и Гришей. В период боев за Волочаевку, за Хабаровск (в 22-м году) Сане Бородкину удалось отпроситься в армию, и он погиб в бою, как я Вам уже писал в первом письме (тогда же погиб и Игорь Сибирцев). А Петю и Гришу после освобождения края от японцев и белых отпустили на учебу. Они поступили в Электромеханический институт имени Ломоносова. Примерно в этот же период попал в Москву и Голомбик и поступил в тот же институт. Жили они все трое в общежитии института.... Петя вскоре женился.... Потом женился Голомбик (они все еще продолжали учиться и жили на общей квартире в общежитии), — появились дети и у Петра и у Голомбика....

Пока я учился в Академии, я еще бывал у них, но это продолжалось недолго. Весной 1924 года я был мобилизован на партийную работу в Краснодар, оттуда попал в Ростов-на-Дону — провел почти три года вне Москвы, а в Москву вернулся уже писателем. Помню, году в 28-м встретил я в Москве старого учителя русского языка и литературы (в коммерческом училище) Степана Гавриловича Пашковского (он и сейчас в Москве, и я с ним иногда встречаюсь), и по его просьбе свел я у него на квартире всех находившихся в Москве бывших его учеников — кого только мог разыскать самыми различными путями. На этой встрече, кроме Пети, Гриши, Голомбика, были еще Хомяков, находившийся в Москве в командировке, — он работал где-то в Сибири, — был Вейс, женатый на сестре Хомякова — Аде и работавший тогда в Москве, был и Дольников. Откинув все и вся, предавшись воспоминаниям ранней юности в присутствии старого учителя, который еще в ту раннюю пору был очень демократическим человеком и которого мы все любили,— мы провели, в общем, очень счастливый вечер. Но он был случайным и последним, этот вечер. В том же году, или в

следующем, Голомбик и Гриша окончили институт и попали на работу в разные города. Петя, в силу какого-то случившегося с ним серьезного заболевания, не кончил института, но тоже уехал на работу—и тоже вне Москвы.

И — с годами — следы этих людей — и тех, кто когда-то был очень близок мне, и тех, кто был более или менее близок, и тех, кто далек, и тех, кто чужд, — затерялись в жизни, одни — вскоре после этой встречи, другие — после некоторых редких, более или менее случайных, более поздних встреч....

В конце концов — это живая, развивающаяся жизнь, со своими противоречиями, утратами и в то же время все новыми и новыми «приобретениями», обогащающими душу человека.

Вот и «заговорил» я Вас совсем, милая Ася! Но я знаю, что это не может быть Вам неинтересно; да Вы и спрашивали меня об этом еще в тех давних письмах из Узбекистана....

Я выписываюсь из Барвихи 27 июня, а не первого июля, как предполагал. Теперь пишите мне на домашний адрес. Мне, как всегда, предстоит много, много работы и уже не будет времени на такие длинные письма. Но я счастлив, что смог все-все рассказать Вам.

Всего Вам хорошего, доброго, милая Ася.

Саша.

Как велико было в юности влияние наше на всех окружавших нас молодых людей, можно судить по тому, что большинство из них — с большим или меньшим «запозданием» по сравнению с нами — встало на тот же путь, что и мы. Только продолжение пути у всех было разным. В Благовещенске, например, мы встретили попавшего туда проездом Пашку Цоя. Он был в корейской части, сражавшейся в рядах *Красной Армии.* Дальнейшая судьба его мне неизвестна. В период той встречи, у учителя Пашковского, и Женя Хомяков и Вейс — оба были *партийными.* Вейс работал в ТАССе и пробовал писать рассказы. Женя Хомяков был довольно крупным кооперативным работником в Сибири.

Был еще в нашей орбите такой Толя Тайнов, наш товарищ по классу, ученик коммерческого училища. Весной 19 года он не решился пойти с нами в партизаны, но через некоторое время все-таки пошел (уже самостоя-

тельно). Я с ним долго был в конном партизанском отряде. Потом он вступил в партию и сейчас работает крупным работником в Министерстве лесной промышленности в Москве. Я с ним по занятости крайне редко встречаюсь и еще реже — обмениваюсь письмами с его матерью, которая очень любит меня с детства. Она и ее муж — отец Толи Тайнова, теперь умерший, — были актерами-любителями в Народном доме во Владивостоке. Толя Тайнов в те далекие годы часто суфлировал —вполне добровольно — в спектаклях с их участием, а я по дружбе сидел с ним в суфлерской будке...

Но я опять предался милым сердцу воспоминаниям.

С.

153. А. А. КОВАЛЕНКОВУ

11 августа 1949 года

Дорогой Саша!

Впопыхах даже не поблагодарил за книгу.

В «Земле» — хорошем стихотворении — чувствуются (неожиданно) интонации Твардовского. В первом разделе лучше всего «Прогулка». Поэтично, хорошо. Жаль, что к концу (начиная, примерно, с «ведет вечерняя дорожка») стихотворение уходит во что-то слишком лично пережитое, неясное, важное для Вас лично, а не для всех — нечто биографически смутное. Почему «колесам слово», хотя Вы через все стихотворение чудесно идете пешком? Почему именно колеса должны «рассказать»? (Кому? Вам? Но Вы всё знаете. Мне, кто читает? Но почему тогда «снова» и почему именно «колеса», если я, читатель, вместе с Вами шел пешком?)

Вместо того, чтобы к концу *поднять* и *эмоционально объяснить* читателю чудесное чувство, так хорошо, свободно льющееся и развивающееся в стихотворении, Вы это чувство к концу затуманили и зашифровали, оставив у читателя неудовлетворенность.

В четвертом разделе наиболее совершенные (и совершенно *Ваши*), поэтичные, цельные—без всяких скидок— «Идешь-поешь», «Песенка», «Колыбельная». А «Веселая голова», «Шли солдаты», «Дорожная» тоже хороши, но кое-где (чуть-чуть!) с «сучками» и «задоринками»,

Стихи о Пушкине — профессиональные, зрелые, но по мысли — нет ничего *нового*. Отсутствие глубокой мысли снижает хорошее стихотворение (по эмоции) «Одна из причин». Слишком оно длинно для убогого вывода в конце: для такого вывода следовало бы изящно поиграть строках на 12-ти!

Остальные стихи более или менее профессионально-безличны, не запоминаются.

Привет Вам!

Ал. Фадеев.

154. А. А. КОВАЛЕНКОВУ

13 августа 1949 года

Дорогой Саша!

«Снегирь» — действительно прекрасное стихотворение. Я его «недооценил», потому что забыл суворовского снегиря и державинские стихи о снегире, на смерть Суворова. Ваше стихотворение стало мне понятно только после того, как я заглянул в Державина, прочитав Вашу записку.

Всего Вам доброго.

А. Фадеев.

155. М. Я. ПОЛЯКОВУ

20 августа 1949 года

Уважаемый Марк Яковлевич!

Хочу, хотя бы и с запозданием, поблагодарить Вас за присланную статью «Политическое завещание Белинского». В силу своей занятости я только в последние дни смог ознакомиться с ней.

Два новых факта, введенных Вами в литературу, действительно имеют исключительно важное значение для понимания — в одном случае некоторых сторон мировоззрения Пушкина, а в другом случае — Белинского.

Должен сказать, что я являюсь большим поклонником Вашей книги о московском периоде жизни Белинского. Несмотря на отдельные «недоделки» (к каковым я

отношу, в частности, главу о Чаадаеве и Белинском), эта Ваша работа очень убедительно доказывает революционную преемственность юного Белинского с декабристами, духовную преемственность его с русской философией и литературой до него. Особенно ценно Ваше поистине новое прочтение «Литературных мечтаний» и характеристика Надеждина в первоначальном развитии Белинского. Прекрасен также анализ «Дмитрия Калинина»: это юношеское произведние Белинского действительно умнее и жизненнее выводить из Сумарокова, Радищева, из списка грибоедовского «Горя от ума», чем из французских материалистов и классиков.

Желаю Вам всего доброго и крепко жму Вашу руку.

Ал. Фадеев.

156. ЛИТЕРАТУРНОМУ КРУЖКУ В ВЕНГРИИ

29 августа 1949 года

Дорогие товарищи!

Большое сердечное спасибо Вам за внимание и за честь. Откровенно говоря, я немножко смущен. Таких работников литературы, как я, в нашей стране немало. Может быть, было бы лучше, если бы Вы присвоили Вашему кружку имя великого Горького.

Горячо приветствую Ваше намерение основательно изучить русский язык. Я искренне убежден в том, что русская классическая литература — лучшая в мире. Она в лучшем смысле слова гуманистична, пронизана любовью к простому человеку, труженику — прежде всего, к труженику-крестьянину и так называемому «маленькому человеку» большого города. Русской классической литературе присуща вера в будущее, в справедливое устройство жизни. Это отличает русский классический реализм, например, от французского реализма 19-го века, проникнутого пессимизмом. Русских классиков можно безбоязненно давать читать детям: при всей жестокой правдивости в изображении темных сторон жизни, русские классики никогда не скатываются к грубому натурализму, к физиологии, что опять-таки характерно,

к примеру, для французского реализма со времен Золя.

Я пишу об этом не потому, что я русский, — поверьте, я являюсь искренним поклонником французского реализма, — а потому, что это — правда.

Между прочим, современная советская литература стремится усвоить эти лучшие стороны своих классических предшественников и этим выгодно отличается от современной буржуазной литературы Западной Европы и Америки, порвавшей с наследием своих классических предков и скатившейся в болото аморализма.

Знание русского языка, конечно, поможет более близкому сердечному разговору с русскими классиками и с их скромными потомками — советскими писателями, которые еще молоды и далеко не совершенны, как их великие предки, но которым выпало на долю счастье сказать миру новые художественные слова о социализме.

Еще раз благодарю вас за честь и шлю вам братский привет.

Ваш *А. Фадеев.*

157. Ф. М. ДЗЮМЕНКО

29 августа 1949 года

Дорогой товарищ Дзюменко!

Я родился в городе Кимры Калининской области, но семья наша переселилась на Дальний Восток, когда мне было шесть лет. Мать моя и отчим были фельдшерами в Чугуевке, где мы жили до 1919 года.

Напишите мне, не родственник ли Вы тех Дзюменко, которые жили в Чугуевке. Их хата была в том краю деревни, который ближе к Соколовке, но не возле самой дороги, а в сторону, влево от дороги на Соколовку. Один из этих Дзюменко, участник первой мировой войны, был женат на работнице Варваре (фамилии ее не помню), из староверов, работавшей на медицинском пункте у моей матери. Я забыл, как его звали. Он был контужен на войне и, кажется, в конце концов «запсиховал» на этой почве. У него было две сестры — красивые девушки, как звали старшую, я не помню, а младшую звали Каней. Ее

я хорошо помню, потому что в те юные годы был к ней неравнодушен, но, к сожалению, не пользовался никакой взаимностью.

Если Вы знаете этих Дзюменко, мне было бы интересно узнать, как сложились их судьбы.

Передайте мой сердечный привет Вашим товарищам.

Крепко жму руку.

А. Фадеев.

158. Г. С. МАРГОЛИНУ

Август 1949 года

Дорогой товарищ Марголин!

Не могу Вам передать, какую помощь в моей работе над новыми главами «Молодой гвардии» оказала Ваша диссертация! Она действительно осветила многие стороны подпольной работы Ворошиловградской областной партийной организации... Конечно, особенно большое значение для меня имеет весь материал о Краснодоне. Мне кажется, Вам удалось правильно определить руководящее ядро подпольной партийной группы в Краснодоне, ее связи с «Молодой гвардией», и многое, казавшееся раньше неясным, теперь вполне прояснилось.

Разрешите искренне поблагодарить Вас и крепко пожать Вам руку.

Более подробную оценку Вашей диссертации я дал в прилагаемой рецензии, которую Вы можете представить в то научное учреждение, где Вам предстоит защищать Вашу работу.

С сердечным приветом.

А. Фадеев.

P. S. Поскольку Вы собирались в сентябре приехать в Москву, я временно задержал Вашу работу у себя, но если она Вам нужна, немедленно телеграфируйте или напишите мне: я тотчас же ее вышлю.

159. Е. Я. ВАСИЛЬЕВОЙ (ЧЕРЕПКОВОЙ)

Август 1949 года

Дорогая Катя!

Был очень рад получить Ваше письмо. Куда Вы исчезли с горизонта — и на столько лет?

Последний раз — так давно — я писал Вам, когда Вы были еще в вузе. На последние из этих писем Вы уже мне не ответили, и у меня сложилось впечатление, что Вы или бросили вуз, или уже окончили его и уехали на работу.

Перед самой войной я некоторое время снова довольно часто встречался с Жорой Донским. Мы вспоминали Вас и Черепкова, но и Жора не знал, куда занесла Вас судьба. А с войной и Жора куда-то канул (до войны он был на ответственной работе в Управлении трудовых резервов).

Из Ваших старых земляков, хорошо знакомых Вам по путешествию в Сухум, я чаще всего встречаюсь с Леней Ильичевым. Но оба мы так анафемски заняты, что встречаемся большей частью только по делу. Тем не менее нам всегда доставляет удовольствие вспоминать, как мы от имени Краснодара вызывали на бой все футбольные команды Северо-Кавказского Черноморского побережья и как нас везде били.

А из более дальних наших знакомых мне приходится соприкасаться по делам с Пономаренко, который в дни нашей юности работал секретарем (или заворгом) Краснодарского окружкома.

Все-таки, Катя, нехорошо, что Вы меня забыли! Мне очень и очень интересно знать, как сложилась Ваша жизнь: закончили ли вуз, где скитались и работали, где работает Черепков, прибавилось ли еще Ваше семейство?

Что касается меня, то я лет 12 тому назад второй раз женился и, кажется, гораздо более удачно. Во всяком случае, сейчас у меня два сына.

Писать мне действительно удается мало, но такова, очевидно, особенность нашего времени: хороших писателей, которые могли бы только писать, не ведя большой общественной работы, почти нет. Среди них я по праву

могу считать себя самым несчастливым: уж очень мало времени остается собственно на творчество.

Напишите мне подробно о себе. Желаю Вам счастья и крепко жму Вашу руку.

А. Фадеев.

1950

160. Ф. М. ДЗЮМЕНКО

24 февраля 1950 года

Дорогой Федор Максимович!

Получил все Ваши письма и был им очень рад, а отвечаю не сразу в силу своей исключительной занятости.

Передайте мой сердечный привет Вашему отцу Максиму Павловичу, которого я отлично помню еще до того, как он ушел на первую империалистическую войну. Помню его еще красивым черноусым парнем, — сам же я был тогда совсем мальчишкой. Помню я его и после возвращения с войны.

Прошу также передать мой сердечный привет Анне Павловне и Клавдии Павловне, или попросту Кане, с которой мы были ровесники. Должно быть, они помнят, как я и мой двоюродный брат Игорь Сибирцев были в Чугуевке в 1919 году, во время партизанской войны. Тогда по партизанскому положению мы питались по хатам, — как говорится, кто прокормит. И частенько захаживали в ту самую хату, где живет теперь Ваш отец и где жили тогда Анна и Каня, и мать их тоже была жива.

Помню, еще у двоюродного брата моего порвался кисет, и Анна по его просьбе сшила ему новый. Муж ее может не ревновать, потому что ничего такого между ними не было, а просто в те годы население в деревнях поддерживало нас, партизан. Тем более что брат мой Игорь Сибирцев спустя два года после этого погиб в бою под Хабаровском.

Письма Ваши читаю своей матери Антонине Владимировне, и они доставляют ей большое удовольствие: она любит вспоминать Чугуевку и шлет Вам всем свой привет,

Сообщите мне адрес семей Анны Павловны и Клавдии Павловны. Как знать, может быть, придется побывать во Владивостоке, тогда зайду в гости.

Крепко жму Вашу руку.

А. Фадеев.

161. З. И. СЕКРЕТАРЕВОЙ и К. П. СЕРОВУ

24 февраля 1950 года

Дорогие мои Зоя и Костя!

Лежат и лежат ваши письма, которые всегда доставляют мне такую радость, а ответить я все не имею времени: или в разъезде, или так перегружен, что сплю по 4—5 часов в сутки. С грустью замечаю, что под старость становлюсь все добросовестнее в скучных и запутанных делах Союза писателей, от чего страдают, однако, все друзья и близкие знакомые.

Ленинградская поездка отодвинулась на неопределенный срок. Должно быть, выеду на днях к избирателям, если выпустят из Москвы, а потом возможна еще одна поездка, по своему характеру близкая к тем поездкам, о которых вы, должно быть, не раз читали в газетах. И только с первого апреля я, кажется, пойду в отпуск, чтобы немного подлечить сердце и закончить работу над новыми главами «Молодой гвардии».

Я всегда с грустью думаю о судьбе Тани, потому что очень ее люблю и болею за нее. Будете писать, передайте ей мой самый сердечный и дружеский привет. Все время думаю о том, как ей, должно быть, тяжело живется. Очень прошу Зою вновь как-нибудь обойти щепетильность Тани и переслать ей деньги, которые я одновременно с этим письмом перевожу па адрес Зои.

Итак, все мои друзья и соратники уже бабушки и дедушки, а я еще только отец: очевидно, человек, поздно начавший заниматься этим делом, имеет свои преимущества. А впрочем, неизвестно, преимущество ли это!

Как поживает Тамара?

Сердечно вас обнимаю и целую.

Саша.

162. Л. П. КОЛЕСНИКОВУ

30 марта 1950 года

Дорогой дядя Лева!

Прошу извинить за это обращение, но очень трудно называть Вас по имени и отчеству, поскольку я ровесник Вашей матери и с детских лет и по сию пору привык называть ее Асей, а не Александрой Филипповной.

Я надолго задержал Вашу рукопись. Надеюсь прочитать ее лично, прочитать внимательно, как педагог или редактор. Но жизнь моя сложилась так трудно, что совершенно не остается времени для такого подробного и внимательного чтения Вашего романа.

Мне пришлось ограничиться только тем, что я просмотрел его по главам и некоторые из них прочел на выборку. Пусть это Вас не обижает: для опытного, профессионального литератора, когда он имеет дело с рукописью своего молодого собрата, этого вполне достаточно, чтобы определить наличие или отсутствие дарования и направление дарования.

Вместе с тем я передал Ваш роман для более подробного разбора писателю Э. Харитоновичу, который известен, прежде всего, как опытный и внимательный редактор и объективный человек. Потом мы вместе обсудили Ваше произведение, и отзыв его написан в большей или меньшей степени в духе нашего разговора.

Остановлюсь вначале на том, что в этом отзыве является наиболее правильным. Главный недостаток Вашего произведения — это его не столь жизненное, сколь книжное происхождение. Благодаря этому из романа выпали самые существенные признаки или приметы нашего времени, которые представляют собой необходимые реальные черты будущего, из которых это будущее вырастает, без которых это будущее немыслимо. Современный фантастический роман, хотя он и фантастический, не может пройти мимо таких реальных сил строительства коммунизма, как партия, комсомол, школа. Нельзя обойти реальные международные отношения, прогрессивный лагерь борцов за коммунизм, борцов за мир в зарубежных странах. Черты коммунистического человека можно наблюдать среди передовых людей нашего времени, эти черты

вырастают на почве реальных условий нашего с Вами существования.

Вы подошли к явлениям современным и к явлениям будущего, минуя эти реальные условия. Поэтому и современность и коммунизм (через 200 лет) приобрели у Вас черты отвлеченные. Ваша фантастика поэтому не столько учит, как бороться за будущее, сколько уводит человека от реальной борьбы в мир отвлеченной фантазии.

При всем том Вашему роману нельзя отказать в занимательности, пишете Вы литературно грамотно (я имею в виду, разумеется, не общую грамотность, которая необходима каждому человеку, а специфическую литературную грамотность); в изображении человеческих характеров у Вас есть все данные к тому, чтобы они были живыми, выпуклыми, — все это несомненное свидетельство художественных способностей.

Если Вы будете работать над собой в этом направлении, Вы сможете выработать в себе вполне профессионального литератора, но для этого надо именно работать над собой. Вы пишете с маху, не заботясь о более коротком изложении мысли или события, Ваши люди слишком длинно разговаривают, у Вас часто одинаковое количество места уделяется и большому событию и маленькому. Между тем профессиональный литератор должен стремиться к более точному и экономному изображению, оттачивать каждую фразу. Это предполагает многократные поправки к уже написанному и многократное переписывание начисто после поправок. Только в результате такой работы образуется у писателя свой, индивидуальный стиль, фраза обретает мускулатуру. У Вас же индивидуального стиля пока нет, фраза разжижена.

Мне очень трудно сказать, насколько написанное Вами поддастся переделке в том направлении, как это рекомендует Харитонович. Пожалуй, я бы на Вашем месте отложил этот большой роман в сторону — просто как первую пробу пера, как свидетельство литературной учебы — и попробовал бы на Вашем месте свои силы на чем-нибудь более простом и близком.

Всегда буду рад познакомиться с каждым Вашим новым опытом. Желаю Вам доброго здоровья и крепко жму Вашу руку.

Сердечный привет Вашей матери.

А. Фадеев.

163. И. А. КАИРОВУ

31 марта 1950 года

Уважаемый Иван Андреевич!

Очень прошу Вас оказать помощь по ряду мероприятий, намеченных Чугуевской полной средней школой по инициативе ее директора тов. Васильева и зав. учебной частью тов. Кузьминой.

Я ходатайствую об этом не только по тому формальному поводу, что школа эта моего имени, но главным образом потому, что это единственная школа такого типа в большом Чугуевском районе, далеко отстоящем от железной дороги.

Я сам вырос в этом селе и помню, какой это в прошлом был глухой район. На всю Чугуевскую волость было тогда только три начальные школы. В первые годы после революции Чугуевская начальная школа сгорела. Школа, которая существует сейчас, была построена по моей инициативе по решению крайисполкома. Теперь она является крупнейшим очагом культуры. И для всего старшего и среднего поколения колхозников, которые помнят еще старое время и гражданскую войну, она — эта школа — является живым свидетельством тех гигантских преобразований, которые свершились в Чугуевском районе.

В течение ряда лет я снабжаю эту школу книгами и журналами и создал там приличную библиотеку. Думаю, что чугуевцы — оплот партизанского движения в годы гражданской войны, а теперь — передовые колхозники — заслужили того, чтобы их школа была образцовой по своему оборудованию и по постановке дела.

По этим причинам я обращаюсь к Вам со следующей просьбой:

1. Перевести школу с дровяным отоплением на паровое или водяное. В 1950 году школе как будто отпускают на капитальный ремонт 80—90 тысяч рублей. Этих денег, очевидно, вполне хватило бы на устройство парового или водяного отопления, если бы было отпущено и отправлено необходимое оборудование. Если ваше министерство обладает таким оборудованием, прошу предоставить его Чугуевской школе. Если не обладает, прошу возбудить ходатайство перед другим министерством, ведающим отпуском подобного оборудования, и сообщить мне, в какое

именно министерство следует и мне направить свое ходатайство.

2. Прошу отпустить средства на оборудование кабинета химии и естествознания (имеется только кабинет физики). Если ваше министерство не обладает такими средствами в этому году, или не имеет соответствующего оборудования, или не имеет ни того ни другого, — опять-таки прошу возбудить ходатайство перед соответствующим министерством и сообщить, куда и мне направить свое ходатайство.

3. Я прошу отпустить средства для поездки в Москву сроком на один месяц (без дороги), желательно — июль, группы наиболее успевающих учеников в составе девяти человек при двух учителях. Я могу взять на себя обеспечение в Москве помещения для жилья и опеку по программе осмотра Москвы, ее достопримечательностей и культурных учреждений.

Не нужно говорить, какое значение это будет иметь для учащихся далекого села, никогда не видевших не только столицы, но и вообще города.

Прошу Вас срочно ответить мне о возможностях выполнения моих просьб.

С приветом.

Депутат Верховного Совета СССР *А. Фадеев.*

164. С. П. ПИЩЕЛКЕ

16 апреля 1950 года

Дорогой мой друг, Семен Прокопьевич!

Письмо мое будет состоять из трех частей: 1. Оправдательной. 2. Деловой. 3. Лирической.

Часть первая — оправдательная. Я получил твое письмо в больнице и не смог сразу реагировать. В начале февраля у меня началась острая сердечная аритмия (как видишь, тоже «старам стала»), и я довольно прочно залег. Все же во второй половине марта дела пошли уже совсем хорошо, я надеялся, что у меня будет между больницей и санаторием известный перерыв и я смогу оформить справку, и я рискнул послать тебе обнадеживающую телеграмму.

Но перерыв мне дали такой маленький, что я ничего не успел и 3 апреля оказался в санатории, откуда связь с городом у меня уже затруднена, — пробуду же я здесь до 2 мая.

Часть вторая — деловая. Справку я все-таки написал, но только 17 апреля будет у меня сын из города и я смогу ему передать на перепечатку, а подписать смогу, увы, только 24 апреля (в следующее воскресенье). В понедельник, 25-го, ее заверят в парторганизации Союза писателей, и ты ее получишь в качестве первомайского подарка. (А может быть, подвернется оказия и все смогу сделать быстрее.) Справка будет что надо!

Часть третья — лирическая. Как рад я был твоему письму! Сколько всего навеяло оно на меня — такого молодого и такого «необыкновенного» с точки зрения сегодняшней, что иногда кажется, что это не с нами было, а с нашими добрыми знакомыми из романов приключений! Но нет, это все было с нами и вдруг встало передо мной как живое. Вероника Сибирцева (Ничка!), теперь Шушарина и уже, конечно, бабушка, живет в Ленинграде, муж у нее моряк, капитан дальнего плавания. При случае я ей напомню в письме, и она все уточнит, как это с ней все произошло. А вообще говоря, все, что ты пишешь, делает честь твоей памяти: все поразительно верно и точно. Единственное место, где память тебе изменила в одной несущественной детали в отношении Игоря и меня, — это там, где ты вспоминаешь о том, как Игорь и я из Ракитного перебрались во Владивосток. Дело в том, что Игорь ушел раньше меня. По тропе из Самарки на Ариадное, а потом обратно, мы с ним и с Анатолием Тайновым — в одном направлении в составе отряда Петрова-Тетерина, а обратно одни — пробирались еще осенью 1919 года. Потом, возможно, Игорь вновь прошел из Ракитного этой же тропой, — только уже не на Самарку и без меня. А ведь я ушел из Ракитного позже. Я ушел вместе с одним твоим спасским дружком Василием Прокопенко (он учился в учительской семинарии, и я не знаю, была ли эта его фамилия настоящая, т. к. позже, в тридцатых годах, он работал зам. начальника Приморского ГПУ под фамилией Темнова, — в те годы я наезжал на родину и бывал там подолгу и видался с Темновым; теперь он в Ворошилове, т. е. бывш. Никольске-Уссурийском, и иногда мне пишет),

Мы с ним шли не на Ариадное, а другой тропой и вышли в село на Улахе (или на Уссури?), где стоял в это время анархист Гурко (кажется, Белая Церковь?). Я что-то стал забывать названия деревень и местностей. Этот Гурко нас арестовал, но нашлось так много партизан, нас знавших, что он сначала уговаривал нас остаться у него, а потом отпустил.

И мы действительно пробрались в Спасск, в село, и там прожили сутки или двое не то у твоей будущей родни, не то у каких-либо других знакомых Прокопенко. И здесь уже у меня небольшой провал в памяти: я не помню, был ли ты в это время в Спасске или куда-то отлучился ненадолго. Я помню, что меня отвезли на подводе в Черниговку, но не помню, ты ли это отвез или кто-нибудь другой, и не помню, поехал ли со мной Прокопенко во Владивосток или остался в Спасске. Но действительно, ехал я в поезде, обслуживаемом японцами. Одно я хорошо помню и знаю, что Игорь в это время уже был во Владивостоке, где мы с ним снова встретились после недолгой разлуки. Если ты отвозил Игоря, то меня отвез уже кто-нибудь другой «и наоборот», как говорят в Одессе.

Ракитинский период я помню отлично. А особенно хорошо помню, какой отличный украинский хор мы создали под руководством Семена Пищелки, — все ракитинские девчата нас заслушивались. Не сомневаюсь, что многие современные знаменитые хоры могли бы позавидовать нашему.

Кстати, не знаешь ли ты, куда девался впоследствии Головко-Улазовский, из бывших колчаковцев, который был с нами в Ракитном?

С капитаном Тимохиным я еще встречался потом за Амуром и во время ликвидации семеновской пробки в Забайкалье.

Так же хорошо я помню, как ты командовал бронепоездом. Ведь я лежал тогда раненый в штабном вагоне, там же, где жил и Игорь, и вы все, старые мои друзья, приходили меня навещать. Под Красной Речкой на долю бронепоезда выпала нелегкая задача прикрыть отступление, а вернее, бегство наших частей, когда японцы шуганули нас из-под Хабаровска. А потом уже и штаб, и основная «база» бронепоезда была на Корфовской, и вы буквально каждый день выезжали проведаться с японцами под Красную Речку.

Правильно говорит поговорка: «На ловца и зверь бежит». С Ефимом Кононовым я последний раз виделся где-то в конце двадцатых или в начале тридцатых годов. А здесь в санатории я получил письмо от сестры своей жинки (сестра работает моим секретарем по депутатской линии), в котором она пишет, что получено письмо от дальневосточного партизана Кононова и что он звонил, а никаких подробностей больше не сообщает. Когда выйду из санатория, я Кононова разыщу.

Если ты обругал в письме свой четкий, можно сказать, каллиграфический почерк, то как же ты будешь проклинать мой! Но у меня такой скверный почерк образовался от торопливости, ведь мне приходится отвечать на сотни писем. Иные, более короткие и деловые письма я диктую на машинку, а ведь такое письмо, как я тебе написал, не надиктуешь!

Большое спасибо тебе, Семен, за письмо, за память и дружбу. Очень хотелось бы повидаться. Если будешь в Москве, заезжай, конечно, я и моя семья будем очень рады.

Сердечно тебя обнимаю. Привет от всей души всей твоей семье.

Твой Саша Фадеев, он же Булыга.

P. S. В Москве живет — и я с ним часто встречаюсь — фельдшер Марченко-Ветров, который был с вами на бронепоезде.

165. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

23 апреля 1950 года

Наконец-то я сижу за листом бумаги и пишу Вам. И боже мой, сколько мне нужно Вам сказать! Вряд ли Вы даже представляете себе, какое значение имели для меня Ваши письма, как отложились они все в моей душе. Я уже так привык, разбирая личную почту, прежде всего искать знакомый почерк на конверте, что мне теперь уже просто нельзя жить без этого милого почерка и всего чудесного, что он мне всегда обещает, как только я завижу его, и что он мне всегда, всегда приносит...

Мне немножко не повезло. Я попал все в тот же, известный Вам, санаторий Барвиха еще 8 апреля, но сразу

заболел тяжелой формой гриппа и две недели пролежал в постели, не имея возможности ни написать Вам, ни даже послать телеграмму. И единственным счастьем для меня было то, что я взял с собой все Ваши письма. Я лежал в жару и все читал их снова и снова. Я без конца смотрел на Вашу маленькую-маленькую карточку. Сквозь жизненные невзгоды и бури, правдивой и суровой печатью отложившиеся на Вашем прекрасном лице, я видел, я вижу все ту же Асю, и сердце мое сжимается от тоски и от счастья.

Как хорошо, что Вы так писали мне обо всем — ведь вот уже год прошел (и это очень грустно; мы оба стали на год старше!), а я, перечитывая письмо за письмом, вновь иду вслед за Вашей жизнью: она вся отпечатлелась в этих письмах. Я чувствую Вас в самых высоких взлетах Вашей души, я вижу Вас склонившейся над ученическими тетрадками в зимнюю ночь, обнимающую Ваш домик, вижу, как Вы бродите по родным местам на станции Океанской или сидите на подоконнике в бывшей «Зеленой гимназии» на Суйфунской, — ах, как мне хочется везде, везде быть вместе с Вами! И как Вы могли сомневаться в том, что именно эта Ваша обычная жизнь с ее подробностями, с ее радостями и горестями, именно она, эта жизнь, мне бесконечно мила, близка. Ведь мы с Вами вышли из одной, очень сходной трудовой среды, я тоже очень рано остался без отца, я помню свою мать, сельскую фельдшерицу, всегда в беззаветном народном труде, и я сам проделал этот жизненный путь. Во всем, что бы Вы ни делали, о чем бы ни мечтали, я вижу Вас так, как если бы я невидимо шел вслед за Вами, и во всем я вижу Вашу талантливую душу. Я глубоко по-человечески полюбил Вас заочно всей душою — за Ваши душевные порывы и за Ваши неприятности по школе и за все, за все... И спасибо Вам за то, что Вы есть на свете.

Пока я в этом — и тоскливом, и счастливом — жару читал Ваши письма, — приехал в Москву Лева и, насколько я смутно теперь понимаю по рассказам, застал у нас на квартире одну тещу и домашнюю работницу. Обе старушки, смертельно боясь грабителей, завидев незнакомца в военной форме, кажется, отнеслись к нему неласково, но в общем он, в конце концов, добрался до моего личного секретаря....

Одним словом, Лева был ими пригрет, и теперь они с Ниной живут в комнате одной из многочисленных подруг моего секретаря, а сегодня она (т. е. «мой секретарь») привезла и Леву и Нину ко мне в Барвиху. Сегодня первый день, как мне разрешили выйти в парк—в тот самый парк, где когда-то бушевала гроза и пахло сиренью, а теперь набухли только почки сирени, — тут мы и познакомились. В чертах лица Вашего сына так много от Вас, и это очень взволновало меня. Он очень естественный, природно-умный и жизнерадостный парень, понравился мне чрезвычайно, мне было с ним легко и весело. Мы поговорили с ним о его произведении, и на днях он встретится с писателем и редактором Харитоновичем, который тоже читал его роман и может ему кое-что посоветовать. Надеюсь с помощью все того же «секретаря», с которой Лева, как и со всей ее семьей, кажется, подружился, — надеюсь с ее помощью добыть для Левы современные научно-фантастические романы (не верю, правда, в то, что они хороши и смогут послужить ему образцом) и — просто некоторые литературные новинки для чтения. Совпало так, что секретарь мой привезла вместе с личной почтой Ваши письма — то, в котором Вы писали о выезде Левы, и то, где была вложена газетка, и как это ни странно, но только теперь пересланное из Союза писателей Ваше письмо от 5 февраля, писанное карандашом, письмо необыкновенно хорошее. Только мои гости уехали, я все это стал читать. И в конце концов, приезд Левы и эти письма так меня взволновали, что я уже ни о ком и ни о чем не могу думать, кроме как только о Вас, о Вас, мой далекий, мой нежный друг. Вы спрашиваете меня в этом письме (карандашом), неужели у меня не бывает таких вечеров, которые принадлежали бы мне, неужели я всегда, всегда занят, неужели я не могу написать Вам хоть когда-нибудь? Как ни чудовищно я занят, конечно, можно физически найти время для письма, но я уже писал Вам как-то, что я не могу писать Вам писем, когда душа моя несвободна....

Теперь я напишу Вам много, много писем подряд, одно за другим, я отвечу Вам на все, что Вы написали мне за год, и на большое, и на малое. И Вы, когда пишете мне, не давайте волю рефлексии, порождаемой мнимыми житейскими соображениями, — они меня печалят. Ведь Вы же, Ася, для меня человек совсем особенный, не-

обыкновенно близкий и родной, и Вы должны чувствовать это своим сердцем, а Вы вдруг начинаете писать о «разнице положений», как будто это может иметь значение для людей таких, как Вы и я, или вспоминать «Нану», как будто мы с Вами не одно поколение, — не надо этого....

А тем более пусть не приходят Вам в голову такие мысли, что кто-то может прочесть Ваши письма ко мне. Никогда и никто не коснется их — просто потому, что в моей семье нет такого грубого и примитивного «завóду»: мы живем в уважении и доверии друг к другу. Не забудьте, что я получаю в день около сотни писем, среди них очень много личных — от старых и новых друзей, от людей, просто ищущих совета и теплого слова от писателя. Меня эти сомнения Ваши именно печалят, потому что я так хорошо понимаю, что их порождает: это известное торможение всегда было присуще Вам в жизни и, действительно, так и помешало развернуться до конца Вашим незаурядным душевным силам — помешало везде — и в полном раскрытии Вашей талантливой натуры, и, может быть, в личной жизни. А ведь я знаю Вас такой прекрасной! Я находился под Вашим очарованием в самые прекрасные годы, когда формируется личность, у меня нет в жизни более счастливых воспоминаний и, должно быть, нет человека более близкого, чем Вы.... так не печальте же меня!

До свиданья в следующем письме.

Саша.

P. S. ...Как мне жаль с Вами расставаться! Так бы все писал и писал Вам. Да, вот еще что: давайте посылать друг другу побольше своих фотокарточек — разных лет, «официальных» и особенно любительских (там хоть технически похуже, но зато бывает отлично схвачен какой-то кусочек живой жизни), фотографий личных и групповых, в рост и в профиль и сидя и стоя, — будем писать, фотографии каких это годов. Если эти фото в одном экземпляре, дороги, как память о тех или иных событиях, о друзьях и о близких людях, будем писать, что такую-то, мол, подержите, посмотрите и вернете. Мне так бы хотелось видеть Вас в разные годы жизни, что мы не виделись, и — особенно, конечно, за последние годы. Я посылаю Вам на память две фотокарточки — одна, большая, это — 1946 год, а другая, маленькая, это — несколько

месяцев тому назад. Но должен сказать, что на первой я слишком «идеализирован», а на второй — слишком сумрачен: я человек очень жизнелюбивый и веселый, часто смеюсь, лицо мое часто меняет выражение, непроизвольно отражая различные эмоции...

Саша.

166. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

26 апреля 1950 года

Мне сейчас не спится ночами. Поздним вечером я работаю за столом, ночь стоит за окном балкона, в парке....

С той поры, как я в Барвихе, я вовсе не здесь, я — вместе с Вами на нашей чудесной родине, — я с шести лет в нашем крае и считаю его своей родиной....

После Ваших писем все наше общее прошлое и Ваше настоящее так рельефно, до боли, проходит перед моими глазами! Этот Спасск, который по вполне понятным причинам Вам в тягость, городок моего детства, где я могу ходить с завязанными глазами, он стал мне так мил после того, как я нашел Вас в нем... Да, я знаю улицу, на которой Ваш домик и Ваша школа, и это действительно тот самый садик, в котором мы гуляли с Гришей и подружились тогда с пленными венгерцами, игравшими в оркестре. Зады летней сцены тогда были обращены к речке. И вы действительно можете найти место, где я был ранен, только оно далеко от Вас, — я был ранен возле эллинга (или «анга́ра», как его называли тогда), Лева сказал мне, что он стоит до сих пор,—наши части, теснимые японцами, отступали тогда на Дубовскую и Калиновку, это было ранним утром 5 апреля 1920 года.

Вместе с Вами я брожу по улицам Владивостока, по дворам, где мы жили, по коридорам и залам училища, гимназий, где гремела музыка нашей юности и обещала нам что-то, или вновь сижу в маленькой гостиной, в милом домике на Набережной, украдкой все гляжу, гляжу на Ваши чудные волосы, на прекрасное лицо, с глазами всегда немножко грустными, не впускающими в себя, на Ваши милые руки и ножки, движения которых всегда обдавали меня такой волной нежности,— слушаю, как Вы поете после наших долгих, долгих упрашиваний, а Лия аккомпанирует Вам....

С зимы 1915—16 года, — я был тогда в 5-м классе, это было время, когда все мы начали увлекаться танцами, танцевали все перемены — в коридорах и между парт, подымая подошвами пыль, — начала ходить на вечера и девочка Ася, которая была когда-то для меня самой обыкновенной девочкой из одного со мной двора на Комаровской улице, вдруг на одном из вечеров показалась мне такой необыкновенной, таинственной девочкой, — начиная с этой зимы и вплоть где-то до конца 1919 года, когда я был уже в партизанах, я все нес и нес в своем сердце эту мою любовь к Вам...

Высшей точкой — кульминационным временем, потому что это — год, а не мгновенье, — был 1917—18 учебный год, год образования «коммуны», год забастовки учащихся, год нашего повзросления, некоторого усложнения наших общих отношений и в то же время наибольшего расцвета нашей общей дружбы. Как часто мы все тогда встречались, как трудно нам было долго не видеть друг друга! И все-таки где-то ближе к весне 18 года у нас бывали встречи, овеянные какой-то печалью, точно предвестье разлуки, — если бы мы тогда могли знать, как надолго мы разлучимся вскоре — на всю жизнь!.. Это предчувствие разлуки вызывалось, конечно, и тем, что Лия должна была уехать, об этом уже все знали. Из великого содружества девушек и мальчиков, мужающих и в разные сроки — одни пораньше, другие попозже — превращающихся в юношей-взрослых, из этого великого содружества выпадало одно из важнейших звеньев — Лия.

Особенно мне запомнился один, уже довольно поздний, холодный-холодный вечер. Был сильный ветер, на Амурском заливе штормило, а мы почему-то всей нашей компанией пошли гулять. Мы гуляли по самой кромке берега, под скалами, там же, под Набережной, шли куда-то в сторону к морю, от купальни Камнацкого. Мы уже знали, что Лия должна будет уехать, — срок, кажется, еще не был известен, но все уже знали, что это неизбежно. Было темно, волны ревели, ветер дул с необыкновенной силой, мы бродили с печалью в сердце и почти не разговаривали, да и невозможно было говорить на таком ветру. Потом мы нашли какое-то местечко под скалами, укрытое от ветра, и стабунились там, прижавшись друг к другу. Я помню, Лия вдруг вся так и прильнула к Петру, а он обнял бережно ее рукой. (Мне и тогда и сейчас

кажется, что Петр не любил Лию, но он чувствовал, что она любит его. И так как мы все в общем были связаны очень чистыми, рыцарски бережными, благородными отношениями, должно быть, он ее очень жалел. А может быть, я, как самый молодой и тогда самый наивный в делах этого рода член «коммуны», просто многого не знал и не замечал, — и ошибаюсь теперь.) Так мы стояли долго-долго, согревая друг друга, и молчали. Над заливом, от пены и от более открытого пространства неба, было светлее, мы смотрели на ревущие волны, на темные тучи, несущиеся по небу, и какой-то очень смутный по мысли, но необыкновенно пронзительный по чувству голос точно говорил мне: «Вот скоро и конец нашему счастью, нашей юности, куда-то развеет нас судьба по этому огромному миру, такому неуютному, холодному, как эта ночь с ревущими волнами, воющим ветром и бегущими по небу темными рваными тучами?..» На душе у меня было тревожно в самом грозном смысле этого слова, и в то же время где-то тоненько-тоненько пела протяжная нотка и грустно было до слез.

Родная моя, до сих пор (спустя уже 30 лет!) в Ваших письмах звучит словно бы упрек, как же мы спустя год, когда уже не было Лии, отринули и кинули на произвол судьбы — одну — свою подружку Асю? Но кого можно упрекнуть теперь? Юность, тем более такая ранняя, очень редко объединяется и разъединяется по заранее обдуманному, сознательному намерению, она не задумывается над тем, что у нее есть и воспитательные задачи, обязанности друг к другу, — юность отбирает из окружающей среды крайне непосредственно то, что отвечает ее душе,— по своеобразному естественному отбору. Даже теперь, когда наше общество стало социально однородным, когда так высоко поднята роль коллектива, когда есть специальные юношеские и детские организации по воспитанию, можно найти только отдельных, очень передовых юношей и девушек, которые сознательно ставят перед собой задачу воспитания и перевоспитания своих друзей, как свой долг. Возьмите Вашу школу и попробуйте определить (и это в наше время!), по какому признаку группируются, дружат ребята или девушки, по какому враждуют, по какому — совершенно равнодушны, индифферентны друг к другу? И еще труднее определить, почему

вдруг распадаются старые дружбы и завязываются новые. Это — даже теперь!

А вспомните время, в которое протекала наша с Вами юность? Сама история, революция с ее бушующим ветром и ревущими волнами вдруг начала нас растасовывать с такою мощною силою! Вот мы все разъехались на лето, а когда вновь съехались осенью 18 года, уже совершился белый переворот, шла уже кровавая битва, в которую был втянут весь народ, мир раскололся, перед каждым юношей уже не фигурально, а жизненно (собственно говоря, уже годы непосредственно подводили к армии) вставал вопрос: «В каком сражаться стане?» Молодые люди, которых сама жизнь непосредственно подвела к революции — такими были мы, не искали друг друга, а сразу узнавали друг друга по голосу; то же происходило с молодыми людьми, шедшими в контрреволюцию. Тот же, кто не понимал, кто плыл по течению, увлекаемый неведомыми ему быстрыми или медленными, иногда даже мутными волнами, тот горевал, обижался, почему так далеко оказался он от берега, на котором вот еще были видны вчера еще близкие люди, почему не бросают они ему спасательного круга? Но люди на обоих берегах — революции и контрреволюции — были уже в пылу сражения, покрытые кровью, и им справедливо казалось, что люди, уносимые от берегов, сами предпочли эту участь, а главное, уже некогда было спасать — даже тех, кого жалели, любили, с кем расставание причиняло боль.

Размежевание началось, как я Вам уже писал, и в мужской части «коммуны». Уехал Голомбик, отпал Гринштейн, как-то в стороне оказался Паша Цой. А мы, остальные, стремительно (даже сами не успели заметить, как это произошло) ринулись в подпольную работу, и у нас появилась тайна, которая была уже не нашей тайной и которой мы не имели права поделиться даже с лучшим другом, даже с любимым человеком, если он не работал вместе с нами. В большевистском подполье Владивостока мы были самыми молодыми, нас так и звали: «соколята».

Очень характерно, что мы сохраняли дружеские отношения, например, с Женей Хомяковым, с Вейсом, тем более с Пашей, мы их считали славными ребятами, мы с ними говорили и спорили, но политически мы размежевались: мы видели, что они не стучатся в ту дверь, в которую мы только что вошли, и та сторона жизни, которая

стала для нас теперь главной, была уже недоступна для них. Но чем глубже мы входили в эту новую для нас, такую мощную, духовную сферу деятельности, тем больше она поглощала наши души, тем больше у нас появлялось все новых и новых друзей, а старых, кто не вошел с нами в эту дверь, уносило все дальше и дальше от нас, хотя у нас и сохранились еще дружеские чувства к ним.

Поэтому, милая моя Ася, мы не бросали Вас, а Вас уносила от нас иная стихия жизни, у Вас появились совсем неизвестные нам знакомства и все умонастроение было далеким от нашего. Мы все любили Вас по-прежнему (а как я относился к Вам в этот период, я скажу несколько позже) и очень много говорили о Вас, но мы уже в очень большом деле жизни были самой жизнью отмежеваны от Вас, и повлиять нам на Вас было еще труднее, чем на наших товарищей по училищу. С теми мы, по крайней мере, по условиям ученья (ведь большинство из нас еще училось в 8-м классе) почти ежедневно встречались и вели политические споры. А с Вами нам, собственно, и встречаться уже было негде.

Мое предчувствие в тот холодный темный вечер, предчувствие, что отъезд Лии — это начало распада «коммуны», — оправдалось. Когда образовалась «коммуна», вы, девочки, вернее, уже девушки, были естественным центром ее притяжения, а домик на Набережной был главным местом сбора.... В разных условиях и обстоятельствах встреч — у Вас на Набережной, или на больших вечерах, или в гостях у кого-нибудь — возле вас, девушек, и нас, юношей, завивались и другие девушки и юноши, это было наше окружение, — наша дружба проходила в условиях привычного, сложившегося быта.

Но Лия уехала, и весь девический круг — этот центр притяжения вместе с милым домиком на Набережной — распался. Вы ушли из домика, — очевидно, в семью матери.... Другие связи, которые, собственно, шли через вас, наших милых девушек, сами собой распались, да и политическая наша позиция способствовала распадению старых знакомств. Это означало по существу, что нам с вами даже физически уже трудно было встречаться, если учесть тем более некоторые условности тогдашнего быта.

Если бы Лия не уехала, мы, конечно, встречались бы в прежних условиях, и, конечно, встречаться нам в 18—19

году было бы уже невозможно без политических споров и разговоров. И, может быть, мы втащили бы тогда наших милых девушек в нашу деятельность! Правда, я немножко помню настроения Лии в 17—18 году, и мне кажется, она не пошла бы за нами. Но Вы были натура «загадочная», полная огромных возможностей, в Вас все-таки иногда вспыхивал и бурлил мятежный, бунтарский огонек; социально мы все, мальчишки, были в общем сходной с Вами среды, — в конце концов Вы могли бы даже размежеваться и с Лией и пойти за нами. Но, увы, всего этого уже не могло быть, потому что все распалось (просто в бытовом плане) из-за отъезда Лии.

Если бы Вы тогда любили кого-нибудь из нас — не просто дружески, а по-женски, — Ваша судьба, конечно, неизбежно совпала бы с нашей. Но никому из нас не посчастливилось, и в этом, конечно, тоже никто не виноват и меньше всего — Вы.

Милая, родная моя Асенька, если бы Вы знали, с какой грустью смотрю я теперь из тридцатилетнего далека на маленького умненького мальчика с большими ушами, как мне его бесконечно жаль... Четыре года!.. Когда я в тридцатых годах разошелся с женой и мысленно перебирал вновь и вновь всю свою жизнь, я тогда впервые понял, что эта четырехлетняя любовь к Вам — с отроческих лет до юношеского возмужания — не могла быть случайной. Она означала, что было в Вашем внешнем и внутреннем облике что-то необыкновенно покорявшее меня и, очевидно, очень мне необходимое. С другой стороны, такая верность в столь ранние годы, соединенная с тщательно скрываемой от других подлинной страстностью (что не являлось, конечно, признаком возраста, а признаком характера и было свойственно мне с детства), свидетельствовала о незаурядности моей натуры,— я теперь с чистым сердцем, спокойно могу сказать это, не боясь быть обвиненным в нескромности.

Но нельзя не пожалеть умненького мальчика с большими ушами, потому что необыкновенная, поистине незаурядная любовь его была обречена на неудачу с железной неизбежностью: мне просто не хватало одного года, а еще лучше — двух лет, чтобы любовь моя была понята и принята. Мне нужно было или быть на год-два старше Вас, или иметь счастливую возможность еще год-два дружить и не разлучаться с Вами....

Но в те далекие счастливые годы я был обречен заранее, и Вас мне не в чем упрекнуть, потому что это было с Вашей стороны вполне естественно, жизненно, было бы даже странно, если бы было иначе. Вы были уже вполне сформировавшаяся девушка, а я был еще юноша-мальчик, а не юноша-мужчина. Вы как-то мне чу́дно написали про 18—19 годы — «замуж мне, очевидно, было еще просто рано». Да, конечно, «рано», но если бы пришлось, Вы могли бы уже это чудно проделать, т. е. выйти все-таки замуж, а вот уж мне действительно было еще совсем рано! И как характерно, что именно в этот период, когда наши встречи были случайны, мимолетны, Вы даже не помните их. Вы даже спросили меня в одном из писем — был ли я тогда на станции, когда мальчики уезжали в партизаны и Петя привел Вас проститься, потому что в этот период очень сложного Вашего духовного формирования и необыкновенно прекрасного физического развития юноша-мальчик с большими ушами Вас уже мало мог пленить, меньше даже, чем когда-либо до этого, и он просто выпал из Вашей памяти.

Но бедный мальчик продолжал Вас любить, и каждая мимолетная встреча с Вами вновь и вновь подогревала в нем эту любовь. Правда, в ней тоже произошли большие изменения. Я все-таки взрослел, и у меня появилось самолюбие. Я очень ясно чувствовал, что я Вам не нужен, и у меня вместо беспрекословного обожания прошлых лет, тем более что оно было теперь большей частью заочным (за весь год мы виделись мимолетно два или три раза), все больше звучало самолюбивое: «Что ж, она еще услышит обо мне, вот придет время, и все заговорят обо мне!» И именно потому, что я взрослел, чувство мое к Вам, не питаясь никакой взаимностью и живя только надеждой на взаимность в будущем, утрачивало конкретные очертания, оно уже не было пронизано такой страстностью, которая в 17—18 году подогревалась постоянной близостью и просто меня сжигала, в нем все больше обозначались черты скорее возвышенной инерции любви, а не самой любви во плоти и крови. Взаимность чувства в любви — это то же, что смола в огонь, — может поднять пламя под самое небо. Никто не подбрасывал смолья в мой костер, но он горел уже так долго, что мне трудно было жить без его тепла, и надежды становились все менее реальными, но, видно, я все-таки очень любил Вас, и

в той жестокой борьбе, в которую мы все больше втягивались, эта любовь была нужна мне как платок «прекрасной дамы» на рыцарский шлем: очень трудно жить без любви, милая Ася, и в юности, и в зрелые годы.

Нет, я не был тогда на станции.... Я уехал на несколько недель позже, я уехал, использовав наивность Жени Хомякова. У его отца под Шкотовом был хутор. Женя только что сдал экзамены на аттестат зрелости, а я срезался по бухгалтерии, а остальные не пошел сдавать. Наши подпольщики-наборщики, которые снабжали нелегальных фальшивыми документами, — в частности, снабдили фальшивыми пропусками «соколят», уехавших раньше меня, — говорили мне, посмеиваясь: «Не горюй, Сашенька; надо будет, мы тебе справим аттестат по всей форме». Женя собирался на хутор немного отдохнуть, поохотиться. Хутор считался уже в зоне восстания, туда нужны были пропуска. Я напросился к Жене в гости на хутор, и нам совершенно свободно выдали пропуска от коменданта крепости. Приехали мы туда, взяли ружья, пошли на охоту, на озеро. Была чудная ранняя весна. Вышли мы на озеро, я отдал ему ружье и сказал: «Извини, Женя, что я обманул тебя, но я ухожу в партизаны, все наши уже там». Он весь изменился в лице, и слезы брызнули у него из глаз. То ли ему было жалко меня, то ли, наоборот, он почувствовал свое какое-то промежуточное положение и вдруг понял, что мы поступили благородно, а ему предстоит прозябать. Я, надо сказать, любил Женю с детства, но тут я очень забоялся, что он скажет: «Я пойду с тобой». Я никогда бы не взял его с собой, потому что это мог быть просто порыв души впечатлительного человека и у меня не было веры, что он не раскается потом. Но он ничего не сказал, а только стал целовать меня и всего облил слезами. Потом я простился с ним и очень весело зашагал к Шкотову, с воображаемым платочком любимой моей Аси на воображаемом шлеме...

Я напишу Вам длинное, длинное продолжение в следующем письме.... Если бы Вы знали, как хорошо мне вместе с Вами идти по нашей юности!...

Ваш *Саша*.

P. S. Асенька! Напишите мне подробнее о судьбе Лии — до той поры, до которой Вы знаете, — и почему она должна была уехать, и еще о тех, кого мы вместе

с Вами знали. Обнаружился ли Еремин во Владивостоке? И напишите подробнее о Вас в детстве и о Вашем отце и матери, откуда они родом и где Вы родились, и о Ланковских тоже. (Это все — когда кончатся экзамены.) Приезжайте!!!

С.

167. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

28 апреля 1950 года

Это— как писала одна моя знакомая женщина с Дальнего Востока — письмо «внеплановое» («плановое», длинное-предлинное, пишется). Асенька! Исполните одну мою просьбу. Разрешите мне достать Вам путевку на курорт... Ведь Вы ее заслужили: Вы — опытная учительница, с громадным стажем, отдающая всю себя своему делу, — орденоносец. Мне, как депутату-писателю, хорошо известному в учительской среде, так много приходится устраивать таких путевок для учителей (конечно, не только для них) — и не только от моего избирательного округа, а из разных областей — и часто людям, гораздо менее этого заслуживающим, чем Вы. Поверьте, я настолько сам щепетилен в таких вопросах, что никогда не предложил бы Вам этого из личных чувств, но здесь мной руководит сама правда божья, — согласитесь же... Если Вам надо подлечиться на курорте, в санатории лечебного типа, каком-нибудь специальном (скажем, на юге), телеграфируйте мне, где именно Вам рекомендуют, и я Вам это устрою немедленно, без всякого труда (мне всегда идут навстречу в этих — да и не только в этих — делах). Если же Вы нуждаетесь просто в отдыхе, чтобы просто отдохнули нервная система и сердце, я Вам устрою путевку в один из хороших подмосковных санаториев... Здесь такая чудная, тихая русская природа!.. Я получил большой отпуск для лечения и для творчества, на 4 месяца, но на таких условиях, что я никуда не могу уехать из Москвы. Если бы не это условие, я немедленно умчался бы к Вам. Как бы нам было хорошо у нас на родине! Я уже не был там 15 лет, как мне все было бы интересно! И все напоминало бы нам прошлое, все связывало бы нас духовно с самым светлым периодом нашей жизни... Мы могли бы ходить по родным для нас местам, поехать

вместе куда-нибудь... Но я не имею права уехать из Москвы, потому что по характеру своей (не внутрисоюзной, а международной) деятельности я и во время отпуска время от времени нужен здесь. Не дает мне возможности поехать и то обстоятельство, что поездка не позволит мне закончить работу над новыми главами «Молодой гвардии», для чего, собственно, мне и дали такой большой отпуск.

Вы, наверно, помните, что года два с лишним тому назад «Молодая гвардия» была подвергнута критике в печати за недостатки в изображении большевистского («взрослого») подполья при немцах в Донбассе. Действительно, к тому времени обнаружилось много нового материала о деятельности большевиков в Ворошиловградской области, и в частности в Краснодоне, материала, которым я в свое время не располагал. Я принял эту критику и дал обещание в печати, что роман дополню.

В 1948 году мне дали для этого 4 месяца отпуска, но отпуск был на две трети сорван: дали отпуск, а через несколько дней поручили подготовку доклада к годовщине смерти Белинского. Мне пришлось все бросить и сесть за Белинского — на подготовку доклада у меня ушло полтора месяца. Потом я все-таки начал писать новые главы «Молодой гвардии» и сделал примерно половину работы — тоже месяца полтора ушло на это. У меня оставался еще месяц, и я успел бы еще кое-что сделать (по роману), но тут меня сняли с отпуска и направили на подготовку Конгресса деятелей культуры в защиту мира, прогресса и демократии в Польшу, в г. Вроцлав, — это был первый после войны международный конгресс подобного рода. С той поры — эта сторона моей многообразной деятельности забрала у меня большую часть времени из истекших полутора лет, а роман так и остался недописанным. Сейчас — единственная возможность дописать его.

И конечно (не говоря уже о времени, которое отняла бы дорога), мне трудно было бы дописать «Молодую гвардию» на Дальнем Востоке. Соприкосновение с родиной, встреча с Вами — все это и перевернуло бы меня и вызвало бы целый поток дальневосточных тем, в том числе и таких, которые уже давно сидят в моей голове, но не могут быть осуществлены по недостатку времени: возьмите хотя бы «Последний из удэге», незаконченный роман, который я из всех своих произведений больше всего люблю. Но в конце концов, я мог бы сделать

«сверхгероическое» усилие и *заставить* себя закончить «Молодую гвардию» на Дальнем Востоке, — главное все-таки в том, что я привязан к Москве своими международными обязанностями, — мне сейчас просто не разрешат уехать. Приезжайте Вы, мой милый дружочек! За это я обещаю Вам в течение 1951 года приехать к Вам и пробыть с Вами месяц.

Дело в том, что по окончании работы над «Молодой гвардией» — на очередь встанет окончание «Последнего из удэге», а мне — после перерыва в работе над романом около 10 лет (я написал четвертую часть романа в 1940 году) — продолжать его без освежения памяти, без соприкосновения с Дальним Востоком было бы невозможно. Это — попутный, убедительный мотив для того, чтобы просить у ЦК партии права съездить в 1951 году на родину хотя бы на месяц (не считая дороги). Причем я рассчитываю, — если сложится в начале 1951 года зимой такая ситуация, что мне не надо будет ехать за границу, а будет лежать на мне только работа по Союзу писателей, — я рассчитываю совершить свой дальневосточный рейс зимой, в крайнем случае — весной.

А этим летом приезжайте Вы....

Это «внеплановое» письмо я брошу завтра, т. е. 29 апреля, в почтовый ящик, а Вы мне обязательно напишите, какого числа Вы его получите....

Сейчас одиннадцать часов вечера по московскому времени. «С добрым утром»!...

Ваш *Саша*.

Сейчас 12 часов дня. Я запечатаю свое письмо и понесу его в деревню Барвиху и брошу в почтовый ящик. Сейчас Вы, наверно, сидите над тетрадками, — я так вижу Вас, — а может быть, Вы пишете мне письмо? Но нет, для письма еще раннее время. Вы пишете мне всегда поздно, поздно, я всегда это так чувствую....

168. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

30 апреля 1950 года

....Как я люблю читать в Ваших письмах о Ваших занятиях с ребятами, особенно внеклассных, — на меня всегда веет чем-то родным, и я так ясно вижу Вас! Учителя, врачи, фельдшера, библиотекари — это среда, с ко-

торой связана вся моя биография, я вообще очень люблю нашу так называемую «низовую» интеллигенцию, а особенно учителей, а после того, как я узнал, что Вы — учительница, я невольно переношу частицу своей нежности к Вам на все ваше сословие. Напрасно Вы постеснялись сказать своим сослуживцам, что знаете меня и переписываетесь со мной — разве в этом есть что-нибудь зазорное? Ведь они могли бы пользоваться Вашими журналами и газетами — вся школа! Я мог бы прислать для Вашей школы (для пополнения ее библиотечки) 150—200 книг разных новинок.... Вы меня используйте в этом смысле и не стесняйтесь — ведь это все пойдет на пользу ребятам и Вашим товарищам по работе. Мои чугуевцы «эксплуатируют» меня в этом отношении вовсю, — я за послевоенные годы постепенно организовал в этой районной десятилетке библиотеку в 2000 томов отборной классической и советской литературы. Этим летом я организую для отличников чугуевской школы экскурсию в Москву: поедут 10 учеников и 2 учителя. По своему же избирательному округу в Чкаловской области я организовал уже 8 школьных и клубных библиотечек по 200—250 отборных книг и на днях отправляю девятую.

Не удивляйтесь, мой умный, скромный, независимый и беззаветно преданный своему делу дружок, если я скажу, как мне было бы приятно, что люди вокруг Вас знают о нашей дружбе, и как мне хотелось бы именно через Вас делать что-то полезное и радостное для людей, с которыми вместе Вы работаете. Мне было бы это приятно.... Я думаю, что Вы, наверно, отличный товарищ, и как бы мне хотелось, чтобы я мог в чем-то глубоко жизненном, конкретном и практическом быть через Вас таким же товарищем по отношению к тем, кто Вас окружает.

Напишите, как только перемените место работы, свой новый адрес, чтобы я мог в соответствующих издательствах переадресовать все идущие к Вам журналы и газеты. Как я хочу видеть Вас! Что я переживал, когда доехал до Харбина, самой ближайшей точки от Вас, до какой я добрался во время китайской поездки. Подумать только, — от Харбина всего лишь часов 12 езды до Ворошилова, а от Ворошилова 4—5 до Спасска!.. Так хотелось дать Вам телеграмму именно из Харбина, но в ту пору еще нельзя было дать частной телеграммы из Харбина в Приморье. И я так понимал Вас, когда читал потом Ваши

письма этого периода, — Вы тоже чувствовали, насколько я близко, и Вам казалось, что вот я выйду из поезда, хотя и знали, что это невозможно.

Эта поездка вообще была волнительна для меня — и не только потому, что волнительно было все, что видели мы в Китае. От станции Карымской и до самой границы с Маньчжурией мы проезжали местами, где в октябре — декабре 1920 года я участвовал в ликвидации атамана Семенова в качестве комиссара полка, — почти каждый разъезд, каждая станция брались нами с жестокими боями. Мороз стоял в ту пору 30—40 градусов, люди были плохо одеты и обуты, отмораживали руки, ноги и слепли от белизны снега на сверкающем солнце. Теперь мы ехали этими местами ночью, вся наша большая делегация спала, а я не спал всю ночь, вылезал на каждой станции, смотрел, смотрел и все вспоминал юные годы и думал о Вас.... Как это грустно, что как раз те черты юности, которые, собственно, и придают ей поэзию и прелесть весны, — нерасчетливость, бескорыстие, непосредственное восприятие жизни, порывистость, мечтательность, искания — они же, эти черты, служат источником таких жизненных поступков, которые часто ломают всю жизнь и направляют ее вопреки самым лучшим мечтам...

Простите, родная, за эту вспышку грусти — внезапной, но такой естественной....

Ваш *Саша.*

P. S. Асенька! Не сердитесь, что в моих письмах много зачеркиваний, исправлений, вставок. Это профессиональная черта — стремление выражаться ясно, точно, а при первом написании это не всегда получается. Переписывать же такие большие письма не хочется — пусть уж будет так, не сердитесь на меня.

С.

169. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

3 мая 1950 года

....Я продолжаю повесть нашей юности.

Когда Вы провожали на станцию наших мальчиков, вместе с ними, т. е. с Петей, Гришей, Исей и Саней Бородкиным, уезжали в партизаны известный Вам Заделе-

нов и еще один ученик коммерческого училища Адольф Фельдгер (он жил на Первой речке). Эти двое не были большевиками и не участвовали с нами в подпольной работе. Но мы их всегда держали в резерве, зная их «левые» высказывания и антиколчаковские настроения. Их годы тоже подходили к мобилизации в армию (тогда брали молодых людей, даже учащихся, родившихся в 1899 и 1900 гг.), и они, догадываясь о наших связях с подпольем, высказались напрямую, что предпочли бы пойти в партизаны.

Однако, когда я попал на Сучан, вся эта компания уже раскололась. За те несколько недель, что они пробыли на Сучане до меня, все они, за исключением Дольникова и Фельдгера, участвовали уже в боевых делах. Что касается Дольникова, то его, как наиболее начитанного и писучего среди других, оставили при штабе для помощи в выпуске (ручным способом) газеты «Партизанский вестник».... Он воспринял это как личную обиду, поскольку его товарищей посылали на организацию партизанских отрядов, а его за такую «мелкую» работу «в тылу»; он не понял всю политическую вкусность порученной ему работы, начал хныкать, якать и демонстративно бездельничать. Времена были суровые, и такое поведение вызвало очень холодное отношение к нему со стороны Пети, Гриши и Сани, его друзей по «коммуне». Фельдгер сразу же довольно явно обнаружил, что он, собственно, пришел не воевать, а просто прятаться от возможности быть мобилизованным в армию Колчака. Он уклонялся решительно от всего, что было связано хоть с какой-либо опасностью, агитатор из него тоже был неважный, т. к. хотя он был парень неглупый, но политически бесхребетный, и ребята сразу стали относиться к нему с недоверием. Заделенов же был вместе с «соколятами» послан на организацию отрядов. Однако в первых же боевых столкновениях оказался неимоверным трусом, можно сказать, трусом стихийным, почти безумным, снискав этим всеобщее презрение и насмешки.

Когда партизанский штаб предложил этой группе учащихся выделить из своей среды двух человек для агитационной работы среди населения в глубоком тылу, в районе села Анучино, где в это время создавался областной повстанческий ревком, Фельдгер и Заделенов сами предложили себя, и мои ребята охотно «выдвинули» их, чтобы

просто от них освободиться. Когда я приехал на Сучан, эти двое уже ушли в Анучино; Петя, Гриша и Саня работали по организации отрядов, а Дольников хныкал: «Как, мол, его обидели, не послав воевать!» После моих резких возражений он обиделся на меня, мы впервые в жизни крупно поссорились. Через недельку пришли обратно в село Фроловку (где был штаб) Гриша, Петя и Саня, и мы по старой памяти созвали собрание нашей «коммуны». Мы очень остро поставили перед Дольниковым вопрос, что он ведет себя «по-интеллигентски» и что мы с ним порвем, если он не будет выполнять своих обязанностей. Он сказал, что работать в газете не будет. Тогда мы перестали с ним здороваться и разговаривать.

В это время был большой подъем партизанского движения, развертывались крупные боевые действия, карательные экспедиции белых всюду терпели поражения. Мы четверо — «три мушкетера и д'Артаньян», как мы шутя называли нашу четверку, — были зачислены в Сучанский отряд рядовыми бойцами, в Ново-литовскую роту, и ушли на побережье к устью Сучана, где получили настоящее боевое крещение....

Я на всю жизнь благодарен судьбе, что у меня в боевые годы оказалось трое таких друзей! Мы так беззаветно любили друг друга, готовы были отдать свою жизнь за всех и за каждого! Мы так старались друг перед другом не уронить себя и так заботились о сохранении чести друг друга, что сами не замечали, как постепенно воспитывали друг в друге мужество, смелость, волю и росли политически. В общем, мы были совершенно отчаянные ребята, — нас любили и в роте, и в отряде. Петр был старше Гриши и Сани на один год, а меня — на два, он был человек очень твердый, не болтливый, выдержанно-храбрый, и, может быть, именно благодаря этим его качествам, мы не погибли в первые же месяцы, — в такие мы попадали переделки из-за нашей отчаянной юношеской безрассудной отваги.

Пока мы были вместе, мы, конечно, часто в наших задушевных разговорах возвращались к давнему и недавнему прошлому, к дням «коммуны», осуждали отколовшихся от нее, вспоминали наших девочек — и это питало мою любовь к Вам.

Но к этому времени уже многое изменилось в наших душах. Война — большая и суровая воспитательница. К

этому времени мы уже испытали много тяжелого, жестокого, — видели трупы замученных карателями крестьян, потеряли в боях многих людей, которых успели полюбить, знали об арестах в городе лучших наших друзей по подполью, знали о чудовищных зверствах в контрразведках белых. И в то же время из писем наших друзей—подпольщиков Владивостока мы узнавали, что такой-то и такой-то из наших бывших товарищей-соучеников ушел в белую армию или в офицерскую школу, такой-то подличает, такой-то молчком уходит в сторонку, — все это ожесточало наши сердца. Многое из прошлого казалось уже детски наивным, требовало пересмотра. Кое-кого из бывших товарищей мы теперь, не дрогнув, расстреляли бы, если бы он попал к нам в руки, иных мы презирали, об иных сожалели, что дороги наши пошли врозь.

К нашим девочкам мы тоже уже не могли относиться только с прежним, непосредственным чувством любви, дружбы, — к нему примешивались уже сомнения, досада, иногда и осуждение. «Почему, например, говорили мы, Лия должна была уехать за границу, а не наоборот — ее отец, эмигрант, не вернулся на родину, — значит, видно, он «революционер» не нашего толка, а значит, и Лия где-нибудь там против нас?» Настроения нашей любимой Аси тоже поворачивались теперь к нам своей индивидуалистической стороной, и какой-то голос, щемящий сердце, говорил: «Все это было детство, а вот она — суровая жизнь, в этой суровой жизни дороги наши пошли врозь, и кто его знает, не ближе ли теперь к Асе те люди, которые так чужды нам?..» Теперь, конечно, легко видеть, как много в такого рода рассуждениях было и скоропалительного, и непродуманного, и несправедливого, но стоит перенестись в то время, как станет ясно, что иначе мыслить мы, юноши, все более формирующиеся в бойцов революции, и не могли.

А потом мне пришлось пережить большую, большую потерю... Как только белые были выброшены с побережья и весь Сучанский район очищен от карателей, трех моих славных «мушкетеров» штаб откомандировал в Анучино, куда все время требовали людей, так как главные партизанские бои к тому времени развивались уже под Никольск-Уссурийском и Спасском. Бедный «д'Артаньян» остался один. Не было уже вокруг меня ни одного человека моего возраста, моего воспитания. К этому времени

в партизаны пришел мой двоюродный брат Игорь Сибирцев и еще кое-кто из подпольщиков, знакомых мне, но не моего поколения, а поколения Игоря, т. е. на 4—5 лет постарше, — это были частью большевики из студентов, друзей Игоря, частью из рабочей молодежи, с которой вместе мы работали в подполье, но которая была постарше меня. Естественно, я потянулся к ним, людям теперь мне наиболее близким, а через них я все больше, все глубже входил во взрослую большевистскую среду. Это общение, с точки зрения моего интеллектуального и вообще духовного развития, несомненно, принесло мне огромную пользу. Я очень быстро повзрослел, обрел качества воли, выдержки, политически обогнал свое поколение на несколько лет, научился влиять на массу, преодолевать отсталость, косность в людях, идти наперекор трудностям, все чаще обнаруживал самостоятельность в решениях и организаторские навыки, — одним словом, я постепенно вырастал в еще хотя и маленького по масштабам, но политически все более сознательного руководителя. Тут начался первый, страшный разгром партизанского движения японскими силами (таких разгромов я пережил за время партизанской борьбы *два*), потянулись недели тяжких поражений, потерь, голодовок; немыслимых (по расстояниям и по быстроте движения) переходов из района в район. А за неделями потянулись месяцы и месяцы... И в этом ожесточении борьбы, в этом новом, уже совсем взрослом мире большой политической ответственности, в мире новых дружб и привязанностей на почве совместных испытаний — как-то сам собой, незаметно для меня, милый прекрасный образ первой моей любви все отдалялся и отдалялся от меня в дымку далекого-далекого прошлого, дымку золотого, неповторимого, навсегда ушедшего детства... Так сама собой и ушла в эту дымку моя любовь к Вам, милая, милая моя Ася! Самый Ваш образ все более отдаленно, все менее ясно выступал из этой дымки в памяти моей, он точно растворялся, таял, пока даже черты его не стерлись совершенно в моей памяти... Теперь даже невозможно вспомнить, когда именно произошло это, но это тоже произошло с той жестокой, естественной жизненной неизбежностью, с какой Вы не могли полюбить меня в те годы. Теперь, когда я по Вашим письмам знаю, что это совершилось во мне как раз в ту пору, когда мы, Ваши друзья, и я лично — все более

и более становились нужными Вам, что это совершилось в период все более нарастающего Вашего одиночества и нависших над Вами личных несчастий, — мне тяжело писать об этом. Но я снова повторю то, что написал Вам в одном из писем: то, что составляет особенную прелесть юности, часто является и причиной ее несчастий. Я сильно и непосредственно любил Вас, не думая о причинах возникновения и о последствиях этой любви. И так же непосредственно, по естественному ходу жизни любовь моя ушла. Я не мог тогда думать, как отразится это на всей моей последующей жизни. А это отразилось на моей жизни, как Вы потом увидите, очень сильно и отразилось печально для меня, потому что я утратил одну из самых больших и самых естественных (возникших из самой жизни!) возможностей личного счастья, может быть, *единственную* возможность! Да, в юности часто кажется, что тебя еще многое, многое ждет, а между тем истинная большая любовь — редкость, она неповторима, утрата ее часто невознаградима совсем. Но я, собственно, не думал тогда, что меня *многое* ждет, я никого не полюбил и ником не увлекся, — любовь ушла из моего сердца сама собой, я остался один. Конечно, я к тому времени уже становился юношей-мужчиной, женская красота томила меня, но я никого не любил, и, хотя я уже сам многим нравился, это отсутствие любви не позволяло мне поступать так, как поступали многие юноши вокруг меня, т. е. сходиться без любви.

Как это ни печально, но я забыл Вас совершенно и «окончательно». После переворота, когда партизаны вошли в города (отряд, в котором я тогда находился вместе с Игорем и Анатолием Тайновым, пришедшим позже нас всех в партизаны, отряд этот вошел в Спасск), — я в феврале 1920 года был послан во Владивосток по делам Спасского гарнизона. Я провел во Владивостоке недели две, виделся со всеми товарищами по владивостокскому подполью. И у меня даже мысли не шевельнулось — увидеть Вас. Настолько все это ушло, как что-то наивное и детское, в далекое прошлое. Конечно, если бы судьба судила тогда нам случайно встретиться, чувства мои вспыхнули бы с новой силой, потому что душа моя была свободна, я был уже юношей-взрослым, который не только был бы приятен Вам, как старый друг, а мог бы произвести на Вас и более сильное впечатление, — наконец,

Вы сами повернулись бы ко мне новыми сторонами. Но случайно мы не встретились, а во мне уже не было потребности Вас искать.

После этого прошли еще месяцы больших испытаний, боев, мое первое ранение, — снова нависала угроза возвращения белой власти (во Владивостоке существовало какое-то странное коалиционное правительство от кадетов до большевиков), Сергей Лазо вместе с моим старшим двоюродным братом Всеволодом Сибирцевым был сожжен японцами в паровозной топке, — и вот я вновь попал во Владивосток. Я жил на даче у Сибирцевых, на 26-й версте, — жил около месяца; это была вторая половина августа и первая сентября 1920 года. Стояла чудесная, солнечная погода. Я столько пережил за истекшие полтора года, что был просто влюблен в этот солнечный Владивосток с окружавшими его сверкающими от солнца бухтами и заливами. Мне так не хотелось уезжать, но нам — мне, Игорю и Тамаре Головниной — предстояло по фальшивым документам с китайскими визами ехать через Гродеково, Харбин, Сахалян в Благовещенск, где в это время уже не было японцев и была наша власть. И вот я жил под Владивостоком и в самом городе около месяца, душа моя, повторяю, была свободна, но мне и в голову не приходило искать Вас.

Ах, милая моя, родная моя Асенька, — жизнь действительно жестока! Теперь по Вашим письмам видно, что это была в духовном смысле тяжелая пора Вашей жизни, что я был бы очень нужен Вам в ту пору. Сам я был уже взрослым, даже физически «взрослым», много испытавшим, закаленным юношей, — как раз прошли те два года, которых мне не хватало, чтобы Вы могли полюбить меня! — но в сердце моем уже не было ничего, что натолкнуло бы меня на то, чтобы встретиться с Вами, искать Вас. Так прошли мы рядом, мимо друг друга, и Ваша жизнь пошла вопреки лучшим Вашим мечтам, а моя тоже была обречена на глубокие личные несчастья.

Другие мальчики из «коммуны» в это время не могли с Вами встретиться, если бы они и хотели. Первый разгром партизанского движения в июле 1919 года захватил их, когда они двигались на север от Спасска, организуя партизанские отряды. С большими трудами, нелегально они тогда добрались до Владивостока и, сменив прежние фальшивые документы на новые, пароходом доплыли до

Николаевска-на-Амуре. Там они связались с местными подпольщиками-большевиками, потом с партизанами, пережили чудовищную «тряпицынскую» эпопею, о которой я Вам когда-нибудь расскажу устно, и, проделав более тысячи километров пешком и сотни километров пароходом по Селемдже и Зее, добрались до Благовещенска, где мы с ними и встретились в начале октября 1920 года, чтобы через несколько дней вновь разлучиться.

Как потом показала жизнь, моя юношеская неудача в любви была для меня крупным поражением. Теперь, конечно, ясно видно, почему Вы так сильно и надолго запали мне в душу в те ранние годы. Вы были девушкой с поэтической душой и, конечно, очень выделялись в довольно, в общем, заурядной, зараженной мелким практицизмом среде. А я тоже был мальчишкой с божьей искрой в душе и, конечно, не мог не почувствовать этого в Вас и не выделить Вас среди других. И Вы действительно были очень романтической девушкой, полной таинственных душевных движений, — не притворных (как это бывает у многих девушек), а действительных, не осознанных Вами, порожденных Вашей природной талантливостью. У Вас, конечно, не хватило каких-то качеств воли (и не сложились так жизненные обстоятельства), чтобы на каком-то этапе жизни развить в себе определенную сторону Вашего таланта в области искусства, — поэтому Вы не стали профессиональным художником или музыкантом (а я не сомневаюсь, что Вы могли бы и этого достичь), а остались на всю жизнь *художественной, поэтической натурой:* Ваш талант проявляется «рассеянно» — во всей Вашей жизни и деятельности, во всем, чему Вы предаетесь, — в любви к природе, к художественным занятиям, в простом жизненном обаянии, чувствуемом любым человеком с живым сердцем среди окружающих Вас людей, в Вашей работе учительницы, где Ваше талантливое сердце и ум, преодолевая рутину, все время находят и вкладывают что-нибудь свое, — наконец — в Вашем сыне, который по своему духовному облику целиком Ваш продукт, и его естественность, непосредственность, прямота и тоже талантливость — это от Вас. Эту Вашу талантливость, разлитую во всем, я прежде всего почувствовал по первым же Вашим письмам — тогда из Узбекистана, а потом с Дальнего Востока. А Лева — это Ваша колоссальная жизненная победа. Все-таки жизнь умеет

не только приносить несчастья, но и сторицей возмещать за них. Не будь у Вас того неудачного брака, не было бы у Вас Левы, именно такого, и физически и духовно, как он в конечном итоге сложился.

Вот эту Вашу глубокую поэтичность и чувствовала душа «умненького мальчика с большими ушами», потому что в его душе тоже гнездилась неосознанная талантливость. Мы были выходцами из среды трудовой интеллигенции; в юности, а тем более в детстве мы не думаем об этой стороне жизни, а между тем общность, родственность социальной почвы — огромная сила в отношениях не только взрослых, но и детей, — наконец, мы были одно поколение, вовлеченное в великий поток революции (мы были вовлечены по-разному, но эпоха перелома застала нас в одном возрасте), и в нашем духовном мире было много общего, очень много. В конце концов потребовалось всего несколько лет (к Вам это, очевидно, пришло, когда Вы работали на Артеме и когда справились со своей душевной и физической травмой), чтобы наш духовный мир стал в основном общим, хотя мы уже жили далеко друг от друга, каждый своей жизнью. Вот каково было то редкостное жизненное сочетание, которое неудержимо влекло меня к Вам....

Развитой, талантливый, сильный юноша, пользующийся, в общем, успехом у девушек, я долгие годы, после того как ушла моя любовь к Вам, не мог никого полюбить. Конечно, во мне уже заговорил пол, началась пора увлечений определенного порядка (с неизбежно возникающей на этой почве в юности некоторой духовной «надстройкой»). Но я был чист душой и телом, какой-то внутренний голос говорил мне «не то, не то», и до конца 1922 года это были увлечения, скрытые во мне самом, — я не добивался предмета своего увлечения, а скрывал от него свои чувствования. Одно из этих увлечений было все-таки довольно сильным, и, если бы мне на него ответили, наверно, мы сошлись бы. Но, к счастью или несчастью, этого не случилось. Девушка была на 4 года старше меня, любила другого и вышла за него замуж как раз в тот день, когда я лежал тяжело раненный на финском льду под Кронштадтом. Я сначала сильно огорчился, но уже через неделю забыл о «любви» к ней, и это было лучшим свидетельством того, что это была не любовь.

Такая невозможность полюбить кого-либо, после того как я беззаветно любил Вас на протяжении четырех лет,

во-первых, свидетельствовала опять-таки об известной незаурядности моей в общем страстной натуры, не позволявшей мне размениваться на чувства мелкие, а во-вторых (это мне стало понятно уже лет 10—12 спустя), подтвердила мне, насколько подлинно глубоко я, юноша-мальчик, любил Вас и каким несчастьем было для меня, что это «не вышло».

Собственно говоря, впервые после нескольких лет полного забвенья я вновь вспомнил о Вас, и вспомнил с какой-то отдаленной нежностью и даже некоторой смутной надеждой, как раз после того, как Гриша и Голомбик видели Вас и, приехав в Москву, рассказали о Вас. Не знаю, видели ли они «Нон Эсма», но они рассказали о Вашем браке как о неудачном. Конечно, они не знали того, что Вы вышли замуж за поэта, не знали его псевдонима, говорили просто, что Вы вышли замуж за одного из сыновей Матвеева.... Я, между прочим, знал семью Матвеевых и где они жили. Я знал самого старика, знал и знаю одного из его сыновей, который работал тогда в кооперации Владивостока, а сейчас работает в кооперации в Москве, знал другого его сына, поэта-футуриста, который писал под псевдонимом «Венедикт Март», знал младшего Матвеева, который был в партизанах, а «Нон Эсма» я почему-то совершенно не помню. После Вашего письма ко мне прошлым летом я даже невзначай спросил поэта Николая Асеева, который в наши с Вами годы был во Владивостоке и знал поэтическую среду, знавал ли он «Нон Эсма», — он мне сказал, что «был такой». Но я лично не смог его вспомнить.

До конца 1922 года, несмотря на то, что я оставался одиноким, я все-таки чувствовал себя на известной моральной высоте. Но я стал уже мужчиной, а любовь ко мне так и не приходила, и в конце концов я вступил на обычный путь мужчин в моем положении: стал сходиться с женщинами без любви, по увлечению. Это, конечно, было большим моральным поражением моим. Я человек по природе очень правдивый, тем более с самим собой. А в такой жизни лжешь и самому себе, и другому человеку. Среди женщин, с кем я сходился, были и искренне любившие меня или, во всяком случае, связывавшие со мной известные надежды. Не подумайте, что я «пустился во все тяжкие», — нет, до того, как я наконец полюбил и женился (это случилось только в конце 1925 года), было

несколько таких схождений по ложному чувству. Конечно, вряд ли меня можно теперь за это осудить, но тогда это меня невероятно угнетало. Мне чуждо пошлое морализирование, — угнетало это меня, главным образом, потому, что я глубоко чувствовал возможность настоящей любви в своем сердце, и не находил этой любви, и жалел и себя, и тех, кто разменивал свои чувства вместе со мной. Если бы я знал тогда, что самое большое несчастье принесет мне как раз моя первая «настоящая» любовь с взаимностью!

Об этом я напишу Вам в следующем письме. Может быть, Вам и менее интересно читать о людях, которые уже никак не связаны с нашей с Вами юностью, но — «из песни слова не выкинешь».

Родная моя, это уже пятое письмо, которое я пишу Вам: два я отправил авиапочтой, одно простое бросил в почтовый ящик, а одно передал Леве на руки вместе с книгами для Вас. Лева и Нина снова навестили меня в Барвихе, и мы опять очень дружно и весело с ними болтали.

Я посылаю Вам некоторые свои карточки — одни более раннего периода, другие более или менее современные. (На обороте есть даты и некоторые пояснения.) Вы можете их себе оставить, если Вам будет это приятно, кроме большой, — где я и два моих сына. Она — единственная, а Вы сами знаете, как иногда хочется зафиксировать, остановить на месте определенный возраст ребят: нет-нет да и посмотришь и умилишься! ...

Саша.

170. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

6 мая 1950 года

....Ваш отрывочек — в тон всему, что я эти дни писал навстречу Вам. Насколько я понял, в нем отражен период «гайдовского» восстания? Или позже? Или Вы соединили внешние события (обстановка восстания, переворота) лета 1918 г., когда выступили чехи и белые, а большевики, рабочие Владивостока защищались (тогда тоже шли бои за вокзал и за штаб крепости — против вокзала), — соединили это с Вашими внутренними переживаниями периода

1919—20 гг.? Всю эту внешнюю обстановку и этих девочек с разными характерами — все это видишь и чувствуешь. И это говорит о том, что если бы Вы в свое время направили усилия своего неосознанного таланта в область литературы, — из Вас мог бы выйти литератор. В отрывке чувствуется отсутствие техники, «школы», опыта, но душевный правдивый голос пробивается сквозь эти недостатки, а это — главное. О людях (особенно из среды интеллигенции), не нашедших себя в первые годы революции, о девушках, таких, как Аля, за тридцать с лишним лет написано было много хорошего, — достаточно назвать роман А. Толстого «Хождение по мукам». В этом смысле, отрывочек из Вашего «неоконченного романа» уже устарел, но меня волновало все это, потому что это — наша юность; воображение мое так много дополняло, и хорошо мне было оттого, что это — Вы, и грустно было, что все это было так давно....

Мне даже не хочется писать о тех периодах своей жизни, которые не связаны с Вами, — пишу только потому, что Вы не раз в своих письмах просили об этом....

Жена моя, Валерия Анатольевна Герасимова, была человеком хорошим, незаурядным, — когда мы сходились, она уже была известна как писательница.... Очень многое от ее характера я вложил в Лену Костенецкую («Последний из удэге»), довольно точно описал ее наружность (только к моменту нашего знакомства она уже не носила косу и была на четыре года старше Лены), и кое-что в описании биографии Лены я заимствовал из ее биографии. Она, правда, не потеряла матери в детстве, как Лена, — мать ее умерла совсем недавно, — но, будучи дочерью ссыльного революционера с превратной судьбой, свойственной этой «профессии», она воспитывалась не в своей семье, а у богатых родственников на Урале. Ее путь к революции, если взять его не с фактической стороны, как он дан в романе, а психологически, более или менее сходен с путем Лены....

В 1932 году.... мы разошлись навсегда.... У меня сохранились с ней на всю жизнь дружеские отношения, но видимся мы очень редко, случайно.

Я же все эти годы — с 1930 по 1936 — скитался по свету и окончательно, как мне казалось, не мог никого долюбить. В своем одиночестве, вполне уже зрелый человек, я много размышлял над этой стороной жизни своей и

сопоставлял с жизнью других. И я понял (и просто увидел по жизни других), что наиболее счастливыми и наиболее устойчивыми, выдерживающими испытание времени, бывают браки, естественно (по ходу самой жизни) сложившиеся из юношеской дружбы, дружбы, носящей или с самого начала романтический характер, или превращающейся в романтическую спустя некоторый срок, но дружбы не случайной, а более или менее длительной, уже сознательной, когда начинают складываться убеждения, формироваться характеры и подлинные чувства. Необыкновенная чистота и первозданность такого чувства, его здоровый романтизм, естественно перерастающий в подлинную любовь, где молодые люди впервые раскрывают друг в друге мужчину и женщину и формируют друг друга в духовном и физическом смысле, рождение первого ребенка — все это такой благородный фундамент всей последующей жизни! Жизнь сложна, обрастает бытовыми трудностями, несчастьями, а главное — обыденностью; не застрахована она и от увлечений сердца — таких, какие могут нанести рану человеку, связанному с тобой всю жизнь; совместная жизнь с годами кажется иногда уже лишенной чувства и смысла. Но это — только поверхностное ощущение. Стоит всколыхнуть привычный быт опасностью разлуки или гибели одного из любящих, потрясти душу какимнибудь сильным, высоким переживанием, как вдруг снова, точно молнией, пронзит воспоминание юности, счастья первых лет, общих мечтаний, надежд, той близости, через которую физическая природа человека так прекрасно выражает всю духовную сторону любви, — первого плача ребенка, впервые переданного в руки отца из рук матери, — все это вновь и вновь осветит жизнь светом юности и любви, заставит переступить через все горькое, трудное, обидное, скучное, обыденное и будет скреплять жизнь невидимой духовной связью до ее последнего конца. Нет, должно быть, бо́льшего счастья, как спустя десять, пятнадцать, двадцать лет снова и снова сказать любимому человеку: «А помнишь?..» Как это, должно быть, очищает душу!...

Мне было как-то особенно тяжело жить (в смысле жизни личной) вот в эти тридцатые годы, годы самого большого моего одиночества. Но, конечно, жизнь все-таки взяла свое, и в 1936 году я женился — женился по любви.... У нас — дети, которых я так несправедливо и жестоко был

лишен в молодые годы и о которых я так мечтал. Жена моя — актриса Московского Художественного театра, Ангелина Осиповна Степанова — актриса очень талантливая, всю свою духовную жизнь отдающая этому своему любимому делу. В быту она мало похожа на «актрису» в привычном понимании, она — большая семьянинка, страстно любит детей, просто одевается, штопает носки своему мужу и «пилит» его, если он выпьет лишнюю рюмку водки....

Вот, моя золотая подружка, я и рассказал Вам всю свою жизнь. Теперь в следующем письме мне остается рассказать Вам все, что я знаю о всех людях, каких мы вместе с Вами знали в нашей юности, но о ком я еще Вам не писал....

Я посылаю Вам серию фотографий 1933—35 гг.

....В 1935 году, в сентябре, я уехал с Дальнего Востока и был послан с делегацией писателей и журналистов в Чехословакию, а по возвращении поехал отдыхать под Сухум. Мои фото относятся к периоду пребывания на Дальнем Востоке, в Чехословакии и в Сухуме. А чтобы Вы не подумали, будто я стремлюсь «молодиться», я прибавляю два фото более современных (на одном из них, там, где мы втроем, — справа от меня писатель Александр Корнейчук, а еще правее член-корреспондент Академии наук, философ П. Н. Федосеев, — это единственное фото Вы мне верните, когда оно Вам наскучит)...

Ваш *Саша.*

171. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

11<—12> мая 1950 года

....Сегодня опять сел, наконец, за «Молодую гвардию». Сейчас уже поздно-поздно, но я еще пойду побродить по ночному парку, надев толстое пальто. Чуть потеплело после северного циклона, моросит мелкий-мелкий весенний дождь и чертовски пахнет тополями, черемухой....

12 мая

Сейчас 8 часов вечера. Кажется, разница между нами во времени тоже 8 часов. Наверно, Вы сейчас сладко-сладко спите.... А может быть, Вы вовсе и не сладко спите, а сон Ваш беспокоен: судя по Вашим письмам (некоторым — в том числе и этому, последнему), есть люди, кото-

рые Вас обижают или, по крайней мере, их существование Вас расстраивает. Люди «мелкие, ничтожные», о которых Вы пишете, еще, к сожалению, существуют и встречаются на пути каждого человека. Правда, если строго разобраться, это в большинстве люди просто невоспитанные или загнанные в такое моральное состояние обстоятельствами жизни, т. е. люди — исправимые. А бывает и так, что люди, видящие наши слабости, не замечаемые нами самими, по этим слабостям расценивают *нас* как людей плохих и тоже «ничтожных» и критикуют нас резко, даже со злостью, а мы — не в силах занять объективную позицию по отношению к себе самим — также необъективно расцениваем этих людей *хуже,* чем они есть на самом деле. Но попадаются и просто плохие люди, и даже злодеи без всяких кавычек, — с ними надо уметь бороться, иначе они могут просто погубить человека. Вы написали бы мне, Асенька, что вас так расстраивает? Я, можно сказать, старый боец, поседевший в жизненных битвах — военных, идейных, моральных, практически-деловых, и, может быть, смогу дать Вам полезный совет.

А сейчас, чтобы развлечь Вас, расскажу Вам о некоторых наших общих друзьях, знакомых и просто о людях, когда-то нам известных.

Вы несколько раз спрашивали о сестре моей Тане. Она до 1927 года работала на Дальнем Востоке — большей частью в сельских районах и, кажется, главным образом по линии женотделов, которые тогда еще существовали. Потом она окончила в Москве Политико-просветительный институт и некоторое время работала в провинции преподавателем общественных наук в вузах, а потом — в период войны — снова перешла на работу в сельских райкомах в качестве агитпропа. В 46-м или в 47-м году ее взяли на работу в аппарат ЦК ВКП(б) — тоже по линии агитации и пропаганды.... В Ленинграде живет самая младшая и единственная оставшаяся из Сибирцевых, моя двоюродная сестра Вероника или Нича (теперь ей лет 46—47, не меньше), в годы нашей юности она была совсем девчонкой, училась в Зеленой гимназии, и Вы ее, наверно, не помните. Она со своей дочерью Рогнедой (теперь тоже замужней) была в Ленинграде в дни блокады и чуть не погибла от голода. Подробно не буду писать об этом, так как надеюсь в ближайшие недели разыскать книжку своих очерков «Ленинград в дни блокады» и послать Вам — там это

все описано. Я был дважды в блокированном Ленинграде — меня забрасывали туда и обратно самолетом — в качестве военного корреспондента «Правды»; я провел там первый раз три месяца, а второй — $1^1/_2$, — главным образом, мне приходилось быть на различных участках Ленинградского фронта — на финском направлении, на Пулковском и особенно в направлении от Колпино, но много времени я проводил и в самом городе. Вот после первого своего трехмесячного пребывания я и написал эту книгу. Муж Ничи, капитан дальнего плавания (их роман развертывался во Владивостоке, в дни их ранней юности, 1919—1922 гг., чем и объясняется пожизненная крепость их брака), — муж ее в первые годы войны был задержан с пароходом и интернирован в Гонконге, городе, захваченном тогда японцами, и смог вернуться к семье только в 1944 или 45 году, через Китай.

Я изредка перебрасываюсь письмами и — еще реже — встречаюсь с Тамарой Головниной. После гражданской войны она окончила Сельскохозяйственную академию имени Тимирязева и с той поры работала в разных концах страны (некоторое время и на Дальнем Востоке) в качестве агронома, партийного работника в сельскохозяйственных отделах обкомов партии, директора совхозов. Но последние годы она специализировалась как агроном-педагог в сельскохозяйственных школах, которые у нас обычно прикреплены к специальным учебным совхозам (для практики). Теперь она руководит под Псковом постоянными краткосрочными курсами по агрономическому образованию председателей колхозов и соответственно является директором опытного, учебного совхоза.... В 1921 году она вышла замуж за одного работника Коминтерна. (После своего ранения под Кронштадтом я пять месяцев пролежал в госпитале в Ленинграде, а когда выписался, они — Тамара и муж — как раз приютили меня в Москве, в своей маленькой комнатке, — я начал готовиться в Горную академию.) Но.... они.... через несколько лет разошлись. После того Тамара так уж и осталась одна (тоже с девочкой!) — теперь, понятно, «девочка» уже давно замужем.

Расскажу подробнее о Жене Хомякове. Он до 27 или 28 года работал на Дальнем Востоке, последнее время в Никольске. Там он женился.... Как трагически сложилась вся его судьба, если вспомнить, в какой исключительно интеллектуальной семье он вырос! Вместе с тем я до сих

пор не могу без юмора вспомнить, как мне в годы партизанской борьбы пришлось проявить жестокую «неблагодарность» по отношению к некоторым друзьям своего детства. В разные периоды детства я был более или менее дружен не только с Женей, но еще с одним парнем (пишу нарочно «парнем», потому что это был в двенадцатилетнем возрасте неимоверно рослый детина....) — Гришей Кравченко, и еще дружил я с одним одноклассником — Шурой Дрекаловичем. У их родителей, особенно у Кравченко, были большие хутора: у отца Жени, лесного ревизора, — под Шкотовом, у Кравченко — в деревне (кажется, Петровке) по ту сторону Уссурийского залива (не Амурского, а именно Уссурийского), а у Дрекаловича — по эту сторону Уссурийского залива, на самом берегу. Отец Кравченко был очень крупный богатый кулак, — не помню, чем занимался отец Дрекаловича, но с Шурой мы были близки на почве совместного пристрастия к охоте, — на их хуторе обычно останавливались экскурсии коммерческого училища, выезжавшие на побережье залива изучать в береговых отложениях «аммонитов» и «белемнитов». Так вот мне фатально пришлось участвовать в 1919 году в разорении партизанами всех трех этих хуторов! Хутора эти — в силу их благоустроенности и обширности — всегда служили базой для командования белых карательных экспедиций. Кроме того, в амбарах было много хлеба, а в конюшнях, пунях и хлевах — немало лошадей, коров, свиней — все это было захвачено для партизанских отрядов. Можете себе представить, как интересно мне было на хуторе Хомякова, спустя несколько месяцев после того, как я пользовался его гостеприимством! К чести моей сказать, я не испытывал решительно никаких угрызений совести. Никого из хозяев, понятно, не было уже на хуторе, но прислуга и работники Хомяковых меня узнали и пытались через меня отстоять хозяйское добро. Пришлось мне прочесть им целую лекцию о революционной законности....

Не могу уже попутно не рассказать, что я чуть не встретился в Шанхае с многими бывшими «соучениками» по училищу, бывшими белыми эмигрантами, а теперь получившими советское гражданство, но живущими попрежнему в Шанхае. Я не встретился с ними только потому, что пробыл в Шанхае всего лишь один день (утром приехал с делегацией, а консул мне сообщил, что меня вызывают в Москву — надо срочно выезжать на пленум

Всемирного Комитета Мира в Италию, — и я в тот же вечер уехал). А меня они, оказывается, ждали, так как по газетам было известно, что мы приедем. И с одним из членов нашей делегации, пробывшей в Шанхае несколько дней, они передали для меня подписанное коллективно письмо, — я его получил уже в Москве. Многие фамилии мне уже ничего не говорили — я просто их забыл. Смутно вспомнилась фамилия Дмитрия Петрухина, но лицо его выпало из моей памяти. Вспомнил я из подписавших только «Карлушу» Гартмана, красивенького женоподобного мальчика из немцев (не путайте с Петей Гартманом, который жил со своей матерью в общем с нами дворе на Комаровской), и Бориса Рабиновича, — он был знаменитый во Владивостоке теннисист, и потому я его запомнил. (Этот, конечно, в белой армии не мог быть, а просто богатые родители увезли от советской власти в Шанхай.)

Продолжаю, однако, про Хомяковых. После того как Женя так печально и бесславно закончил свою жизнь (это случилось уже в 29-м или 30-м годах, где-то в Сибири), спустя несколько лет я опять встретился в Москве с В..... Он дал мне почитать какие-то свои рассказы, — они были плохие, о чем я ему сказал, но он все-таки не послушался меня и вскоре стал профессиональным журналистом, на случайном заработке.... Позже мы встречались с ним довольно часто, он как-то бедствовал, ныл, что его «не признают» и вообще на глазах опускался духовно, пока вовсе не исчез с горизонта. И опять как-то грустно сознавать, что такая печальная судьба постигла в общем довольно славного и незаурядного (по природным данным) человека из прогрессивной и тоже очень интеллектуальной семьи, — его отец был известный во Владивостоке (демократичный по отношению к людям-труженикам) врач. Но самое грустное впечатление на меня произвела Ада Хомякова, которую я встретил неожиданно осенью 34 года в Хабаровске, когда во второй раз приехал навестить родные края и поискать счастья. Это было одинокое.... существо, вернувшееся на Дальний Восток, потому что там служил в пограничных войсках ее и Женин брат — Сергей. (В детстве его звали Дюдя, и я использовал это смешное прозвище в «Последнем из удэге», — конечно, в применении к типу, ничего не имеющему общего с Сергеем.) Оказалось, что они только двое и остались в живых из семьи Хомяковых. Остановилась она (приехала она не-

задолго до меня) на квартире тоже бывшего ученика коммерческого училища Б. (забыл его имя — кажется, Борис; он и в детстве.... был.... довольно смазливый, сильно кудрявый и — очень «не-мальчишка»; такой белоручка, «маменькин сынок»). Б. очень ко мне подлизывался; жена у него была из тех не работающих и не имеющих детей «светских» провинциальных дам, которые попадаются иногда среди жен ответственных работников; а Ада почему-то встретила меня подчеркнуто недоброжелательно. Я думаю, это объяснялось тем, что я был невольным свидетелем ее жизненного краха, одинокой и жестокой судьбы, а я, должно быть, казался ей очень «устроенным», «знаменитым», «счастливым», и гордость ее выставляла как бы «заградительные щиты», чтобы я вдруг не стал ее «жалеть»....

Бегло еще о некоторых. Анатолий Тайнов работает в Москве в Министерстве лесной промышленности. Теперь он временно, уже больше года, работает в Китае — послан туда в числе наших специалистов разных областей деятельности для помощи Китаю, — мне не удалось там с ним встретиться, мы разминулись. В Москве мы с ним иногда встречались. Мать его жива, передайте это Вашей маме. Если ей интересно будет написать своей старой подруге по Народному дому, я могу узнать ее адрес. Она все время жила у своей дочери Веры в Солнечногорске, под Москвой, и я, в год-два раз, обменивался с ней письмами, но теперь, по-моему, она перебралась в семью сына в Москву. Чаще всех я вижу Павла Далецкого (мне частенько приходится бывать в Ленинграде).... До начала тридцатых годов попадалась мне в Москве время от времени Фира Бородина (кажется, из «Коричневой»). В годы нашей юности, особенно в период забастовки учащихся, она работала в Союзе учащихся вместе с такой толстой и симпатичной гимназисткой Флоренской. В те далекие времена у Гриши и Фиры Бородиной были какие-то сложные «идейные» отношения, но, судя по всему, носили они не только платонический характер. Гриша раньше нас всех, — очень рано, еще в деревне, — вкусил от древа познания добра и зла, — среди трех мушкетеров он был хитрым Арамисом. Эта Фира окончила в Москве экономический институт и одно время работала плановиком на заводе в Замоскворечье, а я был прикреплен к этому заводу по партийной линии. Но потом меня открепили от этого завода, а ее тоже увлек куда-то жизненный поток,

...Пишу Вам все это только из предположения, что Вы помните этих людей, и это, может быть, Вам интересно, любопытно. Жизнь — великая разлучница и бог весть куда развеяла остальных! Это почти все, о ком могу предполагать, что известны они были и Вам. Еще о некоторых расскажу при встрече, — ведь встретимся же мы когда-нибудь! ...

Саша.

172. К. А. КУЗЬМИНОЙ

Май 1950 года

Дорогая товарищ Кузьмина!

Извините, что отвечаю Вам с некоторым запозданием, как всегда. Из моей телеграммы и письма директору школы Вы уже, наверно, знаете о моей неудаче с организацией экскурсии и о некоторых успехах в удовлетворении других нужд школы.

Как мне ни жаль, что такой квалифицированный и талантливый педагог, как Вы, собирается покинуть школу, которая мне дорога, я, разумеется, не имею оснований Вас осуждать. Думаю, что Вы действительно засиделись в Чугуевке и, может быть, Вам трудно в описываемых Вами условиях развернуть Ваши способности. Трудно именно Вам, — то есть учитывая особенности Вашего характера. Если Вам нужна какая-нибудь помощь с моей стороны, напишите мне. Как я Вам уже писал, вряд ли возможно устроить Вас на работу в Москве, но, может быть, мне удалось бы пособить Вам в переводе на работу в другой город. Если во время отпуска у Вас есть возможность добраться до Москвы, то я свел бы Вас с работниками Министерства просвещения и походатайствовал бы за Вас. По возможности нашего Союза писателей я мог бы предоставить Вам на 2—3 недели бесплатное жилье и приличное дешевое питание. Кое-что Вы успели бы за это время и посмотреть.

Ваше замечание о том, что начальные и неполные средние школы, особенно в сельских условиях, дают плохо подготовленный контингент учащихся, совершенно справедливо. Не вполне законен только Ваш гнев на учителей этих школ, и наказание, которым Вы им угрожаете, чрезмерно. Среди них, безусловно, есть люди и недобросовест-

ные, но большинство из них не виновато в том, что их самих плохо воспитали. Они сами нуждаются больше в воспитании и образовании, чем в репрессиях.

Со своей стороны, поскольку я считаю весь Чугуевский район как бы «подшефным» мне, я подумываю обратиться к учителям начальных школ района со специальным обращением по затронутому Вами вопросу (разумеется, без упоминания Вашего имени) и, может быть, опубликовать это обращение в краевой газете, чтобы к нему прислушались учителя и других начальных школ области.

Если собираетесь в Москву, телеграфируйте мне или напишите.

Крепко жму Вашу руку.

А. Фадеев.

173. РЕНЕ ЛИРУ

<Май—июнь 1950 года>

Дорогой товарищ и собрат по перу Рене Лир!

Я очень признателен Вам за дружеское послание, за книгу «Пушкин» и вырезку из газеты «Ле Леттр франсэз» (бельгийское издание) от 7/IV, где помещено Ваше стихотворение, написанное под впечатлением фильма, который Вы видели в Будапеште. Мне дороги сердечные слова поэта о моем произведении, которое написано о войне, но должно служить столь близкому нам делу борьбы за мир.

С искренним приветом

А. Фадеев.

174. И. Л. СЕЛЬВИНСКОМУ

13 июня 1950 года

Дорогой Илья!

По поводу пьесы «От Полтавы до Гангута» я говорил с Симоновым: ему пьеса нравится так же, как и мне. Его замечание касается только шпионки Гамильтон и совпадает целиком с моим: не делать ее любовницей Петра и «количественно» поужать ее роль (чтобы она не занимала такого большого места по сравнению с другими, более

важными персонажами). Он — целиком за печатание, будет говорить с Твардовским и Кожевниковым.

С Кожевниковым я уже говорил. Он хочет печатать пьесу такого содержания (сейчас перед историками вновь ставят требования о книгах, посвященных победам русского оружия, — это должно иметь свою проекцию и на художественную литературу) *и ищет тебя*. Если Твардовский не хочет печатать, давай пьесу в «Знамя». На Секретариате поставим в крайнем случае, но я думаю, вопрос решится обычным литературным путем.

Нужные тебе цитаты из Белинского (о Гете) возьми в следующих его работах:

1. *Речь о критике. Статья первая*. Цитата начинается словами: «Байрон, Шиллер и Гете — это философы и критики в поэтической форме...»

2. *Взгляд на русскую литературу 1847 года*. Начинается словами: «Обыкновенно ссылаются на Шекспира и, особенно, на Гете...» — и дальше идет предлинный абзац, кончающийся развернутым рассуждением о Фаусте.

Как твое здоровье?

Пишу по всяким вопросам твоего леченья Берте Яковлевне.

Были бы рады видеть вас. Ко мне всегда можно после 7 часов вечера (когда сессия Верховного Совета кончится).

Ангелина Осиповна с 4 июля будет в отпуску. Заходите к нам.

Крепко жму руку.

А. Фадеев.

P. S. Если у тебя под рукой нет Белинского, заходи завтра часов в 10 вечера, перепиши у меня.

(Овчар «на чепи», вход в дачу безопасен.)

175. С. В. МИХАЛКОВУ

27 июля 1950 года

Дорогой Сережа!

Очень, очень прошу тебя выступить вместе со мной и Маршаком в 8—9 часов вечера в центральной экскурсионной базе Министерства просвещения (это — одна из

школ Москвы, на Ново-Слободской улице, где скопились школьники-экскурсанты, человек 500, из разных медвежьих углов Советского Союза). Я влип в это дело так: после моих стараний приехала в Москву из родного моего села Чугуевки экскурсия учащихся и остановилась в этой школе. Я пришел их навестить и попал в лапы заведующей базой. Обещал приехать 1-го вместе с тобой и Маршаком. Маршак дал согласие. Я заеду за тобой на квартиру в районе 8 часов вечера.

Буду очень тебе обязан, если ты прихватишь с собой Кассиля. Уговори его от моего имени, — я не мог его поймать по телефону, а живу на даче, — и пусть он будет у тебя 1-го, около 8-ми.

Был бы рад, если бы вместе с нами выступила и Наташа. Сердечный ей привет. Поцелуй ребят.

Жму твою руку.

Твой *А. Ф.*
(эсквайр).

176. С. С. ПРОКОФЬЕВУ

15 августа 1950 года

Уважаемый Сергей Сергеевич!

Прошу извинения, что не откликнулся сразу на два Ваших письма: я находился в самом разгаре работы над новыми главами «Молодой гвардии», и очень было трудно оторваться для других дел. Только теперь, когда работа подходит к концу, имею возможность Вам ответить.

Я прочел тогда же присланный Вами вариант текста и вообще согласился с двумя Вашими критическими замечаниями при общей высокой оценке стихов. Но спустя несколько дней мне пришлось по семейным делам выехать в Москву, и Самуил Яковлевич прочел мне по телефону последний вариант, который мне очень понравился. Все мои критические замечания отпали. Я допускаю, что текст, может быть, несколько длинноват. Но во-первых, стихи настолько хороши, что некоторые из них можно дать в чтении: думаю, что это можно гармонично сочетать с музыкой. Во-вторых, Вы можете в конце концов и изъять то, что не ляжет на музыку и вообще не нужно

Вам по Вашему замыслу. В тексте, повторяю, так много хорошего, что есть из чего выбрать.

Обо всем этом я просил Маршака рассказать Вам при встрече.

Как идут Ваши дела?

Надеюсь через 10—15 дней окончательно отделаться от романа и буду рад тогда встретиться с Вами.

Желаю Вам всего доброго.

Ваш *А. Фадеев.*

177. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

17 августа 1950 года

Получаю все твои письма — дорожные и не дорожные. О судьбе их ты не волнуйся, так же как и о предыдущих. Чтение их доставляет мне простую, счастливую радость. Получаю я их по несколько за раз: со времени твоего отъезда я смог побывать в городе всего лишь три раза.

Мне приходится чудовищно много работать, чтобы наверстать время, которое отняла болезнь. Отпуск мой фактически кончился 8 августа. По договоренности с товарищами я еще не являюсь на работу, а по особенно важным и неотложным делам они приезжают ко мне. Таким образом, время мое раздвоилось, писать стало труднее, а между тем я хочу, и просто обязан, закончить новые главы романа. Теперь мне нужно еще дней 10, а боюсь, что сорвут в командировку, и работаю днем и ночью.

Ты спрашиваешь, не отняла ли ты у меня много времени? Боже мой, все это прошло так быстро! Когда ты уехала, я с трудом удерживался от слез. И в течение многих дней мне было так грустно, невыносимо грустно. Правда состоит в том, что, помимо болезни моей, мне, конечно, трудно было работать весь тот месяц. Дело не в количестве «затраченного» времени (к этим считанным минутам я отношусь с благоговением!), а в том, что я был взволнован, вся душа моя перевернута была, трудно было думать о чем-нибудь другом. Огорчало (больше — печалило!) меня, конечно, и то обстоятельство, что в каком-то непосредственном, простом, очень живом и жизненном смысле у нас не получилось той близости, о какой я мечтал. В письмах ты была проще, живее, ласковей,

а при встрече я как-то почувствовал, что ты ожидала увидеть меня другим и не приняла меня целиком. В тебе чувствовалось какое-то торможение. И это меня лишило той исключительной жизнерадостной непосредственности, которая, собственно, является самой лучшей стороной моей натуры. Как человек очень эмоциональный и чуткий, я сразу почувствовал это, не зависящее от твоей воли, торможение, — оно меня тоже как-то связало, заставило рефлектировать. А рефлектирующий Фадеев — это уже не Фадеев. Короче говоря, ты не по умыслу, а в силу особенностей своей натуры слишком была охвачена переживаниями, происходящими в тебе, и как-то не откликнулась всей силой души на то, что происходило во мне. Огромный поток чувств, пробужденный воспоминаниями и выразившийся в том потоке писем, которые я послал тебе из Барвихи, достиг своей кульминации, когда я, наконец, увидел тебя. Но при всем том, что я видел, как ты рада, взволнована, даже счастлива видеть меня, я не почувствовал идущего мне навстречу широкого, естественного, свободного «половодья чувств», — душевно ты не столько думала обо мне, сколько о том, как я и мое присутствие или отсутствие отражается в тебе. Вот и получилось у нас больше дружбы, чем любви. Видно, что-то в моей натуре (а может быть, и во внешнем облике) не ответило на какие-то внутренние, может быть, даже не осознанные тобой, требования твоей природы... Эта моя откровенность может теперь огорчить тебя задним числом. Но я почувствовал необходимость написать тебе об этом после твоих писем, — они опять стали простыми, живыми, ласковыми; точно, отдалившись от меня и увидев меня не таким, каким я был на самом деле, а каким тебе хотелось бы меня видеть, ты вновь восстановила в душе простое и живое чувство любви. Вот то, единственное, что немножко обижало, а больше огорчало меня, когда мы были вместе. Но все это, изложенное теперь на бумаге, выглядит серьезней, чем переживалось на самом деле. Я был счастлив все-таки, очень счастлив, и я благодарен тебе за это! И чувства мои к тебе неизменны.

Я с трудом прорвался к этому письму, чувствуя в нем необходимость. Писать же, действительно, мне будет все трудней. Но я буду бомбардировать тебя телеграммами — ласковыми, как всегда, потому что я всегда чувствую к тебе такую нежность!

Мой художник, Федя Глебов, достал мне для тебя краски и холст и бумагу для акварели (и кисти для масляных). А палитру, говорит, ей сделает по руке любой маляр или столяр, обслуживающий маляров, — мы, говорит, их сами заказываем таким путем, а в продаже их нет. Скоро я тебе все это пошлю.

Лекарство для мамы твоей еще не достал, потому что не имел времени побывать в поликлинике. Но надеюсь достать. Привет ей от меня!

Крепко целую тебя, Асенька.

Твой *Саша*.

178. К. ЭРЕНБУРГ

Август 1950 года

Уважаемая товарищ Эренбург!

Вы положили очень много труда на составление рекомендательного указателя литературы по А. Фадееву, — я Вам очень благодарен за это. Это первый и пока что наиболее полный указатель литературы о моем творчестве. Тем не менее в нем есть фактические ошибки и очень многие статьи, напечатанные после 1938 года, не указаны.

Из фактических ошибок укажу на некоторые. Я начал писать «Последний из удэге» раньше, чем «Разгром». Об этом подробнее сказано в моей книге «Литература и жизнь» в статье «Мой творческий опыт начинающему автору». Я несколько месяцев работал в аппарате «Правды» и в аппарате Совинформбюро — в самом начале войны. Впоследствии я был военным корреспондентом «Правды». Я уже давно не являюсь членом Всеславянского комитета. Вместе с тем я являюсь теперь вице-президентом Постоянного Комитета Всемирного конгресса сторонников мира.

Вообще, мне кажется, что в 1950 году нельзя выпускать указатель, в котором весь справочный материал кончается 1948 годом. С другой стороны, нельзя давать справочник о произведениях Фадеева на языках народов СССР с 1938 года. Благодаря такому формальному ограничению во времени в число переводов на другие языки попадает много третьестепенных очерков и почти совсем не попадает «Разгром», переведенный почти на все

языки, и не попадает «Последний из удэге», переведенный, например, на украинский язык.

Среди статей обо мне многие не указаны, — например, статья критика Н. Жданова в журнале «Знамя» о романе «Последний из удэге», напечатанная в конце 30-х или 1940 году, или — ряд статей о «Молодой гвардии», опубликованных в различных столичных и провинциальных газетах и журналах.

В алфавите моих произведений отсутствует, например, большой очерк, опубликованный в «Правде» в дни войны, — «Лётный день». С другой стороны, мне приписан очерк «Дмитрий Фурманов» в переводе на украинский язык. У меня такого очерка нет. В переводе на таджикский язык «Лётный день» указан Вами как «Летний день».

В конце концов все это, может быть, и не так важно. Но выпускать указатель литературы по тому или иному автору имеет смысл только в том случае, если указатель действительно точен и более или менее полон.

С этой точки зрения не посчитайте за нескромность мое предложение Вам — еще немного поработать над указателем, если Вам хочется выпустить его в свет.

Еще раз благодарю Вас за внимание и желаю Вам успеха.

А. Фадеев.

179. И. Л. СЕЛЬВИНСКОМУ

9 сентября 1950 года

Дорогой Илья!

Прошу тебя зайти ко мне в воскресенье, в 8 час. вечера. Дело в том, что мы хотим на Секретариате в понедельник, в 7 час. вечера, в твоем присутствии, обсудить «От Полтавы до Гангута». Есть очень мелкие замечания и одно существенное, но чрезвычайно просто исправимое, которые я хотел бы высказать тебе в личной беседе, чтобы не отнимать на это время на заседании (я прочел последний вариант). Смысл обсуждения в том, чтобы подкрепить мнением Секретариата *необходимость* напечатать вещь в «Знамени»: в редколлегии есть люди, которые считают, что ее надо просто издать. Я же считаю, что напечатание такой драмы в журнале — будет иметь прин-

циниальнее значение. Симонов и Софронов согласны со мной. Сурков тоже, но он ушел в отпуск. Мнение Кожевникова мне неизвестно.

В общем, просил бы зайти ко мне.

Крепко жму руку.

А. Фадеев.

P. S. «Читая Фауста» я, к стыду своему, еще не прочел. Моя собственная работа разрослась, отпуск кончился, и я должен был гнать вовсю. И все-таки еще подвис на самом конце. «От Полтавы до Гангута» прочел вновь целиком, чтобы уж решить вопрос окончательно и напечатать. «Читая Фауста», может быть, успею прочесть к завтрему. А может быть, и нет: у меня уже дела и люди по Союзу писателей. Во всяком случае, прочту в ближайшие дни, — прошу меня извинить.

А.

180. В СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

16 сентября 1950 года

Прошу ознакомиться со статьей В. И. Татишвили («Арчиловский некрополь в Москве») и с его письмом, адресованным на мое имя.

Несколько раз до Отечественной войны и после войны мне приходилось вместе с поэтами Георгием Леонидзе и Николаем Тихоновым посещать часовню в Донском монастыре, где похоронен грузинский царь Арчил и его сын Александр, друг Петра I, а также церковь в селе Всехсвятском, построенную дочерью Арчила — царевной Дарьей, — в память брата Александра, умершего в шведском плену. Как в часовне Донского монастыря, так и в церкви в селе Всехсвятском — похоронено много грузинских деятелей XVII, XVIII и первой половины XIX века, находившихся в эмиграции. Сохранились, а частью разрушаются, надгробья с очень интересными надписями, имеющими историческое значение. Вокруг церкви в селе Всехсвятском, являющейся очень интересным старинным памятником архитектуры, идет строительство жилых домов. Территория строительства частью захватила и кладбище, где благодаря этому многие надгробья уже разрушены, а над-

гробие на могиле царевны Дарьи сохранилось только потому, что сторож кладбища втащил его к себе в сторожку.

Все это, может быть, и не стоило бы внимания, если бы эта церковь и кладбище не представляли из себя памятников старинных русско-грузинских связей и не имели бы в этом смысле политического значения. Они, эти памятники, наглядно показывают, что в трудные времена вражеских нашествий на Грузию она искала защиты у России. В этом смысле оба памятника являются своеобразным окном в историю как Грузии, так и России и вполне заслуживают того, чтобы превратить их в музеи с непосредственным подчинением Комитету по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР.

Церковь во Всехсвятском, о которой тов. Татишвили, к сожалению, недостаточно пишет, много раз реставрировалась и в течение более чем двух столетий под 2—3 рядами ее полов вовсе сокрыты многие исторические могилы. В частности, существует предположение, что в этой церкви похоронен прах грузинского поэта Саба Орбелиани.

Ни в какой мере не считая себя знатоком истории Грузии, я специально попросил грузинских товарищей прислать мне материал об этих двух памятниках русско-грузинской дружбы, который и предлагаю вашему вниманию.

Вношу предложение — поручить Бюро культуры Совета Министров СССР или непосредственно Комитету по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР — создать комиссию, с участием русских и грузинских историков и литераторов, а также архитекторов, для обследования этих двух памятников. Обследование должно было бы определить, в каком состоянии они находятся и какова их историческая ценность.

Ал. Фадеев.

181. В. В. ВИШНЕВСКОМУ

28 сентября 1950 года

Дорогой мой Всеволод!

Необыкновенно рад, что твои дела идут все лучше. И очень горюю, что все не могу выбрать пару часов — прости за вульгаризм! — и заехать в Барвиху, навестить тебя. Я закончил новые главы «Молодой гвардии», около

восьми листов нового текста, который естественно расположился внутри старого. Однако столько мелкой правки в связи со всеми изъятиями, вставками, новыми сюжетными ходами, что буквально каждый час, даже минута досуга уходят у меня на это. А наш дражайший ССП уже висит на мне всей своей тяжестью. Так и идет «впритык» собственная работа — с работой Союза: встаю часов в 7—8 утра, а ложусь в 1—2 ночи.

Однако ничего нет такого в нашем ССП, что требовало бы твоего участия. Народу в Секретариате много, и, в общем, управляемся. Лечись спокойно, так сказать, на законном основании. Вообще мы уже обсудили вопрос о твоей будущей работе в связи с характером твоей болезни и пришли к следующему: 1. Надо дать тебе долечиться до конца, до максимального восстановления сил. 2. Надо изменить целиком и полностью характер твоей жизни и работы: поселить на даче или где-либо так, чтобы избавить тебя от повседневной суеты сует и дать возможность работать творчески. 3. Сохранить тебя, само собой разумеется, в качестве заместителя генерального секретаря со всем причитающимся содержанием, но а) без обязательства посещения всяких заседаний, дежурств и прочих повседневных обязанностей, б) с возложением таких работ, которые возможны на дому: чтение принципиальных рукописей, выступление со статьями важного политического характера, консультация и совет по всем важнейшим, главным вопросам, с которыми я или другие всегда можем к тебе приехать.

Вот почему я прошу тебя совершенно отбросить в сторону всякое беспокойство насчет ССП и его дел, пока не поправишься окончательно. А там, в меру твоих сил, работа найдется. Самое главное — долечиться и установить потом очень ровный трен жизни.

Все товарищи твои по Секретариату не раз вспоминали и вспоминают тебя, беспокоятся о тебе и любят тебя по-прежнему. Работают все чертовски много. Сейчас ушли в отпуск (творческий) Сурков и Симонов. Но очень плотно влезли в дела Союза Твардовский и Кожевников. Должен скоро приехать Горбатов, и думаем по очереди приключать к работе в Москве товарищей из республик. Должно быть, отпустим на днях в отпуск Софронова и продлим Леонову (он пишет роман). Коля Тихонов числится в отпуску, но фактически работает по подго-

товке Всесоюзной конференции мира. Очень помогает ему Эренбург, и это приятно.

Разумеется, я все-таки выкарабкаюсь к тебе и — лучше всего — в воскресенье. Выпиши меня на 3 часа дня. Сократи прием других товарищей. Согласен говорить с тобой обо всем, кроме дел, — они тебе сейчас ни к чему: живи жизнью растительной и безмятежной, все это потом окупится сторицей.

Крепко жму твою руку и сердечно обнимаю. Соне привет самый душевный.

Твой *А. Фадеев.*

182. Д. Н. ОРЛОВУ

7 ноября 1950 года

Милый мой Дмитрий Николаевич!

Не могу успокоиться, узнав от Лины, что у Вас так прихватило сердце! Если бы Вы знали, как я Вас люблю и как Вас любит наш народ! Не подумайте, что я связал свою любовь к Вам с любовью народной из самонадеянности и позерства. Нет, я почувствовал себя вправе сказать это Вам, потому что я всегда чувствовал Ваше незаурядное дарование как выражение того лучшего, из чего мы оба выросли. Вы всегда являлись для меня великолепным подтверждением очень простой мысли: настоящий характер в искусстве — это сознавший себя народный характер, это — запечатлевший себя в образах простой человек. И я не могу Вам передать, какое наслаждение я испытывал, не будучи с Вами знакомым, когда видел на сцене воплощенное Вашим дарованием все самое главное, что сделало и меня человеком. Это — самое главное, — я считаю, — просто и сильно выраженная человечность обыкновенного, рядового рабочего и крестьянина, — вот это Вы прекрасно чувствуете! А я лично без этого не могу существовать не только как работник искусства, а просто как живущий на земле.

Большое Вам спасибо, спасибо за Вашу человеческую простоту в искусстве, за воспроизведение в образе того, на чем мы все выросли, без чего нас бы не было!

И держитесь крепко, родной мой! Уж не сдавайтесь!

Сердечно Вас обнимаю.

Ваш *Ал. Фадеев.*

183. К. А. ФЕДИНУ

14 декабря 1950 года

Дорогой Костя!

Сердечный тебе привет. Очень и даже очень обязательно зайду к тебе и буду рад видеть тебя у себя. Сейчас временно анахоретствую, ибо доделываю «Молодую гвардию». За время конгресса отвык, а работы осталось недели на три: последняя правка последних глав.

Прошлое твое письмо не застало нас потому, что я болел, а Лина была в Ленинграде. Я болел вследствие чрезмерного переутомления и чрезмерного возлияния на этой почве, — лежал в городе. Все повернулось в грипп, в колит, в расширение печени, в сердечную слабость и в прочие стариковские мерзости. Теперь я уже вполне здоров, бодр и, пользуясь возможностью дня три не появляться в городе, с колоссальным трудом вновь въезжаю в «Молодую гвардию».

Дорогой мой Костя! Есть к тебе одна просьба, одно деловое предложение, если хочешь. Не согласился ли бы ты войти в Секретариат ССП, в качестве члена Секретариата? Очень хочется, чтобы в Секретариате прибавился хотя бы один писатель старшего поколения, авторитетный для всех. Практически работы тебе не прибавилось бы по сравнению с тем, что ты и так имеешь. Участвовать один раз в неделю на заседании, помочь советом. По линии других «нагрузок» оставили бы за тобой, к примеру, ту же секцию прозы. Но не могу тебе передать, как бы это было важно с точки зрения моральной, в интересах литературы в высоком смысле слова! Другие настоящие люди в Секретариате тоже очень этого хотят. Я могу обещать тебе *беречь* твое время. Учти к тому же, что каждый член Секретариата имеет право на полный трехмесячный отпуск в году с сохранением содержания. Зарплата — 6000. В конце концов, черт бы ее побрал! С точки зрения собрания подлинных литературных сил — старых, средних, молодых — очень бы ты нужен был в Секретариате. Подумай и ответь мне. Повторяю, мы берегли бы твое время.

Крепко жму руку и обнимаю тебя с неизменной любовью. Сердечный привет Доре.

Твой *А. Ф.*

184. В. Ф. ЛЕБЕДЕВУ

19 декабря 1950 года

Уважаемый Владимир Федорович!

Я ознакомился с Вашими воспоминаниями о встрече с Толстым. Они, несомненно, имеют интерес для исследователя — историка литературы, как еще один штрих, живое свидетельство об этом всеобъемлющем гении. Но Ваши воспоминания имеют ценность именно для историка-исследователя, и было бы неправильно преподнести их в таком виде непосредственно читателям.

Многое из того, что для людей Вашего или даже моего поколения было само собой понятно, теперь нуждается в объяснении. Поскольку Ваша встреча с Толстым была связана с его религиозными исканиями, уже нельзя просто писать, что поводом к встрече явилась книга Толстого «Царство божие внутри вас», а нужно более подробно останавливаться на религиозных воззрениях Толстого, нужно объяснять их и нужно их критиковать.

Толстой — личность настолько противоречивая, что для нашего молодого поколения все в нем нуждается в объяснении, а Ваши воспоминания написаны так, как будто Вы пишете их для студентов — современников Вашей молодости.

Вот почему мне кажется, что Ваши воспоминания в таком виде не могут быть напечатаны, и их следует передать либо в Музей Толстого, либо в Литературный музей как материал для историка-исследователя.

С сердечным приветом.

А. Фадеев.

1951

185. И. Г. КЭБИНУ

19 февраля 1951 года

Уважаемый товарищ Кэбин!

Прошу Вас дать указания Союзу писателей Эстонии и издательству художественной литературы Эстонии о том, чтобы они не чинили препятствий литературной работе

И. Семпера и опубликованию его новых литературных работ.

Мне известны крупные политические ошибки И. Семпера, за которые он был снят со своих должностей и исключен из партии и из Союза писателей. Я допускаю, что он еще не осознал до конца всю меру своих ошибок и, может быть, ведет себя не так, как подобало бы вести себя советскому человеку в его положении, — хотя мне лично неизвестны факты его нелояльного поведения после понесенного им наказания.

Но вместе с тем я не могу считать И. Семпера человеком конченым: и в пьесе «Перелом», и в своих стихах последнего времени он показал, что способен чувствовать и понимать новое в советской жизни Эстонии и способен художественно отобразить это новое. Если учесть, что даже такой старый человек, связанный с прошлым старой, царской России, как Анна Ахматова, оказался способным создать современные талантливые стихи и в настоящее время восстановлен в правах члена Союза писателей, то вполне можно и нужно допускать, что Семпер сможет выйти на верную дорогу и создаст ценные в идейном и художественном отношении произведения.

Мне известно, что И. Семпер пишет в настоящее время роман из современной жизни Эстонии, он продолжает писать стихи. Мне кажется, что к этим новым его произведениям со стороны Союза писателей и издательства художественной литературы не должно быть предвзятого отношения. Если эти произведения того заслуживают, их следует публиковать. Очевидно, И. Семперу необходима более тесная связь с производственной жизнью рабочих и крестьян современной Эстонии, и в этом вопросе, мне кажется, тоже не следует чинить ему препятствий, а наоборот, нужно способствовать, чтобы он установил такую связь.

Учитывая, что он в настоящее время не имеет заработка, издательство художественной литературы могло бы предоставить ему возможность художественных переводов произведений французской классической литературы и произведений русской классической и советской литературы, поскольку Семпер владеет французским и русским языками.

Очень прошу Вас негласно вмешаться в его дела, с тем чтобы Союз писателей и издательство художественной

литературы Эстонии приняли некоторые меры, направленные на то, чтобы помочь И. Семперу выйти на верную дорогу.

С приветом

А. Фадеев.

186. К. П. СЕРОВУ

28 марта 1951 года

Дорогой Костя!

Из-за моих разъездов по заграницам и чрезвычайной перегрузки разными делами в те короткие периоды, когда я находился в Москве, письмо твое попало ко мне в руки только 7 марта. Очень извиняюсь перед тобой, если отсутствие справки от меня задержало представление на персональную пенсию, которую ты вполне заслужил.

Справку свою я оформлю в течение ближайших дней и отправлю вместе с этим письмом.

Ужасно жалко, что я не имел в руках твоего письма, когда ездил в Женеву, а потом в Берлин. Конечно, я достал бы тебе семена заграничных пионов, георгинов, гладиолусов и даже черных пионов, если они на самом деле существуют. Должен сказать, что эта просьба доставила мне искреннюю радость и привела меня в веселое настроение. Ибо, как я ни занят, я тоже имею свое тихое помешательство: я выкопал на своей усадьбе небольшой пруд и развожу рыбу — золотых орф, серебристых карасей и зеркальных карпов. У моего сына была крохотная золотая рыбка — по слухам, из реки Амазонки. В течение двух последних лет, как только становится тепло, я ее пускал в свой пруд, а с наступлением холодов опять вылавливал. На льняных жмыхах, которыми я откармливаю свою рыбу, маленькая золотая рыбка из Амазонки превратилась в небольшого толстого поросенка с тупым рыльцем и черными пятнышками на спинке, и теперь уже едва умещается в аквариум. Отсюда ты можешь судить, что твоя просьба о цветах пришлась мне по сердцу и я постараюсь исполнить ее при первой возможности.

Поцелуй Зою и ребят. Как живут Тамара и Танюша? Напишите мне подробнее о Тане, как ее здоровье, служба, не нужна ли ей помощь?

Сердечно обнимаю тебя.

Ал. Фадеев.

187. Г. Е. НИКОЛАЕВОЙ

29 марта 1951 года

Дорогая Галина Евгеньевна!

Давно уже прочел «Жатву» и очень хочу поговорить с Вами, но мешает болезнь.

Роман прочел залпом, с истинным наслаждением и, как всегда бывает в таких случаях, проникся чувством искренней симпатии к Вам. Хотел бы много хорошего сказать Вам о романе.

Вместе с тем я читал роман внимательно и строго. И не мало есть у меня критических замечаний. Я их старательно выносил на поля журнала. Мне очень хотелось бы, чтобы Вы просмотрели номера журнала с моими пометками. Но — после нашего разговора, т. к. на полях — только критические замечания, и у Вас может создаться представление, что я придираюсь к Вам.

Должно быть, дня через 2—3 я начну выходить и тогда обязательно повидаю Вас, если Вы не уедете.

Пересылаю Вам статью одного агронома по поводу «Жатвы». Он критикует роман с точки зрения хозяйственно-технической. Насколько он прав, мне судить трудно, т. к. я сильно поотстал от современной колхозной жизни. Но, может быть, кое-какие критические замечания его будут Вам полезны? Хорошо было бы, если бы Вы хотя бы кратко ответили ему личным письмом, сославшись, что письмо его получено Вами от Фадеева (я напишу ему, что послал письмо Вам).

Желаю Вам всего, всего доброго.

Ал. Фадеев.

188. Н. С. РОДИОНОВУ

10 апреля 1951 года

Уважаемый Николай Сергеевич!

Разумеется, я не буду и не могу быть в обиде на Вас за письмо, копию которого Вы мне прислали. Дело не только в том, что вопрос об издании полного собрания сочинений Л. Н. Толстого — вопрос огромной важности, но и в том, что Вы по существу правы в той части своего

письма, где говорите о недопустимой задержке этого издания.

Однако задержка эта произошла не только в силу моей занятости, — она произошла также и потому, что многие члены Комиссии и я в том числе, при всех их и моем глубоком уважении к литературному наследству Л. Н. Толстого и его памяти, усомнились в возможности публикования некоторых из его произведений, носящих с точки зрения наших коммунистических взглядов открыто реакционный характер, являющихся прямой пропагандой религии (хотя бы в особом, своем толстовском понимании).

Мы уже говорили с Вами неоднократно о трудностях, которые вызвало бы, в частности, опубликование известной Вам части «Азбуки» Л. Н. Толстого. Также кажется нам неприемлемым опубликование тех мест из дневника Толстого, которые содержат такие же взгляды в их прямом и реакционном, с нашей точки зрения, выражении, и мест, связанных с такими интимными сторонами жизни Л. Н. Толстого, которые могут породить у читателя совершенно неправильное мнение о нем.

Все дело в том, что в опубликовании писем и дневников классиков наши издатели уже неоднократно допускали подобные ошибки. И надо сказать, что читатель реагирует на это необыкновенно остро. Можно сказать, что читатель протестует против этого.

Народ наш неизмеримо вырос; он понимает, что образы великих людей нашего исторического прошлого несут в себе огромный моральный авторитет и, в известном смысле, должны служить образцом для молодых поколений. Л. Н. Толстой считал необходимым опубликовать свои дневники, рассчитывая, что их будут читать люди, принадлежащие к одному с ним классу, и более или менее узкий круг образованной интеллигенции его времени. Естественно, что дневники Л. Н. Толстого для этого круга людей и в тех исторических условиях могли бы принести известную пользу даже теми своими сторонами, где Толстой с беспредельной правдивостью и искренностью вскрывает самые интимные стороны своей жизни. Но теперь Толстого читают миллионы людей, все более освобождающихся от грязи и грубых сторон прежней жизни. И им больно будет видеть Толстого не там, где он велик, а там, где он слаб.

Но, разумеется, мы не сделаем ничего в направлении изъятия тех или иных мест или произведений из собрания сочинений Л. Н. Толстого без того, чтобы знать мнение руководящих инстанций по этому вопросу. Мы пойдем на это только при условии, если эти инстанции поддержат нашу точку зрения, согласятся с ней. Их отрицательное отношение к указанным ошибкам в издании других классиков, — например, Чехова, — мне известно.

Думаю, что этот вопрос в самое ближайшее время будет решен в ту или иную сторону, и тогда сдача томов полного собрания сочинений Л. Н. Толстого будет происходить нормально, по графику.

Мною было получено письмо Н. Н. Гусева, аналогичное Вашему. Я ему пишу особо, но был бы рад, если бы Вы ознакомили его также и с моим письмом к Вам.

Желаю Вам всего доброго.

Ал. Фадеев.

189. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

19 апреля 1951 года

Родная Асенька!

Итак, я опять в Барвихе. Стоит теплый апрель, но почки еще не распустились, ночами холодно, еще нельзя спать с раскрытыми окнами.

Конечно, все планы моей жизни сломала жестокая действительность. Из-за своей чудовищной перегрузки, начавшейся с Варшавского конгресса, я не смог доделать до конца свою «Молодую гвардию». Наивно было бы просить отпуска в течение зимы: одно дело напирало на другое; и — поездки, поездки, превратившиеся для меня из счастливой возможности *познавать* — в тяжелый крест. И, как всегда, к концу своего трудового года (т. е. к весне), я начал выбиваться из сил и болеть. В первых числах марта вернулся из Берлина. Мне предстоял дней через десять большой доклад на совещании молодых писателей, но я свалился: сдало сердце. Ничего опасного, но — страшное переутомление. При наличии невроза — этого спутника времени нашего — я стал неработоспосо-

бен. Пролежал в больнице, потом дома. Вышел на работу 2 апреля только для того, чтобы в течение дней десяти привести в порядок дела. А 11-го числа я уже попал в Барвиху, которая мне давно бы надоела, если бы не была так связана с тобой — далекой, далекой... И все-таки здесь я чувствую тебя близкой: душа моя раскрепощается. Конечно, меня заставили и здесь с неделю пролежать. И вот, наконец, я пишу тебе: завтра я смогу (сам!) снести письмо на почту и послать тебе одновременно телеграмму.

В течение года я, как всегда, не имел времени, а вернее — душевных сил писать тебе. Но ты все время жила во мне, и чудные ласковые письма твои доставляли мне такую отраду! Мне радостно было, когда я мог хоть чем-нибудь помочь тебе. И я даже веду счет всему, чего не смог выполнить. Первое поражение я потерпел с хризолитовой мазью, т. к. мой кремлевский врач, т. е. врач, лечащий меня, заболел в пору твоего отъезда из Москвы, заболел надолго, потом ушел в отпуск и тоже надолго, а мне неловко было просить выписать рецепт «на сторону» у незнакомого врача. Так прошло много времени, и в конце концов я понял, что уже трудно выполнить твой заказ (ибо, как говорится, — «дорого яичко к Христову дню!»). Маленький орфографический справочник еще не вышел: я не мог достать его даже в Минпросе. Другие пособия, нужные тебе, тоже достать пока не удалось — их нигде нет, опять-таки включая ваше министерство. Я подписал тебя на все газеты и журналы, как и в прошлые годы, да еще на «Семью и школу». Получаешь ли все? Да судя по письмам, тебе и читать-то некогда, бедняжке моей!

Мечты мои о поездке на Дальний Восток рассыпались прахом. Пока что мне не дали даже обычного творческого отпуска: я буду в Барвихе до 10 мая, ибо числа 12-13-го (мая) опять вынужден буду выехать по мирным делам. Ввиду того, что я очень переутомлен, нет у меня уверенности, что в течение этого месяца в Барвихе я успею доделать «Молодую гвардию». Следовательно, если мне после поездки дадут еще 2 месяца или хотя бы один — для литературной работы, я не смогу никуда выехать, а должен буду немедленно сесть за роман. Я не могу больше тянуть с ним: читатель ждет. Да мне и самому стыдно встречать свое 50-летие (24 декабря с. г.!), если ро-

ман не будет окончательно исправлен, дописан и выпущен в свет...

Если бы ты опять согласилась приехать!.. Хотя бы *после* твоей поездки во Владивосток! Напиши мне, возможно ли это?..

Твой *Саша*.

190. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

30 мая 1951 года

Вот как несчастливо сложилась для меня эта весна. Фактически всю вторую половину марта, апрель и май — за исключением нескольких недолговременных светлых промежутков — я провел в лежачем положении. В результате чудовищной нагрузки всех последних лет меня подвело мое сердце. Мне никогда не хотелось писать об этом подробно. Но если я не сделаю этого, тебе не будет понятно, почему так неожиданно обрывалась периодически наша переписка и даже телеграммы мои уж не могли порадовать тебя хоть на минутку. У меня развился за эти годы очень сильный склероз сосудов сердца и особенно аорты. Как выражаются врачи: «Если Вам сейчас 50 лет, то сосудам Вашего сердца, по крайней мере, 65». У меня, к счастью, нет порока сердца, т. е. клапаны работают нормально. В силу непонятного каприза природы у меня — при таком склерозе — не было разрывов сосудов (современная модная болезнь — «инфаркт»). Если бы случилось последнее, дни мои были бы сочтены. Ибо во всех аналогичных случаях, хотя и удается большей частью на время задержать развитие процесса, все равно спустя некоторый срок — год или два — разрывы сосудов повторяются и человеку — конец. Вот у меня, на счастье, этого еще нет. Но так как я живу жизнью очень напряженной, нервной, то я постоянно нахожусь перед этой угрозой. И если я начинаю испытывать сильное недомогание в области сердца, меня немедленно укладывают в постель. С момента, как я попал в Барвиху, у меня все время были колебания то к лучшему, то к худшему. Потом по одному общественному делу, — когда казалось, все уже пошло хорошо, — мне пришлось выехать в Москву, и здесь стало так скверно, что меня уже не вернули в Барвиху, а снова положили в больницу, где можно было

в случае необходимости применить такие методы помощи, какими санаторий не располагает.

Все это в достаточной мере скучно, мой милый золотой дружок, но такова жизнь. И мне самому бесконечно грустно, что не удалось написать тебе целой серии ласковых писем, о которых я так мечтал. Весь год меня так согревали твои письма, преисполненные милой для меня повседневностью и вдруг такими неожиданными порывами твоей души.... Все сложилось неудачно. Я очень мечтал о том, что ты приедешь и мы сможем видеться чаще, чем в прошлый раз. Но вот выясняется, что ты освободишься только 22 июня, а я с первых чисел июля поеду в командировку сроком на месяц или даже на полтора. Вообще перспективы моей жизни таковы.... Сразу после моей командировки мне обещан творческий отпуск сроком *на один год(!)*. Я не могу уйти в такой длительный отпуск, не поработав в Союзе писателей, по крайней мере, месяц и не подготовив своих заместителей к работе без меня. И вот я решил с 1 июня выйти на работу, проработать этот месяц, потом отбыть командировку и сразу пойти в свой творческий отпуск, о котором я так мечтал и мечтаю.

Целый год чувствовать себя свободным от посторонних дел, профессиональным литератором! Ведь это такое счастье! И вот когда осуществится моя мечта — поехать на родину!.. Эта перспектива — единственное, что утешает меня в современном моем бытии...

Твой *Саша*.

191. К. М. СИМОНОВУ

16 июня 1951 года

Дорогой Костя!

Внезапно умер Петя Павленко, — от приступа грудной жабы. Все мы тут как потерянные. Все, связанное с похоронами и прочими печальными делами, уже организовано. Нужно, чтобы, кроме некролога в «Литературной газете», была статья о творчестве Павленко. Больше ни о чем писать не могу.

Александр.

192. К. Ф. ПИСКУНОВУ

Июнь 1951 года

Я ознакомился с новым вариантом романа В. Катаева «За власть Советов». С моей точки зрения, Катаев правильно воспринял требования критики, и его более чем полуторагодичная работа увенчалась успехом.

По существу, Катаев написал новый роман. Если в первом варианте романа главными действующими лицами были люди второстепенные, если смотреть на них глазами действительных участников действительной борьбы против румын и немецких оккупантов, развертывавшейся в Одессе, то теперь главными действующими лицами романа, его героями стали большевики-подпольщики, рядовые участники и руководители одесского подполья и партизанской борьбы против румын и немецких оккупантов.

Если в первом варианте романа образы руководителей подполья и партизанской борьбы были в известной мере принижены, не показаны в действии, в их связи с массами, мало походили на современных большевиков-организаторов, а повторяли, в известном смысле, некоторые нетипичные, отжившие персонажи революционных деятелей 1919—1920 годов, то в новом варианте романа — образы руководителей подполья и партизанского движения приобрели подлинные черты большевистских деятелей современного типа, их идейный и моральный облик раскрыт более глубоко и полно и внушает читателю любовь и уважение.

В новом варианте романа автор уже не злоупотребляет — ни в собственном авторском языке, ни в языке героев — одесским жаргоном, так засорявшим язык прежнего варианта романа. Элементы жаргона сохранены только в речи одного из действующих лиц — Цимбала, но в характеристике этого персонажа нельзя обойтись без жаргона, в той пропорции, какую автор себе на этот раз разрешил.

Отступление Красной Армии из Одессы, политическое положение в городе в период оккупации, деятельность подпольщиков и партизанская борьба как часть общей борьбы народа против немецко-румынских захватчиков, руководящая и направляющая роль партии, в частности связь с центром в Москве, и, наконец, освобождение

Одессы — все эти моменты и обстоятельства большого общественно-политического значения нашли в новом варианте романа необходимое место.

Все это придало роману больше жизненности и исторической достоверности.

Есть в нем и недостатки. Весь начальный период перехода в подполье и первоначальная характеристика — от автора — деятелей подполья и партизанской борьбы композиционно несколько затянуты. Не вполне художественно полноценны места, где автор пытается изобразить, как секретарь подпольного райкома Черноиваненко занимается политическим самообразованием, повышает свой теоретический уровень. Не нашли должного художественного воплощения и некоторые публицистические отступления автора.

Но в целом роман неизмеримо вырос и может служить примером того, как должен относиться современный автор к общественной критике своего произведения.

А. Фадеев.

193. М. М. КОРНЕВУ, Н. В. ЛЕСЮЧЕВСКОМУ

Июнь 1951 года

Рекомендую к изданию новую критическую работу А. С. Гурвича «Сила положительного примера», размером около 10 печатных листов.

В своей работе А. С. Гурвич показывает, в чем новаторская сущность лучших произведений советской художественной литературы, появившихся в послевоенное время. А. С. Гурвич строит свою работу главным образом на идейно-художественном анализе романа В. Ажаева «Далеко от Москвы», привлекая в качестве подсобного материала произведения ряда других авторов — Павленко, Пановой, Бабаевского.

Работу А. С. Гурвича я считаю чрезвычайно удачной с точки зрения тех требований, которые мы предъявляем советской критике на современном этапе. Она ставит большие вопросы жизни и литературы не на внешнем анализе так называемого содержания произведений, а на глубоком раскрытии художественных образов, прежде всего на раскрытии характеров людей, поверяя то, как

эти образы и характеры воплощены в романе, самой жизнью. Таким образом, работа А. С. Гурвича являет собой один из немногочисленных пока что примеров целостного эстетического анализа произведения.

Работа А. С. Гурвича написана талантливо, с любовью к советскому человеку — творцу и организатору жизни — и на фоне многих современных работ выгодно выделяется своим хорошим и точным русским языком. Она свидетельствует о том, что общественная критика крупнейших заблуждений и ошибок А. С. Гурвича не прошла для него даром.

Мною были сделаны отдельные критические замечания по поводу некоторых неточных формулировок в книге А. С. Гурвича. Наибольшие возражения с моей стороны встретила общая оценка творчества В. Пановой. При несомненной справедливости ряда критических замечаний в адрес В. Пановой — А. С. Гурвич, с моей точки зрения, несколько недооценил общественно-художественное значение творчества В. Пановой, занимающего свое место в советской художественной литературе. То, что А. Гурвичу кажется «объективизмом», на деле не является объективизмом с точки зрения идейной, — это только особенность манеры, особенный почерк Пановой среди многообразия форм социалистического реализма. Слабее других произведение В. Пановой «Ясный берег», но оно слабо не своим «объективизмом», а тем, что в повести запечатлены отдельные частные наблюдения без глубокого проникновения в сущность процессов, происходящих в деревне.

С моими замечаниями в их наиболее существенной части А. С. Гурвич согласился и в настоящее время вносит некоторые исправления в свою работу.

Думаю, что его книгу наш советский читатель встретит с удовольствием.

А. Фадеев.

194. И. Л. СЕЛЬВИНСКОМУ

2 июля 1951 года

Дорогой Илья!

Прочел «Читая Фауста». Замечания мои носят теперь уже характер маленьких частных замечаний. И надо обдумать вопрос, подходит ли эта вещь, целиком происходящая в условиях фашистской Германии, *для напечатания ее*

в журнале? Пожалуй, не поймут или, вернее, превратно поймут факт напечатания *сегодня* в периодическом издании пьесы, написанной на материале военного использования *атомной* энергии и бьющей не по главному врагу — *американскому империализму,* а вновь возвращающейся к *фашистской* Германии, когда сегодня уже есть демократическая Германия.

Может быть, лучше включить ее в сборник пьес? Там она будет легко восприниматься во времени ее написания и выступит на первый план ее философский смысл? Обдумай это пока что. Сейчас я уезжаю в город. Вернувшись, снова напишу тебе.

Встретимся или сегодня вечером, если успею, или завтра утром. Сердечный привет Берте Яковлевне.

Жму руку.

Александр Фадеев (захудалый эсквайр).

195. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

17 июля 1951 года

Милая Асенька!

Получал и получаю все, все твои письма и телеграммы, большей частью с запозданием — или из-за отъезда, или потому, что не имел времени заехать на почту по занятости своей совершенно феерической. Даже грустно было от твоих упреков, ведь твой корреспондент — личность особая: ему отпущено часов пять сна, а все остальное время он «и швец, и жнец, и в дуду игрец».

Ты, я знаю, была сама так перегружена в период экзаменов, что вряд ли могла внимательно следить за газетами. Но даже по газетам ты могла бы видеть, что весь июнь я вертелся, как белка в колесе. Мало того: мне надо было во что бы то ни стало кончить новый вариант «Молодой гвардии», и я буквально не спал, чтобы добить этот труд до конца. К счастью, мне это удалось, и теперь голова освободилась для чего-то нового. С 6 июля я был в командировке и сегодня уезжаю опять, примерно до 1 августа, а потом опять примерно до 20 августа. Все эти сроки несколько раз менялись, и я никак не мог сказать точно, когда же все-таки вернусь в Москву. Вот почему

я не мог сообщить тебе, когда возможен твой приезд, чтобы мы могли повидаться. И, видно, нам уже не встретиться в Москве в этом году!

У меня на душе большая печаль, ты это, конечно, знаешь. Но я просто уверен, что попаду теперь на Дальний Восток! Хотя это и не связано непосредственно с новой моей работой, но мне нужно будет ознакомиться с металлургией Комсомольска-на-Амуре, т. к. я буду писать роман индустриальный, о новой советской металлургии и о нашей рабочей молодежи. Естественно, я загляну и в родные края. Сейчас трудно определить сроки, когда я смогу это сделать. Вернее всего — в конце этого года или в начале будущего. Не знаю, правильно ли я сделал, когда по твоим телеграммам и письмам обратился в крайоно и в обком, чтобы тебя не переводили в Находку, а либо во Владивосток, либо оставили в Спасске. Мне ответили, что оставят в Спасске. Но, может быть, я этим повредил тебе? Тогда прости меня, — так я понял твое желание.

Не грусти, мой золотой дружок, всегда тебя помню...

Твой *А.*

196. КОЛЛЕКТИВУ МОЛОДЕЖИ ПАРОВОЗА ИМЕНИ «МОЛОДОЙ ГВАРДИИ»

3 августа 1951 года

Прошу извинения перед вами, что слишком поздно ознакомился с данными вами повышенными обязательствами в социалистическом соревновании. Письмо ваше пришло, когда я был в отпуске, и дела после отпуска не дали мне возможности ответить вам своевременно.

Сердечно приветствую вас в вашем начинании и буду рад узнать о его результатах. Имя «Молодой гвардии» ко многому обязывает. В известном смысле я тоже принял участие в соревновании: мною к 16 июля была закончена переработка романа «Молодая гвардия» в связи с той критикой, которой подвергся роман за недостаточное изображение деятельности большевистской подпольной организации в Краснодоне и Ворошиловградской области. Теперь эти замечания мною учтены и написано

около 10 печатных листов нового текста. Таким образом, в романе действуют теперь не только «молодогвардейцы», но и взрослые подпольщики.

Желаю вам успеха в вашей работе и крепко жму ваши руки.

А. Фадеев.

197. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

Август 1951 года

Милая моя Асенька!

Итак, я сижу в гостинице Магнитогорска, огромного, современного нового города на нашей планете, славного своей индустрией, полного противоречий, как всякое новое и быстро растущее образование, пыльного, застланного дымом, энергичного, веселого, открытого самым невероятным перспективам. Тем не менее мне скучно, ибо я один сижу в номере....

Вылетел я из Москвы 6-го в Челябинск — областной центр, летел ночью с остановками в Казани, Горьком, Уфе. В Челябинске провел двое суток, ушедших целиком на всевозможные знакомства, встречи, заседания: мне нужно было многое получить от областных властей, получить в смысле знаний и обеспечения будущей своей деятельности на новом месте. И вот с 10-го числа я уже здесь. С утра раннего — на предприятиях, потом — обедать в гостиницу и снова — бродить по городу, заводить знакомства, участвовать во всяких заседаниях и совещаниях, опрашивать будущих своих героев (а кто из них станет героем, еще неизвестно!), в местный музей, в горнометаллургический институт, в поликлинику, в кино, в клубы, в парк, магазины — все это такое еще молодое, порой неустроенное, и все это мне нужно знать. В голове, как говорится, сумбур вместо музыки, а когда из всего этого начнет кристаллизоваться «нечто» — сказать не могу. Но — верю в талантливые силы природы человеческой, — да осенят они меня крыльями своими еще хоть разочек! В гостинице живу временно, — скоро меня должны поселить в рабочей семье, это в моих интересах: скорее влезть в быт людей, и влезть путем естественным, исподволь, не нарочито. Душа моя открыта навстречу новому материалу, — «Молодую гвардию» я сдал целиком и пол-

ностью в новом, переработанном виде еще перед первым выездом за границу, в ноябре роман должен увидеть свет.

Как-то ты живешь, родная моя, в этом заброшенном Спасске-Дальнем? Тебе, наверно, он в тягость порой, когда жизнь поворачивается сторонами обыденности, одиночества. А мне он бесконечно мил, как память юности, как место, где живешь ты, как мечта недостижимая. Но все-таки я осуществлю ее в этот свой годовой отпуск!

Мне так безумно хочется в Приморье! Чем старше я становлюсь, тем чаще мысль моя бродит по детству, по юности. Не для того, чтобы уйти от настоящего, не для того, чтобы отдохнуть от бурь жизни, а просто для того, чтобы еще лучше осознать свой путь жизни и почерпнуть из прошлого — молодости, веры, бодрых сил и чистоты душевной.

Пожалуй, мне во многом в жизни везло, не везло только в любви.... С тобой, первой и чистой любовью души моей, жизнь свела так поздно, что и чувства, и сама природа уже оказались не властны над временем истекшим, над возрастом, и ничего в сложившейся жизни уже не изменить, да и менять нельзя. Так вот и остались мы, два глубоких душевных друга, два осколка милого и дорогого нам прошлого, с нашей неосуществимой привязанностью. И все же я счастлив, что ты есть на земле. И читать твои письма — для меня радость, — о чем бы ты ни писала, все это — продолжение такой близкой, родной, такой жизненно-необходимой нити из далекого, далекого прошлого в настоящее и в будущее, каким оно ни сложится....

198. В. А. МОРОЗОВОЙ

9 сентября 1951 года

Дорогая Вера Александровна!

Прошу Вас внести в верстку или, еще лучше, в гранки, если успеете, следующие дополнительные исправления в «Молодую гвардию» (даю по оригиналу машинописной рукописи, представленной в издательство):

Глава 53-я, стр. 689, последний абзац. Вместо слов: не дает ворогу передышки, — надо: не дает врагу передышки.

Стр. 690, абзац посредине. Вместо слов: не давать ворогу передышки, — надо: не давать врагу передышки.

Там же, через одну строку. Вместо слов: отвлекать ворога на себя, — надо: отвлекать врага на себя.

Стр. 691. После слов: ...вступит в свои права тот ясный мир, которого все они так долго ждали, ради которого не щадили своей жизни, — после этих слов поставить точку и *вычеркнуть все остальное до слов:* — Что ж, Маша, — сказал Иван Федорович, — и т. д.

Там же, на стр. 691, немножко дальше. Фразу, которая начинается словами: И она пошла в свой дальний одинокий путь... — исправить таким образом: И она пошла в свой дальний одинокий путь, в этот ранний предрассветный час, поскрипывая по снежку, с лицом немолодым и в то же время таким еще девическим, незаметная женщина с железной душою.

Стр. 693. Весь второй абзац *снизу,* начинающийся словами: По всему протяжению Донца немцы лихорадочно... — весь этот абзац *выбросить до* следующего абзаца, который начинается словами: Они сидели одни в заброшенной избе...

Стр. 695. Третий сверху абзац переписать таким образом:

Иван Федорович засмеялся звонко, весело, — так он смеялся обычно в кругу семьи, особенно с детьми, в те редкие минуты, когда бывал совсем, совсем свободен. На мгновение они забыли, что предстоит им обоим. Иван Федорович обеими руками взял ее за голову и чуть отстранил и, глазами, полными нежности, оглядывая лицо ее, все повторял: и т. д.

Стр. 696. Во втором абзаце сверху *вычеркнуть* фразу: Ни Иван Федорович, ни Катя даже не могли понимать смысла развертывающейся на их глазах операции.

Стр. 698. Во втором абзаце снизу *вычеркнуть* фразу: А слова Ивана Федоровича уносили Катю совсем в другой мир... и т. д. — до конца фразы.

Глава пятьдесят пятая.

Проследить, не сохранилось ли где-нибудь по главе неправильное название «командир орудия» и всюду заменить — башенный стрелок (или — башнер).

Глава пятьдесят четвертая.

Стр. 716. В последнем абзаце *вычеркнуть фразу,* выделенную двумя тире: — она примерно представляла, насколько, идя с Сашко, отклонилась в сторону и насколько выровнялась, перейдя на эту сторону холмов, — по ее

ощущениям... Вся фраза должна теперь звучать так: Катя прошла не более двухсот метров, и по ее ощущениям она должна была уже вот-вот выйти на дорогу.

Дорогая Вера Александровна! О том, что получили мое письмо и поправки внесли, очень прошу Вас дать телеграмму по адресу: Магнитогорск, горком ВКП(б), Губкину — для Фадеева.

Желаю Вам всего доброго.

Ал. Фадеев.

199. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

26 сентября 1951 года

Дорогая Ася!

Получил твое письмо — первое в Магнитогорске, — был очень рад ему, несмотря на выраженное в нем тяжелое твое настроение. Друг мой, никогда, решительно никогда не пытался я выдать себя за человека необыкновенного, — я не считаю себя таким и не в моем это стиле. Нет, я человек обыкновенный и, как все обыкновенные люди, имею некоторые свои черты в характере, свои недостатки и достоинства, и они так же отражаются в моих поступках и взглядах, в творчестве, в письмах, в жизненном поведении, как отражаются и у других людей их индивидуальные черты.

Я так много и подробно писал тебе о своей жизни, что, пожалуй, ты уже можешь и должна представлять себе ее. Нечеловеческая занятость. Уже сложившийся семейный быт, в котором есть и свое хорошее, и свое дурное, но которого уже — и в хорошем и в дурном — изменить нельзя (да и сил душевных на это нет). — Вот что является характерной особенностью моего существования, вернее — житейским фоном духовной моей жизни и деятельности. Людей с душой и талантом на свете много. Степень, направленность таланта бывают разные, но, поверь, нет принципиальной разницы между всеми людьми, в частности, между тобой и мной в том смысле, что душевные стремления и порывы, думы и переживания идут зачастую вопреки и помимо реально складывающихся обстоятельств. Когда я писал тебе о своих намерениях творческих, новая тема бродила во мне еще не вполне

ясно, а кроме того, я еще надеялся, что мне удастся в условиях такого длительного отпуска меньше уделять внимания делам международным. Потом окончательно выяснилось, что я буду писать роман о нашей металлургии (которую знаю все-таки поверхностно), что тема эта может и должна быть решена на материале самом показательном в наших советских условиях (Магнитогорск, Челябинск, Запорожье, Кузнецк), а главное, что мне по-прежнему так часто надо выезжать в «далекие страны», что — дай бог хотя бы *успешно изучить* и хотя бы только *начать* задуманную вчерне вещь! И нужно ли скрывать от тебя, что всю эту поездку в Комсомольск, о которой я писал, я больше надумал для того, чтобы иметь повод попасть на родину, повидать тебя! Комсомольск — город новой индустрии, но город не металлургического производства (там нет домен, мартены обычные для любого крупного завода). Но все-таки я решил съездить в Комсомольск — только для того, чтобы вновь повидать родные края и иметь возможность тебя увидеть...

Естественно, что мне пришлось *начинать* свою работу с такого пункта, который имеет *реальное* значение для моей работы, и я начал с Магнитогорска. Мне еще много, очень много надо поездить, чтобы осуществить свой новый роман. И лично я счастлив, что длительный отпуск все-таки позволит мне выкроить время, чтобы ответить и другой душевной своей потребности: повидать тебя и увидеть родные места, которые так дороги мне по воспоминаниям. Реально это будет так: если мне удастся в ноябре попасть в Кузнецк, то из Кузнецка я махну самолетом на Дальний Восток. Если не удастся попасть в Кузнецк в ноябре, поеду зимой — в декабре или январе — и опять-таки из Кузнецка — на Дальний Восток. Но не могу скрыть от тебя, что эта поездка, о которой я мечтаю и которую обязательно осуществлю — доставляет мне много душевных тревог. Я всегда мечусь между чувством долга и душевными порывами, свойственными мне, как человеку неудовлетворенному, ищущему, жизнелюбивому и жизнерадостному. Чувствую себя «неловко» оттого, что часть отпуска, предоставленного мне для творчества, отдам просто своей душе.... чувствую известный «грех» перед собой как писателем, что пускаюсь в «плавание», которое не только не может прибавить ничего для темы моей о металлургах, а, наоборот отвлечет меня —

в плане уже чисто профессиональном — к темам моей юности и к темам освоения Дальневосточного края в наше время — темам тоже прекрасным, но не стоящим теперь у меня на очереди. В то же время потребность побродить по родным местам, чтобы удовлетворить душу свою (это так естественно в 50 лет!), потребность эта так велика, что я все-таки поеду, обязательно поеду! Вот тебе комплекс чувств — больших и малых — вполне естественных при всей их противоречивости — что в них необыкновенного? Сотни и тысячи людей испытывают то же самое в аналогичных условиях, это так просто и понятно! В конце концов то же самое испытывала (и испытываешь) ты в жизни, должно быть, не раз. Разница в нашем положении только такова: ты более свободно можешь располагать своей душой, а во время, так сказать, «внеслужебное» и своими поступками. В этом есть известное твое преимущество. Но зато есть и своя тяжесть в личном, семейном одиночестве твоем.

Ты напомнила мне о моих письмах в лето 50 года из Барвихи. Да, это было счастливое для меня лето! Я был полон переживаниями юности, был весь перевернут встречей с тобой — это было великое, прекрасное, чистое переживание, я счастлив тем, что оно было. Я часто, часто вспоминаю это чудесное, счастливое лето моей жизни, бывшее на закате моей душевной юности, — да, это было последнее возрождение юности и ее конец. Уже не в твоей и не в моей власти было повторить подлинную юность, и некого в этом винить. Так это чувство мое перешло в глубокую, нежную, любовную дружбу, привязанность к тебе, и это — уже навечно. И так же, как и ты чувствуешь себя вправе — а вернее, это получается само собой, — писать мне обо всем, что переживаешь, большое оно или малое, огорчит ли меня или нет, — так и я ничем не хочу перед тобой «казаться», пишу тебе, когда есть возможность, когда позволяют обстоятельства и душа свободна для этого, и не пишу, когда нет этих условий, живу и поступаю так, как это отвечает моей совести, велениям моей души, когда веления эти по существу сильны и чисты, будь они велениями долга или велениями сердца, — и в чем же можно упрекнуть меня? Вместе с тем, я прекрасно чувствую, что многие горькие строки в твоих письмах продиктованы особенностями твоей жизни, огромной неудовлетворенностью твоей души, незаурядной

и неоправданно (можно сказать, безвинно) одинокой, — я чувствую эту душу твою, болею вместе с тобой и люблю тебя за эту твою душу. Спасенье наше, что жизнь наша до краев преисполнена деятельности и что мы не утратили любви к природе, к хорошим людям, ко всему этому трудному и прекрасному миру, в котором живем. Будем счастливы и тем, что нашли друг друга и можем дружить. А реальную личную жизнь нашу мы не должны и не можем ставить в зависимость друг от друга, — это уже невозможно, и это уже «против бога», как сказали бы в старину...

30-го я выезжаю из Магнитогорска в Челябинск. Пробуду там дня три-четыре и — в Москву. Из Москвы — через несколько дней — в дальнюю поездку, уже до 25—27 октября, а дальше еще не знаю, как сложится моя биография, но в общих чертах я тебе ее изложил и на будущее более дальнее....

Твой *Саша.*

....Напиши мне, какого числа исполняется тебе 50 лет.

200. В. В. ЕРМИЛОВУ

17 июля 1951 года

Дорогой Вова!

Спасибо тебе за обстоятельное письмо о «Молодой гвардии». Я его несколько раз прочел (скажу прямо, — не без удовольствия), но не ответил сразу: болел гриппом.

Критические замечания твои, вполне возможно, справедливы. В отношении генерала я это и сам чувствую и, возможно, в каком-нибудь из последующих изданий найду для него соответствующие дополнения. Насчет Лютикова: я пока что не вижу «гладкости» его, он мне пока что нравится. Ежели будут и еще такие мнения, как у тебя (это после выхода книги обнаружится из разговоров, из писем, как обнаружилось в свое время в отношении Олега), то я, конечно, вернусь к нему, как вернулся к Олегу.

В остальном ты, вероятно, прав.

Еще раз сердечно тебя благодарю.

Привет Даше.

Твой *А. Ф.*

201. И. А. ПИКУЛЮ

12 ноября 1951 года

Уважаемый Иван Андреевич!

Рад был получить Ваше письмецо. Оно так ярко напомнило мне прошлое. В 1933 году мне довелось побывать в местах, о которых Вы пишете. Повидался я тогда с известным Вам партизанским командиром Борисовым и со стариком Назаровым, который тоже плавал на пароходе «Пролетарий», — кажется, в качестве подрывника. В последующие годы мне приходилось встречаться и переписываться со Свергуном, если Вы его помните. Вообще говоря — нет-нет да и вывернется кто-нибудь из старых-старых друзей далеких лет, неизменно вызывая в душе теплое чувство!

Сделаю все возможное, чтобы «протолкнуть» Вашу заметку в «Литературную газету».

Если встретите Павла Хрисанфовича, передайте ему мой привет.

Крепко жму руку

А. Фадеев.

202. А. А. СУРКОВУ

12 ноября 1951 года

Дорогой Алексей Александрович!

Пишу тебе это личное письмо в связи с предстоящим моим пятидесятилетием. Как ты прекрасно понимаешь, эта дата в сущности ничем принципиально не отличается от той, когда тебе исполняется 49 или 51 год. Между тем ко мне поступают сведения, что некоторые лица и организации придают этой дате в моей общественной и литературной биографии чрезмерное значение. Может быть, они думают, что «так надо», что имеются на этот счет какие-нибудь «указания». Кроме того, я в жизни моей соприкасался более или менее тесно с таким широким кругом людей в самых разных сферах деятельности, что среди них находится немало добрых людей, которые от чистого сердца, по соображениям возрастным

и приятельским, искренне рады «раздуть кадило» и довольно бессознательно подстрекают к этому других. Это меня расстраивает и даже пугает.

Это ставит меня в неловкое и смешное положение. Никто почему-то не задумывается над тем простым обстоятельством, что среди многих своих друзей-литераторов, ничуть не меньших, а зачастую и больших по своему творческому литературному значению, я «выделяюсь», в сущности, только своим должностным положением в качестве Генерального секретаря Союза писателей, к тому же члена ЦК ВКП(б). Но это последнее обстоятельство только обязывает меня к большей скромности. И я очень и очень боюсь парадной шумихи, которая многими и многими не может быть воспринята иначе, как шумиха, поднятая по моему собственному желанию или, во всяком случае, с моего благословения.

Вот почему я обращаюсь к тебе с личной просьбой — помочь мне провести эту злополучную дату как можно более тихо.

Все, что можно сделать в этом отношении по линии Союза писателей, я излагаю в официальном письме в Секретариат, каковому письму прошу придать более серьезное значение, чем это напрашивается с первого взгляда. Вместе с тем, я прошу тебя лично, как исполняющего обязанности Генерального секретаря, помочь мне в другом, более тонком деле, о котором неудобно писать официально, чтобы не обидеть лиц заинтересованных. Я прошу предупредить Институт мировой литературы, Гослитиздат, «Советский писатель» — это можно сделать, поговорив доверительно с директорами этих учреждений с ссылкой на то, что делается это с моего ведома, — чтобы они отнеслись строго к предлагаемым в печать «монографиям», посвященным творчеству Фадеева. Как это ни нелепо, но мне стало известно, что мне — автору лишь двух с трудом законченных произведений и одного незаконченного романа, который к тому же нуждается в коренной переработке, — собираются посвятить труды размером в тридцать и больше печатных листов каждый. То есть размером больше, чем все мои произведения, вместе взятые....

Я не могу позволить, чтобы меня ставили в такое глупое и пошлое положение.... Самим ходом своих невер-

ных мыслей авторы подобных трудов отведут мне в советской литературе столь выдающееся и исключительное место, что стыдно будет людям в глаза смотреть.... Я не имею никакого стремления кокетничать своей скромностью и, как всякий литератор, был бы рад прочесть о себе добросовестную критическую статью или даже массовую популярную брошюру.... Я прошу тебя предупредить Институт мировой литературы и издательства о том, что подобные «монографии» о ныне живущих и далеко еще не закончивших своего творческого пути литераторах — штука несвоевременная и противоречит самому духу нашего советского общества.

Подумать только! Мы не имеем монументальных монографий о жизни и деятельности величайших людей партии — Дзержинского, Кирова, Орджоникидзе, Фрунзе.... У нас до сих пор нет настоящих больших правдивых книг о Горьком, Маяковском, Алексее Толстом. И вот, по случаю того, что А. Фадеев является Генеральным секретарем ССП и членом ЦК ВКП(б), недальновидные люди подготовляют ему «сюрпризы» размером в 30—40 печатных листов в надежде кому-то «потрафить».

Я просто не могу позволить подобной нескромности и лично прошу тебя не допустить до выхода в свет подобных книг.

Если лица, от которых зависит выпуск этих книг, не внемлют твоим словам, я разрешаю показать им это мое письмо.... Повторяю, я с интересом и уважением прочитал бы статьи или брошюры о себе.... но я ясно вижу нескромность, надуманность, общественную вредность толстых «монографий» о нашем брате и хочу уберечь от неприятностей не только самого себя, но и.... литераторов.

С приветом

А. Фадеев.

Дорогой Алеша! Просьба моя к тебе имеет столь важное значение для меня, что я очень прошу известить меня, какие меры ты смог предпринять для ее удовлетворения.

203. В СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

12 ноября 1951 года

Дорогие товарищи!

До меня дошли сведения, что Секретариат Союза писателей предполагает отметить день моего пятидесятилетия. Разумеется, я очень благодарен вам за это и постараюсь ответить на такое внимание к себе усиленным трудом. Вместе с тем я очень прошу Секретариат ССП избежать ненужной шумихи в этом деле, которая может возникнуть не по вине Секретариата, а благодаря стараниям некоторых недальновидных людей. Я прошу учесть мое служебное положение в Союзе писателей и уберечь мое имя от всяких возможностей обвинения меня в нескромности со стороны нашего общественно-литературного и партийного мнения.

Не знаю, какой план вечера, посвященного моей литературной деятельности, намечен Секретариатом, но я очень прошу учесть следующие мои личные пожелания:

1. Я прошу ни в коем случае не проводить вечер в каком-нибудь другом помещении, кроме клуба Союза писателей, где уже проводилось немало хороших вечеров, посвященных моим товарищам по перу.

2. Я категорически возражаю против устройства какого бы то ни было «приема» или «банкета» по окончании вечера и вообще в связи с датой моего пятидесятилетия. Во-первых, мне трудно выдержать подобный «прием» или «банкет» по состоянию здоровья. Во-вторых, нет никакой возможности тратить государственные деньги на «прием» или «банкет» для всех членов московской организации писателей и возможных гостей, для представителей смежных областей искусства и для десятка людей, работающих вместе со мной в движении сторонников мира. Всякая же попытка созвать по этому случаю «общество избранных» вызовет нескончаемые обиды, чего я также не могу допустить, учитывая опять-таки мое служебное положение.

Должен сказать, что эти две просьбы имеют для меня столь существенное значение, что я очень прошу их ис-

полнить. В противном случае, мне волей-неволей придется на это время уехать из Москвы, используя право на предоставленный мне отпуск, чтобы не ставить себя в неловкое положение.

С приветом

А. Фадеев.

204. Б. Л. БЕЛЯЕВУ

14 ноября 1951 года

Уважаемый товарищ Беляев!

Во-первых, я очень извиняюсь за то, что с таким опозданием отвечаю Вам. Но это опоздание как раз может явиться лучшим свидетельством моей исключительной занятости, а отсюда и полной невозможности по времени ответить на Вашу «анкету».

Не могу Вам передать, насколько я благодарен Вам за то, что Вы взялись за труд, посвященный семье Сибирцевых! Как большевик я воспитан в этой семье в не меньшей мере, чем в собственной семье, и я всегда чувствую моральную необходимость каким-нибудь образом отблагодарить семью Сибирцевых, почтить ее память.

Этим я вовсе не хочу сказать, что Ваша попытка включить мою раннюю биографию в биографию Сибирцевых является правильной. Наоборот, в исторической ретроспективе это было бы большой ошибкой. Нельзя забывать, что члены семьи Сибирцевых, а особенно сыновья — Всеволод и Игорь, были в то время уже незаурядными руководящими работниками, во всяком случае, вполне сформировавшимися людьми и революционерами. Я же был еще юношей, почти мальчиком, только вступающим в революционную деятельность. Таких, как Сибирцевы, были тогда только единицы, таких, как я, были тысячи. Вот почему о Сибирцевых надо писать совершенно самостоятельно и совершенно нет надобности в этой связи заниматься мною.

Я мог бы дать Вам очень много сведений о семье Сибирцевых, — главным образом о Всеволоде и Игоре. Но у меня совершенно нет времени для того, чтобы проделать эту работу письменно. Что касается стариков Сибирцевых, то о них уже никто не сможет рассказать Вам так подробно, как смогла бы сделать это моя мать, родная сестра

Марии Владимировны Сибирцевой. Но мать моя стара, больна, сама писать уже не может, а моя сестра занята не менее, чем я, и никак не соберется проинтервьюировать родную мать по этим вопросам. «Анкеты» Ваши лежат у сестры и у меня, но никто из нас не имеет времени Вам ответить.

Вот почему я рекомендую Вам приехать лично или уполномочить какого-нибудь грамотного человека, чтобы устно опросить мою мать, сестру и меня и записать то, что мы сможем рассказать.

Кроме того, я Вам советую обратиться, сославшись на меня, к Веронике Михайловне Шушариной, урожденной Сибирцевой, дочери Михаила Яковлевича и Марии Владимировны. Думаю, что она некоторые стороны жизни своих родителей и своих братьев знает лучше, чем мы, и обладает более свободным временем. Кроме того, немало сведений о братьях Сибирцевых Вам мог бы дать М. Губельман. По-моему, у него имеются и некоторые документы. Очень много могут рассказать о братьях Сибирцевых Зоя Секретарева и Тамара Головнина, работавшие вместе с ними.

Желаю Вам успеха в работе.

А. Фадеев.

205. А. А. СУРКОВУ

Ноябрь 1951 года

Дорогой Алеша!

Среди множества дел твоих постарайся выбрать время и проверить, как идут дела по увековечению памяти и по изданию произведений недавно умерших писателей. До меня доходят сведения, что не везде, не всегда и не все делается как надо.

1. Петя Павленко. Тихонов *ни разу* не созывал редакционной комиссии.... Никто не двигает вопроса с памятником на могиле. У Н. Треневой есть разногласия с работниками ВКИ о скульпторе.

2. Олег Леонидов. Тянется в Комитете вопрос о выпуске на сцену пьесы армянского драматурга Гаразяна «Хачатур Абовян», переведенной Леонидовым. Принципиальных причин для всяческой канители нет, пьеса всем

нравится, в том числе и мне, просто некому подтолкнуть. Застрял в Совете Министров вопрос о закреплении квартиры за женой.

3. Всеволод Вишневский. Редакционная комиссия бездействует. Издание сочинений целиком легло на Вишневецкую. Это неправильно и потому, что нельзя сочинения Вишневского превращать в семейное дело, и потому, что ее собственные силы слабы для этого.

Необходимо все эти вопросы поставить на Секретариате, вызвать вдов, председателей и членов комиссий, созвониться с власть предержащими и помочь решению этих вопросов.

Крепко жму руку.

Твой *Ал. Фадеев.*

206. А. К. КОТОВУ

2 декабря 1951 года

Уважаемый Анатолий Константинович!

В последние годы — особенно теперь, в связи с моим пятидесятилетием, — ряд литературоведов работает над книгами, посвященными творчеству А. Фадеева. Само собой разумеется, что сам я лично испытываю к авторам этих работ, а также к издательствам и научным учреждениям, заказавшим эти работы, только чувство признательности за внимание к моему творчеству. Нельзя отрицать и того, что популярные брошюры, написанные простым языком, посвященные данному предмету, могут быть полезны широкому кругу читателей, особенно учителям, библиотекарям и преподавателям литературы в вузах.

Тем не менее мне хотелось бы предостеречь и авторов, и научные учреждения, и издательства от некоторых «излишеств», допускаемых в ряде работ на данную тему.

1. Мне кажется излишним и недопустимым, чтобы книги, посвященные творчеству современного автора, еще далеко не завершившего свой путь, имеющего в своем литературном багаже всего лишь 2—3 книги, — были громоздкими, многолистными, рассчитанными на узкий круг исследователей, иногда по объему своему превосходящими

все литературные труды данного писателя. Такого рода труды вызывают у читателя естественное недовольство, создают впечатление «нескромности» со стороны авторов этих трудов и со стороны писателя, которому подобные труды посвящены. Сказанное вполне применимо и ко мне, поскольку я являюсь автором всего лишь двух законченных романов, из которых один только что переделан и еще не имеет широкой общественной оценки, и автором одного незаконченного романа, который, по собственной воле автора, давно уже не переиздается и нуждается в коренной переработке. Вот почему появление в печатном виде какой-либо работы обо мне, превышающей размеры обстоятельной массовой популярной брошюры, доставило бы мне искреннее огорчение.

2. Мне кажется, что работы о современных живущих писателях не должны носить характер биографического исследования, а содержать только разбор творчества данного писателя. Этот разбор, разумеется, может опереться на некоторые даты и факты биографии данного писателя, но ни в коем случае не может и не должен перерастать в исследование биографического характера. Во-первых, потому, что вряд ли возможно дать правдивую и целостную биографию писателя, путь которого еще далеко не завершен и который еще не так много сделал в своей жизни, а во-вторых, потому, что чрезмерное внимание к биографии также накладывает на работу исследователя печать «нескромности», задевая и писателя, которому посвящена данная работа. И с этой стороны мне не хотелось бы, чтобы биографические данные обо мне превышали тот необходимый минимум, который дан в учебниках и хрестоматиях советской литературы, в биографических справках, сопровождавших издания моих книг в прошлом.

3. Авторы и издательства и научные учреждения нередко обращаются ко мне с просьбой, чтобы я лично ознакомился с работами о моем творчестве и дал как бы «визу» для их печатания. Такой путь прохождения работ о данном писателе кажется мне глубоко неправильным. Работы о любом советском писателе должны быть в первую очередь — объективны, а это значит, что научные учреждения, издательства и авторы должны сами отвечать за публикуемые ими работы о советских писателях. Сказанное в еще большей мере применимо к работам, посвя-

щенным творчеству Фадеева, поскольку Фадеев является не только писателем, а и должностным лицом в литературе.

Я прошу учесть эти мои замечания в том случае, если в Вашем плане намечены те или иные работы о моем творчестве.

С приветом

А. Фадеев.

207. Е. Ф. КНИПОВИЧ

<Декабрь 1951 года>

Милая Евгения Федоровна!

Я очень рад, что Вы оценили моего Лютикова. Ермилов прислал мне письмо, в котором — при очень положительной оценке всего — считает Лютикова несколько «общим», лишенным индивидуальных черт. И, надо сказать, это меня очень огорчило: я положительно был влюблен в этого старика и писал о нем с огромным удовольствием и свободой.

А. Фадеев.

1952

208. И. Ф. ТЕВОСЯНУ

14 января 1952 года

Дорогой Иван Федорович!

От всей души поздравляю тебя с твоим прекрасным пятидесятилетием. Извини, что делаю это несколько поздновато: я выезжал из Москвы и поздно об этом узнал.

Рад пожать тебе руку также в связи с высокой правительственной наградой. Я всегда гордился и горжусь тем, что когда-то мы вместе учились в Горной академии и делились всем, что предоставляла нам студенческая жизнь того времени. Наша партийная работа протекала в те времена рука об руку. И я с радостью и гордостью глубокого и подлинного твоего товарища следил за твоим дальнейшим ростом — вначале как инженера нового, советского и, я

бы сказал, партийного типа, а потом — как государственного деятеля большого размаха.

Желаю тебе еще больших успехов на этом славном пути.

Крепко жму твою руку.

Твой *Ал. Фадеев.*

209. В. П. МАЛЫШЕВУ

29 февраля 1952 года

Уважаемый товарищ Малышев!

Я полагаю, что материалы областного партийного архива, о которых Вы пишете, относятся не ко мне, а к моему однофамильцу, имени, отчества которого я не помню, но который известен был в мои времена как командир одного из амурских полков, а затем, если не ошибаюсь, — командир одной из амурских бригад. Мне никогда не приходилось с ним встречаться лично, но в 1920 году, когда громили атамана Семенова, я вместе с ним участвовал в этой кампании, только я вступил в нее несколько позже и наступал на другом фланге нашей армии. Именно тогда я узнал о существовании другого Фадеева, моего однофамильца. Это мое представление оказалось ошибочным. Как выяснилось из переписки с Ф. П. Булочниковым (комиссаром «моей» бригады, т. е. где я был комиссаром полка) — я встречался с Фадеевым. Но я был лучше знаком с его комиссаром Соркиным. И о Соркине я хорошо помню, а о Фадееве забыл. Бригада их одно время участвовала в операции вместе с нами. У меня сохранилось в памяти, что он прославился разгромом белых у станции Аги. В начале 20-х годов в Москве была издана книга под общим названием: «Революция на Дальнем Востоке». Это был сборник воспоминаний различных участников гражданской войны на Дальнем Востоке. Сборник этот у меня не сохранился, но я хорошо помню, что в нем была фотография выстроившегося на параде полка товарища Фадеева, его самого и комиссара полка на конях перед строем. Я думаю, что о его действиях упоминается в этом сборнике.

Что касается меня лично, то вместе с Игорем Сибирцевым и Тамарой Головниной я прибыл в Благовещенск

примерно в августе или сентябре 1920 года из Приморья, — мы прибыли в Благовещенск пароходом через Харбин и Сахалян. В те времена меня мало кто знал под моей фамилией Фадеева, а больше знали по моей подпольной и партизанской фамилии — Булыга. Первое время я работал по организации комсомола по линии Амурской железной дороги от г. Свободного до Зилова, а с начала военных действий был направлен в армию — вначале в качестве инструктора политотдела 3-й Амурской стрелковой дивизии, а потом комиссаром 13-го Амурского полка, переименованного, после некоторой реорганизации армии, в 22-й Амурский полк.

Вот те краткие сведения, которые я могу Вам сообщить.

С приветом

А. Фадеев.

210. Н. П. ОХЛОПКОВУ

29 февраля 1952 года

Дорогой Коля!

Прошу извинить меня, что я никак не могу попасть на спектакль «Дорога свободы». В жизни каждого человека бывают такие периоды, когда самым гуманистическим поступком с его стороны является забота о самом себе. Вот я как раз нахожусь в этом периоде жизни. Я пишу большой, увлекательный и трудный по материалу роман. Вместе с тем мне все время приходится нести большую общественную нагрузку. Все мало-мальски свободное время я сижу на заводах и в институтах. Но меня очень часто срывают, — достаточно сказать, что я завтра улетаю в Прагу. Отсюда ты вполне поймешь мое состояние. Все, решительно все, что ни выходит из-под моего пера, кажется мне отвратительным. Если бы я не обладал чувством самосохранения, я, конечно, не написал бы в своей жизни ни одной книги.

А спектакль я, конечно, посмотрю, но в каком-то еще не вполне определенном будущем.

Прошу на меня не сердиться.

Крепко жму твою руку.

Ал. Фадеев.

211. ТОВАРИЩУ АМБЕЛИКОПУЛО

29 февраля 1952 года

Уважаемый товарищ Амбеликопуло!

Ваши замечания по поводу того, как молодогвардейцы вырезали алмазом стекло в здании немецкой биржи труда, кажутся мне справедливыми, поскольку по Вашему письму чувствуется, что Вы обладаете в этих вопросах профессиональным знанием. Очевидно, люди, которые рассказывали мне об этом эпизоде с чужих слов, не вполне ясно представляли себе, как это происходило на самом деле.

Сердечно благодарю Вас за добрый совет. При ближайшем переиздании книги я это место поправлю в духе Ваших замечаний.

Крепко жму Вашу руку.

Ал. Фадеев.

212. ТОВАРИЩУ ШАРНОВСКОМУ

10 марта 1952 года

Уважаемый товарищ Шарновский!

Разумеется, я не возражаю против издания «Молодой гвардии» на украинском языке. Я направляю Вам свой экземпляр романа с моими новыми поправками.

Несколько замечаний по поводу Ваших поправок.

1. Относительно глаз Ули Громовой. Черных глаз на свете не бывает. Черными глазами обычно называют темно-карие глаза — особенно когда они обрамлены черными ресницами и черными бровями. Вот почему на восьмой странице, где я подробно описываю внешность Ули, в частности ее глаза, я указываю точно их цвет — «темно-карие», а впоследствии называю их так, как обычно называют темно-карие глаза с черными ресницами и бровями, — «черные». Ничего здесь менять не нужно.

2. Немцы действительно переименовали город Сталино в Юзовск, а не в Юзовку. Юзовка — это типичное русское наименование, к тому же немцы застали не старую Юзовку, поселкового типа, а большой современный город и, оттолкнувшись от прошлого названия города, назвали его Юзовск. Менять здесь тоже решительно ничего не нужно.

3. На странице 315, как Вы указываете, вовсе не содержится упоминания о хуторе «Нижне-Александровском». Но Вы правы в том отношении, что хутор этот в авторской речи называется «Нижне-Александровский», а в речи различных персонажей он называется «Нижняя Александровка». Это так и нужно оставить, поскольку ни один простой человек не будет в своей речи произносить книжное слово «Нижне-Александровский», а скажет проще «Нижняя Александровка».

4. Борода у Ивана Федоровича везде темно-русая или темная. Что же касается черной бороды на странице 313, то сия борода, как это явствует по смыслу фразы, принадлежит старику Нарежному, а не Ивану Федоровичу. Вы, очевидно, невнимательно прочли это место, и я попрошу Вас оставить старику Нарежному его черную бороду.

5. Очень благодарен Вам за правильно подмеченное несоответствие: на странице 526 говорится «о сетке дождя», а на странице 527 «о сухой траве». Я употребил выражение «сухая трава» в том смысле, что эта трава очень поздней осени. Но действительно, получается нехорошо. В том экземпляре книги, который я Вам посылаю, я заменил слова «сухой травы» словами «поблекшей мокрой травы».

6. То, что у Екатерины Павловны дважды показались слезы при виде наших танкистов, — указывает только на силу и особенно на характер ее волнения. Это не зачеркивает употребленного мною несколько дальше выражения: «она давно уже забыла, что такое слезы». Потому что это последнее выражение только подчеркивает, что она не знала слез во время немецкой оккупации при всех ужасах этой оккупации и что никакие другие переживания после ее встречи с танкистами тоже не могли вызвать слезы у этой исключительно стойкой и мужественной женщины.

7. На странице 664 опечатка — надо «серный», а не «серый».

8. На странице 528 не нужно ничего менять; борьба ведь действительно была жестокой.

9. Ребята помнят Мошкова «младшим лейтенантом», но когда они освободили его из плена, он был уже «лейтенантом».

С приветом и благодарностью

А. Фадеев.

213. Д. С. ФЕДИНОЙ

25 марта 1952 года

Дорогая моя Дора Сергеевна!

Болезнь помешала мне поздравить от души любимого моего писателя Костю Федина с его замечательным шестидесятилетием, поздравить его и устно и письменно, сказать о нем доброе слово, выношенное мною за два с лишним десятка лет нашей совместной жизни и работы. И жаль мне этого, искренне жаль... Но я не могу допустить, чтобы среди писем и телеграмм друзей не было и моего следа, следа моего сердца, биения его. И поэтому мое запоздалое письмо Косте пишется, пишется особо.

А тебя я поздравляю от всей души, обнимаю и целую.

Твой *А. Фадеев.*

214. К. А. ФЕДИНУ

<26 марта 1952 года>

Дорогой Костя!

Когда человек прошел 60 лет по жизни, ему уже каких-нибудь 30 дней — не расчет. Вот почему я, не сумев поздравить тебя по своей болезни вовремя, обнимаю тебя 30 дней спустя и желаю тебе здоровья, — все остальное у тебя есть.

Теперь уже десять лет разницы наших возрастов не имеют того значения, какое они имели двадцать пять лет тому назад. Тогда ты был для меня писателем старшего поколения. И я никогда не забуду, что ты был первым, кто заметил и поддержал рукопись «Разгрома».

С того момента, как я прочел «Города и годы», первую из твоих книг, какую мне довелось прочесть, и с первых дней нашего личного знакомства я почувствовал в тебе ту предельную писательскую честность, которая является одной из главных черт именно русской литературы. Глубоко национальные истоки «Братьев» только укрепили во мне это чувство.

Я сам был воспитан нашей русской традицией в этой писательской честности. И поэтому всю жизнь любил

тебя, — даже когда мы расходились в оценках тех или иных явлений жизни и литературы. И в общем я многому у тебя учился.

Идя путем реализма, ты очень многое правильно видел даже тогда, когда некая логическая кривая твоего разума, казалось бы, должна была стать в противоречие с изображаемым. Это означает, что ты всегда был художником прежде всего (несмотря на более логический склад ума, чем у многих твоих собратьев по перу!). Все-таки это противоречие имело место и до известной степени тормозило тебя. И нет среди твоих товарищей другого, который был бы так счастлив, как я, когда умный талант твой набрал полную силу реализма и, обогащенный действительными *героями* нашей жизни, живой, раскрепощенный, поднял тебя неизмеримо высоко среди твоих современников старших и младших поколений.

Я очень рад за тебя. Ты напишешь нечто еще более возвышенное и в то же время материальное, потому что все изображаемое тобой и раньше всегда можно было увидеть, услышать и ощупать.

Только тебе, как и многим из нас, надо побороться за себя в смысле времени.

А за здоровье наше мы должны побороться прежде всего с самими собой.

Давай выезжать иногда на охоту, что ли! Прими от меня соответственный подарок — на память добрую.

Крепко жму твою руку и обнимаю тебя.

Твой *А. Фадеев.*

Числа не ставлю, т. к. день твоего рождения все еще длится для меня.

А. Ф.

215. И. С. ПЕШКИНУ

23 мая 1952 года

Уважаемый товарищ Пешкин!

Вашу книгу я действительно прочел с огромным удовольствием, и она мне очень много дала для новой моей работы.

Написана она хорошо, обстоятельно, читается с интересом. Мне трудно сделать замечания по существу, так как я не специалист-металлург.

Но я должен сказать Вам следующее. Книга эта имеет глубокую патриотическую направленность, поэтому Вы уберите те места, где Вы в отдельных фразах, выражениях — излишне выпячиваете, точно навязываете, русский патриотизм, преимущество всего русского, исключительность всего русского. Повторяю, книга Ваша построена на такой правдивой патриотической основе, что Вам ничего не нужно навязывать из ложной боязни, что Вы недостаточно отдали дани русскому самобытному гению, в ком и в чем бы он ни проявлялся.

Желаю Вам всего доброго.

Ал. Фадеев.

216. О. Д. ФОРШ

Май 1952 года

Дорогая моя Ольга Дмитриевна!

Я чувствую себя бесконечно виноватым перед тобой! За последние два года я получил от тебя несколько хороших писем, получил первую книгу романа о декабристах, в одном письме была добрая приписочка от Тамары, а я вот никак не мог собраться, чтобы ответить и тебе и ей. Объясняется это, конечно, вовсе не тем, что мой характер стал еще более скверным, чем был. Нет, характер мой более или менее стабилизировался на всех его пороках. Но я все время чудовищно задавлен работой, — даже когда получил отпуск от Союза писателей, о котором, к сожалению, нельзя сказать словами Пушкина: «Друзья мои, прекрасен наш союз!» Кроме того, я периодически болею то сердцем, то печенью. И, наконец, я пишу неслыханно толстый роман, который носит название более подходящее для технического учебника: «Черная металлургия». Уже само название показывает, какие бездны я должен был пройти и изучить.

Однако все это не может служить мне оправданием, поскольку я не отвечал на письма человека, имеющего гораздо больше жизненных оснований болеть, чем я, и тоже пишущего роман, который, как я полагаю, требует большого знания исторического материала.

Получила ли ты, по крайней мере, новое, дополненное и переработанное, издание «Молодой гвардии» с надписью, в которой я признал свою вину перед тобой?

Я прочитал только первую книгу твоего нового романа — ту самую, которую ты мне прислала. Я прочел ее с большим интересом: характеры даны очень выпукло, прекрасный простой язык, очень жизненное, исторически конкретное и сложное переплетение людских судеб. Но книга не может жить сама по себе, без развития и завершения всех этих судеб, и думаю, именно поэтому она не имеет пока что такого резонанса среди читателей и в критике, которого бы она, эта книга, заслуживала. В течение последних двух лет я, вопреки своему обыкновению, почти не следил за журналами. Было ли в «Звезде» продолжение твоего романа? Будет ли оно? Позволяет ли твое здоровье работать? Не нужно ли тебе какой-нибудь помощи в отношении здоровья, зрения? Может быть, нужны какие-нибудь лекарства, трудно добываемые? Какие-нибудь препараты, особенно очки, — напиши мне, пожалуйста....

За то время, что мы не виделись, я был в Ленинграде трижды, но только в дни, когда справлялось пятидесятилетие Прокофьева, я имел возможность пробыть в Ленинграде несколько дней, — все остальные разы я был только проездом в Финляндию.

Как всегда это бывает у меня в последние годы, я приезжаю с таким ворохом дел и обязательств, что уже не имею ни времени, ни душевных сил повидаться с людьми, которых люблю и которые нужны моему сердцу. Чувствуешь себя уже не человеком, а учреждением, и, полный забот в голове, невольно смотришь на близких людей какими-то отсутствующими глазами. Даже Саша Прокофьев кричал мне: «На таком торжестве, как мое пятидесятилетие, у тебя физиономия совершенно алебастровая».... Но жизнерадостный мой организм уже не обладает той мощью, которая была присуща ему, скажем, в ереванскую поездку. После прокофьевских торжеств я просто болел и долго отлеживался.

Я крепко жму твою руку и желаю тебе всего, всего доброго. Буду рад помочь тебе хоть чем-нибудь.

Ал. Фадеев.

217. К. А. КУЗЬМИНОЙ

Май 1952 года

Дорогая Капитолина Александровна!

Извините, что опять отвечаю Вам с известным опозданием. За это время я дважды сильно болел, в перерывах между двумя заграничными командировками пролежал в постели почти по месяцу. Очень меня огорчило, что Вы так недооцениваете свои силы. Мне по моей профессии, а также благодаря частым поездкам по стране — много приходится встречаться и переписываться с учителями наших школ, и я без всяких преувеличений могу сказать, что по своему образованию, по общей культуре, а также по очень развитому чувству долга Вы являетесь учительницей незаурядной, выдающейся из общего уровня. Учительское начало в Вашей работе несомненно. Но, очевидно, по нервной структуре своей и просто по условиям жизни, в которой, как я вижу, Вы испытали и испытываете немало лишений и трудностей, Вы слишком болезненно реагируете на недостатки нашей школьной жизни, нашего быта. Вообще говоря, то, что Вы не миритесь с недостатками, является как раз лучшей Вашей чертой. Но для того, чтобы преодолевать трудности собственной жизни и в то же время бороться с недостатками вокруг, нужно обладать большой настойчивостью, а главное, тем внутренним душевным равновесием, которое достигается очень ясным пониманием пропорции дурного и хорошего в нашей действительности и что куда растет, и волей к преодолению трудностей и недостатков. Ведь их преодоление требует от человека большой внутренней организованности, выдержки, дисциплины. Даже в самых элементарных жизненных неприятностях и столкновениях побеждает тот, кто обладает этим качеством выдержки, известной методичностью, чувством такта и необходимым упорством. Если же человек «срывается», начинает злиться и на эти трудности, и на эти недостатки, злиться на себя и на других людей, являющихся носителями этих трудностей и недостатков, то он в конце концов неизбежно поворачивается как раз своими слабыми сторонами перед тем, что он хочет преодолеть, ничего на деле не может преодолеть и только сам страдает. У человека с обостренным чувством совести, как у Вас, это, естественно, вызывает

чувство недовольства собой, своей жизнью и своим трудом. Но у Вас, как мне кажется, есть достаточно сил для того, чтобы бороться с этими чертами в себе и побеждать их. И если Вы оглянетесь на свою жизнь, то Вы убедитесь, что именно так Вы и поступали в наиболее трудные моменты жизни.

В чем я реально могу Вам помочь? Одновременно с этим письмом к Вам я все-таки написал председателю Бронницкого горисполкома и секретарю райкома партии, чтобы они помогли Вам в подыскании лучшей квартиры.... Не удивляйтесь, что вслед за этим письмом я переведу Вам известную сумму денег, чтобы Вы могли немножко обзавестись хозяйством, — я хотел это сделать давно, но не имел возможности. Отдадите, когда разбогатеете, а если не разбогатеете, то тоже с меня не убудет.

Напишите мне, имеете ли Вы возможность оставить на лето Ваших девочек с бабушкой, а сами поехать куда-нибудь полечиться. Посоветуйтесь с врачами, где Вам лучше всего было бы полечиться или просто отдохнуть, в какой местности, — может быть, на юге, — я смогу Вам достать бесплатную или, во всяком случае, совсем недорогую путевку.

3—4 июня я уеду в Магнитогорск, вернусь ближе к 20-му числу. Хорошо было бы, если бы Вы мне ответили скоро на все мои вопросы или, может быть, ухитрились приехать в Москву еще до 3 июня, чтобы лучше поговорить.

До свидания, желаю Вам всего доброго.

Ал. Фадеев.

218. А. К. КОТОВУ

Май 1952 года

Уважаемый Анатолий Константинович!

За последнее время, используя свой отпуск, я получил возможность более подробно разобраться, каким образом в романе «Разгром», изданном Вашим издательством в массовой серии и в «Библиотеке советского романа» за 1952 год, были возобновлены многие исправленные мною стилистические и иные недостатки и появились новые ошибки и даже просто опечатки. И выяснение всех

обстоятельств дела понуждает меня принести глубокое извинение редактору книги товарищу Платоновой, поскольку она совершенно не виновата в указанных ошибках и недостатках, а ее собственные предложения, согласованные со мной, в большинстве своем повели к улучшению текста романа.

Как мне удалось установить, источником главнейших из указанных ошибок и недостатков является издание «Разгрома» Вашим издательством в 1947 году под редакцией товарища Юферева, а затем издание 1949 года под редакцией товарища Воинова, в котором повторились все ошибки издания 1947 года и добавились новые.

Дело в том, что последнее довоенное издание «Разгрома», просмотренное и исправленное автором, вышло в издательстве «Советский писатель» в 1940 году. За время войны и в первые годы после войны в это издание мною были внесены некоторые поправки идеологического и стилистического характера. После войны «Разгром» был издан на Дальнем Востоке, в Ставрополе и в Молотове, где было взято за основу издание «Советского писателя» 1940 года с учетом моих позднейших поправок. После того, кто бы ни обращался ко мне с предложениями о новом издании «Разгрома», я всем предлагал брать в основу или издание «Советского писателя» 1940 года с моими позднейшими поправками, либо издания указанных периферийных издательств, где эти позднейшие поправки были уже учтены. Эта рекомендация была мною сделана и Гослитиздату, и редактору товарищу Юфереву в 1947 году. Однако работники издательства не выполнили моей просьбы и напечатали роман, руководствуясь, очевидно, каким-нибудь очень старым текстом, изданным Гослитиздатом до войны. Будучи чрезвычайно занят и не допуская мысли, что моя рекомендация не выполнена, я, разумеется, не держал корректуры гранок и верстки, а по доверию подписал верстку к печати. В 1949 году товарищ Воинов, редактировавший новое издание «Разгрома», целиком воспроизвел издание 1947 года. Я опять-таки не просмотрел ни гранок, ни верстки, а только внес два исправления идеологического и стилистического порядка и в таком виде подписал верстку к печати, будучи уверен, что все остальные поправки давно уже учтены. Это издание 1949 года является самым неправильным и самым неряшливым, так как в нем в добавление к старым ошиб-

кам и недостаткам было сделано много новых корректорских ошибок и опечаток и совершенно произвольно была выброшена нумерация глав.

Перед последним изданием «Разгрома» в 1952 году товарищ Платонова письменно запросила у меня, можно ли руководствоваться текстом 1949 года, и я, совершенно не предполагая, что этот текст является самым неправильным из всех, какие когда-либо выходили в свет, дал на это свое согласие. В работе над текстом совместно с товарищем Платоновой мы останавливались только на тех местах, где у нее были свои замечания. А верстку я попрежнему не читал и подписал по доверию. Таким образом и вышло в свет это последнее — по двум сериям — издание «Разгрома».

Теперь уже трудно искать и наказывать «виновных», тем более что и я сам являюсь одним из «виновных», поскольку сам не держал корректуры своего романа.

Это письмо ставит своей целью, во-первых, реабилитировать товарища Платонову, а во-вторых, принять меры к тому, чтобы эти ошибки впредь не повторялись. С этой целью я посылаю Вам экземпляр «Разгрома», тщательно выверенный и исправленный мною, и этот текст я прошу считать каноническим текстом и руководствоваться только им в последующих переизданиях.

С приветом.

А. Фадеев.

219. Т. М. ГОЛОВНИНОЙ

28 мая 1952 года

Дорогая и милая моя Тамара!

Не удивляйся и тем более не обижайся на то, что так поздно отвечаю на твое письмо. Мне последние месяцы исключительно не везло.

Письмо твое пришло, когда я находился в заграничной командировке. По возвращении я сразу же заболел и пролежал целый месяц. У меня была спазма одной из сердечных мышц. Оправившись, я опять уехал в заграничную командировку и по возвращении снова заболел — на этот раз болезнью печени — и снова пролежал почти месяц.

Не могу тебе передать, как я был рад твоему письму! Из всех наших с тобой общих друзей-дальневосточников, которых я по-прежнему помню и люблю, мы с тобой друзья наиболее старинные, знаем друг друга с детства. А кроме того, как-то так получилось, что судьба сводила нас в те боевые годы на самых боевых участках. Вспомни наши встречи в партизанские времена на Сучане, а потом эту феерическую поездку по нелегальным документам через Северный Китай и Маньчжурию в Благовещенск вместе с Игорем; Забайкальский фронт, где в политотделе я всегда находил такой приют у тебя и Сони Кляхиной; наконец, твоя поездка в Ленинград, чтобы навестить меня, когда я лежал, раненый, после Кронштадта. И, конечно, я никогда не забуду, что в течение долгих месяцев после моего выздоровления именно ты давала мне приют на Глазовском переулке, по которому мне теперь так часто приходится ходить и ездить, поскольку неподалеку живут мои родственники. Всякий раз я с хорошим, грустным и приятным чувством смотрю на этот дом в глубине двора. Напротив была библиотека, в которой я готовился к экзаменам в Горную академию. Теперь помещение этой библиотеки занял райсовет Киевского района. Я думаю, что столь милую моему сердцу библиотеку переселили в гораздо более худшее помещение, и по этой причине Киевский райсовет кажется мне самым плохим райсоветом в Москве, хотя это, может быть, не соответствует действительности.

Когда я читал твое письмо, перед моим мысленным взором встала вся твоя незаурядная, и необыкновенная, и не очень легкая, но в то же время такая чистая и благородная судьба!

Если бы я сейчас работал над романом о колхозах, я, несомненно, ринулся бы в твой укрупненный колхоз, ибо кто другой, как не ты могла бы показать и раскрыть мне все стороны колхозной жизни. Но колхозный роман, — главным образом о колхозной молодежи, — стоит только еще в моем плане. В настоящее время я работаю довольно интенсивно над романом о наших советских металлургах, и вся моя жизнь последнего года связана, главным образом, с такими крупными металлургическими центрами, как Магнитогорск, Челябинск, Днепропетровск, Москва. Все же я не теряю надежды побывать у тебя в колхозе в течение хотя бы нескольких дней этим летом или осенью.

Я постараюсь помочь тебе сейчас в твоих колхозных делах.

Сразу же после получения моего письма ты напиши мне как депутату Верховного Совета СССР совершенно официальное письмо-заявление, в котором кратко, с цифрами поясни положение колхоза и совершенно конкретно, по пунктам изложи те нужды и потребности, при удовлетворении которых колхоз может встать на ноги. Но при этом ты должна учесть следующее:

1. Если не один твой колхоз, а ряд колхозов или даже многие колхозы Псковской области находятся в таком же положении, ты должна в своем письме-заявлении высказать мнение, что все они нуждаются в соответствующей государственной помощи и что ты приводишь данные по своему колхозу как иллюстрацию к положению и в других колхозах.

2. Я полагаю, что государство исчисляет все налоги с земли, числящейся за колхозами, а не с фактически обрабатываемой земли только потому, что хочет понудить колхозы к быстрейшему освоению всей земли, числящейся за ними; поэтому в своем письме-заявлении ты должна сделать главный упор на те факторы, которые помогли бы эту землю освоить, а если все же значительная часть земли не может быть освоена, надо хорошо обосновать, почему это невозможно.

3. Записка должна быть максимально краткой, потому что тогда больше шансов, что ее действительно прочтут.

Если ты еще раз в ближайшее время увидишь Таню или будешь писать ей, передай ей мой самый сердечный привет и мою неизменную любовь. Не говорила ли она тебе, передал ли ей Костя Серов экземпляр «Молодой гвардии» в переработанном и дополненном издании?

Одновременно с этим письмом посылаю аналогичный экземпляр и тебе. Очень прошу тебя — напиши мне адрес Тани.

Сердечно обнимаю тебя и крепко целую.

Саша.

Милая Тамара! Может быть, в связи с тем, что ты сейчас не получаешь зарплаты, и в связи со всеми твоими семейными делами, ты нуждаешься в деньгах? Ты прекрас-

по знаешь, насколько чужды мне всякие внешние условности, — и думаю, что они чужды и тебе, когда речь идет о столь близком тебе человеке, как я. Я просто был бы рад помочь тебе всем, чем могу. К тому же это действительно не стоит мне никакого труда и лишения. И если ты мне без ложного стеснения скажешь, что тебе нужно, мы с тобой всегда, всегда сочтемся перед лицом нашей дружбы и многих наших живых и уже погибших друзей, с которыми нам приходилось в молодости делиться всем так же, как они делились с нами.

220. А. Б. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕРУ

5 июня 1952 года

Дорогой Александр Борисович!

Ваш дневник представляет из себя неоценимый документ для всякого исследователя жизни и творчества Л. Н. Толстого и вообще для всякого зрелого человека, с уже выработанным мировоззрением, интересующегося гигантской личностью Толстого, его местом в историческом развитии России.

....Я надеюсь встретиться с Вами, и, очевидно, нам придется немало поговорить о Вашей поистине подвижнической работе. (Она и задержалась у меня после нашего телефонного разговора только потому, что я, как писатель и литературовед, прочел ее от первой страницы до последней не просто как вольный стрелок-читатель, а с «пристрастием».) Сейчас я вынужден ограничиться краткими замечаниями....

В дневнике так много важного, большого, мало известного, подлинного, такое богатство мыслей самого Толстого, Ваших наблюдений, выводов, столько *ценных* подробностей, картин жизни, столько чистого, неподкупного, что, конечно, из такого дневника можно сделать книгу для широкого современного читателя. Такая книга его обогатит духовно и произведет большое очистительное действие....

До нашей встречи я ограничусь этими замечаниями. Я всего лишь несколько дней как выписался из больницы. Сегодня улетаю в Магнитогорск. Вернусь 18—20 июня и позвоню Вам.

Извините, что так долго держал рукопись. Очень много у меня работы, очень много я болел. И сам много писал, а мне это редко удается.

При встрече я выскажусь конкретней, подробней.

Не серчайте! Желаю Вам здоровья. Крепко жму Вашу руку.

Ал. Фадеев.

221. Е. Д. СТАСОВОЙ

5 июня 1952 года

Дорогая Елена Дмитриевна!

Письмо это, собственно говоря, без повода. Как сказано у Есенина: «Письмо, как письмо, беспричинно, я в жизнь бы таких не писал...» Но я чувствую себя безгранично виноватым перед Вами, что в свое время не сумел, не успел связаться с Вами по Вашей записке. Как Вам известно, я болел. Комитет по премиям отнимал у меня безумно много времени: пришлось все наспех читать, смотреть и слушать, поскольку в течение всего года я был занят своим романом. И во время работы Комитета мне тоже приходилось прятаться от людей, чтобы иметь возможность писать.

В жизни человека бывают такие периоды, когда самым гуманистическим поступком с его стороны является забота о самом себе. Я как раз находился в этом периоде. Вообще я Вам все-таки позвонил на квартиру, но Вы были в это время в Ленинграде.

Прошу Вас на меня не сердиться, потому что я Вас искренне уважаю и люблю Вас.

Желаю Вам здоровья и крепко жму Вашу руку.

Ал. Фадеев.

222. И. Ф. ТЕВОСЯНУ

6 июня 1952 года

Дорогой Иван Федорович!

Я так надолго потерял связь с Министерством черной металлургии, что, может быть, у тебя и Павла Ивановича Коробова зародилось сомнение: уж не отрекся ли я от своей металлургической темы. Нет, роман мой в самом

разгаре. Мне сильно не повезло. После нашей с тобой поездки в Магнитогорск у меня была заграничная поездка, после которой я заболел (спазма одной из сердечных мышц). Прошло около месяца. Я поехал во вторую заграничную командировку, после которой снова заболел (желтуха) и опять — больше месяца. Болезнь эта такого рода, что я потерял связь с внешним миром. Но она не только не помешала, а даже способствовала моей работе над романом, потому что я был под защитой болезни и мне никто не мешал.

За истекший год я собрал такой огромный материал и так много прочел по интересующим меня теперь вопросам, что задержки в работе у меня нет почти никакой.

Иван Павлович Бардин дал мне хорошие учебники по металлургии. Чтобы чувствовать себя свободно в технологии этого дела, я, помимо романа своего (вернее, в помощь ему), сделал для себя подробное описание всего металлургического цикла по всем заводам и комбинатам, на которых я был, одновременно проходя все это по учебникам.В основу я брал учебник Тепленко и отличный двухтомник (увы! американский!) Френсиса и Кэмпа. Я проделал все это так, как если бы я был студентом, вернувшимся с практики. Несомненно, я мог бы теперь сдать зачет по этому курсу.

Что же касается чисто бытовых и общечеловеческих наблюдений, то здесь у меня глаз профессиональный, и за эту сторону дела я не опасаюсь.

Тем не менее у меня есть еще белые пятна на карте. В вопросах технического прогресса в металлургии я многое почерпнул, общаясь с работниками Вашего научно-исследовательского института, много мне дали Иван Павлович, Николай Блохин. За время, что мы с тобой не виделись, я связался с Реминым и всей его группой. Но из тех вопросов, о которых мы с тобой говорили, мне по-прежнему мало известны перспективы развития нашей металлургии в смысле хозяйственном и географическом. И по возвращении из Магнитогорска я вновь обращусь к твоей помощи.

По ходу романа мне оказались очень необходимы строители, которыми я занимался меньше, чем металлургами, — мне нужны инженеры и рабочие — строители коксовых батарей, доменных и мартеновских цехов и особенно прокатных цехов. Одним из героев романа моего — не главных героев, но занимающих большое место в романе, — является инженер-строитель прокатных цехов.

Может быть, моя терминология и не точна, мне нужны, разумеется, не строители коробок, а те люди, которые устанавливают силовое хозяйство, блюминги и прокатные станы, монтируют цеха. Наверно, кое-кого я найду по этой линии в Челябинске и Магнитогорске. В дальнейшем я надеюсь на помощь министерства, которое, очевидно, может связать меня с этими людьми в Москве, так как мне в дальнейшем трудно будет выезжать на места.

Со всеми этими потребностями мне придется обратиться к тебе в начале июля.

Желаю тебе успеха в работе и крепко жму руку.

А. Фадеев.

223. И. П. БАРДИНУ

6 июня 1952 года

Дорогой Иван Павлович!

Не думайте, что я отказался от своей металлургической темы. Нет, я занимался ею, более чем когда бы то ни было. Но я действительно оторвался от Вашего института, потому что был дважды в заграничных командировках и после каждой из них продолжительное время болел.

Болезнь дала мне возможность систематизировать и обобщить огромный материал, который я собрал во время своих путешествий по металлургическим комбинатам и заводам. Я очень благодарен Вам и Ивану Ивановичу Мурзину за книги, которые Вы мне рекомендовали и предоставили. Среди них особенно ценным — полным и систематичным по изложению — оказался двухтомник Френсиса и Кэмпа.

Я всего несколько дней как выписался из больницы. Завтра улетаю в Магнитогорск, вернусь к концу месяца и поеду на сессию Всемирного Совета Мира. В Вашем институте я появлюсь в первых числах июля и уже прочно засяду в нем: все последующие месяцы мне придется пребывать в Москве.

Книжку Вашу «Путь инженера» я не то что прочел, а проштудировал. Она у меня, — если не возражаете, я Вам верну ее тоже в июле. Вы необыкновенно хорошо вылепили образ Курако. Как это ни странно, но хуже всего этот образ получился у профессионального литератора Бека. В книге Григорьева и Александрова, к которой Вы

дали предисловие, этот образ дан лучше, чем у Бека. Но наиболее выпукло — и по моральному, и по физическому облику — представляешь себе Курако по Вашей книге.

Конечно, меня больше всего интересовало все, что связано у Вас с Кузнецким комбинатом. К сожалению, мне не удалось побывать на нем. Очевидно, я смогу побывать там только в начале будущего года, и это очень жаль. Ведь роман-то я уже пишу. Но роман у меня большой, листов на 50—60, это, можно сказать, дальнее плавание, и по мере работы мне, конечно, придется немало выезжать и пополнять свои знания. Тем не менее я надеюсь первую часть романа напечатать в журнале уже в первой половине 1953 года.

У Вас появилась целая группа лауреатов Сталинской премии. Передайте мой сердечный привет и И. Мурзину, и моему товарищу по Горной академии И. Ф. Красных, и товарищу Бойченко со всей его группой.

Желаю Вам успеха в работе, богатырского здоровья.

Крепко жму Вашу руку.

А. Фадеев.

224. СТРОИТЕЛЯМ КОМСОМОЛЬСКА-НА-АМУРЕ

6 июня 1952 года

Мой сердечный привет строителям и гражданам города Комсомольска-на-Амуре в день его славного двадцатилетия.

Мне довелось дважды встречать Новый год — год 1934 и год 1935 — в замечательном городе, который весь советский народ зовет городом юности.

Я помню героические усилия юных строителей города, когда закладывались еще первые улицы, стены новых корпусов заводов и жилых зданий, когда город был еще весь в лесах стройки и окружен дремучей многовековой тайгой, когда до города можно было добраться зимой по ледяной трассе Амура.

Сменилось уже несколько поколений строителей города, и есть уже немало граждан, рожденных в нем.... Эти поколения строителей и граждан создали на диком берегу Амура новый большой промышленный и культурный центр — крепость коммунизма.

Желаю Вам, дорогие друзья старших и младших поколений, новых производственных побед и такого расцвета культуры, который вполне отвечал бы потребностям социалистического города.

Крепко жму ваши руки, товарищи!

Александр Фадеев.

225. ТОВАРИЩУ ПОСТНИКОВУ

Июнь 1952 года

Уважаемый товарищ Постников!

Вы поставили меня в неловкое положение, выпустив без моего ведома книжку «Метелица». Неловкость происходит от того, что по указанию ЦК ВКП(б) запрещается издавать и переиздавать книги в разных издательствах без особого на то разрешения Главполиграфиздата. Мне как секретарю Союза писателей и как члену ЦК ВКП(б) не подобает нарушать этот закон.

Как всякий автор, я был бы рад тому, что моя книжка для детей выйдет в свет таким большим тиражом. Но для этого Вам нужно получить разрешение Главполиграфиздата (товарища Грачева).

Предложенная Вами поправка мне кажется нецелесообразной. В тексте сказано, что густые зеленые кисти шнурка, которым перетянут Метелица, выпущены из-под фуфайки, — значит, они видны. Метелица сильный, стройный человек, и, поскольку фуфайка облегает тело и видны кисти шнурка, выпущенные из-под фуфайки, люди, находящиеся на площади, могут видеть, что Метелица перетянут шнурком.

С приветом

Ал. Фадеев.

226. В. С. ГРОССМАНУ

23 июля 1952 года

Дорогой Василий Семенович!

Как ни печально, но я «вступил» в исполнение обязанностей по Союзу писателей.

И Секретариат Союза, и дирекция Литинститута очень просили меня, чтобы я уговорил Вас согласиться все-таки

на руководство семинаром прозы (очевидно, одного из семинаров) в Институте. Все-таки очень жалко, что довольно способных, иногда талантливых ребят часто мучают в семинарах наши малоквалифицированные литераторы, — ребята скучают и вырастают бескрылыми.

Если у Вас есть хоть какая-нибудь возможность, — согласитесь. Запоздало поздравляю Вас с началом печатания Вашего романа. Как здоровье Ваше? Передайте мой сердечный привет Ольге Михайловне.

Крепко жму Вашу руку.

Ал. Фадеев.

227. ДЖУЗЕППЕ БЕРТИ

<До 10 ноября 1952 года>

Дорогой Берти!

После годового творческого отпуска я вернулся к работе в Союзе советских писателей. Это время я в значительной мере провел далеко от Москвы. Только теперь я смог познакомиться с присланной Вами книгой «Русская демократическая мысль XIX века». Это, несомненно, ценный опыт подобного сборника. Об этом говорят и отзывы прогрессивной итальянской печати. Поскольку я знаком со всеми помещенными в книге работами Белинского, Герцена, Чернышевского и Добролюбова, я, естественно, особенно интересовался комментариями и предисловием. Считаю, что они очень помогают итальянскому читателю лучше понимать ход событий и характеристики лиц, о которых говорится в публикуемых статьях.

Большой интерес представляет предисловие, свидетельствующее об обстоятельном Вашем знакомстве с трудами русских революционных демократов, с русской историей, с высказываниями классиков марксизма. Видно, что автор предисловия внимательно следит и за советской критикой и литературоведением. Правильно указывая, что идея необходимости преобразования общества созрела в России еще до французской революции 1789 года, Вы, мне кажется, несколько переоценивает влияние французской материалистической философии и идей энциклопедистов на

Радищева и других русских мыслителей, хотя и упоминаете о влиянии Ломоносова. Ваше предисловие представляет несомненный интерес и для наших специалистов-литературоведов. Желаю Вам на этом пути дальнейших успехов. Такая научная связь прогрессивных деятелей культуры — серьезнейшее средство укрепления дружбы прогрессивных сил мира.

Крепко жму Вашу руку.

Александр Фадеев.

228. А. ФАДЕЕВУ

14 декабря 1952 года

Дорогой Шура!

Вот тебе и 16 лет. Поздравляю тебя. Теперь ты уже парень взрослый, и, можно сказать, вся дальнейшая твоя жизнь в большей степени зависит от тебя самого, чем от воздействия других.

Мне нечего тебе подарить. Мама, как всегда, после очередного посещения привезет тебе и Мише фруктов...

В отношении учебы советую тебе ежедневно ставить перед собой задания — пусть небольшие — и выполнять их точно и неукоснительно. Но в общем эти наставления не ко дню рождения. До свидания, — кажется, не такого уж близкого, к сожалению. Крепко целую тебя. Желаю тебе быть сильным, умным, правдивым, смелым, добрым, хорошим товарищем. Не вредно при всем этом быть еще человеком знающим.

Поцелуй Мишеньку.

Папа.

229. ЖАНУ ЛАФФИТУ

28 декабря 1952 года

Поздравляю с удачным завершением Конгресса народов в защиту мира. Прошу передать мои поздравления господину Жолио-Кюри и сердечную благодарность за его внимание ко мне.

Братски Ваш

Ал. Фадеев.

230. ЯКУБУ КОЛАСУ (К. М. МИЦКЕВИЧУ)

<Конец декабря 1952 года>

Дорогой Константин Михайлович!

От всей души поздравляю Вас с Новым годом, одновременно с Вашим славным 70-летием. Болезнь помешала мне своевременно приветствовать Вас. Вы знаете, как я глубоко люблю Вас — прекрасный художник и человек, как близко моему сердцу Ваше замечательное творчество, проникнутое от первой строки до последней любовью к народу.

Желаю Вам долгих лет жизни и новых творческих достижений.

Александр Фадеев.

1953

231. К. Ф. ПЛАТОНОВОЙ

10 января 1953 года

Уважаемая Клавдия Федоровна!

Спасибо Вам за ценные Ваши замечания к роману, — большинство из них я принял.

Некоторые замечания, несмотря на их справедливость и существенность (например, по поводу «Колобка», о «скороговорке» в отношении разгрома немцев под Сталинградом или партизанских действий Крапивина-Туркенича, а также об однообразии приема личных характеристик — «он был», «она была», «они были»), я не смог сейчас учесть и реализовать, так как работаю над новым романом: побоялся второпях испортить старое. Очевидно, этим недостаткам суждено «побытовать» в романе некоторое время. Впоследствии я их исправлю. Отдельные замечания показались мне неприемлемыми, нарушающими или авторскую интонацию, или стилевую особенность.

Страницы с правкой я отметил закладками и правку сделал более резким карандашом.

Еще раз благодарю Вас за помощь.

Крепко жму руку.

А. Фадеев.

Извините, что задержал немножко!

А. Ф.

232. К. М. СИМОНОВУ

25 января 1953 года

Дорогой мой Костя!

С большим увлечением прочел «Товарищи по оружию» и очень хотел бы поговорить с тобой о романе. Он — свидетельство твоего большого творческого развития.

Вообще говоря, я *очень* по тебе соскучился, но сознательно оттягивал встречу — так же как и встречу с Сурковым, — ибо знаю: придется говорить, увы, и о делах. Но теперь я способен на это. Приходи, независимо от приемных дней, в любой день недели, в любые часы (только предупреди заранее, через главного врача Ивана Васильевича Геращенко). Со своей стороны я сделаю так, что препятствий тебе никаких чинить не будут.

Очень жду тебя.

Крепко жму руку и обнимаю.

Твой *А. Фадеев.*

Мой сердечный привет Вале!

233. М. М. ПРИШВИНУ

5 февраля 1953 года

Приветствую Вас — несказанно талантливый, могучий, молодой Михаил Михайлович! Болезнь помешала мне лично пожать Вам руку. Желаю Вам здоровья и здоровья! Все остальное есть у Вас.

Александр Фадеев.

234. В. К. КЕТЛИНСКОЙ

6 февраля 1953 года

Дорогая Вера Казимировна!

Только здесь, в больнице, мне удалось прочесть Ваш роман спокойно, с начала до конца. Хочу сказать Вам несколько добрых и несколько суровых слов. (Извините, что — по обстоятельствам — пишу карандашом.)

В целом Вы, можно сказать, одержали значительную победу в области современной прозы о жизни наших рабочих и технической интеллигенции. «Дни нашей жизни» — лучшее из того, что написано в этой области. Но и безотносительно к тому, что и как написано другими, в романе немало просто хорошего — такого, что увидено только Вами и — останется в литературе.

В сущности, Вам впервые удалось показать жизнь партийного коллектива на заводе, показать интересно, в сложности и многообразии интересов, отношений, дел, не безлично и в противоречиях.

Немиров — первый в литературе живой и жизненный хозяйственный руководитель, данный в развитии, с сильными сторонами *именно руководителя.* В разговоре с генералом в вагоне (это вообще примечательная сцена — и в отношении Немирова, и в отношении генерала) хорошо открывается какая-то — до того скрытая в повседневности практических дел — *высокая духовная* сторона Немирова именно как крупного хозяйственно-технического руководителя-коммуниста. Недостатки его в романе — тоже типичные недостатки для очень большой категории работников этой области. Он, в общем, хорошо вылеплен как человеческий характер и не распадается на разных Немировых, будучи показан в партийных, производственных, семейных связях; всюду — это он. (Должен попутно сказать, что Саганский как тип хозяйственного руководителя тоже подмечен очень верно и — виден, несмотря на то, что места ему уделено немного.) Немиров был бы еще выпуклее, если бы удался Диденко, парторг, но сей последний как раз распадается на составные части и как единый человеческий характер в романе не виден. Кульминационная точка «столкновения» Немирова и Диденко найдена и художественно обозначена *верно.* Но образ Диденко в этом пункте неизмеримо бы вырос (а через него

выиграл бы и образ Немирова), если бы *до* этого столкновения парторг был верно нарисован. Вы совершили ошибку многих: желая показать примат *партийного* руководства, Вы с самого начала поставили Диденко в нескромное положение человека, «поучающего» Немирова, выполняющего даже некоторые функции организатора собственно-производственной деятельности *помимо Немирова или рядом с ним.* Это — ошибка. За случайными исключениями, директора предприятий как руководители крупнее парторгов, и не случайно в таких индустриальных городах, как Запорожье, Магнитогорск, Кузнецк и пр., именно директора комбинатов и заводов, а не парторги — члены бюро горкомов. Если парторг «сильнее» директора, партии выгоднее сделать его просто директором. Функция парторга — функция *политического* воспитателя и организатора масс в *помощь* директору и функция партийного «глаза» и контроля на предприятии в широком смысле. Поэтому хорошие парторги прежде всего скромны и тактичны в отношениях с директором. Вы представляете себе, насколько цельнее, выпуклее и правдивее выглядел бы *такой* парторг, когда принципиальная позиция приводит его все-таки к столкновению с директором? Такого человека можно любить, и в характере его сразу зазвенит металл, а не жесть. А Диденко умозрительно-правильный, претенциозно-поучающий *знак* партийного руководителя, которому «для оживления» приданы разнохарактерные личные и бытовые подробности, не сливающиеся в единый характер. Кстати сказать, и секретарь райкома Раскатов говорит по телефону с Немировым (в конце 7-й книги «Знамени») в тоне неверном и фальшивом для партийного руководителя по отношению к директору крупнейшего завода («сверху вниз», точно командует, или поучает, или насмехается!). Это — не стиль партийного руководства. Всей «системой» романа роль и место партийного руководства даны достаточно глубоко и верно, и Вы поступили бы правильно, убрав эти неприятные черточки «сверху вниз» у Диденко и у Раскатова. Здесь, в конце 7-й книги «Знамени», Немиров, между прочим, дан нехорошо (когда он наедине с собой) — движения души его даны неточно, умозрительно и — вне его характера (единственное место!) — здесь надо кое-что просто сократить.

По мастерству лепки характера — большая удача — *Гаршин.* Он отделан до мелочей, поразительно верно.

Он верен как тип — и не только потому, что такие в законченном виде встречаются в нашей жизни, а также и потому, что черты его обильно рассеяны среди нашего брата — мужиков. Хорошо написан *Полозов*. Женские образы все Вам удались. В области личных и семейных отношений много верных, тонких, умных наблюдений, а главное — не побоялись Вы показать некоторые теневые стороны, трудности и противоречия этой сферы жизни! Можно сказать, что большинство людей *живет* в романе, веришь, что так оно и было. Очень хороши образы старых рабочих. Верно поставлен и разрешен «конфликт» в семье Пакулиных, благодаря чему семья эта хорошо запоминается (хотя Николай Пакулин, — в общем, фигура удачная, — *не вполне* дорисован, а младший брат его в романе необязателен, его могло бы и не быть, да его, по существу, и нет).

Неудачен Диденко, и только по фамилии существует главный инженер — Алексеев. Недораскрыт, недорисован Аркадий Ступин, поэтому в его переломе есть известный авторский произвол (а жаль, — ведь это человек затейливый, с индивидуальностью, — и таких много, — его можно было бы интересно и вкусно показать). Трафаретна фигура Кешки, — слишком много таких озорниковатых мальчишек в нашей литературе, нового к ним Вы ничего не прибавили.

При всех больших достоинствах романа недостатки его — тоже недостатки крупные, и я на Вашем месте еще поработал бы над романом для отдельной книги, — он того стоит.

В одной из рецензий правильно сделан Вам упрек в композиционной расплывчатости или неслаженности романа, взятого как целое. Рецензент не сказал, что это делает Ваш роман местами *незанимательным* (т. е. интерес читателя — узнать, что будет дальше, — иногда *слишком* ослабевает, не говоря уже о том, что роман поначалу медленно, вяло, описательно, многословно развертывается). Между тем даже *простое сокращение* сняло бы этот недостаток занимательности. Беспощадно уберите всю техническую терминологию там, где она не обязательна, там, где она понятна только узкому кругу работников данной специальности, — у Вас в 7-й и 8-й книгах журнала *большой перегруз* в технических описаниях, в бесконечно длинных разговорах на производственные темы (там, где это дано без второго плана, без остроты проти-

воречий, без характерности, без «душевности», это нестерпимо скучно). Посмотрите, как сразу оживает, делается занимательным и даже увлекательным *соревнование в производстве,* когда большой *социальный* план, когда *настоящие живые люди с их судьбой* выступают на первое место, а техническая задача является только *средством* прояснения или проявления этого главного и большого! Я имею в виду, *как хорошо Вами подготовлено* и как поэтому хорошо *написано* соревнование Ерохина и Торжуева, за спиной которого стоит Белянкин (и как потом оправданно отпадение Торжуева от Белянкина!). Я, очевидно, перевираю фамилии, так как номеров журнала у меня под рукой уже нет, но Вы знаете, о ком я пишу, и сразу поймете, в чем преимущество *этого* описания перед многими другими. Ваши диалоги — там, где в них не заложено большой, свежей, новой мысли, и там, где они недостаточно индивидуализированы и психологизированы, — слишком длинны. Длинны в том смысле, что люди толкуют слишком *долго* о том, что уже ясно. Длинны и в том смысле, что *каждый* говорит слишком подробно и пространно. Все подобные диалоги (их у Вас очень много) можно и должно сокращать вдвое, втрое, вчетверо. Роман должен начинаться стремительнее. После совещания директоров и разговора Немирова с Саганским надо круче брать быка за рога. Долой мелкие технические подробности! Долой разговор Воробьева с рабочими на международные темы, — он, этот разговор, *здесь* не нужен, да и написан очень газетно, скучно, безындивидуально, без единого острого и меткого рабочего словца! Отожмите в романе и авторское многословие (иногда), и многословие Ваших героев (часто), всю *голую* технику, рассуждательство на известные политические темы или на лишенные «второго плана», а потому скучные производственные темы, и Ваш роман сразу станет весь и целиком *занимателен.* Ибо занимательность Вашего романа не в хитроумном сюжетном строении, а в живых судьбах живых людей с их противоречиями и трудностями и преодолением противоречий и трудностей — в труде, в общественной жизни, в быту.

Но дело не только в сокращениях. Известная композиционная неряшливость получилась потому, что Вы не сумели архитектонически правильно расположить те самые большие и главные *мысли,* которые — в их соединении —

дают *генеральную идею* Вашего романа. *Осваивая новый мощный тип турбины для Краснознаменска—то есть для нового типа строительства, которое народ не случайно назвал «стройкой коммунизма»,* — люди через социалистический труд, все более сознательный, все более коллективный и творческий, все более становящийся трудом-наслаждением, преобразуют самих себя, душу свою, быт свой, отношения свои — и идут к коммунизму, когда счастье творческого труда и «разумных, прозрачных» отношений между людьми станет достоянием *всех* людей, и во *всех* сферах их жизни.

Эту — грубо мной сформулированную — многопланную генеральную идею Вашего романа Вы должны более полнокровно выразить через ту *конкретность,* которую я выше нарочно подчеркнул, которая *Вами* же избрана и дана. У Вас, например, посещение Воловиком и другими Краснознаменска и описание Краснознаменска совсем «не играет», ибо дается где-то посредине романа — не по потребностям сюжета, а по авторскому произволу, и дается именно *описательно,* вяло, не одухотворенно, недостаточно связано с генеральной идеей и поэтому не только не движет сюжета, а даже тормозит его. А вам вместо этого нужна целая глава — *ближе к концу романа,* — в котором *ряд* героев романа, мужчин и женщин, в том числе и Воловик, приезжает *сдавать новую турбину Краснознаменску.* И здесь должна быть такая мощная панорама и перспектива нового строительства, чтобы видно было и небо и землю, перекраиваемую по воле людей, чтобы было масштабно, празднично, цветисто, чтобы дух захватывало! Это сразу бросит необыкновенно яркий ретроспективный свет на весь роман и — очень неназойливо, без всяких рассуждений с Вашей стороны — *покажет* читателю, *для чего, ради чего* городили Вы весь огород вокруг своей турбины! Это — первое. Второе и последнее, что я хотел бы Вам сказать в связи с Вашей генеральной идеей: мысль «о счастье» и мысль о «труде-наслаждении» выражены Вами в местах совершенно случайных, и выражены умозрительно. Эти мысли, вероятно, можно и должно сохранить и в таком рациональном выражении, но Вы должны найти для них *более заметное и более законное место* — там, где по ходу романа больше кульминации, напряжения, остроты. И не вредно найти способы — не назойливо, не претенциозно, лучше через что-нибудь конкретное, но еще и еще раз напомнить кое-

где эти же мысли. Мысль «о счастье» Вам развить необыкновенно просто, ибо мест, куда ее можно естественно «пристроить», в романе очень много — причем (для контрастности) ее можно «пристроить» и там, где люди «счастливы» и где они «несчастливы». Мысль же о «труде-наслаждении» лучше всего связывать с теми людьми и с теми моментами труда, где он, труд, более наглядно и естественно выступает как творчество: с Воловиком, например, или там, где Ерохин побеждает Торжуева (чувствую, что перевираю фамилии), в рассуждениях профессора-ученого и пр.

Вами, кстати сказать, очень хорошо и тонко выражена мысль о счастье любви и семьи, если это трудовой союз, если это окрашено — помимо всего прочего — творческим трудом и мужа и жены. Вам удалось повернуть эту мысль очень жизненно и с разных сторон: в беседе Немирова с генералом и в их, так сказать, «судьбе» в этом смысле, в отношениях Воловика и его жены, которая — увы! — только «при нем», и все видят, что она ему «не пара», в поисках Карцевой только такой большой и цельной любви и такого семейного союза, в ее отказе от всякой халтуры в этом смысле, — наконец, в поражении Гаршина, которое он потерпел «по всему фронту» и, в частности, у Немировой. Вот так же, незаметно, но настойчиво, Вы должны провести через роман и другие Ваши большие мысли. Они, как высотные здания в городе, *архитектурно организуют Ваш роман,* причем среди этих высотных зданий глава о Краснознаменске должна стать чем-то наивысшим, венчающим (как будущий Дворец Советов в Москве среди ныне строящихся высотных зданий).

Вот основное из того, что я хотел сказать Вам, Вера Казимировна, в связи с Вашим романом.

Желаю Вам всяческой удачи и крепко жму Вашу руку. Еще раз извините за карандаш.

А. Фадеев.

235. К. М. СИМОНОВУ

8 февраля 1953 года

Ознакомился с книгой Трифоновой о Эренбурге и снова обеспокоился — созрела ли она для редколлегии «Литературной газеты», для руководства отделом литературы? Наивная книжица! Критическая — в адрес Эренбурга —

часть книжицы тоже наивна. Замолчаны такие характерные для Эренбурга определенных периодов романы, как «Жизнь и гибель Николая Курбова» и «Рвач». Неверно оценена, оценена односторонне, обращенная не только против капитализма, а и против социализма публицистическая книжонка «Белый уголь, или Слезы Вертера». А все потому, что нет в книге подлинной истории с ее классовой борьбой — в международном масштабе и внутри страны, а есть один Эренбург и советская власть. Вначале Эренбург «еще не все понимает», а потом он уже «все понял» и — следует апологетика. Ну как такой книжный человек сможет разбираться в развитии литературы в наши дни? Под хорошим руководством, как заведующая отделом, она, т. е. Трифонова, может, конечно, еще расти и быть полезной, как человек честный и трудолюбивый, но.... руководить? Подумай еще.

Ушел ли в отпуск Сурков? Посылал я ему книгу новых стихов Ахматовой со своим отзывом в пользу печатания и просьбой обсудить на Секретариате. Я писал Суркову, что если Секретариат «за», вряд ли тексты надо согласовывать с инстанциями. Но после зрелого обдумывания нахожу, что *надо:* Ахматова фигурировала в важнейшем постановлении ЦК от 14 апреля. Поэтому прошу направить книгу Ахматовой Михайлову с мнением Секретариата и моим отзывом, адресованным «Советскому писателю». Сделай это, пожалуйста!

Крепко жму руку.

А. Ф.

236. Б. А. ЛАВРЕНЕВУ

5 апреля 1953 года

Дорогой Боря!

Прочел «Лермонтова», — пьеса действительно хороша, как мне и говорили мхатовцы. Есть у меня замечания в отношении образа Лермонтова. Надо развить кое-какие стороны его, вполне правильно найденные и подчеркнутые тобой, но иногда не в том месте, где нужно (как мне кажется); их просто нужно еще раскрыть, побольше. Профессионально, технически это сделать необыкновенно просто. А введение или, вернее, усиление этих

мотивов снимет и замечания цензуры, хотя усиление само по себе касается только творческого и политического лица Лермонтова, а не отношений с Мартыновым.

Обнимаю тебя и прошу зайти ко мне на дачу сегодня 5/IV в 7 час. вечера.

Твой *А. Фадеев.*

237. Т. А. ФАДЕЕВОЙ

15 апреля 1953 года

Милая моя Танюша!

Я никуда не уехал, а был положен в изолятор, где меня лечили сонной терапией, — как ты понимаешь, не от печени. В общем, я чудно проспал четыре дня. Сейчас проснулся с чудесным аппетитом, о котором тебе при твоей болезни слушать просто противно.

Чувствую себя очень хорошо. Мама и Лина о моей болезни и методах ее лечения, конечно, вполне осведомлены и относятся ко всему положительно.

Одним словом, я по-прежнему под одним с тобой кровом и очень интересуюсь твоим состоянием. 1) Хуже ли тебе или лучше в смысле общего состояния (т. е. в смысле крепости твоей). 2) Будет ли операция и когда. 3) Звонит ли тебе Нина и имеешь ли ты возможность передавать на «волю» хотя бы ложные сведения о своем здоровье.

Вероятно, завтра или послезавтра мне перестанут давать всяческие усыпляющие (сейчас я «полуусплю»!), и я смогу тебя навестить.

Крепко и нежно тебя целую — твой единоутробный голубоглазый братец, крещенный Александром от отца также Александра и «девицы Антониды» (как называли нашу милую маму в полицейских сводках, когда она навещала отца в Шенкурске, в этих же сводках неизменно отмечалось, что А. И. Фадеев — человек непьющий и поведения положительного).

238. А. А. СУРКОВУ

<Апрель—май 1953 года>

Дорогой Алексей Александрович!

Прошу извинения перед тобой и перед Секретариатом в том, что я не мог ознакомиться с проектом организационной перестройки ССП и возвращаю пакет нераспечатанным. Я болен. Я болен не столько печенью, которая для врачей считается главной моей болезнью, сколько болен психически. Я совершенно, пока что, неработоспособен.

Однако, будучи незнаком с проектом, я по опыту своему, поговорив с рядом литераторов по поводу проекта, могу сказать, что проект нуждается в серьезной доработке; уж очень много видных литераторов, которым он, этот проект, не нравится. Против проекта такие разные люди, как Твардовский и Софронов. По дошедшим до меня сведениям, проект не нравится Панферову и Кожевникову. Нечего говорить о том, что за каждым из названных литераторов стоят еще литераторы, печатающиеся в журналах, редактируемых Твардовским, Панферовым, Кожевниковым, связанные по работе в Правлении ССП или по линии драматургии с Софроновым и т. д.

Конечно, трудно провести что-нибудь новое, чтобы *все* были с этим новым согласны. Но нам, в организационном и идейном смысле, нужно только такое новое, что объединяет большинство литераторов, кажется им правильным и полезным. А пока что, судя по отзывам, которые дошли до меня, новый проект разъединяет большинство литераторов, и только по этим отзывам, не будучи в силах ознакомиться с самым проектом, я вижу, что он нуждается в серьезной доработке или даже в пересмотре.

Кроме того, еще в период своей работы над докладом к пленуму, докладом, которого я не смог осилить, я убедился в том, что в период наших первоначальных предварительных размышлений об организационной перестройке ССП мы упускали из виду главное: нужна такая перестройка, чтобы все ведущие писатели страны, те 30—50 человек, на которых и в центре и в республиках фактически лежит все «бремя руководства» Союзом писателей, были по меньшей мере на четыре пятых высвобождены от этого бремени и чтобы их творческая работа, их собственная работа над собственными произведениями, стала

их главной деятельностью. Ибо, пока что, на сегодняшний день, только эти 30—50 человек по всему СССР могут давать хотя бы относительные образцы литературы, по которым могла бы учиться молодежь. Без этих образцов, своеобразных эталонов, по которым можно учиться и по которым можно, отчасти, равняться, всякий разговор об идейно-творческой воспитательной работе есть пустой разговор, самообман. Советская литература по своему идейно-художественному качеству, а в особенности по мастерству, за последние 3—4 года не только не растет, а катастрофически катится вниз. Мало, очень мало явлений, которые можно было бы выдвинуть хотя бы как относительный образец. А все это происходит потому, что люди, способные дать этот, хотя бы относительный образец, перегружены по уши чем угодно, но только не творческой работой, хотя большинство из них в течение десятилетий зарабатывали свой литературный опыт и мастерство буквально горбом и *без их примера никаких талантов и гениев из молодежи самопроизвольно возникнуть не может,* как не могло бы быть Пушкина без Державина, Ломоносова, Грибоедова, Жуковского, Батюшкова.

Мы никогда не вылезем из кризиса драматургии, если для таких драматургов, как Корнейчук, Симонов, Погодин, Лавренев, Леонов, Ромашов, Софронов, Арбузов, Якобсон и некоторые другие, их работа над пьесами не станет их *главной* работой, а все остальные их нагрузки — второстепенной, подсобной работой. Ведь все эти люди, за некоторыми исключениями, работают над пьесами урывками, никто не успевает доработать свои пьесы до необходимого уровня, все пишут либо торопливо, либо вообще слишком мало пишут, либо уже вовсе не пишут.... а без их высокого примера никакую талантливую молодежь воспитать невозможно.

Какая может быть поэзия, если такие поэты, как Твардовский, Симонов, Тихонов, Бажан, Самед Вургун, Грибачев, Исаковский, Кулешов, Венцлова, Сурков, Рыльский, Щипачев и некоторые другие, работают не на все тысячи и тысячи отпущенные им господом богом поэтических сил, а на те две собачьи силы, которые удается высвободить из-под бремени так называемых «общественных нагрузок». *До тех пор, пока не будет понято абсолютно всеми, что основное занятие писателя* (а особенно писателя хорошего, ибо без хорошего писателя не может быть

хорошей литературы и молодежи не на чем учиться), *что основное занятие писателя — это его творчество, а все остальное есть добавочное и второстепенное, — без такого понимания хорошей литературы создать невозможно.*

Проза художественная пала так низко, как никогда за время существования советской власти. Растут невыносимо нудные, скучные до того, что скулы набок сворачивает, романы, написанные без души, без мысли, а в это время те два-три десятка отличнейших прозаиков, которые одни только и могут дать сегодня хотя бы относительные образцы прозы, занимаются всем, чем угодно, кроме художественной прозы. Стоило появиться хотя бы одному новому, со свежим пером, честному прозаику, вроде Кочетова в Ленинграде, появиться с первым свежим, чистым произведением, как этого талантливого человека, к тому же больного туберкулезом, по уши завалили так называемыми «общественными нагрузками», и человек уже начинает гибнуть на наших глазах как писатель, а ведь ему столько нужно еще учиться!

Всякая перестановка фигурок с одного места на другое на шашечной дощечке нашего так называемого литературного руководства, без решения этой *главной* проблемы — дать возможность хорошим писателям прежде всего писать — есть не решение вопроса, а просто издевательство над литературой.

Несколько слов о себе. Я не могу делать доклада на пленуме, я не могу работать ни в Союзе писателей, ни в каком угодно другом органе до того, как мне не дадут закончить мой новый роман «Черная металлургия», — роман, который я считаю самым лучшим произведением своей жизни и который, я не имею права здесь скромничать, будет буквально подарком народу, партии, советской литературе. Мне давали на 1 год «отпуск». Что же это был за «отпуск»? Шесть раз в течение этого года меня посылали за границу. Меня беспощадно вытаскивали из Магнитогорска, Челябинска, Днепропетровска еще недели за две до заграничной поездки, чтобы участвовать в подготовке документов, которые отлично могли быть подготовлены и без меня, притом примерно столько же уходило на поездку, потом неделя на то, чтобы отчитаться. 2 месяца ушло на работу в Комитете по Сталинским премиям, в проведении Всесоюзной конференции сторонников мира 1951 года. В условиях этого

так называемого «отпуска» я имел для своих творческих дел вдвое меньше времени, чем для всего остального. За это время я изучил жизнь, быт, производство 9-ти крупнейших металлургических заводов Востока и Юга страны, а также Москвы, проштудировал, по совету академика Бардина, 2 учебника металлургии как следует, прочел немыслимое количество брошюр новаторов производства, изучил биографии таких крупнейших русских металлургов, как Аносов, Чернов, Павлов, Байков, Бардин, изучил биографии Дзержинского, Куйбышева, Орджоникидзе, которые будут показаны в моем романе. Я вложил в роман все лучшее из своего собственного жизненного опыта, все, что я передумал и перечувствовал за 50 лет своей жизни, в этом романе сейчас вся моя душа, все мое сердце. Кому, как не тебе, известно, что я не холодный сапожник в литературе. Сейчас роман мой уже поплыл как корабль, многое уже вчерне написано, а главное то, что все необходимое уже найдено, — ведь профессиональному литератору главное — это сочинить, а написать он всегда напишет, было бы время, — и это вовсе не только роман о металлургии — она в центре этого романа, — но это роман о советском обществе наших дней, это роман самонужнейший, архисовременный. И вы, мои товарищи по Союзу писателей, просто должны, обязаны сделать все, чтобы этот роман был написан. А для этого я должен быть решительно и категорически освобожден от всей остальной работы. Не дать мне сейчас закончить этот роман — это то же самое, что насильственно задержать роды, воспрепятствовать родам. Но я тогда просто погибну как человек и как писатель, как погибла бы при подобных условиях роженица.

Если бы в 1943 году я не был освобожден решительно от всего, не было бы на свете романа «Молодая гвардия». Он смог появиться на свет, этот роман, только потому, что мне дали возможность отдать роману всю мою творческую душу.

Вот почему я нуждаюсь в абсолютном и полном освобождении от всех обязанностей, кроме этой главной своей писательской обязанности — дать народу, партии, советской литературе произведение, которое потом стало бы служить хотя бы относительным образцом.

Разумеется, я буду просить об этом ЦК партии. Но сейчас я не могу об этом просить, потому что по болезни

не в силах все толково изложить, а также потому, что испытываю невыносимый стыд за то, что из-за слабостей своих не смог выполнить в срок некоторые элементарные свои обязанности.

Однако и для преодоления слабостей этих мне необходимо сейчас одно: дать возможность закончить роман. Если я смогу получить такую возможность, я уже с января 1954 года напечатаю в журнале первую часть романа, то есть его треть по размерам. К концу 1954 года роман мой (в нем примерно 40 листов) будет абсолютно закончен.

С сердечным приветом.

А. Фадеев.

239. В. М. КАШИНЦЕВОЙ

9 июня 1953 года

Дорогая Валентина Михайловна!

Вот уже и 25 лет минуло, как Вы работаете, и работаете с честью, в наших литературных организациях, причем большая часть этого срока приходится, очевидно, на Правление Союза писателей. Может быть, мы с Вами здесь самые коренные старожилы! Кому же, как не мне в первую очередь, пожать Вам руку, пожать ее от всего сердца в этот и обычный для Вас и все же такой памятный день! Думаю, что и Вам это мое дружеское рукопожатие доставит известную радость. Ведь мне-то больше, чем кому-либо другому, известно, сколько беззаветного труда, душевных сил отдали Вы нашей организации, не щадя себя ни в чем. Вы трудились с такой преданностью делу и в то же время с таким чувством внутреннего достоинства, которое, на мой взгляд, является одной из важнейших сторон именно советского, подлинно советского работника, за что Вы и заслужили всеобщее уважение. На другом языке эта черта называется принципиальностью, но я употребил иное слово, ибо оно больше определяет не только Ваше отношение к делу, но и Вашу натуру в целом.

От души поздравляю Вас! Хочу, чтобы Вы знали, как я Вас уважаю и люблю. Желаю Вам здоровья.

Ваш *Ал. Фадеев.*

240. Ю. Н. ЛИБЕДИНСКОМУ

9 июня 1953 года

Дорогой Юра!

Письма твои, конечно, все получаю, и они доставляют мне живую радость. Не отвечаю, главным образом, потому, что очень активно пишу свой новый роман, а в этих случаях, столь редких в моей жизни, состояние у меня, я бы сказал, сомнамбулическое.

Здоровье мое идет на лад, и если меня так долго держат, то только из желания довести лечение до полного и окончательного результата. Я, откровенно говоря, и не возражаю, ибо кто его знает, какие еще возможные помехи могут обрушиться на меня, когда я выйду из-под охраны этих желтых стен — цитадели гуманизма тем более высокой, что оберегает она работников ответственных, которым и так хорошо, и не оберегает неответственных, которые в этом больше всего нуждаются.

Большое спасибо тебе за память.

Крепко жму руку. Сердечный привет Лиде. Целуешь ли ты своих детишек или ты умеешь целовать только Лиду? Если ты целуешь детишек, то поцелуй их за меня.

Твой *Саша.*

241. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

11 июня 1953 года

Дорогая моя Асенька!

Получил я две твоих телеграммы и то необыкновенно печальное письмо, по которому можно судить, что живется тебе невесело, и письмо, несколько более оживленное (где в числе прочего ты пишешь о проекте бассейна в нашем Спасске), которое я получил вчера. Между прочим, мне пришло в голову, что пора разрушить образовавшуюся у нас в письмах «традицию», когда я обращаюсь к тебе на «ты», а ты ко мне на «Вы». Будем писать, как разговариваем, то есть на «ты», — по праву первой дружбы, а для меня и первой любви. Надо сказать, что окружающие меня люди так привыкли, что живет у меня на Дальнем Востоке друг детства и юности

моей Ася Колесникова и что мы переписываемся, что никто уже не обращает на нас никакого внимания, должно быть, полагая, что мы имеем право на такую переписку по праву... возраста. Впрочем, при всех моих болезнях я чувствую себя, как всегда, человеком молодой души и знаю, что ты не можешь чувствовать себя иной. А печальные настроения твои всегда были свойственны тебе временами, еще в дни твоей юности. Теперь же они вызваны и характером работы, которая — при ее архиважном значении, при ее благородных возможностях (в потенции) — *на деле* так недооценивается, ей предоставлены по существу такие жалкие практические возможности, что даже в Москве, где мне иногда приходится бывать в наших «столичных» РОНО, мало людей, довольных плодами своего труда «на ниве сей». И, конечно, очень влияет на тебя такое долгое отсутствие сына, твоего Льва, — судьба судила ему полностью оправдать свое имя!

Вскоре после того, как я послал тебе предыдущее письмо, я написал и ему, но не представляю себе, сколько времени пройдет, пока он мое письмо получит. В отношении же работы твоей я вновь советую тебе написать мне (как депутату Верховного Совета СССР) официальное письмо о материальном положении заведующих ОНО, о материальных ресурсах, отпускаемых им по их отрасли, о недооценке всего значения этой работы со стороны многих и многих представителей власти, иногда руководителей партийных организаций, не говоря уже о многих, если не всех, хозяйственниках! Вместе с тем, я думаю, что в нашей общественности и просто в народе — именно потому, что все дети учатся, — живет доброе отношение, сочувственное отношение ко всем видам деятельности в области народного образования — иногда, правда, инстинктивное, без понимания, как и чем можно помочь. И если найти в себе силы расшевелить эту широкую низовую общественность, пробудить ее инициативу, многое, очень многое можно сделать (и делается по стране!) с помощью народа. Судя по всему, ты тоже нащупала эти живые, жизненные, не казенные пути, и, если будешь настойчива и не будешь смущаться некоторым непониманием твоих шагов со стороны людей, по существу первыми призванных тебе помочь, ты сумеешь сделать много прекрасного и полезного.

Я все еще в больнице, но не потому, что дела мои нехороши, — наоборот, — они хороши и их в таком положении хотят закрепить. В Барвиху попаду, наверно, к 1 августа, — я телеграфирую тебе о перемене адреса, а пока пиши по прежнему адресу.

Пишется мне сейчас хорошо.

Если дадут мне *полный* творческий отпуск (на что есть перспективы вполне реальные) эдак на годик, не сомневаюсь, что поездка моя на родину осуществится непременно. Если я не попаду в родные края в течение предстоящего учебного года, трудно будет сказать, попаду ли я в них уже когда бы то ни было!

Недавно заходил ко мне знакомый художник Федя Глебов, с которым я раньше частенько ездил на охоту, — он принес в больницу эскизы своих иллюстраций к «Молодой гвардии», — я вспомнил, что именно через него я года два назад, если уже не больше, добывал тебе краски, вспомнил сразу тебя, и очень, очень захотелось тебя повидать.

Не грусти, борись с жизненными неурядицами, пиши мне, когда найдешь время.

Передай от меня хоть разок привет Нине Сухоруковой...

Саша.

242. И. Я. ВАСИЛЬЕВУ

12 июня 1953 года

Уважаемый товарищ Васильев!

Разумеется, я не имею оснований возражать против того, чтобы «Молодая гвардия», на которую Ваше издательство имеет первое и преимущественное право, была выпущена в свет новым изданием в соответствии с «каноническим» текстом романа. Учитывая, что до самого последнего времени мною лично, иногда по подсказке редакторов и читателей, вносились те или иные частичные поправки и изменения в текст, я озабочен тем, чтобы Ваше издательство имело именно самый последний, действительно «канонический» текст.

В связи с этим к Вам лично обратится на днях личный мой секретарь Валерия Осиповна Зарахани, и я попрошу Вас передать ей верстку — с тем чтобы она

внесла в нее все необходимые поправки. Я эту верстку завизирую и верну Вам.

Пользуясь случаем, я хочу объяснить Вам, чем вызвана моя столь резкая и острая реакция на так называемые «стилистические поправки» редактора, которого Вы теперь отстранили от редактирования. Вовсе не потому, что я не ценю работы редактора и отношусь к этой работе без уважения. Наоборот: мне приходилось говорить об этом в печати — и я неоднократно доказывал это в практике собственной работы с редакторами — писатель не может обойтись без редактора, если это серьезный писатель. Очень много полезного подсказал мне Ю. Лукин, редактировавший в свое время все мои сочинения (которых, правда, не так много). Я был очень благодарен за многое, подсказанное мне т. Морозовой, когда-то работавшей в Вашем издательстве. Наконец, редактор Военгиза т. Козлов и редактор Гослитиздата т. Платонова могут подтвердить, как внимателен я был ко всем их замечаниям. (Я уже не говорю о том, что начиная с 1945 года, когда роман печатался в «Комсомольской правде» и в журнале «Знамя», и по сей день я получал и получаю различного рода ценные поправки от читателей, учитываю их, когда они справедливы.)

Но тем не менее в практике издательств, и именно в вопросах редактирования, очень много губительного для литературы и антигосударственного с точки зрения расходования средств.

Надо добиваться того, чтобы все основные замечания и поправки автору были сделаны *при первом издании. Только при первом издании нужен редактор.* Причем все его предложения должны быть просмотрены тем или иным коллективом редакторов, а затем — обязательно — главной редакцией, чтобы все эти замечания — идеологического, художественного порядка, стилистические и пр.— в основном — *исчерпали все,* что издательство имеет в этом отношении к автору, и чтобы шли они не от отдельного лица (редактора), а от издательства. Для всех последующих изданий вообще не нужно уже никакого редактора, а нужна опытная техническая редакция и корректура. Это не означает того, что тот или иной редактор издательства не обязан и не имеет права посмотреть и новое издание и внести автору (опять-таки согласовав с главной редакцией) те или иные новые

предложения, почему-либо упущенные, не предусмотренные ранее, — если они, эти предложения, действительно необходимы. Но это уже нельзя рассматривать как новую редактуру. А что получается на деле? С самого начала, при первом же издании, рукопись фактически передоверяется одному лицу. Оно, это лицо, т. е. редактор, сделает ряд правильных замечаний, но очень многое нуждающееся в поправках упустит, а кроме того, внесет еще немало никому не нужной отсебятины. После мучительных споров с автором книга выходит в свет. При повторном издании новый редактор — особенно если книга выходит в другом издательстве или если в данном издательстве сменились редакторы или сменилось руководство — вносит новые поправки — опять-таки частично правильные, ибо прежним редактором многое было упущено, — опять кое-что прозевает (ибо он один!) и опять-таки внесет немало отсебятины, только раздражающей автора. Чем больше изданий, тем меньше редактору возможностей сделать правильных замечаний и тем больше он вносит отсебятины, *потому что ему нужно оправдать свою заработную плату или полистную оплату, если он редактор внештатный.* Что в этом деле антисоветского? Во всех издательствах при такой постановке дела либо раздуты штаты редакторов, либо редакторы фактически недогружены при видимости «перегрузки», либо широко используются внештатные редакторы. Ибо за каждое последующее издание внештатный редактор зря получает деньги, а для штатного редактора каждое последующее издание также засчитывается в норму листов, которые он обязан отредактировать. А так как фактически редактировать нечего, получается обман государства, кормушка для людей часто малограмотных, окололитературных, ищущих легкого и безответственного заработка. А что в этом деле губительного для литературы? При такой постановке дела, когда фактически одно лицо «редактирует» — одно издание, потом второе лицо — другое издание, третье издание, они, эти лица, волей-неволей вторгаются в сферу, им неподведомственную, поправляют стиль не потому, что в нем обнаружены неточности или литературная неграмотность, а потому, что им данное выражение «не нравится», стремятся подогнать индивидуальный стиль писателя под нечто среднее, «чистенькое», с точки зрения данного редактора. Каждый писатель с годами совершен-

ствует свой стиль, но основа стиля — так же как походка человека — формируется с молодых лет, каждого хорошего писателя можно сразу узнать по его индивидуальному стилю, и подогнать этот стиль под что-то заданное и среднее — это уродовать и калечить писателя (как уродовало бы и калечило человека, если бы ему говорили: «ты не так ставишь ноги при ходьбе, тебе нужно ставить носки сантиметра на три больше наружу, а руками ты размахиваешь, точно загребаешь, а тебе нужно ставить их ребром и поводить взад-вперед более чинно» — и при этом — для памяти — бить его по ногам и по рукам).

Единственный выход из положения *только в том, чтобы редактировать всерьез и до конца только первое издание данной книги.* Имея основного редактора книги, взять его редактуру, коллективно и окончательно довершить редактирование в главной редакции, предлагая поправки автору уже как более или менее окончательные и от имени издательства. А все остальные издания данной книги выпускать с хорошей технической редакцией и корректурой, чтобы не было опечаток. Вторичное прочтение книги тем же или другим редактором (при переиздании) и некоторые дополнительные поправки *уже не могут рассматриваться как редактура и не должны оплачиваться.* Штат редакторов в издательстве и число внештатных редакторов не должно быть большим: их нужно столько, сколько необходимо для тщательного честного, доведенного до конца редактирования первых изданий каждой книги. И это должны быть люди опытные, проверенные и хорошо грамотные.

Вы скажете, а как же выращивать новые кадры редакторов из людей молодых, еще неопытных? И Вы затронете один из самых важных вопросов редакторского дела. Да, необходимо привлекать к редакторскому делу грамотную в литературно-художественном отношении молодежь с призванием к этому делу. Но надо учить, воспитывать ее. *При настоящем контроле и коллективной проверке* в недрах самого издательства молодежь будет расти быстро. А кроме того, надо поставить перед Главполиграфиздатом остро вопрос о необходимости создания *постоянных курсов редакторов,* не очень долгосрочных, но таких, где редакторы разных издательств могли бы периодически повышать свою квалификацию.

Возможно, что редактор нового издания моего романа, которому сейчас так попало и от меня и от Вас, способ-

ный и растущий молодой редактор. Тогда Вам не стоит применять к нему сразу строгие организационные меры, а надо его учить, и надо поставить его в условия коллективной проверки и контроля.

С приветом

А. Фадеев.

243. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

17 июня 1953 года

Дорогая моя Асенька!

Теперь у тебя должен выработаться уже известный опыт в отношении меня, старого друга твоего: если в печати долгое время не появляется ни моих статей, ни речей и не упоминается о том, что я председательствовал или присутствовал там-то и там-то, и если при этом ты не получаешь от меня ни писем, ни телеграмм, то значит, что я — в больнице. Этот год, т. е. я веду счет с весны 1952 года, был для меня как-то особенно неудачен: за это время я уже четвертый раз в больнице и все подолгу: сердце, печень и... прочая скучная материя. И всегда так плохо (и физически, и психически) бывает мне первое время в больнице, что вынужден я целиком и полностью отключаться от живой жизни.

Выйдя из больницы в конце февраля этого года, я должен был ехать в Барвиху, но задержалась путевка, навалились сразу различные дела. И вдруг ужасное несчастье, обрушившееся на нашу страну, смерть Сталина, тяжелые и незабываемые дни траура, — невозможно было в этих условиях продолжать лечиться, внутреннее чувство повелевало — работать! Несколько дней спустя после похорон я поехал за границу, в Чехословакию, и — надо же было случиться такому злосчастному совпадению — умер Готвальд. Маленькая страна, да ведь масштаб горя не этим измеряется, — пережили мы в Праге вместе с чехами эту тяжелую потерю, вернулся я в Москву и сразу по уши залез в дела Союза писателей. Но тут еще одно несчастье тяжким грузом легло на душу: пригласили из Франции в Москву Ива Фаржа, получил он в торжественной обстановке в Кремле Сталинскую премию мира и во время поездки по Грузии разбился на машине. Как бы ни были несоизмеримы эти три смерти, но они нава-

лились так внезапно и так непосредственно близко, подряд, прошли возле меня, что после трех с лишним месяцев пребывания в больнице — на мою неокрепшую психику они подействовали *чрезвычайно*. Физически я тоже чувствовал себя еще неокрепшим, дела во всех общественных учреждениях, где я работаю, были так запутаны, что работать пришлось, превращая и ночь в день. (А роман мой, который я писал в больнице довольно успешно, вдруг отодвинулся в далекую, далекую даль, что тоже очень скверно на меня повлияло: я чувствую себя по-настоящему бодрым и уравновешенным, *только* когда пишу хотя бы понемногу.) Одним словом, в начале апреля я опять свалился и теперь снова буду в больнице до середины или до конца июля, а потом — на август — все-таки поеду в Барвиху.

Только дней десять назад мне разрешили работать и я получил залпом все твои письма, которые, как всегда, доставили мне одновременно и радость и грусть. Независимо от того, здоров ли я или болен, пишу я тебе или нет, я всегда, всегда тебя помню, и мне доставляет немало огорчений любая твоя строка, где ты вдруг начинаешь сомневаться в этом. Дружба наша, опирающаяся на такие воспоминания, вернее сказать — на такие переживания юности нашей, которые, кроме нас с тобой, единственно оставшихся от «стаи славных», уже никто больше не может с нами и разделить, — всё, что мы вновь пережили за эти годы, когда нашли друг друга, — все это, вместе взятое, уже не может ни измениться, ни пошатнуться до тех самых пор, пока не уйдет из жизни кто-либо из нас или оба вместе.

Когда я бываю, болен или уж очень перегружен делами, я всегда стараюсь хоть чем-нибудь дать знак тебе, что по-прежнему помню тебя, как одного из самых, самых близких мне людей. Вместе с твоими письмами переслали мне из дому и письмо от Левы — это уже второе, которое он мне прислал из своих мест. Первое я получил от него уже давно и не смог на него ответить, а сейчас уже отвечу на оба. Пишет он мне, что не оставил мечты о литературе. Пишет также, что все, находящиеся с ним в его (их) теперешнем положении, выполняют свой долг до конца, имеют отличия, но все, все мечтают об отдыхе и ждут, когда же все это кончится. Судя по обстановке — в той мере, в какой мы можем судить о ней по газетам, — эта их последняя мечта, наверное, скоро сбудется,

Часто я думаю о том, как бывает тебе порой одиноко, когда сын так далеко от тебя и в таких условиях особенных, и друг твой (то есть я) далеко, и условия работы и жизни в захолустном, в сущности, городке бывают порой так тяжелы! Я уже привык, что видаемся мы — хоть ненадолго — летом, а это лето сложилось так тяжело для меня (да и ты, наверно, по новой работе можешь располагать более ограниченным временем для отпуска), что вряд ли уже удастся свидеться. Но все-таки мы увидимся или в конце этого года, или в начале будущего (вернее — последнее). Правда, я уже не раз ошибался в этих прогнозах, но на этот раз, кажется, — выйдет.

Роман мой снова движется вперед, а для того, чтобы успешно завершить его таким, каким он сложился, мне по-прежнему необходимо побывать на металлургических заводах Красноярска, Забайкалья и Амура. Да и тянет меня, неудержимо тянет побывать в родных местах, тем более тянет, чем старше я становлюсь! А личная ситуация моя так складывается, что, наверно, опять дадут мне творческий отпуск на год или даже на полтора: начальство видит, что я все болею, и все больше склоняется к выводу, что надо дать мне «свободу» для окончания романа. Пиши мне по городскому московскому адресу, пиши, когда у тебя отпуск и где думаешь его проводить, пиши обо всем, обо всем, как всегда....

Саша.

P. S. Напиши мне подробней, как это получается, что заработок заведующих гороно меньше, чем заработок учителя, — это вопрос важный, можно сказать, государственный, и если я пойму, в чем тут дело, может быть, я смогу его где-нибудь поставить так, чтобы его решили в нужном направлении.

244. Л. П. КОЛЕСНИКОВУ

25 июня 1953 года

Дорогой мой Лева!

Уже почти девять месяцев прошло после первого и почти месяц после второго Ваших хороших писем, и только теперь собрался Вам ответить, — уж извините! Не потому это происходит, что я, как говорят, «забурел»,

и даже не потому, что занят, а потому, что болею. Придется — для объяснения — рассказать о себе. Начиная с апреля 1952 года и до сегодняшнего дня я периодически, на долгие сроки попадаю в больницу и сейчас тоже пишу из больницы, куда попал в апреле этого года — уже в четвертый раз за вышеозначенный срок. К обычной болезни сердца прибавилась болезнь печени, — таким образом, оба моих «незаменимых» органа в серьезном беспорядке. Нужно ли Вам говорить, как я бывал перегружен своими многочисленными обязанностями в те недолгие промежутки между больничным лежанием и сидением, когда все невыполненные, задержавшиеся по болезни дела впивались в меня, как скорпионы. Я обладаю той всеобщей слабостью руководителей всех учреждений, когда они убеждены, что без них все дела не идут, все дела «запущены» и только с их появлением жизнь учреждений снова «закипает». Отсюда Вы можете понять, что всякий раз после очередного заболевания я напрягал все усилия для того, чтобы «дело закипало», и, разумеется, снова попадал в больницу. До писем ли тут!

От писем Ваших веет воздухом «страды», борьбы, работы, они полны душевного здоровья, несмотря на пронизывающую второе письмо нотку законной усталости, и они меня очень, очень воодушевили, эти Ваши письма. Я тоже очень хорошо помню наши встречи в Барвихе под Москвой, оставившие во мне такое же чувство душевного и физического здоровья. Мечту о литературной работе своей Вы, конечно, не бросайте, данные у Вас к этому есть и Вы еще молоды. Можете не сомневаться, что я всегда смогу обеспечить Вам квалифицированную оценку Вашей работы, а затем и лично прочесть ее, если будет не так велика, и просмотреть, если будет велика, — чтобы проверить консультантов. С матерью Вашей мы по-прежнему переписываемся, ибо остались с ней «последними из удэге», единственными помнящими друг друга людьми одного возраста от очень хорошей, в лучшем смысле романтически настроенной, т. е. полной духовных сил компании незаурядных юношей и девушек, ученье, дружба, мечты которой были и характерны, и в то же время выделялись на общем фоне последних предреволюционных годов и первых лет революции. Остальные частью погибли в гражданской войне, частью поотстали по слабости человеческой и затерялись, частью

просто развеялись по свету — так что даже неизвестно, где их и искать. В этой компании Ваша мать и я, кроме некоторых моих товарищей по коммерческому училищу во Владивостоке, были даже в те далекие годы наиболее «старыми» знакомыми, т. к. одно время жили в одном дворе на Комаровской улице, когда были еще совсем детьми. К сожалению, переписка наша носит более одно-сторонний характер: мне невозможно бывает писать часто, и «отделываюсь» я порой телеграммами. Но переписка эта доставляет мне то нравственное удовлетворение, которое Вы лучше почувствуете по отношению, например, к Вашим боевым друзьям, если жизнь вас разбросает потом в разные концы нашей страны и стукнет вам всем тоже под 50! Передайте им мой привет и крепкое рукопожатие! Возможно, что скоро Вы попадете домой, хотя и много подлостей творится в окружающем нас мире, — разумеется, подлостей, направленных против нас, — и делается решительно все как раз для того, чтобы задержать Вас там, где Вы сейчас находитесь. И все-таки есть надежда! И я был бы душевно рад, если бы это письмо уже не застало Вас на месте, — уж лучше бы Вам его переслали в те наши края, куда и я собираюсь попасть либо в конце этого, либо в начале будущего года. Пишите мне, если будет возможность и желание, я хотя и с опозданием, но обязательно отвечу. Случится быть в Москве, — заходите....

Крепко жму Вашу руку, желаю Вам сил необоримых. Будете писать жене или матери, кланяйтесь им от меня.

Ваш *А. Фадеев.*

245. Л. Е. СИДОРЕНКО

3 июля 1953 года

Дорогая Лида!

Поздно попала ко мне ваша телеграмма — твоя и Галины. С первой половины апреля и по сей день я нахожусь в больнице и, очевидно, выйду из нее только седьмого июля, да и то не домой, а в санаторий. Можно было бы подробно рассказать о своей болезни, — тем более что в моем возрасте это принято, — но не буду удручать: это, в общем, — печень. Еще с весны прошлого года

прикинулась мне и младшему моему сынишке инфекционная желтуха. У него-то она прошла, а у меня послужила началом дальнейших неприятностей в той же области. Всю мою корреспонденцию домашние не пропускали ко мне, пока слаб был. И вот, наконец, прислали. Очень меня и взволновала и растрогала ваша телеграмма. Столько вспомнилось всего! И главным образом, — какие мы все были молодые, дружные и счастливые в ту пору!

С Галиной судьба привела как-то обменяться письмами и телеграммами. И тогда же запросил я у нее твой адрес: очень хотелось написать тебе и встретиться. Но Москва — разлучница, да и жизнь сама — разлучница. Обросший обязанностями по уши, с вечной нехваткой времени для собственной творческой работы (отчего поневоле дорожишь каждым свободным часом!), я стал похож на «учреждение»: трудно учреждению стронуться с места по собственной охоте, а столько вынужденной, «неотложной» писанины, что на доброе личное письмо уже и душевных сил не найдешь, а формально писать — «из вежливости» — совесть не позволяет. Так вот и откладываешь всё «на завтра», а жизнь проходит.

Что ж ты поделываешь теперь, дорогая Лида? Где работаешь? Замужем ли? Есть ли у тебя ребята? С кем встречаешься из старых друзей? Где сестра твоя? Возможно, что некоторые из этих вопросов и не следовало бы тебе задавать, некоторые, может быть, тебе даже и тяжелы, но ведь задает их тебе человек, который почти ничего не знает о судьбе твоей за последние два десятка лет. До войны еще Тевосян сказал мне, что́ случилось с Ваней Апряткиным в период «ежовщины». Сам он, Тевосян, убежден в глубокой личной и политической честности Вани и писал о нем в самые высшие инстанции, но не добился результата, — так он мне рассказывал тогда. Нечего и говорить о том, что я совершенно разделял и разделяю мнение Тевосяна, — тем более, что по свойствам характера своего я еще ближе знал Ваню с какой-то его душевной стороны. Удалось ли тебе хоть когда-нибудь узнать о его дальнейшей судьбе? Дорого стоила народу и партии эта страшная пора, когда враг действовал такими иезуитскими способами и сам проникал в учреждения и органы, могущие решать человеческую судьбу! Пока выбили его, этого множественного врага, с его позиций и поняли его формы борьбы, многих честных людей уда-

лось ему погубить. А теперь, с разоблачением Берия, становится понятным, что он-то и не был заинтересован в выправлении этих вражеских действий по отношению к честным людям, когда была для этого полная возможность.

Из наших с тобой общих знакомых и друзей я за эти годы чаще всего встречаюсь с Тевосяном, — правда, больше во всякого рода учреждениях, а не лично. Но последние года два я работаю над романом о советских металлургах и по различным вопросам и потребностям этого романа имел с Тевосяном несколько более длительных встреч. Когда исполнилось 20 лет Магнитогорскому комбинату, я вместе с Тевосяном летал на самолете в Челябинск, а оттуда до Магнитогорска и обратно ехал с ним в специальном вагоне, где мы хорошо смогли поговорить о разных делах и вспомнить прошлое. А в 41-м году судьба судила нам в октябре месяце ехать в одном поезде — в дни эвакуации из Москвы — до Свердловска (ехали в этом поезде и Коля Блохин и Хвалебнова), и тоже о многом мы тогда поговорили. Но время было тяжелое и настроение тяжелое. В связи с работой над романом виделся я до своей болезни также с Колей Блохиным (а до этого встретился я с ним как-то в последние годы войны у Васи Емельянова на квартире). Перед самой войной и в дни войны мы встречались с Васей Емельяновым относительно часто, и несколько раз — в домашних условиях, но потом «Москва-разлучница» опять нас развела, и что он теперь делает, я не знаю. Жена его (сестра Лени Виноградова) все те годы сильно хворала и вела домашний, порою полубольничный (по режиму) образ жизни. А Коля Блохин и сейчас серьезно болен: у него повышенное кровяное давление, болезнь опасная, в силу чего для него даже в министерстве создан особый режим работы. С Алешей Блохиным, до смерти его, судьба привела встретиться в Уфе, в 1932 году летом. Я в это время жил под Уфой в доме отдыха и писал роман «Последний из удэге», до сих пор еще не законченный, а Алеша приезжал вместе с Губкиным по делам ишимбаевской нефти. После этого мы разика два «обменялись визитами» в Москве, побывали друг у друга на квартире, — он уже тогда сильно жаловался на сердце. Опять-таки в связи с работой над романом встречался я несколько раз на «Серпе и молоте» с Шурой Андреевой, теперь Виноградовой,

работающей на этом заводе в ЦЗЛ металловедом. Во время поездок по заводам, в сношениях с ЦНИИЧЕРМЕТом мне приходилось и приходится еще немало встречать питомцев прежней Горной академии, среди них и таких, кто начинал с рабфака, но это все в большинстве люди, далекие от той дружеской компании, почти семьи, к какой мы все принадлежали. У меня сохранилось два коллективных мужских снимка перед моим отъездом в Ростов, где все мы, вышеназванные мужики, запечатлены «навечно» (среди них еще Костя Чепиков и Ваня Белецкий), а кроме того, есть у меня еще чрезвычайно мне дорогой, очень бледный любительский снимочек нашей компании — и мужской и женской, — сделанный во время вечеринки на квартире у тебя и Вани....

Вот видишь, какое большущее написал тебе письмо, дорогая Лида, — если бы не болезнь, не нашел бы и времени для такого письма! Рад был бы получить ответ от тебя. До 7 июля мне можно передать письмо в больницу: ул. Грановского, д. 2, комендатура Кремлевской больницы, Нервное отделение (лежу в нервном по недостатку места в терапии), палата 10. После 7 июля и до 5 августа: п/о Барвиха, Московской области, санаторий «Барвиха». А после 5 августа: ул. Горького, д. 27/29, кв. 18. Телефоны у меня такие: дом. Д 1-90-02, служ. Д 2-13-84, спросить Кашинцеву Валентину Михайловну — это моя помощница — и объяснить, кто звонит (через нее легче связаться, чем по домашнему телефону).

До свидания, дорогая Лида. Крепко жму руку и сердечно тебя обнимаю.

Саша Фадеев.

246. АЛЕКСАНДРУ ФАДЕЕВУ

19 июля 1953 года

Дорогой мой большущий Шура, славный ты мой сынище!

Спасибо тебе за письмецо. А не то я уже начал поругивать тебя, пришлось даже оправдываться в телеграмме. Может быть, ты был обижен моим письмом — с приложением вырезки из газеты? Обижен потому, что — занимаешься аккуратно, а тут... на тебе! Но ты не обижайся. Люди меняются с возрастом, а в твои годы физические и

моральные перемены в человеке совершаются иногда в несколько месяцев, и мне кажется, что ты на самом деле очень меняешься к лучшему — и в отношении к учению, и в отношении к товарищам, и вообще — к людям. Или мои выводы преждевременны?

Благодаря известным материальным преимуществам жизни, которые предоставлены советским строем писателям и вообще людям искусства, детство твое и Миши прошло и проходит в изобилии материальных благ: без труда достается все «сладкое» — и хорошая одежда, и велосипеды, и ружья, и пирожные. Это создает невольно и неправомерно известную привилегированность жизни. И если люди — и взрослые и дети — бездумно идут по пути такой привилегированной жизни, они начинают забывать о том, что все это создается народным трудом, что сами они — дети народа и работники у народа. И мне очень хочется, чтобы ты больше общался с «обыкновенной» народной средой — с товарищами по классу именно из этой среды, а также с Колей и его друзьями. Тебе тоже давно бы следовало вместо дома отдыха (теперь-то это оправдано твоей болезнью) совершать во время каникул с компанией хороших товарищей большие туристские походы через колхозные районы, поставив своей целью, как это делали Коля и его товарищи в Калининской области, известную культурную пропаганду среди населения. Надо участвовать в экскурсиях на заводы — и в Москве, и в более отдаленные районы. Вообще надо больше приобщаться к самому корню советской жизни, к основе основ ее — к жизни миллионов рабочих, крестьян, интеллигентов, понимать и знать их труд и чувствовать себя частью неотъемлемой этой среды.

Мы сами — я и мама — виноваты в том, что не приучили тебя, а теперь не приучаем Мишу — к физическому труду. Когда я был мальчиком, мама моя, теперь такая немощная бабушка Нина, приучала меня, и сестру Таню, и брата Володю ко всем видам домашнего и сельскохозяйственного труда: мы сами пришивали себе оторвавшиеся пуговицы, клали заплатки и заделывали прорехи в одежде, мыли посуду и полы в доме, сами стелили постели, а кроме того — косили, жали, вязали снопы на поле, пололи, ухаживали за овощами на огороде. У меня были столярные инструменты, и я, а особенно мой брат Володя всегда что-нибудь мастерили. Мы всегда сами

пилили и кололи дрова и топили печи. Я с детства умел сам запрячь лошадь и оседлать ее и ездить верхом. Все это не только развивает физически, но это и очень дисциплинирует человека. Но это и не просто дисциплинирует. Все, абсолютно все, даже самые маленькие виды такого труда понадобились и мне, и моей сестре Тане, и брату Володе во взрослой жизни — и на войне, и в домашнем быту, и в общении с людьми по работе, когда пришлось работать в условиях деревни или рабочей среды и служить примером. Бабушка Нина, тогда еще не такая старая, не могла по характеру своей работы много заниматься нами. Она только дала нам толчок, но мы сами любили все это. Мы не дали этого толчка ни тебе, ни Мише. Но как бы я был счастлив, если бы ты почувствовал влечение к физическому труду и немножко сам воспитал бы себя с его помощью! Ведь я уверен, что ты не умеешь пришить пуговицу, зачинить дырку на рубашке, даже не умеешь держать иголку. Вряд ли бы ты сумел сделать сам скворешник, например, или вырезать ненужные ветки у яблони (ибо не знаешь, какие ненужные среди них). Я не уверен — можешь ли ты сам разобрать и собрать велосипед до последнего винтика или это делает за тебя Андрей Федосеевич? Но когда ты разбираешь, чистишь и собираешь ружье, когда ты возишься со своими голубями, когда ты метко стреляешь, я вижу, какой ты ловкий парень, какие у тебя точные, умелые пальцы, и мне становится жалко, что эта твоя ловкость и умение находят такое малое приложение.

Мы обладаем такой богатой библиотекой, — лучшие книги, журналы, газеты в твоем распоряжении. Тебе давно уже необходимо приобщиться к прекрасной русской и мировой художественной классике, читать и научные и политические книги и журналы. В Москве так много музеев, картинных галерей. Был ли ты, например, в Третьяковке, или в Музее революции, или в музее Ленина, в Зоологическом музее, в Политехническом музее и проч.? А ведь без знания этого нельзя быть грамотным работником нашего общества.

Я пишу тебе эти «педагогически-назидательные» письма не для нагнетения скуки. Отдыхай себе вволю! Набирайся сил! Живи весело! Но... подумай надо всем этим как-нибудь вечерком, лежа под одеялом. Да не раз подумай, и не два, и не три, а — как следует! И претво-

ряй это в жизнь. Иначе жизнь твоя будет тусклой, когда ты сам станешь работником.

От всей души крепко тебя целую. Мой самый дружеский салют Коле, Володе и всем вашим друзьям!

Папа.

247. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

25 июля 1953 года

Милая моя Асенька!

Ты не знаешь, какое духовное наслаждение доставляют мне твои письма! Какие бы они ни были — грустные или наполненные твоей работой, лирические или публицистические (а у тебя есть и такие письма, обличающие или просто размышляющие над некоторыми явлениями нашего быта и общественной жизни), восторженные или пессимистические, — все они стали для меня жизненной потребностью. Ты меня ими избаловала, я привык их получать, — если бы их не стало, в жизни моей образовалась бы существенная брешь. Теперь их у меня так много, что, если бы не только я, знающий тебя с детства, а любой человек «с душой и талантом» (я краду здесь чудесное пушкинское определение), прочел их с начала до конца, он мог бы составить полное представление о моральном облике твоем, а учитывая и твои фото с девических лет по наши дни, и о твоем облике физическом.

Кроме той духовной радости, которую я испытываю от того, что письма твои уже помимо моей воли, лишь только я взгляну на конверт, переносят меня во времена былые, они нужны мне еще и потому, что я через них с гораздо большей силой и внутренним пониманием (чем через сотни, тысячи других, получаемых мною от читателей, товарищей, знакомых и друзей, нажитых по ходу жизни) проникаю в так называемую «обыкновенную», а на самом деле такую необыкновенную, полную труда, дум и страстей — жизнь.

Последнее твое письмо от 12/VII, на которое я не сразу отвечаю, наполнено твоей текущей работой и мыслями, связанными с ней. Видно, что в работе много трудностей, что она могла бы быть такой благодарной, если бы была «правильно поставлена» с государственной точки

зрения. Я уже писал тебе о том, что тебе следовало бы написать мне письмо как депутату о положении зав. гороно вот в таком городе типа Спасска. Я тогда имел в виду только один вопрос. Но ты могла бы затронуть *группу* вопросов, подобных тем, которые подняла в своих письмах ко мне (я имею в виду не частные — вроде устройства бассейна, — они хороши в официальном письме, как факты, на которых можно иллюстрировать *общие* положения). Ты могла бы продумать каждый из таких вопросов в отдельности и, не разбрасываясь, а систематично, не перегружая второстепенными деталями, изложить их под номерами первый, второй и т. д. Такое письмо, написанное искренне, прямолинейно, без оглядки, — человеку, которого ты знаешь еще «не как депутата», — могло бы быть мной двинуто в такие инстанции, как Министерство просвещения, отдел школ ЦК, и оно могло бы принести немало пользы. Твой опыт наверняка, в этом можно не сомневаться, внес бы что-то дополнительное в уже накопившийся или накапливающийся опыт других, выраженный в письмах, получаемых разными инстанциями, но был бы еще подкреплен требованием «депутата» — разобрать, осмыслить, дать ответ. Как знать — может быть, такой запиской ко мне ты сделала бы большое дело.

Мое здоровье окрепло, и через недельку я, очевидно, переберусь в Барвиху. (Мне сказали, что выпишут не раньше 29 июля и не позже 5 августа.) До моей телеграммы ты, однако, на Барвиху не пиши, — кто ж его знает, точно ли определили этот срок!

Очень хотелось бы мне вдохнуть в тебя больше уверенности в свои силы и больше жизнерадостности в душу твою.

Сердечно тебя обнимаю и целую.

Саша.

А на Дальний Восток я обязательно поеду, — отпуск творческий, кажется, мне дадут.

248. К. Н. СТРЕЛЬЧЕНКО

1 августа 1953 года

....Не ответил я тебе в свое время насчет новых глав Трифоныча. Мне они очень понравились. Мне кажется, что я угадываю его замысел. Это будет свободная поэма

«ума холодных размышлений и сердца горестных замет», сцементированная тем, что эти размышления ума и заметы сердца будут как бы посвящены нашему движению к коммунизму со все открывающимися новыми «далями». Физически герой поэмы, автор, «я», движется на восток, на восход солнца, духовно он движется также от прошлого, от того, что его породило, от своего отца, среды своего детства — к будущему, где открываются эти новые дали. Он в каждой главе буквально возвращается к прошлому и бросается в будущее, уже осуществленное во многом из того, что он видит, но что еще более мощно должно открыться в дальнейших главах. И физически, в описаниях, то обращается к западу, откуда едет и где его прошлое, то к востоку, куда он едет и где будущее, — «две дали», как говорит он в одной из глав. По форме же это (если откинуть кое-где длинноты) исключительно смело и свежо — особенно в том смысле, что давно уже никто не осмеливался так откровенно, почти нахально воспользоваться пушкинским ямбом, наполнив его, этот ямб, абсолютно своей, твардовской интонацией. Таким образом, я доволен за Трифоныча — «ни пуха ему, ни пера»!...

249. МИХАИЛУ ФАДЕЕВУ

14 августа 1953 года

Дорогой Мишенька!

Неужели тебе уже девять лет?

Давно ли я взял тебя совсем-совсем крошечного из маминых рук и вынес в первый раз на улицу! Дневной свет брызнул тебе в глаза, и ты зажмурился и повернул головенку набок.

Тебя можно от всей души поздравить, потому что ты хорошо учился. Очень часто поздравляют мальчиков и девочек только за то, что прибавился еще один год их жизни. А какая в этом заслуга с их стороны? Ведь год за годом прибавляется и голубям, и корове Нелке, и Ральфу, и даже рыбам в пруду, а их никто не поздравляет!

Вот и я поздравляю тебя не за то, что тебе 9 лет, а за то, что ты и в этом году, как и в прошлом, хорошо учился. Желаю тебе здоровья богатырского! И хочу, чтобы ты

вырос образованным, смелым и правдивым человеком. И хочу, чтобы ты был не балованным мальчиком. А вернее, чтобы баловался только чуть-чуть, — ну, не больше, чем полагается мальчику в девять лет!

Крепко тебя целую, мой хороший и любимый сынок.

Папа.

250. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

14 августа 1953 года

....Здоровье мое сильно уже выправилось. Здесь, в санаторных условиях, осталось его только закрепить. После больничных процедур здесь меня уже почти не мучают, времени стало больше, настроение бодрое, и я тебе тоже смогу писать почаще. (Кстати, для проверки: я послал тебе из больницы три письма — получила ли ты их?) Все здесь, в этом санатории, напоминает мне время, когда восстановилась прерванная жизнью на целые десятки лет связь между нами, время бурной переписки, обмена фотографиями, где по чертам более поздних лет узнавались черты наших времен, давно минувших (и все же таких дорогих!). Но они, эти же фотографии, так много сказали в дополнение к письмам и о том, какая же трудная жизнь осталась за плечами каждого из нас и как отложилась она на наших лицах своими метами, — увы, уже неистребимыми! Но в каждом возрасте, пока человек не одряхлел физически, есть и свое золотое зерно, и если бы меня спросили, хочу ли я начать сначала, я, пожалуй, бы отказался: не от недостатка любви к жизни, а от ясного сознания, что милого и дорогого в прошлом уже не вернешь и не переживешь наново, а все, что есть живого и ценного в настоящем и будет в дальнейшем, все это лучше переживать и самому строить уже на уровне своего теперешнего возраста и понимания. Как и все литераторы, я, работая над вещью, думаю, что она лучшая в моей жизни. Но теперь мне кажется, что я действительно пишу лучший мой роман. А когда я читаю твои письма, я всегда радуюсь тому, как ты поразительно молода и физически и духовно — подвижна, энергична, изменчива в настроениях и разнообразна в чувствах и всегда полна все новых интересов и раздумий. Значит, мы с тобой все

еще развиваемся, а где развитие — там жизнь. И мне только очень, очень хочется, чтобы ты не падала иной раз духом от мелочей, которые подчас забивают жизнь и отравляют ее, и не отступала перед теми трудностями, которые привносятся «дурными» людьми. Как-то в одном из разговоров в Болшеве и еще в одном разговоре в гостинице — не в последний твой приезд, а в предыдущий — ты говорила, что я по роду своей деятельности и характеру жизни «не знаю» и «не вижу» многих темных сторон жизни и дурных людей, как знаешь и видишь их ты. Я и тогда говорил, что это ложное представление о нас, писателях, обо мне в частности. Лучшие из нас (отнесу себя, черт возьми, к «лучшим»!) видят и темные стороны жизни, и дурных людей более остро, чем многие из окружающих нас. Но действительно, нам созданы такие условия жизни, что *лично* мы от этих людей и от этих сторон жизни больше защищены. По складу своего характера я больше склонен видеть все лучшее в людях и именно это изображать, чтобы был перед глазами людей хоть какой-нибудь образец. Но ты была права в том смысле, что жизнь надо изображать правдивей, реальней, не уходя от ее тяжестей, грубостей, подлостей, трудностей. Тогда и хорошее, передовое будет выглядеть не как приукрашивание, а как результат живых человеческих усилий. В сущности, такой счет предъявляет нам теперь партия, наша печать, таково народное требование. И вот на это требование я хочу ответить своим новым романом.

Желаю тебе здоровья, бодрости, жизнерадостности, моя хорошая Ася! Желаю тебе поскорее обнять твоего Льва!

Крепко жму тебе руку и целую тебя.

Саша.

251. А. В. ФАДЕЕВОЙ

<5 сентября 1953 года>

Не везет мне с прогнозами погоды: только я успею предсказать хорошую, как начинаются дожди. И вот я опять беспокоюсь: не надумаешь ли ты переезжать? В общем, как только ты захочешь этого и погода позволит, мы тебя перевезем. На предложение Тани — ей еще

ножить на даче — я, конечно, согласен и приветствую ее. Мебель всегда перевезем, как только она захочет. О твоем переезде, когда посчитаешь это нужным, пусть Таня сигнализирует через шофера, позвонит в гараж Союза писателей. Сообщаю также Тане, что журнал «Знамя», совершенно такой же, какой она брала в библиотеке ЦК, я ей достал. И он находится или у Петра Владимировича, или у Марии Владимировны.

Родная ты моя — 12 сентября тебе исполняется 80 лет. Сколько ты пережила за это время и как мужественно все это вынесла. Даже трудно себе представить, что ведь ты была уже вполне сознательным человеком еще в прошлом веке! От всей души я обнимаю тебя, целую и благодарю тебя за то, что именно ты — моя мать. Живи подольше. Благодаря тому, что ты есть, и мы с Таней чувствуем себя помоложе. Я пишу тебе это письмо, сидя на Пленуме ЦК. Вот уже третий день, как я приезжаю в Москву, заседаю, заезжаю на городскую квартиру пообедать, а к ужину приезжаю в Барвиху. Состоялось решение о продлении моего пребывания в Барвихе до 20 сентября. Где бы ты ни была — в Новых Горках или уже в городе, — я повидаю тебя еще до дня твоего рождения. Вот только подарка никакого я не сумею купить. Но мы с тобой старые друзья, и я смогу сделать такой подарок попозже.

Еще раз крепко тебя целую, поцелуй Таню. Скоро увидимся.

Мой привет Марусе.

Саша.

252. А. В. ФАДЕЕВОЙ

<11 сентября 1953 года>

Дорогая моя мамочка!

Наверно, это мое официальное поздравление тебя с торжественной датой восьмидесятилетия дойдет позже, чем ты, Таня и Маруся отметите ее. По своему трудовому, я бы сказал даже аскетическому, воспитанию, вы, конечно, отметите этот день обыкновенным завтраком, обедом и ужином. Если учесть, что все время идет дождь и в природе неуютно, а вы мужественно живете на даче,

я могу назвать ваш образ жизни спартанским. Твое восьмидесятилетие вы отпразднуете как спартанцы, — мужественно, скромно, в дожде, в холоде, но с чистым сердцем. Моя сыновняя любовь незримо присутствует при этом семейном торжестве. Богатые мои подарки — все в будущем. Но если 13-го, в воскресенье, не будет анафемского проливного дождя, я подъеду к тебе, и, я знаю, ты воспримешь это как самый лучший подарок....

Нежно целую тебя, родная моя мамочка, желаю тебе самого большого здоровья, какое ты можешь иметь в свои 80 лет. Самое большое удовольствие, какое ты можешь нам доставить, это прожить до 100. Тогда будем уже умирать все вместе!

Еще и еще раз обнимаю тебя и целую,

Саша.

253. К. М. СИМОНОВУ

17 сентября 1953 года

Дорогой Костя!

Прочел на днях «Доброе имя», пишу тебе свои замечания, исходя из предположения, — может быть, наивного, — что, работая над докладом, ты будешь немного заниматься и романом и пьесой.

Нужно ли говорить, что написана она на тему хорошую и вполне своевременную, написана профессионально, литературно, легко — в том смысле, что она вполне естественно развивается и в своих комедийно-драматических связях, и по логике характеров. Однако в жизни последствия того, что сделал Черданский в газете этим фельетоном, отражение всего этого на судьбе Твердохлебовых, на их жизни (пока дела дойдут до правды!) бывают, как тебе известно, столь мучительными, столь разнообразно-трудными для человека, столь жестокими по переживаниям: попранная правда, унижение и муки самолюбия, воздействие окружающей среды, или верящей, что все написанное в фельетоне правда, или просто побаивающейся сказать правду, проработка на службе или в парторганизации (перед увольнением), иногда осложнения в семье и пр. и пр.! Будь *эта* сторона дела показана в пьесе (а не только отраженно дана в информации о том, что происходит с Твердохлебовым, и в справедливых мо-

ральных оценках этого со стороны хороших людей) — комедия несомненно выиграла бы по глубине решения такой жизненно важной темы. Но ты *облегчил* свою драматическую задачу, убрав на протяжении всей пьесы и до последней картины того человека, который страдает, убрав Твердохлебова, его среду, его мучения. Мало того, — в последней картине выясняется, что он, пока дела его решались в таком утвердительно-тяжелом для него смысле в его учреждении или институте, вообще отсутствовал, занимался своим любимым делом и даже — по характеру своему — не очень-то мучился, зная, что хорошие люди ему помогут и без него! Таким образом, ты сознательно и намеренно ушел от того, что делает настоящие комедии (например, у Островского) наполненными тяжестью жизненных конфликтов в их реальности, в их жестокой правде, не лишая их комедийного характера! С этой точки зрения комедия твоя слишком легковесна для взятой темы. Она будет иметь успех в силу известных ее достоинств — особенно если ты внесешь некоторые поправки, о которых я скажу, — но переживания, вызванные ею у читателя и зрителя, не будут так глубоки и долговечны, как могли бы быть. Но это — твоя авторская воля, ты сделал ее такой, свою комедию, и сделать ее другой при данной структуре уже невозможно, и, разумеется, я не стану предлагать тебе делать это. Но и при данной структуре комедию можно углубить.

Если убрать некоторые длинноты в высказываниях Брыкина, Акопова и других, то в пьесе самой острой, весомой, содержательной является 5-я картина — там, где разоблачается и морально карается зло. Концовка картины — с редактором, пытающимся обнять стол со всеми бумагами, разлетающимися на сквозняке, — вполне гармонирующая со всем содержанием картины, является идеальной концовкой для всей комедии. В сущности, основной общественный конфликт уже разрешен и видно, как решаются некоторые, еще не доведенные до конца личные, любовные судьбы. Таким образом, последняя, шестая картина разжижает комедию, уже доведенную до конца в пятой картине, поднявшей всю комедию на максимальную идейную и моральную высоту, какая возможна при данной структуре пьесы. Сатирическая острота этой пятой картины смазывается облегченной и чисто бытовой шестой картиной. Нельзя ли то, что по фабуле

еще необходимо «добрать» тебе в шестой картине, сделать немножко раньше? Любовную линию, безусловно, можно. Жаль Твердохлебова портить. Но нельзя ли его и Широкова показать раньше? Хорошо бы кончить пьесу на пятой картине (причем она, возможно, после такой переделки станет шестой картиной).

Исключительно удачна, глубоко жизненна фигура Черданского (я был редактором провинциальной газеты и видел таких немало). Но ты его слишком быстро и прямо раскрываешь уже на 4-й странице, в его реплике Санникову по поводу Крыловой с ее «нудными читательскими письмами». «Нудные» письма читателей — это слишком глупо и прямо для него, он умнее и хитрее. (Он же «понимает» значение такого отдела, поэтому он должен вначале лицемерно прикрывать свою неприязнь к Крыловой и ее отделу.) Кроме того, ты сразу же раскрываешь, что основной конфликт будет развиваться между Черданским и Крыловой, и, конечно, любому зрителю ясно, что Черданский будет побежден. Дальше он действует хитрее и умнее, а особенно «хорош» он в 5-й картине, и я бы сделал его менее ясным для зрителя в 1-й картине.

Пьеса растянута за счет лишних, а иногда просто чрезмерно длинных разговоров, и это лишает ее местами комедийной остроты. Местами делается скучно. Особенно зависает она где-то в среднем акте. У тебя много удачных реплик, острот (и вполне в характере действующих лиц), но на них одних не проедешь, если действие замедляется легковесной, ненужной, излишне подробной болтовней. Надо сократить.

Если сделаешь эти три поправки, комедия и при данной структуре станет несколько глубже и острей.

О действующих лицах. Они нарисованы легко, но в характере, и удачны все, за следующими исключениями:

Брыкин живет, только когда он вместе с женой: она делает и его живым своей характерностью. Без нее он не всегда имеет свое лицо.

Санников был бы хорош, если бы в его любовной ситуации с Катей не было чего-то уже бесконечно много раз сварьированного в десятках пьес, чего-то условного, трафаретного и нежизненного. Благодаря этой трафаретной «облегченной» и книжной ситуации (ибо в жизни, даже в ранней молодости, а может быть, особенно в ранней молодости гораздо острее и болезненней реагируют

чистые девушки на угодничество — хотя бы даже по наивному преклонению пред «авторитетами» — юношей, которые им нравятся) — благодаря этой книжности и облегченности любовной ситуации, Санников очень многое теряет как характер, так хорошо найденный автором.

Широков хорошо и очень верно найден.

И «хорош» Дорохов. Реплика Черданского ему в 5-й картине — это умора, и главное — так неожиданно!

И все-таки жалко, что ты в целом слишком «облегчил» такую благодарную тему.

Крепко жму руку.

Твой *А. Фадеев.*

254. А. М. УПИТУ

19 сентября 1953 года

Дорогой Андрей Мартынович!

Давно уже мечтаю написать Вам о том, какое огромное впечатление произвели и производят на меня два Ваших больших романа: «Земля зеленая» и «Просвет в тучах». Первый из них я читал дважды — когда он только появился на русском языке и еще раз перед тем, как прочесть «Просвет в тучах», — в начале этого года. Оба этих романа, взятые в целом, дают такой глубокий — через все социальные пласты — разрез жизни латышского общества в важнейший исторический период его развития, что вряд ли можно переоценить их познавательное и художественное значение, и не только для латышского народа, а и для нас, русских, и для всех советских людей.

По своему художественному воспитанию, по литературным вкусам я принадлежу в известном смысле к «староверам». Я люблю монументальную форму старого реалистического романа с его обилием социальных типов, подробными точными описаниями быта и всего материального мира, среди которого протекает жизнь людей, где все выражено языком свободным и в то же время таким же материальным и весомым, где все прочно и устойчиво по фактуре, но — тем пронзительней и глубже и долговечней воздействие на душу читателя авторской большой гуманистической мысли. Оба Ваших романа принадлежат к явлениям именно этого порядка, и потому они нашли в моем лице одного из наиболее благодарных читателей.

Правда, в памятной статье Вашей о социалистическом реализме, статье, о которой мне уже приходилось положительно высказаться в печати, Вы сами назвали эту манеру подробных описаний уже устаревшей и рекомендовали форму более динамическую. Я не был и тогда, как и сейчас, согласен с Вами в этом отношении. Социалистический реализм допускает и то и это, он призван обогатить, а не обеднить форму, — она может быть легчайшей, может быть стремительной, но можно и громоздить Пелион на Оссу (или Оссу на Пелион, черт возьми?!). Большое счастье, что в этих романах Вы не последовали совету своему. И они стоят как памятник народной жизни, жизни латышской нации в определенный исторический период ее развития.

Конечно, во всем нужно чувство меры. Если и можно сделать Вам единственный упрек, так это в том, что для очень широкого, массового читателя, неискушенного, находящегося на первых ступенях культурного роста, Ваши романы, может быть, слишком подробны и медлительны. Но читатель развитой, мыслящий никогда не пройдет мимо них. Они поставлены прочно, навсегда. Вы вывели целую галерею живых людей прошлого — людей из народа, представителей прогрессивной латышской интеллигенции, связанной с народом, и буржуазно-либеральной интеллигенции и представителей правящих кругов и эксплуататорских классов города и деревни. И все это написано с таким знанием среды, что видишь старую Латвию так, как если бы ты переселился в то время. «Земля зеленая» написана так плотно, выпукло, что буквально видишь, осязаешь и людей и предметы. Даже в переводе чувствуешь все богатство языка этого произведения и тот особенный его народный колорит, который идет именно от земли зеленой. Но «Землю зеленую» Вам было написать легче в силу большей простоты и примитивности социальных отношений и меньшего интеллектуального разнообразия данной среды. «Просвет в тучах» — этот роман показал все разнообразие красок на Вашей палитре, Ваше художественное мастерство в изображении различной социальной среды, а главное — идейной жизни и борьбы, ибо эти стороны жизни всегда трудней показывать, чем «физические». Вы прекрасно справились с этой задачей. В сущности, только через Ваш роман я понял весь ход развития общественной мысли в старой Латвии

при царе, отсюда мне многое стало яснее и понятнее в буржуазной Латвии до Ульманиса и при Ульманисе, да и сегодняшний день советской социалистической Латвии в ее великих победах и в ее трудностях я воспринимаю теперь более конкретно в историческом опосредствовании.

В свете данных Вами картин народной жизни и этой борьбы течений общественной мысли я стал лучше понимать и Вас как писателя, понимать то, что Вас породило, откуда Вы.

Среди прогрессивных деятелей очень врезается в память фигура Вейденбаума. Поразительно описана, в частности, его поездка из Риги обратно в деревню после собрания, его ссора с братом, а потом такая глубоко человеческая душевная разрядка, — это трогает до слез.

Вообще говоря, Вы совершенно свободно переходите из квартиры адвоката в квартиру рабочего и бедняка, с собрания просветительного общества в клуб «золотой молодежи», из сельского трактира к заводским воротам, от скрупулезного описания мещанского быта к мощным картинам уличного восстания; и благодарный читатель, которого Вы точно ведете за руку, так же свободно переходит с полей земли зеленой на рижские улицы.

А Ригу Вы описали изумительно, собственно город Ригу — в разные часы суток!

Только большая любовь к своему народу, к его истории и к его счастливому будущему могла продиктовать Вам эти романы, с их массовыми сценами народной жизни и с этим богатством социальных типов, с этим борением больших страстей и низинами человеческого падения, с беспощадным изображением мерзости эксплуататоров и духовного величия латышского рабочего класса.

Своими романами Вы точно сказали читателю всех наций: «Не глядите на то, что народ мой численно не так уж велик, жизнь его так же значительна, полна такого же великого содержания, как и жизнь любой из наций. В купели человеческих страданий и среди побед человеческого духа *его* слезы и муки, *его* мечты, *его* борьба тоже оставили свой глубокий след. Из собственнического мира с его искаженными отношениями, унижающими душу человека, к миру свободному и счастливому мой народ выходил такими же трудными, сложными путями, как выходили и еще идут другие народы земли, и на этих путях он рождал людей большого гуманистического духа

и проявлял все величие героизма. Вот почему я считаю прошлое моего народа не менее значительным, чем прошлое любого другого народа, большого или малого. И вот я Вам показываю во всех проявлениях жизнь наших крестьян и рабочих, нашей передовой интеллигенции, показываю весь тот собственнический мир, все те гнетущие силы и все те силы непонимания и колебания, которые стояли препятствием на пути исторического прогресса моего народа, и теперь вы вместе со мной, автором, будете так же любить наши села и города, наших передовых людей, нашего рабочего и крестьянина-труженика, и это и есть мой вклад, писателя Андрея Упита, в художественную сокровищницу человечества».

Вот что примерно сказали Вы, дорогой Андрей Мартынович, своими романами. И я, как читатель, могу Вам ответить: «Да, это правда, Вы вызвали в душе моей глубокий интерес и любовь к жизни Вашего народа, в которой я увидел — в особенном национальном выражении — то самое главное, большое и человеческое, что составляет содержание жизни каждого народа, — и за это большое Вам человеческое спасибо».

Теперь Вам надо собрать все Ваши богатырские физические и духовные силы и продолжать тот благородный труд, который начали.

В первых числах сентября я видел товарищей Калнберзина и Лациса, и они мне сказали, что Вы были больны. Не поддавайтесь же болезни, Вы еще очень и очень нужны на сей «земле зеленой»!

Крепко жму Вашу руку и сердечно Вас обнимаю.

Ваш *А. Фадеев.*

255. С. С. НАРОВЧАТОВУ

19 сентября 1953 года

Дорогой дядя Сережа!

Занятый своим романом, я давно уже не заглядывал в журналы толстые и тонкие и не знаю, печатали ли Вы за последние месяцы что-нибудь новое. И вдруг в газете нашей, литературной, прочел два Ваших стихотворения: «Скучное лето» и «Разговор с дочкой».

Я Вам говорил уже не раз, что мне очень нравилось начало Вашего поэтического пути. Ваши стихи, например, о Коммунистическом манифесте и другие, относившиеся — если принимать это условное деление — к жанру публицистическому, политическому, имели «лица не общее выраженье», в них был металл, который позванивал еще очень сдержанно, но как бы говоря — «придет время, и я смогу зазвенеть во весь голос».

Мне всегда жалко было, что Вы мало пишете вообще, мало пишете и в том жанре, который мне так нравился тогда.

Два новых Ваших стихотворения говорят о том, какие в Вас еще заложены возможности. Так вольно, просто, умно и так хорошо «подперчено»! Впору и девочке читать, да и взрослым не мешает...

Значит, Вы *многое* можете. Я очень рад за Вас. Но нужно, чтобы Вы больше писали, чтобы новое, как и старое, не рассыпалось на отдельные удачи-пробы, броски туда или сюда, а чтобы были далеко идущие замыслы, чтобы все гармонизировалось в циклы, выношенные, продуманные, целеустремленные. Вы старайтесь развивать себя в тех разных сильных возможностях, которые так хорошо обозначаются в Вашей поэтической душе, но не выражаются в меру всех сил Ваших.

Надо все-таки, чтобы металл наконец зазвенел!

Сказал бы, что Вам действительно пришла самая пора работать, работать и работать, но мне

...право, очень жаль,
Что немного скучновата
Эта мудрая мораль.

Желаю Вам успеха, дорогой Сережа, и крепко жму Вашу руку.

Ваш *А. Фадеев.*

256. М. В. ИСАКОВСКОМУ

20 сентября 1953 года

Дорогой Миша!

С большим удовольствием прочел твое стихотворение «Лен». Оно написано с той предельной простотой, которая даже для тебя, всю жизнь пишущего необыкновенно прозрачно и просто, является необычной и поразительной.

Вначале, когда его читаешь, кажется — «да неужели и так можно?». Но когда его дочитываешь, сразу поражает, что абсолютно все видно, все запечатлелось, все запомнилось: видишь чудесное льняное поле, и как хлынули дожди, и как лен сначала поник, потом полег, и как уже готова выступить плесень на стеблях, потом как его девушка-звеньевая поднимает руками (а за ней и остальные, — хотя это не написано, но это видно по ходу дела), и как лен стоит, склонясь на перекладины из палок, — видишь и этот склад палок, нарезанный мальчишками, и это словно бы пробуждение льна, и как он наконец звенит своими бубенцами. И какой-то неуловимый, очень лирический образ самих подружек почти зримо возникает в душе, среди них даже две индивидуальности вполне намечены — звеньевой с ее характером, решительность и предприимчивость которого бесспорно жизненна именно оттого, что она сначала «поплакала», и той девушки, которая рассказывает обо всем этом, ибо она и лирическая девушка, и девушка с юмором («не хватило пленки», чтобы заснять столько девушек!), и девушка к тому же совершенно современная, ибо ей все-таки очень хотелось бы, чтобы их засняли, а главное, она спокойно употребляет в стихотворной форме вполне современные слова: «моментально», «массив», «убрали без потерь», «Доска почета», и все они очень естественно ложатся в стихи.

Но нужно прочесть его еще разика два, чтобы увидеть его, этого стихотворения, прелестные секреты. Образ девушек вообще очень гармонирует с образом льна, поэтому так естественно, что девушки «похорошели», глядя на свой чудесный лен. Лен невозможно было бы уподобить «мертвецу» и сказать, что он «лежит, не поднимая головы», но когда эти страшные приметы соотнесены к «долгунцу», имеющему уже свой зрительный образ, то долгунцу уже может «приходить конец», его можно представить себе и в виде мертвеца, как он лежит, «головы не поднимая», то есть все становится на свое место. Однако, когда его стали поднимать, это уже опять лен, ибо он уже нечто живое — «пока что слаб и, может статься, жалок, но он держался, он уже стоял, склонясь на перекладины из палок». И вполне естественно, что то, что у долгунца было головой, то у льна, когда он выровнялся, стало бубенцом, нет, именно «бубенцами», которыми он, множественный, «звенел, как звон». А потом все прозаично, как

в жизни, — убрали без потерь («как говорят газетчики в отчетах»), звено записано в колхозном клубе на Доске почета, и так бы уж оно, казалось, все прозаично, что, может быть, и стихотворения не нужно, но тут-то девушка-рассказчица и проявляет свой характер:

Вот вам и все, что я сказать могла,
Как будто ничего не пропустила...

Да, сейчас она обязательно должна что-нибудь отмочить абсолютно свое, эта русская девушка, после того как она вместе со всеми столько пережила, работала от темна и до темна, забывала все, кроме льна, и она, конечно, отмачивает:

А что газета нас не засняла, —
Так нас же много — пленки не хватило.

В общем, дорогой Миша, ты всегда писал хорошо, а теперь начинаешь писать еще лучше. Я уже говорил тебе про «Новый Свет». И там и здесь много нового для тебя. Пиши же все-таки немножечко почаще!

Крепко жму твою руку и сердечно тебя обнимаю. Передай мой привет Лидии Ивановне.

Твой *Ал. Фадеев.*

Извини, что не переписал письма с такими помарками. Но ведь это почти критическая статейка, без помарок, с маху ее не напишешь, ну а переписывать-то лень!

А. Ф.

257. К. Е. ВОРОШИЛОВУ

8 октября 1953 года

Дорогой Климент Ефремович!

Прошу Вас дать указание о том, чтобы рассмотрели по существу характер преступления писателя Леонида Соловьева, арестованного 5 сентября 1946 года, и нет ли возможности помилования Л. Соловьева ввиду того, что он человек по-настоящему талантливый. Л. Соловьев написал следующие книги и рассказы: «Кочевье» (повесть), «Поход победителя» (повести и рассказы), «Высокое давление» (роман), «Солнечный мастер» (рассказы),

«Возмутитель спокойствия — Ходжа Насреддин в Бухаре», «Иван Никулин — русский матрос», «Черноморец» (повесть), «Рассказы боцмана Васюкова». Книги эти были хорошо встречены критикой и читателями, неоднократно переиздавались. Литературная общественность оценивала Л. Соловьева, как одного из безусловно талантливых молодых писателей.

По сюжету одной из его книг, «Возмутитель спокойствия», Л. Соловьевым были написаны пьеса и сценарий и поставлен фильм, с успехом шедшие в театрах и на экранах страны.

Если преступление Л. Соловьева не так уж велико, если он в настоящее время ведет себя прилично, он, с моей точки зрения, мог бы быть помилован и мог бы еще принести пользу советскому обществу своим творчеством.

О Вашем решении не откажите поставить меня в известность.

Депутат Верховного Совета СССР

А. Фадеев.

258. К. Ф. ПИСКУНОВУ

12 октября 1953 года

Уважаемый Константин Федорович!

Направляю Вам детскую книжку финской общественной деятельницы и писательницы Херты Куусинен, пишущей под псевдонимом Херты Элиной.

Я рекомендую эту книжку Детгизу для издания, — во-первых, потому, что это хорошая сказка, а во-вторых, потому, что мы мало издаем финских прогрессивных писателей.... Сказку перевел на русский язык Леонид Гоголь — работник ВОКСа. Л. Гоголь хорошо знает финский язык, но он — не писатель, его перевод нужно рассматривать как подстрочник. Было бы очень хорошо, если бы сказку Херты Элиной вместе с ее переводчиком Леонидом Гоголь обработал кто-нибудь из наших хороших детских писателей-сказочников: Маршак, Михалков, Нагишкин, Кончаловская.

Несколько замечаний в отношении перевода, к сведению того, кто будет обрабатывать перевод, Херта Куусинен просила меня передать издательству:

1) На стр. 18 перевода — герой сказки Понимайка и лось несутся на каменную стену. Дальше говорится, что перед ними возвышалась плоская скала. Еще дальше говорится, что это сложенная из больших каменных глыб стена. Еще дальше эта стена, сложенная медведями, называется медвежьей скалой, и, наконец, когда Понимайка и лось взбираются на эту скалу, перед ними открывается бездна и они делают головокружительный прыжок. Херта Куусинен просила передать, что в русском переводе лучше было бы везде говорить не о скале и не о стене, а о высокой, протянувшейся в виде хребта горе, сложенной из каменных глыб медведями. Таким образом, Понимайка, сидящий верхом на лосе, совершает прыжок с гребня этого хребта. А слово «бездна» не нужно понимать как отвесную пропасть, а как открывшееся с гребня хребта, лежащее глубоко внизу пространство.

2) На стр. 20 перевода — за Понимайкой и лосем гонятся кровожадные полурослые медвежата. Это не противоречит финскому фольклору, в котором — в отличие от русского фольклора — медведи бывают злыми. Херта Куусинен советовала бы в русском переводе изменить это место применительно к русскому читателю: за Понимайкой и лосем могут гнаться кровожадные медведи или волки или те и другие вместе.

3) Наконец, это — финская сказка, сказка о стране, в которой прогрессивные силы и силы, борющиеся за мир, еще далеко не завоевали большинства, часто наталкиваются на непонимание своих стремлений среди тех или иных кругов населения. Поэтому Херта Куусинен считала бы целесообразным, чтобы этой сказке, — в случае, если издательство сочтет нужным ее издать, — было предпослано короткое, в одну страничку, предисловие, в котором эта мысль была бы в очень простых и понятных детям словах объяснена.

Я очень прошу Вас связаться с товарищем Л. Гоголь, работающим в ВОКСе, и попросить кого-нибудь из наших хороших писателей-сказочников сделать вместе с Л. Гоголь хороший художественный перевод сказки.

Я прошу Вас ускорить решение этого вопроса, так как Херта Элина (Куусинен) передала мне эту сказку и подстрочник к ней еще в середине августа, но я не смог предпринять никаких мер, ибо сам до 25 сентября находился в санатории.

Судя по всему, прилагаемый финский экземпляр сказки и подстрочник к ней — единственный, очень прошу проследить, чтобы их не потеряли.

С сердечным приветом

А. Фадеев.

259. СЕКРЕТАРЮ ПРИМОРСКОГО КРАЙКОМА КПСС, ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРИМОРСКОГО КРАЙИСПОЛКОМА

14 октября 1953 года

Прошу передать Приморскому краевому комитету КПСС и Приморскому краевому исполкому мою сердечную благодарность за награждение меня Почетной грамотой за активное участие в восстановлении Советской власти на Дальнем Востоке.

А. Фадеев.

260. И. Я. ИЛЬИНУ (МАРШАКУ)

28 октября 1953 года

Дорогой Илья Яковлевич!

Узнал я, что Вы больны, и захотелось мне сказать Вам несколько слов — дружеских слов — о Вас и Вашей работе.

Трудно найти в нашей среде другого писателя, в работу которого было бы вложено столько таланта, труда, знаний, воли. И еще труднее найти такого, в котором все это сочеталось бы с Вашей человеческой скромностью и глубоким достоинством литератора, не ищущего суетных выражений славы. Вы их, честно говоря, и недополучили в жизни (пока что). А еще Козьма Прутков справедливо заметил: «Слава, говорят, дым, — не верь этому, фельетонист!» Все-таки в том, что Вы их недополучили, есть и немало свинства. Но не об этом хочется мне сказать Вам сейчас.

Вас хорошо знают все как писателя, — знают дети и взрослые, знают люди большие и обыкновенные, знают по всей стране, знают по всему миру. Теперь уже много выросло людей, которые учились по Вашим книгам. Я лично видел это — и в такой огромной стране, как Китай, и в маленькой Чехословакии. Я постоянно сталкиваюсь с этим во время своих поездок — в беседах с библиотекарями, в записках из зала во время докладов — поездок по Украине, по Уралу, Сибири, центральным областям.

Не скрою, в такие моменты я чувствую себя даже в чем-то виноватым перед Вами. Вижу, что мало сделано для того, чтобы Вас больше издавали, чаще и справедливей оценивали Ваш труд, больше заботились о Вас. Сейчас, когда Вы больны, я как-то особенно остро это чувствую. И мне хочется, чтобы Вы, по крайней мере, это знали.

Нужно ли говорить Вам, автору книг, восславивших трудовой гений человека, как порой медленно и в то же время навеки прочно утверждается во времени все настоящее! Вот так утверждаетесь и Вы в сердцах поколений, входите в их духовный обиход, и они привыкают к Вам, — шума нет, ибо входите Вы так же мирно, как хлеб, как свет, как слово учителя в школе.

Особенность нашего общества в том, что оно это в глубине души очень хорошо понимает. Придет момент, и оно оценит это со всею полнотой и щедростью того истинного признания, какие выпадают на долю всех пролагателей новых путей — в науке, в искусстве, в жизни.

Пишу я Вам об этом, ибо не знаю, в какой другой форме я мог бы лучше передать Вам чувства уважения и симпатии к Вам и к Вашему труду, издавна живущие в моем сердце.

Как все люди, увлеченные своим трудом и глубоко чуждые всякой позе, Вы принадлежите к сильным духом. Поэтому я не желаю Вам бодрости, а только здоровья и здоровья.

Крепко жму Вашу руку.

Ал. Фадеев.

261. ТОВАРИЩУ ФОКИНУ

30 октября 1953 года

Товарищ Фокин!

В ответ на Вашу просьбу о демобилизации из армии я должен сказать Вам следующее: нельзя ставить вопрос о демобилизации из армии, равно как и об освобождении от любой работы, человека, не обретшего профессионального литературного мастерства. Обычно мы советуем даже тем из молодых людей, кто проявил уже свои литературные способности, не торопиться с профессионализацией, пока нет полной уверенности, что литература действительно стала его призванием и одновременно может являться для него источником существования.

Вам же и вовсе нет оснований ставить вопрос о демобилизации, поскольку представленные Вами материалы не имеют никакого научного и художественного значения.

А. Фадеев.

262. П. М. КОТОВУ

Октябрь 1953 года

Уважаемый товарищ Котов!

Цитируемые Вами строки о Леониде Рыбалове были мной исключены из текста в последних изданиях романа «Молодая гвардия».

Сведения о Рыбалове — совершенно другого характера, чем Ваши, — сообщила мне сестра Рыбалова, но не Мария, как Вы пишете, а Елизавета Осьмухина, и я вначале посчитал возможным воспользоваться этими сведениями, поскольку я писал не действительную историю «Молодой гвардии», а роман, то есть художественный вымысел, который допускает и вымышленных действующих лиц, и события, никогда не имевшие места в действительности, и более или менее произвольную трактовку биографий людей, не играющих в романе заметных ролей.

С приветом

А. Фадеев.

263. Б. Л. БЕЛЯЕВУ

3 ноября 1953 года

Уважаемый Борис Леонидович!

Прочел я Вашу статью «А. А. Фадеев и Дальний Восток» и пришел к выводу, что ее нельзя печатать в таком виде.

Правда, я не нашел в ней сколько-нибудь значительных фактических ошибок, но она страдает тем недостатком, что в ней больше внимания уделено личности писателя и меньше внимания уделено его литературной работе. Вы знаете, что биографический метод исследования не является марксистским. Данные биографии имеют подсобное значение в настоящем марксистском исследовании.

Вы пишете о писателе, который еще не может считать себя старым человеком, которому предстоит написать, возможно, гораздо больше, чем написано до сих пор. Вы же уделяете такое место его биографии, как будто он уже помер, зачислен в классики и Вы пишете многотомное исследование о полном собрании его сочинений.

Нехорошо уже само название статьи. Надо найти более точное и более скромное название, передающее содержание Вашей статьи, — как отразился Дальний Восток в произведениях Фадеева.

Надо ограничиться самыми минимальными биографическими сведениями, необходимыми для иллюстрации основной мысли Вашей статьи. Я думаю, что в статье такого рода биографии надо уделить не более 2—3 страничек. Там же, где речь идет о поездках на Дальний Восток совместно с группой писателей, достаточно об этом только упомянуть. (Могу попутно ответить Вам, что других поездок в родные края у меня, к сожалению, не было.)

Вам не нужно делать ссылки на то, что я предоставляю Вам свои неопубликованные работы. По Вашей просьбе я показал их Вам, чтобы облегчить Вашу исследовательскую работу, и, разумеется, у меня нет возражений против использования этих материалов в статье. Но сноска о том, что я «любезно предоставил Вам этот материал», создает ложное представление, будто Ваша статья в какой бы то ни было степени мною инспирирована или по меньшей мере со мною согласована.

Я совершенно не имею возможности давать Вам какие бы то ни было советы там, где Вы пишете о моей литера-

турной работе, — это Ваше право критика и исследователя. Но в отношении всякого рода биографических данных, которые неправомерно преувеличивают значение личности писателя, я вынужден быть строгим и просить Вас учесть мои замечания как непременное условие, при соблюдении которого Ваша статья только и может увидеть свет.

Само собой разумеется, что нет никакой надобности печатать мои незаконченные вещи: они потому и не закончены, что признаны мною несовершенными, а в иных случаях и неверными по замыслу.

Наверно, письмо мое доставит Вам огорчение. Не подумайте, однако, что я не испытываю чувства благодарности к Вам за то, что Вы так внимательно и добросовестно отнеслись к известным фактам моей жизни, которые мне также дороги по воспоминаниям. Но в литературно-критической работе надо заниматься только тем, что имеет объективное значение.

Если бы Ваша статья появилась в таком виде, она была бы расценена как проявление моей нескромности и как желание Ваше использовать эту мою нескромность в Ваших интересах. Но поскольку такая нескромность глубоко чужда моей душе и поскольку Вами двигали искренняя любовь к родному краю и уважение к моей литературной работе, нам обоим будет лучше уйти от этих несправедливых обвинений.

Желаю Вам успеха и крепко жму Вашу руку.

А. Фадеев.

264. А. И. ХАЧАТУРЯНУ

6 ноября 1953 года

Дорогой Арам Ильич!

Уж много времени прошло, как я слушал Ваш авторский концерт в Большом зале консерватории, но в связи с пленумом Союза писателей я не имел времени рассказать Вам о том сильном впечатлении, которое произвел на меня Ваш концерт.

Надо сказать, что программу его Вы составили исключительно удачно и именно в той последовательности, в какой она была исполнена.

Должно быть, я не слышал раньше Вашего концерта для фортепиано с оркестром (или слышал, может быть,

посреди всякой «суеты сует»), но он прозвучал для меня так свежо и ново, что я до сих пор сохраняю в своей музыкальной памяти особенное впечатление от него. Но все-таки самым прекрасным и сильным явлением этого хорошего вечера нужно считать концерт для скрипки с оркестром, в котором с наибольшей полнотой проявилось все многообразие и, я бы сказал, мощь Вашего таланта.

А вообще говоря, все в целом было так хорошо отобрано, так своеобразно, так темпераментно и общезначимо, что я не побоюсь отнести все это к нашей советской музыкальной классике. Танцы из «Гаянэ» звучали уже как нечто такое, с чем я вырос и сформировался.

Из печати я узнал, что Вы работаете над балетом. Дело это хорошее, а главное, неизбежное, раз уж это в Вас родилось. Но как бы мне хотелось, чтобы Вы попробовали свои силы в опере! Мне кажется, если бы я был композитором, я никогда бы не мог носить свое звание с полным чувством удовлетворения (хотя бы даже на некоторый период, ибо совсем полного чувства удовлетворенности у художников не бывает), если бы не проверил свои силы на опере. Как писатель я в настоящее время всегда чувствую себя несколько смущенным, когда при мне ругают нашу драматургию: в России не было ни одного серьезного прозаика, кроме разве Гончарова, который не писал бы хороших драм. Я не написал ни одной драмы и чувствую от этого себя отчасти неполноценным.

Мне кажется, что Вы владеете решительно всем для того, чтобы написать хорошую оперу.

Простите за эту неожиданную концовку письма, в котором я, собственно, хотел Вас только поблагодарить и поздравить.

Желаю Вам всего доброго и крепко жму Вашу руку.

Ваш *А. Фадеев*.

265. В. В. СОФРОНИЦКОМУ

6 ноября 1953 года

Дорогой мой Владимир Владимирович!

Много лет я Вас не слышал и не могу не сказать Вам, какое высокое наслаждение получили жена моя Ангелина Осиповна и я на Вашем концерте в Большом зале консер-

ватории. Слушали и видели мы Вас где-то в средних числах октября, да вот только теперь удосужился я написать Вам о нашем впечатлении.

Вы знаете, что я всегда люблю Ваше редкостное дарование, и поэтому не сочтите за преувеличение, когда я скажу Вам следующее: Ваше творчество достигло той высоты, когда к нему уже неприменимы слова «мастерство», а тем более «техника», потому что эти последние достигли такой ступени совершенства, когда их не замечаешь, а только слышишь и чувствуешь Вашу индивидуальность, окрашивающую собой прекрасную, великую музыку.

Надо сказать, что это не только впечатление на слух, а и впечатление зрительное, ибо трудно найти другого музыканта, который и в процессе исполнения, и перед ним, и после него был бы так целиком поглощен своим искусством и был бы так чужд всякой позе и какому бы то ни было заискиванию перед публикой.

Я знаю, однако, как нуждаемся все мы в добром слове, идущем от чистого сердца и с пониманием всей меры твоего труда. Вот почему, освободившись от всякого рода неотложных дел, я хочу передать Вам это свое впечатление о концерте и крепко пожать Вашу руку.

Ваш *Ал. Фадеев.*

266. РАСУЛУ ГАМЗАТОВУ

11 ноября 1953 года

Дорогой Расул Гамзатов!

Как-то так получилось, что примерно в одно и то же время появились в печати Ваша поэма «Разговор с отцом», стихотворение «Тост» и «Два стихотворения» (в журнале «Смена»). После Вашей, такой хорошей, свежей книжки эти Ваши новые произведения говорят о том, что Вы идете вперед и выше, и я рад сказать Вам об этом.

Жалко, конечно, что из-за незнания языка не могу Вас читать на Вашем языке. В переводах, если они очень хороши, обязательно сказывается индивидуальность поэта-переводчика. Если же переводчик — малоквалифицированный поэт, он неизбежно лишает стих оригинала его природной мускулатуры. В наше время можно назвать,

однако, несколько поэтов-переводчиков, имеющих собственную душу и в то же время, — а может быть, именно благодаря этому, — стремящихся максимально правдиво выразить душу оригинального произведения. К таким переводчикам я отношу Петровых, Звягинцеву, Липкина; к таким же переводчикам я отношу и Хелемского, когда он не слишком торопится.

В общем, мне кажется, по переводу Хелемского Вашей поэмы «Разговор с отцом» можно более или менее судить о Вас. Я вижу достоинства этой поэмы в том, что большая мысль об источниках и характере нашей поэзии выражена в ней истинно поэтически. В такой поэме Вы имели право вызвать живую тень отца Вашего, и это трогает до слез. Последняя, шестая главка поэмы достойно завершает ее прекрасным образом дремлющих в Вас стихов, которым пора за работу, и они вот-вот проснутся. Образ этот так естественно и гармонично вытекает из данных Вами столь поэтично, выпукло и нежно картин-образов пробуждающейся природы. И, наконец, поэтическая работа как путь в дорогу без отдыха и возвращения — это очень хорошо.

Мне очень трудно сказать, где именно в этой поэме с ее раздумьем и с ее лирической силой имеются длинноты, но она, несомненно, выиграла бы, если бы была короче. Мне особенно хочется сказать об этом, поскольку замечательное стихотворение «Тост», написанное в другой, мажорной тональности, с большим темпераментом и в то же время с Вашей, такой приметной интонацией и конкретностью образов, тоже, однако, выиграло бы, если бы было примерно на две-три строфы короче. В этом отношении примером может служить стихотворение «Все, что в нас хорошего бывает...». В нем нет ничего лишнего.

В целом, включая и шуточное лирическое стихотворение «Мы ссорились дождливым днем», Ваши новые произведения позволяют говорить о многообразных возможностях Вашего таланта и в то же время заставляют немножко тревожиться: не слишком ли Вы торопитесь и не слишком ли много печатаете, ибо писать нужно много в смысле затрачиваемого на это дело количества труда, но не надо торопиться печатать все, что вышло из-под пера.

Возможно, конечно, что все, прочитанное мною теперь, и есть плод Вашего труда за долгий период после выхода в свет Вашей первой книжки. Тогда мое критическое

замечание можно посчитать излишним. Но оно вызвано искренней симпатией к Вашему незаурядному дарованию.

Желаю Вам всего доброго и крепко жму Вашу руку.

Ал. Фадеев.

267. В. Н. ПАШЕННОЙ

13 ноября 1953 года

Дорогая Вера Николаевна!

Давно уже собираюсь поделиться с Вами тем поистине незабываемым впечатлением, которое произвело на меня Ваше исполнение роли Вассы Железновой...

Мне уже пришлось высказать Вам во времена, правда, стародавние, как высоко расцениваю я Ваш талант и какие огромные возможности раскрываются в нем при каждой новой роли. Я видел Вас в таких разных вещах, как «Растеряева улица», «Разгром», «На бойком месте», «Мария Стюарт». Но Ваша Васса — это еще совсем новое и, может быть, наиболее сильное из того, что я видел. Может быть, во мне просто сильнее говорит свежее впечатление, но мне кажется, что в исполнении роли Вассы Ваше великолепное творчество актрисы поднялось на еще более высокую, неизмеримо более высокую ступень. Я уже не говорю о том, что теперь трудно представить себе какую-нибудь другую Вассу, кроме Вашей, как трудно было представить себе какого-нибудь другого царя Федора после Москвина.

Весь старый мир старой России во всей его силе — недаром он так долго держался — и, однако, подточенный изнутри, глубоко античеловечный, но в совершенно человеческом обличии, по-своему даже разумный, я бы сказал, беспощадно-разумный, когда речь идет о его корыстных интересах, и, однако, уже только насилием и подлостью способный противостоять светлому разуму мира нового с его правдой, — вот как много удалось передать Вам в образе Вассы. Я думаю, именно такой ее понимал и видел Горький, и можно только пожалеть, что он не дожил до того, чтобы посмотреть Вас в этой роли, над которой он так много работал в прошлом и опять вернулся к ней уже в более поздние года.

От всей души поздравляю Вас и целую Вашу руку.

Ваш *Ал. Фадеев.*

268. К. А. ЗУБОВУ

13 ноября 1953 года

Дорогой Константин Александрович!

Хочется рассказать Вам о том сильном впечатлении, которое произвел на меня спектакль «Васса Железнова».

Надо сказать, он очень хорошо поставлен, а я представляю себе, как трудно поставить «Вассу Железнову». Это, конечно, настоящая драма — и драма свирепая, — но написана она так лаконично, на таком глубоком внутреннем действии, что требует от актеров подлинной глубины раскрытия образов и умного и четкого режиссерского рисунка всего спектакля как целого.

В основном и главном это Вам удалось, с чем я очень рад поздравить режиссеров-постановщиков и Вас, в первую очередь.

Это подлинно реалистический спектакль, без каких бы то ни было попыток заигрывать с публикой с помощью тех или иных «довесков» и ухищрений, глубокая, подлинная правда жизни, раскрытая теми простыми средствами, которыми владеет только истинное, великое реалистическое искусство.

Особенно сильное впечатление произвела на меня В. Н. Пашенная в роли Вассы. Я уже написал ей об этом и не буду здесь повторяться.

М. И. Жаров в роли брата Вассы — это большая удача его: этому талантливому актеру и в кино, и на театре предоставляли так часто роли, требующие одноплановото решения, что было приятно вновь убедиться в его исключительных возможностях, когда речь идет о раскрытии более сложного характера. На протяжении трех актов он несколько раз поворачивается этими своими разными, иногда такими противоположными и, в то же время, увязанными в одном характере сторонами — и балуется и юродствует, а в то же время страшноват! Хочу, однако, обратить Ваше внимание на то, что, такой громадный, шумный и броский внешне, он в иных местах чуть-чуть излишне выпячивается. Случается с ним это не так часто, но в той сцене, где Васса уезжает на пристань давать взятку и где ей принадлежит текст, очень важный по ходу

пьесы и по внутреннему развитию образа Вассы, брат ее слишком колобродит с разными пустяками и отвлекает публику от Вассы.

Образ Рашели недорисован Горьким, — это чувствуется сразу, когда читаешь пьесу. С этой точки зрения образ этот не так легко воплотить на сцене. Великая правда рождающегося в борьбе нового мира дана отчасти декларативно. И как это ни странно, даже такое правдивое и страшное жизненное обстоятельство, когда Васса отказывается вернуть Рашели сына — единственного наследника и продолжателя торгового дома, даже это обстоятельство выглядит у автора как «прием для оживления» образа Рашели. Но текст, вложенный в уста Рашели, сам по себе очень хорош, глубок, это действительная правда истории, и для того, чтобы он зазвучал со сцены, нужна очень большая, правдивая и глубоко современная женская душа. Д. В. Зеркалова, со свойственным ей мастерством, нашла верный внешний рисунок роли и выдерживает его до конца. Разумеется, могла быть и такая Рашель, исключительно владеющая собой, рационалистическая в поступках и суждениях и глубоко спрятавшая свое сердце, несущая и в манере говорить, и в жесте, и в одежде неуловимую печать заграничной революционной эмиграции. Но если бы при этом рисунке вдруг прорвалось, что Рашель говорит от имени всей угнетенной России, от имени самой человечной партии, которую эта Россия породила, с той великой душевной силой убежденности, которая всегда так особенно пронзительна в женщине, это, очевидно, и была бы та Рашель, которую стремился показать Горький и которую я, например, очень ясно вижу.

Что касается дочерей Вассы, то в старшей, несмотря на известную неопытность, все-таки есть что-то пронзительное, а младшая была бы совсем хороша в найденном ею верном рисунке, если бы свою невинную испорченность, соединенную с живой правдивостью ранней юности, этакую русскую инфантильность вырождения, она играла бы более непосредственно и меньше ее «делала».

Хорошо вижу секретаря-приживалку Вассы в исполнении В. А. Обуховой. Думаю, что такая трактовка является вполне правильной, хотя и допускаю, что на основании горьковского текста можно сделать более острый и тонкий рисунок. В. А. Обухова правдива, но временами «мельте-

шит», а здесь видится нечто, вырисованное пером точным и острым. Иногда кажется, что она не все продумала и нашла из того, что стоит *за* горьковским текстом.

Все эпизодические роли, с моей точки зрения, безупречны, и в этом я тоже вижу большое достоинство спектакля в целом.

Пишу Вам это письмо, разумеется, как письмо совершенно личное.

Прошу Вас передать мой самый сердечный привет всему коллективу спектакля. Прошу не осудить меня за отдельные критические замечания, продиктованные любовью к вашему театру.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш *Ал. Фадеев.*

P. S. Всегда с удовольствием вспоминаю о том, что мы с Вами «земляки». Теперь, когда мне уже 52 года, мне так приятно бывает вспомнить, что я еще мальчишкой видел Вас на сцене и видел поистине так «далеко от Москвы», когда Вы тоже были еще совсем молоды. Наша дальневосточная публика очень любила Вас, особенно, конечно, девушки и, как я полагаю, дамы, но я лично в ту пору еще не дорос до дамского общества. Если же говорить без шуток, то Вас на самом деле очень любила низовая демократическая интеллигенция, ибо, как известно, еще со времен Белинского она была настоящим любителем и ценителем театрального искусства. Во Владивостоке это она заполняла верхний ярус и галерку известного Вам театра «Золотой рог». Где-то среди этой публики помещался тогда и весьма юный Александр Фадеев и вместе со всеми восторженно орал: «Браво, Зубов!» Отлично помню Вас в роли Кречинского. Расплюева играл актер, фамилию которого я теперь забыл, но который, я помню, пользовался большим успехом у народа. На свой бенефис он выбрал какую-то из пьес Мольера. Постановка эта, стилизованная в духе века, насколько я помню, не была в должной мере оценена публикой. Но, кажется, я совсем ударился в воспоминания. Еще раз желаю Вам всего хорошего.

А. Ф.

269. А. М. УПИТУ

18 ноября 1953 года

Дорогой Андрей Мартынович!

Спасибо Вам за Ваше сердечное и обстоятельное письмо. Очень жалею, что мое попутное и беглое замечание по поводу одного места в Вашей статье об эстетике социалистического реализма понудило вступить в полемику. Узнаю Вас в этом: боевой дух живет в Вас и, как видно, не собирается на покой.

Все, что мне хочется сказать Вам по этому поводу, уже не будет нуждаться в ответе, — это просто небольшое разъяснение. Никогда я не предполагал и не мог предполагать, что в этом своем теоретическом высказывании Вы делаете хоть малейшую уступку названным Вами течениям буржуазного формализма. Такая мысль действительно противоречила бы всему характеру Вашего творчества и никак не вытекала бы из основных и главных мыслей Вашей статьи. Нет, я считал, что Вы стоите за более краткую и динамическую форму в пределах реализма, — к примеру, предпочитаете чеховскую форму, скажем, форме толстовской. С этой точки зрения я предполагал, что Вы, работая в форме монументальной, считаете, однако, необходимым указать молодежи иной путь — путь более динамической прозы. Лично у меня смолоду выработалась привычка к довольно усложненной фразе — условно говоря, «толстовского» типа. Это так же трудно теперь изменить, как походку. Я часто жалею о том, что эта моя литературная «походка» так мало родственна соответственной «походке» Тургенева (я имею в виду только стиль) или Пушкина в прозе. И когда мне приходится беседовать на эту тему с молодежью, я всегда рекомендую им в качестве образцов в области стиля (вернее, стилистики) — Пушкина, Тургенева, Чехова. Об этом я неоднократно высказывался и в печати. Примерно в таком же духе я расценивал и Ваше высказывание о формах социалистического реализма.

Теперь, после Вашего письма, я вижу, что неправильно понял это Ваше высказывание. Я попросил перевести мне из журнала «Карогс» за 1952 г. главу «Монументальная форма литературы социалистического реализма» из Вашей работы об эстетике социалистического реализма и

окончательно понял, что ошибся. Глава эта мне чрезвычайно понравилась, с Вашими оценками эпопей А. Толстого, Шолохова, Эренбурга и Лациса я согласен, как в части положительной, так и в части критической. Я очень жалею о том, что эта глава, которую можно рассматривать как совершенно самостоятельную статью, до сих пор не появилась в русской печати, и приму все меры к тому, чтобы ее напечатали в одном из наших толстых журналов.

От всей души желаю Вам здоровья и крепко жму Вашу руку.

Ваш *А. Фадеев.*

270. В. М. КОЖЕВНИКОВУ

18 ноября 1953 года

Уважаемый Вадим Михайлович!

Из переписки с Андреем Упитом я узнал, что он очень болен и что он несколько удручен тем, что русскому читателю неизвестны некоторые его высказывания по вопросам социалистического реализма.

Я попросил бюро национальных комиссий перевести статью А. Упита «Монументальная форма [литературы] социалистического реализма», напечатанную в журнале «Карогс» за 1952 г.

Присланный мне перевод Банкович, по существу, является подстрочником, и поскольку язык А. Упита отличается известным своеобразием, перевод этот, очевидно, нуждается в сверке, уточнении и литературной правке.

Вместе с тем высказывания А. Упита очень интересны — тем более что они относятся к таким монументальным произведениям советской прозы, как «Хождение по мукам» А. Толстого, «Тихий Дон» Шолохова, «Буря» и «Девятый вал» Эренбурга и «Буря» Лациса. Мне кажется, было бы хорошо, если бы Вы напечатали в разделе «Трибуна писателя» эту статью А. Упита. Разумеется, статью надо печатать полностью, не допуская произвольных сокращений, поскольку речь идет о старом писателе, который по болезни не может что-либо сокращать или переделывать, а если увидит сокращения и изменения, с ним не согласованные, может от чувства огорчения и обиды заболеть еще тяжелее. Но статья, в целом, очень интересна — особенно потому, что А. Упит, высоко оценивая

названные произведения, критикует их за те действительные недостатки, которые отмечались и у нас в устных разговорах и обсуждениях, но не были отмечены в печати. Отдельные несогласия, которые могут быть у редакции с автором, не могут, на мой взгляд, служить препятствием к тому, чтобы статья была опубликована в «Трибуне писателя». Я вычеркнул только два первых абзаца прилагаемой статьи, против чего А. Упит не будет возражать, поскольку статья эта представляет из себя главу большого труда А. Упита и указанные абзацы просто связывают ее с предыдущими главами.

Мне кажется, Вы сделали бы хорошее дело, напечатав эту вполне индивидуальную, квалифицированную и интересную статью маститого писателя, значение которого велико не только в Латвии. Было бы хорошо, если бы сделали примечание, примерно следующего содержания: «Мы посчитали полезным опубликовать в «Трибуне писателя» статью А. Упита «Монументальная форма [литературы] социалистического реализма», напечатанную в латышском журнале «Карогс». А. Упит—автор выдающихся романов «Земля зеленая» и «Просвет в тучах», являющих собой пример монументальной формы в социалистическом реализме, и его взгляд на такие монументальные произведения советской прозы, как «Хождение по мукам» А. Толстого, «Тихий Дон» Шолохова, «Буря» и «Девятый вал» Эренбурга и «Буря» Лациса, представляют для советского читателя большой интерес».

Если Вы сочтете целесообразным напечатать статью А. Упита, спросите у него формального разрешения....

Еще раз прошу учесть, что прилагаемый перевод статьи еще очень черновой.

Если Вы не найдете нужным печатать статью в журнале, прошу мне вернуть ее.

С приветом

А. Фадеев.

271. НАЗЫМУ ХИКМЕТУ

Ноябрь 1953 года

Дорогой друг!

От всего сердца поздравляю Вас с Октябрьским праздником. Я знаю, что Вы чувствуете его как свой праздник. И не только потому, что Вы чудесный турецкий

коммунист, а и потому, что целые годы жизни Вашей — и в молодости, и теперь, в зрелые годы, — связаны с нашей страной. Вы так хорошо ее знаете и любите. С какой-то особенно трогательной силой я почувствовал это, прочитав Ваши заметки «Грани алмаза». Это действительно всего лишь заметки из записной книжки. Но Вы истинный художник, самые обыкновенные вещи видите с их необыкновенной стороны.

В природе, да и в обществе краски не существуют отдельно, в тюбиках, они в таком пестром сочетании и такой смеси, что порой трудно увидеть первозданный цвет, — для этого нужно быть таким, как Ваш Фархад. Вы и есть Фархад.

Конечно, я понимаю, что Вам еще приятнее и веселее было бы встретить этот праздник, если бы вокруг Вас было бы множество счастливых турок. Это, конечно, будет со временем. А сейчас, черт побери, Вам, наверно, бывает порой скучновато, лишенному возможности окунуться с головой, всякий раз, когда захотите, в народное турецкое море. Тем более что, если судить по Вас, это чудесный народ. Думаю, что в поздравительном письме не обязательно писать только о праздничном....

Заодно уж скажу Вам, почему мне не хотелось писать о спектакле Московского театра драмы. Такая великолепная, поэтическая «Легенда о любви» заслуживала лучшей постановки. Своеобразная форма «Легенды» не только не требовала от постановщика погони за внешним, а наоборот — именно через нее, эту форму, надо было выразить то человеческое, полное страстей, дерзаний, лирического вдохновения, что составляет душу «Легенды». На театре же хороши только отдельные эпизоды и хороши только молодые влюбленные — хороши именно своей молодостью и только там, где они влюблены. Там же, где Фархад становится символом мощи народной, молодой актер ничего уже не может поделать. Конечно, и театр талантлив, а Вы и тем более талантливы, и спектакль будет иметь успех. Но я совсем иначе вижу «Легенду о любви» на сцене...

Как Ваше здоровье сейчас?

Спрашиваю не без некоторой корыстной цели: мне бы хотелось вместе с Вами посмотреть и другой Ваш спектакль в театре Моссовета.

Я иногда стесняюсь Вам помешать, но мне лично хотелось бы, чтобы Вы чаще и без всякой церемонии обраща-

лись ко мне, звонили мне, когда Вам хочется прочесть что-нибудь новое друзьям, или просто Вам нужно помочь в чем-нибудь, или Вам просто скучно, наконец!

Еще раз поздравляю и приветствую Вас, желаю Вам преодоления всех недугов, на страх врагам, и крепко жму Вашу руку.

Ал. Фадеев.

272. В. С. САПАРИНУ

Ноябрь 1953 года

Уважаемый Виктор Степанович!

Вношу предложение напечатать в журнале «Вокруг света» начало незаконченного романа В. К. Тренева.

Роман этот — лучшее из произведений В. Тренева — хорошо мне знаком. Совместно с Н. К. Чуковским мы вновь просмотрели рукопись и пришли к выводу, что начало романа имеет вполне самостоятельное значение и после некоторой редакционной работы, которую Н. К. Чуковский согласился взять на себя, этот самостоятельный отрывок хорошо было бы напечатать в журнале «Вокруг света».

Одновременно я просил бы Вас поинтересоваться другой рукописью В. Тренева — незаконченным романом о Д. Овцыне. В свое время мне приходилось читать первую часть этого произведения, а как мне стало известно, Тренев успел еще много сделать в развитии романа.

Мне кажется, что журнал мог бы выбрать и напечатать более или менее цельные отрывки из этого безусловно интересного произведения.

С приветом

А. Фадеев.

273. Л. И. СОМОВОЙ

Ноябрь 1953 года

Уважаемый товарищ Сомова!

На Ваше письмо, присланное мне из Министерства обороны, сообщаю Вам следующее: Николай Павлович Сомов, упоминаемый в моем романе «Молодая гвардия», является лицом вымышленным. Узнав из биографии Сер-

гея Тюленина, что он принимал участие в боях против немецко-фашистских захватчиков в составе одной из частей Советской Армии в период отступления от Ворошиловграда, и не имея никаких конкретных материалов о том, как это все происходило на самом деле, я вынужден был прибегнуть к вымыслу, чтобы сделать этот эпизод совершенно конкретным. Вымышленные мною имя, отчество и фамилия командира части случайно совпали с именем, отчеством и фамилией Вашего сына.

С приветом

А. Фадеев.

274. М. М. КОРНЕВУ и Н. В. ЛЕСЮЧЕВСКОМУ

Ноябрь 1953 года

В последние месяцы по моему предложению Э. Г. Казакевич работал над своей повестью «Сердце друга».

Работа Казакевича сводилась не только к тому, чтобы убрать отдельные места и рассуждения, вызвавшие возражения критики, а главным образом к тому, чтобы более последовательно развить образ героя повести офицера Акимова и ярче показать освободительную миссию Советской Армии по отношению к народам Европы, порабощенным гитлеровской Германией. В соответствии с этим, Казакевич значительно улучшил вторую часть повести, где показаны бои Советской Армии за освобождение Северной Норвегии от гитлеровцев.

Ознакомившись с новым вариантом повести, я рекомендую ее издательству для издания.

А. Фадеев.

275. В СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Ноябрь 1953 года

Прошу Секретариат ССП СССР принять меры к изданию сочинений М. Ильина, увековечению его памяти и обеспечению его семьи.

Мне кажется, что следовало бы принять следующие меры:

1. Договориться с Гослитиздатом или с «Советским писателем» об издании сочинений М. Ильина. Как известно, все произведения Ильина неоднократно издавались и переиздавались в СССР и за границей. Единственное произведение М. Ильина, вторая книга его совместного труда с Е. Сегал «Как человек стал великаном», подверглось критике за объективизм в изложении идеалистического учения Платона. Но это произведение во всех остальных частях обладает такими несомненными достоинствами, что может и должно быть издано полностью с предисловием, указывающим на данную ошибку. В собрание сочинений следовало бы, кроме того, включить некоторые статьи и выступления М. Ильина, а также некоторые его письма, имеющие большой общественный и научный интерес (два таких письма имеются, в частности, у меня).

Для разбора литературного наследства М. Ильина и формирования его сочинений, а также для сношений с издательством следовало бы создать постоянную комиссию из писателей и критиков, согласовав состав комиссии с Маршаком и Прилежаевой.

2. Нельзя ли возбудить ходатайство перед Министерством просвещения о присвоении какой-либо из школ на родине М. Ильина — его имени?

3. Надо выхлопотать разрешение о захоронении урны М. Ильина на Новодевичьем кладбище с тем, чтобы можно было соорудить надгробие. В настоящее время Моссовет дал разрешение на установление урны в стене кладбища.

4. Надо ввести в права наследования наследников М. Ильина и исходатайствовать пенсию детям, не достигшим совершеннолетия.

5. Следовало бы выдать от Литературного фонда единовременное пособие семье М. Ильина.

Может быть, Секретариат предложит и еще какие-нибудь меры к увековечению памяти М. Ильина и проверит, нуждается ли по своему состоянию здоровья и по возрасту в пенсии жена М. Ильина — Е. А. Сегал.

Ал. Фадеев.

276. Н. П. ОХЛОПКОВУ

1 декабря 1953 года

Дорогой Коля!

Конечно, по роду наших профессий мы должны были бы вести с тобой переписку по вопросам искусства в надежде, что благодарные потомки опубликуют ее в соответствующих архивных сборниках или даже в повременной печати — в назидание молодым поколениям. Но, увы, я пишу тебе это письмо с тем, чтобы вернуть документы, среди которых важнейшим является «выписка из родословной книги войсковой части» на чудную твою собачку «Кинту», названную тобой «Чинтой».

Так и не удалось мне поохотиться с этой чудной собачкой, имеющей несомненно более благородную и чистую родословную, чем многие из нас. Непомерные труды и злая болезнь на долгое время отбили меня от охотничьих удовольствий, и где уж мне было ухаживать за Чинтой, когда я сам нуждался в том, чтобы за мной поухаживали.

Кстати сказать, мой курц-хаар, доставивший, как ты помнишь, твоей Чинте много неудовольствия своим ухаживанием, все еще жив и стареет без дела на даче. Наткнувшись случайно на документы, оставленные тобою у меня, я подумал, что они, вероятно, тебе нужны, и с благодарностью их возвращаю.

Прошу, однако, не принимать этот жест как «разрыв отношений». Я надеюсь в самое ближайшее время попасть на «Грозу», как мы с тобой сговаривались. Я был бы тебе очень благодарен, если бы ты прислал мне два билета в течение ближайших 7—10 дней. Хочу только предупредить, что вечера 3, 5 и 6 декабря у меня заняты.

А. Ф.

277. К. А. ФЕДИНУ

1 декабря 1953 года

Дорогой Костя!

Вспомнив наш с тобой разговор во время прогулки о внезапно возникшей страсти к коллекционированию картин, я посылаю тебе письмо инженера Н. М. Петрова, су-

лящее в этом отношении некоторые перспективы. Письмо свидетельствует о том, что страсть коллекционирования, возникая, если верить Канту, совершенно бескорыстно, как и само искусство, однако вовсе не бесполезна. Оказывается, наступают в жизни дни, когда картины нельзя уже покупать, но можно и нужно продавать.

Ты находишься в первой стадии, и дай бог, чтобы вторая тебя миновала. Но она не миновала инженера Петрова. Если его предложения тебя заинтересуют, то ты с ним свяжись и скажи, что его письмо было переслано тебе. Если же не заинтересуют, я ему сам напишу, и в таком разе письмо ты мне верни.

Все-таки я скучаю по нашим прогулкам! Группа охотников, в которую входил мой свояк Г. Н. Зарахани, с разрешения властей, убила в прошлое воскресенье лося и прислала мне в подарок его голову. Если у меня сумеют соорудить из продуктов этой головы что-нибудь целесообразное — например, студень из губы — я устрою тебе званый ужин (на днях). Если же не сумеют, я все равно устрою званый ужин. А если тебе, например, захочется завтра часа в 4 погулять со мной, ты извести меня и либо сам зайди, либо дай знак, чтобы я в это время появился в поле, под окнами твоей дачи.

Желаю тебе успеха за письменным столом (успеха за обеденным столом я не могу желать тебе из зависти, — о печень, печень, не будь тебя, я совершенно иначе поговорил бы с Константином Фединым!).

Твой *А. Фадеев*.

278. Ф. Н. СВЕРГУНУ

2 декабря 1953 года

Дорогой Федосий Никонович!

Ко мне обратился один военнослужащий — Притулло Андрей Григорьевич — с просьбой подтвердить, что я вместе с ним находился в конном отряде Тетерина-Петрова. Я действительно был в этом конном отряде до того, как попал в отряд под командованием Певзнера и Баранова, в котором мы вместе с тобой находились. Но Притулло я никак не помню. Он мне сказал, что сам он родом из Зеньковки, что отец его жил в Зеньковке до 1924 года, а

потом перебрался на работу и на жительство в г. Никольск-Уссурийский, ныне Ворошилов. Сам же он, Андрей Притулло, с 1918 года работал на Сучанском руднике, откуда, по его словам, и ушел в партизанский отряд.

Насчет его пребывания в конном отряде Тетерина-Петрова я уже запросил некоторых товарищей из этого отряда. Тебя же я прошу вспомнить, как старого жителя Зеньковки, — жила ли в Вашем селе такая семья — Притулло?

Буду ждать от тебя ответа, дорогой мой друг.

Передай мой сердечный привет жене и дочери.

Твой *Ал. Фадеев.*

279. Н. С. БЕЛИНОВИЧ

3 декабря 1953 года

Дорогая Надежда Сергеевна!

Спасибо Вам за книжку. Очень рад, что Вы все работаете в этом жанре, перевод удался Вам на славу, простой, хороший. Вы, может быть, рассердитесь на меня, но мне кажется, что Вы лучше владеете прозой, чем стихами. А жанр сказки, особенно славянской, с ее замечательным стилистическим простодушием и с таким народным добрым отношением ко всему действительно хорошему кажется мне родственным Вашей душе. Славные иллюстрации в книжке! Ежи старичок — чем-то даже похож на Максима Горького, когда тот бывал в хорошем расположении и баловался, изображая что-нибудь.

С сердечным приветом

Ал. Фадеев.

280. Е. Д. СУРКОВУ

4 декабря 1953 года

Уважаемый Евгений Данилович!

Чувствую свой долг по отношению к памяти Константина Андреевича и обязательно выполню его, но только по окончании первой книги романа своего, то есть не раньше чем через полгода. В последние годы перед войной, а

особенно в дни войны и до самой смерти Константина Андреевича мне так много и часто приходилось общаться с ним и по общественной работе, и в личной жизни и много беседовать на литературные темы, что написать об этом хочется и обстоятельно и в художественной форме, а ведь это уже целое предприятие.

Я просил бы Вас не ставить выпуск сборника памяти Константина Андреевича в зависимость от моих воспоминаний, поскольку я могу ошибаться в сроках написания своей первой книги, а кроме того, всегда могу быть отвлечен на какое-нибудь неожиданное дело не по своей вине.

Что же касается Вашей книги о Константине Андреевиче, то я ее, конечно, прочту в течение ближайших полутора месяцев. Я сейчас много читаю в часы досуга, сейчас читаю книгу К. И. Чуковского «Мастерство Некрасова», скоро дойдет очередь и до Вашей книги.

Желаю Вам всего хорошего.

Ал. Фадеев.

281. В СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

30 декабря 1953 года

В дополнение к своим замечаниям по поводу повестки дня съезда писателей, вношу на обсуждение еще некоторые предложения.

Может быть, назвать основной доклад так: «Советская литература в художественном развитии человечества». Или так: «Советская литература в строительстве коммунизма».

Может быть, целесообразно было бы назвать доклад по поэзии таким образом: «Лирика, эпос и драма в советской поэзии». Исхожу из замечательной статьи Белинского — «Разделение поэзии на роды и виды». В наших разговорах о поэзии мы, например, совершенно обходим драму в стихах, а между тем у нас были и есть такие сильные представители ее, как Маяковский, Сельвинский, Багрицкий, В. Гусев, В. Соловьев, М. Светлов, С. Вургун, Х. Алимджан, Наири Зарьян и др. У нас справедливо выдвигают на рассмотрение вопросы лирики, но забывают,

что только с появлением реалистического романа в поэзии ее можно считать вполне зрелой. В число докладчиков по поэзии я включил бы еще кого-нибудь из белорусских или грузинских поэтов и добавил бы также Щипачева или Н. Тихонова.

Доклад о кинодраматургии, может быть, полезно было бы сформулировать так: «Сценарий как основа развития художественной кинематографии». Или так: «Советский художественный сценарий и его место среди других видов литературы».

Название доклада Корнейчука мне кажется исключительно казенным. Следовало бы поискать название получше, идя например по такому пути: «Значение советской драматургии в борьбе нового со старым». Или: «Вопросы мастерства драматургии в связи с борьбой нового со старым в жизни советского общества».

Все-таки лучше было бы поставить доклад не о наших связях с прогрессивными писателями других стран, а доклад, который можно было бы, примерно, сформулировать таким образом: «Прогрессивная литература всех стран в борьбе за мир, демократию, социализм». Тогда основным докладчиком целесообразно было бы выдвинуть Илью Эренбурга.

Все эти предложения, конечно, только наметки. Но если Секретариат в своем решении разойдется с этими наметками кардинальным образом, я просил бы довести до сведения ЦК и мои замечания.

Попутно хотел бы выдвинуть дополнение к своим замечаниям по поводу повестки дня Президиума.

Обзор поэзии в журналах за 1953 год не представляет больших трудностей для наших квалифицированных поэтов, ибо поэтических произведений прошло не так уж много и поэты, конечно, их читали раньше. До Президиума осталась еще неделя. Надо настоять, чтобы Твардовский, Асеев, Рыльский, С. Вургун и др., кому поручено было выступать, кроме Маршака, выполнили решение Президиума. Если, однако, многие из них откажутся, надо просить срочно подготовить выступления — Щипачева, Н. Тихонова, Кулешова, Алигер, Сельвинского, при вступительном слове А. Суркова.

С приветом

А. Фадеев.

282. В ПРИМОРСКИЙ КРАЕВОЙ КОМИТЕТ КПСС, ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРИМОРСКОГО КРАЙИСПОЛКОМА

Декабрь 1953 года

В течение ряда лет ко мне, как к депутату Верховного Совета СССР и общественному деятелю, в прежние годы своей жизни связанному с селом Чугуевкой, Приморского края, поступают жалобы учителей и медицинских работников на плохое состояние и содержание зданий и помещений, отведенных под школьные и медицинские учреждения. Помещения эти, за отдельными исключениями, долгие годы не ремонтируются, плохо отапливаются или совсем не отапливаются из-за отсутствия транспорта на вывозку дров. Объясняются эти крупные недостатки невниманием и отсутствием помощи со стороны районных организаций к школам, больницам и амбулаториям. В иных случаях мне, как депутату, удавалось с помощью краевых организаций улучшить положение дела — например, в Чугуевской средней школе им. Фадеева, в которой устроено в настоящее время центральное отопление. Однако положение во многих других школах Чугуевского района остается плохим и должного внимания к ним нет. Сейчас ко мне поступают сигналы о том, что не завезены дрова в чугуевские лечебные учреждения и что снова повторяется зима прошлого года, когда в амбулатории с. Чугуевки медицинский персонал вел прием больных в пальто и шубах и замерзали медикаменты и чернила.

Не могу скрыть от Вас, какое чувство возмущения испытываю я, бывший житель этого таежного района, получая такие сигналы, ибо такое положение с ремонтом и отоплением школ и больниц в лесном краю на XXXVII году существования Советской власти нельзя назвать иначе, как безобразием, которое только ждет своего Салтыкова-Щедрина.

В еще более отвратительных условиях живут учителя и медицинские работники, и, что всего возмутительнее, живут так в районном центре. Квартиры сельской интеллигенции годами не ремонтируются, квартир вообще не хватает, люди живут тесно, скученно, квартиры, как правило, не отапливаются, ибо невозможно завезти дрова, не отводится близких к жилью участков под огороды.

Казалось бы, что ко мне, патриоту этих мест, негоже было бы обращаться чугуевским учителям и медицинским работникам с просьбой помочь им как-нибудь перевестись из Чугуевки на работу в другие районы страны. Казалось бы, каждый должен понимать, что я скорее заинтересован в укреплении Чугуевского района медицинскими и педагогическими кадрами. И, однако, я уже неоднократно получал ходатайства от врачей и учителей помочь им перебраться из Чугуевского района в какие-нибудь другие места. На мои запросы о причинах такого желания и уговоры остаться и преодолеть все трудности — ответ один и тот же: плохие условия жизни и полное отсутствие внимания и помощи со стороны районных организаций.

Приведу выдержки из одного из писем, поступивших в последнее время: «Почему стараются уйти из Чугуевки врачи и учителя?.. Врачи и учителя большинство живут в гнилых квартирах, крыши текут, дров, положенных по закону, не подвозят... Вот живут старые учителя — трое в одной комнатке — это Морозовские Надежда и Аглая и Крысов Д. С., которые работают давно в средней школе. Сдобнова Н. Ф. тоже живет в гнилой квартирке и часто заболевает зимой оттого, что в квартире холодно. Пусть бы это только в квартире, а то в амбулатории замерзают медикаменты и чернила... Сейчас началась зима, а дров не завезено ни одному медработнику и в лечебные учреждения».

Должен сказать, что, например, в селе Сергеевке, Буденновского района, дела обстоят получше, и мои корреспонденты справедливо объясняют это вниманием и помощью со стороны районных организаций. Так, например, мне пишут, что бывший заведующий учебной частью в Чугуевской средней школе тов. Решетило, теперь директор школы в селе Сергеевке, Буденновского района, и другие учителя и медицинские работники «живут лучше, чем жили в Чугуевке, в квартирах учителей и врачей крашеные полы и окна, оштукатурены стены, крепкие крыши, и еще летом председатель РИК Шестаков позаботился о топливе».

Я обращаюсь в Приморский краевой комитет КПСС и в Приморский крайисполком с просьбой воздействовать на чугуевские районные организации, чтобы они исправили это свое безобразное отношение к сельской интеллигенции и поставили в нормальные условия функциониро-

вания такие важные для населения учреждения, как больницы, амбулатории и школы.

Буду очень благодарен Вам, если о принятых Вами мерах Вы поставите меня в известность.

Депутат Верховного Совета СССР

А. Фадеев.

1954

283. Р. А. ТРДАТЬЯН

7 января 1954 года

Дорогая Роза!

Еще перед Новым годом договорился я с мамой, что напишу тебе письмо от ее имени и от всех нас. Несмотря на свой возраст, на известную тебе изменчивость — такую резкую — в настроениях, когда порой она, мучаясь сама, мучает и других, — несмотря на это, сердце ее полно доброты, ей смолоду присуще благородное чувство долга, долга общественного, семейного и просто человеческого. Я показывал ей твою давнюю телеграмму, потом она тоже получила телеграмму от тебя, но никто из нас не ответил, а от тебя долгое время ничего не было, и она все говорила: «Вот, я уже старая, не могу написать Розе, а из вас ведь никто не напишет!»

Есть во всем этом глубокая доля правды. Жизнь — ужасная разлучница, а особенно, когда люди близкие разделены большим расстоянием. Занятость общественная, служебная, семейная, болезни, неприятности — все это берет у человека много душевных сил. Не хочется, по чести, проявлять формальное «внимание», а на что-то большое, настоящее, человеческое по отношению к близкому человеку порой уже и сил в душе не находишь, хотя и помнишь его и любишь, особенно если человек далеко и, как говорится, «над нами не каплет». Одним словом, устыдила меня мама, и обещал ей написать тебе. Но события, которые будут тяжелы не только для нас, а и для тебя, опять отодвинули это письмо. Где-то в последних числах декабря с мамой случился удар, она упала, лишилась речи. К счастью, были дома Нича и Петр Владимирович. Приехала Таня, срочно вызвали врачей, постоян-

ную сестру. Немножко отлегло от сердца, когда выяснилось, что это не кровоизлияние, а мозговой спазм сосудов, так называемый гипертонический криз. Поставили пиявки, пустили кровь, применили еще много разных средств, — в общем, она вышла из этого, смертельно опасного для ее возраста, состояния. Речь ее на 75% восстановилась. Движения рук и ног у нее не нарушались. Теперь вся ее дальнейшая судьба зависит от того, насколько выдержит сердце. Сердце у нее, конечно, очень, очень слабенькое, хотя врачи говорят, что деятельность его улучшилась и вообще оно может послужить. Она ведет сейчас исключительно лежачий образ жизни, давление у нее снизилось. Она только кушает, сидя в постели, да садится по своим естественным потребностям, — это ей разрешено. Она в полном сознании, все понимает, и теперь уже на 75% можно понять и то, что она говорит. Но чувствуется, что она сильно психически травмирована, очень физически слаба и утратила память на многое из прошлого и настоящего, а особенно на все то, что происходило непосредственно перед и после ее падения.

Конечно, и Таня и Нича, и я, чередуясь, дежурим у мамы. Есть при ней пока что и постоянная медицинская сестра. Если взять развитие ее болезни в целом, то со всякими отклонениями и колебаниями ее состояние постепенно улучшается. Вот какую печальную новость пришлось мне сообщить тебе в этом письме. У нас сейчас вообще много больных....

Одна большая Таня крепко держится, несмотря на перенесенную ею тяжелую операцию, хотя и находится в угнетенном состоянии из-за мамы, а отчасти и из-за того, что домашние хлопоты, болезни близких не дают ей возможности работать над диссертацией: она ведь теперь ушла с работы на пенсию и причислена к Академии общественных наук при ЦК для сдачи диссертации на кандидата наук; когда она ее сдаст, она хочет заняться, как в старину, преподавательской деятельностью в каком-нибудь вузе....

Мне так бывает жалко порой, что по обстоятельствам жизни моей мне мало приходилось общаться и разговаривать с тобой во время наших редких встреч! А между тем сила души твоей, не раз проявленная тобой в трудные времена, вся твоя жизнь, наполненная трудом и горением, жизнь советской женщины, умной, честной, чистой, вышедшей из самой гущи народной и так естествен-

но и бескорыстно отдавшей всю себя на служение народу, весь твой труд инженера и общественницы, где, невзирая на трудности и тяжелые переживания, ты проявила такой духовный и практический рост, — все это издавна внушило мне глубокую симпатию к тебе. Сейчас я работаю усердно и упорно, — у меня годовой отпуск, — над романом о металлургах; конечно, мне приходится иметь дело и с энергетиками, и я так часто вспоминал тебя и жалею, что тебя нет близко. Когда что-нибудь пишешь, дело это в первоначальной стадии носит столь интимный характер, что даже в вопросах производственно-технических, а особенно бытовых иногда стесняешься разговаривать, выяснять что-либо у людей чужих — боишься показаться наивным, смешным, навязчивым, иногда даже просто неудобно пояснить, что именно тебе нужно. В таких случаях человек близкий или друг, обладающий соответствующими знаниями, может дать больше, чем самые крупные специалисты и профессора. Все лучшее, что я смог сейчас собрать и увидеть, я получил главным образом от своих друзей, которые когда-то учились со мной в Горной академии, ныне расформированной на ряд институтов. (Когда я учился, намереваясь стать геологом, металлурги учились под одной крышей с нами.) Если бы не складывалась так трудно вся жизнь, кажется, поехал бы недельки на две и все, все узнал бы от тебя, что мне нужно, а сейчас роешься в учебниках, говоришь с людьми, тебя не понимающими, ибо тебе не голая техника нужна, а человек в производстве, в быту, в переживаниях, и трудно тебе самому добраться до чужой души, а она, чужая-то душа, сама тебя стесняется и не раскрывается, как тебе нужно.

Сердечно обнимаю тебя, дорогая Роза.... Крепко, крепко жму твою руку.

Саша.

284. А. И. БЕЗЫМЕНСКОМУ

8 января 1954 года

Дорогой Саша!

Сразу же прочел твою «драматическую сцену», но вот беда: изолировали меня от общения с людьми из-за страшной бессонницы и сердечной аритмии на этой почве. Выпускают только на воздух.

Опус твой чрезвычайно мне понравился. Удар нанесен метко. Средства художественного, в особенности композиционного решения найдены свои, — они и оригинальны, и способствуют занимательной и острой передаче главного, гуманистического содержания этой вещи. Ты совершенно правильно увидел — в отличие от «Раков» Михалкова и «Доброго имени» Симонова (я не хаю эти пьесы, а просто отмечаю один крупный их недостаток) — тех живых людей, которые страдают из-за бюрократов, те живые дела, которые гибнут или стоят на месте из-за бюрократов. В этом главное гуманистическое содержание этой сатирической сцены. Может быть, даже следовало еще немножко развить эту сторону дела за счет сокращения — незначительного — других моментов, — впрочем, я выразил свою мысль неточно: не количественно развить, а в иных местах выразить этот гуманистический момент еще острее, так же остро, как это получилось со Слепым. Иные говорят слишком общо́, затертыми словами: например, Пожилой человек в своих первых репликах, Старик после очень удачной реплики: «Решений — тьма, деревьев — нет» — говорит более или менее бесцветно. Но много хорошего вложено, кроме Слепого, в уста Мужчины средних лет, Девушки с косами, Мужчины в комбинезоне, Женщины с платочком. В целом это, конечно, хорошо.

Другое критическое замечание: не совсем правдоподобно, чтобы такой уже «ответственный» и «забуревший», как Чернов, так сразу и в такой жалкой форме все стал сваливать на Гришина и уже только на этом и стоял. И это даже «обедняет» бюрократа Чернова. Он должен сначала вывалить одну, потом другую, потом третью «объективные» сановно-бюрократические причины и оправдания того, как он дошел до жизни такой, спускаясь с «самой убедительной» до все менее убедительной, и в конце концов жалко спрятаться за... Гришина. Будет сильнее.

И, наконец, третье критическое замечание. При всей общественной остроте твоего поэтического языка, его точности и меткости в большинстве случаев, попадается порой и безвкусица, к сожалению, встречающаяся и в твоих прежних и не только сатирических вещах. (Я порою даже не понимаю, почему ты так предельно меток,

точен, почти совершенен в «коротких» сатирических жанрах, особенно в эпиграммах, и почему так часто позволяешь антихудожественные «вольности» в вещах покрупнее, — я объясняю это торопливостью, известным послаблением, которые автор допускает по отношению к себе.): Глагол «смаклевать» определяет характер поступка («я смаклевал немножко, и дело вышло» — так можно сказать), но нельзя смаклевать что-нибудь конкретное, например, «смаклевать полштатной единицы». Можно находиться «в цехе», но ходить только «по цеху». Можно сказать: «Вы двигались вперед... проявляя умение», и нельзя сказать «двигались... проявив», тогда уж «двинулись, проявив», или «выдвинулись, проявив». Нехорошо — «мы были много лет на многих должностях». «Высший круг» — это понятие настолько связано со старым обществом, что неприменимо даже к кругу самых сановных современных бюрократов, поэтому «наивысший круг» — это не оригинально, и не свежо, и не остро, а просто безвкусно.

Думаю, что Твардовский обратил внимание именно на это. Но он поступил неправильно, не напечатав твоей «драматической сцены». Этих безвкусных мест в ней не так уж много, поправить их нетрудно. В целом — это бьет в цель, написано остро, с темпераментом, с хорошей художественной выдумкой, расширяющей круг тех художественных средств, которыми должен, имеет право пользоваться художник — социалистический реалист. Забывают, что социалистический реализм призван не обеднить, а обогатить формы поэзии по сравнению со старой поэзией, а у нас все еще многие не понимают, что в социалистическом реализме не только имеет право на жизнь, а должна утверждать себя среди других форм и «Фантастическая история, не имеющая ничего общего с фантастикой» и «Мистическое происшествие, абсолютно враждебное всякой мистике». Это — здорово сказано!

Крепко жму твою руку, мой мужественный Саша, и желаю тебе успеха.

Ежели вздумаешь мне черкнуть, скажи, чтобы отнесли твою цидульку на Старую терапию в изолятор № 65.

Салют.

Твой *А. Фадеев.*

285. САМЕДУ ВУРГУНУ

10 января 1954 года

Дорогой Самед, чудесный друг мой!

Прочел я сегодня в «Правде» подвал, посвященный пуску первой очереди Мингечаура, вспомнил, как мы были там вместе в те времена, когда все там было еще вначале, вспомнил, однако, и то, что мы были тогда моложе, — а если учесть, что в нашем возрасте каждый год уже можно считать за пять, то мы были и значительно моложе, — вспомнил, с каким естественным гостеприимством принимали нас — Тихонова, тебя и меня — азербайджанские колхозники, с какой любовью к тебе и твоей поэзии относились они, вспомнил прекрасную сельскую интеллигенцию Азербайджана, этот чудесный продукт нашего строя, вспомнил красивых, чистых, скромных азербайджанских женщин, вспомнил наш путь, весь наш путь по дальним дорогам в братскую республику Грузию и обратное возвращение уже вдвоем с тобой, вспомнил природу Азербайджана, полную такого разнообразия и очарования, вспомнил, как колотили мы фазанов и турачей, и того огромного кабана, который, на своих низких ногах, грузный, походил издали на быка, по колено провалившегося в болото, вспомнил наши дружеские беседы обо всем на свете и как мы снялись у домика Ахундова, домика, который одним своим видом — так же, как и домик Белинского в Чембарах, — больше, чем толстое исследование, говорил о том, чтó породило Ахундова, вспомнил еще, сколько мы прочитали вслух и прослушали стихов и какой феерической была наша встреча с Сандро Шаншиашвили и даже еще фееричней наш с тобой отъезд, ибо совершенно непонятно, как под проливным дождем, по размытой оползающей глине мы проехали с тобой черной ночью над обрывом возле грузинской, деревенской церковки, — вспомнил я все это, дорогой друг, подумал о том, что все эти мгновения неповторимы, что это были счастливые мгновения в нашей жизни, — хотя у тебя лично не было тогда должной «обстановки» для счастья, — что самым большим счастьем надо считать наличие друзей и что это очень хорошо, когда существует на свете Самед Вургун, — и решил написать тебе это письмо, поздравить тебя и твою республику и всех нас с этой новой победой, пуском Мин-

гечаурской электростанции, напомнить тебе, что сейчас уже с гораздо бóльшим правом на вопрос: «Где лучшие дороги, машины и все прочее» — можно отвечать: «У нас в Мингечауре!» — пожать тебе руку, попросить тебя передать братский привет всем друзьям, азербайджанским писателям, и пожелать тебе и им набирать все бóльшую и бóльшую высоту на крыльях поэзии, ибо одной из великолепных особенностей поэзии является то, что она тем ближе к жизни, к земле, к народу, чем она выше.

Братский привет, дорогой друг мой!

Твой *Ал. Фадеев.*

286. В. Д. ПРИШВИНОЙ

16 января 1954 года

Дорогая Валерия Дмитриевна, вместе с Вами глубоко скорблю о смерти Михаила Михайловича — человека чистого душой и выдающегося писателя, оставившего неизгладимый след в русской литературе.

Крепко жму руку Вашу.

А. Фадеев.

287. С. Н. ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ

19 января 1954 года

Уважаемый Сергей Николаевич!

Только просмотрев списки своих статей и речей, найденных и подобранных Вами, а также ознакомившись с тем отбором, который Вы сделали для предполагаемого сборника, я понял, какой большой труд Вам пришлось проделать. С тем большим огорчением я направляю Вам копию своего письма Н. В. Лесючевскому.

Подождем до съезда писателей. С его вышки будет видно, нужно ли все это издавать, или человечество вполне может просуществовать и без этого сборника.

С приветом

А. Фадеев.

288. Э. И. ШУБ

7 февраля 1954 года

Дорогая Эсфирь!

Итак, я живу в имении одного из Шереметьевых, графа Сергея Дмитриевича, живу в старинных, толстостенных хоромах с высокими окнами и потолками, с большими и малыми комнатами, залами, кладовыми, лестницами, антресолями, коридорами и переходами — всего на 120 печей, конечно — с изразцами. Все это сильно пострадало в дни войны, а потом переоборудовано на центральное отопление. Была замечательная старинная мебель, картинная галерея, зеркала музейной ценности, библиотека старинных книг и рукописей. Постепенно все это вывозилось в музеи и галереи, а в дни войны бо́льшая часть того, что здесь оставалось, была сожжена, разбита нашими солдатами в ожидании немцев, — фронт находился в 12 километрах. Немцы, однако, не дошли.

Кто-то из предков вышеозначенного графа озаботился насадить вокруг, по берегам Пахры, леса дремучие, — ряды сосен и елей показывают, что лес саженый, хотя он уже старый и так густо взялся подлеском, что производит впечатление дикого. Парк при имении — это особ статья: большой, с липовыми аллеями, — липы с нарочито искривленными стволами и липы нормальные; старый-старый, лет на полтораста, тополь, выросший на свободе, могучий, развесистый; такая же старая ель со скамейкой вокруг, могучие — под небо — лиственницы,—одним словом, парк стоящий. Кто-то из предков же захоронил поблизости в поле любимого рысака, а в виде памятника обсадил могилу елями в форме подковы, — елям теперь лет по сто, и растет в поле эта никому не понятная (кроме меня!) гигантская зеленая, осыпанная снегом подкова.

Барский дом расположен на возвышенности, открывается чудный вид на русскую холмистую равнину. Внизу речка Вязниковка, нет, Вязовка, впадающая в Пахру, — она запружена, и по льду катаются теперь очень хорошо настроенные молодые люди. Имение, одним словом, как имение, доказывающее своим видом, что помещикам было лучше жить при феодализме, чем при социализме, а потомкам их бывших крепостных, которые теперь отдыхают

в этом имении, несомненно лучше жить при социализме, чем при феодализме.

Сергей Дмитриевич, последний граф, был застигнут революцией, уже будучи глубоким стариком, и ему дано было право дожить в своем имении — уже не на правах помещика, а просто на правах старика. Он скоротал свои дни в сообществе с бывшими политкаторжанами и ссыльно-поселенцами и старыми большевиками, которым было отдано это имение после войны. Здесь же он был и захоронен, но уже не осталось среди населения никого, кто мог бы указать, где его могила. Он был человек богомольный, — на территории имения сохранились две каменных часовни (в одной из них теперь рентгеновский кабинет) — и кормил он постоянно около ста человек различных странников и монахов. Кроме того, он был меценат, и у него постоянно жило по нескольку человек второстепенных русских художников. Кое-что еще осталось от них. Я очень люблю именно этих, второстепенных, русских художников, ибо картины их, менее затертые многочисленными репродукциями и почтовыми открытками, вдруг напоминают, как на самом деле самобытна и прекрасна старая русская живопись. Здесь в длинной такой галерейке висят картины П. Соколова, Максимова, Орловского, Крыжицкого, а из «первачей» сохранились один Айвазовский, один Верещагин («Мцхет») и один Клодт. Одна из дочерей Шереметьева тоже была живописцем, — неважным, впрочем, если судить по сохранившимся образцам ее работ, — занималась она больше копированием. Работала она под руководством известного Богданова-Бельского, который немало жил здесь в имении. И как след его пребывания здесь остался замечательный портрет этой самой дочери, почти в полный рост. Совсем еще юная, тонкая, стройная, она глядит на нас ясными, светло-серыми глазами, у нее симпатичный русский носик, на ней голубая кофта с воздушными плечами и плотно облегающими руки ниже локтя длинными рукавами и со стоячим отороченным белым кружевом, закрывающим длинную шею воротничком, — в одной руке у нее кисть, в другой палитра. Так она уже и останется стоять до скончания мира, не старея. Богданова-Бельского ты должна хорошо знать по его картинам, посвященным сельской школе, — я забыл их названия, особенно одной из них, где на заднем плане в разных позах сельские ребятишки в классе,

группирующиеся возле учителя, и классная доска с цифрами, а на переднем плане стоит мальчик в лапоточках, в белых холщовых рубашке и штанах и, взявшись за затылок рукой, сосредоточенно считает. Когда мне показали здесь, в селе Михайловском, здание бывшей школы, которому уже 100 лет, я подумал, что, может быть, Богданов-Бельский и сделал эти свои знаменитые идиллические и просветительские картинки как раз в этой школе, чудно проживая на помещичьих хлебах и ухаживая за этой красавицей с русским носиком, носившей такие кофты и платья, которые характерны были для наших с тобой матерей и так украшали XIX век.

Сейчас здесь, в этом доме, живут главным образом шахтеры и шахтерки из Подмосковного угольного бассейна, частью из Донбасса и даже Кузбасса, много инженеров из тех же мест, много молодежи из Горного института, немножко профессуры. Народ очень веселый, жизненный, не порченый. Студенческая молодежь справляет каникулы, много поет и пляшет. Жить среди народа этого очень приятно. Я много гуляю и пишу.

Как-то ты чувствуешь себя в своей мансарде, такой милой для меня, дорогая моя Эсфирь? Пишешь ли? Что читаешь? Научилась ли укрощать больное сердце свое? Кто тебя навещает? Поправилась ли Аня? Отвечать на эти вопросы не обязательно, поскольку всякое писание — труд для тебя, они, вопросы эти, просто характеризуют круг моих самых первоначальных интересов, с тобою связанных. Если же выйти за этот первоначальный круг, то интересы мои, связанные с тобой, ты знаешь сама, так неимоверно широки и разнообразны, что письма их удовлетворить не могут — ни мои, ни твои.

Да уже скоро увидимся! Всегда теперь, прежде всего, желаю тебе здоровья, хотя бы минимального. Ты должна и ты будешь его иметь. Сердечно тебя обнимаю и целую,

Твой *Саша.*

289. ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ЧУГУЕВСКОГО РАЙИСПОЛКОМА

6 марта 1954 года

Прошу поставить в известность старых граждан села Чугуевки о том, что пятого марта скончалась Антонина Владимировна Фадеева, много лет до Октябрьской ре-

волюции проработавшая в Чугуевке фельдшерицей. Прошу также поставить об этом в известность директора школы.

Александр Фадеев.

290. Т. К. ЦИВИЛЕВОЙ

17 марта 1954 года

Дорогая Танюша!

Как я полагаю, ты с волнением ждешь моего письма о результатах твоего ходатайства, но по обстоятельствам объективного порядка оно еще не пошло в ход.

Я уже писал, что для успеха дела лучше будет, если я, кроме письменной поддержки твоего ходатайства с необходимой характеристикой и пр., лично продвину его во всех инстанциях.

Но беда в том, что уже несколько дней спустя после возвращения из санатория, в котором я находился с середины января до середины февраля, я попал в больницу с очередным обострением болезни печени и нахожусь в больнице до сих пор. Санаторий угольщиков, в котором я находился, отличный сам по себе, оказался вовсе неподходящим для меня из-за отсутствия подходящей диеты. Лечиться и следить за собой в условиях, когда об этом некому позаботиться, я совершенно не умею. К тому же большую часть жизни я прожил человеком абсолютно здоровым, привык к этому и до сих пор не научился понимать сам, в каком положении нахожусь с медицинской точки зрения. Таким образом, в этом санатории не только не улучшил своего положения после больницы, а вернулся к прежнему положению совсем больного человека. Сейчас я опять благодаря хорошим больничным условиям успешно поправляюсь.

Чтобы покончить с деловой частью письма, я хочу выяснить, получила ли Тамара письмо, посланное мною в первой половине февраля на ее и твое имя? Письмо было такого характера, что, я думаю, кто-нибудь из вас ответил бы на него, если бы оно было получено.

В этом письме я писал также, что советую тебе поехать в санаторий, не дожидаясь результатов своего ходатайства. Для этого нужно только получить в райздраве

типовую санаторно-курортную карту и прислать ее мне. Подумай сама: в больнице я пробуду еще в лучшем случае недели две, в худшем — около месяца. С неделю у меня уйдет на всякие звонки и хождения. И месяц-полтора дело твое будет проходить положенные ему по закону «этапы». За это время ты смогла бы отдохнуть и поправиться. Мне лично одно сознание этого доставило бы большую радость.

Я пережил за последнее время большое горе. 5 марта умерла моя мать, которую все мы, ее дети, — и те, которых уже нет, и я, и старшая сестра моя Таня — любили больше чем сыновней любовью: до самых последних дней она играла исключительную роль во всей нашей духовной жизни. Осколок давно ушедшей эпохи, воспитанная на Чернышевском и в 90-х годах пришедшая к марксизму, она всю свою жизнь была тем беспартийным активом, который большевики имели в народе еще в условиях нелегальной борьбы. Это дало ей возможность уже после Февральской революции занять активно-большевистскую позицию и определить наше духовное формирование в те дни, когда никто из нас, ее детей, еще не имел возможности общаться с Всеволодом и Игорем Сибирцевыми. Необыкновенно дельный человек, выдержанный по своим моральным устоям и (даже в одежде!) по заветам своей юности, она была народной фельдшерицей по глубокому идейному призванию и проработала около 50 лет в глухих деревнях и в рабочих районах. Она ушла на пенсию только в 1944 году, 72 лет от роду, работая в предвоенные и военные годы в таких окраинных районах Москвы, как Черкизово, Дорогомилово.

Я вновь попал в больницу, когда она уже лежала здесь после кровоизлияния в мозг. Ее мучительная смерть потрясла меня до глубины души. И еще больше отозвалась в сердце моей сестры, которая на протяжении последних лет тридцати больше была связана с матерью в повседневности.

Мы сообщили о ее смерти в места, где она подолгу работала, начиная с Чугуевки, и получили очень трогательные отклики. Похороны, на которых я не мог быть из-за болезни, прошли исключительно тепло, с участием многих простых людей, какою она была сама. Из наших дальневосточных друзей в похоронах приняли участие Губельман, Зоя Станкова, Маруся Сахъянова.

Похоронили ее по моей просьбе на старом московском кладбище: хочу оформить её могилу так, чтобы физически остался след для нас, пока мы живы с Таней, и для прохожих людей.

Сейчас в больнице, как и все последнее время, неуклонно и упорно работаю над новым романом, испытывая, как все и как всегда, то невероятный подъем, то мучительные сомнения. Дело, однако, идет да идет. Авось и придет к чему-нибудь хорошему.

До свидания, любимая моя Таня, передай привет мой душевный Тамаре. Желаю тебе бодрости духа и сердечно тебя обнимаю.

Был бы очень рад получить от тебя письмо. У меня сохранились твои письма былых лет, написанные большей частью едва заметным карандашом, но такие добрые, что я ими очень дорожу.

Саша.

291. В ВОЕНИЗДАТ

30 марта 1954 года

Можно рекомендовать читателю первую книгу романа В. Гроссмана «За правое дело» в новом, исправленном и дополненном варианте.

Как известно, первый напечатанный в журнале «Новый мир» вариант книги вызвал острую дискуссию. Первоначальные высокие оценки романа на обсуждении в Союзе писателей, а также в отдельных статьях в печати были необъективны. Они исходили из действительных больших достоинств романа, но не вскрывали некоторых присущих ему серьезных ошибок, заслонявших и местами искажавших его идейный замысел. Однако в последовавшей затем критике идейных ошибок романа были допущены серьезные перегибы. Об этом нужно сказать в полный голос. Статья в журнале «Большевик» и статья М. Бубеннова фактически зачеркнули роман. Отдельные перегибы имели место и в той части критики, которая видела достоинства романа. Автор этих строк очень сожалеет, что в его статье в «Литературной газете» («Некоторые вопросы работы Союза писателей») тоже были допущены неоправданно резкие оценки, вызванные привхо-

дящими и устаревшими обстоятельствами литературной дискуссии того времени.

На XIV пленуме Правления Союза писателей мною были сделаны первые попытки оценить роман объективно.

Автор учел то, что было справедливым в критике, направленной в его адрес. Сейчас мы имеем исправленный и дополненный вариант первой книги романа, выпущенный Военным издательством, позволяющий говорить о ней как о незаурядном явлении советской литературы.

Прежде всего, необходимо хотя бы в общих чертах определить замысел автора, как он объективно выявился в книге, чтобы знать, какие требования мы вправе предъявить автору и каких требований ему предъявлять не следует.

События Великой Отечественной войны, развертывающиеся в романе, приурочены к дням героической обороны Сталинграда. Это не значит, однако, что роман претендует на обобщенное изображение всей сталинградской эпопеи, а первая книга романа — на обобщенное изображение обороны Сталинграда. Нет, роману присуща своя, гуманистическая тема — тема советского патриотизма, морально-политического единства и духовного величия советского народа, противостоящего фашизму, борющегося за правое дело под руководством Коммунистической партии. Действительные исторические события взяты не в их полноте, — и было бы неправильно требовать от автора полноты, — а взяты только в той части и мере, в какой они необходимы для показа многочисленных и разнообразных судеб советских людей, действующих лиц романа — с их бытом, трудом, военными буднями и ратными подвигами, с их радостями и печалями, с их новой, социалистической моралью и старыми пережитками в быту и в сознании, с их повседневными делами и заботами и мечтами, с их беззаветной любовью к Родине, родной земле, народу, партии, Советскому государству.

Неоспоримым достоинством романа является то, что автор рассматривает и изображает народ как творца истории.

Наибольшие победы автор одерживает там, где он изображает народ на войне, советского человека в солдатской шинели, показывает солдат, офицеров, генералов Советской Армии в героической битве за Сталинград. Особенно хорошо показаны солдатские массы, люди из массы,

Картины и эпизоды сражений и военных будней — лучшие в книге. Деятельность советских людей в тылу показана менее разносторонне и полно, хотя и здесь можно отметить немало чудесных страниц. Автор показывает труд рабочих и колхозников, но особенное внимание уделяет советской интеллигенции. Разумеется, автор имеет право уделять большее внимание той среде, которую он лучше знает, поскольку он не ставит своей целью дать обобщенную картину сталинградской эпопеи в целом.

Укажу на главнейшие исправления и дополнения, сделанные автором в связи с критикой первого опубликованного варианта романа.

Автор углубил и развил образы коммунистов из числа главных действующих лиц романа — образы Крымова и Новикова. Новые страницы и главы, сливаясь с прежними художественными и публицистическими страницами, посвященными партии и людям партии, усиливают в романе тему партии как ведущей силы нашего общества. Тема партии выступает как неотъемлемая и важнейшая сторона общей гуманистической темы романа. Ибо коммунисты являются наиболее передовыми и сознательными выразителями социалистического гуманизма.

В этом смысле особенно хорошо и разносторонне развит в новом варианте романа образ Крымова. Крымов вырос и идейно, и как организатор и воспитатель масс, сохранив индивидуально присущие ему черты характера, свои недостатки, — а это непременное условие правдивого, реалистического изображения.

Вырос и Новиков, профессиональный военный, офицер, особенно в части его военно-тактических взглядов.

Профессор Чепыжин — крупный старый ученый, физик, с его глубоким патриотическим чувством и в то же время с сохранившимися идеалистическими взглядами на историю, теперь уже не может быть рассматриваем как выразитель «философии» романа. Активная полемика с идеалистическими взглядами Чепыжина вначале со стороны Крымова, а потом со стороны Штрума, утверждающих марксистские взгляды, бросает правильный свет на события и снимает тем самым главную ошибку в первом варианте романа. В новом варианте хорошо показаны идейная непримиримость коммуниста Крымова в отношении к Чепыжину и невозможность для беспартийного Штрума, воспитанного в советской идеологии, согласиться

с неправильными взглядами Чепыжина, любимого и уважаемого им учителя. В то же время автор поступил, с моей точки зрения, правильно, не переделав Чепыжина в «марксиста», — это звучало бы фальшиво.

Рядом умело введенных штрихов автор усилил идейные и политические мотивы в духовной жизни многочисленной и разветвленной семьи Шапошникова. Это очень важно, так как в романе, среди представителей советской интеллигенции, семья Шапошниковых занимает центральное место. Если раньше на первый план выступала будничная сторона их жизни, теперь более видно, что эти будни и повседневность озарены светом патриотизма и великих целей социалистического строительства.

Автором проделана большая работа по исправлению, устранению или переработке еще многих мест в романе, но я не имею возможности указать на них в краткой рецензии.

Разумеется, в романе имеются свои недостатки; в частности, не все в романе равноценно в художественном отношении. Но здесь речь может идти только лишь об отдельных местах.

В целом это — большое, значительное произведение, плод многолетнего труда, произведение, полное глубоких размышлений, написанное хорошим языком и радующее читателя правдивыми картинами жизни.

Можно поблагодарить издательство за помощь, которую оно оказало автору, чтобы эта ценная книга была доработана и увидела свет.

А. Фадеев.

292. Л. П. КОЛЕСНИКОВУ

30 марта 1954 года

Дорогой Лева!

Я представляю себе, как ты изныл, ожидая ответа моего по поводу «Тайны Темир-Тепе»! Но виноват не я, а некоторые особенности твоей рукописи. Она довольно велика и производит противоречивое впечатление. Хорошее чередуется с плохим. Дать заключение об этой вещи после беглого обзора оказалось совершенно невозможным делом. Я читал повесть внимательно от корки до корки,

чтобы понять, можно ли ее довести до конца, или недостатки ее так велики, что ее нужно бросить.

Выводы, к которым я пришел, изложены мной в письме главному редактору изд-ва «Молодая гвардия», — копию письма прилагаю. В этом письме-отзыве я обошел еще два существенных недостатка повести:

1. Фронтовые эпизоды написаны поверхностно, скомканно, без знания действительной обстановки *в ее конкретности (то есть в деталях)* и выглядят недостоверно.

2. Враждебные и сомнительные персонажи из среды узбеков написаны более выпукло и подробно, чем положительные. Это очень серьезный недостаток, поскольку в основном все события развертываются в Узбекистане.

Но все это, как и многое другое, можно поправить. Беда, однако, в том, что это должен сделать ты сам, а ты как будто хочешь от этого уклониться.

Когда ты читаешь на обложке той или иной книги: «Литературная обработка (или редакционная обработка) такого-то» — это означает, что книга на самом деле написана «таким-то», — написана по рассказам или стенограммам какого-либо «бывалого» или «знатного» человека. Таковы книги Ковпака, Линькова, Игнатова (партизан Отечественной войны), такова книга Федорова «Подпольный обком действует» или книга Паши Ангелиной. Это всё книги автобиографические о действительно пережитом, «без выдумки». Все знают, что это действительная жизнь (или отрезок жизни), и все понимают, почему появился «литературный обработчик» (автор *не умеет* писать!).

А у тебя — повесть (или роман), написанная тобой, а такие вещи не принято дорабатывать чужими руками. Разве что какой-нибудь опытный халтурщик согласился бы стать «соавтором». Но это — не выход. Был случай, когда неплохой и вполне честный писатель Ю. Лаптев по просьбе летчика Водопьянова писал вместе с ним пьесы. Но, во-первых, они были в жизни личные друзья, а во-вторых, из этого все равно ничего хорошего не получилось.

Напиши лучше, когда у тебя отпуск и сможешь ли ты приехать в Москву, и посоветуй, к кому из начальства (в вашей части или повыше) нужно обратиться, чтобы к законному отпуску добавить еще месяц или два — специально для работы над повестью. Конечно, нужно дождаться положительного ответа от изд-ва. Я буду подталкивать.

Приезжайте с женой, — если хотите, с сыном! У нас по-прежнему всегда можно остановиться.

Желаю всего, всего доброго. Сердечный привет всей твоей семье. Крепко жму руку. Жду ответа!

Ал. Фадеев.

Новый подглавок «вставил» куда следует!

293. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

14 апреля 1954 года

Дорогая моя Асенька!

Не писал я тебе так долго из-за случившегося в моей семье большого несчастья. Случилось оно буквально через несколько дней после того, как я обещал тебе телеграммой послать письмо: 5 марта умерла моя мама.

Я попал в больницу 23 февраля, когда она уже тут лежала с начавшимися у нее мелкими, но все прогрессирующими кровоизлияниями в мозг, вызванными ее преклонным возрастом. Отражались они на центрах, ведающих не столько функциями движения, сколько памяти и, наконец, дыхания, что и послужило непосредственной причиной ее смерти.

Не нужно тебе говорить, как тяжело мне было наблюдать за тем, как уходит она шаг за шагом из жизни. Совпало это также с пребыванием младшего сына Миши в больнице, — ему вырезали гланды. Операция сама по себе незначительная, но ему всякая операция тяжела: он болел ревмокардитом и не освободился до конца от заболевания печени, аналогичного моему. Бедняжка с тех самых пор, как я писал тебе еще в прошлом году, не живет дома, а либо находится в больнице, либо в детском санатории. Вот я и разрывался между матерью и им.

Мы — я и сестра — и те братья наши, которых уже сейчас нет, — очень любили нашу маму: она была не только хорошей матерью, но и вообще была очень незаурядным человеком, большой индивидуальностью. И конечно, очень мы тяжело перенесли ее смерть. Много нахлынуло и просто забот. Она была центром очень разветвленной семьи, вернее сказать, многих семейств, воз-

никших от общего корня, — с разными судьбами, интересами и несчастьями. Вся помощь — моральная, материальная, физическая, по всем линиям жизненным и житейским, — помощь, которую оказывали я и сестра этим семьям, особенно детям, — шла через мать. Теперь все это легло на нас непосредственно. И хотя само по себе это не представляет никакой сложности, кроме затраты времени, это приковывало и приковывает психологически и к самому печальному событию, и к семейным воспоминаниям вообще, накладывающим на жизнь людей после 50 лет невольную печать грусти.

Картина жизни моей, в этом узко-семейном отношении, мало изменилась. Младший сынишка все еще болеет и — в санатории. Старший поправился, но так много пропустил в занятиях, что встала угроза остаться на второй год в 9-м, а он уже сидел в 8-м тоже из-за болезни. (Частые и длительные болезни у иных детей с хорошими интеллектуальными задатками пробуждают любовь к чтению и размышлению, а у большинства они — помимо фактического отключения от нормальной учебы — порождают привычку к ничегонеделанию, безынициативности, вызванной заботами и ухаживанием, — вот мой младший принадлежит к первой категории, а старший — ко второй.) Пришлось перевести его в школу рабочей молодежи — это не вполне законно, но часто практикуется в Москве: там требования поменьше, а индивидуальная работа с учащимися более развита: учащиеся-то все великовозрастные! Поначалу результаты благоприятные, а что будет дальше, посмотрим.

Я же по-прежнему в больнице, надеюсь выйти в районе 15—20 апреля. В болезни моей нет ничего заслуживающего описания, — все то же, все не опасно, все требует долгого времени, чтобы начать нормально жить и работать. Единственно, на что меня хватило в это трудное время, — это писать свой роман. Этот корабль мой распустил паруса и плывет, — хотя не так быстро, как мне хотелось бы, — к положенному пределу.

А поездка на родину опять сорвалась, и сорвалась надолго. Я выпишусь во второй половине апреля, а в начале мая жена моя, Ангелина Осиповна, уедет на $1^{1}/_{2}$ месяца, то есть до средины июня, на гастроли, и весь дом останется на мне (вторая наша бабушка тоже очень уж стара, да и положение с сыновьями таково, что нельзя

уехать). В июне я буду сдавать в печать первую часть романа, а уже в июле надо садиться за проект доклада на Всесоюзном съезде писателей и вообще уже нельзя будет уехать из Москвы, т. к. это будет самый разгар подготовки съезда, намеченного на сентябрь или октябрь. Кроме того, мне надо будет двигать вперед свой роман, несмотря на подготовку съезда, ибо иначе весь мой творческий отпуск «погорит». Короче говоря, поехать можно будет только после съезда. Поездка моя необходима, без нее я даже романа своего кончить не смогу, но опять и опять она отложилась.

Я очень и очень по тебе скучаю, а к тому же, я думаю, тебе поездки в Москву не противопоказаны, наоборот, они все-таки дают известную духовную встряску. Поэтому я обращаюсь к тебе с предложением — организовать очередной твой отдых и лечение этим летом — под Москвой. Теперь я узнал более интересные санатории под Москвой, чем Болшево, и тоже недалеко расположенные, — например, Михайловское, Монино и пр., с лучшим обслуживанием, с таким же питанием, а главное, чудесной местностью вокруг и водой, где можно купаться. Остановишься опять на несколько дней в гостинице, посмотришь Мавзолей, сходишь в Министерство просвещения, снабжу тебя книгами, красками, духами, цветами, конфетами, а главное, дружбой... Будем надеяться, что я к тому времени не заболею. Так как надо заблаговременно приобретать путевку, прошу тебя немедленно по получении письма дать мне телеграмму: «Можно с такого-то числа по такое-то число» — с учетом дороги, то есть ты мне определишь промежуток, так сказать, чистого отпуска, без дороги. Я буду знать, что в этом промежутке можно брать тебе путевку. Но одновременно с телеграммой выправляй санаторно-курортную карточку и высылай ее ко мне авиапочтой.

Сейчас в Москве идут довольно интересные спектакли; некоторые из них, идущие в театрах, не закрывающихся на весь летний сезон, ты смогла бы посмотреть.

Одним словом, я агитирую тебя согласиться с моим предложением.

Жду ответа.

Нежно тебя целую.

Саша.

294. З. Н. ШАПИРО

26 апреля 1954 года

Дорогая Зоя Николаевна!

Вместе с Вами, всеми близкими, тяжело переживаю кончину Лидии Николаевны. Одна из зачинателей, она оставила глубокий след в развитии советской литературы.

Мне лично она всегда была дорога как человек кристальной чистоты, прямоты, как чудесный товарищ, как учитель, поддержавший мои первые шаги в литературе.

Примите мое соболезнование и сочувствие.

Ваш *Александр Фадеев*.

295. Э. И. ШУБ

10 мая 1954 года

Дорогая и милая моя Эсфирь!

Не удивляйся, не обижайся, что так долго не звонил тебе.

Я вышел из больницы 30 апреля, пробыл с родными майские праздники, и уехал я жить на реку Шошу, в Завидовский район, возле Московского моря, откуда тебе и пишу.

В больнице так долго задержался — из-за болезни. Где-то в первой половине апреля недооценил своего возраста и холодной весны, засиделся поздно во дворе больницы и схватил «прострел», да не ординарный, а двойной: один в место, положенное ему самим господом богом, а второй — в левое плечо. Лежал недели две, не в силах даже головы повернуть, не то что двинуться. Лежа, со стенаниями, писал свой роман — дело тебе, увы, знакомое, — время все-таки провел не без пользы. Двойной этот прострел несколько ослаб, я получил возможность двигаться, но понял, что лежать с ним в больнице дело безнадежное. И после страшных моих просьб отпустили меня 30-го домой. Но к этому времени сгустились надо мной тучи, способные надолго выбить из работы. Уже во второй половине апреля стали пробиваться ко мне на прием различные литературные деятели и люди, пострадавшие от их деятельности. Органы печати засыпали

просьбами выступить со статьями к съезду. И тогда я стал созваниваться со своим хорошим товарищем, директором завода, с которым вместе учился в академии и к которому ежегодно езжу на охоту, — не устроит ли он меня на даче возле завода (его завод — в Калининской области). Так мы теперь с ним и живем.

За это время я дважды приезжал в Москву по необходимости — заезжал уплатить партвзносы и получить новый партбилет, — но пробыл не более полутора часов. Мог бы забежать, да побоялся взволновать внезапностью, а позвонить мешало окружение. Но я все время тебя помню, а главное, горю желанием прочесть то, что ты написала (зачеркнутое — это слово «мне», — самонадеянность литературного деятеля, мнящего, что все пишется для него, а вернее всего — привычка к интимным письмам: то и другое — нехорошо). Во-первых, мне это, как человеку после пятидесяти, просто очень, очень интересно, важно как-то для самого себя прочесть о времени, бывшем и для меня временем становления. А во-вторых, мне даже снится, что я что-то забыл в Москве, что-то такое не сделал, после чего жить неловко....

Я прочту незамедлительно. Либо я отвечу подробным-подробным письмом, либо дождусь самой ближайшей оказии, когда должен буду поехать, и к тому времени у меня уже будет возможность задержаться в Москве настолько, чтобы предварительно тебе позвонить и потом зайти к тебе. И мы поговорим всласть.

Как-то ты здорова, бесценный, дорогой мой друг?

Как бы я хотел тебя видеть двигающейся, веселой? Но ты должна достичь того, что у больных твоим заболеванием является своеобразной компенсацией, — они достигают такого равновесия, уже на уровне возможностей своего сердца, когда им можно вставать и выходить. Написала бы ты мне, когда будешь посылать рукопись, — не мог бы я тебе чем-нибудь помочь на лето с жизнью за городом? У меня в этом смысле легкая рука, и, может быть, я изобрел бы что-нибудь подходящее для тебя. Напиши мне.

Сердечный привет Ане и всем друзьям, которых ты можешь считать нашими общими друзьями.

Сердечно тебя обнимаю.

Твой *Саша*.

296. В. Т. ЛАЦИСУ

10 мая 1954 года

Дорогой Вилис Тенисович! Горячо поздравляю Вас в день Вашего славного пятидесятилетия, которое Вы встречаете в самом творческом расцвете. Радостно сознавать, что латышский народ имеет таких славных выразителей, как Вы, как люди более старших поколений, у которых Вы учились, так и те, которые растут вслед за Вами. Еще радостней сознавать, что эта плодотворная реалистическая линия латышской литературы создавалась и создается людьми, связавшими свою судьбу с коммунизмом.

Крепко жму Вашу руку, дорогой товарищ, желаю Вам новых творческих побед.

Александр Фадеев.

297. А. О. СТЕПАНОВОЙ

19 мая 1954 года

Линушечка моя! Любимая моя!

Конечно, мне очень тебя не хватает. Даже какое-то щемящее чувство было ночью, когда я вернулся с вокзала на дачу. Весь наш сад, лес, большая дача — все это было в ночном покое, прохладное, влажное, весеннее, тихое. Я очень видел тебя, и мне было так жалко, что я не могу уже, — потому что поезд твой мчится и уносит тебя,— сказать, какая ты мне любимая и родная.... Так и живет во мне все время это нежное, ласковое, очень душевное, какое-то даже детское чувство. Но в нем нет ничего грустного и нервического.

Я по-прежнему много работаю и очень занят, т. к. прибавились эти «милицейские» дела, изучение которых отнимет у меня, по крайней мере, еще деньков пять. Но это нужно и даже развлекает меня. Тем не менее я от двойной нагрузки больше устаю, нет времени поспать днем, а ночью мне больше 5—6 часов, как известно, не удается поспать.

Поработав еще над всеми отдельными главами, я решил проверить себя — не скучно ли это будет подряд, с самого начала, и написал записки Федину и Ивановым с просьбой послушать меня и даже объяснил, что меня

тревожит. (Рассказал также о своем инкогнито и просил в словах очень убедительных, чтобы они меня не обнародовали.) Константин Александрович прислал очень добрую записку: «Уезжаю завтра с делегацией Верховного Совета на Украину, но послушать жажду, ибо и сам нуждаюсь в том, чтобы почитать, тоже первых листа два с теми же сомнениями». Обещал прийти по приезде с Украины. Всеволод Вячеславович и Тамара Владимировна пришли и послушали меня. И очень меня вдохновили, укрепили. Сказали, что это с читательской точки зрения очень интересно, что они даже не заметили времени, хочется знать, что будет дальше. По подходу к явлениям — это «возвышенно», лишено слащавости, жизненно. Изобразительные средства «на большой высоте», все выпукло, зримо. Павлуша и Тина человечны, «привлекательны», более эпизодические лица все индивидуальны и запоминаются, «прекрасно» описан город и пр. и т. п. Одним словом, *очень, очень* хвалили! Всеволод Вячеславович сказал, что, если весь роман пройдет на такой «высоте» (sic!), это будет «событием» (учитывая тему)! Я видел, как они слушали, и это их впечатление, преувеличенное, как всегда бывает у художников, которым что-то понравилось, что-то впечатлило на общем безрадостном фоне — является, однако, их искренним непосредственным впечатлением. Для меня же важно, чтобы не скучно. Остальное — в меру моих сил: сколько их есть, столько и есть. Все это меня воспалило, и я с аппетитом работаю...

Нежно целую тебя, родненькая. Скоро, уже совсем скоро увидимся!

Саша.

298. Т. М. ГОЛОВНИНОЙ И Т. К. ЦИВИЛЕВОЙ

15 июля 1954 года

Дорогая Тамара и Таня!

Извините, что пишу наспех: я тороплюсь с первой книгой романа к концу своего отпуска, к 1 октября. (Это, конечно, для нормального слуха звучит чудовищно: писатель свое призвание и дарование осуществляет во время отпуска и торопится с насущным делом жизни своей только потому, что большая часть его жизни занята делами не по

его призванию! Но, к сожалению, так живут сейчас лучшие среди нас, а те, кто пишет плохо, — осуществляют свое призвание вовсю и без помех.) Читать же вам мою книгу придется не раньше чем с ноября этого года — раньше не сумею сдать.

Я очень горевал, что не повидал Таню, когда она вернулась из санатория. Накануне я созвонился с Ольгой и должен был быть вечером, на другой день, у нее. Но ко мне надо относиться как к учреждению, а не как к человеку. На другой день я уехал в 6 часов утра, не рискнув позвонить Ольге, что уезжаю, — боялся разбудить, ведь она очень больна.

Так расположились семейные дела и дела транспортные, что если бы я не выехал в то утро, то потерял бы несколько дней работы над романом. (Я пишу его у своего товарища по Горной академии, директора завода, с хорошей дачей на реке Шоше — в Калининской области.) Главное же, почему я хотел видеть Таню, кроме радости свидания с ней, состояло в следующем: Тане надо подавать заявление в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС о восстановлении ее в партии — именно *о восстановлении,* со стажем и со всем прочим. Ее охотно рекомендуют все те же ветераны, что подписали соответствующее заявление в МВД, — Станкова, Колесникова, Левич, Никифоров, Губельман, Антонов. Могут прибавить свои подписи Тамара и Зоя Секретарева. Я, как член ЦК, не имею права рекомендовать в партию, но я имею право, как член ЦК, написать отдельно и самостоятельно свое мнение по этому вопросу, что я и сделаю, когда все будет подготовлено.

Дело это требует времени. Надо написать заявление, примерно в том же духе, что и в МВД, но применительно к партийной инстанции. Так же нужно перечислить всю свою деятельность — служебную, общественную, с начала до конца. Разница еще должна состоять в том, что в этом заявлении Тане не нужно обходить вопрос об Адольфе. Надо сказать, что по доверию к органам, его репрессировавшим, и в силу чувства партийной дисциплины (если первого мотива не было, то его можно и не упоминать) Таня приняла это как совершившийся факт. Но существа дела Адольфа она не знает, а ее личное мнение о нем такое-то и такое-то. Если он осужден справедливо, она не думает, что она должна была быть исключена из партии

и репрессирована, учитывая ее собственный и вполне самостоятельный путь коммуниста-работника. Если он осужден несправедливо, тем более необходимо восстановить справедливость.

В общем надо правдиво написать обо всем этом. Если Адольф жив, это и ему поможет. После восстановления в партии Таня сможет с нашей помощью заняться и его делом, если это уже не поздно и если он, действительно, не виноват в том, что ему было инкриминировано.

И надо, чтобы кто-нибудь занялся собиранием рекомендаций после того, как заявление Тани будет уже готово. Это должны быть рекомендации на *восстановление* в партии, т. е. на исправление допущенной ошибки по отношению к Тане (все перечисленные лица, кстати, уже написали в заявлении в МВД, что считают неправильным, что Таню лишили партбилета). Рекомендации, а вернее, письма этих лиц должны быть заверены (т. е. заверены подписи) в их парторганизациях. И все это Таня должна сосредоточить в своих руках, чтобы отправить вместе со своим заявлением. Когда будет отправлять, пусть заранее предупредит меня, и я напишу письмо в тот же адрес. Откладывать это дело не стоит, надо ковать железо, пока оно горячо.

Теперь о делах Тамары. Зная только со слов Ольги Левич, что хозяйство ликвидируется, что будто бы «дети» и «внучки» Тамары (а может, «внуки»?) попадут куда-то на Урал, а она сама хочет поближе к Москве, я написал письмо Канунникову, секретарю Псковского обкома, очень решительное, но общего порядка. Я обрисовал весь жизненный путь Тамары, дал ей свою характеристику, сказал, что она в таком возрасте, когда ее уже нельзя направлять по произволу, а надо считаться с ее возможностями и желаниями, что ей уже надо координировать свою жизнь и работу с жизнью и работой ее дочери, потому что семья дочери является ее единственной семьей. И в конце концов обратился к нему с товарищеской просьбой — пойти навстречу Тамаре и направить ее туда, куда она пожелает, — если нужно, то отпустить за пределы области. Сказал, что приспело время, когда сама Тамара имеет право решать такие вопросы и везде будет работать самоотверженно.

Письмо получилось очень теплое, убедительное, дружеское....

Думаю, что оно Тамаре поможет.

До свиданья, дорогие мои друзья. Надеюсь еще не раз повидать вас и крепко прижать к своему сердцу.

Если Таня уже уехала, прошу Тамару переслать ей это письмо.

Крепко жму руки ваши и целую ваши дорогие для меня лица.

Саша.

Если будете писать, пишите на прежний городской адрес.

299. Ф. П. БУЛОЧНИКОВУ

<16 июля 1954 года>.

Дорогой товарищ Булочников!

Забыл я уже Ваше имя и отчество, а Вы в письме ко мне не расшифровали свои инициалы Ф. П. Не забудьте сделать это в следующий раз.

Извините, что отвечаю Вам с таким опозданием. Я всегда анафемски занят, да и болею часто: печень подводит.

Только сегодня принял меры к разыскиванию В. Я. Пляскина и, коли разыщу, немедленно сообщу Вам.

Да, я действительно тот самый Булыга, который был комиссаром 22-го Амурского полка, начиная с того времени, когда полк этот был еще 13-м. Вас я отлично помню, помню Ваше лицо того времени, манеру говорить и жесты Ваши. Это не удивительно: комиссаров в бригаде тогда было много, а комиссар бригады — один. Кроме того, мне, по свойству будущего писателя, очевидно, и тогда присуща была впечатлительность и хорошая память на лица (но не на даты и фамилии). К тому же я был юн, а время горячее, люди очень ярко стоят в памяти.

Расскажу, когда и как я попал в полк. Я считался какое-то короткое время инструктором политотдела нашей дивизии (забыл ее номер, — не 3-я ли? или тогда еще 2-я?). Но находился я фактически не при политотделе дивизии, а при ее комиссаре. Кажется, это был Логинов или Логвинов. Я даже жил у него в салон-вагоне. Спал в столовой на полу, подстилая тогдашние наши меховые укороченные шубы-куртки, которые мы носили белым мехом наружу,

Длилось это всего лишь несколько дней. Он прочил меня в комиссары полка, если кто-нибудь погибнет или кого-нибудь нужно будет заменить. А до такой возможности обещал посылать в части, которым предстоят серьезные операции или которые находятся в трудном положении, — как представителя политотдела, на подкрепление комиссарам частей. Эту роль он мне отвел по причинам понятным: несмотря на свою молодость, 19 лет, я уже прошел школу партизанской борьбы в Приморье, борьбы с японцами после 4—5 апреля, был ранен, имел за плечами комиссарский стаж, имел среднее образование, был относительно политически грамотен и был уже известен ему как хороший агитатор-массовик. Но, кажется, я уже расхвастался...

Меня послали к Вам и именно в этот полк перед взятием Борзи — не как комиссара, а для работы в полку, от политотдела дивизии, на подмогу комиссару. Мы с Вами поговорили накоротке, и я попал в полк накануне его наступления на Борзю. Все были заняты боевым делом, всем было не до меня. Как Вы помните, стояли чудовищные морозы. Накануне или за несколько дней до моего приезда к Вам один из Ваших полков в каком-то деле потерял людей, кажется, больше от мороза, и был, как говорят теперь, «во втором эшелоне», на отдыхе. 22-й (тогда 13-й) готовился брать Борзю. Я провел политработу с бойцами и участвовал во всей этой Борзинской операции полка, «прицепившись» к 3-му батальону. Я забыл фамилию и, к сожалению, даже лицо тогдашнего комиссара полка, потому что во время всей операции был не с Шамониным и с ним, а при батальоне. И в моей памяти сместились некоторые факты, которые Вы, вероятно, помните лучше меня и поможете мне восстановить дорогие для меня страницы.

Этот комиссар то ли тяжело был ранен, то ли отморозил ноги настолько, что потом уже не мог вернуться в полк. Может быть, это случилось даже до Борзи, но Логинов еще не успел узнать об этом и послал меня не взамен ему, а на подмогу ему. Если это так, я его, значит, вообще не видел. Может быть, это случилось во время Борзинской операции. А может быть, это случилось позже. Но во всяком случае, это случилось до взятия Даурии. Мое впечатление, что это случилось как раз во время Борзинской операции, и тогда Вы назначили взамен его комиссара одного из батальонов — Шульгина. Шульгина я помню, так как впоследствии некоторое время работал с ним,

пока он не ушел из полка. Операция (Борзинская) была проделана полком очень смело, но силы одного полка были малы, чтобы занять Борзю. Прорвали восемь рядов проволочных заграждений, заняли окраину и не могли перейти широкую улицу, перпендикулярную к железной дороге, т. к. был сильный огонь с противоположной стороны улицы и особенно фланговый, пулеметный — то ли с белого бронепоезда, то ли просто выставили пулеметы с фланга — сейчас не помню.

Шамонин, как мне потом стало известно, просил у Бондарева подкрепления, а Бондарев не позволял отойти и не давал подкрепления. Вы должны вспомнить, как мы с Вами разговаривали об этом, когда я уже стал комиссаром полка. Вы рассказывали, как ужасно пережили Вы тогда положение нашего полка. Бондарев — бывший каппелевец, полковник, — и то Вам казалось, что его доводы, как опытного военного, справедливы, то Вам казалось, что он нарочно губит полк.

Впоследствии мне приходилось разговаривать на эту тему и с Бондаревым. Он объяснил мне все вполне логично. Приказ — взять Борзю — он обязан выполнить. Один полк у него потрепан. Он посылает другой, имея третий в резерве. Если бы он дал той ночью и этот резервный полк на подкрепление нам, то, независимо от того, удалось или не удалось бы взять Борзю, он понес бы большие потери во всех трех полках и, не имея больше резерва, остался бы без боеспособной бригады, а еще предстояли серьезнейшие операции.

Одним словом, мы потеряли немало людей, тоже больше от мороза. Ведь мы наступали весь день по совершенно открытой местности, под шрапнельным огнем, чтобы накопиться перед самой Борзей к ночной атаке.

И разрешили нам отойти перед самым утром, после чего я вернулся обратно в дивизию. Как я полагаю, назначение Шульгина вместо выбывшего комиссара 13-го полка показалось Логинову достаточным; во всяком случае, после этого боевого дела он разрешил мне съездить к моему двоюродному брату, который был комиссаром бригады, где командиром был Тетерин-Петров. (Эта бригада была уже не из забайкальцев, а из амурцев и приморцев, наступала она на другом фланге по отношению к вашей бригаде). Здесь, как Вы помните, события развертывались с феерической быстротой, хотя и со страшным

напряжением. Борзя была взята. Штаб дивизии выезжал на Борзю. Я попал в бригаду Тетерина-Петрова, когда она, так же как и ваша, наступала на Даурию. Помню этот великолепный ночной бой, артиллерийскую дуэль, взорвавшуюся церковь, — она была начинена снарядами.

Там все части, участвовавшие во взятии Даурии, захватили много муки, сахара. Изголодавшиеся бойцы разводили костры на улице, на полу казарм и пекли примитивные лепешки с сахаром, угощая всех, все начальство, кто бы ни зашел. Но в течение, если не ошибаюсь, нескольких суток, а может быть, немногим больше (поскольку на другой же день после взятия Даурии я опять вернулся на Борзю, где уже был политотдел дивизии и где был Логинов) ряд частей был уже отведен в тыл. Во всяком случае, очень скоро после этих событий штаб 8-й бригады (тогда она, кажется, была 5-й) очутился на Борзе, а полки в деревнях возле Борзи. Вот тут-то выяснилось, что Шульгин не удовлетворяет ни Вас, ни 13-й полк (вскоре уже ставший 22-м) — его обвиняли в трусости в боевой обстановке, называли «интеллигентиком». И меня послали комиссаром этого полка, как человека, которого там уже знали по боевым делам.

Там я уже работал под Вашим непосредственным руководством, сдружился с Шамониным, с пестрым тогдашним командирским составом, с политработниками и, конечно, с бойцами, — и часто бывал я у Вас по делу и в гостях на Борзе. А потом вместе с полком и с другими полками мы проделали путь пешком из-под Борзи под Нерчинск, в деревню Шивки. Как вы, наверно, помните, нас направили в этот тяжкий зимний поход пешим порядком не только из-за ужасной разрухи транспорта, а и для того, чтобы мы оставили на месте большие запасы белой муки и сахара, захваченные у противника в Даурии. Но мы обратились к помощи населения и вывезли свою мучку и сахар на новое место, где впоследствии никакие комиссии свыше уже не могли у нас эти запасы обнаружить.

Напомню Вам также, что либо Вас взяли на какую-то временную работу вне бригады (а может быть, Вы болели?), но какой-то срок — месяца два — я замещал Вас, был Врид комиссара 8-й бригады, в каковом качестве и попал на конференцию военкомов, политработников и комячеек Нарревармии в Читу, где был избран делегатом X съезда РКП(б).

Расскажу Вам и о Шамонине. Он был человек интеллигентный, но очень простой, демократичный, очень волевой и храбрый командир. Он происходил из крестьян одной из поволжских губерний, учился в Казанском университете, но не знаю, кончил ли его. Он был в империалистическую войну офицером, пройдя ту несколько укороченную подготовку, с помощью которой царское правительство пополняло убыль офицерского состава армии, не останавливаясь уже и перед тем, чтобы производить в офицеры и демократические элементы. Он провоевал всю ту войну, был несколько раз ранен, одна рана была у него в лицо, тяжелая, оставила шрамы, хорошо, впрочем, зарубцевавшиеся. Значения Октябрьского переворота он, как многие тогда из офицерской среды, не понял и в конце концов оказался в каппелевской армии. Находился он в ней вплоть до конца каппелевского ледяного похода (в обход Иркутска — в Забайкалье). Но он, как человек очень демократический, очень связанный с солдатской массой, командир подлинно суворовской складки, довольно скоро понял прежде всего антипатриотический и антинародный характер белого движения, воевал уже на их стороне по инерции, по трудности «выйти из дела», т. к. еще боялся большевиков. Но когда он соприкоснулся с забайкальской атаманщиной, с японцами, с семеновцами, он с группой солдат, еще задолго до того, как начался массовый переход каппелевцев и задолго до перехода ряда каппелевских офицеров, перешел с ротой солдат к партизанам и начал в рядах партизан сражаться против японцев и атамановцев. Перешел ли он в отряд Погодаева или в какой-нибудь другой отряд, а потом уже после всяких переформирований был назначен командиром 13-го полка, этого я не знаю. Если он мне рассказывал это, — а он много рассказывал мне о себе, — я уже не помню подробностей, тем более что хорошо знал я партизанское движение Приморья, а Амурское и Забайкальское — только понаслышке. Во всяком случае, в полку даже самые распартизанские элементы не корили его службой у белых, относились к нему с уважением, как к человеку своему, проверенному в боях.

В конце двадцатых годов он нашел меня в Москве. Он в это время работал уже учителем в селе Шаховском, Московской области, ставшем потом центром Шаховского района. Он по-прежнему был закоренелым холостяком. Взял

у меня немного денег на разведение пасеки и действительно развел пасеку, деньги вернул, а потом каждый год наезжал ко мне летом и привозил меда.

Во время Отечественной войны, когда немцы подошли к Шаховской, он добровольно остался командиром партизанского отряда этой местности и сражался во главе своего отряда до изгнания оккупантов. За это он был награжден вторым боевым орденом Красного Знамени. По освобождении от немцев района его назначили зав. районо, а потом он отпросился и работал директором школы. Четыре или пять лет тому назад он тяжело заболел и умер. То ли перед самой войной, то ли после освобождения района от белых [!] он женился на вдове, простой крестьянке, у которой были дети, он их усыновил, родился у него и свой ребенок. Виделись мы с ним раз или два в году, когда он приезжал в Москву. Потом я отхлопатывал его детям пенсию, после его смерти.

Напишите мне, товарищ Булочников, кое-что и о себе. Особенно про годы, непосредственно следовавшие за моим отъездом с Дальнего Востока. (После Кронштадта я попал на учебу, а потом на партработу, а потом стал писателем.)

Напишите кратко и о дальнейшем. Напишите, как получилось, что в 37—38 году Вы оказались вне партии.

Может быть, я смогу помочь Вам советом и делом, — сейчас подходящее время для того, чтобы исправить то, что было несправедливым.

Книгу свою Вы должны писать не для детей и внуков своих, а для народа. Книги такие нужны. Если те или иные обстоятельства не дадут возможности ее издать немедленно (хотя всегда можно отредактировать применительно к некоторым внешнеполитическим требованиям времени и помочь в смысле стилистической обработки), то ее можно отдать в «Историю гражданской войны», эта организация еще существует, — я узнаю и сообщу Вам ее адрес; там ее будут читать люди, пишущие историю гражданской войны. Это большой и квалифицированный коллектив. Да и вообще Ваш труд не пропадет.

Рад был получить весть от старого боевого товарища. Если память мне не изменила, Вы начали свой трудовой путь рабочим на золотых приисках?

Крепко жму Вашу руку. Привет всей Вашей семье.

Ал. Фадеев.

300. Н. А. МАГАЛИФУ

17 июля 1954 года

Дорогой Ноныч!

Ужасно давно обменялись мы письмами, — я очень благодарен тебе за теплую телеграмму — она была пока что последней в нашей переписке, — и вот я, наконец, вновь собрался с духом и пишу.

Причина моего молчания очень проста. Я бешено работаю над новым романом, где хочу показать наших металлургов и строителей металлургии разных поколений. Особенность этого романа еще в том, что наряду с технической интеллигенцией я отвожу большое место интеллигенции гуманитарной — врачам, учителям, журналистам, работникам просветительных учреждений, художественной интеллигенции.

Одна из мыслей этого романа в том, что технический прогресс на путях от социализма к коммунизму должен сопровождаться общекультурным подъемом масс, перевоспитанием душ — без этого коммунизма не построишь, а проделать эту работу без усилий гуманитарной интеллигенции, без отведения ей надлежащего места и в материальном и в духовном смысле — в нашем обществе просто невозможно. Очень большое место в романе отведено месту и роли женщины, ее положению на разных ступенях — в области физического и умственного труда, в деревне и на заводе, в среде партийного и советского актива. Я покажу, как много советский строй дал женщине, но как много он ей недодал. Покажу, как много трудятся целые категории женщин, насчитывающие миллионы и миллионы, трудятся больше мужчин, поскольку одновременно прикованы к кухне, и сколько женщин, ведущих паразитарный образ жизни, там, где заработок мужа это позволяет. И надо разоблачать мужчин в том смысле, что им нравится и то, и другое, и третье положение женщин, поскольку в первых двух случаях освобождает мужчин от многих обязанностей, а в третьем — делает женщину великолепным орудием наслаждения и пьянок. Но женщины, прикованные к кухне, а тем более женщины праздные — тянут вниз и назад мужчин. Главная же мысль романа — это мысль о коммунистическом перевоспитании

людей, подобно тому как черная металлургия берет в природе уголь, руду, известняк и пр. и пр. и переплавляет в совершенный металл, из которого можно сделать всё — вплоть до микроскопа и нитей электрической лампочки. Причем эта переделка человека тоже поистине черная металлургия!

Беда моя в том, что я все-таки часто болею. Писать это мне не мешает, но лежание в больницах, пребывание в санаториях отрывает меня от людей, многие свои общественные обязанности — такие, которые можно было бы назвать долгом, — я или не успеваю выполнить, или выполняю с опозданием.

Обещал, например, Рае Панкратовой помочь с комнатой, была она у меня на даче. Получил от нее необходимые справки и бумаги и через несколько дней попал в больницу на 2 месяца. Вернулся из больницы, вынужден был бежать от тысячи запущенных дел подальше от Москвы, чтобы они не забили и не прервали работу над романом. Помня, однако, о Рае, хотел довести ее дело до конца, попросил секретаря позвонить ей — узнать, нужна ли еще помощь, все сделаю, хотя и с опозданием. Секретарь приехала ко мне, с перекошенным лицом, говорит: «Раиса Григорьевна резко оборвала меня, сказала: «Ничего не нужно», — и швырнула трубку».

Выходит, обиделась на меня. Психологически я это могу понять, но такие вещи наносят мне душевные раны.

Когда я был низовым партийным работником, я помню, как злило, коробило меня, когда кто-нибудь из прежних товарищей, с которыми, как говорится, спали под одной шинелью, поднявшись до большого работника, вдруг долго не мог принять по делу, казалось, избегал встретиться на дому, задерживал ответы на письма, казался недостаточно радушным. Тогда и я всех легко подгонял под один ранжир «забуревших» и обижался на них. Потом опыт жизни показал мне, что среди «забуревших» гораздо больше людей, неимоверно перегруженных работой, ответственностью, лишенных семейного отдыха, развлечений, людей — великих тружеников, которым и впрямь трудно порой вместить тебя с твоими делами тогда, когда это тебе хочется. Иной раз и у меня теперь нервы так перенапряжены, душевные силы так израсходованы, что трудно найти в собственной душе тот источник радушия, который в ней есть, но нет сил, чтобы отворить его.

Однако трудовое человечество вправе требовать, чтоб источник всегда был открыт, оно вправе обижаться, потому что оно знает, чувствует, что наш строй по существу своему — это строй для всех, он гуманистичен по природе своей.

В общем, я разболтался, и пора кончать. Напиши мне более подробно о своем житье-бытье, о работе, о семье, о старых товарищах, которых встречал, или переписываешься, или знаешь, что они делают.

Передай мой самый сердечный привет всей семье.

Крепко жму твою руку.

Александр.

301. С. К. ВИШНЕВЕЦКОЙ

18 июля 1954 года

Дорогая Соня!

Никто меня, разумеется, не настраивал против тебя, а если бы и пытался это сделать, то получил бы отпор: мои оценки людей складываются годами и очень устойчивы. Но когда я пишу, люди для меня обуза, и чем ближе люди, тем большая обуза, ибо требуют больше времени и, приходя из разнообразной живой жизни с ее интересами, жизнью, которую я так люблю, уводят меня из моего мира, и работа от этого страдает. Таким я был всю жизнь в периоды собственной работы. Если я пишу, я живу анахоретом, а если обстоятельства нарушают мое одиночество, это сразу отражается на моей работе.

В периоды работы мне мешают даже жена, дети, не говоря уже о родственниках. Они уже привыкли к этому и не обижаются на меня.

Таким образом, я давно уже сам нигде не был в гостях и не приглашал никого к себе, если не вынуждали обстоятельства — деловые или дружеские.

Исключение представляет одна Эсфирь Шуб. Я ее очень люблю, очень жалею, и хотя и не так часто, вернее сказать, даже редко, но навещаю ее. Кроме того, в своем одиночестве на мансарде она настроена — там, где речь идет не о горьких сторонах ее жизни, а о светлых сторонах ее ума, — настроена более или менее в унисон моему настроению, и я у нее отдыхаю. А кроме нее, у меня

были за много-много месяцев только следующие люди: совсем недавно — Довженко и Солнцева. Мы встретились случайно, и Довженко сказал, что ему *нужно* повидать меня. И, конечно, если ему это было необходимо, я не имел права обидеть его отказом, тем более что он часто нуждается в помощи. Нельзя забывать, что я прячусь от людей не потому, что они мне не милы, а как раз потому, что я их люблю и поэтому не могу не отдавать им себя. Разумеется, было *очень* интересно с Довженко, но ушло на это часов 5, которых ни он, ни я не заметили, так увлекательно он рассказывал и так мне это было интересно. Однако после многих недель я в тот вечер впервые засыпал не с мыслью о романе, а с другими мыслями — о нашей жизни, об искусстве, от которых я сейчас бегу, — и, конечно, у меня пропал назавтра весь рабочий день.

И месяца два тому назад, чтобы не обидеть Валерию Осиповну, справлявшую свой день рождения, я присутствовал в небольшой и разнообразной компании, очень милой и симпатичной, созванной Вал. Осиповной у нас на даче. Но, конечно, у меня из-за этого выпал назавтра опять-таки весь рабочий день. Это, собственно говоря, всё, если говорить о встречах дружеского порядка.

Кроме того, я имел несколько профессиональных встреч, по моей инициативе, нужных мне для самопроверки, — я читал главы из романа нескольким очень разным людям, очень профессиональным, известным мне своим прямолинейным и правдивым отношением к искусству, читал им поодиночке, с совершенно определенной целью: получить от них профессиональный совет в некоторых затруднениях. Этими людьми — в разное время — были: В. Иванов, К. Федин, Е. Ф. Книпович и И. Андроников.

Согласись, что это очень скромно. Однажды прорвался ко мне Твардовский по горьким своим делам в «Новом мире». Но, как бы я ни любил его как поэта, я просто заболел после его посещения и не мог работать два дня. Вызывали меня еще несколько раз в ЦК по этим же делам, но это стоило мне целой рабочей недели.

Поэтому, Сонечка, не обижайся на меня, я помню и люблю тебя по-прежнему, всегда рад с тобой встретиться, но я теперь плохой собеседник и очень раним душой. Заговоришь о каких-нибудь нехороших, неприятных делах в области искусства нашего, о Союзе писателей, о разных

людях с их горестями и трудностями, а я потом буду сутки волноваться. Сегодня всю первую половину дня я был занят депутатскими делами, поэтому всю вторую буду писать. Если у тебя заняты понедельник и вторник, приходи ко мне в среду, часов в 11 утра. Этот день будет у меня весь нерабочим — вечером 11-го я улетаю в Челябинск и Магнитогорск.

И я с удовольствием отдам тебе столько времени, сколько тебе не надоест.

Мне очень нравится, как издают Всеволода. Как хорошо найдена обложка — именно для него. Первый том — пьесы — великолепен! Первая Конная — это неповторимо-самобытно, народно и на могучем дыхании. И вообще Всеволода уже решительно ни с кем не спутаешь....

А.

302. ТОВАРИЩУ ВОРОНИНОЙ

19 июля 1954 года

Уважаемый товарищ Воронина!

Извините, что задержал ответ, — был занят. Я очень советовал бы Вам изменить тему Вашей диссертации, как ни приятно мне, что Вы взяли тему диссертации, связанную с моим любимым романом. Но, во-первых, роман еще не окончен, и еще должна быть написана книга из двух частей, а я смогу сделать это еще очень не скоро: пишу современный роман о металлургии и металлургах. А во-вторых, роман «Последний из удэге» будет мною сильно переработан в связи с тем, что я хочу ввести в роман как действующее лицо героя гражданской войны на Дальнем Востоке Сергея Лазо.

И Вы угадали, — я собираюсь изменить название романа.

Вышеуказанные соображения понудили меня придержать переиздание двух томов романа, вышедших в последний раз в Гослитиздате в 1941 году.

Уважающий Вас.

А. Фадеев.

303. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

15 августа 1954 года

Здравствуй, дорогая моя Асенька!

В то время, когда я пишу тебе это письмо, курьерский поезд мчит тебя домой через всю страну нашу. И грустно мне думать, как неудачно все сложилось в эту нашу встречу, — как всегда, по моей вине. Сердце у меня разрывалось, когда был я у тебя в Подлипках, и даже не удалось выразить тебе этой сердечной боли — из-за наличия хотя и хороших, но посторонних нам людей....

Все мы с годами становимся все меньше хозяевами условий нашего существования. Имею в виду, конечно, не зависимость от общества и даже от служебных обязанностей, — эта зависимость всегда неизбежна и, понимаемая как моральный долг, приносит известное удовлетворение. Но и в этой сфере мы смолоду более смелы, решительны (а подчас легкомысленны) в перемене и выборе того, что нравится и не нравится, удовлетворяет и не удовлетворяет, более подвижны в «перемене места», активнее отстаиваем свои душевные интересы и потребности. А с годами становимся более зависимыми не только от существа дела, а и от его формы, бываем не удовлетворены, а терпим (как это получается у тебя целыми долгими периодами с твоими директорами или завучами). Но все-таки я имею в виду даже не это, а то, что мы все больше становимся невольниками своих бытовых и семейных условий и даже условностей, собственных привычек и слабостей и уже совсем не живем по своей воле, а живем «как нужно» или еще чаще «как складывается».

Душа еще молода, и физических сил еще не мало, хочется взмахнуть крылами и взлететь, мечты еще кипят. Но я с грустью замечаю, что последние лет 6—7 я живу, маневрируя между служебным и бытовым «как нужно» и душевным «как складывается». Это порождает глухую, а порой и болезненную неудовлетворенность, но сил для бунта и полета уже в себе не находишь, и тогда торжествуют над тобой твои слабости, — обманчивая попытка заглушить боль сердца. И все чаще приходит в голову мысль, что годы идут, что нужно еще многое сделать, а в моей профессии сделать что-либо можно только в состоянии душевного равновесия, а обрести его сейчас

можно, увы, только на почве примирения со всеми «зависимостями» как должным и неизбежным. Взлететь мыслью в труде своем, то есть в мире художественного вымысла, а во всем остальном утихомириться и тихо сидеть на печке, проще говоря — отказаться от личного счастья в интересах творчества, делания, ибо уже поздно мечтать о счастье.

Здесь в Челябинске мне предложили устроиться на берегу озера, в лесу, на даче с полным бытовым обслуживанием и прожить до конца отпуска (он кончается 1 октября) — с тем, чтобы иметь возможность писать, а в случае необходимости выехать на любой завод, — все они здесь под боком. И я согласился: мне здесь спокойнее, чем дома, хотя и очень одиноко. Может быть, я пробуду здесь числа до 20 сентября, — если буду уезжать, предупрежу тебя заблаговременно письмом или телеграммой.

Тридцать шесть лет тому назад высшим счастьем для меня было видеть тебя и слышать твой голос, — тогда я даже не смел думать о большем. С той поры я сохранил по отношению к тебе большую человеческую любовь и нежность, но оба мы стали другими, и вот, живя «как нужно» и «как складывается», я даже не использую возможности видеть тебя и слушать твой голос, когда жизнь предоставляет ее, эту возможность. А все равно — сквозь эти годы, сквозь эту жизнь «как нужно» и «как складывается» — ты остаешься для меня одним из самых близких и дорогих людей. И печально мне мысленно видеть тебя одиноко едущей в поезде.

Крепко жму твою руку и сердечно обнимаю. Привет маме твоей и Леве с Ниной, когда будешь им писать.

Саша.

Я был в Магнитогорске с 7 по 13 августа.

304. К. Н. СТРЕЛЬЧЕНКО

19 августа 1954 года

....Я, конечно, не только пишу, а ежедневно гуляю в окрестностях «своей» дачи. Но, к чести местных руководителей, они заселили очень небольшую часть березового леска, дачи ответственных работников очень близки

одна от другой, — а весь массив отдан под пионерские лагери, дошкольные площадки, — гулять, в общем, негде. Обычно я выхожу в степь, обойду вокруг леска и гуляю где-нибудь по берегу озера. Но местность здесь скучная, однообразная.

Вчера я ездил в город на почту и на обратном пути разговорился с шофером. Челябинск — огромный промышленный город, на 600 тысяч жителей, со множеством предприятий — чрезвычайно разбросан. В сущности, это связанная между собой серия городов и городков со своими центрами, культурными очагами и всесторонним бытовым обслуживанием....

Итак, мы разговорились с шофером. Он — старый челябинец, и объяснил мне, что этот — в старину абсолютно деревянный городок всегда был разбросан и именно этим объясняется, что среди высящихся громад заводов, магазинов, школ, больниц, крупных жилых зданий до сих пор тянутся ниточками вдоль дорог, расходящихся во все стороны света, ряды подслеповатых, убогих, точно вросших в землю деревянных домиков старой «Челябы». Дороги расходятся по радиусам — таково было строение «ансамблевое» старой Челябы. Но теперь все заселилось между дорогами, как между растопыренными пальцами. Когда наличествуют большие предприятия, всегда возникают подсобные, обслуживающие. Глядишь, — там просто ищут воду, здесь добывают глину, здесь кирпичный завод, а там тянут трубы к поселку, — в общем, вся местность перерыта, перевернута. Но даже чтобы ее перерыть и перевернуть, нужны люди (я уже не говорю о строительстве гигантов-заводов), поэтому между «пальцами» строятся дома — конторы, бараки для жилья, а на площадях, которые не предполагаются к солидной стройке, возникают целые поселки индивидуальных домов. Даже по сравнению с таким богатым городом, как Магнитка, здесь живут богаче. Здесь имеются новые индивидуальные каменные «домики» комнат на 5, на 6 — тысяч на 90, затраченных на их постройку, — есть, конечно, и обычные, тысяч на 20—30 (на Магнитке типовой — это тысяч на 30). Но даже возле хилых домиков старой Челябы не редкость видеть отдыхающую «Победу», а тем паче «Москвича» (в Челябинске очередь на «Победу» — 2300 человек).

...Нужно ли тебе говорить, как влечет меня эта жизнь всех этих очень разных людей-тружеников! Влечет как писателя, — ведь все это я описываю, хотя и не называю города, — влечет и как человека, для которого все эти подслеповатые домики — не новость, а признак или, вернее, знак его детства, отрочества и юности, когда не было еще ни «Побед», ни «Москвичей»!

....И вот, мы ехали с шофером «домой», и я обратил внимание, что за этими стройками, подслеповатыми домиками старой Челябы, индивидуальными поселками параллельно нашему пути, на расстоянии в километре — полтора, тянется какой-то лесной массив. Оказалось, что это колоссальный массив соснового леса (вроде наших Сокольников), когда-то окружавшего весь Челябинск, а теперь сохранившегося только в этом направлении, параллельно шоссе на г. Троицк, — шоссе, ведущему к «нашей» дачной местности.

— Далеко же тянется этот массив! — небрежно сказал я.

— Далёко, — сказал шофер, по русской привычке изменив ударение. — Вон, видите, кончается как раз против отворота к обкомовским дачам...

Нужно ли тебе говорить, что я решил на завтра — то есть на сегодня, когда пишу тебе, — плюнуть на все формальные препоны и оказаться в этом лесном массиве и на этой загадочной окраине старой Челябы и нового Челябинска. Идея эта меня разогрела еще больше, когда мой сосед по даче сказал:

— А знаете, что это за лесной массив? Ведь это единственный в СССР по масштабу и по однообразию лесных пород (только сосна!) парк культуры и отдыха: он начинается в двухстах метрах от центра, от городского театра и тянется на 12 километров вдаль и — в среднем — на 7 километров вширь. У нас есть все, что положено паркам, но еще — необъятный лес, тянущийся до речки Миасс! А в парке, где когда-то были каменоломни, — глубочайшие чистые озера, полные рыбы, с каменистыми обрывистыми берегами....

Сегодня, поработав до 2-х часов дня и отказавшись от обеда под предлогом дальней прогулки по озеру, я вышел из района наших дач, спокойненько добрел до Троицкого шоссе и начал голосовать.

Машина, подобравшая меня, оказалась машиной председателя Челябинского горисполкома, в которой ехала с дачи, находящейся рядом с моей, жена председателя, ее дочь, студентка архитектурного института в Москве, и сын — ученик 8-го класса. Они довезли меня до почтамта. Распрощавшись с ними, я пешочком с мешочком направился в парк «культуры и отдыха». Оказалось, это действительно сказка! Сплошной сосновый лес. Все забивающий, всепокоряющий запах сосны.

Я пошел в глубину этого уникального парка, и целый час или полтора шел сосновым лесом, не встретив решительно ни одного человека! Это был сплошной сосновый бор. Погода была переменчивая, с теплым ветром, то набегали тучи и шел дождь, то опять светило солнце...,

Но я был один, и обыкновенная жизнь обыкновенных людей влекла меня к себе. Я вышел в районы индивидуальных домов и домиков старой Челябы и бродил там еще не меньше часа с тем романтическим чувством, которое может быть присуще только писателю, любящему жизнь и выросшему среди таких же домиков и лачуг. Здесь все было «наружу». Здесь и грубое и злое заявляло о себе, но тем трогательнее выглядели девочки в «форменных» платьицах и тем прекраснее были лица женщин, встречавших мужей, потоком возвращавшихся с утренней смены.

Мне хотелось обнять это все... Мне так хотелось заглянуть в каждый из этих домиков, приобщиться к каждой из этих жизней — с ее противоречиями и с ее радостями. Я увидел — уже на ниточке старой «Челябы» — такой же приземистый, как и домики вдоль ниточки, весь ушедший в землю «Продовольственный магазин». — Интересно, что там продают!.. Там оказалось довольно много народа... Но была крупа, разная (кроме гречневой), сахар, масло, селедка, ветчина (хорошая, — здесь вообще много свинины, но мало говядины), консервы рыбные (а особенно много крабов, которых, я заметил давно, русский простой человек не уважает), хлеб, булки, окунь копченый, маргарин (расфасованный), конфеты простые и — в овощном отделе — много маленьких вилков капусты. Как это бывает на окраинах даже Москвы, все покупатели называли продавщиц только по именам: Нюся, Фиса («Отвесь мне, голуба»), — и много шуток взаимных....

305. С. В. КРИГЕР

28 августа 1954 года

Дорогая Соня!

...Пишу тебе из Челябинска, куда попал в связи с работой над романом, — пишу вот по какому поводу.

Я получил письмо с Дальнего Востока от бывшего комиссара бригады, в которой я был комиссаром полка (а потом стал комиссаром той же бригады), Ф. П. Булочникова. Он просит меня, в связи с его работой над воспоминаниями, подтвердить и напомнить некоторые факты, связанные с кампанией по разгрому атамана Семенова в Забайкалье. И вот в этой связи мне необходимо подтверждение и напоминание некоторых деталей, связанных с моими встречами с тобой и с Тамарой в те же времена или чуть-чуть предшествующие тем временам, когда я попал к Булочникову. Я буду, само собой, писать еще и Тамаре, но заодно проверю и у тебя, правильно ли я запомнил некоторые моменты.

1. Мы приехали из Владивостока — Тамара, Игорь Сибирцев и я — в Благовещенск и там вскоре расстались, попав на разную работу в разные места. У меня осталась в памяти первая встреча с Тамарой после этой разлуки. По-моему, это произошло на какой-то станции с населенным пунктом на Амурской железной дороге. Это было, по-моему, еще до начала военных действий против Семенова, и я даже не уверен, была ли та организация, в которой Тамара занималась политпросветительной или культпросветительной работой, — была ли эта организация военной или гражданской. Но запомнилось мне, что Тамара и другие жили в вагонах поезда. Под управлением Тамары находилась, в числе прочего, какая-то труппа актеров. Она с ними была в дружеских отношениях. Особенно ей нравился один пожилой актер, про которого она, смеясь, говорила: «Ох и циник!» Мы вместе с Тамарой присутствовали на выступлении этой труппы в каком-то стационарном клубе со сценой (я хочу этим подчеркнуть, что представление давалось не из агитвагона) — может быть, в железнодорожном, может быть, в поселковом. Там была инсценировка то ли стихотворения «Каменщик, каменщик, в фартуке белом...», то ли стихотворения «...Темное той ночи встает из тумана видением грозным

тюрьма». Певец и певица, еще молодые, муж и жена, пели: «По старой Калужской дороге, на 49-й версте...» Они, эти певцы, а особенно певица, мне очень понравились, и после представления я, помнится, пошел к ним в гости в вагон — пить чай. У меня осталось такое ощущение, что тогда тебя, Соня, там не было, что тогда ты еще не работала вместе с Тамарой. Но если и ошибаюсь, то напиши мне: а) Когда это было? б) Где это было? в) Была ли это военная (политотдельская) работа или гражданская — просветительная? Я уже ничего этого не помню.

2. Я отлично помню наши встречи с тобой и с Тамарой уже в прифронтовой обстановке, то есть помню тебя и Тамару и весь окружающий политотдельский быт, но у меня совершенно ушло из памяти, *где* это было и была ли это *одна* встреча, длившаяся несколько дней, или я уезжал, а потом вновь приезжал — уже по должности инструктора политотдела дивизии или комиссара 22-го Амурского стрелкового полка. Мне это как раз важно, чтобы дать Булочникову более точные сведения, как и когда я попал к нему в бригаду, на этот самый полк — комиссаром.

Чтобы тебе легче было мне ответить, я напишу, как мне все это сейчас представляется, и предварительно расскажу небольшую предысторию. Когда только что начались военные действия против атамана Семенова, я возвратился после чуть ли не месячной поездки по Амурской железной дороге (вплоть до Нерчинска и Сретенска) по организации и инструктированию комсомольских ячеек — вернулся в Благовещенск. Игорь был тогда комиссаром бригады, расположенной в Благовещенске, ею командовал Петров-Тетерин. Я очень хотел быть вместе с Игорем, в этой или в другой бригаде, но вместе с ним, и когда меня посылали в эту поездку по комсомольской линии, мне обещали, что это временно, что я по-прежнему, как это было в Приморье, числюсь за армией (хотя я и не был зачислен в эту бригаду).

Когда я вернулся в Благовещенск, бóльшая часть бригады вместе со штабом, с Игорем, с Петровым-Тетериным уже отбыла на фронт. Грузился в вагоны последний полк, как раз тот самый, в котором находились в большинстве знакомые мне приморские партизаны, среди них — мои чугуевские односельчане. Я понял, что, если я с ними не уеду, мне с Игорем не повстречаться и не работать вместе. И, нáскоро отчитавшись в обкоме РКСМ, сославшись на

данное мне раньше устное обещание, но не получив никаких формальных бумаг об отправлении на фронт, то есть в известной степени полузаконно (но и придраться ко мне трудно было, т. к. по приезде из Приморья я еще нигде не успел взяться на учет), — я уехал вместе с этим полком. Я понимал, что самовольно меня в полк не зачислят, и знал, что даже Игорь, при всей его любви ко мне, не может меня самовольно назначить на ту или иную должность в бригаде. Но я рассчитывал вот на что. Во время своей работы в Нерчинске я очень понравился работникам стоявшего там штаба и политотдела — то ли Забайкальского фронта, то ли одной из армий, — там был комиссаром Лебедихин, с которым я позже много встречался в Москве. Он и его товарищи уже тогда уговаривали меня остаться, обещая все законно оформить. Но я рвался к Игорю и не остался. Теперь я понимал, что бригада, где Игорь, попадет «под начало» этих людей и, может быть, меня направят в эту бригаду.

Одним словом, когда я добрался, то есть доехал вместе с этим полком до какой-то солидной политотдельской организации фронта или армии, или даже дивизии (вот это ты и попробуй мне напомнить), то есть туда, где были люди, знавшие меня, — я вынужден был расстаться с полком, чтобы получить формальное назначение. Вот здесь, по-моему, я и встретился с тобой и с Тамарой.

Теперь ты мне и попробуй ответить, что это был за политотдел — фронта, или армии, или одной из дивизий? Где вы сами-то работали? Где вы тогда стояли, в каком городе или пункте? У меня такое ощущение, что это был политотдел фронта или армии и что я тогда задержался среди вас, дожидаясь назначения. В памяти моей осталось, что в этом назначении сыграли роль комиссар дивизии Логинов — той самой дивизии, в составе которой я потом и воевал, — и начальник политотдела этой дивизии (а может быть, он был повыше, чем дивизии, — я теперь уже забыл), не то Камсков, не то Камков — люди, с которыми я уже был знаком по той прежней своей «комсомольской» поездке. Знакомы ли тебе эти люди? У них вы работали или «повыше»?

Мне дело представляется так, что эти знавшие меня работники как раз в период моего приезда к вам, то ли потому, что сами приехали в ваш политотдел по своим делам, то ли потому, что в это время штаб дивизии нахо-

дился там же, где и ваш политотдел, уговорили начальство и меня самого «пойти на работу» к ним, а не к Игорю. Так я очутился в этой дивизии, а потом в бригаде Булочникова.

У меня осталось в памяти, что, ожидая назначения, я провел с вами несколько дней, но жил я где-то отдельно от вас.

А потом у меня осталось в памяти, будто бы я еще раз приезжал к вам, всего лишь на одни сутки — по какому-то поручению из дивизии (возможно, за литературой) или уже из полка (но если из полка, то, конечно, я не имел возможности быть у вас в период военных действий, это могло быть уже после полной победы над Семеновым). Почему мне кажется, что я приезжал к вам *еще раз*? Потому что я хорошо запомнил, что мне негде было ночевать и я остался у вас, где вы жили с Тамарой и, кажется, еще с кем-то из девушек, и за неимением места мы с Тамарой, как люди, знающие друг друга с детства, спали, как брат и сестра, на одной койке. А потом мы с тобой прощались, стоя у окна, и дружески обнимались и говорили друг другу что-то хорошее на прощанье, потому что мне надо было уезжать.

Помнишь ли ты это? Действительно ли это была *вторая* встреча? Или это все происходило в ту же, *одну*, встречу, длившуюся несколько дней, а просто я перед отъездом задержался у вас, припозднился и вынужден был остаться ночевать? В обоих случаях — *где* это было? Когда, в каком месяце (конце октября или начале ноября? Если я приезжал из полка, то это могло быть уже только в конце ноября или в декабре).

Просмотри, дорогая моя Соня, все мои вопросы по ходу письма и все изложенные мною факты, дополни и поправь их своей памятью, и тогда я смогу ответить Булочникову, когда и откуда я к нему попал.

Мой адрес (до 20 сентября — письма из Москвы идут сюда 5—6 дней): г. Челябинск, Главный почтамт, до востребования. Фадееву Александру Александровичу.

Ты сейчас, наверно, очень перегружена, но ты отвечай кратко, потому что тебе не нужно вводить привходящих обстоятельств, а ты можешь кратко комментировать или исправлять мои.

Крепко жму твою руку и обнимаю тебя.

Саша.

Извини меня за анафемский почерк!

306. С. И. ЧИКОВАНИ

14 октября 1954 года

Дорогой Симон!

Спасибо за книгу, прочел с удовольствием. Большинство стихотворений в разделах «Под сенью гор», «Свет Севана» — очень хороши. Понравились также «Укрощенное море», «Тополь», «Пасечник», «Два письма из Татр», «Народная пляска», «Перелет через Кюстрин», «Береза» и некоторые другие.

Поздравляю тебя, крепко жму руку.

Александр Фадеев.

307. В. А. ЗАХАРОВУ

14 ноября 1954 года

Дорогой Володя!

Извини за задержку с ответом: я ужасно перегружен делами перед съездом писателей, а пятнадцатого уезжаю за границу.

Некоторые отрывки из романа были напечатаны мной в «Челябинском рабочем», в «Огоньке» и в «Литературной газете» по той простой причине, что надо было мне показать читателю хотя бы отдельные главы из новой своей работы, поскольку до съезда писателей я не успею опубликовать первой книги нового романа.

Если некоторые люди, не знающие законов художественного творчества, не понимают, что художественное произведение — это не копия жизни и не ее фотография, а это художественный вымысел, обобщение, сгущение всего наблюденного писателем в интересах определенной мысли, идеи — им это нужно объяснить. Нельзя, с одной стороны, призывать писателя к изучению жизни, а с другой стороны — по-обывательски ловить в его произведении отдельные знакомые разрозненные факты и приписывать их знакомым лицам. Если бы писатели считались с этим и боялись этого, у нас не было бы художественной литературы вообще.

Нечего и говорить о том, что все люди в моем новом романе — люди вымышленные, хотя и несут в себе типические черты, которые тот или иной из живущих людей может находить в себе.

К тому же, когда люди прочтут все произведение, они увидят, что и Павлуша и Тина хорошие и по-своему незаурядные люди....

Передай мой сердечный привет Зое и поцелуй маленьких моих друзей.

Крепко жму твою руку.

А. Фадеев.

308. Б. С. ШАРОВУ

14 ноября 1954 года

Уважаемый Борис Степанович!

Большое спасибо вам за такое сердечное и глубокое письмо. Хотелось бы ответить Вам на него подробнее, но, к сожалению, сейчас я занят безмерно: всего лишь месяц остался до съезда.

По выступлению моему у челябинских писателей, в связи с прочитанными отрывками, Вы уже знаете, что я сам недоволен излишней детализацией в прочитанных главах. Но это легко исправить. Всегда можно убрать лишнее, когда роман уже закончен, а ведь я не закончил даже первой его книги.

Еще раз сердечно благодарю Вас за Ваше хорошее письмо и крепко жму Вашу руку.

Ал. Фадеев.

309. Э. Ю. ТРИОЛЕ И ЛУИ АРАГОНУ

23 ноября 1954 года

Милая Эльза! Дорогой Арагон!

Ужасно давно вас не видел и рад случаю написать вам несколько строк. За эти два с половиной года, несмотря на болезни, которые, слава богу, остались позади, я написал довольно толстую книгу. Увы, она еще только первая книга еще более толстого романа. Но я не очень

стесняюсь писать об этом Арагону! Два тома его романа я прочел прошлой зимой, прочел на свободе, в санатории, — с большим интеллектуальным наслаждением. Надеюсь, мы увидимся в дни съезда писателей у нас и я смогу подробнее сказать об исключительных художественных достоинствах этого романа, не говоря уже о его огромной познавательной ценности: он открывает целый мир, он глубоко историчен, и большинство людей вылеплено с пронзительной точностью. Кое-что в изображении людей физического труда, данных, впрочем, живо и выпукло, — меня не вполне устраивает. Кроме людей такой складки, интересующих автора и, несомненно, существующих, в рабочей среде, а также и в крестьянской, в любом народе (даже в Швеции!) много людей, я бы сказал, шекспировской складки. В народе таких людей больше, чем среди интеллигенции. Они остались вне поля зрения Арагона, на что он, разумеется, как автор имеет полное право. Но мне хотелось бы видеть людей из народа и такой складки в таком монументальном романе, как «Коммунисты». Однако у меня, как и у всякого читателя, при непосредственном чтении нет никаких претензий к автору, кроме отдельных длиннот, — все живо, умно и мощно, когда все уже вырастает перед тобой в целом. Соображение о простых людях, высказанное мною, это уже, так сказать, индивидуальное требование, *мое* требование, возникающее позднее, в итоге раздумья.

Но надо обязательно писать роман дальше!

Здесь, во время сессии, много велось частных писательских разговоров о возможности европейской и международной встречи писателей и кто проявит в этом смысле инициативу, и нужна ли широкая встреча, или узкая, или «средняя».

У меня на этот счет такие мысли: 1. Встреча с людьми, которые и без того к нам близки (или более или менее близки), не нужна: мы и без того встречаемся.

2. Нужна встреча с людьми, которые имеют художественную ценность и имеют человеческую душу, хотя и далеки от нас по разным причинам. Если среди них есть молодые талантливые люди, это тем более необходимо. (Но нельзя, разумеется, обойти «известных».)

3. Не мыслю, чтобы это вообще было возможно (*если возможно!*) без французской инициативы. И не мыслю, чтобы это было возможно без вашей инициативы, вашего

желания, ваших усилий — то есть без желания и усилий Арагона и Эльзы!

4. Разумеется, мы готовы были бы встретиться с любыми писателями (любых наций), кроме тех, кто окончательно оброс шерстью.

Если бы возможно было обдумать, обсудить и, возможно, предпринять некоторые шаги еще до нашей встречи на съезде писателей в Москве, хорошо было бы!

Как ваше здоровье, настроение, как поживает ваш загородный дом, пишете ли вы, — все это очень и очень интересно вашему старому другу, который — по удачному выражению Эльзы — вышел купить пачку папирос и ушел на $2^1/_2$ года.

Но я жив и полон энергии. И, конечно, всегда помнил и помню о вас и люблю вас по-прежнему.

Крепко жму руки ваши и сердечно обнимаю.

Ваш *Ал. Фадеев.*

310. И. П. МАЛЮТИНУ

Ноябрь 1954 года

Дорогой Иван Петрович!

Спасибо Вам за доброе письмо и за память. Я тоже был необыкновенно рад, встретившись с Вами после такой долгой разлуки. Очень прошу Вас передать мой привет Вашим дочерям.

Конечно, Вам нужно сейчас главным образом сесть за свои воспоминания. Если Вы сумеете избежать в них мелочей, представляющих интерес только для добрых знакомых или для любопытных, а дадите картины народной жизни, жизни рабочих прежних времен и запечатлеете облик замечательных людей, с которыми Вам приходилось встречаться, переписываться, — этим Вы, конечно, сделаете большое полезное дело для нашей молодежи.

Нужно ли говорить, как я желаю Вам успеха на этом пути.

Крепко жму Вашу руку и желаю Вам доброго здоровья.

Ал. Фадеев.

P. S. Не сердитесь, что перевожу Вам по почте коечто в подмогу. Свои люди — сочтемся. Еще раз сердечно Вас приветствую.

311. О. Д. ФОРШ

<15 декабря 1954 года>

Милая Ольга Дмитриевна!

Ты была сегодня на исключительной высоте. Пишу об этом не для того, чтобы сказать тебе комплимент. А просто потому, что мы все тобой любовались.

Голос звучал свободно, сильно, просто. Была какая-то торжественность во всем, что происходило в зале.

Мы стояли за дверью, любовались тобой и говорили о том, какая ты сильная, мужественная и умная женщина.

Я ужасно рад за тебя и крепко, крепко жму твою руку, вынесшую в жизни столько большого хорошего писательского труда, умную милую руку.

Твой *А. Фадеев.*

1955

312. В ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИСКУССТВО»

8 января 1955 года

Прошу Вас продлить срок представления воспоминаний кинорежиссера, заслуженной артистки республики Э. И. Шуб до сентября 1955 г.

По просьбе Э. И. Шуб я ознакомился с написанными ею главами — около 150 страниц, что составляет примерно половину книги. Книга, несомненно, получается, написана хорошим языком, живо, умно. Сказалось в положительном смысле и то, что Э. И. Шуб десятки лет работала в кинематографии: пишет она кратко, точно, каждая глава многое вмещает, все дано зримо и выпукло.

Уже сейчас можно сказать, что книга Э. И. Шуб будет иметь большое воспитательное значение для молодежи, работающей сейчас во всех областях искусства и литературы. Хорошо показан и объяснен процесс становления молодой демократической интеллигенции, которая с первых лет после Октябрьской революции пошла работать с Советской властью и создала первые примечательные произведения советского искусства. Революционный

энтузиазм, преданность своему делу, высокая требовательность к себе, искания, ошибки, заблуждения — все это дано Э. И. Шуб пристрастно и в то же время объективно. Автор показывает старшее поколение деятелей искусства и литературы, одни из которых были или стали учителями молодежи, другие скатились в болото или в лагерь врагов революции. В первых главах кратко, но выразительно даны образы Горького, Луначарского, Станиславского, Блока, Брюсова, Бальмонта и других, менее видных представителей искусства и литературы нашего и чужого лагеря.

Хорошо дан весь начальный период советского кино, работа кинохроники первых лет революции, создание первых советских фильмов, начало деятельности Эйзенштейна, Пудовкина, Довженко, работы Кулешова, Дзиги Вертова. Весь этот первоначальный период развития советского кино, когда и сам автор начал приобщаться к работе в кино, естественно выступает сквозь лирическую призму авторских воспоминаний. Но следует отметить, что автор одновременно подвергает объективной критике все то, что от Пролеткульта, Лефа и пр.

Наиболее сильными главами в этой первой половине книги нужно считать большую развернутую главу — портрет В. Маяковского и главу о С. Эйзенштейне. Свободная манера воспоминаний позволяет автору сконцентрировать в этих главах встречи, впечатления разных периодов жизни, образы встают здесь более или менее завершенными — в той мере, в какой мы вправе требовать этого от автора воспоминаний, а не от искусствоведа.

Достоинством книги, с моей точки зрения, является также и то, что в области киноискусства Э. И. Шуб немало внимания уделяет его специфике, не отступая, однако, от золотого правила, чтобы эта специфика была понятна всем.

Просмотренная мной первая половина книги не лишена некоторых недостатков, объясняющихся главным образом тем, что она еще не до конца отделана. Попадаются частные штрихи, не обязательные для такой серьезной книги, порой трафаретные газетные фразы — в тех местах, где автор стремится усилить политическую характеристику, отдельные стилистические промахи. Э. И. Шуб продолжает работу над дальнейшими главами книги, оставляя окончательную отделку ее до того, как видно будет целое, можно будет правильно соотнести про-

порции, убрать лишнее, усилить то, чему не было уделено достаточно внимания в процессе работы. Этим объясняется, что автор воздерживается пока что от представления своей незаконченной книги в издательство.

Учитывая то обстоятельство, что Э. И. Шуб человек тяжело больной, прикованный к постели, для которого всякий «официальный» разговор о неоконченной книге несет дополнительные волнения, я прошу издательство пойти навстречу автору, продлить срок представления книги до сентября 1955 года, основываясь на характеристике первой половины книги, которая дана мною и разделяется другими товарищами, читавшими эти главы.

А. Фадеев.

313. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

12 января 1955 года

Милая моя Ася!

Все телеграммы твои и письма, которые стали реже, чем в былые годы, на что я, разумеется, не имею права жаловаться, т. к. сам пишу еще реже, — я получаю, и они по-прежнему очень нужны душе моей.

Я вернулся из своей дачной местности под Челябинском в Москву 3 октября или немножко позже и сразу же попал в водоворот подготовки к съезду писателей. В моей березовой роще на берегу соленого озера под Челябинском мне хорошо работалось, образовалась инерция работы за столом — состояние, которого все пишущие люди так ждут, — и в течение двух-трех недель я, несмотря на «водоворот», продолжал писать и в Москве. Потом дело пошло медленней, приключились международные дела — в ноябре я ездил в Стокгольм на сессию Всемирного Совета Мира, — и уже до самого съезда, а потом до окончания съезда, а потом в течение двух недель после него (в связи с разными новыми организационными делами) не было, собственно, и часа, чтобы дух перевести. Надеялся написать тебе в новогодние дни, но был так утомлен, что фактически проспал эти два дня праздника.

Всего лишь несколько дней, как я вновь взялся за роман. Окончить первую книгу под Челябинском мне не удалось, наверно, придется работать над ней еще месяца четыре. Собственно, написано очень много, но обработано

мало. Мне сказали товарищи по работе в Союзе писателей, что нужно перед съездом показать читателю хотя бы отрывки. И я очень жалею, что дал несколько глав в «Огонек»: во-первых, это не лучшие из глав, а скорее средние (невыгодно было печатать лучшие, как невыгодно выковыривать изюм из кулича: от этого пострадают и изюм и кулич), а во-вторых, у меня не было времени хорошенько эти главы обработать, — в них есть длинноты. Да и читатель, в общем, не любит отрывков, он любит влезть в роман, как в обжитый большой дом, населенный множеством жильцов, одни из которых ему милы, другие так себе, третьи враждебны.

Через несколько дней я снова поеду за границу и, очевидно, в середине февраля опять поеду. Но теперь я уже снова живу на своей даче и общественной работы у меня стало меньше: по новому уставу, принятому на съезде, мы ликвидировали должность председателя, отклонили также и должность генерального секретаря, а утвердили коллективный орган руководства — Секретариат Правления — в составе 11-ти секретарей, одним из которых я теперь и являюсь. Для практической повседневной работы избрали первым секретарем Суркова и ввели в качестве одного из организаторов всех наших практических дел партийного работника, бывшего секретаря Московского комитета партии, Поликарпова. Тем не менее на мне остались, как принято выражаться, солидные «нагрузки» по Секретариату, не говоря уже о международных делах, о Комитете по Сталинским премиям и пр. Но разве можно все это сравнить с прежним! Я чувствую себя сейчас гораздо более свободным.

Собственно говоря, это все, что можно сказать о внешней стороне моей жизни. Младший мой сынишка часто болеет, а старший неважно учится, жена перегружена общественными делами и своей работой в театре, теща сильно состарилась, и дом наш, в общем, беспризорен....

Давно уже не писала ты мне о своих делах. Как закончилась (и закончилась ли) твоя эпопея сложных взаимоотношений и борьбы с косными силами, которых, к сожалению, действительно еще так много в области нашего народного образования. Причин к тому, что их, этих отсталых элементов, в такой, казалось бы, светлой области все еще довольно много, причин к тому немало. Невысокий уровень подготовки учителей во многих и мно-

них институтах страны, низкая заработная плата, еще более низкая в органах народного образования, благодаря чему туда идут не лучшие, отсутствие непосредственного, прямого и повседневного руководства этими органами со стороны партийных органов, слабость, узость партийных организаций в школах, неразработанность методики преподавания, а тем более воспитания, слабость, сухость, перегруженность учебников во многих областях знания, перегруженность школ работой в две-три смены, не дающая возможность развернуть во всю ширь внешкольную работу, — все это пагубно отражается на жизни нашей школы, на психике людей, работающих в школе, руководящих делом образования, на их взаимоотношениях.

Нашла ли ты, по крайней мере, работу себе по сердцу? Много ли занята? Не отразились ли все эти дела на твоем заработке? Каково положение с квартирой?

Несколько дней тому назад я навестил Э. И. Шуб. Она после санатория сильно болела, что ее окончательно подкосило. Дочь ее, на основании заключения ряда хороших врачей, говорит, что дела ее матери сейчас хуже, чем были даже до санатория. Эсфирь Ильинична сказала мне, что получила от тебя письмо, которое доставило ей радость. Она говорит, что у нее сохранилась добрая память о тебе, как о хорошем человеке и работнике — в той мере, в какой последнее, т. е. представление как о работнике, можно вынести из разговора и из общего представления о человеческом характере. Я, конечно, рад этому. Она женщина талантливая, умная и очень одинокая.

Как здоровье твоей мамы? Береги ее, насколько можно. Только теперь я понимаю в полной мере, какой огромной моральной силой и опорой для меня была моя мать — не только в силу ее личных качеств, а даже просто в силу ее материнского существования. При ее жизни я всегда чувствовал себя как-то моложе, всегда была возможность к кому-то притулиться, — а потребность эта бывает даже у более сильных людей, чем я (и во всяком возрасте!), — и самая забота о матери, необходимость и *потребность* этой заботы вызывала в душе лучшие ее качества, была естественной гарантией от очерствления.

У меня давно уже лежит рукопись Левы, которую он прислал в обработанном виде после той в основном положительной рецензии (но с рядом критических замечаний), которую ему в свое время послали из Союза пи-

сателей (автор рецензии — хороший писатель Хаджи-Мурат Мугуев, — читала ли ты его, этого писателя, когда-нибудь? — он пишет очень занимательно и отличным языком). Если будешь писать Леве или увидишь его, скажи, что на днях я прочту его книгу и, если Мугуев прав и если Лева внес необходимые исправления, двину его книгу в один из толстых журналов, в издательство «Советский писатель» или в какое-нибудь другое издательство, а ему, Леве, напишу свое заключение.

До свидания, мой дорогой дружочек, сердечно тебя обнимаю и целую.

Саша.

314. Д. СЕДЛАЧКОВОЙ

12 января 1955 года

Уважаемая Дагмара Седлачкова!

Сердечно благодарю Вас за «Молодую гвардию», присланную мне, и разрешите крепко пожать Вам руку и поблагодарить Вас за ту громадную работу, которую Вы проделали в такой короткий срок. Нечего говорить о том, что эта книга на чешском языке, впервые иллюстрированная, доставила мне большую радость, и я чувствую себя очень перед Вами виноватым, что не смог ответить вам вовремя из-за большой занятости.

Трудно в письме дать всеохватывающую рецензию на рисунки, представленные Вами. Конечно, они сделаны на должном профессиональном уровне, а это пока что является для Вас, недавно окончившей художественный институт, самым главным достижением. Ибо совершенствовать свою работу, углублять психологическую характеристику изображаемых лиц, передавать настроение, динамику конфликтов возможно, только когда владеешь своим оружием достаточно профессионально.

Ваши иллюстрации неравноценны. Из сделанных углем мне кажется наиболее удачной та сцена, где «молодогвардейцы» выносят приговор предателю Фомину, перед тем как его повесить. Здесь верно передано настроение и очень хороша индивидуальная характеристика Туркенича. Неудачны в этом рисунке выражение лица и положение фигуры предателя. Он получился у вас жалким, слабым, а он должен быть страшным и отврати-

тельным, хотя в изображении этих его черт тоже надо соблюдать чувство меры. Впрочем, Вы вправе сказать, что предатель Фомин по внешнему своему облику дан мною в романе несколько утрированно. Но если это так, то я утрировал его не в том направлении, в каком Вы. Среди рисунков углем можно еще отметить клятву «молодогвардейцев». Здесь дана верная характеристика внутреннего облика Ули и, отчасти, Любки. С другой стороны, нельзя не сказать, что в облике Олега не выражены юношеский пафос, романтический порыв, горение, — Олег выглядит слишком взрослым.

В сцене, где Любка выбивает чечетку перед майстером Брюкнером, Вами, в основном, верно схвачены черты этой девушки. Но немец-жандарм дан Вами слишком утрированно. Я должен сказать, что и в рисунках пером немцы даны Вами большей частью с чрезмерным сатирическим заострением, утрированно, что слишком дисгармонирует с обычным реалистическим и даже бытовым показом наших людей. В изображении врага Вы не соблюли художественного чувства меры.

Среди рисунков пером мне нравится данная Вами индивидуальная характеристика Вани Земнухова — там, где его арестовывают. Более или менее удачной можно считать сцену — Валя Филатова в слезах перед Улей (мы не видим лица Вали, но в позе ее верно передано ее состояние, а главное, мы видим Улю и понимаем сложность взаимоотношений подруг). Могу отметить также встречу Олега с матерью и Сергея Тюленина, наблюдающего из лесу немецкую колонну.

Мне кажется, что Вы сделали ошибку, не показав «молодогвардейцев» в тех сценах, где они веселятся, ведут дружеские разговоры. Поэтому Ваши «молодогвардейцы» всегда слишком серьезны, внутренне напряжены, им не хватает юности, молодости, а по этой причине и индивидуальные характеристики их несколько однотонны. И не случайно я отметил те сцены, где характеристика отдельных героев романа больше соответствует их индивидуальности.

Не сумели Вы передать красоту женских лиц, фигур — там, где мною в романе нарочито подчеркнута их красота: в сцене с лилией некрасива поза Ули, некрасиво ее лицо; некрасива Любка там, где она вылезает из окна биржи труда к Сергею Тюленину; некрасива мать Олега,

Мне кажется, что недостатки Ваших иллюстраций объясняются, главным образом, торопливостью, с которой Вам пришлось их выполнить. Я прошу Вас не сердиться на меня, если я, исходя из собственного опыта, посоветую вам не брать на себя сложные работы в тех случаях, когда предоставляется слишком мало времени на их выполнение. Если среди множества иллюстраций, которые Вам пришлось сделать всего лишь за три месяца, немало удачных, это свидетельствует о Вашем таланте. Но с другой стороны, располагая бóльшим временем, Вы могли бы довести их все до большего совершенства. Вам нужна сейчас именно такая практическая художественная школа. В противном случае, Вы не сможете закрепить свое профессиональное мастерство.

Прошу извинить меня за эти отдельные критические замечания, но в искусстве нельзя прожить без критики. Вместе с тем, я повторяю, Ваша работа в целом доставила мне искреннюю радость и я не могу еще раз не поблагодарить Вас.

Желаю Вам дальнейших творческих успехов на Вашем художественном пути и крепко жму Вашу руку.

Ваш *А. Фадеев.*

315. ТОВАРИЩУ ЦЗЯН ТУНУ

12 января 1955 года

Дорогой товарищ Цзян Тун!

Благодарю Вас за такое хорошее письмо, написанное, кстати сказать, отличным русским языком, и за Ваши добрые слова о моих книгах. Прошу простить меня, что отвечаю Вам с некоторым опозданием.

Сейчас я работаю над новым большим романом о наших рабочих, занятых в металлургической промышленности, о молодых и старших поколениях рабочего класса нашей страны. Конечно, дело не обойдется без того, чтобы, кроме людей рабочих, показать в романе и наших крестьян-колхозников, и нашу интеллигенцию. Но главное место в этом романе я отвожу людям, трудовой героизм которых в нашей советской литературе изображен еще далеко не в полной мере.

Роман мой вполне современный: он охватывает период от 1951 года по 1954 год. Но, в связи с судьбами отдельных героев, я хочу показать и прошлое и заглянуть в будущее.

Сейчас я нахожусь приблизительно на половине пути, и, должно быть, в 1955 году мне удастся напечатать первую книгу романа. Вторая же книга, как я предполагаю, отнимет у меня еще два года.

С удовольствием удовлетворяю Вашу просьбу и посылаю Вам свою фотокарточку.

Еще раз благодарю Вас за внимание, желаю Вам успехов в ученье и в работе и крепко жму Вашу руку.

А. Фадеев.

316. С. С. ПИЛЯВСКОЙ

17 января 1955 года

Дорогая Зося!

Ты знаешь, как я горюю, что не могу быть вместе с тобой в этот день, когда многочисленные друзья и почитатели таланта Коли Дорохина отмечают его светлую память.

Человек моего возраста более глубоко и сильно переживает утрату, потому что знает цену правдивых искренних человеческих отношений.

В лице Коли я потерял одного из самых лучших, верных своих друзей и буду чувствовать эту утрату до конца своих дней.

Обнимаю тебя от всего сердца.

Александр Фадеев.

317. В. Л. ВАСИЛЕВСКОЙ

21 января 1955 года

Дорогая Ванда!

Приветствую твой правдивый, взволнованный, подчас жестокий, но глубоко человечный и светлый талант в самом расцвете его сил.

Желаю тебе здоровья и крепко жму твою руку.

Александр Фадеев.

318. В. М. ОЗЕРОВУ

25 января 1955 года

Дорогой Виталий Михайлович!

Увидел по стенограмме, что говорил я слишком длинно и стилистически «негладко». Если учесть, что стенографистка кое-где тоже напутала, получилось нечто сумбурное, трудно поддающееся правке. Вопросы важные, и, если изложить их самостоятельно, невзирая на стенограмму, потребуется слишком много времени, а у меня его нет: пишу роман.

Видно, придется обойтись без моих очередных критических высказываний до более подходящего случая.

Хочу попутно сказать, что зря вы печатаете такие водянистые неконкретные статьи, как статья Гайсарьяна. Претензия «правильная», а написано скучно, стержня никакого нет, поистине «взгляд и нечто». Вот такие статьи и отталкивают публику от критики!

С приветом
Ал. Фадеев.

319. М. Т. ПОСЛЕДОВИЧУ

16 февраля 1955 года

Дорогой Макар Трофимович!

Болезнь помешала мне принять личное участие в обсуждении белорусской прозы последних лет — в Союзе писателей. Это письмо я пишу Вам из больницы.

Я очень внимательно и детально ознакомился с романом Вашим «Свет над Липском». Все мои главные замечания к нему сделаны по тексту: я направляю Вам Вашу же книгу с этими замечаниями. Все, что я скажу Вам в этом письме, является, так сказать, только сгустком того, что более подробно разобрано на полях книги.

Но вначале скажу несколько слов на темы, которые я в своих замечаниях на полях книги не затрагиваю. Конечно, Вы писали роман в 1949—52 годах, и в нем я мог бы отметить: 1. Недостатки, общие колхозным романам того времени, — в том смысле, что подлинные трудности, противоречия и вопиющие изъяны колхозного

строительства тех лет *не отражены* (наряду с тем передовым и хорошим, что и тогда и сегодня должно занимать и занимает в наших романах главное место и что Вы отразили). 2. Некоторые устаревшие взгляды в области сельскохозяйственной науки, свойственные тому времени: например, принятие целиком Вильямса за образец. Впрочем, в вопросе известкования кислых почв и в те годы люди мыслили столь же правильно, как и сегодня, и здесь Вы не ошиблись.

Но я не склонен упрекать Вас за эти недостатки. Вам надо только подумать о том, чтобы при переиздании романа исправить все, что необходимо, — я имею в виду, конечно, второй пункт этих моих замечаний, или в отношении *первого* пункта речь может идти разве лишь о том, чтобы убрать некоторые «приглаживающие» выражения, да, может быть, более резко и выпукло подать некоторые недостатки, Вами уже намеченные (например, в колхозе «Новый путь»).

Но в этих вопросах я просто не имею права Вас «учить»... В Вашем романе прельщает, в первую очередь, Ваше разностороннее знание колхозной жизни и любовь к колхозной жизни. В этом смысле Вы настолько проникли в ее детали, особенно в области сельскохозяйственного производства, что они порой Вас даже... задавили. Большей частью это дано сочно, вкусно, но так все же много этого всего, что читатель (такой, как я, например) не в силах все это освоить, мне это часто кажется уже лишним, повторяющимся. Есть, впрочем, и сухие описания и объяснения. И Вам нужно в этом смысле просто многое сократить. Но учтите, что здесь много и прекрасного.

Большим, бесспорным достижением Вашего романа я считаю то, что Вы дали ряд *жизненно верных и художественно вылепленных* Вами, запоминающихся, вызывающих живые чувства у читателя характеров. Вам прежде всего удался главный герой — Демид Сыч. И очень удался Зеленка. Где-то верно схвачена, хотя и недостаточно развита, Марина Михайловна. И много просто замечательно данных Вами характеров второго и третьего планов: Алена Соболь, Дорофей Песенка, Назар Третюк, Каракулька, Михаил Новицкий. И много хорошо и вовремя найденных эпизодических лиц и прекрасных сцен и картин.

Мой главный упрек Вам в том, что этим замечательным *человеческим* богатством, Вами открытым, Вы

распорядились крайне бесхозяйственно. Во-первых, Вы их окружили чрезмерно большим числом персонажей, среди которых одни и вовсе не нужны, а другие нужны, но Вами не раскрыты (первых надо просто вылавливать по роману, но у меня уже не нашлось на это времени, а ко вторым я отношу Шамана, Антона Васильевича, секретаря райкома Грека и еще некоторых). А во-вторых, Вы не сумели роман построить и организовать вокруг *главных* Ваших героев: он развивается слишком «ровно» по отношению ко всем, даже десятистепенным персонажам (кроме Сыча, который дан все время крупным планом, — образ очень интересный, своеобразный, цельный), как будто Ваша задача состоит в том, чтобы дать просто хронику, течение жизни, а не борение характеров и страстей, бушующих в людях, так, чтобы я, читатель, был втянут в эту кипень и уже не мог из нее выбраться, пока Вы, автор, не отпустите.

Так, например, Вы замечательно в самом уже начале романа нашли сопоставление двух типов колхозных руководителей—Сыча и Зеленку (Зеленка дан прекрасно!), но после того, как Вы заинтересовали читателя их борьбой-соревнованием, Вы стали все больше забывать про Зеленку, а потом и вовсе его покинули, и в отместку за это пропадает интерес у читателя.

Так, например, Вы правильно нащупали сложную линию отношений Сыча и Марины Михайловны, но все время прерываете эту линию десятками гораздо менее важных эпизодов, надолго упускаете из поля внимания эту Вашу *главную* героиню, и интерес читателя пропадает, тем более, что Вы *слишком* скупо изображаете их душевный мир и борения, когда они — Марина и Сыч — изредка встречаются.

Вы тратите уйму времени на разговоры, связанные, например, с работой сельскохозяйственной техники, и очень мало места уделяете отношениям Марины и Качуры. Кроме того, Вы облегчили себе как художнику задачу развенчания Качуры таким элементарно позорным поступком, который он совершил в дни войны, а забываете, что *этим* уже Вы унижаете и Марину: за что же она его когда-то полюбила и как могла, такая умная, своенравная, прожить с ним 3 года (ведь ребенку было 2 года!).

Очень меня огорчило, что, так хорошо владея диалогом — метким, точным, психологическим, — Вы так много

и часто отдаете это самое острое оружие прозаика (не менее острое, чем у драматурга) на разговоры пустые, проходные, описательные (я много подчеркнул таких в тексте).

Вам нужно, дорогой Макар Трофимович, строить любую вещь так, чтобы вся она развивалась на сквозной диалектике отношений главных геров, а весь остальной материал группировался бы возле этих главных. Причем главных героев не обязательно иметь одного или двух — их может быть пять, шесть, но *не* беспредельно много, ибо иначе пропадут коллизии. Вы нашли себе замечательного главного героя — Сыча, но не дали ему для борения или морального соревнования сквозных, так же много места занимающих, как и он, других героев (даже не сумели дать ему героиню для любви, а пустили ее боком), и Ваш замечательный Сыч дробит себя на взаимоотношения буквально с *десятками* людей. Но разве можно заинтересовать читателя, через каждые десять — двадцать страниц преподнося ему очередную встречу или столкновение Сыча все с новыми лицами, тогда как *главные* герои ходят в нетях?

Однако Вы умеете видеть этих героев в жизни и умеете их изображать, и Вы должны уметь за них «бороться», чтобы их не давил второстепенный материал. А этот грех у Вас есть.

Природа у Вас чудесная. Описания ее доставили мне истинное наслаждение.

Вчера, закончив чтение Вашего романа, я взял наушники и вдруг услышал по радио передачу «Павлинки». (Ее передавали по записи.) Было так странно это после того, как я только что закрыл книгу, кончающуюся Павлинкой.

Я с удовольствием прослушал всю «Павлинку» и прошу Вас передать привет чудесным актерам из театра Янки. Особенно хороши старшие. Но и Павлинка хороша, — во всяком случае, на слух. Передайте также Ивану Павловичу Мележу, что я сейчас как раз читаю его роман и на днях разражусь подобным же длинным письмом по его адресу, — я не хочу этим сказать, что напишу ему... то же самое! Но и ему «попадет».

Не обессудьте, дорогой Макар Трофимович, за эту доморощенную критику. Желаю Вам всего самого лучшего

в Вашей литературной работе и сердечно Вас обнимаю. Передайте мой привет и мою любовь всем моим белорусским друзьям.

Ваш *А. Фадеев.*

Еще прослушал по радио часть концерта хора Ширмы. Хор произвел на меня просто чарующее впечатление.

320. И. П. МЕЛЕЖУ

18 февраля 1955 года

Дорогой мой Иван Павлович!

С большим интересом прочел Ваш роман. Думал поначалу, что придется мне писать Вам длинное письмо, но, увлекшись работой редактора и «советчика», я так подробно разобрал Ваш роман на полях книги, что надобность в длинном письме отпала. Тем более что в самом конце я уже сделал нечто вроде «резюме» на 6—7 страницах.

Однако Вы не начинайте с этого «резюме», а просмотрите мои замечания по тексту всей книги.

Я ужасно жалею, что из-за моей болезни мне не удалось с Вами встретиться и лично поговорить. Но именно поэтому я постарался быть в своих замечаниях максимально более конкретным и щедрым и вложил в свою работу и много труда и много любви.

Мне кажется, что есть смысл Вам еще и еще поработать над романом, добиваясь для каждого нового издания все большего совершенства.

Сердечно желаю Вам успеха и всего хорошего в жизни.

Крепко жму руку Вашу.

Ал. Фадеев.

Дорогой Иван Павлович!

Если у Вас хватит настойчивости и характера прочесать эту книгу так, чтобы вымести из нее весь мусор, все лишнее и несколько перестроить главы, идя, главным образом, по той линии, чтобы не перескакивать часто от героя к герою, а на более долгие сроки жизни задерживать в поле внимания читателя главных героев романа (или героинь), — все прекрасные стороны этой книги выступят на первый план и она станет значительным явлением на-

шей литературы. А прекрасного в этой книге много, — главным образом, люди. Вы их знаете, любите, и, *в основе,* они Вам в большинстве случаев удались — одни больше, другие меньше, но удались. Однако цельности их восприятия мешает замусоренность почти каждого из них ненужными, мелкими, внешними подробностями. Почему так выпукло даны, например, Шабуниха или Живица? Потому, что они вылеплены без погружения их в этот мусор жизни, — для создания этих образов Вы взяли только нужный материал. У Вас эпизодические персонажи или персонажи третьего, четвертого планов часто удаются лучше, чем главные (как хороши, например, в своем большинстве танкисты Лагуновича), — и это потому, что у Вас нет времени замусорить их пустяками.

В изображении же, к примеру, Черняховского (который в общем получился живым и видно, что это командующий, и это, в общем, Ваша удача) так много случайного, мусорного, что просто обидно. Освободи Вы его от этой дробной мелочности жизни — он просто засверкает. Это же следует сказать и по отношению к Алексею Лагуновичу, и по отношению к Туровцу. Ему Вы отводите больше места, чем Ермакову, а Ермаков вылеплен более четко, выпукло, чем Туровец. Немного места пришлось Вам уделить мужу Авдотьи, а он остался в памяти как отлитый.

Вы просто обязаны еще и еще поработать над этим романом. Стремитесь — кроме освобождения от мусора — также к тому, чтобы на более или менее длительных отрезках романа действие концентрировалось вокруг тех или иных *главных* героев. Этого легко добиться путем сдвижения вместе глав и подглавок, связанных с данным конкретным героем. Когда Вы одну линию развития слишком часто перемежаете с другими, перебиваете ее посторонними эпизодами, получается та мельтешня, суета, при которой никого хорошенько не удается рассмотреть, никого не успеваешь полюбить, — читатель ненавидит это, ему становится скучно. Разумеется, у Вас в романе немало примеров и правильного, нужного решения—в том смысле, в каком я говорю, — но много и нарушений этого элементарного правила построения большой эпической вещи. Чувствуется, что Вы много работали над своим романом, вложили много любви в людей, о которых написали, но сказался недостаток опыта.

Поработайте же еще над своим романом, чтобы его мог читать и любить *многомиллионный* читатель, а не десятки тысяч. Роман этого стоит.

Ваш *Ал. Фадеев.*

Учтите, что у меня во второй половине романа меньше конкретных замечаний не потому, что в этой, второй половине меньше типичных для Вас недостатков и ошибок, а просто потому, что я уже достаточно высказался на протяжении первой половины романа. Вместе с тем я мог бы и в этой, второй, половине отметить много хорошего, уж во всяком случае, не меньше, чем в первой, но уже не делал этого, т. к. решил, что уже достаточно высказался в этом смысле.

А. Ф.

321. В. Ф. ВОЛЬСКОМУ

19 февраля 1955 года

Дорогой Виталий Фридрихович!

Я получил истинное удовольствие, прослушав по радио композицию по Вашей комедии «Нестерка».

Я очень жалею, что болезнь помешала мне посмотреть Вашу комедию, хотя должен сказать, что и при восприятии только на слух она меня изрядно повеселила и посмешила.

Смех, который она так естественно порождает, сродни тому, который вызывают веселые — с перцем — народные сказки или «Вечера на хуторе близ Диканьки», ибо она, комедия Ваша, очень народна по своей основе.

В то же время она и стилизована немножко, в ней есть уже и некоторая усмешка по отношению к народному примитиву, — в этом смысле она каким-то краем сродни лесковскому «Левше».

Хочу сказать этим, что, при всей народной простоте сюжета, в образе Нестерки есть еще какая-то добрая, чуть хитроватая усмешка по отношению уже и к самой простоте: «Смотрите, мол, как все просто, да мы-то с автором знаем, что это не так-то уж и просто!»

И весь актерский ансамбль чудесен, а Ильинский просто бесподобен,—так жалко, что мог я их только слышать,

а не видеть. Передайте им мою благодарность и привет мой сердечный.

Спасибо и Вам. Крепко жму Вашу руку.

Ал. Фадеев.

322. П. У. БРОВКЕ

19 февраля 1955 года

Дорогой Петр Устинович!

Позавчера слушал выступление по радио — твое, Кучара, Кулешова, Ковалева — и тогда же решил послать вам, друзьям моим белорусам, свой сердечный привет, но сразу не управился, сидел над романом Мележа, которому посылаю сегодня подробный разбор достоинств и недостатков его книги.

Я ужасно сожалею о том, что заболел так *некстати* и не смог принять личного участия в декаде. Главное дело, мне и по радио-то много не дают слушать. Все ж таки мне удалось прослушать хор Ширмы, который произвел на меня очень сильное впечатление, и прослушать «Павлинку» и «Нестерку». Но — боже мой — ни одной оперы, ни одного спектакля на темы современные мне так до сих пор и не удалось хотя бы послушать! Когда еще придется!

А что касается собственно литературы, то упомянутое ваше выступление — единственное, которое дошло до меня. Я с большим удовольствием слышал ваши голоса, а «программа» у вас была маленькая, к сожалению. Все ж таки хорошо было.

Романы Последовича и Мележа я разобрал на совесть и послал им разбор свой.

Если Якуб Колас присутствует на декаде, передай ему, дорогой мой Петрусь, мой самый дружеский привет и поклон и пожелание здоровья.

И всем вам я крепко жму руки, а тебя обнимаю и целую, как родного брата.

Если представится возможность, передай в коллективы театров имени Янки Купалы и имени Якуба Коласа, что обе эти постановки—даже просто на слух— очень мне понравились. А особенно понравилось почему-то самое старшее, могучее поколение актеров и актрис,—возможно, потому, что я сам старею. Глебов и Ильинский бесподобны,

есть в них этакий земляной, узловатый народный корень — в юморе их бесподобном.

Очень жалею, что не увижу на сцене «Поют жаворонки», которые читал еще тогда, когда пьеса выдвигалась на премию. Пользуюсь случаем передать мой сердечный привет Кондрату Крапиве.

Желаю вам всем нового творческого подъема, чтобы писалось с огоньком, с аппетитом!

Всего тебе самого доброго.

Твой *Ал. Фадеев.*

323. Ф. С. ПЕСТРАКУ

21 февраля 1955 года

Дорогой Филипп Семенович!

Закончил вчера вечером чтение Вашего романа «Встретимся на баррикадах» и до сих пор нахожусь под его впечатлением. Не потому, что роман Ваш лишен недостатков, — нет, недостатки есть, подчас и крупные, — но в целом это очень ясное, чистое произведение большой воспитательной и познавательной силы, — в этом смысле я, помимо всего прочего, прочел его с пользой для себя: многое узнал, что было известно глухо и внешне, — *изнутри.* А главное достоинство романа в том, что в нем даны замечательные образы людей из народа (таких, например, как отец Андрея) и людей, беззаветно борющихся за народную свободу и счастье, людей, порожденных тем же народом, — Андрей, Надя (Ольга) и многие другие.

Мне нет надобности в этом письме подробно говорить о достоинствах и недостатках книги,—я делаю это в своих замечаниях на полях (книгу — оба тома — при этом прилагаю). Скажу лишь несколько слов о форме романа. Такие романы, как Ваш, обычно называют «романом-хроникой», поскольку исторические события в нем излагаются в последовательности того, как они происходили (это не исключает, разумеется, художественного вымысла), — события не объединены какой-либо специальной фабулой. С другой стороны, это «роман-биография», поскольку в центре его находится, так сказать, сквозной «лирический»

герой, которого мы не должны отождествлять с автором, но все же должны помнить, что через него и людей, его окружающих, высказано немало пережитого самим автором. Таким образом, это одновременно роман-хроника и роман-биография. Для исторической хроники в нем не хватает подлинных исторических деятелей, больших или малых, со своими фамилиями и реальными действиями, но за вымышленными персонажами мы чувствуем подлинную политическую борьбу того времени в Западной Белоруссии и в Польше, события, данные преимущественно глазами самого автора в процессе его развития в те годы. Эта форма имеет те преимущества перед многими другими, что она дает автору полную свободу выбора событий и людей, какие он хочет и считает нужным нам показать. Однако в этой форме таятся и свои опасности: она должна естественно литься, наполняясь все большей глубиной и шириной, как река от истока до устья. При кажущейся свободе — форма эта не позволяет «растекаться мыслию по древу», она не терпит, как и всякая другая, мелких, дробных, лишних подробностей. Мало того: раз автор уже выбрал эту форму, он не имеет права на искусственную «беллетризацию». Независимо от того, сколько автор допустил художественного вымысла наряду с подлинными событиями, мы должны верить, что *так, именно так оно и было в жизни.*

Вот эту форму романа-хроники и одновременно романа-биографии Вы, должно быть, не сразу определили и сами для себя. Полностью форма эта определилась только ко второму тому. Поэтому для меня — при всем том, что в первом томе много прекрасно данных Вами людей (конечно, не все даны так), что в нем много динамичных событий (однако не все события даны динамично), — для меня первый том менее интересен, чем второй. Первый том Вы начинаете развертывать так, как развертывается обычный роман: экспозируете главного героя Андрея, затем семью Андрея (она Вам очень удалась), затем среду, в которой герой и его семья вращаются, — тетка Татьяна, Демьян Горегляд, помещик Ельский, кузнец Михаил с сыновьями, портной Абрам с семьей. Читатель ждет, что дальше фабула будет развиваться на основе взаимоотношений, сопоставлений и столкновений в этой среде с постепенным привлечением и других персонажей. Но нет: Вы вдруг оставляете всю эту среду и переносите героя

в совсем новую среду — рабочих лесопильного завода и экспозируете новых друзей Андрея (вся эта симпатичная компания в основном тоже хорошо удалась Вам и политически и художественно). «Ага, — думает читатель, — ведь роман велик, автор экспозирует нам новых геров, чтобы переплести их судьбы с теми, кого он уже показал, — что ж, будем ждать». И правда, мы успеваем полюбить этих новых героев. Но подобно тому, как персонажи, экспозированные в «разделе первом» (первой части), потом уже (до самого второго тома!) возникают на страницах только эпизодически, а не сюжетно связанными, подобно этому и персонажи, экспозированные в «разделе втором», тоже постепенно рассыпаются и все реже, все раздельней, т. е. тоже *эпизодически,* возникают на страницах романа. А вместо них появляются новые и новые герои и персонажи. Среди них тоже есть очень удачно решенные, — например, Степан Коваль, Апанас Хмель (Поддубный воспринимается только как выразитель политического мировоззрения, а не как живой человек), но мы все ждем, когда же развернется сюжет, ищем фабульные нити. Наконец появляется героиня Ольга (впоследствии она же — Надя). «Ага, — думает читатель, — вот теперь-то найдена фабульная основа»,—но нет, героиня вскоре тоже надолго исчезает. Почему мы долго не можем догадаться, что наши претензии напрасны, что это роман-хроника и роман-биография, а не обычный фабульный роман? Во-первых, потому, что в первом томе нет естественного «течения реки», люди не группируются компактно на более или менее длинных отрезках времени, а автор перескакивает от одних к другим, от других к третьим, и мы ищем в этом невольно какой-то сюжетный замысел. Во-вторых, автор стремится почти все беллетризировать, он даже политические события и факты излагает не от себя, а через диалоги, и мы тоже ищем в этом попытку все связать единой фабулой, ибо диалог — это наиболее острая форма человеческих взаимоотношений в романе, а фабула строится на взаимоотношениях людей. И вот мы все время ищем ее, ловим, а ее нет, и мы уже совсем готовы разочароваться, но потом роман начинает течь ровнее, свободней, — люди, совсем было затерявшиеся, наконец снова находятся и занимают свое место в романе (правда, далеко не все). А во втором томе роман окончательно обретает свою форму и уже катится, как река. (Правда, и во вто-

ром томе, как и в первом, чувствуется общая излишняя растянутость романа. Я не рискую сказать Вам, какие из эпизодов, может быть, и вовсе не нужны. Но я чувствую, что роман затянут, — по наличию в нем лишних фраз-пояснений, по излишествам в диалогах, просто, наконец, из-за того, что о вещах, о которых можно сказать короче, рассказывается подчас длинно.) Я, разумеется, не зачеркиваю первого тома, а просто вижу в нем больше недостатков, чем во втором.

Мир врагов и политических противников раскрыт Вами *политически* верно и разнообразно, а в художественном отношении несколько схематично и однолинейно (хотя бытовые подробности — там, где речь идет о людях того лагеря, — даны верно, со знанием дела). Исключение представляет кулак Микита, который дан, особенно во второй части, колоритно и со своим особенным «мировоззрением».

Очень удался Вам образ Оли-Нади. В нашей советской литературе на всех языках, включая русский, мало женских образов интеллектуального склада, товарищей по борьбе и по взглядам. Замечательную русскую традицию — Некрасова, Тургенева, Горького — в изображении женщин этой складки наша литература в значительной мере утратила. И вот Вам чрезвычайно удался образ Оли-Нади (она же и Ирина). Любовь Андрея и Нади — чистая, на этой высокой основе человеческих отношений, и в то же время земная — окрашивает эти страницы романа чудесной лирической акварелью, так оттеняющей суровость борьбы, в которой оба участвуют. Вы как художник делаете ошибку, когда надолго Ваша Надя исчезает со страниц романа.

Все остальное — и «похвальное» и «критическое» — я высказал на полях романа. Дорогой Филипп Семенович, Вы опытный литератор старшего поколения, и я счел возможным сделать Вам все эти свои замечания, только исходя из того, что все мы учимся и будем учиться друг у друга до самой смерти. А от романа в целом у меня осталось очень светлое чувство.

Крепко жму Вашу руку и обнимаю Вас.

Ал. Фадеев.

324. В. М. ИНБЕР

24 февраля 1955 года

Дорогая Вера!

Книжечка «Как я была маленькая» доставила мне истинное удовольствие. Она написана прелестно. Язык необыкновенно простой, прозрачный, точный. Весь конкретный мир природы, вещей, кукол, одежд, животных, птиц выступает как мир абсолютно материальный, зримый, красочный. Дети и взрослые индивидуализированы вполне в духе того восприятия, какое свойственно детскому возрасту. Здесь есть большие удачи и в изображении лиц эпизодических, как, например, Дарьюшка, Сусанна Ипполитовна, Устинька. А вообще говоря, нет в книге людей, которых не увидел и не почувствовал бы даже такой «солидный» читатель, как я.

Книга хороша тем, что ей абсолютно веришь, в ней нет ни одной детали, ни одного эпизода, о которых можно было бы сказать: «Не удалось» или «Удалось хуже». Это справедливо, когда речь идет не только о детских шалостях и капризах или о конкретном мире вещей, окружающих детей, — это, в конце концов, не так трудно для человека, имеющего за плечами десятки лет литературной работы,— но справедливо и по отношению к таким сложным для решения задачам, как показ детской психологии в разных тонких ситуациях или нюансов в отношениях взрослых к детям(и между собой), доступных пониманию маленького читателя. В тех местах, где ты решаешь по-своему задачу трудового воспитания («Пуговица на ножке» и другие), ты счастливо избежала дидактизма и скуки — все это воспринимается легко, весело и — запоминается. С такой же естественной простотой и свободой вводишь ты в книгу различные сведения научного характера, они не со стороны приходят, а являются необходимым, законным элементом того мира, в котором дети живут.

Есть, однако, одна существенная сторона жизни общества того времени, которая освещена тобой в книге недостаточно и которая, с моей точки зрения, необходима в книге даже для самых маленьких. В сущности говоря, во всей книге есть только два эпизода, которые отличают жизнь маленькой Веры в условиях того общества от *той* жизни, какой она жила бы в условиях *нашего* общества: это «Чашка шоколада» и «Настанет день». Оба этих эпи-

зода вполне тебе удались. Но их — мало. У тебя есть еще возможность для того, чтобы показать социальное неравенство, *бедность* — то, что так поражало наше детское воображение в условиях старого времени, независимо даже от оттенков той социальной среды, к какой мы сами принадлежали. Вспомни, как потрясали всегда воображение и наводили на разные мысли *нищие*. Как задерживалось внимание на обстановке мастерской, на одежде, на характере самого труда, когда приходилось сталкиваться с разного рода ремесленниками—сапожниками, портными и пр. Конечно, не нужно, чтобы в твоей книге было бы этого слишком много, — нет, детство Веры протекало в трудовой интеллигентной семье, это было раннее детство, и нужно, чтобы на всей книге по-прежнему лежал солнечный свет, мироощущение, приемлющее жизнь. Но у тебя так много возможностей дать представление и об этой стороне жизни — и в связи с поездкой к бабушке в деревню, и в связи с Устинькой, и в связи с мастером, который лечит куклы и т. д. Разумеется, это стоит сделать только в том случае, если, оглянувшись на реальное свое детство, ты вспомнишь переживания этого рода и сможешь ввести их органически, — в противном случае не стоит портить цельную и светлую книжку. Это не непременное «идеологическое» требование или условие, это — тот необходимый социально-художественный элемент, введение которого только еще подымет и обогатит твою чудесную книгу.

Мне очень понравились иллюстрации. Маленькая Вера дана так, что именно такой тебя себе и представляешь. Спасибо тебе за книжку....

Саша.

P. S. Всю книжку пронизывает юмор — тонкий, милый, не назойливый.

325. Б. С. РЮРИКОВУ И В. М. ОЗЕРОВУ

25 февраля 1955 года

Дорогие Борис Сергеевич и Виталий Михайлович!

Из-за сердечной аритмии, уложившей меня в больницу в начале февраля, мне временно запрещено заниматься литературными делами. По мере возможности я, конечно,

нарушаю это предписание, однако «Литературную газету» мне здесь не дают, и я не читал ее весь февраль месяц. Может быть, то, о чем я хочу напомнить, — мы говорили об этом с Виталием Михайловичем, — уже осуществлено, тогда не обессудьте.

Речь идет о том, чтобы выступить в газете с хорошей статьей о Вере Инбер. Поводов к тому два: вышел двухтомник избранной поэзии и прозы ее, и вышла ее совершенно новая детская книжка для дошкольников «Как я была маленькая».

Почему следовало бы о ней сказать несколько настоящих слов? Потому что она хороший поэт и хороший прозаик, и читатель нас только поблагодарит за умную статью о ней. А лично она осталась после съезда обиженной, и эту обиду, совершенно случайную, как у нас это бывает, надо снять....

На критическом совещании, которое было при «Литгазете» в январе, она услышала о том, что будет статья о ее двухтомнике, и немножко окрылилась. Однако она уже немолода, словам не верит и уже через некоторое время написала мне письмо о том, как ей обидно: «...она все-таки забыта и как писатель и как деятель...»

Надо выступить!

Я думаю, мы сделаем этим правильное, хорошее дело! Надо выступить и о двухтомнике, и об этой книжке.

Крепко жму руку.

А. Фадеев.

326. А. Л. БАРТО

6 марта 1955 года

Дорогая Агния!

....Нужно ли говорить, сколько радости и пользы принесла ты детям нашей страны и просто нашим детям творчеством своим, полным любви к жизни, ясным, солнечным, мужественным, добрым!

Это уже никогда не пропадет; это живет в людях, которые были вчера детьми; это будет вечно питать поколе-

ния и поколения ребят, когда нас с тобой уже и не будет на свете. Как хорошо, однако, что мы еще поживем на этой земле!

Крепко, крепко жму твою руку.

Твой *Ал. Фадеев.*

327. В. Ф. ПАНОВОЙ

19 марта 1955 года

Дорогая Вера Федоровна!

Поздравляю Вас от всей души. Всегда с радостью вспоминаю, что мы начинали наш литературный путь вместе. Пример Вашего творчества показывает, как много может дать талант в соединении с трудом. Сейчас Ваш талант в расцвете, и Вы еще много дадите народу и всем нам — друзьям Вашим.

Крепко жму Вашу руку.

Александр Фадеев.

328. М. Ф. РЫЛЬСКОМУ

20 марта 1955 года

Дорогой Максим Фаддеевич!

От всей души поздравляю Вас, выдающегося поэта нашей советской Родины и учителя поэтической молодежи, с Вашим славным шестидесятилетием.

Вы принадлежите к той изумительной плеяде поэтов, которым довелось первым выразить чувства людей нового социалистического общества. Один из зачинателей, Вы пронесли эту поэзию нового исторического содержания до наших дней.

Ваш прекрасный талант, выросший на родной почве Украины — ее народа, ее языка, ее поэзии, — воспринял лучшие классические традиции поэзии мировой, и в первую очередь русской, и выдвинул Вас в ряды лучших поэтов нашей советской отчизны. Этот Ваш патриотический талант — в расцвете, и Вы еще так много дадите советским людям.

Человек редкостного обаяния — того обаяния, которое придает художнику человеколюбие и простота, — Вы поэт

и в жизни. Таким мы Вас знаем на протяжении десятков лет и любим, как песню, вылившуюся из души народной. Живите же и творите на счастье наше и поколений будущих!

Сердечно обнимаю Вас, добрый старый друг.

Ваш *Ал. Фадеев.*

329. Г. М. КОЗИНЦЕВУ

21 марта 1955 года

Дорогой Григорий Михайлович!

Крепко жму Вашу руку и поздравляю Вас. Ваше имя — по справедливости — должно быть отнесено к числу тех славных имен, которые создали советскую художественную кинематографию.

У людей моего поколения лучшие светлые переживания, вызванные искусством кино, связаны с Вашей творческой деятельностью.

Желаю Вам подлинной творческой радости.

Александр Фадеев.

330. Э. И. ШУБ

28 марта 1955 года

Дорогая моя Эсфирь!

Итак, мы живем с тобой в разных больницах и, к сожалению, что-то немножко долго. Откровенно говоря, я не представлял себе, что так надолго тебя задержат (а уже о себе я и не говорю: зажился в этой золотой клетке!).

Ты, конечно, знаешь, что я регулярно справляюсь о тебе у Ани и очень переживаю все твои невзгоды. Однако борись и не сдавайся, — летом, в санатории, тебе будет лучше: сможешь опять писать, будешь видеть хороших людей, любящих тебя, увидишь траву, и небо, и листья деревьев, и многое другое, чистое и хорошее. К хорошим людям, любящим тебя, я, разумеется, отношу и себя. И я очень по тебе соскучился.

Я заболел 3 февраля, а 9-го попал в больницу. У меня началась сердечная аритмия, бравурный сердечный раз-

нобой, похожий на современную музыку. Теперь это все уже давно позади, и я вновь живу в мире мелодий. Меня давно уже выписали бы, если бы было место в санатории. А выпускать непосредственно домой не хотят. Кажется, на днях место это освободится, и я буду в «Барвихе».

Разумеется, я давно уже пишу в этой чудной скучной изоляции, пишу понемногу и, кажется, успешно. И читаю. Я часто думаю о том: разрешают ли тебе читать? Если да, все-таки это великая отдушина. Попроси, чтобы тебе достали «Самостоятельные люди» Халлдора Лакснесса. Это большой, настоящий писатель. Исландская деревня, люди, природа предстают исполненные поэзии, тем более поразительной в мрачной безысходности жизни. Среди западных современников трудно найти ему равного в литературе. И он очень скандинавский. Днем я пишу, а вечером читаю. Читаю Стендаля, Лондона, Фаста, дореволюционного Сергеева-Ценского, Ибсена («Пер Гюнт»). Не смог дочитать Андре Стиля — хорошо, но скучно — и не осилил «Седьмой крест» Зегерс: уж очень тяжело. Конечно, я прочел добрую половину белорусской прозы во время декады и отрецензировал ее из больницы. Вообще я здесь завален рукописями и деловой почтой, — живу по расписанию, чтобы все успеть. Но иногда ленюсь и вот тогда раздумываю о людях, о жизни и часто грущу. Не могу не согласиться с чудным замечанием Стендаля: «Люди, имеющие врага в лице собственного воображения, перед предстоящим им трудным делом должны много работать, а не размышлять». В конце концов самое нужное для других и самое счастливое для себя, что мы с тобой можем делать, — это писать. И ты должна проявить всю свою духовную силу, чтобы закончить книгу.

Сейчас я читаю «Искусство актрисы» Пашенной, — это ее жизнь в искусстве. Как это интересно и как это нужно! И я часто думаю о том, что мир твоей жизни неизмеримо более широк, — насколько же нужнее людям то, что ты имеешь возможность им рассказать, и как ты недооцениваешь себя!

Поправляйся же, милая хорошая Эсфирь, нежно целую тебя.

Твой *А.*

Буду писать тебе, пока нет возможности увидеться.

331. В. В. ИВАНОВУ

<Март 1955 года>

Дорогой Всеволод Вячеславович!

Крепко жму твою руку в день твоего шестидесятилетия. Ты принадлежишь к тому поколению писателей, на долю которого выпала честь и счастье — сказать первые слова о том, что принесла людям Октябрьская революция.

Никому не было известно, какими словами можно выразить в искусстве этот невиданный переворот в жизни, в быту, в сознании людей. Да и, казалось, возможно ли выразить это вот так, сразу, на другой день, еще почти в огне схватки?

И ты сказал эти первые слова, сказал о том, что было тобой пережито, сказал по-своему, так, как сказалось. И «Партизаны», «Бронепоезд 14-69» стали классическими явлениями советской прозы.

В одном из лучших своих художественных творений более позднего времени — «Встречи с Максимом Горьким» — ты чудесно рассказал о том, как великий Горький уже в то время бережно и любовно отметил и недостатки в этих твоих первых произведениях.

Но мы, люди еще более молодые, чем ты и твои ровесники, не видели в этих произведениях решительно никаких недостатков. Мы еще только собирались тогда написать о пережитом и сомневались в своих силах. И вот оказалось, что это возможно, да еще как возможно — со свободой почти головокружительной!

Студент того легендарного времени — я ходил из комнаты в комнату по общежитию и читал вслух Всеволода Иванова очень звонким голосом. Помимо всего прочего, это оказалось и выгодным во времена, когда студенческий паек состоял в основном из ржавой селедки. Упоенные, как и я, слушатели и слушательницы родом из деревни охотно делились со мной хлебом и салом.

В наши дни, когда вполне справедливо и с пользой для литературы пишут о влияниях тех или иных классиков на нашего брата, напрасно забывают о преемственности поколений советских писателей. Но мы-то не Иваны, не помнящие родства! Да, мы учились у первых советских писателей, предшествовавших нам, — мы вас любили, увлекались, зачитывались вами. Я мог бы сказать, что вы

проторили нам дорогу, если бы это не была дорога в небо.

Ученье молодого писателя у писателя более старшего — это не школьное учение, оно проходит в борении. И это прекрасно, когда это — чисто, принципиально, лишено побочных соображений, осенено возвышенным отношением к литературе нового общества.

И сегодня, благодарный и счастливый, я обнимаю тебя, как одного из первых своих учителей.

Как у всякого настоящего художника, у тебя свой путь в литературе, и он по-прежнему идет ввысь.

В многообразии форм социалистического реализма романтическая форма не только законна, она нужна как воздух. Я говорю здесь не только о революционной романтике, как одной из существенных сторон социалистического реализма, — я говорю именно о романтической форме выражения правды жизни. Эта форма особенно трудна в прозе, но она, эта форма, подсильна нам, — тем более что имеет таких могучих предшественников в русской прозе, как Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Горький.

Идя этим чудесным и трудным путем, ты обращаешься то к истории, то к современности. На этом пути у тебя есть замечательные победы — такие, например, как «Пархоменко» или «Ломоносов», который еще недооценен, а на самом деле является произведением редкостной поэтичности, — есть, разумеется, и свои поражения. И если я возьму на себя смелость пожелать тебе что-нибудь сегодня, когда твой талант в расцвете, — это чаще обращать взор свой именно к современности, то есть к тому, с чего ты начал свой славный путь в жизни и в литературе.

Этого жадно ждет от тебя твой читатель — друг.

Будь же здоров, могуч, весел, дорогой Всеволод, все свои остальные 60 лет!

Твой *Ал. Фадеев.*

332. С. М. НЕЛЬС

2 апреля 1955 года

Уважаемая Софья Марковна!

Я прочитал Вашу работу о Шекспире и нахожу ее очень интересной и подлинно научной работой, плодом настоящего большого труда.

Разумеется, мое прочтение было беглым, как я Вас и предупреждал, из-за недостатка времени. Я допускаю, что в работе имеются частности, нуждающиеся в поправках. Но общее направление мне кажется правильным, в работе этой есть глубина исследования и притом — по целине.

Я сделаю все, чтобы работа увидела свет. Напишу в ЦК, в отдел искусств, напишу Северину в издательство «Искусство», напишу Маркову в «Академию».

У меня между больницей и санаторием оказалось всего несколько часов, — выписка моя из больницы выпала на субботу, и я не смог дозвониться ни до Рюрикова, ни до Озерова. Придется мне им написать о Вас, чтобы они использовали Ваши знания и опыт в газете.

Желаю Вам здоровья.

А. Фадеев.

333. В ГЛАВНУЮ ВОЕННУЮ ПРОКУРАТУРУ

2 апреля 1955 года

Ко мне обратилась Л. Е. Сидоренко с просьбой ускорить вопрос о рассмотрении дела ее мужа Апряткина Ивана Семеновича.

Я знал Апряткина в период учебы в Московской Горной академии и некоторое время позже, а именно с 1921 по 1927 год.

Я знал Апряткина довольно близко и как один из руководителей партийной организации Московской Горной академии, и как человек, живший с Апряткиным в одном общежитии, а с 1924 г., когда я ушел из академии на партийную работу, продолжавший поддерживать с ним товарищескую связь.

И. Апряткин был активным борцом за линию партии в период борьбы с троцкистами и правыми, был идейно целеустремленным человеком в своей учебе и был настолько честным и чистым человеком во всех отношениях, что трудно себе представить, чтобы он впоследствии вступил на путь враждебный. Как мне сказала Л. Е. Сидоренко, дело И. Апряткина находится у Вас на рассмотрении. Я думаю, что в прояснении личности Апряткина Вам может дать ценные сведения и И. Ф. Тевосян, теперешний заме-

ститель Председателя Совета Министров СССР. Он еще лучше, чем я, знал И. Апряткина не только по Горной академии, но и на последующей работе в металлургии.

А. Фадеев.

334. С. Г. ПАШКОВСКОМУ

11 апреля 1955 года

Дорогой и милый Степан Гаврилович!

....Итак, Вам стукнет завтра 70 лет. Поздравляю Вас от всего своего сердца. Чем старше я становлюсь, тем больше осознаю, как много Вы сделали для меня в ту самую чудную и самую ответственную пору, когда глубоко укрытое зернышко таланта может либо дать свои ростки, либо заглохнуть. Я — прозаик, но благодаря Вам полюбил поэзию, но проза, по Белинскому, — это тоже поэзия.

Будьте таким же могучим, принципиальным, жизнелюбивым и деятельным все свои остальные 80 лет, ибо по данным науки — человеку положено жить, по крайней мере, полтораста.

Сердечно обнимаю Вас и целую.

Горячий привет всей Вашей семье.

Ваш *Ал. Фадеев.*

335. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

15 апреля 1955 года

Милая моя Ася!

Спасибо тебе за письма, — я их все получаю, и нужно ли говорить, какую они мне доставляют радость? Помимо всего прочего, они еще являются для меня совершенно естественным и непринужденным источником познания дум и чаяний, повседневных дел и быта хорошей незаурядной советской учительницы. Вся эта сторона твоей жизни, забирающая у тебя бóльшую часть времени и значительную часть твоей души, всегда мне бесконечно интересна, и думаю, что я здесь научился, благодаря тебе, многое лучше видеть и понимать.

Моя жизнь стала несколько полегче, т. к. я несу по Союзу писателей не главную функцию теперь, а одну из многих. Но легче стало только в смысле бóльшей возможности маневрировать своим временем и в смысле ответственности (в формальном ее понимании). По существу же, как литератор, много лет работающий в Союзе, литератор с большим опытом, «известный» к тому же широким слоям народа, я по-прежнему несу свою ответственность за дело литературы и по-прежнему обременен большими и малыми заботами. Все, что связано с остальными моими обязанностями, особенно по всемирному движению сторонников мира, лежит на мне по-прежнему. Если учесть, что теперь я много пишу и что роман мой оказался много труднее, чем я думал, и движется медленнее, чем я предполагал (не от недостатка усилий с моей стороны, а от необходимости десятки раз все переделывать и переписывать), — если учесть это, я, конечно, остался по-прежнему очень несвободным, переобремененным заботами и очень зависимым от обстоятельств человеком, «человеком-учреждением».

Письмо, обещанное тебе в телеграмме, задержалось, однако, не из-за перегруженности, а из-за болезни. Меня стали преследовать приступы сердечной аритмии, вызванные не столько органическими изменениями в сердечной области, — они в общем более или менее «нормальны» по моему возрасту, — а переутомлением нервного порядка. В известном смысле, сердце мое оказалось даже лучше, чем это раньше предполагали. Но нервная система истощена, и это отражается на сердце. Мне пришлось снова полежать в больнице, и я поправился. Сейчас у меня наступило время относительного отдыха. Во время своей болезни я дочитал роман Левы и, как только получил возможность писать, направил ему, то есть Леве, свой отзыв, а также направил роман в издательство «Молодая гвардия» с предложением установить контакт с автором и помочь ему доработать роман. Лева несомненно одарен в литературно-художественном отношении. Но у него нет никакой культуры письма, чувствуются даже недостатки, оставшиеся от средней школы (в области языка, даже грамматики), и отсутствие специальной литературной «тренировки». Если бы он еще совсем молодым начал квалифицироваться как писатель, работая над собой систематически (что не означало бы необходимости профессиона-

лизироваться в еще раннем возрасте, — это можно и нужно было совмещать, как делал, например, я до 25 лет и как делали многие литераторы моего поколения), — он мог бы выработаться в хорошего писателя. Это еще не поздно и сейчас, но требует от него большой самодисциплины: надо ежедневно понемногу работать над собой и — всесторонне учиться.

Если издательство согласится, эту конкретную вещь Лева мог бы доработать с помощью хорошего редактора. Но для этого ему, Леве, необходимо провести свой отпуск в Москве, и, может быть, с моей помощью этот отпуск удалось бы немного продлить.

У меня есть одно предложение к тебе. Хотя наши московские встречи бывают и не очень удачны, но, как говорится, «год на год не приходится», а главное, все-таки ты имеешь возможность здесь и отдохнуть, и посмотреть кое-что, и вообще «встряхнуться». Может быть, у тебя была бы возможность поехать с Левой? (Его семья и он всегда могли бы остановиться у нас на городской квартире, которая летом почти пустует, — живет одна работница.)

Правда, мое лето складывается несколько неудачно для того, чтобы мы могли чаще видеться. Весь май я буду в поездках. Июнь я буду в Москве бо́льшей частью, но будет одна поездка — дней на 10 (вместе с дорогой). Все же это наиболее «московский» месяц у меня. Весь июль и половину августа я буду жить с семьей на даче на Рижском взморье — вызвано это продолжающимся ревмокардитом у младшего сына. Он опять в детском санатории до июня включительно, а потом ему рекомендовано Рижское взморье. В течение этих полутора месяцев я буду в Москве только наездом, по делам, со второй половины августа буду опять в Москве. Вот при этом моем распорядке я все же рекомендую тебе подлечиться и отдохнуть в подмосковном санатории. Если это тебе улыбнется, ты дай мне телеграмму с заблаговременным уведомлением, какое время тебе наиболее подходяще, и срочно вышли курортную карту, — я все тебе организую.

До свидания, мой дорогой, мой добрый друг, сердечно тебя обнимаю и целую. Передай привет своей маме.

Саша.

336. Б. С. РЮРИКОВУ И В. М. ОЗЕРОВУ

<До 18 апреля 1955 года>

Дорогие Борис Сергеевич и Виталий Михайлович!

Сообщите мне в Барвиху, в каком положении сбор материалов и прочей «аппаратуры» к моей предполагаемой статье «Литературные заметки».

18—19 апреля в партгруппе прозы в Союзе писателей (очевидно, вместе с беспартийными) творческая конференция о прозе 1954—1955 годов и, если бы у меня все было на руках — книги, цитаты, соответствующие статьи и пр. (расшифрованную стенограмму беседы я имею), я мог бы выступить на этой конференции со связным, развернутым словом, а потом превратить его в статью. Мне нужны некоторые книги, статьи — наших современных писателей и критиков и ряда классических, в общем тех, что я называл во время нашей беседы, — нужны как можно более срочно, чтобы у меня было время подготовиться. Если кто-нибудь пытался привести мою стенограмму *(две* стенограммы — одну, еще январскую, я прошу мне *тоже прислать*) в «христианский» вид, хотел бы я иметь и этот, немножко подструганный экземпляр.

Все это можно прислать мне на неделе, в любой день, в Барвиху и передать через комендатуру или лично, в любой час, — я живу в первом этаже, комн. 46.

С приветом сердечным

Ал. Фадеев.

Очень меня огорчает, что «Литгазета» не поправляет ни статьи «Школы в науке», ни статьи В. Смирновой. Получается, что в важнейших вопросах — линии нет. Статья В. Озерова была хорошей.

А. Ф.

337. Э. И. ШУБ

21 апреля 1955 года

Как огорчило меня второе твое письмо, огорчило, конечно, не потому, что ты поделилась со мной своим состоянием, — нет, ты всегда пиши мне правду о своем здоровье, а главное, не сдерживай себя, свои желания, когда чув-

ствуешь потребность поделиться со мной даже самым тяжелым, — огорчило по существу. Мне грустно, что я не могу быть с тобой и не могу помочь, или, по крайней мере, хоть облегчить душу твою. Могу тебе сказать только, что все это время больные сердцем (и здесь, в санатории, и в городе, — сужу по Довженко, который последние недели все больше лежит) страдают как-то особенно из-за поздней мокрой, влажной весны, необычного давления. Первое время, пока я не окреп, это даже на мне отражалось. Окружают же меня более тяжелые больные именно этого типа. Врачи — вместе с ними — жаждут более сносной погоды и обещают улучшение, когда наступят солнечные дни. Хочу верить, что и тебе станет лучше. Тогда переселишься домой, а потом — в санаторий. Сейчас же, как ни противно, надо, по-моему, еще некоторое время побыть в больнице, где есть врачебная помощь и специальный медицинский уход. Да уж недолго, потерпи. Будет тебе и солнце, и увидимся скоро. Я выйду из санатория не позже 10 мая. Если судьба сулит увидеться нам еще в больнице, черт с ней, не все ли равно! — я, конечно, зайду, предварительно согласовав это с тобой через Аню. А все может быть, что увидимся уже в твоей мансарде, которая, наверно, после долгой разлуки и тебе кажется чудесной. Да ведь она чудесная и на самом деле.

Я пишу сейчас меньше, чем раньше (но не хуже!), — меньше, потому что во мне так и бродит весеннее бродяжье настроение — тянет в лес, на реку (здесь Москва-река, она вот-вот тронется), — хочется куда-то плыть, петь, стрелять. Хочется поскорей увидеть тебя и немного повеселиться. (Чудно, конечно, было бы пображничать в хорошей мужской компании.) Но все это, в общем, мне тоже недоступно, и я просто больше гуляю. Даже читать стал меньше, а спать — больше. Я, конечно, не жалею об этом. В двадцатых числах мая придется ехать в Хельсинки, где мне предстоят тяжелые дни и ночи. Как я не люблю эти поездки! Попадаешь в чудесные новые места, но ничего решительно не видишь, а целые дни и ночи заседаешь, совещаешься, споришь, согласовываешь несогласуемое, и все с одними и теми же людьми, обкуриваемый сладким дымом сигарет.

Друг мой, ты не пиши мне, когда это тебе физически трудно, но пиши всегда и обо всем, когда хочется и есть силы. Не поддавайся мрачным настроениям и вообще не

сдавайся. Ты человек не фаустовского типа, а просто очень хороший и милый мне человек, — так уж ты «постарайся»!

Сердечно тебя обнимаю и целую руки твои.

Саша.

338. В. А. УКОЛОВУ

25 апреля 1955 года

Дорогой Володя!

Не могу тебе передать, как я был рад твоему письму. Сразу-таки повеяло на меня нашей молодостью, — я точно очутился на миг на Старомонетном, 33.

Но болезнь помешала мне откликнуться немедленно: в начале февраля у меня начались приступы сердечной аритмии, и я более чем полтора месяца пролежал в больнице и вот заканчиваю свой срок в санатории. Сейчас я снова чувствую себя вполне здоровым.

Да, наша встреча в Магнитке в 32 г. очень ярко сохранилась в моей памяти! Ведь я приехал на эту гигантскую стройку после того, как недели полторы провел на Белорецком заводе — должно быть, таком же старом уральском заводе, как и твоя Черная Холуница. И этот наглядный путь нашей советской металлургии, собственно, и породил зародыш замысла, который я пытаюсь сейчас осуществить, — правда, на материале уже современном, но с большой оглядкой на прошлое.

Мне еще придется много и долго работать, — роман задуман «толстый». И предложение твое погостить на Черной Холунице пришлось мне по душе: я могу совместить там приятное (я действительно заядлый охотник) с полезным (ознакомиться со старинным и теперь, должно быть, реконструированным уральским заводом, да еще под руководством такого доброго старого и милого товарища, как ты).

Смогу же я это сделать, вернее всего, где-нибудь во второй половине августа или сентябре этого года. Правда, в конце мая, начале июня МХАТ будет гастролировать в Молотове, и там будет находиться моя жена Ангелина Осиповна Степанова, и я имею намерение навестить ее. Но боюсь, что как раз в это время я буду довольно сильно загружен и замысел мой может сорваться. И уж тем более не найдется времени заскочить на Черную Холуницу (мне

безумно нравится это название, и я с удовольствием повторяю его).

Из наших старых друзей я — хотя и не очень часто — встречаю Тевосяна, Васю Емельянова, Лиду Сидоренко (между прочим, дело ее мужа Вани Апряткина пошло на реабилитацию), Елену Базжину (ты ее, наверно, лучше помнишь как Осипову, — она тоже полностью реабилитирована), Шуру Андрееву (теперь Виноградову), Ивана Красных, Николая Блохина, Галину Михайлову, Агаркова (он бывший рабфаковец, металлург, теперь на Магнитке).

Новое издание «Молодой гвардии» я тебе посылаю. А новый роман — первая книга, — может быть, только к концу года появится в журнале.

Крепко жму твою руку, дорогой Володя, сердечный привет всей твоей семье.

Твой *Александр*.

339. К. БАХАДУРУ

27 апреля 1955 года

Дорогой друг!

Вы не можете себе представить, какой отзвук в нашем сердце получает каждое известие о том, что представители великого индийского народа, его интеллигенции проявляют интерес к русской классике, этой национальной гордости нашего народа, и к современной советской литературе, в которой мы стремимся отобразить нашу жизнь.

Со своей стороны могу сказать, что в наши дни, как никогда, возрос интерес советских людей к индийской культуре, старой и современной, к кино, литературе, музыке, зодчеству.

Рад сообщить Вам, например, что вскоре наше Государственное издательство художественной литературы начнет выпускать новое собрание сочинений Рабиндраната Тагора.

Благодарю Вас за тот интерес, который Вы проявили по отношению к моей литературной работе. К сожалению, ни одна из стран английского языка не осуществила у себя издания «Молодой гвардии», и я вынужден послать Вам позднее русское издание со своим автографом.

Может быть, Вы владеете немецким или французским языком? Тогда сообщите мне, и я смогу прислать Вам книгу на одном из этих языков.

Крепко жму Вашу руку. *Александр Фадеев*.

340. ГОСПОДИНУ П. ДИСТЕЛЬБАРТУ

27 апреля 1955 года

Многоуважаемый господин коллега Дистельбарт!

Сердечно благодарю Вас за внимание. Я всегда с удовольствием вспоминаю наше знакомство и беседы в Стокгольме во время прошлой сессии Всемирного Совета Мира.

Я с большим интересом ознакомился с Вашей книгой «Россия сегодня», ознакомился с помощью переводчика, ибо, к сожалению, не владею немецким языком, ознакомился в наиболее существенных местах текстуально, а по всему тексту — в изложении.

Я должен сказать Вам, что книга Ваша известна в наших писательских и журналистских кругах. Она неизменно вызывает чувство признательности и уважения к Вам, и я целиком и полностью разделяю это чувство.

Должно быть, Вам небезынтересно будет ознакомиться, например, с мнением одного из наших литературных деятелей, В. Стеженского, по поводу Вашей книги?

Из рецензии Вы сможете заключить, как высоко оценивают у нас значение книги Вашей, хотя — и это вполне естественно — отдельные места ее являются дискуссионными. Но что может быть плодотворнее для дискуссии по отдельным вопросам культуры, дискуссии между людьми, стоящими на общих больших позициях правды и гуманизма?

Позвольте же еще раз поблагодарить Вас и пожелать Вам всего самого лучшего.

Ваш *Александр Фадеев.*

341. К. АНДЕРСЕНУ

27 апреля 1955 года

Дорогой друг Кристиан Андерсен!

Позвольте от всей души поблагодарить Вас за книгу, которую Вы мне любезно прислали.

Мне хочется сказать Вам, что Ваша благородная деятельность по укреплению мира между народами и осуществлению лучших чаяний человечества, которую Вы про-

водите у себя на родине и вне ее как литературовед, редактор, публицист и общественный деятель, хорошо известна в нашей стране и вызывает в нашем народе чувство глубокой симпатии.

Примите мой самый искренний привет.

Александр Фадеев.

342. В ГЛАВНУЮ ВОЕННУЮ ПРОКУРАТУРУ

Апрель 1955 года

Я хорошо знаю И. Макарьева по совместной партийной работе в Северо-Кавказском крае в 1924—26 гг., а впоследствии по работе в Правлении Российской и Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей (РАПП и ВОАПП) — с конца 20-х годов и до ликвидации этих организаций в 1932 году.

В годы работы в Северо-Кавказском крае И. Макарьев известен мне как редактор краевой крестьянской газеты, называвшейся, если не ошибаюсь, «Советский пахарь». В этот период я работал заместителем заведующего отделом печати Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) и исполняющим обязанности редактора краевой газеты «Советский Юг», издававшейся в том же издательстве, что и «Советский пахарь».

Будучи назначен на должность редактора газеты, Макарьев последовательно и до конца проводил партийную линию и принадлежал к передовому активу организации.

И. Макарьев еще в Ростове-на-Дону помогал в работе Ростовской ассоциации пролетарских писателей и высказывался на собраниях и в печати по вопросам литературы. В конце 20-х годов он был вызван в Москву для работы в Правлении Российской и Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей. В этой организации состояло тогда подавляющее большинство пролетарских писателей и в первую очередь писателей-коммунистов. До определенного периода она играла положительную роль. Но к ней примазывались и чуждые элементы, она допускала немало ошибок сектантского характера и в конце концов противопоставила себя большинству писателей, вышедших из

среды интеллигенции и вставших к тому времени на позицию советской власти. Таким образом, РАПП и ВОАПП стали тормозом в развитии советской литературы и были ликвидированы решением ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года.

И. Макарьев разделяет вместе с нами, писателями-коммунистами, участвовавшими в руководстве этой организации, как заслуги, так и ошибки в ее деятельности и, разумеется, не может нести большей ответственности за них, чем многие другие писатели-коммунисты, занимающие и посейчас видное место в советской литературе. Я имею в виду А. Серафимовича, М. Шолохова, А. Фадеева, А. Суркова, Ю. Либединского, В. Ермилова, А. Афиногенова и многих других.

В период после ликвидации РАПП И. Макарьев, как и некоторые другие деятели этой организации, вызвал нарекания со стороны некоторых писателей, в том числе и с моей стороны, за то, что перестал активно выступать по вопросам литературы. Учитывая, что это был период еще не изжитой групповой борьбы в литературе, эти нарекания носили подчас острую форму. Но нельзя не учитывать, что И. Макарьев не был писателем или критиком, а был партийным работником-журналистом, направленным для помощи писательской организации, и поэтому отход И. Макарьева от литературных дел и переход его на другую работу был вполне естествен. Вряд ли это обстоятельство может вызвать сомнение в позиции Макарьева по основным вопросам партийной политики, включая и политику в области литературы.

Объективно оглядываясь сейчас на то время, я не вижу оснований к тому, чтобы подозревать И. Макарьева в двойственности, и считаю его политически честным человеком.

Ал. Фадеев.

343. Г. И. КОНОВАЛОВУ

7 мая 1955 года

Дорогой Григорий Иванович!

Я поставил вопрос перед «Советским писателем» о возможности переиздания Вашего «Университета». Мне лично книга Ваша кажется интересной и заслуживающей переиздания. Я только теперь вижу, что Вы дали книге на-

звание, которое предполагает иное, большего круга тем и масштаба содержание, чем автор предполагал вложить и вложил в свою книгу. Название это очень соблазнительное, но и очень ответственное. В критике, которая была в адрес Вашего романа, во многом «виновато» название: иные разочаровались, не находя в книге того, что обещает название.

Нельзя ли изменить его, сделать более локальным, «частным»? Чтобы не подумали, что Вы хотите продвинуть «старое» под видом «нового», сделайте небольшое в несколько строк предисловие, объясняющее, почему изменили название.

Кроме того, посмотрите все места, направленные против низкопоклонства, не в том смысле, чтобы изменить их принципиально, — нет, этим-то книга и сильна, — но, может быть, есть излишества? Тогда, естественно, жали в одну сторону, в деталях не разбирались. А не нужно было бы, чтобы вовсе отрицалась необходимость учиться у Запада тому, чему следует учиться.

Проделайте все это, а в дальнейшем будем уповать на издательство «Советский писатель».

Но пишете ли Вы что-нибудь новое, дорогой Григорий Иванович? Вам надо больше, систематичней работать, тренировать себя. Я больше чем кто-либо против торопливости в работе, но Вы уж слишком редко выступаете с новыми вещами. А может быть, я невнимательно следил? Выпускали Вы что-нибудь после «Степного маяка»?

Желаю Вам всего доброго.

Ваш *А. Фадеев.*

344. М. ИВАНОВОЙ

11 мая 1955 года

Шлю Вам сердечный привет, дорогие друзья, и благодарю за внимание. Ваш пионерский сбор был посвящен благородной цели — борьбе за мир. Действительно, от успехов в этой борьбе зависит судьба будущих поколений. Надо, однако, помнить, что корыстные люди, все еще являющиеся хозяевами в странах капитала и вряд ли заслуживающие право называться людьми, могут развязать

новую войну. Тогда и вашему поколению предстоит принять участие в последней великой борьбе за счастье человечества. А к этой возможности надо готовиться духовно и физически.

Мы часто говорим, что дети Советского Союза и дети стран народной демократии — счастливые дети, потому что перед ними открыты все дороги и над ними не занесен бич нищеты и национального угнетения.

Но подлинное человеческое счастье не только в личном благе, а в сознании, что твоими усилиями и стараниями все люди на земле смогут получить эти блага и стать счастливыми. Счастлив по-настоящему может быть только человек — борец за счастье всех трудящихся людей.

Таким человеком был замечательный революционер Коларов, имя которого носит ваш город. Таким человеком хотел быть и стал Володя Дубинин, имя которого носит ваш отряд. Будьте же такими, как они!

Крепко жму ваши руки.

Ваш *А. Фадеев.*

345. М. И. ГУБЕЛЬМАНУ

13 июня 1955 года

Дорогой дядя Володя!

Ты хорошо знаешь, какое влияние твоя замечательная жизнь и борьба оказала на меня, юношу. Я всегда храню в сердце твой образ, как одного из моих первых учителей в суровой и прекрасной школе большевизма.

Вместе с твоими многочисленными друзьями по жизни и борьбе я счастлив, что она, эта твоя мужественная жизнь-борьба, так высоко оценена нашей партией.

От всей души поздравляю тебя с правительственной наградой, орденом Ленина, и сердечно, по-сыновнему, обнимаю тебя.

Здоровья, долгих лет жизни тебе!

Крепко жму руку.

Твой *Ал. Фадеев.*

346. С. М. НЕЛЬС

23 июля 1955 года

Уважаемая Софья Марковна!

Это — очень хорошая работа.

В тех главах, где Вы анализируете «Евгения Онегина», «Повести Белкина», очень много нового, своего. Взгляд на «Повести Белкина» как предшественников «Шинели», а затем разночинской литературы — очень верный взгляд.

Заметьте, что «История села Горюхина» предвосхищает (по языку) Достоевского. Может быть, Вы обращали когда-нибудь внимание, что люди, столь враждебные по мировоззрению, как Достоевский и Чернышевский, но оба разночинцы, в своих художественных произведениях (у Чернышевского я имею в виду «Что делать?») писали языком, очень близким друг другу. И язык этот предвосхищен Пушкиным в «Истории села Горюхина».

В работе Вашей есть неудачные, подчас неправильные формулировки, которые могут дать нежелательные и для Вас идеологические оттенки. Кое-где попадаются стилистически не отработанные фразы. Все эти изъяны я совершенно конкретно и очень внимательно отметил по тексту.

Я очень прошу Вас их просмотреть и исправить, коли Вы согласны. Сделайте это по возможности скорее и пришлите мне рукопись. Я надеюсь, что мне без больших трудов удастся убедить «Советский писатель» издать Вашу книжечку по разделу «Литературоведение».

Работа Ваша интересна познавательно, и в то же время она поучительна для литераторов-сатириков, — есть чему поучиться!

Но Вы все-таки местами злоупотребляете терминами и выражениями, понятными только литераторам. Расшифруйте их так, чтобы понятно было любому грамотному человеку.

Желаю Вам здоровья и здоровья.

С сердечным приветом

А. Фадеев.

347. ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР

27 июля 1955 года

Поддерживаю заявление В. С. Лепиловой о реабилитации ее мужа Н. Г. Шушканова.

Н. Г. Шушканов известен мне с конца 20-х годов и до его ареста в 1938 году, по работе в литературных организациях, журналах и издательствах.

До постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года о ликвидации РАПП (Российской ассоциации пролетарских писателей) и всех других литературных группировок и создания единого Союза советских писателей Н. Г. Шушканов принадлежал к литературной группировке «На литературном посту», к которой принадлежали многие и ныне здравствующие литераторы — А. Фадеев, А. Сурков, Ю. Либединский, покойный А. Афиногенов и многие другие. Литературная группа эта входила в РАПП и занимала в ней руководящее положение.

Известно, что литературная групповщина того времени использовалась врагами партии и народа. Но, как известно, подавляющее большинство литераторов, входивших в эти группы, были честными советскими литераторами, много сделавшими для советской литературы, хотя пережитки литературной групповщины продолжали жить в их среде некоторое время и после ликвидации РАПП.

Н. Г. Шушканов известен мне как человек, преданный партии и советскому строю, дисциплинированный, честный и исполнительный работник.

Сомневаюсь, чтобы были серьезные политические причины к тому, чтобы репрессировать Н. Г. Шушканова, и нахожу, что было бы справедливым его реабилитировать (посмертно).

О Вашем решении не откажите поставить меня в известность.

А. Фадеев.

348. В. М. ВАЖДАЕВУ

7 августа 1955 года

Дорогие Люда и Виктор!

Позвонил вам на днях, хотел повидаться, никто не отреагировал, а в Союзе сказали, что оба вы в Дубултах. Что ж, — решил я, — надо писать; не допускай, Саша,

чтобы дружба носила потребительский характер («когда тебе хорошо»), надо работать для дружбы!

Жизнь наша в Москве идет так суетно, да и сам город этот, как он ни чудесен, в общем «разлучник», — что, право, люди не успевают объясниться в любви, в дружбе и — наоборот. Любовные и дружеские встречи так же внезапны и немотивированны, как и драки. (Будучи все же стилистом, обращаю ваше внимание на образованную мною чудную греческую фамилию: «Какидраки».) Иногда это даже неплохо. Но жить так всегда мне не нравится. И вот я пользуюсь случаем, когда вы «далеко от Москвы», чтобы объясниться. Да, я люблю вас обоих большой дружеской, давней любовью. Вспоминаю о вас чаще, чем вы можете это предполагать, скучаю по вас в те непонятные дни, когда человек сам не знает, почему ему хочется видеть именно этого человека, а не другого. Мне, в общем, очень грустно, что вы уже не живете в Переделкине. Мы познакомились и подружились здесь во времена, которые были еще достаточно суровы, — во всяком случае, на них была примета времени, — и когда мы все были моложе и здоровее. Мне кажется, если бы вы жили здесь, мы встречались бы чаще. Ужасно хочется, чтобы вы были счастливы и здоровы.

Пишу об этом потому, что сам сейчас здоров и жизнерадостен. Настроение рабочее. К сожалению, работаю — и на это уйдет почти весь август — не над романом, а над докладом для 2500 заведующих кафедрами марксизма-ленинизма в вузах — «Состояние и задачи советской литературы». (При таком количестве заведующих этой кафедрой, если бы они ежегодно выпускали хотя бы по одному подлинно образованному марксисту-ленинцу, за тридцать восемь лет советской власти мы имели бы уже 95 000, а вместе с заведующими кафедрами 97 с половиной или почти 100 тысяч образованнейших марксистов-ленинцев, из которых хотя бы одну тысячу можно было бы «бросить» на художественную литературу, — но этого почему-то нету.)

А роман мой нуждается в очень кардинальных переделках. То, что было задумано и сочинено и уже на́чало писаться в 1951—52 гг., оказалось во многих своих гранях устарелым и даже неверным в наши дни. В борьбе за некоторые технические открытия, называвшиеся тогда «революцией в металлургии», оказались правыми не «новаторы»

(ибо это были раздутые лженоваторы), а «рутинеры» (ибо они оказались просто честными и знающими людьми). Это не сняло основной темы борьбы за технический прогресс, — наоборот, она стала еще более животрепещущей, — но надо менять объект. Те, кого объявляли тогда врагами (именно в металлургической области и на том *послевоенном* этапе развития), оказались просто оклеветанными.

Теперь для части положительных героев моих «нет работы» и приходится «переключать» их на борьбу... с бюрократической косностью. По-новому стоит вопрос о технической учебе у Запада, чтобы «догнать и перегнать»; по-новому выглядит роль иностранных специалистов в огляде историческом на первую пятилетку (не все же были и тогда проходимцами!). Одним словом, одни персонажи у меня «погорели», возникли новые — и приходится перерабатывать всю первую книгу. Был период, когда я испытал некий нравственный шок. Теперь более или менее стало видно, что и как надо сделать. Однако потребуется для этого месяцев 7—8, если не будут сильно отрывать. Вот уже и пожаловался, жизнерадостный!

Если вам не скучно будет, напишите мне о своем житье-бытье.... Но это только в том случае, если не очень жарко на Рижском взморье, — в дождливый день, например.

Крепко жму ваши руки и сердечно обнимаю.

Ваш *Ал. Фадеев*.

349. И. П. МАЛЮТИНУ

21 августа 1955 года

Дорогой Иван Петрович!

Извините за краткость. Очерк о Неверове переслал в издательство.

Разговаривал с М. М. Корневым по поводу всей книги, которую сразу же передал с моим пространным отзывом, — говорят, читаем....

Рукописей у них, конечно, много, и вам придется некоторое время потерпеть.

Роман мой (1-я книга), как многие произведения, сочиненные и начавшиеся писанием в 1951—1953 годах, нуждается сейчас в крупных переделках, коими я и занимаюсь.

Желаю Вам здоровья и крепко жму Вашу руку.

Ал. Фадеев.

350. В. М. ВАЖДАЕВУ

21 августа 1955 года

Дорогие Люда и Виктор!

Спасибо Вам за Ваши симпатичные письма, преисполненные зверской энергии и лучезарного добра. Не могу Вам передать, сколько они мне доставили радости и веселья.

В отношении романа своего я в общем так и поступаю, как советуете Вы, и только жалею, что у меня нет в нем теперь *центрального* движущего столкновения (+множество «частных» — производственных, общественных и личных столкновений и конфликтов), а осталась только центральная *идея,* решаемая через *множество* столкновений и конфликтов. Говоря очень условно, роман, строившийся, как «Война и мир», строится теперь скорее как «Анна Каренина». В «Войне и мире» центральная народная идея выражается через главное столкновение — русского народа с иноземным нашествием + множества «частных» столкновений и конфликтов, выражающих разные стороны идеи. В «Анне Карениной» семейная идея выражается через разные «частные» конфликты, связанные с образами Анны, Вронского, Левина, Кити, Стивы с женой и проч. Поскольку в моем романе главная идея не «семейная», а все-таки «народная», то и среди моих «частных» конфликтов больше места занимают конфликты производственные и общественные, чем лично-семейные, а последние очень тесно связаны с первыми и вторыми. При этих моих «преимуществах», увы, нет гения Толстого и даже его упорства и усидчивости, когда уже дело дошло до дела. От доклада заведующим кафедрами не удалось отделаться, и 24-го он будет произнесен. Я начитался к докладу («начитал себя») скучными произведениями, и 24-го доклад будет произнесен, а потом напечатан. Сейчас я его взапуски пишу, и этим объясняется торопливая небреж-

ность моего письма. Торопливой небрежностью я называю его краткость, ибо, как удалось нам уже установить при совместном обсуждении, я тоже болтлив.

Очень хотелось бы, чтобы Виктор (Волк) дожал свою щитовидную до человеческих нормальных размеров и больше не худел.

Я очень рад, что, судя по письмам, Вы полны бодрости, работоспособности и лени. Последнее наиболее важно, — иначе поправиться нельзя.

Сердечно обнимаю вас (кажется, когда обращаешься к двоим или нескольким, «вы», «вас» полагается, вопреки здравому смыслу, писать через маленькое «вы») и крепко жму ваши руки

ваш (это уже определенно «с маленькой»)

Ал. Фадеев.

P. S. Произнеся доклад, сяду прочно за роман. От вас жду ответа и приблизительную дату возвращения. Очень надеюсь увидеться в разлучнице Москве. Еще раз привет вам сердечный.

А.

351. Л. М. ЛЕОНОВУ

<Август — сентябрь 1955 года>

Дорогой Леня!

Я прочел недавно «Золотую карету». Она мне нравилась и раньше, — теперь она стала еще лучше. Ее главная мысль — не в ущерб своеобразию и тонкости ее выражения — более прояснилась и больше связана с некоторыми явлениями *наших* дней, а не только непосредственно послевоенных. В общем, она бьет по всем, кто в нашем трудовом обществе живет *только* для себя — будь это в сфере материальной или духовной, — и бьет от лица миллионов, погибших и изувеченных в войне ради великих коммунистических, гуманистических целей.

Теперь эта прекрасная женщина — председатель горсовета — и ее дочка заняли более важное место по существу решения и выражения именно главной мысли. И очень верно и точно «подмочены» — с точки зрения народной правды и народного труда — профессор с сынком (именно «подмочены», а не подмечены). И все фигуры — от самых

маленьких до главных — хорошо расставились с точки зрения этой гуманистической правды. В новое общество можно въехать на «Золотой карете» труда, честности, человечности и самопожертвования, а не на «Золотой карете» стяжательства, индивидуализма и «небожительского» чистоплюйства как тоже формы потребительского отношения к жизни.

Теперь нет того *общего* мрачноватого колорита, который вносили раньше образы Березкина и слепого, но образы эти все же так сильны как обобщение (символы) понесенных жертв, страданий народа в войне, что тема горечи и возмездия, может быть, звучит порой слышнее, чем тема светлого будущего человечества (чуть-чуть!).

Зритель, читатель, к сожалению, в известной своей и даже большей части привык *только* к «обычному» реализму на бытовой основе, ибо мы фактически свели к этому нашу драматургию. Поэтому своеобразная *форма* «Золотой кареты» не всеми будет принята, будут недоумения «идеологического» порядка, вызванные, по существу, *непониманием.* Я уже столкнулся с этим на докладе своем перед зав. кафедрами вузов (всесоюзное совещание), где я сказал свои добрые слова о пьесе твоей, а потом имел «полемические» вопросы и вынужден был «объяснять» и главную мысль, и особенности формы.

Полемика вокруг пьесы, безусловно, будет, но я лично буду яростно защищать ее и думаю, что все лучшее среди читателей, зрителей и писателей займет такую же позицию.

Доклад мой будет напечатан.

Ал. Фадеев.

352. Б. С. РЮРИКОВУ

1 сентября 1955 года

Дорогой Борис Сергеевич!

Мне кажется, в статье Баскакова пьеса Леонова недооценена. В конце концов она обращена, эта пьеса, против всех тех элементов нашего общества, которые «устервились» жить в свою пользу — в плане прямого стяжательства и в плане потребительском, то есть пошире жить в свое удовольствие, и в плане «интеллигентного», «небожительского» эгоизма и чистоплюйства. И бьет это все автор

от лица людей, отдавших жизнь или изувеченных в великой войне за коммунистические, гуманистические идеалы.

Мне кажется, хорошо время от времени напоминать людям об этом! И председатель горсовета, и ее дочь, и разные маленькие люди в пьесе, представляющие честную, трудовую, гуманистическую линию, даны вовсе не так уж плохо. Архаичность в пьесе есть, но нельзя с ее помощью зачеркнуть то положительное, что пьеса несет.

Я ужасно тороплюсь со стенограммой, ждет вторая машина, чтобы забрать ее у меня, — поэтому не имею возможности подробнее поговорить о статье Баскакова, да и прочел ее второпях. Не лучше ли ее немного отложить, посоветоваться? Пьеса Леонова — сложное и своеобразное явление — и в лучших сторонах, и в недостатках.

Привет сердечный

Ал. Фадеев.

353. Б. С. РЮРИКОВУ

22 сентября 1955 года

Дорогой Борис Сергеевич!

Думаю, что я не очень подведу газету, если вы дадите в субботу только один подвал и подпишете: «продолжение следует». Те странички, которые я Вам посылаю, на мой взгляд, хорошо завершают главу о мастерстве. А дальнейшее я — исключительно из-за требовательности к себе — еще не рискую Вам послать: буду работать сегодня и завтра и пришлю Вам завтра или *(самый крайний срок)* послезавтра (в субботу) утром. И это будет уже *конец.* Оказалось, что это будет всего лишь два подвала, которые Вы сможете дать во вторник.

Крепко жму руку.

Ал. Фадеев.

Странички мои имеют свою нумерацию, на которую Вам не надо обращать внимания. Они являются непосредственным продолжением того, что у Вас есть.

А. Ф.

354. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

23 октября 1955 года

Дорогая моя Ася!

Письмо твое, полное недомолвок и загадок, доставило мне, однако, большое удовольствие: ведь я так давно не имел от тебя писем! Однако жаловаться мне не на кого, ибо я и сам не писал уже довольно давно, что, впрочем, как ты знаешь, бывало со мной и раньше. Объясняется это все тем же. Ты, наверно, знаешь от Левы, что я, находясь в Барвихе, не дотянув положенного мне срока, сильно заболел. Я отлучился на майские праздники на дачу, там заболел и уже не вернулся в санаторий. Я категорически отказался ехать в больницу, из которой только совсем недавно выбыл, и остался лежать на даче. И болезнь моя длилась два с половиной месяца. В сущности, я даже еще не поправился, как мне нужно было ехать на Всемирную ассамблею в Хельсинки, и я поехал. И как это всегда бывает после длительного заболевания, когда все общественные, служебные, семейные, личные дела неслыханно запущены, я сразу попал в такой немыслимый конвейер дел, который уже совсем не оставлял мне свободного времени. Тут подряд шли Пленум ЦК, сессия Верховного Совета, заседания в Союзе писателей, бесчисленные деловые встречи, ликвидация накопившейся депутатской почты, устройство различных запущенных домашних дел и пр. и пр. К тому же мне поручили доклад на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами марксизма-ленинизма в вузах, потребовавший от меня большой подготовки, — главным образом, чтения колоссального количества литературы. Доклад этот я сделал 27 августа и начал расширять его в большую литературную статью, которая отняла у меня еще целый месяц. (Она напечатана в последних четырех сентябрьских номерах «Литературной газеты».)

Все эти дела и делишки развивались на фоне очень плохого моего морального состояния, вызванного «кризисом» с моим романом. Дело в том, что я задумывал, сочинял и начинал писать его в 51—52 гг., когда многие вопросы стояли, вернее, выглядели по-иному, чем сегодня. В центре моего сюжета находилось одно «великое» техническое открытие и борьба вокруг его осуществления. Но

это «великое» открытие оказалось чистой «липой», взращенной высокопоставленными карьеристами, которые ввели тогда в заблуждение и правительство. Кроме того, большую сюжетную роль играла в моем романе борьба с группой так называемых «врагов народа», что тоже было мной не выдумано, а взято из реальных материалов. К счастью для этих людей и к неудаче романиста, дело этих «врагов» тоже оказалось «липой». Но ведь я, на основании двух этих сюжетных линий, построил всю основу своего романа и целую серию характеров. Теперь все это приходится менять, переделывать, и это, конечно, ужасно нелегко, потому что человек за несколько лет работы привыкает и к своей теме, и к своим героям, и изменить это «на ходу» невозможно. Фактически роман мой остановился, и мне пришлось изучать материал наново, искать новых людей, новые сюжетные линии и прочее. Теперь как будто бы я уже выхожу из кризиса, имею новый план и новых героев, но фактически мне приходится бо́льшую часть работы делать запово. Теперь уже вряд ли я закончу первую книгу раньше конца 1956 года.

За это время продолжал сильно болеть мой младший сын, и это тоже отражалось на моем настроении. Наконец, такая затяжка с выходом в свет новой работы отразилась на моем финансовом положении.

Разумеется, все, что я тебе пишу, я пишу по-дружески, ибо внешне я человек, владеющий собой, человек к тому же жизнелюбивый и жизнерадостный, и, конечно, о моих бедах и трудностях люди в общем не знали и не знают. Вот тебе краткая история моей жизни этих месяцев.

Необходимость форсировать роман приковала меня к даче, все мои планы поездок и вообще планы всякого рода развлечений, удовольствий самого элементарного порядка, которых не лишены люди всех профессий и социальных положений, — вроде какой-нибудь экскурсии, или охоты, или просто похода по грибы — по ягоды, или посещения театров, или встречи с добрыми веселыми друзьями, — все это мне пришлось отложить на будущее, и жизнь моя протекает довольно одиноко и тускло. Но роман все-таки будет, а это — главное.

Буду очень рад получить от тебя письмо с более подробным изложением жизни твоей, настроений и проч,

Ужасно рад, что все-таки нашел возможность подробно с тобой поговорить. Всегда тебя помню и всегда по тебе скучаю. Привет маме твоей.

Сердечно обнимаю.

Саша.

355. Ф. П. БУЛОЧНИКОВУ

25 октября 1955 года

Дорогой Федор Петрович!

Видишь, каким я оказался плохим корреспондентом: перерыв в нашей переписке затянулся на целый год.

Объясняется это, однако, очень просто: я последние годы много болею, а при моей великой нагрузке мне, как только поправлюсь, приходится, отбрасывая всё и вся, латать дыры в работе, неизбежно образующиеся за время болезни.

Письмо, обещанное тебе в апреле телеграммой, не затерялось, — оно не было написано. Основное мое заболевание — это печень, которая в течение года раза три-четыре укладывает меня в больницу. Как раз этой весной я отлежал месяц в больнице и поехал в санаторий. После того, как я основательно отдохнул, я и дал тебе телеграмму насчет письма, имея в виду, в течение ближайших двух-трех дней, отправить это письмо. Но... вот тут-то и случилось главное «но». Весна стояла очень холодная, шли холодные дожди, часто со снегом, дороги представляли из себя месиво из грязи, снега, воды. Однако я очень люблю ходить пешком, моя дача находится километрах в 8 от санатория, где я пребывал. Как раз так случилось, что семья моя приехала на сутки на дачу. Я отпросился у администрации санатория отлучиться на сутки с ночевкой, рассчитывая на другой день вернуться с машиной, которая отвезет семью в город. И пошел на дачу пешком, под проливным дождем, порой со снегом, по этому месиву. Сапоги у меня были без галош, ноги вскоре промокли и весь я основательно промок и замерз на ветру, хотя и был, что называется, «в ходу». Одним словом, мне так и не пришлось вернуться в санаторий, и письмо к тебе отодвинулось надолго. На другое утро, проснувшись на даче, я не мог встать на ноги, они подламывались от страшной боли в коленных чашечках и где-то под коленками, на сгибе,

Вызванный врач констатировал у меня новую и очень затяжную болезнь: «полиневрит», болезнь нервных окончностей. В больницу я ехать отказался, так она мне надоела, да и предложенные методы лечения можно было применять дома. Я пролежал на даче почти до середины июля (а началось все в конце апреля). Писать я не мог, потому что полиневрит этот ударил и в кисти рук; я не мог держать в руке не то что ручку или карандаш, а даже ложку, а это, как ты понимаешь, для старого солдата хуже всего.

В общем, к середине июля я уже начал ходить, и руки более или менее наладились, но тут пришлось ехать в Хельсинки на Всемирную ассамблею мира, а по возвращении начался Пленум ЦК, а вскоре, вслед за ним, — сессия Верховного Совета, а в это время уже висели над душой тысячи невыполненных дел по Союзу писателей, да и новый мой роман о металлургах пора было двигать вперед, а то ведь он тоже «простоял» из-за болезни.

Вот чем объясняется, почему я так долго не выполнял своего обещания. Фатально то, что я получил теперь возможность его выполнить только потому, что с начала октября опять лежу в больнице с очередным обострением печени. Такова, мой друг Федор Петрович, «информация» моя о самом себе.

Теперь отвечу на некоторые твои вопросы, поставленные в прежних письмах. *О Нейбуте.* Это был большевик, живший до Февральской революции в эмиграции, если не ошибаюсь — в Соединенных Штатах. После революции он возвращался на родину через Владивосток и задержался здесь. Был одним из виднейших руководителей большевиков в нашем крае в первые месяцы после революции. Мне сейчас трудно вспомнить, когда он покинул Дальний Восток, во всяком случае, еще до чешского переворота. Куда он был переброшен, я не помню. Кажется, он работал потом в так называемой Центросибири и погиб в период белочешского переворота, когда многие работники Центросибири попали в руки белых. Но я не ручаюсь, что эти мои воспоминания точны. Если хочешь иметь точные сведения, напиши Моисею Израилевичу Губельману... напиши ему без стеснения, он старик хороший, все это отлично знает и помнит, и он тебе ответит с удовольствием. Можешь в письме сослаться на меня, сказать, что вместе воевали и что ты пишешь теперь воспоминания.

О Румянцеве. Его я хорошо знал лично. Это был большевик с 1916 года, родом из Волоколамска, Московской области, по профессии портной-кустарь. Волоколамск славился своими портными, работавшими у разных мелких хозяйчиков (там и сейчас хорошие швейные мастерские). В период ДВР он работал министром социального обеспечения.

Когда я «прибился» в первый раз к вашей бригаде и где мы впервые встретились? Точно рассказать об этом мне уже трудно: не забудь, что я был еще очень молодой парень, очень мало представлял себе фронтовые дела в целом и, конечно, совершенно не интересовался тем, как называются деревни и станции, на которые забрасывала меня судьба. Могу сказать приблизительно. Я хорошо помню тот парад войск в ноябрьские праздники на станции Оловянной, который ты описываешь. Я жил в это время в вагоне Логинова и был инструктором подива, а жил у Логинова, потому что он меня очень ценил и хотел как-то лучше использовать, а пока что суть да дело, я был при нем вроде адъютанта, помощника, секретаря, — назови как хочешь. Моя же мечта была попасть к своему двоюродному брату Игорю Сибирцеву, с которым я до этого воевал и которого очень любил, — в бригаду Тетерина-Петрова. Но Логинов меня не пускал. Мне сейчас трудно вспомнить, с каким делом конкретным — с целью ли политической информации, или политической работы с комиссарами полков и батальонов (от подива), или с целью доставить в части газеты и брошюры (может быть, это совпадало), но я вскоре после того, как вы выступили из Оловянной, был направлен вслед за вами. Я пришвартовался к какой-то большой группе лиц, ехавших в части по разным назначениям и надобностям. Я и сейчас помню, закрывши глаза, как мы перебирались ночью через этот хорошо известный тебе взорванный мост. Потом мы в основном двигались с каким-то обозом, везшим то ли продовольствие, то ли боевое снаряжение, а может быть, и то и другое. Встретились мы с тобой в обстановке похода, между боями. Сейчас, внимательно вчитываясь в письмо твое, я думаю, что это было либо перед Эдартуем, либо после взятия Эдартуя, — ведь именно где-то здесь и по твоему совету я попал в 13-й полк. Но вот что меня немножко путает. Я очень хорошо помню все разговоры и переживания, связанные с тем поражением, которое

ваша бригада, вместе с частями Фадеева, нанесла белой коннице под Хадабулаком. Но сам я в этом бою не участвовал. Участвовал ли в нем 13-й полк? Если да, то я попал в полк уже *после* этого боя. Если нет, то хорошо сохранившиеся в памяти разговоры об этой замечательной победе могли вестись как раз в 13-м полку. Но я еще хорошо помню совместную ночевку 13-го полка с частями Фадеева в какой-то деревушке, помню потому, что я ходил навестить Соркина, которого очень хорошо знал лично, и провел с ним несколько часов. А потом я участвовал в первой Борзинской операции вместе с 13-м полком и теперь, после письма твоего, хорошо вспомнил, что Шамонин действительно командовал тогда только батальоном. После этой первой Борзинской операции я от вас отбыл, так как функции мои, с которыми я был послан, насколько я понимаю, были выполнены. И как я уже тебе писал, вновь попал я к вам в бригаду уже после взятия Даурии, когда бригада была отведена на Борзю, попал уже с прямым назначением Логинова в качестве комиссара 13-го, впоследствии 22-го полка. Все, что ты мне написал о «еврейском» полке, о разных командирах, в частности Кулешеве, все это я отлично помню. Прекрасно помню я и твоего ординарца Размехнина, который был и моим ординарцем в тот недолгий срок, когда я был врид комиссара бригады.

Все-таки много нашей лучшей жизни связано с тем временем, вот пишу сейчас и волнуюсь, точно это было вчера.

Теперь немного о делах. Посылаю, во-первых, справку, которая, возможно, пригодится тебе на предмет пенсии. Посылаю тебе, во-вторых, адрес Пляскина. А в-третьих — и это самое главное, — мне кажется, тебе надо возбудить вопрос о полной твоей реабилитации. Напиши точно, не очень длинное, но с изложением обстоятельств дела, а главное, с точным указанием, где, когда и что именно «происходило» (это для того, чтобы органам было лучше, легче разобраться в том, где какие материалы искать), заявление на имя Генерального прокурора СССР товарища Руденко. Напиши короткое официальное письмо мне как депутату Верховного Совета СССР о том, что просишь передать это письмо и просишь помочь — как человека, знавшего тебя по гражданской войне. И пришли мне все это. А я уже буду дело толкать. В заявле-

нии ставь вопрос о полной своей реабилитации. Дело это затяжное, но есть абсолютно все шансы к тому, что оно решится в твою пользу. А после этого уже поставишь вопрос о восстановлении тебя в партии.

Ты, конечно, уже знаешь, что теперь многие и многие дела пересмотрены и еще пересматриваются. Чтобы облегчить тебе работу над заявлением Генеральному прокурору, я возвращаю тебе в отдельном конверте твое письмо с изложением всего твоего дела. Там все так ясно и хорошо изложено, что ты можешь целые куски оттуда перенести в официальное заявление.

Извини меня за почерк, дорогой друг.

Крепко жму руку и сердечно тебя обнимаю.

Привет всей твоей семье.

Твой *Ал. Фадеев*.

356. Г. Х. ЦАПУРИНУ

28 октября 1955 года

Дорогой Гриша!

Не обижайся на меня за такое длительное молчание, несмотря на ряд твоих писем. В те «злые» для тебя времена я, конечно, не мог тебе писать, как ты это сам понимаешь. Ведь проверить в те времена правду и неправду в таких делах, как твое, было совершенно невозможно. И независимо от того, что я мог думать, я все равно обязан был по положению своему молчать. И конечно, ты можешь себе представить, как я был рад, когда получил первую твою весточку о том, что все оказалось неправдой, что все уже позади, что отношения мои к одному из друзей молодости могут оставаться неомраченными. Не отвечал же я тебе на это твое и последующие письма только потому, что не имел на это времени. Жизнь моя в последние годы сложилась крайне тяжело. Я еще больше, чем прежде, загружен самой разнообразной работой. К тому же пишу новый большой роман о металлургах, который мне очень трудно дается. И плюс ко всему, стал тяжело болеть: каждый год 2—3 раза — и всякий раз по месяцу, по полтора — лежу в больнице: подкачало сердце, а главным образом печень; а в этом году приобрел новую затяжную и почти неизлечимую болезнь «полиневрит» — болезнь нервных окончаний, ударившую меня, главным образом, по ногам и по

рукам. Болезни эти нехороши не только потому, что мешают мне жить, — они надолго вырывают меня из работы, работа за это время запускается, попадает в тяжелый прорыв, и, как только я поправляюсь, мне приходится с удвоенной-утроенной затратой сил и времени наверстывать упущенное, латать дыры и вновь заворачивать дела. Отсюда и получился такой безвыходный круг: меньше и реже всего пишешь как раз друзьям, тем, с кем хочется общаться, — думаешь, ну, общаться, да ведь хуже будет, если меня из работников зачислят в инвалиды, хочется еще что-то сделать на этом свете.

Даже с нашими москвичами-дальневосточниками редко удается встречаться, все больше случайно. Здесь теперь живет Танюша Цивилева... Приезжают сюда иногда Зоя Секретарева и ее муж Костя Серов («Мишка-Медведь») из Ленинграда, Тамара Головнина из Псковской области. Чаще других вижу Ольгу Левич (она недалеко от меня живет), изредка встречаю Губельмана и Зою Станкову.

Как-то в Магнитогорске, где я собирал материал о металлургах, в театре после одного моего доклада подошел ко мне паренек из института металлургов, оказавшийся сыном, насколько я понял, брата твоего Андрея. Спрашивает: «Правда ли, что Вы в своем романе «Последний из удэге» описали моего отца?» Я говорю: «Нет, я Вашего отца не описывал». Тут нахлынула разная публика, хотел я ему все по-настоящему растолковать, да он, видно, парень либо гордый, либо застенчивый, сразу от меня отошел, и больше я его не видел. Беда в том, что он, как многие, не понимает, как создается художественное произведение, не понимает, что материал берется из жизни, но очень разный и комбинируется, преобразовывается автором. Конечно, в изображении семейства Чуркиных в «Последнем из удэге» я очень много взял по памяти от вашей семьи, семьи Цапуриных. Многие факты соответствуют тем, которые действительно имели место в вашей жизни, но многие мною вымышлены, придуманы или взяты из жизни других людей. По тому, как описано семейство Чуркиных, действительно должно было бы получаться (для наивного представления), что старший из братьев Чуркиных — Алеша (Алеша «Маленький») — это Андрей Цапурин. А на самом деле я и по внешности и по характеру списал Алешу «Маленького» не с Андрея, а больше с Володи Шишкина (железнодорожника, если ты пом-

нить его), которого в нашем подполье как раз звали «Володя Маленький» в отличие от Губельмана, у которого кличка была «дядя Володя» или «Володя Большой». Таким образом, в показе семейства Чуркиных я скомбинировал материал жизни вашей семьи, жизни Володи Шишкина, да еще многое придумал, сочинил от себя.

Если ты имеешь связь со своим племянником, объясни ему это, пожалуйста. Если он не с вами живет, напиши ему и перепиши соответствующую часть моего письма.

Напиши мне о своей жизни, работе, о нуждах каких-нибудь, коли они есть и нужна помощь, и вообще обо всем. Не обижайся, если буду отвечать не регулярно. Сердечный привет твоей семье.

Крепко жму руку.

Ал. Фадеев.

357. Б. Л. БЕЛЯЕВУ

30 октября 1955 года

Дорогой Борис Леонидович!

(Кажется, я не перепутал Вашего имени и отчества, что со мной в последние годы довольно-таки часто случается.)

Не скрою от Вас, что я испытываю чувство глубокого смущения, когда обо мне пишутся толстые книги или диссертации. Ведь я, в силу сложившихся обстоятельств жизни, так мало написал! Возражений у меня, разумеется, никаких не может быть, а все неловко как-то.

Один раздел в проекте Вашем кажется мне все же надуманным: это о влиянии, якобы оказываемом творчеством моим на зарубежных писателей. Вряд ли это имеет место, а если и есть отдельные случаи подобного «влияния» на кого-либо из молодых, то вряд ли это можно проследить, когда имеешь дело с чужим языком, да и нет у Вас материала для доказательств. Выйдет надуманно и неловко. Лучше в такие туманные сферы Вам не погружаться.

Ведь это даже в отношении взаимовлияний советских писателей друг на друга трудно бывает проследить. В «Даурии» Седых, конечно, чувствуется Шолохов, но таких «откровенных» примеров в общем мало.

Все материалы, которые Вам понадобятся, можете, как и в прошлый раз, посмотреть, снесясь с Валерией Осиповной.

Желаю Вам доброго здоровья и крепко жму руку.

Ал. Фадеев.

358. В. С. ТЕМНОВУ

30 октября 1955 года

Дорогой Василий Сергеевич!

Больше года прошло, как получил Ваше письмо, а все-таки лежало оно у меня все время где-то возле сердца, и вот, хоть и с опозданием, ужасным и неприличным, я отвечаю Вам.

О причинах задержки с ответом могу, собственно говоря, сказать примерно то же самое, что говорят начальники учреждений, оправдываясь, почему не отвечают своевременно на письма и жалобы трудящихся.

Бесконечно перегружен разнообразной работой. С 1951 года работаю над новым большим романом о наших металлургах, который требует от меня поездок, чтения различных технических и иных книг, и, естественно, все свободное время, остающееся от работы общественной, стремишься отдавать роману. Да и болеть стал я частенько: начали сдавать сердце, печень, самые такие кардинальные органы, в последние годы прицепился «полиневрит» (болезнь нервных оконечностей), который ударит то в ноги, то в руки. В году 2—3 раза лежу в больнице. А это не только само по себе противно, но выбивает из работы. Пока болеешь, дела приходят в запущение, навёрстываешь с удвоенной-утроенной затратой времени и сил. И естественно, многое, что, может быть, по душе-то тебе и ближе и приятней (например, написать хорошее дружеское письмо, полное воспоминаний о том, что тебе дорого, товарищу молодости), все откладываешь и откладываешь, потому что еще сотни писем с жалобами, просьбами, делами стучатся в дверь, и уже их-то отложить нельзя.

Сколько дорогих для меня воспоминаний принесло Ваше прошлогоднее письмо! Только Вы напрасно мотивировали их тем, что я, может быть, Вас «забыл» и надо

«напомнить». Нет, такие вещи, которые мы с Вами в те годы переживали, никогда, на всю жизнь, не забываются. Я Вас всегда помнил и помню, да и вспоминаю среди друзей о нашем походе при случае. Помню, конечно, и наши встречи в 1934—35 гг., и внешность Вашу до мельчайших черточек. В перечислении некоторых событий нашего похода с Вами Вы еще забыли, как нас арестовал анархист Гурко, а потом в отряде его нашлись партизаны, хорошо знавшие нас по Спасску и до Спасска, и дали нам такую аттестацию, что Гурко стал уговаривать нас остаться у него работать, невзирая на то, что в газете «Шум тайги» мы его как-то сильно выругали. И в общем он нас с Вами отпустил. А из Спасска до Мучной, где я сел в поезд, чтобы ехать во Владивосток, меня подвез Пищелка. Мы с ним об этом вспомнили, а заодно вспомнили и о Вас, месяцев пять тому назад. Он прислал мне письмо с просьбой дать характеристику на предмет получения пенсии и, конечно, как все мы, предался в этом письме воспоминаниям. Разумеется, справка для получения пенсии дело безотлагательное, поэтому я ответил ему немедленно и тоже предался воспоминаниям. А он, получив письмо и справку, еще раз мне написал, расширив, так сказать, круг воспоминаний. И очень меня этим порадовал.

Что же рассказать Вам о себе? Когда мы встречались с Вами в 34—35 гг., я был «холостяком»: мой первый брак, сложившийся неудачно из-за того, что, как говорится, не сошлись характерами, распался еще в 1932 году. Вторично женился я в начале 1936 года, жена моя — Степанова Ангелина Осиповна, артистка МХАТ. Теперь у меня два сына. Старшему в декабре исполнится 19 лет, он пошел по стопам матери, — окончив десятилетку, сдал пробы и экзамены в школу-студию МХАТ и учится там. А младшему моему сыну в августе исполнилось 11 лет, он еще учится в школе.

Как бесконечно тянет меня снова побывать в Приморье! И я бы даже нашел время на это, использовал бы отпуск, но пока что не дает возможности поехать новый роман мой. И не только потому, что поездка отнимет немало времени, а главным образом потому, что Дальний Восток у меня в крови с детства: стоит попасть туда, нахлынут такие глубокие, душевные воспоминания, а главное, так будет впечатлять все новое (и особенно именно меня, как человека, хорошо знающего и помнящего старое), что

трудно будет уже писать роман о металлургах, о других людях и чужих местах, дальневосточные темы вытеснят из сердца всё и вся и потребуют художественного воплощения. Вот и приходится сдерживать себя до окончания романа. А на это потребуется еще, наверно, года два (роман большой, листов на 50, то есть примерно на 800 страниц среднего формата книги).

Иногда, проездом на курорт, бывает у меня партизан из отряда Певзнера—Свергун. Он работает в Ворошилове, на железной дороге в депо, а раньше был машинистом и, должно быть, неплохим, т. к. был награжден орденом Ленина. Сам он родом из Зеньковки, и через его семью мы добывали в Зеньковке продовольствие, когда жили в тайге. Совсем недавно был у меня в гостях Ефим Кононов, этого Вы, наверно, помните по Спасску. Он был очень ловким и удалым связным в период партизанчества, а в Спасске работал по военному снабжению.

Возвращаясь к нашему с Вами походу, я вспоминаю, как мы с Вами перебирались в начале пути через страшенейшее болото, почти по грудь в воде, а потом, уже в тайге, ночевали у одного деда на смолокурне. Дед коптил над дымным костерком диких уток. Мошкары было ужас сколько, и дед устроил нас спать в палатках-комарниках, духотища в них была ужасная. Тайга, через которую мы шли, была ужасно дикая, безлюдная, без признаков жизни, — тишина вековечная, — мы так обрадовались, когда вышли в долину какого-то притока не то Улахи, не то Уссури, искупались в речке, а ночевали уже в деревне у какого-то баптиста. Я все это помню, как если бы это было вчера.

Книги свои, дорогой Василий Сергеевич, я обязательно вышлю Вам. Но так как со времени письма Вашего прошло больше года, то Вы сначала подтвердите получение моего письма и подтвердите адрес, а заодно напишите мне — по паспорту Вы Прокопенко или Темнов, чтобы я знал, как надписать книги. А если хотите, чтобы я «Молодую гвардию» надписал Вашему сыну, напишите, как его зовут.

Ну, как видите, и я наконец расписался. Теперь уже все. Пишите. Привет всему семейству Вашему.

Крепко жму руку.

Ал. Фадеев.

359. Д. Н. ОРЛОВУ

Октябрь 1955 года

Дорогой Дмитрий Николаевич!

Привет Вам сердечный. Сегодня не смогу зайти к Вам: Ермилов прислал работу о Достоевском (юбилей в феврале), торопится сдать в печать, просит моего заключения,— тема-то сложная. Буду читать, ибо с утра я весь в процедурах. А завтра зайду после 6-ти вечера.

Поправляйтесь! Боритесь! Все будет хорошо.

Крепко жму Вашу руку.

Ал. Фадеев.

360. Д. Н. ОРЛОВУ

7 ноября 1955 года

Дорогой Дмитрий Николаевич!

Спасибо за доброе слово, за память. Сердечно и Вас поздравляю в этот чудесный праздничный день, который мы, однако, вынуждены с Вами проводить не на улице и не в компании добрых друзей.

Я здесь уже четвертую неделю и давно навестил бы Вас, если бы знал, что это можно, что это Вас не разволнует, не растревожит. Если Вы в силах переносить друзей, то скажите, какие часы для Вас наиболее удобны, и пусть няня скажет мне об этом.

В эти праздничные дни я могу в любое время. А в будние дни у меня вся первая половина дня занята процедурами и могу я, стало быть, разгуливать только после послеобеденного сна — с 5 ч. вечера.

Крепко жму руку и сердечно обнимаю.

Ваш *А. Фадеев.*

361. В. В. ЕРМИЛОВУ

12 ноября 1955 года

Дорогой Вова!

Извини, что пишу карандашом: письмо будет длинным, и мне придется писать его то сидя, то лежа — таков у меня «режим» теперь.

Письмо твое меня очень тронуло и взволновало. Да, мы, конечно, очень давние «единомышленники» в литературе, и вряд ли можно объяснить не такой уж крупной размолвкой (происшедшей даже не на идейной или творческой почве, а на почве специфических «литературных взаимоотношений», отражавших и некоторые общие недостатки партийной жизни того времени, теперь так хорошо понятые, объясненные и исправляемые), — вряд ли этой размолвкой можно объяснить то обстоятельство, что мы так исключительно редко стали встречаться, советоваться, обмениваться решительно всем на свете, как это мы делали раньше по глубокой и непосредственной внутренней необходимости. Я думаю, что эта, в сущности, незначительная в большой жизни «размолвка» была только внешним толчком (мог быть и другой толчок) к тому скорее физическому, чем моральному «разобщению», которое произошло между нами. Разобщили нас наши болезни, болезни близких, вызванное ими колоссальное сокращение запасов душевных и физических сил, которые — каждый из нас это понимает — поневоле вынуждены были (в периоды относительного «благополучия») целиком и полностью быть отданы тому, что каждый считал *самым главным в своей жизни* при необходимости, *вынужденной* необходимости (и в данном случае больше у меня, чем у тебя) отдавать их еще всякого рода *обязанностям* — большим и часто мелким, но неотвратимым. Я так часто и подолгу и так тяжело и в физическом и моральном отношении болел, так бывал частенько подавлен своей болезнью, так переживал медленное, неотвратимое, длившееся лет пять, умирание матери моей, человека столь глубоко и даже болезненно мною любимого, тягчайшую болезнь сына Миши, тоже длящуюся уже четыре года («ревмокардит») и все не прекращающуюся, уже приведшую его к пороку сердца (и насколько это еще может ухудшиться, все еще неясно), а с другой стороны, так был отдан новому роману своему, взявшему годы на одно изучение предмета (и который теперь тем не менее должен быть в корне переделан), так подолгу живал вне Москвы, в условиях для моего возраста и моих болезней, довольно трудных, быстро изнашивающих, и в то же время так много ездил по заграницам, не имея решительно никакого вкуса к тому делу, которым занимался (и которое перегружало и подавляло меня настолько, что, изъездив полмира, — я почти ничего

там не увидел и почти ничего не запомнил), — в общем, в эти пять-шесть лет вся жизнь пошла (и она уже так и шла, когда совершилась наша размолвка) на такое, с одной стороны, подавление сил и возможностей, а с другой стороны, сопровождалось такой жаждой творчества и необходимого для творчества душевного равновесия, что я, в сущности, перестал общаться решительно со всеми. Да, последние пять-шесть лет я общался с людьми любимыми, уважаемыми, друзьями, товарищами, знакомыми *только по необходимости*, возникавшей не у меня, а у них. И еще общался стихийно с людьми далекими от всего того, что может взволновать меня, людьми самыми «маленькими», непритязательными, добрыми, покорными, подчас даже случайно подвернувшимися, но обнаружившими беспечность и в то же время готовность «поухаживать», «облегчить», — общался в тех случаях, когда стихийно возникало то, что стало теперь главным источником моего заболевания, и когда нужно было, чтобы поменьше «сложностей» и побольше простоты, доброты, мира, веселья, болтовни. Сколь ни по-разному все это у нас — по характеру болезней и характеру «дел», но я знал, что твоя жизнь чем-то *очень сходна* с моей. И я знал, что при такой жизни мы при частом общении не только не поможем друг другу, а будем тянуть друг друга «вниз». Ведь мы с тобой не только литературные единомышленники, но и старинные друзья, привыкшие к предельной откровенности, искренности не по Померанцеву — в области политической, общественной, литературной, личной, — к тому же еще и люди активные, невыдержанные, изобретательно-словоохотливые. И мы не могли бы не делиться всем самым тяжелым, чем сопровождалась наша жизнь за эти годы, потому что она, эта жизнь, была и у тебя и у меня тяжелой. Мы не могли бы, помимо нашей воли, не обрушивать друг на друга всю эту тяжесть, и мы чувствовали это на расстоянии и более или менее неосознанно не допускали себя до сближения.

Вот что нас «разобщило», и ничто другое. А размолвка — это пустяки. Да и не только нас с тобой за эти годы разобщило такое и многое другое. В искусстве это чувствуется со страшной силой, разъединяет людей и губительно сказывается на искусстве. У самых лучших это тоже от недостатка душевных и физических сил, а остальные — и печальнее всего, что молодежь тоже — просто и прямо

лезут в обывательщину. Конечно, дело это поправимое и поправится. Есть еще немало людей, создающих подлинные художественные ценности, и растут новые. Есть люди в искусстве полные активных сил, способные бороться — они, к сожалению, в большинстве еще неопытные и просто недостаточно образованы, но поскольку я говорю о лучших, это к ним придет. В отношении таких людей, как мы с тобой, тоже можно сказать, что при большой утрате физических и душевных сил мы еще способны создавать и создадим и при случае можем и подраться с кем следует.

Меня, конечно, пронзила сдержанная трагическая нота в конце твоего письма, связанная с болезнью твоей. Я давно уже слышу, что ты болен, но не знаю характера болезни твоей. Я был бы счастлив, если бы это выраженное тобой в письме чувство едва ли не конца было бы просто выражением твоей мнительности, которую в отношении именно физических болезней я давно заметил в тебе и которой я лично совершенно лишен. Сам я — в смысле болезней моих — еще вполне исправим и надеюсь на это. Хуже с близкими. Матери уже нет, а с сыном дела плохи.

Невозможно было бы, чтобы мы не поделились друг с другом этими сторонами нашей жизни. И, вероятно, мы еще вернемся к этому. Но, конечно, на определенном «этапе» нам уже и не стоит говорить об этом. Лучше *действенно* помогать друг другу, когда нужно, и в то же время не ослаблять друг друга душевно. Когда я говорю о сокращении душевных сил, то я имею в виду именно запас этих сил, а не качества души, не очерствение. Так давно зная тебя и очень ясно сознавая то, что происходит в моем душевном мире, я думаю, что мы стали даже отзывчивее, внимательнее к людям и их нуждам, чем в молодости с ее счастливым эгоизмом, хотя и тогда мы не были черствы.

Теперь о книге твоей. Дорогой Вова, ты написал замечательную, блестящую книгу, может быть, самую трудную и самую лучшую книгу из тех, которые ты написал. В то же время еще не все строительные леса сняты с этого здания, есть недоделки, есть следы естественного и законного увлечения той или иной стороной дела, нарушающие пропорции «за» и «против», что особенно опасно, когда речь идет о Достоевском. Скажу, однако, что исправление этих недоделок и увлечений дело уж не столь трудное,

скорее техническое, опо просто требует пройтись по всему несколько более холодным глазом, а сердцем чуть поостывшим, — требует времени. А по существу, ты сказал самую главную правду о Достоевском, сказал ясным и чистым голосом, с большой отдачей всего себя этой трудной и глубоко русской теме. Я читал все это с большим интересом и увлечением и прочел бы в один присест, если бы сознательно не сдерживал в себе писателя и читателя и не выдвигал на первый план редактора, ибо иначе я даже не заметил бы многого, нуждающегося в исправлении.

До «Записок из подполья» — все это написано исключительно верно и здорово, и замечания мои к этой части носят мелкий, частный характер. Наибольшее возражение, даже протест вызывает то, что связано с анализом и оценкой «Записок из подполья» — не по существу, по существу все объяснено верно, а по недопустимому нарушению пропорций в раскрытии, с одной стороны, Достоевского, с другой стороны, в изложении и характеристике взглядов Чернышевского и, с третьей стороны, в том, что является *твоей* авторской критикой и оценкой. Диспропорция такова, что Достоевский чувствуется, звучит в этой главе сильнее, и страшнее, и мощнее и побивает и тебя и Чернышевского. Дальнейший анализ романов является просто блестящим, исключительно умным, тонким, верным. Чувствуется вообще, какую энергию, сколько ума, какие даже просто физические усилия ты затратил на одну подготовку всей этой книги, на раскрытие Достоевского решительно во всех его сложностях, на препарирование его самого в свете его и нашего времени, с учетом идеологической борьбы тогда и позже, и всего, что было о нем написано (представляю себе, сколько тебе нужно было сделать предварительных письменных заготовок и сколько ты просто держал в голове, что делает честь твоей памяти!).

Раскрыть романы Достоевского так, как это ты сделал, еще никому не удавалось до тебя. Давно уже в наши дни не было нанесено таких глубоких, непреодолимых, неопровержимых, сокрушающих ударов по религии, какие ты нанес с помощью Достоевского. Перекличка с гуманистическими темами современности — исключительная. Очень и очень многое бьет по проявлениям бездушного чиновничьего мышления, бюрократизма, равнодушия к людям, к народным нуждам, по проявлениям карьеризма, обывательщины, моральной и физической трусости, догматизма,

которых, к несчастью, еще так много и в наши дни, *книга твоя бьет по всем тем, кто «устервился» жить для себя и только для себя и в наши великие дни.*

Вместе с тем, и в анализе романов, их объяснении и оценке, тебе порой изменяет чувство меры, пропорции, что особенно усиливается оттого, что эти места в сознании читателя подверстываются к уже совершившемуся перекосу в главе о «Записках из подполья». В этом смысле безупречны анализ «Подростка», «Бесов». И относительно меньших поправок требует глава «Братья Карамазовы». В «Идиоте» изумительно понята и подана тобой Настасья Филипповна, да и многое другое, но нет-нет и нарушаются пропорции. В несколько меньшей степени, но имеет место этот недостаток и в главе «Преступление и наказание», в общем-то прекрасной главе.

Постараюсь суммировать, чем вызвано это нарушение пропорций «за» и «против» (говоря грубо), остающееся в сознании после прочтения всей книги, очень опасное, когда речь идет о Достоевском, учитывая, что большинство людей, которые будут оценивать ее печатно или вслух, не смогут (или не захотят), если она появится в таком виде, понять в ней главное, понять, что это — *правда о Достоевском,* как выразилась Даша в обращенном ко мне вопросе по телефону. А любой человек, открывший новое, как ты, должен понимать, что оно не войдет в жизнь без борьбы, и должен сделать все, чтобы обезоружить противника.

1. Ты настолько влез в Достоевского, что в собственном изложении злоупотребляешь *его* словарем — то закавыченным, а то и без кавычек. Тебе кажется, что если ты объяснил один раз значение слова в *нашем* понимании, то дальше ты можешь его употреблять, как оно употреблено Достоевским, а читатель поймет, где оно дается тобой в его условном значении, а где и безусловном. Приведу три наиболее вылезающих примера. Слово «стыд», «стыдно», «постыдный» по особенностям русского языка даже фонетически соответствует его смыслу, а поэтому им нельзя злоупотреблять, от злоупотребления этим словом становится «стыдно» читателю. Ты повторяешь и варьируешь это слово, сгущая его в иных местах до невозможности, не менее сотни раз в своей книге. Нельзя, хотя бы и в закавыченном виде, так назойливо, без всякого чувства меры злоупотреблять словом «подпольный» человек, «под-

польная» психика. Я бы лично вовсе не употреблял этого специфического, достоевского слова. Во-первых, повинуясь эстетическому закону, не надо употреблять слов, которые в жизни современной употребляются в другом смысле и настолько внедрились в сознание людей именно в *этом* смысле, что он мешает им воспринимать его по Достоевскому. «Подполье», «подпольщик», «подпольная» типография — ведь это уже внедрившееся в наш быт слово, связанное с большевистским подпольем или вражеским подпольем, — сейчас оно особенно воскресло в связи с отмечающейся революцией 1905 года, его употребляют во всех кружках, изучающих историю КПСС, в школах, в вузах при прохождении курса марксизма-ленинизма, оно склонялось во всех падежах в период немецко-фашистской оккупации. Но еще важнее то, что, употребляемое по Достоевскому, это слово — прямая *достоевщина,* оно противоречит и социальной и физиологической науке о человеческом сознании. Поэтому, объяснив и раскритиковав его значение у Достоевского, его нельзя употреблять более двух-трех раз — условно, в закавыченном виде. Не менее двухсот раз употребляются в твоей книге варианты слов «страдание», «мучение», «мучительство», — не надо даже объяснять, какой все это вместе взятое накладывает болезненный колорит на такую чудесную и здоровую книгу. Да это и просто назойливо, наконец!

2. Ты злоупотребляешь старыми гуманистическими понятиями — человечество, всечеловеческий — там, где нужно *прямое социальное* обозначение, и слишком часто вступаешь на путь только морального, гуманистического осуждения — там, где нужна *прямая идейно-политическая* оценка. Поясняю: я не против употребления этой терминологии и моральной оценки — но не там, где нужно говорить прямо о социальном и национальном угнетении и где нужно характеризовать Достоевского не с моральной точки зрения, а с точки зрения идейной и политической.

3. Поняв трагедию Достоевского, ты слишком многое ему прощаешь и невольно сглаживаешь кое-что, исходя из его «мучений» и «страданий» — там, где он приносит неисчислимый вред человечеству и выглядит сволочью. О его личной трагедии, о его мучениях и страданиях достаточно один раз сказать во введении и один раз в заключении — не больше.

4. Самое трудное — объяснить и оценить то, что в самом Достоевском является именно самым трудным, сложным, больным, «темным», противоречивым, «страшным». Никому до тебя не удалось сделать это с такой ясностью и убедительностью. Но, как человек, открывший то, что еще не открыто другими, ты боишься быть непонятым, поэтому излишне цитируешь самое в сущности гадкое в Достоевском, его «достоевщину», разжевываешь это, повторяешься, не замечая, что материал этот начинает количественно превалировать в книге, а в нем есть самодовлеющая сила, не говоря уже о том, что надо, во-первых, чтобы не затемнялось то, чем он нам дорог, и чтобы не уходил в сторону ты, автор, *со своей оценкой и осуждением* — прямым, точным, там, где это нужно. Очень рассусалена, к примеру, тема «двойничества», хотя в основе все верно.

5. Прошу не понять меня так, что критическая часть реакционных сторон творчества Достоевского тобой мало разработана, — нет, она разработана, и здесь много сказано тобой нового и замечательного, в особенности в отношении «Братьев Карамазовых», по поводу которых не мало было напущено слез и соплей в прошлом, а также и в отношении «Бесов».

Достоинством неоценимым твоей книги является то, что ты показываешь и доказываешь, как реакционные стороны мировоззрения Достоевского снижали художественность, иногда приводили к антихудожественности. И все же в ряде мест ты делаешь одну и ту же методологическую ошибку. Сначала «объясняешь», почти только «объясняешь» данное литературное явление и здесь даешь вволю высказаться самому Достоевскому. А потом вступаешь ты и критикуешь то, что вредно, неверно, уязвимо, противоречиво в его позиции. Это, в основе, конечно, вполне допустимо и можно сохранить. Но Достоевский такой автор, что даже, преломленный через *твое* объяснение и изложение его взглядов, он воздействует чрезвычайно сильно и болезненно (особенно при подробном цитировании и повторении от себя одного и того же), и твоя критика приходит как бы слишком *«поздно»,* она уже не в силах снять того погружения в «достоевщину», через которое читатель прошел, пока добрался до твоей критики. Поэтому *в ряде* мест надо уже в самом начале «подключить» Достоевского от себя

и *в ряде* мест неуклонно идти с ним рядом и разоблачать и критиковать его (соблюдая одновременно чувство меры в цитировании и не повторяясь в изложении *его* взглядов). Тогда завершающая критика только докончит то, к чему меня, читателя, уже подготовили. Это особенно сказалось в главе о «Записках из подполья». В этой главе надо обязательно *начинать* с Чернышевского, с изложения *его* идей в «Что делать?», толково объяснив, *что* понимал Чернышевский под разумным эгоизмом и другие основные положения его. Потом дать «возражения» Достоевского, то есть объяснить смысл записок, не давая, однако, так много воли самому Достоевскому, неуклонно идя с ним рядом и критикуя его идейно, и тогда вернуться к Чернышевскому (это у тебя есть), чтобы поддержать его с точки зрения борьбы того времени и оценить одновременно *от себя* и Достоевского и Чернышевского.

6. Хочу обратить особенное внимание на то, что ты в своей книге процитировал и изложил почти все случаи и факты проституирования, насилия, растления девушек и малолетних девочек, имеющиеся в полном собрании сочинений Достоевского. *Чувственная конкретность* этих страшных и болезненных фактов абсолютно заслоняет социальную сторону дела, и в этом смысле книга твоя больше «наведет» молодого читателя (ученика, студента) на эти места у Достоевского, чем разоблачит ужас и мерзость капитализма. Все это надо выбросить, оставив один-два факта на очень дальних расстояниях друг от друга, — ты сам «со свежа» не видишь, каким болезненным, извращенно-эротическим грузом лежит это на твоей книге.

7. И последнее. Достоевский такой автор, что книгу о нем нельзя оставить без заключительной главы. Она должна вновь вернуть к тому, с чего ты начал во введении, но уже обогащенная сгустком-выводом из всего ранее изложенного. Этой заключительной главой, заключением, может служить твоя статья, приложенная к рукописи, статья хорошая, хотя в ней имеются следы некоторых недостатков книги.

Дорогой Вова! Я поневоле остановился в своем письме больше на недостатках, хотя они исправимы легко — кое-что надо просто вычеркнуть, некоторые слова, выражения заменить, в ряде мест вставить новые абзацы, фразы, и только в главе о «Записках из подполья» и в заключении

главы о «Преступлении и наказании» нужна более или менее крупная доработка. Я сделал много замечаний на полях — за что очень извиняюсь, но они являются конкретной расшифровкой того, что я изложил в письме, и касаются только «недоделок» и «недостатков». Там, где стоят просто птички — это, в общем, замечания *того же* порядка, но более мелкие. Замечания мои в некоторых местах носят полемический характер, — это невольно, тоже от азарта и увлечения. Книгу твою невозможно читать равнодушно — она увлекает за собой, втаскивает; такой профессиональный человек, как я, любящий литературу, перечитавший, а во многих случаях впервые прочитавший Достоевского именно в последние годы, во время своих болезней, любящий тебя и твои книги, — воспринимает эту твою книгу, как большой подарок всем нам, а потому не могущий вежливыми фразочками комментировать те места, которые книгу порой просто *уродуют*. К тому же ты очень упрям и, если тебя порой не оглоушить, то и не убедишь. Прошу не сердиться на меня за это.

Я прилагаю здесь листок, на котором обозначены все страницы с моими замечаниями, как крупными, так и мелкими, иногда это просто «птички». Я вспоминаю, с какой ненавистью я смотрел вначале на Тарасенкова, а потом (при издании отдельной книгой) на Ю. Лукина, когда они приходили ко мне беседовать и выкладывали на стол подобные листочки с номерами страниц — листочков пять-шесть, заключавших сотни и сотни больших и мелких поправок. Как мне хотелось сказать что-нибудь грубое и оскорбительное, когда, шурша этими листочками, они раскрывали передо мной ту или иную страницу, девственные поля которой были мелко исписаны, испещрены вопросительными и восклицательными знаками (а у Тарасенкова была даже «SIC!» «NB» и т. п.). Но в конце концов я принял ужас сколько замечаний и поправок у Тарасенкова и, как сейчас помню, 205 поправок у Лукина, потому что они были правильны. Поэтому я имею полное право воззвать к тебе: «Смирись, гордый человек, вдумайся в мои замечания, взвесь их, прими то, что сделает твою книгу безупречной».

А в общем я, конечно, ужасно рад за тебя и дивлюсь, какие в тебе раскрываются всё большие и большие силы. Не торопись обязательно к дате, ведь книге твоей суж-

дено жить и жить бесконечно, постарайся же сделать ее совершенной.

Крепко жму руку и сердечно тебя обнимаю. Мой самый братский привет Даше.

А. Ф.

362. И. С. МАКАРЬЕВУ

15 ноября 1955 года

Дорогой Ваня!

Письмо твое, конечно, очень меня взволновало, как и телеграмма от Раи. Много дорогого и хорошего связано с нашей жизнью в прошлом, а особенно в ростовский период, который я вообще вспоминаю как один из самых светлых периодов своей жизни. Мы, разумеется, не только встретимся для «беседы», а вообще будем встречаться, как я только выйду из больницы, и до конца дней наших. Нужно ли говорить, что и у меня не было никаких сомнений в твоей невиновности; в те времена и позже, когда приходилось разговаривать с Либединским, Валей Герасимовой, Ермиловым, считали, что это «ошибка», вызванная чьими-либо ложными показаниями или клеветой. Теперь, конечно, понимаем, что не ошибка, а преступление в ряду других таких же преступлений тех и более поздних лет. Несколько месяцев назад прокуратура военная обратилась ко мне за твоей характеристикой, я ее дал незамедлительно, копия у меня хранится, и я ее тебе покажу.

Из больницы я выйду самое раннее 25 ноября, самое позднее 1 декабря. Но характеристику тебе в КПК я отправлю отсюда (через Союз писателей), — думаю, что завтра к концу рабочего дня она уже будет там. Напишу (в Союзе перепечатают и подошлют мне на подпись) на имя Комарова с ссылкой, что этим вопросом занимается Бышов.

О разных других делах поговорим при встрече, а потом будем говорить и не о делах. Мой сердечный привет Рае, и передай записку ей от меня.

Крепко жму руку.

А.

P. S. Из наших ростовских знакомств я поддерживаю переписку — не частую, из-за моей занятости, — с Янчевской, Варей Бусыгиной и «Нонычем» (Магалифом).

363. Э. И. ШУБ

24 ноября 1955 года

Дорогая Эсфирь! Бог весть сколько мы не видались, не разговаривали! Не знаю ничего о твоем здоровье, о твоей работе, о душевном состоянии твоем, — часто думаю, что может жить в душе твоей чувство обиды или горечи по отношению ко мне. Но, разумеется, не только об этом думаю я в связи с тобой, я вообще часто думаю о тебе.

Мы расстались, когда я готовился к докладу в актовом зале МГУ для заведующих кафедрами общественных наук в вузах. Давался он мне трудно, так как слишком много нужно было прочесть. И я не успел его написать весь, а только наполовину, хотя по моей просьбе доклад перенесли с 24-го на 27 августа. Все-таки я имел успех. Но я был недоволен своим докладом — именно в той части, где мне пришлось говорить. В таком виде его нельзя было печатать, а в этом, собственно, и был для меня главный смысл доклада. И как-то особенно ясно стало, что для писателей — в нем мало и невнятно сказано о книгах последних лет, а о многих не сказано совсем. «Литературная газета», которая помогала мне материалами и книгами к докладу, висела надо мной, требуя его для печати. У меня же весь пыл уже остыл. Мне надо было садиться за роман, многие неотложные дела по всем общественным и бытовым линиям стояли запущенными. Тем не менее пришлось проделать анафемскую работу: во-первых, выправить самый доклад — для стенограммы и для ЦК, а во-вторых, писать по существу новую статью на основе доклада с присовокуплением все новых и новых материалов и книг. Как всегда, когда что-нибудь делаешь насильно, дело не ладилось, отнимало много времени, я был недоволен собой и жизнью, плохо спал, был раздражителен, а главное, чувствовал себя очень одиноко на даче: вся семья к 1 сентября уехала в город. И как всегда, когда я сам себя насилую и вы-

нужден делать то, к чему душа не лежит, я сразу же заболел моим специфическим заболеванием, едва были сданы последние главы статьи в «Литгазету». Случилось это в конце сентября. Сразу же приехала родня — «спасать», но дело затянулось, и 15 октября я попал в больницу в тяжелом физическом и моральном состоянии. На фоне лет моих и всего отложившегося в организме — за последний десяток лет особенно — я, конечно, переношу эти заболевания все тяжелее. Я почти не спал, не говоря уже о скверном состоянии сердца и печени. В отношении этих органов я все же «Ванька-встанька», их у меня выправили относительно быстро, а с нервами — и в плане физическом (полиневрит), и в плане психическом — дело затянулось. Меня максимально изолировали от внешнего мира, на что я охотно пошел, ибо испытывал одновременно и крайнюю психическую взвинченность, и невероятную душевную усталость.

Вот, собственно, что нас разлучило, — не дало мне возможности и навестить тебя в санатории, и установить с тобой связь из больницы (да и не только с тобой). Конечно, мне удавалось иногда прорваться с теми или иными письмами, а изредка и с телефонными звонками, но я уже и сам выбирал то, что не может взволновать меня и просто уже крайне необходимо по соображениям дела. Несколько раз порывался позвонить Ане, но мне в 54 года уже какая-то гордость не позволяет звонить ей или из больницы, или в состоянии болезни, или после болезни и поневоле признаваться в этом, как это, к сожалению, всегда получается. Она, конечно, человек очень хороший и друг мне, да все же молода и не так уж мне близка, а порой еще и Борис Николаевич подходит, и вот это стало меня стеснять в последнее время. Так вот и прожил я это время после того, как мы расстались, прикованный к тачке — вначале трудоемкой, нелюбимой работы, а потом — болезни, оторванный от друзей и даже просто интересных людей. Единственно, что было хорошим, — это в последних числах сентября, когда я уже заболел, но был еще крепок на ногах и головой, зашел я к Федину, и он мне прочел чудесный отрывок из нового романа — листа на два.

Теперь я уже вернулся к обычному состоянию, сплю, правда (как это уже обычным стало за последние 10 лет), маловато, но духом стал бодр и просто спокойнее.

Пишу тебе, отнимаю время особой своей, а тебе, может быть, совсем не до того. Да и не знаю, дома ли ты? Много раз мысленно возвращался к работе твоей, думая, как она сейчас нужна, нужна новым поколениям в искусстве, которые всего этого не знают, воспитаны на догматизме, невежестве и бюрократических извращениях, а между тем душу имеют добрую, тоже ищут, и надо им рассказывать о людях, для которых искусство было и есть любовь и подвижничество. Здесь я прочел рукопись Ермилова о Достоевском (большая, замечательная работа), и там он полностью приводит воспоминания Достоевского в «Дневнике писателя» о том, как в 5 часов утра пришли к нему Некрасов и Григорович после прочтения «Бедных людей», когда он был юн, одинок, безвестен, и как он потом был у Белинского. Боже, как это прекрасно!

С 15 октября я не встречаюсь ни с кем из литературной среды и среды искусства, не читал за это время ни «Литгазеты», ни «Советской культуры», чтобы не раздражаться. Но краем уха, от больных, я слышал, что будто бы реабилитирован Мейерхольд? Наверно, тебе теперь нельзя обойти его в своей книге, если это правда. Учитывая сложность его пути в искусстве и трагическую судьбу, очень трудно о нем написать — даже психологически трудно. Но «как минимум» нельзя — просто нехорошо было бы — избежать упоминания его фамилии. Обо всем этом надеюсь поговорить при встрече. Я доживаю здесь в больнице последние дни. Сюда мне писать не стоит, ибо письмо может меня уже не застать. Возможно, я выйду 28-го, в понедельник. Я сразу же позвоню тебе.

Сердечно тебя обнимаю и целую.

Саша.

Я помещаюсь в палате, где пользуются телефоном приемного покоя, всегда народ, звонить отсюда трудно и не хочется.

364. М. И. АЛИГЕР

24 ноября 1955 года

Прости, что так долго не отвечал и не смог встретиться здесь в больнице: я был все еще нездоров. Сейчас я уже вернулся к «первобытному состоянию» (так в стари-

ну говорили о вернувшихся из армии к гражданской службе) и на днях выйду из больницы. Тогда мы непременно увидимся. Мне очень хотелось этого все эти месяцы — после того, как мы вместе ехали в машине до Переделкина....

Но я недооценивал сложность работы своей над докладом о литературе, который по заданию ЦК готовил для заведующих кафедрами марксизма-ленинизма в вузах, а потом собирался напечатать. Он, этот доклад, съел у меня весь август (ужасно много пришлось прочесть). В аудитории я имел успех. Мне же доклад показался негодным для печатания. Я так уже морально заавансировался перед «Литгазетой» (и пользовался к тому же помощью ее сотрудников в подборе материалов, цитат и даже литературной правке некоторых мест из стенограммы), что пришлось мне писать статью для них почти наново, и на это ушел весь сентябрь — очень усидчивой затворнической работы. Но делал я ее, в сущности, насилуя себя, без душевной в этом потребности, т. к. стояла без движения первая книга романа (к тому же усеченная и развороченная под влиянием некоторых новых жизненных фактов, о чем расскажу при встрече) и очень много было несделанных, запущенных, насущных дел....

Мне очень жалко огорчать тебя и Казакевича, но положение с романом таково, что отрывки из него давать невозможно до коренной переработки первой книги. Как выражаются ныне, «погорел» основной сюжетный стержень романа с большинством героев, движущих и развивающих эту его главную линию. Если учесть, что все они переплетены с другими персонажами — и в плане производственном, и общественном, и семейном, — мне нужно проделать коренную переработку книги, выбрасывать многое, многих, вводить новое, новых, менять всю структуру книги. Я еще к этому не приступал. Роман стоит без движения с самой весны, когда мне стало известно, что я «погорел». Все это время, когда была возможность, я консультировался с большими и малыми металлургами и теперь более или менее знаю, что мне делать. Но печатать сейчас что-либо — даже те главы, которые предположительно останутся без изменений, — совершенно невозможно: так все кажется сырым и противным.

Выйду я из больницы в районе 28—29 ноября и где-то в ближайшие же дни установлю с тобой связь. Это будет

совсем просто сделать, если ты больше живешь или, во всяком случае, часто бываешь в Переделкине.

Спасибо тебе за память.

Всего тебе самого доброго.

Саша.

365. С. Н. ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ

Ноябрь 1955 года

Дорогой Сергей Николаевич!

Одна из причин, по которым я решил перемежать различные статьи (кроме конкретных рецензий), — в том, что мои «теоретические» статьи слишком подчас отвлеченны. Я хотел бы пойти навстречу *читателю*. Однако, как я вижу сейчас, моя наметка *разделов* не вполне удачна, и я — опять-таки предположительно — вношу новую:

Раздел I — статьи времен РАПП
Раздел II — статьи *до* Отеч. войны
Раздел III — статьи времен Отеч. войны
Раздел IV — статьи *после* Отеч. войны
Раздел V — конкретные статьи, рецензии и письма
Раздел VI — статьи о собственном творчестве.

Называть как-либо эти отделы не надо, — читатель сам догадается. Однако «для стройности» перед каждым разделом должна быть чистая страница с большой римской цифрой I, II, III и т. д.

Мне пришло в голову: очень усилит раздел III глава из «Ленинграда в дни блокады» о Николае Тихонове, она называется «Рыбинская, 5», но мы ее назовем иначе. К этой главе надо подмонтировать концовку из главы «Носящий имя Кирова» — то место, где Тихонов читает рабочим завода Кирова свою поэму «Киров с нами».

Книгу эту нелегко достать, Вы попросите у Валерии Осиповны, сославшись на меня, и попробуйте сделать этот монтаж....

С приветом

А. Фадеев.

366. Е. Д. СУРКОВУ

9 декабря 1955 года

Уважаемый Евгений Данилович!

Нужно ли Вам говорить, насколько я благодарен товарищам и друзьям из Художественного театра, которые вспомнили о «Разгроме» в связи с возможными инсценировками. Но именно потому, что я очень люблю Художественный театр, я после многих раздумий пришел к выводу, что надо всемерно отсоветовать Вам инсценировку «Разгрома».

С точки зрения непосредственно политической, вещь эта несвоевременна. Ведь кроме социально-психологических конфликтов — главным движущим конфликтом в «Разгроме» выступает борьба против японских интервентов и против белого казачества. Будет непонятным, почему воскрешается на лучшей советской сцене давняя борьба с Японией в период, когда идут всесторонние переговоры с ней и когда в самой Японии такой большой подъем рабочего движения и движения за мир. В равной степени нецелесообразно переносить огонь на белое казачество, поскольку его давно уже не существует и поскольку среди белой эмиграции в разных странах так сильны сейчас патриотические настроения в пользу СССР.

Но дело не только в этом. В «Разгроме» только одна женская роль Варвары, которая дана в романе хорошей доброй женщиной, другом партизан, но на которой лежит печать проклятого наследия прошлого, как раз в той сфере отношений, то есть в сфере любовной, семейной, которую в нашем социалистическом обществе мы хотим нормализовать и облагородить. Если сохранить ее образ в том виде, как он дан в романе и как при чтении романа он воспринимается читателем, легко переносящимся в далекое время, — если сохранить ее образ таким на сцене, будет непонятно, с какой целью он прославляется.

И надо учесть еще одно обстоятельство: отношения таких персонажей в романе, как Морозка и Варя, при всех душевных нюансах этих отношений, даны, однако, с сохранением той внешней грубости поведения и особенно высказываний, которые были характерны для определенного времени и которые нет никакой надобности

пропагандировать сейчас. Вас просто заставят «приглаживать» и Морозку и Варю, а приглаженные они никому не нужны.

И последнее: «Разгром» — это все-таки вещь «камерная». Не на этих путях, мне кажется, Художественный театр должен искать возрождения. Если брать прошлое, то, конечно, Художественному театру по плечу были бы инсценировки таких монументальных и в то же время социально-психологических произведений, как «Хождение по мукам» или «Тихий Дон», если их инсценировать и поставить с таким мастерством и тщанием, как это было сделано с «Воскресением». А еще лучше было бы поискать что-нибудь хорошее в прозе наших дней, глубоко современное.

Очень сожалею, если огорчил Вас и других работников любимого мной театра своим отказом. Но в таком серьезном деле приходится поступать «по совести».

Желаю Вам всего доброго и крепко жму Вашу руку.

Ал. Фадеев.

367. С. В. ГИАЦИНТОВОЙ

Декабрь 1955 года

Дорогая Софья Владимировна!

Ужасно огорчен, что из-за болезни не смог своевременно поздравить Вас с сорокапятилетием Вашей творческой деятельности и шестидесятилетием со дня рождения. И все же я решаюсь сделать это теперь, когда не только все тосты произнесены, но давно уже съедены все праздничные пироги.

Много лучших переживаний связано у людей моего поколения, столь близкого к Вашему, с Вашей сценической деятельностью, с теми прекрасными женскими образами, которые с такой душевной силой и блеском мастерства были осуществлены Вами на советской сцене. Я помню Вас так, как если бы я видел Вас вчера, еще на сцене Второго Художественного театра. Стоит мне закрыть глаза, и, как живой, встает в моей памяти Ваш образ в «Униженных и оскорбленных». Нужно ли говорить Вам о том, какой зрелости и совершенства мастерства достигли Вы в «Норе».

Можно со всей уверенностью сказать, что своим неустанным трудом, трудом человека большой души и таланта, Вы не только заработали, а выстрадали право на то, чтобы руководить театральным коллективом и воспитывать все новые поколения советских актеров.

Желаю Вам счастья и целую Вашу руку.

Ал. Фадеев.

368. А. М. ВАСЕВОЙ

Декабрь 1955 года

Дорогая товарищ Васева!

«Приключение Димки на дне Пермского моря» в общем мне понравилось....

Ваш принцип — сочетать научно-познавательную цель с занимательностью изложения — кажется мне правильным. Именно по этому пути шли такие замечательные романисты, как Жюль Верн и Майн Рид, что обеспечило им популярность среди юношества во всех странах мира. Этим я не хочу сказать, что занимательность может быть достигнута только путем сюжетной интриги. Можно назвать ряд произведений В. А. Обручева, академика Ферсмана, М. Ильина, раннего Паустовского, наконец, известного дальневосточного путешественника Арсеньева, которые достигли занимательности иными путями и каждый по-своему.

В своей книжке Вы достигаете поставленной цели только тогда, когда научно-познавательный материал логично и непосредственно возникает в связи с судьбой Вашего маленького героя — Димки. Когда он заблудился в шахте, ищет выхода, мы, читатели, естественно, заинтересованы тем, что он встречает на своем пути, какие опасности его еще подстерегают, и, совершенно незаметно для себя, воспринимаем те сведения познавательного характера, которые нам преподносит автор. Поскольку многое остается еще неразъясненным и загадочным, мы с не меньшим интересом воспринимаем последующие объяснения геолога — дяди Володи.

В тех же случаях, когда Вы искусственно привязываете к Вашей теме эпизоды детской игры и другие события, абсолютно не связанные с Вашей темой, вряд

ли это способствует занимательности: искусственность приема слишком обнажена. Впрочем, маловозрастного читателя это, может быть, и способно обмануть.

Маленькие рассказы Ваши были бы хороши, если бы Вы при их написании подумали бы о том, насколько они могут быть интересны детям из простой рабочей и крестьянской среды, то есть большинству детей нашей страны. Они написаны так, как будто наши дети все происходят из материально высокообеспеченной и высокообразованной среды и как будто все они могут пользоваться такими первоклассными, уникальными магазинами, какие описаны Вами. Я должен сказать, что и «Приключение Димки» могло бы иметь еще более широкое значение, если бы Димка был сыном не геолога, а рядового горняка....

С сердечным приветом

А. Фадеев.

369. ТОВАРИЩУ ХОН СУН ЧЕР

<1955 год>

Дорогой друг Хон Сун Чер!

Письмо Ваше необыкновенно тронуло и взволновало меня таким непосредственным и сильным выражением дружбы по отношению к стране нашей, к советским людям, любви к советскому искусству и литературе и высокой, — поверьте, даже чрезмерно высокой, — оценкой моей литературной работы.

Я бесконечно благодарен Вам за приглашение посетить Корею. Это вряд ли осуществимо в ближайшие месяцы, так как я работаю сейчас над большим романом о металлургах, но, я надеюсь, придет время, когда я с радостью воспользуюсь Вашим приглашением и получу возможность непосредственного общения с корейским народом, который я так люблю и отдельные представители которого были мной с искренним сердечным чувством введены в роман «Последний из удэге».

Мне кажется очень, очень правильным с Вашей стороны, что Вы не уклоняетесь в своей поэтической работе от тем самых актуальных и современных (даже в нашей развитой литературе есть немало людей, которые не ре-

шаются брать эти темы, и это неправильно). Я имею в виду Вашу поэму о людях и их героическом труде на одном из заводов, в центре промышленности Кореи. Конечно, если мы, люди нового строящегося общества, не будем показывать работу, жизнь и борьбу рабочего класса, кто же тогда возьмется за это?

Желаю Вам успеха в этой благородной и не легкой задаче, поскольку в изображении рабочей жизни в ее связи с производственной деятельностью, тем более в стихах, почти нет традиции в мировой литературе: здесь вы идете по непроторенному пути, в ряду новаторов.

Крепко жму Вашу руку. Передайте мой сердечный привет Вашим товарищам.

Ваш *А. Фадеев.*

370. А. НОВАКОВОЙ

<Конец 1955 года>.

Дорогой товарищ Новакова!

Я чувствую себя глубоко виноватым перед Вами, что из-за сильной занятости своей отвечаю Вам с таким запозданием.

Отвечаю на Ваш вопрос: «Итальянские впечатления» Павленко редакционная комиссия не включила в собрание его сочинений по следующим соображениям: они слишком односторонни и могут вызвать нежелательную реакцию известной части итальянского народа, особенно итальянской интеллигенции. В очерке Павленко очень хорошо разработана негативная, критическая сторона, и, конечно, он имел для этого достаточно оснований. Но итальянский народ — это великий народ. И многовековая итальянская культура — это великая культура. В очерках своих Павленко недостаточно развил эту позитивную сторону дела. И это может обидеть многих и помешать развитию дружеских отношений и контактов, к которым все нации так стремятся в наши дни.

Пользуюсь случаем еще и еще раз поблагодарить Вас и товарища Сергея Махонина за ту большую трудоемкую работу, которую Вы проделали, переведя «Молодую гвардию» на чешский язык. Я очень благодарен Вам за внимание, проявленное Вами и теперь, в связи с новым

изданием. После того как переработанное издание вышло в 1953 году на русском языке, роман уже много раз переиздавался, и, конечно, я до самого последнего времени вносил в него те или иные (теперь, правда, мелкие) поправки. Я уже не помню, изданием какого года и какого издательства Вы пользовались. Но я смогу прислать Вам последний вариант с поправками, которые Вам, правда, трудно будет искать, т. к. они большей частью были внесены в текст перед печатанием и внешне их не так-то легко заметить.

К сожалению, я смогу сделать это не раньше второй половины ноября. Мой секретарь недавно уехала в отпуск, последний, «канонический» текст романа хранится у нее, и до ее приезда я не смогу его найти и организовать корректурную сверку с «каноническим» текстом того последнего издания, которое хочу Вам послать.

Еще раз извините за задержку с ответом на письмо Ваше. Мой сердечный привет товарищу Сергею Махонину и всем друзьям.

Желаю Вам всего самого доброго.

Ваш *А. Фадеев.*

Я уже не помню, включены ли в 6-й том сочинений Павленко воспоминания «Горький» и «Тренев», — думаю, что включены, — во всяком случае, Вы вполне можете включить их в Ваше издание, если пожелаете.

1956

371. О. В. КОНЧАЛОВСКОЙ

2 февраля 1956 года

Родные Ольга Васильевна, Наташа, Миша!

Вместе с Вами тяжело переживаю смерть Петра Петровича. Человек красивой, цельной, чистой души, — он прошел свой жизненный путь в труде прекрасном и благородном. Он был для нас олицетворением самого лучшего в искусстве и подлинным другом по сердцу.

Глубоко скорблю о нем, сочувствую Вам от всей души, верю, что Вы мужественно перенесете эту невозвратимую утрату.

Сердечно Вас обнимаю.

Александр Фадеев.

372. Н. К. ИЛЬЮХОВУ

5 февраля 1956 года

Дорогой мой Никола!

Это, конечно, ужасное свинство — отвечать другу молодости, тем более другу по борьбе и скитаниям по Уссурийским долам и весям, через 2,5 месяца после получения его письма! Виновен, да, но заслуживаю снисхождения: к 54 годам нажил я болезнь сердца, а особенно печени + полиневрит, и жизнь моя проходит в беспрерывном чередовании больницы с многообразными делами, которых накапливается тем больше, чем чаще я выбываю из строя. Твое письмо получено было, когда я лежал в больнице. Вышел я в первой половине декабря и должен был в первую очередь ликвидировать страшный прорыв в делах. Надо учитывать, что помимо этих дел я работаю еще и над большим романом о металлургах. Но пробыл я «на воле» не более дней десяти и опять вынужден был лечь из-за обострения болезни печени. Выпустили меня только на несколько дней — на сессию Верховного Совета, где я выступал, — и взяли обратно.

Сейчас я пишу тебе из больницы, где буду находиться еще примерно месяц. Сейчас я чувствую себя уже сносно и пишу свой роман в больничных условиях.

Если ты так и не достал экземпляр книги своей, я, конечно, ее тебе достану — либо в Ленинской библиотеке, либо в редакции «Истории гражданской войны». Беда, однако, в том, что они не дают такие книги на дом. Я сделаю попытку переслать твое письмо нашей землячке и соратнице по владивостокскому подполью 1918—19 гг.— Марии Сахъяновой, работающей в «Истории гражданской войны», с моей запиской. Может быть, она сможет дать тебе эту книгу на время или перепечатает на машинке (а иллюстрации — фото — можно будет переснять потом, когда ты произведешь правку). Одновременно советую

тебе, когда будешь в Москве, узнать у дяди Володи адрес и телефон Сахъяновой — домашний или служебный — и поговорить с ней. Еще можно с ней связаться через Зою Павловну Станкову или Ольгу Левич (она страдает серьезным сердечным заболеванием, все время дома, бывает рада посетителям и может тебе помочь установить контакт с Сахъяновой).

Если все же и Маруся Сахъянова не сможет дать тебе книгу, придется ждать, когда я выйду из больницы, — что-нибудь уж я придумаю.

Ужасно рад был получить от тебя это письмо твое, рад, что ты существуешь, такой же как был, в рабочей форме, с присущим тебе юмором и сердечной теплотой. Сестра моя, Таня, как раз сегодня придет меня навещать и тоже будет рада. Последние годы, после войны, она работала в аппарате ЦК. Потом она перенесла тяжелую операцию язвы желудка и перешла на пенсию, а одновременно пишет диссертацию как заочница в Академии общественных наук при ЦК. Мать в позапрошлом году умерла на 81-м году жизни. До 1944 года она все еще работала как фельдшерица.

С нашими дальневосточными друзьями я встречаюсь относительно часто — главным образом с дядей Володей, Ольгой Левич, Ольгой Лазо, Зоей Станковой, Таней Цивилевой, Тамарой Головниной (она приезжает из Псковской области, где работает в школе механизации сельского хозяйства), с Соней Кляхиной, Тимофеем Ветровым-Марченко, с Ефимом Кононовым, Зоей Секретаревой и мужем ее Костей Серовым («Мишка-Медведь»), а со многими дружками по партизанской борьбе переписываюсь, — иногда кое-кто из них проездом на курорт, или к родне, или по делу попадают в Москву, живут, ночуют у меня. С более крупными деятелями тех времен, — так сказать, «ранга» дяди Володи, — я встречаюсь реже из-за их и моей занятости. Дядя Володя более подвижен и общителен, несмотря на свой возраст, — часто бывает у Левич, Станковой, его я встречаю чаще.

Из той группы молодежи, о которой ты вспоминаешь, остался в живых лишь я один. Саня Седойкин (Бородкин) погиб еще в 1922 году под Хабаровском; Пронозу (Гришу Билименко, работавшего до 1937 года инженером под фамилией Судакова — последняя его партизанская фамилия), а также Петра Нерезова загубили враги народа.

Билименко-Судаков посмертно реабилитирован и восстановлен в партии. Нерезов, работавший до 1937 года секретарем Тарусского райкома партии, также будет реабилитирован в ближайшее время. Зюк, с которым до Отечественной войны я иногда встречался (Исаак Дольников), работал на различной партийной и советской работе и погиб в народном ополчении Ленинграда в первый год Отечественной войны.

Согласен с тобой, что с фамилией Мечика получилось чрезвычайно обидно для его памяти, но получилось это, как ты сам понимаешь, непроизвольно. Когда я попал на Сучан, Мечик уже погиб. Наверно, я слышал его фамилию тогда по рассказам друзей, но я был слишком молод, увлечен всем тем, что мы тогда переживали, и фамилия эта выпала у меня из памяти. Когда я учился в Горной академии, мы по заданию райсовета (группа студентов-партийцев, мобилизованных для этой цели) производили перепись лиц, живущих нетрудовым доходом, и в мою орбиту попал спекулянт с фамилией Мечик. Дело было, разумеется, не в спекулянте, когда я вдруг подумал, что фамилию эту можно использовать в рассказе или романе, поскольку она не часто встречается и хорошо запоминается. А о том, что эту фамилию носил мужественный, чистый и доблестный юноша в партизанской войне, я совершенно забыл, — она, должно быть, совершенно подсознательно ассоциировалась у меня с теми днями, и я использовал ее в «Разгроме» в применении к персонажу совершенно иной складки. Оплошность свою я понял, когда вышла книга твоя в соавторстве с Титовым, но исправлять уже было поздно. Когда ваша книга выйдет вновь, я исправлю это специальным письмом в редакцию «Литгазеты» и в редакцию «Красного знамени» (Владивосток) и «Тихоокеанской звезды» (Хабаровск), в котором скажу, что фамилия эта возникла в «Разгроме» случайно, и я прошу не путать выведенного мной персонажа с действительным Мечиком.

Предложенная тобой тема картины мне понравилась, поскольку в центре ее будет действительная историческая фигура — Сергей Лазо. Для других персонажей можно будет использовать фото, а иных и просто «домыслить» — с нашей помощью и консультацией. Но художники неохотно берутся теперь за темы из времен столь дальних,—

от них требуют современности. Буду, однако, разговаривать с некоторыми.

Пиши мне по домашнему адресу. Крепко жму руку и сердечно обнимаю. Напиши подробней о себе, о твоей семье.

Саша.

373. А. В. СОЛОДОВНИКОВУ

7 февраля 1956 года

Дорогой Александр Васильевич!

Пишу Вам это письмо как письмо частное, письмо писателя, который любит Художественный театр и хочет помочь ему в области репертуара. Хочу обратить Ваше внимание на пьесу талантливого и оригинального поэта (пьеса, однако, не в стихах) Петра Андреевича Семынина «Трудная весна», которая еще никому не известна, — я прочел ее в рукописи. Несколько огрубляя тему ее, можно сказать, что она направлена против людей, которые основной закон социализма рассматривают как максимальное удовлетворение своих собственных материальных и культурных потребностей; она — за служение обществу, народу, государству, что и формирует социалистического человека.

Пьеса построена на характерах, самобытна по языку. Пока не прочтешь до конца, решения, вывода не предскажешь. Написана в хорошей реалистической манере. Это — не сатира, но тема остро поставлена. 3 больших женских роли и 2 маленьких, но характерных. Много хороших людей. 4 роли молодежных и притом основных — 2 женских и 2 мужских. Пьеса выделяется над современным уровнем большинства пьес, и, конечно, когда автор сделает свои последние поправки (он занят этим сейчас), ее оторвут у него с руками. Не заинтересует ли Вас эта пьеса?...

Поинтересуйтесь еще пьесой Валерии Герасимовой «Журавли». Лежит у автора без движения, ибо не понята теми, кто решает вопрос о печатании или постановке пьес в журналах и театрах, а многим писателям и режиссерам она нравится. Я тоже считаю ее хорошей пьесой. Это пьеса за правдивые, чистые, честные, одухотворенные отношения в любви, в семейных отношениях, против

лжи, грубости, обывательщины, эгоизма, приспособленчества в этой сфере жизни. Пьеса актуальная, вполне современная и своевременная, построена так, что ничто в ней заранее не предрешено, характеры оригинальны. В пьесе 4 женских роли, 3 роли для молодых актеров — из них 2 женских, 1 мужская.

И, наконец, почему бы МХАТу не поставить такую оригинальную, героическую, романтическую пьесу, как «Оптимистическая трагедия» Вишневского? Судя по рецензии Ольги Берггольц, спектакль в театре Пушкина в Ленинграде прошел с большим успехом. И ведь она давно уже не шла на сцене; многие поколения, выросшие в предвоенные, военные и послевоенные годы, ее не знают.

Желаю Вам всего доброго и крепко жму Вашу руку.

Ал. Фадеев.

374. МИХАИЛУ ФАДЕЕВУ

8 февраля 1956 года

Дорогой Миша!

Как я был рад, узнав от мамы, что ты неплохо учишься! Правда, можно было бы и еще лучше. Тогда тебе легче будет перейти в 5-й класс в московской школе.

Меня, однако, удивляет, что ты мало и плохо кушаешь. Почему это меня удивляет? Ты любишь читать романы приключений и романы о войне. Ты любишь Майн Рида, Джека Лондона, Стивенсона, Конан Дойля. Герои этих книг — сильные, смелые люди. Они преодолевают опасности, совершают необыкновенные подвиги, сражаются с врагами, покрывают колоссальные пространства в путешествиях, преодолевая усталость, бури, непролазные дебри, страшнейший мороз, высокие неприступные горы. Наверно, тебе нравятся эти герои? Наверно, ты хотел бы быть таким, как они?

Но для этого ты должен быть крепким, сильным, иметь запасы в теле, хорошие мускулы. А разве можно этого добиться, если плохо кушать? Ешь побольше хлеба, картофеля! Ничего не оставляй на тарелке. Я хочу видеть тебя физически и умственно развитым и человеком

сильной воли. Нет аппетита? Заставь себя все съесть, если даже не хочется.

Передай привет своим товарищам по комнате. Жду ответа на первое письмо.

Крепко тебя целую.

Папа.

375. С. Н. ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ

27 февраля 1956 года

Уважаемый Сергей Николаевич!

Я продолжаю работать над сборником. Все же я не могу ограничиться беглым просмотром и делаю первую правку и сокращения.

Все больше я убеждаюсь, что полезно напечатать прилагаемые четыре статьи периода РАПП. Я их сократил — с тем, что в предисловии оговорю, что мною сокращено и почему. В предисловии я скажу, что в них «правильного» и что «неправильного». Учитывая, что мне понадобится, чтобы они были у меня под руками, когда я буду писать предисловие, я прошу Вас их перепечатать, а экземпляры с моей правкой вернуть.

Скоро я закончу просмотр сборника. И тогда мы встретимся....

Когда закончу работу, я Вам позвоню.

С приветом

Ал. Фадеев.

376. В ГЛАВНУЮ ВОЕННУЮ ПРОКУРАТУРУ

2 марта 1956 года

Направляю Вам письмо поэта Ахматовой Анны Андреевны по делу ее сына Гумилева Льва Николаевича и прошу ускорить рассмотрение его дела.

Я не знал и не знаю Л. Н. Гумилева, но считаю, что ускорить рассмотрение его дела необходимо, поскольку в справедливости его изоляции сомневаются известные круги научной и писательской интеллигенции. Сам он (согласно имеющимся в деле и дополнительно прилагаемым здесь документам крупных советских деятелей науки) является серьезным ученым, и притом в той обла-

сти, которая сейчас, при наших связях со странами Азии, нам особенно нужна: он — историк-востоковед.

Его мать — А. А. Ахматова — после известного постановления ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград» проявила себя как хороший советский патриот: дала решительный отпор всем попыткам западной печати использовать ее имя и выступила в наших журналах с советскими патриотическими стихами. Она является в настоящее время высокохудожественной переводчицей лучших произведений поэзии наших братских республик, а также Запада и Востока. Патриотическое и мужественное поведение старого крупного поэта, после столь сурового постановления, вызвало глубокое уважение к ней в писательской среде, и А. Ахматова была делегатом на 2-м Всесоюзном съезде советских писателей.

При разбирательстве дела Л. Н. Гумилева необходимо также учесть, что (несмотря на то, что ему было всего 9 лет, когда его отца Н. Гумилева уже не стало) он, Лев Гумилев, как сын Н. Гумилева и А. Ахматовой, всегда мог представить «удобный» материал для всех карьеристских и враждебных элементов для возведения на него любых обвинений.

Думаю, что есть полная возможность разобраться в его деле объективно.

Депутат Верховного Совета СССР писатель

А. Фадеев.

377. С. Н. ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ

13 марта 1956 года

Уважаемый Сергей Николаевич!

Работа моя несколько застопорилась из-за гриппа. Но сейчас дела опять пошли.

Поскольку вступают в дело новые материалы из моего архива, я прошу Вас — в расположении порядковом книги — размещать эти материалы согласно дате их написания или опубликования.

Мне, конечно, потом нужны будут все материалы книги для предисловия, а главное, для окончательного их просмотрения и снабжения некоторыми авторскими

примечаниями, хотя большую часть последних я уже делаю (как Вы увидите, получив эту порцию материалов). Предисловие у меня много места не займет, ибо я уже проделываю следующую вещь: я вставляю в текст старой статьи «Задачи литературной критики» и в текст последней своей статьи «Заметки о литературе» главную часть того, что предполагал сказать в предисловии. Статьи эти пойдут со сноской: «Печатается в исправленном и дополненном виде», и в конце будут проставлены даты таким образом: 1947—1956 и 1955—1956.

Мне так удобней сделать, ибо все идет в развитие старых мыслей, их уточнение и дополнение, и легче монтируется с уже имеющимися положениями старых статей.

Мне хочется сказать Вам еще следующее:

Просматривая ряд старых статей, я вижу, что в свое время их оригинальные варианты были, во-первых, интересней, а во-вторых, *политически более полноценны* в свете сегодняшних дней.

Они подвергались вивисекции под нажимом редакторов, и не только редакторов. Поэтому хотелось бы, чтобы Вы с Валерией Осиповной (сама она не найдет) попытались разыскать в моем архиве оригинальные варианты некоторых статей:

1. Советские писатели (или Советская литература) в Отечественной войне (напечатана в журнале «Партийная жизнь»). Оригинал либо отдельно, либо в материалах статьи «О советском патриотизме и национальной гордости народов СССР».

2. О советском патриотизме и национальной гордости народов СССР. (Найти бы оригинальный вариант. В нем лучше сказано о других народах, а не только о русском, — а главное, о положении народов в старой России. Ведь вся беда в том, что в те времена заставляли вымарывать все, что говорило о великодержавном шовинизме, а ведь это не по Ленину!)

К сожалению, известная вивисекция — в отношении того места, где говорилось, что старая царская Россия угнетала восточные народы окраин империи, — была произведена и в отношении моей последней речи на сессии Верховного Совета. Но она уже произнесена, и ее не исправишь.

Хотелось бы мне также найти следующие мои заметки и речи:

1. Я вступился в печати за Малышкина, когда его несправедливо «обложили» за Севастополь. Это было в период РАПП (года не помню). Напечатано было, наверно, в «На литературном посту» (комплекты должны быть в библиотеке Ленина), а может быть, в «Литгазете», если она тогда уже выходила.

2. В связи с постановкой «Чудака» во 2-м МХАТ об исполнении Смышляевым эпизодической роли. Напечатано было, по-моему, в «Литгазете» или тоже в «На литературном посту» после первых же постановок. (Можно узнать у Гиацинтовой, или Гедройца (МХАТ), или Хрисанфа Херсонского: год, когда «Чудак» впервые пошел.)

3. В период принятия первого Стокгольмского воззвания (забыл уже, какой это год, — вспомнил, — март 1950) мною была произнесена речь в Шведском обществе культурной связи с СССР, где я говорил, в частности, о *шведской литературе*. Речь не была опубликована. Нет ли ее в моем архиве?

4. В 51-м году (кажется, в июне) в Хельсинки я выступал перед финскими писателями и говорил о финской литературе. Нет ли этой речи в моем архиве? Может быть, среди конспектов?

Желаю Вам всего доброго.

А. Фадеев.

378. Э. И. ШУБ

14 марта 1956 года

Милая Эсфирь!

Еще и еще раз вернувшись мысленно к плану книги твоей, нахожу его все более гармоничным. Именно это слово приходит на ум. В книге все проникнуто настоящей большой индивидуальностью автора. Во взглядах и вкусах автора поэтому отразилось и то, что *его*, и то, что от истории уже, от целого большого поколения, порожденного революцией и теперь частью ушедшего или уходящего. И след, оставленный им, вдруг так значителен, велик! Книга точно говорит: я жила не среди того, что временно

блистало на поверхности, а среди того, что имело признание мира и в то же время прошло через муки и часто — непризнание и отрицание со стороны всего временного, но это-то и вошло в будущее. Отсюда такое значение приобретают эти несколько глыб индивидуальных портретов, вырастающих как бы из течения жизни поколения автора (жизни в искусстве *великого* времени), которое (течение) потом вновь входит в русло — и уже опять все характеристики-встречи носят естественный характер беглых, точных, выпуклых зарисовок. А потом — итог мыслей, вырастающих из *собственного* труда в искусстве. Он поэтому — не итог в смысле рационального объяснения того, что является содержанием книги, а закономерный по ходу книги концентрат *самой себя* в искусстве. Это — твой след среди малых и великих и — вполне естественная «концовка» для такой книги с точки зрения формы.

Я тебе уже говорил, как все сделано тобой необыкновенно экономно. Теперь я могу сказать, что это — стройно. И поэтому в целом гармонично.

Я с огромной радостью взял бы на себя роль того редактора-друга, который все хорошо понимает по существу, но способен видеть всё со стороны (поскольку он — не автор) — мелочи в их соотношении с целым, неудачные выражения и пр.

И потом — при прохождении книги в издательстве, куда я мог бы дать уже свой окончательный отзыв, — я смогу воспрепятствовать «поправкам», которые могут исходить от глупых редакторов.

Посылаю тебе выписку из своего доклада на 1-м съезде пролетарских писателей в 1928 году, который, насколько я помню, происходил в зале Наркомпроса. И назывался мой доклад «Столбовая дорога пролетарской литературы», под каковым названием он печатался в каком-то из журналов, а потом вышел отдельной брошюрой и — спустя года два — в небольшой книжке, обнимавшей еще три столь же несовершенных опуса: «Долой Шиллера!», «Против верхоглядства» и... «За художника материалиста-диалектика» (*sic!* как писали в старину). Как видишь, это — тоже история.

Выдержку даю в той редакции, как была, — за резкость характеристики Вертова извиняюсь, но тогда из этого еще не делалось отвратительных оргвыводов, а кроме того, я признавал его талантливость.

Я вынужден был просидеть в карантине из-за гриппа, но, очевидно, завтра или послезавтра меня выпустят, и я тебе позвоню, хороший и милый мой дружок.

Всего тебе самого доброго, сердечно тебя обнимаю.

Саша.

379. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

16 марта 1956 года

Милая моя Асенька!

Как давно я уже тебе не писал! И даже после моей телеграммы с «обещанием» я, как видишь, не сразу собрался. Жизнь моя по-прежнему чередуется с длительными периодами заболеваний, а в то время, когда я не болею (и даже когда я болею, но способен работать), у меня бывает большой «перегруз» в работе. Он, этот «перегруз», поневоле тем тяжелее, чем более основательно и надолго я выбываю из строя и чем больше накапливается невыполненных дел. Заболевания мои все те же — печень (хронический гепатит), сердце (недостаточность на почве склероза, изменений мышцы). Теперь почти равное время уходит на жизнь в «обычных условиях» и на жизнь в больнице. Последнее мое заболевание было особенно тяжелым. С 13 января и по сей день я в больнице, долго, долго лежал. И выпустят, наверно, только в последних числах марта. Но зато и укрепили меня на этот раз как никогда. Сейчас чувствую себя прекрасно.

Пишу об этом так подробно, чтобы ты все ясно видела, и понимала, и не удивлялась, и не обижалась на длительные периоды молчания моего. Надо учесть, что помимо занятости — постоянной и по-прежнему чрезвычайного разнообразия (хотя она в общем стала более «кабинетной») — не очень-то хочется писать близкому другу, когда болеешь слишком часто. Обойти этот вопрос перед другом нельзя, а постоянно об этом напоминать — тяжело человеку моего характера, по-прежнему очень подвижного, жизнелюбивого и привыкшего видеть себя сильным, работоспособным, а не слабым и «в миноре».

Меня очень тронуло и взволновало то твое письмо, где ты беспокоилась — слово это мало выражает то душевное чувство, которым было пронизано твое письмо, — нет

ли у меня какой-либо постоянной тяжести на сердце, горьких обид и разочарований, — и звала меня в родные места, которые, правда, исцеляют, когда есть близкий человек, родная природа, кипучая людская деятельность, и все это — сквозь светлую волну воспоминаний... Независимо от того, что душевной травмы у меня никакой нет, о чем я еще скажу, меня и вправду очень потянуло на «родину». Я ведь всегда вспоминаю и мечтаю о ней. На сессиях Верховного Совета, Пленумах ЦК, разных всесоюзных совещаниях я встречаюсь с дальневосточниками — старыми и новыми, и все они зовут меня — поехать, посмотреть. Призыв твой, стало быть, пал на почву, всегда взрыхленную. Иной раз я испытываю просто тоску по Дальнему Востоку.

И все-таки мне невозможно сейчас поехать. Я уже тебе объяснял, что я по обстоятельствам жизни пропустил момент «подготовки» романа своего, когда Дальний Восток мог служить в известной части материалом и для этого моего романа. Теперь, когда я уже давно «в ходу», когда мой первый замысел и все, что удалось совершить по этому замыслу, потерпело в значительной части фиаско (об этом я тоже писал) и когда я уже давно в сердце нового замысла и систематически работаю, — такая поездка на родину выбила бы меня из седла. Новые впечатления и переживания, соединенные с воспоминаниями детства и юности (в их силе, можно сказать, первозданной!), вытеснили бы из меня все и вся.

Порой и грустно сознавать — но возраст уже заставляет трезво оценивать положение, — я все больше убеждаюсь, что смогу поехать на «родину» не скоро: не раньше чем года через три-четыре, когда роман (в новом варианте его) будет совсем закончен. Судя по всему, это будет уже последний мой роман на «современном» материале (первую книгу я стремлюсь закончить к началу 57 г.). Потом я буду кончать «Удэге». И вот тогда-то поеду! Поеду надолго, сознавая, что мне как писателю, приближающемуся к 60-ти, «в самый раз» заняться темами, связанными с моим прошлым. Они также могут быть оснащены современным материалом, но уже более автобиографически окрашены. Эти темы всегда подспудно живут во мне и просятся наружу. В сущности, я так мало написал в своей жизни! Но именно поэтому мне «опасно» с незаконченной работой, местом действия которой явля-

ется Урал, Москва, Украина, Ленинград, — возвращаться сейчас в родные места.

Но я должен сказать, что очень, очень соскучился по тебе лично. И как ни неудачно складывались в последние годы наши московские встречи, все-таки они доставляли мне и радость и были мне как-то очень нужны и оставили по себе неизгладимую память, и мне снова очень хочется увидеть тебя. Говоря объективно, какие бы грустные чувства ни ассоциировались у тебя с твоими московскими поездками, все-таки ты могла бы на это время выйти из привычной среды, которая не всегда бывает тебе приятна, немножко встряхнуться, набраться новых впечатлений, повидать Москву и завязать новые знакомства, просто — *отдохнуть,* — и, наконец, мы все ж таки увидимся, будем разговаривать, переживать!..

Поэтому я вновь хочу предложить тебе приехать в этом году и провести время в подмосковном санатории. Приехать, как и прежде, в качестве моего родного гостя. Для этого нужно тебе только одно: сообщить мне, с какого наиболее возможного для тебя раннего срока взять тебе путевку (с учетом того, что практически она может на неделю или дней на десять оказаться позже), и в наиболее короткий срок прислать мне санаторную карту. Тебя может смущать, правда, вскользь упомянутое мною в одном из прошлых писем «изменившееся мое финансовое положение». Но это уже *абсолютно отпало.* Хотя новый роман и задержался, но тут — по потребностям читателей и школ — подошли три новых издания «Молодой гвардии» (да еще сдаю вскоре толстый сборник своих статей — избранных почти за 30 лет), и положение мое восстановилось снова, в прежнем виде и абсолютно прочно. «Эта сторона дела не должна тебя смущать ни с какой стороны» — как сказал один мой приятель — бухгалтер.

После того как Лева дважды останавливался у нас, мне кажется, ты могла бы вполне провести дни до санатория и после него на нашей квартире — тем более что, например, в июле и в августе, когда вся семья на даче, квартира свободна и живет в ней только работница, которая могла бы тебя обслуживать. Но если тебе все же приятнее бóльшая независимость, то ты также могла бы провести эти дни в гостинице «Москва», так хорошо тебе известной.

В общем, напиши мне об этом *срочно.*

Продолжаю о себе. Какие изменения произошли в моей работе? Учитывая, что я пишу большой роман и часто болею, мне предоставили возможность так изменить характер работы, чтобы она не была связана с служебными часами и частыми поездками. Как один из секретарей Союза писателей, я по-прежнему не свободен от излишних и (увы!) чрезмерных (по затрачиваемому времени) заседаний; но теперь я принимаю писателей только по своему выбору, а «не сплошняком» и — на дому; и работа у меня не административно-организационная, а более интеллектуальная — доклады, статьи, чтение рукописей, переписка с писателями на периферии, беседы с начинающими, очень много редакторской работы и т. п. За границу меня посылают теперь значительно реже — только в тех случаях, когда я здоров и сам соглашаюсь ехать. Но зато мне приходится больше уделять времени работе Советского комитета защиты мира и, особенно, возиться с делегациями из-за границы, что является делом довольно канительным, хотя и важным и часто интересным в смысле познавательном. Но что возросло до геркулесовых столбов — так это — многосторонняя деловая переписка с самыми разными людьми, помощь им в самых различных жизненных просьбах! Я уже не говорю, насколько выросло количество депутатских дел, поскольку я уже третий раз избран от одного и того же округа и меня уже хорошо узнали в этих местах Чкаловской области. Но — видно, такова судьба всех людей «на виду», когда они уже «вошли в возраст», — сотни и тысячи граждан, с которыми по роду работы судьба сводила меня на всем протяжении моей сознательной жизни, теперь обращаются ко мне во всех трудных случаях жизни своей. Если я и вообще-то был и остался отзывчивым человеком, чувствуешь особенную невозможность отказать этим людям. Тем более я был так общителен смолоду, так со многими дружил, пользовался гостеприимством, встречал сам поддержку в трудные минуты жизни!...

Подтверждается старая истина: количество работы, занятость зависят не от должности, а от характера человека и отношения к своему долгу. Секретарь низовой парторганизации занят не меньше секретаря ЦК — только масштаб разный. Какой бы класс ты ни вела, работала бы завучем или зав. отделом народного образования, ты

всегда была, есть и будешь занята до предела. Так и у меня. Но, конечно, сейчас *главная* моя работа, отнимающая *главную* часть времени, — это роман. И это, конечно, хорошо. (Правда, это до поры до времени: у нас бывает и так, что вдруг непредвиденные потребности заставляют вновь «водружать» писателя на должность, и отбиться невозможно; я лично всегда хожу под этой угрозой, но пока отбиваюсь.)

Теперь о «настроении», «переживаниях», «трудностях». Дорогой друг, они у меня ни больше, ни меньше, чем у всех людей, особенно когда люди уже не молоды! Но характер у меня не меняется, и жизнь я по-прежнему люблю и умею радоваться ей. А неприятности и даже сложности возникают часто, чередуясь, однако, и с хорошим.... А потом, ведь мы все не «механические граждане», о которых писал в свое время Горький и которых все еще много: переживаем — и глубоко и тяжко порой переживаем — все, что связано с трудностями и недостатками в жизни народа, государства, а также в сферах деятельности нашей, где все проходит в борьбе, в столкновении нового со старым. Однако ведь вся моя жизнь прошла в борьбе, и я к этому привык, и без этого жизнь казалась бы мне бедной.

Ах, как много (а главное, длинно!) я наговорил, уж прости меня, — соскучился! Все письма твои по-прежнему мне дороги, приносят мне живейший интерес и радость. Самый хороший привет маме твоей.

Сердечно тебя обнимаю и целую.

Саша.

380. С. Н. ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ

18 марта 1956 года

Уважаемый Сергей Николаевич!

Всё, что я Вам посылаю — отдельными порциями — идет в том порядке, в каком я хотел бы видеть это в книге. Поэтому Вы их не разрознивайте при обработке и перепечатке.

Мне, разумеется, будет необходимо, чтобы при окончательной редакции я имел бы и перепечатанный текст,

и текст с моей правкой. В некоторых статьях, просмотренных мной ранее, еще сохранились отдельные места, которые следует убрать в связи с теми новыми фактами нашей жизни, с которыми я смог познакомиться только позавчера. Я прошу Вас внимательно отмечать в этом смысле то, что мною пропущено. Одновременно — прошу Вас быть особенно внимательным к тем местам, где я, может быть, допускаю излишнюю резкость, — отмечайте их на полях.

Я понимаю, что в интересах экономии средств и времени — Вам лучше было бы просмотреть всё по правленному мной тексту (без перепечатки) и со своими отметками прислать мне....

Присылайте мне еще что у Вас есть, ведь я близок к концу. Перед статьей «Белинский и наша современность» должна идти большущая статья «Задачи литературной теории и критики». Но я ее задержал для дополнений и изменений, о которых писал в прошлом письме. Пришлю, когда кончу эту работу.

К сожалению, в больнице — карантин из-за гриппа, и нам нельзя увидаться.

Желаю Вам всего доброго.

Ал. Фадеев.

Поздравляю Вас с днем Парижской Коммуны и с «прощальным воскресеньем» — последним масленым днем перед Великим постом. Выбирайте, что Вам больше нравится!

381. С. Н. ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ

Март 1956 года

Уважаемый Сергей Николаевич!

Отправляю Вам очередную порцию просмотренных и выправленных статей. Разумеется, по ним, очевидно, придется мне пройтись еще разок более внимательно. Однако в тех статьях, которые я уже просмотрел, Вы уже не «свирепствуйте» в плане стилистическом. А вообще говоря, я благодарен Вам *очень* за правку некоторых речей. Иногда она слишком придирчива, правда. Не забудьте, что некоторая «корявость» имеет и свои прелести — звучит более непосредственно.

То, что я считаю возможным пустить в сборник, я отмечаю красным крестом....

Я очень ясно убедился, что сноски о том, где и когда произнесена речь, нельзя выносить в приложение, а надо *обязательно* делать внизу. Дата и место соответственно «прикрепляет» и сознание читателя. Иначе многое, справедливое к тому времени и к данной аудитории, будет выглядеть уже неточным или неверным сегодня. Что касается статей, то в конце их надо ставить год напечатания.

Порядок разделов, я думаю, надо изменить. *Все, решительно все* статьи и речи, кроме тех, которые оценивают отдельных писателей, надо разделить на три раздела и давать в хронологическом порядке.

Начать надо с небольшого раздела I — статьи периода РАПП; затем раздел II — все общие статьи, включая статьи о классиках, и, наконец, раздел IV — статьи о собственной литературной работе. В раздел III — дать все конкретные статьи, рецензии, письма о современниках, начав в таком порядке: Горький, Маяковский, А. Толстой, М. Шолохов (если у него есть, сохранились мои письма — или одно письмо — с оценкой «Тихого Дона»), Н. Островский, а всё остальное хронологически.

Письма надо чередовать с рецензиями, чтобы не было претенциозно, а видно было, что они, письма, тоже идут как своеобразные рецензии.

С приветом

А. Фадеев.

382. Ф. П. БУЛОЧНИКОВУ

10 апреля 1956 года

Дорогой Федор Петрович!

Все твои документы давно уже передал по назначению. Теперь тебе нужно запастись основательным терпением: таких дел немало, и рассматриваются они поневоле медленно. Тем не менее я буду все это периодически подталкивать.

Что касается выступления М. Шолохова, то главный его недостаток не в оценке той или иной персоны, а в том, что он огульно обвинил большинство писателей, среди которых, как и в любой другой среде, есть и такие, что

подходят под его характеристику, но гораздо больше таких, которые являются хорошими, честными тружениками.

Думаю, что известные недостатки литературы наших дней объясняются не теми причинами, которые выдвинул Шолохов. Последние два-три года нашей жизни поставили перед писателями так много нового, мы живем в период таких глубоких перемен, что все это не может быть сразу художественно осмыслено и отображено.

Да ведь это и в жизни еще не все «уложилось». Нужно некоторое время, чтобы снова появились хорошие книги о наших днях.

Я уверен, что они будут еще лучше прежних.

Болезнь не дала мне возможности присутствовать на съезде и выступить. Надеюсь теперь выступить не с новой речью, а с новой книгой.

Сердечный привет всей твоей семье.

Крепко жму руку.

Твой *А. Фадеев.*

383. Я. К. КОКУШКИНУ

10 апреля 1956 года

Дорогой товарищ Кокушкин!

Извините, что по болезни так долго не отвечал на Ваши письма. Я с радостью принял бы Ваше предложение и поехал бы в Сормово, если бы трудности мои объяснялись недостатком жизненного материала для моих книг. Но ведь у меня дело обстоит как раз наоборот. Все последние годы я провел на наших крупных металлургических производствах — в Магнитогорске, Челябинске, Москве, Днепропетровске, Запорожье. И пишу я сейчас большой роман о наших металлургах. Но я очень загружен другой работой, к тому же прихварываю. А самое главное состоит в том, что за последние два-три года жизнь внесла столько нового, мы живем в эпоху таких перемен, когда еще далеко не все «уложилось» в художественном сознании и приходится многое пересматривать и переделывать из уже написанного. Работа идет медленнее, чем хотелось бы. Но она идет.

Еще раз благодарю за Ваше дружеское предложение. Я Вас хорошо помню по давним дальневосточным време-

нам, когда был еще зеленым юношей. Правда, мы не были знакомы. Но впоследствии Ваши и мои друзья рассказали мне немало хорошего о Вас.

Желаю Вам доброго здоровья и крепко жму Вашу руку.

А. Фадеев.

384. Н. В. ПОПОВУ

11 апреля 1956 года

Дорогой мой Николай Владимирович!

Продолжительное молчание моего постоянного корреспондента меня несколько обеспокоило. Уж не заболели ли Вы? Я больше чем кто-либо другой могу этому сочувствовать: из-за моей печени и сердца я пролежал в больнице с 13 января по 31 марта и даже не смог участвовать в работах XX съезда. Все-таки мне удалось за это время немножко поскрипеть пером.

В злополучном романе моем опять многое повертывается по-новому. А еще ругают писателей! Многие из нас знают жизнь не хуже тех, кто этой жизнью заправляет. Но ведь только теперь видно, какие глубокие и серьезные обстоятельства мешали и по инерции все еще мешают нашей литературе быть по-настоящему правдивой и свободной в ленинском понимании этого слова.

И теперь вряд ли нужно тебе пояснять, почему многие и многие из вопросов, которые волновали тебя и которыми ты делился со мной в своих письмах, не получали и некоторое время еще не будут получать (по инерции) своего разрешения в жизни.

Сейчас я относительно поправился, работаю по-прежнему много. Рад был бы получить от тебя весточку.

Сердечный привет всей твоей семье.

Крепко жму руку.

А. Фадеев.

P. S. На ловца и зверь бежит! Только что получил твое письмецо. И предположения мои оправдались: ты таки действительно болен. Напиши мне, не могу ли чем-нибудь помочь? Ведь сделаю это и быстро, и поистине от всей души. Фото я поищу и пришлю. Уж ты все-таки

поправляйся. Насчет выступления «деда Щукаря» ты, конечно, прав. Да ведь вся беда в том, что и Сурков, и Гафуров, и тот же Гиндин с его письмом — все выступали «не на уровне» и не о том говорили, о чем нужно говорить сегодня.

Обнимаю тебя.

А. Ф.

385. С. В. ГЕРАСИМОВУ

12 апреля 1956 года

Дорогой Сергей Васильевич!

Извините, что из-за длительной болезни так поздно выражаю чувства признательности и уважения к Вашему таланту. Но, может быть, Вам даже приятнее будет получить этот искренний знак дружеского внимания в дни, когда праздник, посвященный Вашему славному семидесятилетию, уже отшумел, а талантливая работа Ваша для народа все продолжается. Тем более, что Вы знаете, как привлекала меня Ваша работа еще с молодых лет.

Желаю Вам еще долгих, долгих лет творческой деятельности и сердечно Вас обнимаю.

Ал. Фадеев.

386. И. А. НОВИКОВУ

12 апреля 1956 года

Дорогой Иван Алексеевич!

Я был необыкновенно тронут Вашим подарком. Чудесные получились три томика. Наверно, можно было бы сделать больше, если бы кто-нибудь серьезно разобрался во всем, написанном Вами до революции. Если не ошибаюсь, издательство «Федерация» в конце 20-х годов выпустило сборник Ваших избранных рассказов. Помню, я читал их еще в рукописи, и они мне тогда очень понравились, — особенно те из них, что связаны были с деревней, с детством. Мне тогда пришлось говорить с Вами об этом, и с тех стародавних времен появились наши добрые отношения, которыми я горжусь и которым всегда беско-

нечно рад. Жаль только, что редко приходится встречаться.

Еще раз благодарю Вас.

Желаю Вам доброго, доброго здоровья и сердечно Вас обнимаю.

Ал. Фадеев.

387. Р. Н. СИМОНОВУ

14 апреля 1956 года

Дорогой Рубен Николаевич!

Хочу обратить внимание театра на очень интересную, на мой взгляд, пьесу Петра Андреевича Семынина. В первоначальном своем варианте пьеса была у А. Л. Абрикосова, но П. А. Семынин — неопытный драматург, и в этом варианте пьеса была несовершенной. Теперь он ее переработал, — в частности, и по моим советам, — и пьеса мне лично кажется очень нужной и отмеченной печатью индивидуальности.

Вначале несколько слов о П. А. Семынине. Это очень оригинальный и незаурядный поэт, член Союза писателей. Его поэмы, стихи и переводы печатались в наших повременных изданиях и в довоенной «Литературной газете», неизменно вызывая споры, благодаря оригинальности его мышления и своеобразию форм.

Пьеса, на которую я рекомендую театру обратить внимание, написана отнюдь не стихами, но по языку своему она тоже очень индивидуальна. А тема пьесы — одна из серьезнейших тем нашего времени. Коротко эту тему можно сформулировать следующим образом: если основным законом социализма является максимальное удовлетворение материальных и культурных потребностей общества, то это вовсе не значит, что целью жизни человека в эпоху социализма может являться максимальное удовлетворение его личных материальных и прочих потребностей. Таким образом, эта пьеса против собственничества, стяжательства, эгоизма, индивидуализма и за примат долга, общественного служения, труда на благо народа, одним словом, за гуманистические принципы в жизни и деятельности человека нашего времени.

В пьесе много хороших людей и — главное — много хороших женских ролей.

Вот почему я беру на себя смелость просить тебя и твоих товарищей лично ознакомиться с этой пьесой. Рекомендация моя, разумеется, носит только личный характер, поскольку пьеса П. А. Семынина в Союзе писателей не обсуждалась. Но автор очень хотел бы ее видеть именно на сцене театра им. Вахтангова.

Желаю тебе доброго здоровья и крепко жму руку.

А. Фадеев.

388. УЧЕНИКАМ VII-Д КЛАССА СМЕШАННОЙ ГИМНАЗИИ Г. ПОПОВО

18 апреля 1956 года

Мои дорогие друзья!

Извините, что из-за сильной занятости отвечаю вам с таким опозданием, когда письмо мое уже не может быть зачитано на обсуждении романа «Молодая гвардия». Но я хочу от всего сердца поблагодарить вас за внимание и за те добрые слова, которые вы высказали по поводу романа в своем письме.

В свое время я писал этот роман с большим волнением, так как изучение событий на месте особенно наглядно показало мне, какими прекрасными чертами обладает передовая молодежь нашего социалистического общества. Это напомнило мне собственные юные годы на русском Дальнем Востоке, когда в период белой власти и международной интервенции я сам вступал в революцию в рядах таких же подростков — выходцев из рабочей и крестьянской среды и из демократической интеллигенции. Культурный уровень рабочих и крестьянских подростков был тогда значительно ниже. Но они полны были не меньшего революционного энтузиазма, чем «молодогвардейцы».

Желаю вам быть такими же сильными духом и телом, смелыми, преданными народу и коммунистическим идеалам. А для этого прежде всего, чтобы вы хорошо учились.

Передайте мой сердечный привет вашим учителям.

Крепко жму ваши руки.

А. Фадеев.

389. ТОВАРИЩУ ГЮНТЕРУ

18 апреля 1956 года

Многоуважаемый товарищ Гюнтер!

Благодарю Вас за внимание. Над романом «Черная металлургия» я еще работаю и думаю, что первая книга романа выйдет в 1957 году. Я смогу послать Вам рукопись, должно быть, не раньше марта — апреля 1957 года. Я был бы очень рад, если бы роман «Последний из удэге», хотя он еще не закончен (мне нужно написать еще третий том из двух частей), был издан на немецком языке.

У нас в стране были изданы два тома этого романа по две части в каждом. Имеете ли Вы эти тома на русском языке? Роман давно не переиздавался (новое издание этих томов выйдет, очевидно, в конце 56 или в начале 57 года), — в настоящее время я не располагаю свободным экземпляром и попробую найти у букинистов, если Вы в этом нуждаетесь.

Жду Вашего ответа.

С дружеским приветом

А. Фадеев.

390. ТОВАРИЩУ ДЫБОВУ

21 апреля 1956 года

Уважаемый товарищ Дыбов!

Вот что мне хочется сказать Вам по поводу Вашей оценки «Оттепели» Эренбурга.

Вы очень умно и верно выявили и развили главную мысль этой повести — о необходимости всестороннего воспитания человека, воспитания социалистических чувств, без чего получаются «люди-полуфабрикаты» типа Журавлева, Пухова. Я совершенно согласен с Вами, что главной идеей этой повести нужно считать идею социалистического гуманизма. Вы детально разработали эту мысль на основе повести, и я совершенно согласен с Вами, что никто из критиков Эренбурга «не заметил» этой главной его мысли, поэтому критика повести получилась односторонней.

Это тем более печально, что в нашей жизни — в отношениях семейных, в отношениях между юношами и девушками, в отношениях детей к родителям, начальствующих к подчиненным — еще немало пережитков старого и просто грубости. Немало еще у нас и таких явлений, как равнодушие, как бюрократизм, вранье перед обществом и государством, очковтирательство, вызванные опасением за собственное благополучие, а не за благополучие общества; есть еще люди, которые основной закон социализма о максимальном удовлетворении материальных и культурных потребностей общества применяют так, что, если они стремятся к максимальному удовлетворению собственных потребностей, они тем самым якобы являются проводниками в жизнь этого закона. Эренбург справедливо говорит в повести, что вопросы воспитания — это не только вопросы образования, ибо образованных людей немало и в капиталистических странах, а дело в воспитании нового строя чувств и человеческих отношений.

По письмам читателей можно было судить, что многие из них почувствовали эти положительные стороны повести Эренбурга. Однако не меньше было писем читателей, выражавших неудовлетворение характером и содержанием этой повести, — при этом читателей примерно того же уровня, что и первые.

С моей точки зрения, это объясняется очень просто: поставив верную проблему, Эренбург разработал ее без необходимого знания жизни большинства людей, действующих в его романе. При решении такого большого вопроса нельзя показать людей труда и вообще людей, занятых той или иной деятельностью, совершенно обходя в художественном изображении всю сферу их труда и их деятельности, ограничиваясь только изображением их комнатной жизни и их личными переживаниями. Последние тоже нужны, но мысли и чувства советского человека, возникающие в процессе его общественной и трудовой деятельности, являются как раз наиболее важными и интересными для ответа на поставленный автором вопрос. Ведь наши люди, как минимум, третью часть своей жизни проводят в труде — на производстве, в учреждениях, в школе, в лаборатории. Наша советская жизнь развивается, кроме того, в коллективных, общественных формах: даже самый рядовой человек повседневно связан — своими обязанностями и потребностями — с различными советскими

органами, состоит в профсоюзах, в комсомоле, в партии, в спортивных организациях, в творческих союзах, добровольных обществах, участвует в собраниях, начиная с собраний жильцов дома, общих собраний рабочих и служащих и производственных совещаний и кончая участием в различных бюро, комитетах и конференциях, где решаются вопросы, имеющие прямое отношение к материальной и духовной жизни современного человека. Я бы сказал, что в сфере труда и общественной жизни проявляются наиболее передовые качества советского человека. Мы стремимся к тому, чтобы жизнь человека была гармоничной. Но еще и до сих пор в личной и семейной сфере жизни человека чаще проявляются элементы отсталости и, в особенности, мещанские пережитки. По взятой Эренбургом теме можно и должно было бы показать не только лучшие стороны, но и недостатки нашей общественной жизни. Однако нельзя изображать советскую жизнь таким образом, будто этих организаций и этой общественной жизни, от которой в наше время так много зависит личная жизнь и даже личное счастье советского человека, будто этой общественной жизни у нас вовсе не существует, а существует только жизнь семьи и людей-одиночек в комнатах и квартирах, где они и решают все свои жизненные вопросы.

При всем том, что Эренбургу в «Оттепели», несомненно, присуща забота о самом рядовом человеке и согревает его пафос истинно гуманистический, он показывает нашу духовную жизнь — в силу указанных недостатков повести — чрезвычайно обедненной.

Изображение той или иной среды у него и неполное и неточное. Даже самые элементарные детали жизни современного предприятия, работы директора даны так, что всем видно: автор не знает, как это происходит в действительной жизни. И даже жизнь и быт театра на периферии так, как они даны через одну из героинь повести — артистку, не похожи на жизнь и быт современного советского театра.

Ваша статья написана, когда была напечатана только первая часть повести. Сейчас напечатана и вторая часть, но я ее еще не читал, и все мои рассуждения относятся, так же как и Ваши, только к первой части, которую мы рассматривали с Вами как законченную вещь. Эта первая часть написана экономно и, я бы сказал, цельно по отношению к замыслу, но, в силу указанных выше недостат-

ков, она, естественно, вызывает слишком много возражений.

Если мои критические замечания кажутся Вам хоть в какой-нибудь степени верными, то, может быть, следовало бы теперь дать оценку повести в целом, с учетом этих замечаний.

Желаю Вам успеха.

Ал. Фадеев.

391. В РЕДАКЦИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЖУРНАЛА «ДЕ КИМ»

24 апреля 1956 года

Вряд ли можно сказать, что кино за сорок лет развития нашло определенную форму выражения, как это сформулировано в анкете. Это вряд ли верно с точки зрения производственной, ибо кино на наших глазах невиданно преобразовалось и усовершенствовалось на путях технического прогресса и мы еще в наш век увидим такие формы его, какие сейчас даже трудно предположить. Но кино, кроме того, один из наиболее совершенных видов искусства, и, как во всяком искусстве, формы выражений идей и человеческих стремлений, общественных конфликтов и характеров людей здесь столь же многообразны и различны, как общественные классы, нации и индивидуальности творцов кинематографического искусства.

Если в ряде стран можно наблюдать процесс стандартизации, нивелировки произведений искусства кино, то это можно объяснить, главным образом, отсутствием больших идей и духовных интересов у тех людей, которые являются хозяевами индустрии кино, и их погоней за прибылью. Однако и в этих странах, как и в большинстве стран мира, существуют прогрессивные люди, одухотворяемые пафосом человечности и содружества народов, смотрящие на мир правдивыми и ясными глазами, и эти люди, преодолевая большие или меньшие трудности материального и духовного порядка, творят невиданно разнообразные художественные формы кино и создают ему мировую славу.

Не случайно в наши дни наибольшим художественным признанием пользуется кино в тех странах, где прогрес-

сивные силы оказывают наибольшее влияние на жизнь общества: в Италии, Франции, Индии, в некоторых странах Средней Европы, в отдельных латиноамериканских странах. В ряде так называемых «малых» стран Западной Европы, в частности в скандинавских странах, несомненно, имеются большие возможности развития национального искусства кино. В такой стране, как, например, Швеция, кино имеет, как известно, великолепные традиции. Мне кажется, что расцвету кино в этих странах в значительной мере препятствует конкуренция крупных иностранных фирм, поставляющих в массовом числе стандартизированные картины. Необыкновенно радует рождение искусства кино, полного своеобразия и свежести, в новом Китае.

Об искусстве кино в Советском Союзе я предпочитаю, чтобы судили читатели вашего уважаемого журнала.

Мне кажется, что кино обладает такой возможностью выражения всей полноты жизни, что оно является наиболее близким литературе видом искусства.

А. Фадеев.

392. Л. М. НЕИЗВЕСТНЫХ

27 апреля 1956 года

Уважаемый товарищ Неизвестных!

Хочу поблагодарить Вас за внимание. С интересом прочел Вашу статью «Партия и народ в романе «Последний из удэге».

Одно место в статье Вашей не вполне отвечает действительной истории революции и классовых отношений в период 1918—1919 гг. на Дальнем Востоке. Ни в действительности, ни в романе — дальневосточное крестьянство не поддержало белых и чехов, когда они временно свергли советскую власть. Многие представители бедняцкого крестьянства боролись в рядах Красной гвардии против контрреволюционного переворота. В романе сказано, что Федор Шпак, сын бедного крестьянина Иосифа Шпака, участвовал в борьбе с чехами и белыми на Уссурийском фронте. Другое дело, что крестьянство в массе своей не поддержало советской власти против чехов и белых. Объяснялось это не какими-либо принципиальными ошибками со стороны советской власти на Дальнем Востоке, а главным

образом тем, что в Дальневосточном крае никогда не было помещиков, и в этот первый период советской власти, связанный с послевоенной разрухой, крестьянство еще не получило каких-либо ощутимых результатов от советского строя и стихийно заняло нейтральную позицию.

В романе все это в достаточной мере объяснено.

Желаю Вам всего доброго.

С приветом

Ал. Фадеев.

393. ТОВАРИЩУ ГУРЕВИЧУ

27 апреля 1956 года

Уважаемый товарищ Гуревич!

Различные мнения о произведениях и спор вокруг произведений — на пользу литературе.

Считаю глубоко неправильным, если Ваша статья о поэме «У наших знакомых» Н. Грибачева не печатается только потому, что Ваша оценка поэмы расходится с моей оценкой в «Заметках о литературе».

Но Вы ошибаетесь, если предполагаете, что я обладаю какой бы то ни было «властью» по отношению к литературно-художественным журналам. Я был бы рад, если бы один из двух толстых журналов в Ленинграде напечатал Вашу статью, которая, как мне кажется, требует некоторой доработки.

С приветом

А. Фадеев.

394. А. А. АХМАТОВОЙ

27 апреля 1956 года

Дорогая Анна Андреевна!

Сердечно благодарю Вас за книгу переводов корейской классической поэзии.

Читали их вместе с Е. Ф. Книпович с большим удовольствием. Переводы — выше всяких похвал.

Желаю Вам здоровья и крепко жму Вашу руку.

А. Фадеев.

395. М. Е. МАРКАРЯН

29 апреля 1956 года

Дорогая Маро Маркарян!

Извините, что поздно отвечаю Вам. Хочу поблагодарить Вас за книгу. К моменту получения ее я уже был с ней знаком. Нет возможности в кратком письме дать оценку стихам Вашим. Но Ваш чистый голос слышен, он индивидуален и западает в душу, когда Вы выражаете себя, а не пишете на темы общие. Однако и лирические стихи Ваши неравноценно хороши. Ведь каждое лирическое стихотворение — это и мысль и чувство одновременно, и форма каждого такого стихотворения совершенна тогда, когда в немногих строфах удается передать эту гармонию мысли и чувства, то есть их эмоциональное и логическое развитие, где есть начало, подъем и завершение.

У Вас же немало стихотворений, которые внутренне не завершены, нет этой гармонии мысли и чувства, поэтому вклиниваются неоправданные, случайные строки, особенно — концовки.

При встрече с Вами я мог бы конкретно указать Вам эти стихотворения. Но радует, что Вы все же стремитесь к краткой и точной форме выражения чувства и что на этом пути у Вас имеются абсолютные удачи.

Желаю Вам всяческого успеха и крепко жму Вашу руку.

Ал. Фадеев.

396. И. Л. СЕЛЬВИНСКОМУ

29 апреля 1956 года

Дорогой Илья!

Много времени утекло с той поры, как мы беседовали с тобой по телефону. За это время так много случилось большого, принципиально нового, что главная тема нашего разговора — о «Большом Кирилле» и о некоторых вопросах нашего литературного развития — тоже повернулась по-новому, обнажив свою более глубокую суть.

Я так долго проболел, что во многом отстал от наших конкретных литературных дел и не знаю, какую судьбу претерпела или претерпевает третья часть трилогии тво-

ей. Мне говорили, что вышел номер «Вопросов истории» (и был соответственный доклад в Союзе писателей), где многие взгляды на эпоху Петра и Грозного опять подвергаются пересмотру. Всего этого я еще не слышал, не читал, и меня очень беспокоит, не отразится ли все это и на отношении редакций и издательств к двум уже опубликованным частям твоей трилогии. Должен сказать, что я в оценке этих эпох никогда особенно не гнался за «модой» и не применялся к конъюнктуре, а руководствовался тем, что было присуще всегда русской, передовой, прогрессивной мысли. Надеюсь в ближайшее время ознакомиться со всем новым, что появилось на этот счет, и поговорить с тобой обо всем подробнее при личной встрече.

Сейчас у меня сильно запущены собственные литературные дела, не говоря уже о многих скопившихся общественных и бытовых делах, да и здоровье все еще не налаживается как следует. Поэтому я вынужден откладывать и нашу встречу. Однако надеюсь в скором времени позвонить тебе и встретиться.

Наверно, ты сейчас перерабатываешь или уже переработал «Большого Кирилла». На всякий случай возвращаю тебе верстку, должно быть, тебе пригодится этот экземпляр.

Передай мой сердечный привет Берте Яковлевне.

Крепко жму твою руку.

Ал. Фадеев.

397. М. В. АЛТАЕВОЙ-ЯМЩИКОВОЙ

29 апреля 1956 года

Дорогая Маргарита Владимировна!

Большое сердечное спасибо Вам за книжку. Я всегда с восхищением и преклонением перед Вами думаю о том, как неутомимо много Вы работаете. Наверно, есть в мире такое доброе место, — может быть, это просто благодарная память человечества, — где все это «засчитывается». Вы, право, так много сделали, особенно для юных поколений, что хочется благодарно пожать Вашу руку.

Желаю Вам здоровья и здоровья.

Привет Вам от всей души.

Ваш *А. Фадеев.*

398. П. А. ГАРЯНОВУ

29 апреля 1956 года

Дорогой Павел Абрамович!

От всего сердца приветствую Вас с полувековым служением народу на русской сцене и славным семидесятилетием со дня рождения.

Неисчислимы роли, сыгранные Вами за полвека, — от самых малых до самых больших, — и поразителен их диапазон. А самое главное — в том, что образы эти, созданные Вами, запечатлевались в сердцах тысяч и миллионов зрителей, воспитывая их в духе высокой человечности. Тем самым Вы участвовали в великом деле воспитания новых поколений людей. И что особенно дорого — новых поколений людей нашего социалистического общества, ибо большая часть Вашего замечательного труда выпала на советское время.

Я счастлив тем, что мне удалось видеть Вас в роли профессора Горностаева в пьесе К. А. Тренева «Любовь Яровая», и впечатление это живо во мне до сих пор.

Желаю Вам долгих лет жизни и творчества, крепко жму Вашу руку и сердечно обнимаю.

Ал. Фадеев.

399. М. Б. КОЛОСОВУ

29 апреля 1956 года

Дорогой Маркуша!

Спасибо тебе за книгу. Ей долго пришлось дожидаться меня, да я и теперь еще не вполне здоров. Как всегда, за время болезни пришли в запустение многие мои общественные и бытовые дела. А за это время в жизни совершилось так много принципиально нового, что роман мой вновь должен претерпеть крупные изменения.

Все это берет у меня сейчас много времени, а работоспособность моя уже не та. И только этим объясняется, что я еще некоторое время не смогу добраться до твоей книги.

Не думай, однако, что это происходит от недостатка внимания, а тем более сердца — нет, меня по-прежнему

всегда интересует твоя литературная судьба, потому что по своему таланту и уму ты еще не сделал того, что мог бы сделать, и мне это не безразлично, ведь ты человек мне близкий.

Я все-таки надеюсь вскоре разобраться во всех своих делах, прийти в известное равновесие, и тогда мы с тобой обязательно встретимся.

Желаю тебе всего самого доброго.

Любящий тебя

Ал. Фадеев.

400. С. Н. ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ

<Начало мая 1956 года>

Уважаемый Сергей Николаевич!

Возвращаю выправленный материал. Не горюйте о стенограмме «О своей работе». Ее «теоретическая» часть изложена в других статьях. Факты о написании «Молодой гвардии» изложены в двух выступлениях перед читателями.

А то, что там есть о русской классике, — незавершенное цитирование моей записной книжки, — это я все выберу из своих записных книжек, и мы это дадим под названием — Субъективные заметки

(О русской классике) —

как завершающее к разделу о языке, о своей работе и пр.

С приветом

А. Фадеев.

Только теперь вижу, сколько труда Вы вложили, чтобы все это разыскать, отобрать, систематизировать, выправить. Не могу не поблагодарить Вас от всего сердца!

А. Ф.

401. Т. А. ВЕТРОВУ-МАРЧЕНКО

8 мая 1956 года

Дорогой Тимофей!

Большое спасибо тебе за память. Передай мой дружеский привет всем нашим милым дальневосточникам, с которыми встречаешься.

Я сейчас еще не вполне здоров и очень, очень занят, поэтому мне трудно встретиться с тобой в течение мая месяца.

Все-таки лучше будет, если ты мне передашь на просмотр все, что тобой написано и напечатано. Теперь я все-таки смогу выделить часок поздним вечером, чтобы ознакомиться с твоей книгой. И тогда мы сможем поговорить с более определенными результатами.

Сердечный дружеский привет тебе и пожелания здоровья.

А. Фадеев.

402. ЛЮДМИЛУ СТОЯНОВУ

8 мая 1956 года

Дорогой Людмил Стоянов!

Большое сердечное спасибо за сборник статей, речей, писем. Особенно радует, что Вы так много внимания уделяете нашей советской культуре, нашим писателям. Нельзя не поблагодарить Вас за это от всей души.

Старых и лучших друзей ни я, ни мои товарищи, конечно, не забудут никогда. Ведь мы работаем вместе с Вами на одном поприще более четверти века. Нам всем столько пришлось в жизни пережить и перенести, но мы не согнулись в борьбе и бодро смотрим в будущее. Я всегда гордился и горжусь дружбой с таким человеком, как Вы, дорогой друг Стоянов.

Желаю Вам доброго здоровья и сердечно Вас обнимаю.

Ваш *Ал. Фадеев.*

403. САМЕДУ ВУРГУНУ

11 мая 1956 года

Дорогой друг Самед Вургун!

Приветствую твой высокий, умный, жизнелюбивый талант, взращенный родным народом и целиком отданный ему. Наследник всего лучшего, что дала поэзия народов Востока за многие столетия ее развития, ты своеобразно сочетал это с достижениями русской реалистической

поэзии, и творчество твое, обогащенное всечеловеческими идеями нашего века, выступило как новое слово в развитии нашей советской поэзии.

Счастливый и гордый многолетней дружбой с тобой, шлю тебе свое братское поздравление с днем пятидесятилетия.

Желаю тебе крепкого здоровья, новых творческих радостей и побед на благо нашей Родины, во имя коммунизма.

Твой *Александр Фадеев.*

404. В. К. КЕТЛИНСКОЙ

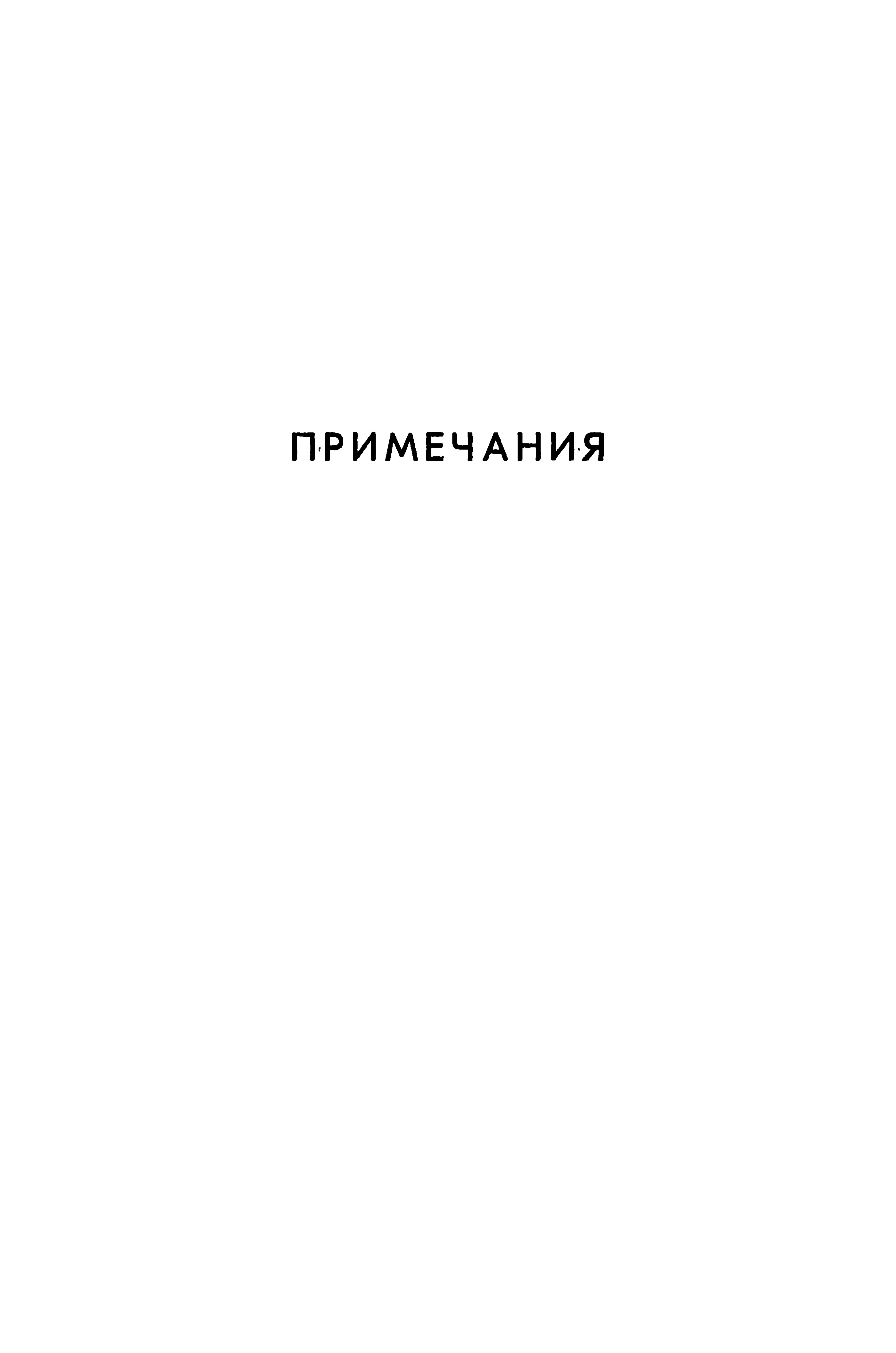
11 мая 1956 года

Дорогая Вера Казимировна!

Приветствую Ваш целенаправленный мужественный талант. Всегда преклоняюсь перед Вашей творческой энергией, стремительностью, настойчивостью.

Желаю Вам здоровья. Крепко жму Вашу руку.

Ваш *Александр Фадеев.*

ПРИМЕЧАНИЯ

«...Я получаю в день около сотни писем, — говорил Фадеев. — Среди них очень много личных — от старых и новых друзей, от людей, просто ищущих совета и теплого слова от писателя».

Обширная переписка Фадеева свидетельствует не только о разнообразии интересов писателя, о поразительной его трудоспособности, но и о каком-то особом, *жадном* его любопытстве к самым разным людям, о неутолимой потребности в душевном общении со всеми этими «старыми и новыми друзьями», о большой человеческой отзывчивости и сердечной щедрости.

«Может быть, сильнейшим качеством личности Фадеева, — справедливо сказал К. А. Федин, — была беспредельность служения литературе — то, что Горький любил называть «одержимостью». Письма Фадеева к писателям (составляющие большую часть тома) — это всегда очень страстный, заинтересованный и в то же время удивительно конкретный разговор о великом назначении литературы, о ее народности и партийности, об общественном призвании и гражданском долге писателя, о его мировоззрении, мастерстве и таланте.

Можно не соглашаться с отдельными высказываниями, советами и оценками Фадеева, но нельзя не видеть сквозь строки его писем большого и доброжелательного друга советской литературы, человека, который отлично понимал, «насколько мелки и малоинтересны всякие литературно-житейские недоразумения перед подлинными, глубокими, коренными вопросами нашей общей борьбы и жизни».

Письма Фадеева дают возможность проследить жизненный и творческий путь самого писателя, внимательнее вглядеться в духовный мир этого замечательного художника. Очень важно и то, что рассказывает в них Фадеев о собственной писательской работе, о своих планах и замыслах, о своем понимании отдельных проблем творчества.

Но, пожалуй, одна из наиболее существенных особенностей фадеевских писем — та, что они раскрывают *личность* писателя, со всеми ее сложностями и противоречиями, радостями и печалями, увлечениями и заблуждениями. Мы вправе рассматривать фадеевскую переписку как своего рода эпистолярный роман, главным героем которого является сам Фадеев.

Собранные воедино, письма А. А. Фадеева — из частной, казалось бы, переписки — вырастают в интересную книгу о жизни советского общества в один из ее значительных и наиболее сложных периодов, в книгу о том поколении советских писателей, которому выпало на долю счастье «детскими еще губами произнести такие слова в художественном развитии человечества», каких до них «не мог сказать ни один, даже самый крупный, из художников прошлого».

* * *

Первые письма А. Фадеева относятся к началу 20-х годов, когда, оправившись после ранения, полученного в бою под Кронштадтом, он приехал в Москву, чтобы вскоре из «военкомбригов» стать студентом Московской Горной академии (сентябрь 1921 г.).

Именно в те годы у него пробуждается желание — попробовать свои силы на литературном поприще: он включается в работу литературных групп при журналах «Октябрь» и «Молодая гвардия», участвует в горячих спорах и дискуссиях, а вскоре начинает, хотя и урывками, писать первую повесть «Разлив» и вслед за ней — рассказ «Против течения».

В начале 1924 года, не закончив Горной академии, Фадеев был мобилизован на партийную работу и уехал на Северный Кавказ. Здесь — в Краснодаре, а несколько позже в Ростове-на-Дону — начался новый, очень важный («ростовский») период в жизни Фадеева, сыгравший большую роль в идейно-творческом развитии молодого писателя.

Из немногих сохранившихся фадеевских писем тех лет (1924—1926) особый интерес представляют письма к Р. С. Землячке.

Значение переписки Фадеева с Землячкой выходит далеко за пределы узкобиографического интереса. В одном из писем Фадеев благодарит Землячку за школу большевистского воспитания, которую она ему дала. Он вспоминает, сколько молодежи, благодаря такому же заботливому отношению со стороны старых большевиков, «научилось не только понимать, но чувствовать нутром основную сущность партии, ее линию, настроение массы,

научилось презирать болтовню, освободилось от идеалистической «революционности вообще», основанной, например, на простом, слепом преклонении перед «авторитетами», часто мнимыми, и заменило ее подлинным трезвым сознанием долга и чувством революционной перспективы в мелочах».

Фадеев рассказывает Р. Землячке о работе над «Разгромом», признается ей, как остро почувствовал он необходимость настоящей профессиональной учебы.

В 1926—1927 годах литературная деятельность становится для Фадеева, вернувшегося в Москву, основной. «На пленуме ⟨ВАПП⟩ меня избрали оргсекретарем, — сообщает он Р. С. Землячке 4 декабря 1926 года. — В основном, конечно, я буду заниматься творчеством — иначе пропадает всякий смысл моего откомандирования с партработы».

Однако последующая жизнь Фадеева сложилась иначе. Как всегда, со свойственной ему увлеченностью, он «с головой» уходит в практические дела сначала РАПП, а затем Союза советских писателей.

Письма 20—30-х годов лишь частично отражают большую и напряженную работу, проделанную Фадеевым в годы собирания сил советской многонациональной литературы, когда в ожесточенных спорах различных литературных «платформ», «течений» и «деклараций» складывались и развивались эстетические основы литературы социалистического реализма, когда длительный и нелегкий процесс объединения разрозненных литературных групп завершился в конце концов образованием единого Союза советских писателей.

Среди фадеевских адресатов второй половины 20-х — начала 30-х годов появляются имена А. М. Горького, А. С. Серафимовича, А. Н. Толстого, М. М. Пришвина, В. В. Вересаева, Н. А. Островского, Ю. Н. Либединского, В. П. Ставского, В. В. Ермилова, П. А. Павленко, М. А. Шолохова, М. Л. Слонимского, А. Н. Тихонова (Сереброва), В. Г. Лидина, В. М. Саянова, И. Г. Лежнева и многих других.

Особое место в переписке Фадеева этих лет занимают письма к А. М. Горькому.

Фадеев принадлежал к той плеяде советских литераторов, которые — по его собственному признанию — росли и формировались под непосредственным влиянием Горького: «Среди писателей моего поколения, — говорил Фадеев, — нет ни одного, кто, входя в литературу, не был бы им благословлен». Одним из первых Горький заметил и высоко оценил талант Фадеева. Видя в нем одного из самых крупных молодых художников слова, Горь-

кий взыскательно относился к тому, что выходило из-под его пера. Вот почему, наблюдая, с каким увлечением отдается молодой писатель общим литературным делам, часто во вред своему собственному творчеству, Горький предостерегал Фадеева, что «дело может кончиться просто гибелью дарования».

Письма Фадеева первой половины 30-х годов, и в особенности его письма к Горькому, дают возможность лучше понять сложную атмосферу литературной жизни тех лет, когда руководители РАПП (и в их числе Фадеев) в своем искреннем стремлении выработать новый творческий метод советской литературы допускали серьезные ошибки, выдвигая подчас путаные, недостаточно продуманные лозунги, которые мешали нормальному развитию литературы.

В письмах Фадеева в конце 20-х годов уже начинает проскальзывать неудовлетворенность тогдашними условиями литературной жизни. Так, в письме Ю. Либединскому (2 апреля 1929 г.) он прямо говорит, что начинает ощущать какую-то общественную «неприкаянность» писателей: много в их жизни «зряшней мышиной беготни», пишет он, и нет главного — «нет повседневной связи со всем живым, массовым, что творится вокруг».

Постановление ЦК партии от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций» положило начало новой эпохе в развитии советской литературы. Осознав это, Фадеев старается решительно преодолеть те колебания и сомнения, которые возникли на первых порах у многих рапповских руководителей (и у него в том числе) в связи с реализацией этого постановления. Критикуя рапповскую групповщину, Фадеев, однако, подчеркивал, что «подавляющее большинство литераторов, входивших ранее в группы, были честными советскими литераторами, много сделавшими для советской литературы, хотя пережитки литературной групповщины продолжали жить в их среде некоторое время и после ликвидации РАПП».

После Первого съезда советских писателей Фадеев с группой писателей[1] уезжает на Дальний Восток. Его письма оттуда насыщены богатыми впечатлениями от поездок по родному краю, от знакомства с новыми людьми и местами. Как член Дальневосточного крайкома партии, он занимается делами хозяйственного и культурного строительства края, редактирует дальневосточный журнал «На рубеже», организует в Хабаровске отделение Союза писателей, проводит встречи с читателями, собирает местных литераторов и помогает им советами. По письмам того вре-

[1] А. Фадеев, П. Павленко, Р. Фраерман и венгерский поэт А. Гидаш.

мени чувствуется, что писатель «в родной стихии», а главное — *он пишет*: «Жизнь моя течет в трудах...» Вот почему и настроение у него ровное и бодрое: «Оно у меня всегда такое, когда я пишу» (из письма сестре).

Фадеев ведет деятельную переписку с друзьями-москвичами, зовет их на Дальний Восток, привлекает к работе в местном журнале.

В письме к С. М. Эйзенштейну (16 января 1935 г.) он развивает свою прежнюю мысль о необходимости поисков в области синтетического искусства. В письме к Э. Шуб (26 февраля 1936 г.) Фадеев делится своими размышлениями о задачах современного искусства. Он считает, что настало время борьбы с натуралистическим серым письмом — за большое, умное, правдивое, вдохновенное искусство, и высказывает интересные мысли о настоящей, подлинно большевистской критике, которая должна разъяснить народу, что, критикуя отдельных больших советских художников (шла речь конкретно о Мейерхольде и Шостаковиче) за их «левацкие» формалистические увлечения, мы всегда должны видеть и помнить то подлинно талантливое, что они «могут и должны развивать в интересах народа». При этом Фадеев ссылается на Маяковского, который ведь тоже прорвался через «левацкое уродство» и загремел «во весь голос».

Из переписки второй половины 30-х годов обращают на себя внимание письма к Н. А. Островскому, личная встреча и знакомство с которым у Фадеева произошли в Сочи, в середине мая 1936 года. Внезапный отъезд Фадеева в Москву лишил его возможности вновь встретиться с больным писателем и поговорить о книге «Как закалялась сталь». Вскоре он посылает Островскому письмо (уже из Москвы), в котором подвергает обстоятельному разбору этот роман.

С большим интересом и вниманием будут прочитаны публикуемые здесь письма Фадеева к П. Павленко, с которым его связывала многолетняя личная дружба.

В годы Великой Отечественной войны Фадеев вновь надевает военную шинель: в качестве специального военного корреспондента он выезжает в Действующую армию. На страницах центральных газет появляются его очерки и статьи с Западного, Калининского, Центрального и Южного, Третьего Украинского и Ленинградского фронтов. Его письма из Действующей армии полны незабываемых впечатлений и ярких зарисовок фронтовой жизни.

В эти годы он ведет переписку с писателями, журналистами и издателями по поводу книг, которые особенно нужны народу

в дни войны. Немало заботы проявляет Фадеев по отношению к писателям, эвакуированным в тыловые районы: привлекает их для работы на радио, в Совинформбюро, подсказывает им нужные темы, заботится о быте больных или престарелых литераторов.

К этому же времени относится единственное сохранившееся письмо Фадеева к его большому другу — поэту В. Луговскому, трогающее своей сердечностью и какой-то особой мужественной теплотой.

Конец 1944-го и 1945 год были заполнены напряженной работой Фадеева над романом «Молодая гвардия». Писем за это время написано очень мало: все творческие силы писателя отданы роману.

* * *

Первые послевоенные годы в жизни Фадеева были насыщены активной общественно-политической и литературно-организаторской деятельностью.

Вскоре после опубликования «Молодой гвардии» Фадеев стал генеральным секретарем Союза писателей. Его избирают депутатом Верховного Совета СССР. Фадеев появляется на трибунах всемирных ассамблей и конференций борцов за мир в Праге, Лондоне, Варшаве, Париже, Нью-Йорке, Пекине, Риме, Стокгольме, Женеве, Берлине, Вене...

С увлечением работает он над актуальными проблемами литературной теории и критики, выступает с докладами и теоретическими статьями по вопросам советской литературы и классического наследия, ведет интенсивную переписку с писателями, друзьями, читателями, собирается приступить к работе над заключительными главами романа «Последний из удэге».

Несколько лет отдано переработке «Молодой гвардии», которая проходила очень медленно и трудно, хотя, как и всегда, по мере «вхождения» в новый материал, Фадеев работал все с большим и большим увлечением.

В письмах Фадеева этих лет все чаще начинают встречаться жалобы на перегрузку, на большое «переутомление». Он пишет другу, что живет «жизнью напряженной, нервной».

Переписка Фадеева, относящаяся к периоду работы над «Молодой гвардией», раскрывает творческую историю романа, начиная от его замысла (письмо К. Серову, в котором содержится первое упоминание «повести о молодогвардейцах») до последних строк второго варианта (письма А. Степановой, А. Орловой,

З. Главан, Д. и М. Андросовым, И. Абезгаузу, Г. Цапурину, В. Вишневскому, Е. Книпович, Л. Сомовой, М. Алигер, Ю. Либединскому, А. Колесниковой, К. Платоновой и другим). В этих письмах мы находим интересные суждения писателя о некоторых общих проблемах художественного творчества: о месте и значении «вымысла» в художественном произведении, о типизации как неотъемлемом составном элементе подлинного «крылатого» реализма, о способах художественного изображения человека труда и многое другое.

К концу 40-х и особенно к 50-м годам относятся письма-воспоминания Фадеева о жизни на Дальнем Востоке (с 1908 по 1921 г.) — письма о революционной юности, о годах большевистского подполья и гражданской войны.

«...Дальний Восток у меня в крови с детства», — признается Фадеев. Всю жизнь он хранит в сердце особое, необыкновенно теплое чувство к далекой, но всегда бесконечно близкой ему Чугуевке, к солнечному Приморью, к Владивостоку — «самому любимому и прекрасному городу». Фадеев проходил здесь свои «партийные университеты» среди старых большевиков, профессионалов-революционеров. В письме к одному из них — М. И. Губельману (в подполье «дядя Володя») он с благодарностью вспоминает, какое огромное влияние оказала на него жизнь и борьба этого замечательного представителя ленинской гвардии, «одного из моих первых учителей в суровой и прекрасной школе большевизма». Эту школу он проходил в те годы под руководством Сергея Лазо и его боевых соратников, а еще раньше — в семье своей тетки М. В. Сибирцевой: «Как большевик я воспитан в этой семье в не меньшей мере, чем в собственной...» (из письма Б. Беляеву).

Подлинный лирический дневник напоминают письма Фадеева к другу детства и юности — А. Ф. Колесниковой[1]. После прочтения этих писем многое становится более понятным и в «Молодой гвардии», над окончательной редакцией которой работал Фадеев в период наиболее интенсивной переписки с А. Колесниковой (1949—1950): по ним нетрудно увидеть, как естественно (хотя и довольно сложно) вплетался личный жизненный опыт писателя в поэтическую канву его романа о краснодонской молодежи.

---

[1] Эти письма легли в основу книги: Александр Фадеев, «...Повесть нашей юности», — подготовленной нами и впервые изданной в 1961 году Государственным издательством «Детская литература».

* * *

За последние пять лет своей жизни (1951—1956) Фадеев написал значительно больше писем, чем за предыдущие пятнадцать.

Переписка становится для Фадеева жизненной необходимостью. Он объясняет это тем, что через письма он «с гораздо большей силой и внутренним пониманием» проникает в так называемую «обыкновенную», а на самом деле «такую необыкновенную, полную труда, дум и страстей — жизнь»... Но бесспорно и другое: все чаще находясь в «больничной изоляции», искусственно оторванный от литературной жизни, от друзей, переживая периоды ослабления творческой деятельности, Фадеев заполняет эти «творческие паузы» перепиской с друзьями, которая становится для него своеобразной формой литературного творчества.

Во многих письмах Фадеев размышляет о мастерстве писателя, о проблеме единства идейности и художественности в литературном произведении. Таковы письма к В. Кетлинской, Л. Леонову, к читателю Дыбову, А. Бушмину, белорусским писателям Ф. Пестраку, И. Мележу, М. Последовичу, П. Бровке и В. Вольскому, к старейшему латышскому писателю Андрею Упиту. Несмотря на некоторую спорность и излишнюю категоричность отдельных оценок, большой интерес в целом представляет одно из последних писем Фадеева к В. В. Ермилову, в связи с его новой работой о творчестве Достоевского.

В письмах А. Фадеева к писателям — множество критических замечаний, советов, дружеских слов: высоко оценивая творчество талантливого аварского поэта Расула Гамзатова, Фадеев советует ему не слишком торопиться «печатать все, что вышло из-под пера», напоминает А. Безыменскому, что в его интересной пьесе еще много «затертых слов», безвкусицы и неправдоподобия; рекомендует И. Кремлеву «почистить» роман «Солдаты революции» от «строительного мусора»; предупреждает К. Симонова, что его пьеса «Доброе имя», несмотря на несомненные удачи, все-таки «слишком легковесна для взятой темы»; от души радуется первым главам поэмы А. Твардовского «За далью — даль» и тепло приветствует М. Ильина (Маршака), творчество которого входит в нашу жизнь «так же мирно, как хлеб, как свет, как слово учителя в школе».

Круг фадеевских адресатов не ограничивается писателями. Он пишет пианисту В. Софроницкому, композитору А. Хачатуряну, режиссеру К. Зубову, артистам В. Пашенной, Д. Орлову и многим другим. А сколько сердечной заботливости и бережности

заключено в письмах Фадеева к Э. И. Шуб, которую он всячески торопит с окончанием книги о ее творческом пути в киноискусстве. Такие книги, по его убеждению, очень нужны новым, приходящим в искусство, молодым людям, многие из которых, к великому сожалению, были «...воспитаны на догматизме, невежестве и бюрократических извращениях, а между тем душу имеют добрую, тоже ищут, и надо им рассказывать о людях, для которых искусство было и есть любовь и подвижничество».

Так же внимателен был Фадеев и к семьям умерших своих товарищей. Это тоже было одной из сторон фадеевского характера.

В начале 50-х годов Фадеев задумывает новый роман «Черная металлургия». «Главное место в этом романе, — писал Фадеев, — я отвожу людям, трудовой героизм которых в нашей советской литературе изображен еще далеко не в полной мере».

Письма этого времени (Н. Охлопкову, А. Суркову, И. Тевосяну, И. Бардину, О. Форш, А. Колесниковой и другим) отражают высокое напряжение творческих сил писателя. Он обещает опубликовать первую часть «Черной металлургии» в первой половине 1953 года. Однако проходят 1953 и 1954 годы. В письмах называется уже 1955, 1956, а вскоре и 1957 год...

Фадеев работает над романом, переживая «то невероятный подъем, то мучительные сомнения» (из письма Т. Цивилевой). Исключительная требовательность к себе как художнику вынуждает Фадеева «десятки раз все переделывать и переписывать». Уже закончив работу над некоторыми главами романа и даже опубликовав их, Фадеев признается, что «это не лучшие из глав, а скорее средние» и что сам он «недоволен излишней детализацией в прочитанных главах» (из письма Б. Шарову).

Но не только трудности художественного воплощения замысла «Черной металлургии» задерживали работу над романом.

Публикуемые письма (А. Колесниковой, Л. Сидоренко, Г. Цапурину и другим) свидетельствуют и о других трудностях, которые мешали Фадееву в полную силу заниматься любимым делом. С сожалением признавая, как он «мало написал в своей жизни», писатель всей душой стремится «наверстать» упущенное. Ему хочется не только закончить «Черную металлургию»: его буквально «распирают» новые творческие планы и замыслы. В письмах он рассказывает о том, что задумал роман о молодежи крупного предприятия в наши дни и хочет показать подлинную поэзию индустриального труда. Рождается замысел романа о современной колхозной молодежи, который должен быть много шире и глубже, чем простой показ жизни молодежи современной деревни. Уже давно им внутренне преобразован старый роман «Последний из

удэге», прежняя тема которого приобрела «третьестепенное значение», в связи с чем и название этого романа будет другим. Ему хочется написать и о стройках коммунизма. А кроме того, он «насочинял огромное количество рассказов, очень романтичных, с преодолением сил природы, с любовью, иногда с войной — и все о юных молодых людях...» (из письма А. Степановой). Такие повести и рассказы действительно были «насочинены», но они так и остались незаписанными.

Многое в ту пору волнует писателя. В одном из писем, отвечая близкому другу на вопрос о своих «настроениях», Фадеев пишет, что «...мы все не «механические граждане», о которых писал в свое время Горький и которых все еще много: переживаем — и глубоко и тяжко порой переживаем — все, что связано с трудностями и недостатками в жизни народа, государства, а также в сферах деятельности нашей, где все проходит в борьбе, в столкновении нового со старым».

Нет сомнения, и письма Фадеева это подтверждают, что он тяжело переживал необоснованные репрессии и другие нарушения социалистической законности, имевшие место в тридцатых — сороковых годах (см. письма к Г. Цапурину, Л. Сидоренко, А. Колесниковой).

Как и большинство коммунистов того времени, Фадеев ко многому происходящему относился «по доверию... и в силу чувства партийной дисциплины»; в ту сложную пору он принимал беззакония — за «ошибки», вызванные чьими-то ложными показаниями, оговором или клеветой.

В архиве писателя хранится немало копий характеристик, писем и записок Фадеева в различные инстанции с просьбой «рассмотреть» или «ускорить рассмотрение дела», учесть, что человек «осужден несправедливо» или что при рассмотрении вопроса был «допущен перегиб», с просьбой «отменить решение» об исключении из партии, письма, в которых он защищает писателей, несправедливо пострадавших от всякого рода «проработок» того времени.

Чувствуя себя сыном своего времени, своей эпохи, Фадеев не мог без горечи думать об ошибках, не мог отделять себя от всего пережитого, — хотя он и понимал, что допущенные в прошлом ошибки, несмотря на всю их серьезность, не изменили социальных основ Советского государства. Однако сознание того, что он (как и многие другие коммунисты того времени) заблуждался в своей искренней, но односторонней оценке событий, морально угнетало, мучило Фадеева, лишало его душевного покоя.

Одно время, желая сосредоточиться на творческой работе, Фадеев стремился освободиться от руководящих «постов» в писательских организациях. Но стоило ему достигнуть этого, как он начинал мучительно думать о том, что «отстранен» от литературы, что он «не нужен». Ему казалось, что, уходя от руководства литературой, он что-то «недодает» партии и народу.

Особый интерес среди фадеевской переписки последних лет представляет письмо к А. Суркову, написанное Фадеевым из больницы весной 1953 года, вводящее в круг проблем, которые тогда волновали писателя.

Последние годы жизни писателя отмечены большим количеством писем по вопросам литературы и искусства. Все эти письма свидетельствуют об искреннем стремлении Фадеева активно помочь партии восстановить в этой области ленинские нормы.

Метод убеждения и воспитания художественной интеллигенции должен стать, по мысли Фадеева, главенствующим методом руководства литературой и искусством — снизу доверху. Мы должны, говорил он, воспитывать писателей, художников, композиторов, актеров людьми правдивыми, смелыми, страстными, мыслящими, сознающими свою историческую миссию, с творческим пафосом в душе. Поэтому он решительно выступает за укрепление коллективного начала в искусстве, за широкое участие самих художников в руководстве искусством.

Главное, чем жил Фадеев все последние годы, — была работа над «Черной металлургией». Но события, развернувшиеся в жизни нашей страны в середине 50-х годов, резко изменили все замыслы писателя.

В письме А. Колесниковой (23 октября 1955 г.) Фадеев писал о своем романе: «...я задумывал, сочинял и начал писать его в 51—52 гг., когда многие вопросы стояли, вернее, выглядели по-иному, чем сегодня. В центре моего сюжета находилось одно «великое» техническое открытие и борьба вокруг его осуществления. Но это «великое» открытие оказалось чистой «липой», взращенной высокопоставленными карьеристами, которые ввели тогда в заблуждение и правительство. Кроме того, большую сюжетную роль играла в моем романе борьба с группой так называемых «врагов народа», что тоже было мной не выдумано, а взято из реальных материалов. К счастью для этих людей и к неудаче романиста, дело этих «врагов» тоже оказалось «липой». Но ведь я, на основании двух этих сюжетных линий, построил всю основу своего романа и целую серию характеров. Теперь все это приходится менять...» Фактически весной 1955 года Фадеев прекратил работу над романом.

Последние годы все чаще и чаще Фадеев жалуется в письмах на плохое здоровье. Организм, ранее поистине могучий, становится менее стойким к различным заболеваниям. «...Теперь почти равное время уходит на жизнь «в обычных условиях» и на жизнь в больнице», — сообщает Фадеев в одном из писем.

В беседах с друзьями и в письмах он все чаще сетует на то, что не чувствует в себе «столько сил, как раньше». Он «недоволен собой», ему становится все тяжелее и тяжелее переносить болезни, он испытывает «душевную усталость» и т. п.

В одном из писем тех дней Фадеев пишет, что хочет «взлететь мыслью в труде своем». Но он отлично понимает, что для этого ему нужно обрести состояние душевного равновесия, жить как-то по-другому... А физических сил ему уже не хватает. Да и поздно: «...ничего в сложившейся жизни уже не изменить, да и менять нельзя».

Неудача с «Черной металлургией» оказалась последней каплей. Судя по всему, из-за общего болезненного состояния, пошатнулась вера писателя в свои творческие силы, а творчество для Фадеева было главным источником морального здоровья: без творчества он не представлял себе и самой жизни.

* * *

При жизни писателя — за единичными исключениями — письма его не публиковались. Лишь впервые в 1955—1956 годах, когда готовилась к изданию его книга «За тридцать лет», Фадеев согласился напечатать в этом сборнике сорок писем (в большинстве случаев в извлечениях), написанных им в разные годы по вопросам литературы и искусства, а также одиннадцать писем молодым литераторам, которые он справедливо рассматривал как своеобразные литературно-критические заметки, рецензии.

В данном томе собрания сочинений А. Фадеева публикуются лишь избранные письма писателя за 1921—1956 годы, представляющие особый историко-литературный и биографический интерес. Некоторые письма даются с сокращениями (они отмечены четырьмя точками).

Письма А. А. Фадеева печатаются в основном по текстам, опубликованным в сборнике его писем, выпущенном издательством «Советский писатель» в 1967 году, вновь сверенным с оригиналами писем или их фото и машинописными копиями, хранящимися: в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; в Центральном Государственном архиве литературы и искусства; в Отделе рукописей Государственной

библиотеки СССР им. В. И. Ленина; в Архиве А. М. Горького и в Отделе рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР; в Музее Н. А. Островского; в Государственном Музее Приморского края; в Музее г. Комсомольска-на-Амуре; в филиале Музея музыкальной культуры им. М. И. Глинки, а также у адресатов. Публикация писем №№ 21, 33, 66, 102 и примечания к ним — Л. Н. Огановой.

Принятые условные сокращения:

Собрание сочинений А. Фадеева — А. Фадеев, Собрание сочинений в пяти томах, Гослитиздат, М. 1959—1961.

А. Фадеев, «За тридцать лет» — Александр Фадеев, «За тридцать лет», Избранные статьи, речи и письма о литературе и искусстве, «Советский писатель», М. 1957, 1959.

А. Фадеев, «Повесть нашей юности» — Александр Фадеев, «...Повесть нашей юности». Из писем и воспоминаний, «Детская литература», М. 1968.

А. Фадеев, «Письма дальневосточникам» — А. Фадеев, «Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях», Приморское книжное изд-во, Владивосток, 1960.

А. Фадеев, «Письма» — Александр Фадеев, «Письма. 1916—1956», «Советский писатель», М. 1967.

1921

1. И. И. ДОЛЬНИКОВУ

Впервые — в журнале «Огонек», 1960, № 39.

Дольников Исаак Ильич (1902—1941) — школьный товарищ А. А. Фадеева. Участник большевистского подполья и партизанского движения в Приморье. В 1921—1924 годах — на партийной работе в Дальневосточном бюро ЦК РКП(б) в Чите. В начале Великой Отечественной войны добровольно ушел на фронт. Осенью 1941 года погиб в бою на Ленинградском фронте.

...появились поэт Никола... Лев Перлин, Яншин... — Речь идет о дальневосточных партизанах, товарищах А. А. Фадеева: Н. К. Костареве (Туманове, 1891—1942), Л. П. Перлине (р. 1896) и М. А. Яншине (1898—1943).

...пьесы Луначарского... — Речь идет о пьесе «Канцлер и слесарь» (1921).

ДВР — Дальневосточная республика (1920—1922).

...Игоря, Гришки, Петьки, Саньки... — друвья детства и юности А. А. Фадеева, впоследствии активные участники большевистского

подполья и партизанской борьбы на Дальнем Востоке: *Сибирцев И. М.* (в подполье — Селезнев, 1898—1921) — двоюродный брат А. А. Фадеева; *Билименко Г. Т.* (в подполье — Георгий Петрович Судаков, Проноза, 1900—1937) — ему посвящено лирическое отступление, которым начинается 63-я глава романа «Молодая гвардия» («Друг мой! Друг мой!..»); *Нерезов П. А.* (в подполье — Иван Митрофанович Семенов, 1899—1937) — послужил одним из прототипов Петра Суркова в романе А. Фадеева «Последний из удэге»; *Бородкин А. Н.* (в подполье — Седойкин, 1900—1921).

2. И. И. ДОЛЬНИКОВУ

Впервые — в журнале «Огонек», 1960, № 39.

...писанные тебе... в представительство... — Фадеев посылал письма друзьям из петроградского военного госпиталя через дальневосточное представительство в Москве.

...приехав из Питера... — А. Фадеев вернулся из Петрограда в Москву в августе 1921 года.

Появились на свет и новые журналы. — Первый номер журнала «Печать и революция» вышел в июле 1921 года, «Красной нови» и «Наука и революция» — в июне 1921 года.

Сейчас на носу партконференция... — 11-я Всероссийская конференция РКП(б) состоялась 19—22 декабря 1921 года.

...9-й съезд Советов... — Девятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и трудовых казачьих депутатов РСФСР состоялся в Москве, 23—28 декабря 1921 года. С основным докладом («О внутренней и внешней политике республики») на съезде выступал В. И. Ленин.

...как любил выражаться Луценко... — Луценко Е. И., директор Владивостокского коммерческого училища, где в 1910—1919 годах учился А. А. Фадеев.

Придет время... — Правильно оценивая роль и место В. В. Маяковского в развитии советской культуры, А. А. Фадеев, отдавая «дань времени», ошибался в те годы в оценке пролеткультов. Принципы Пролеткульта резко критиковались в 20-х годах В. И. Лениным, а также в специальном письме ЦК РКП(б) «О пролеткультах» (1920). В 1932 году пролеткульты окончательно распались в связи с постановлением ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» и слились с отделами народного образования Наркомпроса.

...о чем бы ни плакал Чужак. — Чужак-Насимович Н. Ф. (1876—1937), журналист и литературный критик. В 20-х годах — редактор дальневосточной газеты «Красное знамя», журнала «Творчество» и других изданий.

1922

3. И. И. ДОЛЬНИКОВУ

Впервые — в книге: А. Фадеев, «Повесть нашей юности».

...погибли Санька, Фельдман, Игорь, Харитоша, Серобабин, ранен Володя маленький, поморозились Гришка и Хомяков, ампутированы ноги у Никитенки... — Речь идет о дальневосточных партизанах, боевых друзьях А. Фадеева и адресата — А. Бородкине, М. Фельдмане, И. Сибирцеве, И. Харитонове (личность Се-

робабина установить не удалось), В. Шишкине («Володя маленький»), Г. Билименко, Е. Хомякове, П. Никитенко-Телешове.

Белецкий Иван — товарищ Фадеева в годы студенческой жизни.

1924

4. И. И. ДОЛЬНИКОВУ

Впервые — в книге: А. Фадеев, «Повесть нашей юности».

Письмо ориентировочно датируется апрелем—июнем 1924 года по времени работы А. А. Фадеева инструктором Кубано-Черноморского обкома РКП(б).

Привет Риве... — жене И. И. Дольникова.

5. Р. С. ЗЕМЛЯЧКЕ

Впервые — в журнале «Дружба народов», 1959, № 3. Письмо ориентировочно датируется июлем—августом 1924 года — по времени работы А. А. Фадеева секретарем первого райкома партии г. Краснодара.

Землячка Розалия Самойловна (1876—1947) — член Коммунистической партии с 1893 года. В 1922—1924 годах А. А. Фадеев работал под руководством Р. С. Землячки в Замоскворецком РКП(б) г. Москвы. В 1924—1925 годах Р. С. Землячка была членом Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), руководившего Краснодарской и Ростовской партийными организациями, в которых тогда работал А. А. Фадеев.

...пленум окружкома. — Речь идет о Кубанском окружкоме РКП(б) и группе руководящих работников Кубанского округа: С. Ф. Баранове, секретаре окружкома РКП(б), и его заместителе Бакуличе; И. И. Нейбахе — председателе окружного исполкома; Марголине — председателе окружного совета профессиональных союзов.

...для «Кубаноля»... — ныне завод имени Седина.

6. Р. С. ЗЕМЛЯЧКЕ

Впервые — в журнале «Дружба народов», 1959, № 3.

«Молодая гвардия». — Группа пролетарских писателей «Молодая гвардия» была объединена вокруг журнала ЦК РКП(б) и ЦК РКСМ «Молодая гвардия», первый номер которого был издан в 1922 году. А. Фадеев в 1922—1924 годах был членом этой группы.

...в резолюциях XIII съезда о печати... — Резолюция XIII съезда РКП(б) «О печати» (май 1924 г.) обязала партийные кадры «ориентироваться на творчество рабочих и крестьян, становящихся рабочими и крестьянскими писателями в процессе культурного подъема широких народных масс Советского Союза».

Бурнаев Л. И. — секретарь третьего райкома партии г. Краснодара.

7. Р. С. ЗЕМЛЯЧКЕ

Впервые — в журнале «Дружба народов», 1959, № 3.

...о пленуме ЦКК... — об октябрьском (1924) Пленуме Центральной Контрольной Комиссии РКП(б).

Рязанов — партийный работник Кубанского округа.

1925

8. В. А. ГЕРАСИМОВОЙ

Впервые (в сокращенном виде, как рассказ) — в журнале «Юность», 1957, № 9, с предисловием М. Б. Колосова, и в газете «Комсомольская правда», 8 сентября 1957 года — под названием «О любви».

Герасимова Валерия Анатольевна (1903—1970) — писательница, в 1925—1932 годах жена А. А. Фадеева.

...письма от Жорки Донского... — Донской Г. П. (р. 1903) — один из друзей А. Фадеева по партийно-комсомольской работе в Краснодаре (1924—1925 гг.) и в более поздние годы.

...все течет, все изменяется... — Слова принадлежат древнегреческому философу Гераклиту.

Герасимова Марианна Анатольевна (1901—1944) — сестра В. А. Герасимовой, в 20-х годах жена писателя Ю. Н. Либединского.

Давыдов Юрий — ростовский писатель и журналист.

9. П. Х. МАКСИМОВУ

Впервые — в книге П. Максимова «Воспоминания о писателях», Ростовское книжное издательство, 1958.

Максимов Павел Хрисанфович (р. 1892) — писатель, очеркист. В 1924—1926 годах работал вместе с А. А. Фадеевым в редакции газеты «Советский Юг» (Ростов-на-Дону).

Посылаю тебе отрывок из повести... — Речь идет о первой публикации отрывка из «Разгрома» (под названием «Морозка» он был напечатан в «Литературной странице» газеты «Советский Юг» 19 июля 1925 г.).

Читали мы прошлую литстраницу. — Судя по дате письма, речь идет о «Литературной странице» в газете «Советский Юг» 21 июня 1925 года. Сергей *Перегудов* — шестнадцатилетний ученик ростовской школы ФЗУ.

Где Артем? — писатель Артем Веселый (Кочкуров Николай Иванович, 1899—1939).

10. Р. С. ЗЕМЛЯЧКЕ

Впервые — в журнале «Дружба народов», 1959, № 3.

Пишет он весьма интересную повесть «Поселок Кремневка»... — Повесть А. Бусыгина была издана в 1926 году в Ростове-на-Дону (изд. «Совкавкнига»), с предисловием А. Фадеева.

...сижу над той же повестью, отрывки которой Вы читали. — Речь идет о «Разгроме».

...то, что в резолюции ЦК названо, весьма справедливо, «комчванством». — В резолюции ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 года «О политике партии в области художественной литературы».

1926

11. Р. С. ЗЕМЛЯЧКЕ

Впервые — в журнале «Дружба народов», 1959, № 3.

...на только что прошедшем пленуме ВАПП... — Пленум Всероссийской ассоциации пролетарских писателей состоялся 27—29 ноября 1926 года. На этом пленуме А. А. Фадеев был избран в Бюро и Секретариат Правления ВАПП.

«Забой» — группа пролетарских писателей Донбасса, существовавшая в 20-х годах в г. Константиновке.

ФОН — факультет общественных наук. Такие факультеты были в 20-х годах при университетах Москвы, Ленинграда и других крупных центров страны.

Мария Самойловна — М. С. Цейтлина (1874—1957) — сестра Р. С. Землячки, член партии с 1901 года. В те годы была председателем Агитпропкомиссии МК РКП(б).

...тот большой роман, о котором Вам говорил когда-то... — роман «Последний из удэге».

1927

12. РОСТОВСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Письмо ориентировочно датируется январем—февралем 1927 года — по содержанию письма и последующей переписке А. Фадеева с руководителями ростовской писательской организации.

Ростовская ассоциация пролетарских писателей была организована летом 1923 года. В 20-х годах в нее входили писатели: А. Фадеев, В. Ставский, В. Киршон, Н. Погодин, А. Бусыгин, Г. Кац, М. Серебрянский, И. Макарьев, Ю. Юзовский, Ю. Давыдов, П. Максимов и другие.

...по созданию Федерации советских писателей... — Учредительное собрание Федерации объединений советских писателей (ФОСП) состоялось в начале января 1927 года. Первоначально в Федерацию вступили три писательских организации: Всероссийская ассоциация пролетарских писателей (ВАПП), Всероссийский Союз писателей (ВСП) и Всероссийское общество крестьянских писателей (ВОКП). Основной задачей Федерации было объединение писателей вокруг платформы, выработанной на основе резолюции ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 года «О политике партии в области художественной литературы».

СКАПП — Северо-Кавказское объединение ассоциаций пролетарских писателей, в состав которого входила Ростовская АПП.

«На литературном посту» — двухнедельный литературно-критический журнал РАПП. Выходил в 1926—1932 годах.

Ошибки по отношению к попутчикам... — Журнал «На литературном посту» выдвинул лозунг: «не попутчик, а союзник или враг», оттолкнувший от РАПП большую группу советских писателей. Газета «Правда» в редакционной статье (9 мая 1932 г.) квалифицировала этот лозунг как грубую политическую ошибку РАПП.

...на пленуме ВАПП... — в ноябре 1926 года.

...редакция «Большевика»... — Речь идет о статье Л. Авербаха «Еще о классовой борьбе и вопросах культуры» и о «Письме в редакцию» И. Ионова, опубликованных в журнале «Большевик» (1926, № 23—24) с примечанием «От редакции», в котором было сказано, что, несмотря на резкую форму полемики, произошло «существенное сближение взглядов тт. Авербаха и Ионова на основе резолюции ЦК по вопросам литературной политики». В связи с этим редакция «Большевика» считает дискуссию «по вопросам, уже решенным вышеуказанной резолюцией ЦК, законченной».

13. В. П. СТАВСКОМУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Датируется по содержанию. Окончание письма утрачено.

Ставский (наст. фамилия Кирпичников) Владимир Петрович (1900—1943) — писатель. В 20-х годах — один из руководителей Ростовской и Северо-Кавказской ассоциаций пролетарских писателей; в 30-х годах — секретарь Правления Союза писателей СССР и редактор журнала «Новый мир».

...в «официальном» письме к РАПП... — см. п. 12.

«Двое» и «Старый метранпаж»... «Конец Василия Ивановича»... — рассказы В. П. Ставского.

1928

14. И. К. МИКИТЕНКО, Г. А. КОВАЛЕНКО, И. Л. ЛЕ, И. М. ЛИМАНОВСКОМУ, В. А. СУТЫРИНУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Письмо ориентировочно датируется началом 1928 года. Адресаты — деятели писательских организаций тех лет: *Микитенко* Иван Кондратьевич (1897—1937), *Коваленко* Григорий Алексеевич (1868—?), *Ле* (Мойся) Иван Леонтьевич (р. 1895) — украинские писатели; *Лимановский* Иван Михайлович (1896—?) — белорусский писатель; *Сутырин* Владимир Андреевич (р. 1902) — критик и драматург, в те годы — один из руководителей РАПП.

Наши доклады... — доклады А. Фадеева («Художественная платформа ВАПП»), Ю. Либединского и В. Ермилова на первом Всесоюзном съезде пролетарских писателей (30 апреля — 8 мая 1928 г.).

...теория «непосредственных впечатлений»... — была выдвинута в середине 20-х годов теоретиками РАПП, утверждавшими, что основой искусства являются так называемые «непосредственные впечатления» художника от окружающей его действительности. Подробнее полемику Фадеева с теорией «непосредственных впечатлений» см. т. 5 наст. Собр. соч., стр. 48, 57, 91—95.

15. В. П. СТАВСКОМУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Нович И. С. — в то время и. о. секретаря РАПП.

...статья Авербаха... — Имеется в виду статья Л. Авербаха «Пошлость защищать не надо» («Комсомольская правда», 26 мая 1928 г.), в которой было подвергнуто критике стихотворение И. Молчанова «Свидание», взятое незадолго до этого под защиту А. М. Горьким в статье «О возвеличенных и «начинающих» («Известия», 1 мая 1928 г.). Статья Л. Авербаха была написана в резких тонах и носила явные следы рапповского сектантства и комчванства. Против этой статьи Л. Авербаха выступил в «Правде» (3 июня 1928 г.) В. Астров, статья которого называлась «Горький и «комчванята».

...его ответ Астрову... — Речь идет о статье Л. Авербаха «Стопроцентность либеральной терпимости», опубликованной в журнале «На литературном посту» (1928, № 11—12) вместе со статьей В. Астрова.

...приезд Горького... — А. М. Горький приехал из Сорренто в Москву 28 мая 1928 года.

...вопрос с твоим откомандированием... — Имеется в виду переезд В. П. Ставского из Ростова-на-Дону в Москву, для работы в Правлении ВАПП.

...я писал свой роман... — «Последний из удэге».

...написал ответ М. Семенову... — Имеется в виду статья А. Фадеева «Против верхоглядства» (см. т. 5 наст. Собр. соч.).

...напечатают ли мой ответ в том же журнале. — Статья А. Фадеева «Против верхоглядства» была напечатана в журнале «Революция и культура» (1928, № 16).

...заберут ли в терчасть... — Речь идет о призыве для прохождения военной службы в территориальных войсках, существовавших ранее в системе воинского обучения.

1929

16. Ю. Н. ЛИБЕДИНСКОМУ

Впервые — (частично) в книге: Ю. Либединский, «Современники», «Советский писатель», М. 1958.

Либединский Юрий Николаевич (1898—1959) — писатель. В те годы — один из руководителей РАПП.

...по заводской ячейке. — А. А. Фадеев состоял на партийном учете в ячейке Московского насосного завода имени М. И. Калинина (быв. завод Добровых и Набгольц).

...Чумандрин... свою повесть... — Речь идет о повести М. Чумандрина «Бывший герой».

17. Р. С. ЗЕМЛЯЧКЕ

Впервые — в журнале «Дружба народов», 1959, № 3.

Датируется по содержанию письма.

ЦЕКУБУ — Центральная комиссия по улучшению быта ученых при СНК РСФСР (создана в 1921 г.).

...сдаю в «Октябрь» вторую часть «Последнего из удэге»... — Опубликована в журнале «Октябрь», 1930, № 4 и 5—6.

...рассказ А. Платонова «Усомнившийся Макар»... — Рассказ А. П. Платонова «Усомнившийся Макар» был напечатан в журнале «Октябрь», 1929, № 9. А. А. Фадеев в это время исполнял обязанности ответственного редактора журнала «Октябрь».

...в конце Пленума ЦК... — Ноябрьский (1929) Пленум ЦК ВКП(б) рассмотрел в числе других вопрос «О группе Бухарина» и постановил вывести Бухарина из состава Политбюро ЦК ВКП(б) «как застрельщика и руководителя правых уклонистов» и предупредил Рыкова, Томского, а также Угарова, что «в случае малейшей попытки с их стороны продолжить борьбу против линии и решений ИККИ и ЦК ВКП(б) партия не замедлит применить к ним соответствующие организационные меры».

...весь полон «Провинцией»... — роман, который был задуман А. А. Фадеевым в 20-х годах. «Пишу роман «Провинция». Трудно сказать, как он оформится. Задачей себе ставлю изображение новой провинции и ее жизни, выросшей из старых уездных нравов, благодаря проснувшейся активности всех слоев населения. Постараюсь обрисовать также рост и вызревание большевистских кадров в послереволюционное время...» («На литературном посту», 1927, № 3).

Однако замысел этого романа не был осуществлен. В записных книжках А. Фадеева сохранились лишь отдельные записи к роману.

АПО ЦК — отдел агитации и пропаганды ЦК ВКП(б).

1930

18. Ю. Н. ЛИБЕДИНСКОМУ

Впервые — (частично) в книге: Ю. Либединский, «Современники», «Советский писатель», М. 1958.

Это письмо, по словам Ю. Н. Либединского, «помогло мне избавиться от того излишества детальной психологизации, которая сильно мешала мне в моей творческой работе». Оно «показывает, чем был Фадеев внутри РАПП — и не только по отношению ко мне, но и по отношению к тем из наших товарищей, которые интересовались не заседательской суетней и трескотней, а творческой работой».

Рукопись «Рождения»... — Роман Ю. Н. Либединского «Рождение героя» впервые был опубликован в журнале «Октябрь», 1930, № 1—2. Роман был подвергнут острой критике в печати (статьи В. Ермилова, Д. Мазнина, Е. Добина, В. Катаняна и других).

...критикуя в свое время «Поворот»... — роман Ю. Н. Либединского, опубликованный в журнале «Октябрь», 1927, № 9—12.

...лучшей из тобой написанного... — А. А. Фадеев в этом письме переоценивает значение романа «Рождение героя», в котором выявилась схоластичность так называемой теории «психоанализа». Впоследствии Фадеев изменил свое отношение к этому роману, отметив, что в нем люди мало действуют и много рефлектируют.

«Преступление Мартына» — роман В. М. Бахметьева о коммунистах эпохи гражданской войны.

«Наталья Тарпова» — роман С. А. Семенова.

...Валины «Сестры» и «Индивидуальное воспитание» Маркушки. — Речь идет о рассказе В. А. Герасимовой («Октябрь», 1929, № 7) и о рассказе М. Б. Колосова (б-ка «Огонька», 1930. № 526).

Анна Сергеевна — мать В. А. Герасимовой.

19. А. В. ФАДЕЕВОЙ

Впервые — в журнале «Дальний Восток», 1960, № 3.

Фадеева (урожд. Кунц) Антонина Владимировна (1873—1954) — мать А. А. Фадеева. Родилась в семье мелкого чиновника в г. Астрахани. После окончания гимназии училась на высших женских (Рождественских) курсах в Петербурге, работала фельдшерицей и акушеркой. В конце 1908 года, вместе с семьей, переехала на Дальний Восток, где работала в глухих селах Приморья, затем во Владивостоке, а после отъезда из Владивостока (конец 1926 года) — в рабочих районах центральной России — до 1944 года.

...кончить к 1 июня первый том «Последнего из удэге». — Первый том романа «Последний из удэге» был выпущен в 1930 году издательством «Московский рабочий».

...на конференцию ЛАПП... — Третья областная конференция Ленинградской ассоциации пролетарских писателей состоялась 15—25 мая 1930 года. На этой конференции А. Фадеев выступил с речью, опубликованной в журнале «Октябрь» (1930, № 7) под названием «За художника материалиста-диалектика».

...статью об итогах конференции... — Статья была напечатана в «Литературной газете» 26 мая 1930 года под названием «Большевизация пролетарского литературного движения».

1931

20. В. М. САЯНОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Саянов Виссарион Михайлович (1903—1959) — писатель.

...от старой редакции «Красной нови»... — В феврале 1931 года А. А. Фадеев вместе с Вс. Ивановым, Л. Леоновым и другими вошел в новый состав редколлегии журнала «Красная новь» (с № 3) и был назначен ответственным редактором этого журнала.

21. А. С. СЕРАФИМОВИЧУ

Полностью публикуется впервые.

Серафимович Александр Серафимович (1863—1949) — писатель.

Написано по поводу конфликта А. С. Серафимовича с Гизом, «Литературной газетой» и РАПП — в связи с изданием Собрания сочинений Серафимовича (подробно см.: «Литературная газета», 1931, 19 и 24 февраля, 24 марта, 14 апреля; «На литературном

посту», 1931, № 11).

Собрание сочинений А. С. Серафимовича в 12-ти томах было выпущено изд-вом «Федерация».

Фатов Н. Н. и *Нерадов* Г. Б. — редакторы и комментаторы собрания сочинений Серафимовича.

22. А. М. ГОРЬКОМУ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

...Вы рекомендовали прилагаемую статью... — Речь идет о статье французского литератора Бертрана де Жувенеля «Как они работали», позднее напечатанной в журнале «Красная новь» (1931, № 8) под рубрикой «Из литературного прошлого».

Не могли ли бы Вы сопроводить его статью своей заметкой... — Заметка не была написана.

23. А. М. ГОРЬКОМУ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

...дать Вашу новую пьесу... — Пьеса А. М. Горького «Сомов и другие», о которой, очевидно, идет речь, была впервые напечатана в книге «Архив А. М. Горького», т. II. Пьесы и сценарии, Гослитиздат, М. 1941.

24. А. Н. ТОЛСТОМУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Толстой Алексей Николаевич (1883—1945) — писатель.

«Записки Мосолова» — повесть А. Толстого и П. Сухотина. Напечатана в журнале «Красная новь», 1931, № 5—8.

25. А. М. ГОРЬКОМУ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

Датируется по содержанию.

...созываете редакцию издания «История гражданской войны». — В июле 1931 года ЦК ВКП(б) принял постановление, одобряющее инициативу А. М. Горького по созданию «Истории гражданской войны». Вместе с А. М. Горьким, Д. Бедным и М. Кольцовым А. Фадеев был назначен в художественную редакцию «Истории гражданской войны».

26. В. В. ВЕРЕСАЕВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «За тридцать лет», под названием «О воспоминаниях В. В. Вересаева». Датируется по времени работы А. А. Фадеева в редакции журнала «Красная новь».

Вересаев (Смидович) Викентий Викентьевич (1867—1945) — писатель.

...Ваши воспоминания. — Имеется в виду рукопись воспоминаний В. В. Вересаева, присланная в редакцию журнала «Красная новь».

27. А. М. ГОРЬКОМУ

Впервые — (в сокращенном виде) в журнале «Вопросы литературы», 1957, № 1.

...за письмо — в Гагры. — Письмо пока не обнаружено.

...живу сейчас на даче под Уфой... — В феврале 1932 года А. А. Фадеев выезжал в г. Уфу для участия в работе республиканского съезда башкирских писателей, но съезд был внезапно отложен более чем на месяц. А. А. Фадеев остался в Уфе, знакомился с работой местных писателей, выступал с докладами и работал над романом «Последний из удэге».

...пестует меня Мотя Погребинский... — Погребинский Матвей Самойлович, старый чекист. В 1924 году по поручению Ф. Э. Дзержинского организовал и в течение ряда лет возглавлял первую трудовую коммуну.

...построенном Аксаковым... — С. Т. Аксаков родился и провел детство в Уфе и в родовом имении Ново-Аксакове.

Автор — в прошлом батрак... — Речь идет о А. М. Тагирове (1890—1937), башкирском писателе. В те годы — председатель Оргкомитета Союза советских писателей Башкирии.

Крючков Петр Петрович (1889—1938) — секретарь А. М. Горького.

...начал уже печатать в «Красной нови». — Вторая часть романа «Последний из удэге» начала публиковаться в журнале «Красная новь» (1932, № 3).

28. А. М. ГОРЬКОМУ

Впервые — (в сокращенном виде) в журнале «Вопросы литературы», 1957, № 1.

29. А. М. ГОРЬКОМУ

Впервые — (в сокращенном виде) в сборнике: А. Фадеев, «За тридцать лет», в рубрике под общим названием «О романе «Жизнь Клима Самгина».

...происходит такая же реорганизация... — Имеется в виду реорганизация творческих союзов, в связи с проведением в жизнь постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций».

30. А. В. ФАДЕЕВОЙ

Впервые — в книге: А. Фадеев, «Повесть нашей юности».

Клава — жена младшего брата писателя (по матери), Б. Г. Свитыча (1910—1942), инженера, в то время проходившего военную службу в Дальневосточном флоте.

Володя — брат писателя — В. А. Фадеев (1905—1940), участник партизанского движения на Дальнем Востоке, один из организаторов комсомола Владивостока.

Нича — двоюродная сестра писателя, Вероника Михайловна Сибирцева-Шушарина (р. 1903).

Таня — сестра писателя, Т. А. Фадеева.

...решение ЦК... — Речь идет о постановлении ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций».

31. А. М. ГОРЬКОМУ

Впервые — в «Литературной газете» 15 июня 1961 года.

Написано в связи с перестройкой работы литературно-художественных организаций после постановления ЦК партии от 23 апреля 1932 года.

А. А. Фадеев в 30-х годах провел большую и плодотворную работу среди советских литераторов по разъяснению политического смысла и значения постановления ЦК. Если в письме к Горькому еще сказываются некоторые его сомнения относительно необходимости острой критики коренных «установок и положений б.РАПП», то в последующих выступлениях Фадеев решительно осуждает именно программные положения РАПП, полностью освобождается от своих заблуждений рапповского периода и становится одним из активных помощников Горького в деле создания многонационального Союза советских писателей.

...оргкомитет ничего не делает... — Речь идет о работе Оргкомитета, образованного в мае 1932 года для руководства литературными организациями РСФСР, а также для подготовки и проведения съезда писателей. Позднее (18 августа 1932 г.) был создан Всесоюзный Оргкомитет Союза советских писателей, во главе с почетным председателем А. М. Горьким. Председателем этого комитета был назначен И. М. Гронский. А. А. Фадеев утвержден членом комитета, а позднее избран заместителем председателя.

32. А. М. ГОРЬКОМУ

Впервые — в «Литературной газете» 15 июня 1961 года.

Письмо я Ваше получил... — Речь идет о письме А. М. Горького от 8 сентября 1932 года, написанном А. А. Фадееву в Уфу. Письмо сохранилось (Архив А. М. Горького). В этом письме Горький писал Фадееву:

«Дорогой дядя Саша, проклинаю злую муху, которая укусила Вас!

Из группы человеков, коих Вы обвиняете в тяжком грехе «неделания», мне известен лично только один Макарьев, парень — как мне кажется — прямодушный и хорошего ума. И насколько я его знаю, то в социальном малодушии подозревать не могу. Знаю также, что он недавно ездил в пределы Тверской губернии, навестить свою родительницу, а попутно хорошо исполнил одно мое маленькое поручение общественной ценности. Все остальные поименованные Вами злодеи, не известны мне и что они делают — не знаю так же, как не знаю и где они.

Оргкомитет ничего не делает, и это весьма понятно, ибо — осторожно. Гронский в отпуску, вероятно и все остальные тоже сказали себе «Ныне отпущаеши владыко» или что-нибудь в этом духе. Гнев Ваш на этих людей не совсем понятен мне.

Если вы бросите писать роман и полезете в драку — это будет дико и непростительно. Всему свое время, хватит времени и для драки, а сейчас Ваша задача — кончить работу по роману. Это Вы и делайте, временно позабыв обо всем остальном...

Ваше предложение издать серию книг, которые осветили бы молодежи нашей условия воспитания революционера в прошлом — имеет совершенно ясную социальную ценность. Книги выбраны Вами удачно, однако — не все. Можно подобрать больше и лучше. Об этом потолкуем при свидании, это — хорошее, нужное дело.

Больше писать не буду, ибо — устал, ибо еще нездоров, ибо только что беседовал непрерывно три часа. В Берлине я действительно захворал, опасались воспаления легких. Но, вот все еще жив. И нимало не протестую против этого. Жить я готов вплоть до полного торжества социализма и даже после этого еще 16 недель.

Ну ладно. Не дурите и кончайте роман. Это Ваш долг.

Жму руку. *А. Пешков»*.

...я наметил уже четыре... статьи... — Речь идет о цикле критических статей под общим названием «Старое и новое», с которым А. А. Фадеев выступил в «Литературной газете» 11, 17, 23, 29 октября и 11 ноября 1932 года.

1933

33. АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Публикуется впервые. Датируется по почтовому штемпелю.

Белый Андрей (Борис Николаевич Бугаев, 1880—1934) — поэт, прозаик и литературный критик, теоретик символизма. К концу своей жизни выступил с книгами воспоминаний, в которых дал широкую картину идейной жизни русской интеллигенции своего времени («На рубеже двух столетий», «Начало века», «Между двух революций»).

...как Вам отдыхается... — В то время А. Белый жил в Коктебеле (Крым).

Гронский И. М. — в 1931—1934 годах редактор газеты «Известия» и журнала «Новый мир»; председатель Оргкомитета Союза советских писателей СССР.

...в какой форме мы можем привлечь Вас... — Фадеев обращается к Белому как заместитель председателя Оргкомитета Союза писателей СССР. А. Белый выступал на первом расширенном пленуме Оргкомитета (см. «Литературная газета», 1932, 11 ноября). В работе первого съезда писателей А. Белый не участвовал: он умер 8 января 1934 года.

34. А. М. ГОРЬКОМУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Письмо ориентировочно датируется, по содержанию, июнем—июлем 1933 года.

...мы созываем совещание... — Всесоюзное совещание председателей Оргкомитетов Союзов советских писателей (из республик)

состоялось 16 июля 1933 года. С докладом о подготовке Первого Всесоюзного съезда советских писателей выступил А. А. Фадеев. А. М. Горький на совещании не присутствовал.

35. Г. М. КОЗИНЦЕВУ и Л. З. ТРАУБЕРГУ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

Козинцев Григорий Михайлович (р. 1905) и *Трауберг* Леонид Захарович (р. 1902) — кинорежиссеры.

Сценарий Ваш... — Речь идет о киносценарии «Большевик» (первоначальное название), над созданием которого работали в те годы Г. М. Козинцев и Л. З. Трауберг. Впоследствии этот сценарий послужил основой для кинотрилогии, поставленной Г. М. Козинцевым и Л. З. Траубергом: «Юность Максима» (1935), «Возвращение Максима» (1937), «Выборгская сторона» (1939).

36. М. А. ШОЛОХОВУ

Впервые — в журнале «Искусство кино», 1956, № 12, под названием «О совместной работе писателей и режиссеров кино».

...что было с «Тихим Доном», а у меня с «Разгромом»... — Первые попытки сделать экранизации этих двух произведений в кино были неудачны.

37. С. М. ЭЙЗЕНШТЕЙНУ

Впервые — в журнале «Искусство кино», 1958, № 1.

Эйзенштейн Сергей Михайлович (1898—1948) — кинорежиссер.

Это — первое по времени письмо А. А. Фадеева к С. М. Эйзенштейну, с которым впоследствии он был связан многолетней дружбой. По свидетельству Э. И. Шуб, друга С. М. Эйзенштейна и А. А. Фадеева, письмо «сыграло большую роль в эти дни. Ободрило Эйзенштейна. Помогло душевно собрать себя. С этих пор началась дружба С. Эйзенштейна и А. Фадеева, и неизменно в сложные минуты своего творчества он искал встречи с Фадеевым». (Эсфирь Шуб, Крупным планом, «Искусство», М. 1959, стр. 135).

...работа совместно с Довженко... — Имеется в виду работа над сценарием для фильма «Аэроград». А. А. Фадеев собирался писать этот сценарий по материалам своей поездки на Дальний Восток в августе—декабре 1933 года. Сценарий не был закончен. Для постановки фильма «Аэроград» был принят одноименный сценарий А. П. Довженко. Неоконченный сценарий А. А. Фадеева (также носивший первоначально название «Аэроград») был им переименован в «Комсомольск на Тихом океане». Впервые опубликован после смерти писателя в журнале «Искусство кино», 1959, № 2.

38. Э. И. ШУБ

Впервые — в журнале «Искусство кино», 1961, № 9, в статье С. Преображенского «История одной дружбы».

Шуб Эсфирь Ильинична (1894—1959) — кинорежиссер.

...работая твоим методом... — то есть методом документальной кинематографии, основоположником которого являются кинорежиссеры Дзига Вертов и Э. И. Шуб.

39. В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ТИХООКЕАНСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ»

Впервые — в журнале «Дальний Восток», 1959, № 1.

Беседа А. А. Фадеева с работниками редакции газеты «Тихоокеанский комсомолец» (г. Хабаровск) состоялась 8 сентября 1933 года. Отчет об этой беседе (за подписью Г. Кравченко) был опубликован в газете 11 сентября 1933 года под названием «Писатель рассказывает о себе».

40. Э. И. ШУБ

Впервые — в журнале «Искусство кино», 1961, № 9, в статье С. Преображенского «История одной дружбы».

Гольды — вышедшее из употребления, старое название нанайцев, проживающих в Приамурье.

1934

41. В БЮРО ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО КРАЙКОМА ВКП(б)

Впервые — в книге: А. Фадеев, «Повесть нашей юности».

Датируется предположительно — по времени возвращения А. А. Фадеева из поездки по Дальнему Востоку.

В январе 1934 года А. А. Фадеев принял участие в работе Одиннадцатой партийной конференции Дальневосточного края, на которой выступил с большой речью о культурном строительстве в крае. На этой конференции он был избран членом Дальневосточного краевого комитета партии и делегатом на XVII съезд ВКП(б).

Публикуемое письмо было отправлено вместе с письмом на имя секретаря Дальневосточного краевого комитета ВКП(б) Л. И. Лаврентьева, в котором А. А. Фадеев писал: «Посылаю Вам свою просьбу в Бюро краевого комитета партии, связанную с Улахинской долиной и своим родным селом Чугуевкой». Одновременно писатель информировал крайком ВКП(б) о том, что им было проделано в Москве «по различным дальневосточным проблемам».

42. А. И. БУСЫГИНУ

Впервые — в «Известиях Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», т. XVIII, вып. 3, М. 1959.

В первой публикации дата письма (1933) указана ошибочно. Датируется предположительно, по времени возвращения А. А. Фадеева из поездки по Дальнему Востоку.

Бусыгин Александр Иванович (1900—1943) — писатель, товарищ Фадеева по работе в ростовской писательской организации. Погиб в годы Великой Отечественной войны. О последней встрече с ним на фронте Фадеев сделал краткую запись в своем дневнике за 28 августа 1941 года: «Бусыгин в каске. Встреча на холме во ржи, под обстрелом минометов. Очень волнующая встреча — и где!»

...не успел прочесть твоего романа... — Речь идет о романе А. И. Бусыгина «Семья Бесергенева» (1934), рукопись которого была передана автором А. А. Фадееву перед отъездом его на Дальний Восток (летом 1933 года). Некоторые главы этого романа публиковались в Ростове-на-Дону в 1932—1933 годах. Отдельным изданием первая часть романа появилась в Ростове-на-Дону в 1934 году.

43. М. Л. СЛОНИМСКОМУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Датируется по содержанию.

Слонимский Михаил Леонидович (р. 1897) — писатель.

Я только что перечел роман... — Речь идет о романе М. Слонимского «Крепость», над которым автор работал в 30-х годах. Роман не был завершен.

...судьба книги Эльзы Триоле «Бусы»... — Речь идет о романе, который (в русском переводе) редактировал А. А. Фадеев.

Ида Исааковна — жена М. Л. Слонимского.

44. В. В. ЕРМИЛОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Начало письма утрачено.

Ермилов Владимир Владимирович (1904—1965) — критик и литературовед. В 20-х и 30-х годах — один из руководителей РАПП, редактор журналов «Молодая гвардия» и «Красная новь».

Щербаков А. С. — в те годы первый секретарь Правления Союза писателей СССР.

Даша — жена адресата.

1935

45. С. М. ЭЙЗЕНШТЕЙНУ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

...Павленко и я решили все-таки поехать... — Речь идет о второй поездке А. А. Фадеева на Дальний Восток вместе с писателями П. Павленко, Р. Фраерманом и венгерским поэтом А. Гидашем (с сентября 1934 г. до 19 августа 1935 г.).

Видел Чапаева. — Кинофильм «Чапаев» (по одноименной повести Д. Фурманова), созданный в 1934 году кинорежиссерами Г. Н. Васильевым и С. Д. Васильевым.

...Онегин жил анахоретом... — строка из четвертой главы романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

Привет... Пере... — Аташева Пера Моисееевна, жена С. М. Эйзенштейна.

46. П. А. ПАВЛЕНКО

Впервые — в журнале «Знамя», 1969, № 7.

Павленко Петр Андреевич (1899—1951) — писатель.

Переписке А. Фадеева с П. Павленко предшествовала их совместная поездка на Дальний Восток в конце 1934 года. «Край удивительный, что и говорить, — писал Павленко с Дальнего

Востока поэту В. Луговскому, — но лучше края — люди... Вчера мы с Сашей, быв на учении и параде, ревели белугами. Для стихов тут тем горы. Бросай Москву и приезжай на зиму... Мы с Сашей уже сели писать. Неделю ездим — две пишем, а скоро и совсем зароемся в работу...»

В результате этой поездки родился роман П. Павленко «На Востоке». «Не было бы Фадеева, не было бы моей книги, — говорил Павленко,— не было бы «Дальнего Востока» фадеевского, не было бы Дальнего Востока сегодняшнего, красноармейского, не было бы книжки Ставского «Сильнее смерти», не было бы и моих страниц о нашей армии сегодняшнего дня. Все взаимосвязано... Он — старый опытный дальневосточник — учил меня брать жизнь...» (из стенограммы, хранящейся в Музее А. М. Горького в рукописном фонде П. Павленко).

Фадеева и Павленко связывала многолетняя дружба и совместная работа в Союзе писателей СССР. Последняя их встреча произошла 15 июня 1951 года, за несколько часов до смерти Павленко.

На траурном митинге, посвященном памяти П. Павленко, в Центральном доме литераторов 18 июня 1951 года, Фадеев выступил с речью, которая публикуется в настоящем Собрании сочинений (т. 6, «Памяти Петра Павленко»).

«Литературные забавы». — Имеются в виду последние два раздела одноименной статьи А. М. Горького, опубликованные в «Правде» 18 и 24 января 1935 года.

Ланговой — персонаж из романа А. Фадеева «Последний из удэге».

...на съезде Советов... — Речь идет о 7-ом съезде Советов СССР (28 января — 6 февраля 1935 года).

...премьера «Баррикад». — Имеется в виду премьера спектакля, поставленного по одноименному роману П. Павленко (1932).

Володька — поэт В. Луговской.

47. Э. И. ШУБ

Впервые — в журнале «Искусство кино», 1961, № 9.

Эйзен — С. М. Эйзенштейн.

ГУКФ — Главное управление кинофотопромышленности при СНК СССР.

«Наше... воображение, по самой природе своей...» — цитата из романа Гете «Страдания молодого Вертера».

48. П. А. ПАВЛЕНКО

Впервые — в журнале «Знамя», 1969, № 7.

...на подготовку доклада... — Записи этого доклада не обнаружены.

«Мой творческий опыт — рабочему автору» — так назывался доклад А. Фадеева, с которым он выступил на собрании слушателей литературных кружков Замоскворецкого района гор. Москвы в декабре 1932 года (см. т. 5 наст. Собр. соч. — «Мой литературный опыт — начинающему автору»).

49. Ю. Н. ЛИБЕДИНСКОМУ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

...ты пишешь о своей работе над пьесой. — По словам Ю. Н. Либединского, пьеса «так и не увидела света, так как не удовлетворяла меня самого».

...введение к эстетике Гегеля... — Отрывки из введения к «Эстетике» Гегеля были опубликованы в журнале «Литературный критик» (1934, № 10 и 11) в новом переводе Б. Столпера.

50. А. В. ФАДЕЕВОЙ

Впервые — в книге А. Фадеев, «Повесть нашей юности».

...постараюсь за лето кончить четвертую часть романа... — Четвертая часть романа «Последний из удэге» была опубликована в журнале «Красная новь», 1936, № 7, 8.

51. П. А. ПАВЛЕНКО

Впервые — в журнале «Знамя», 1969, № 7.

...скоро уеду на Камчатку... — Эта поездка не состоялась.

...но счастья нет и между вами... — заключительные строки эпилога поэмы А. С. Пушкина «Цыганы». В пушкинском тексте приводимая вторая строка написана так: «Природы бедные сыны!..»

52. Ю. Н. ЛИБЕДИНСКОМУ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

53. П. А. ПАВЛЕНКО

Впервые — в журнале «Знамя», 1969, № 7.

Поездка в Чехословакию... — По возвращении с Дальнего Востока (19 августа 1935 г.) Фадеев вскоре выехал в Прагу, в составе делегации советских писателей и журналистов (М. Кольцов, А. Толстой, А. Караваева и другие). В Чехословакии он пробыл до 18 октября 1935 года.

Здесь при наличии Марианны... — Марианна — сестра В. А. Герасимовой, большой друг А. Фадеева. Приехала в Сухуми вместе с Фадеевым для лечения после тяжелой болезни.

Василий Тарасович Глушин — известный дальневосточный тигролов, с которым Фадеев познакомил Павленко во время их совместной поездки по Дальнему Востоку.

«...Первая железная ночь!..» — Ниже приводится отрывок из романа норвежского писателя Кнута Гамсуна «Пан».

54. П. А. ПАВЛЕНКО

Впервые — в журнале «Знамя», 1969, № 7.

...сдать до отъезда 4-ю часть «Удэге»... — Фактически четвертая часть романа «Последний из удэге» была закончена.

Публикация отрывков из этой части началась с мая 1936 года в «Литературной газете», журналах «Красная новь», «На ру-

беже». Полностью отдельным изданием 4-я часть была напечатапа в «Роман-газете» (Гослитиздат, М. 1940).

...с этими журналами... — Речь идет об альманахе «Год XVIII» и журнале «Колхозник», к редактированию которых А. М. Горький привлек П. А. Павленко.

1936

55. А. В. ФАДЕЕВОЙ

Впервые — в книге: А. Фадеев, «Повесть нашей юности».

Письмо датируется по содержанию — январем—февралем 1936 года.

...рецензия Мариэтты Шагинян... — Статья М. С. Шагинян «Победа писателя» («Литературная газета», 1936, 29 января).

...в статье Эрлиха... — Опубликована в «Литературной газете» 26 января 1936 года.

56. И. Г. ЛЕЖНЕВУ

Публикуется впервые.

Лежнев И. (Исай Григорьевич Альтшуллер) (1891—1955) — литературовед и публицист. В 20-х годах под его редакцией выходил журнал сменовеховского направления «Новая Россия». В 1926 году этот журнал был закрыт, а его редактор — выслан за границу, где он пробыл до 1930 года. В 1933 году написал книгу «Записки современника», где пересмотрел свое отношение к советской действительности. Рукопись этой книги Лежнев направил в Политбюро ЦК ВКП(б) в качестве «расширенного заявления» с просьбой о приеме в Коммунистическую партию. В 1938 году Политбюро приняло его в ряды партии.

Вышел в свет первый том «Записок» («Истоки»), состоящий из трех частей («Перекрестные ветры», «Властитель дум» и «Превращения»), которые завершаются своеобразным послесловием «От буржуазной беспартийности к пролетарской партийности».

...особенно понравились мне главы... — Речь идет о главах второй части «Записок современника» («Властитель дум»).

...цитата из Тана... — Речь идет об очерке писателя, ученого-этнографа В. Г. Богораза (псевдоним — В. Г. Тан) «Чрево Москвы», опубликованном в первом номере журнала «Новая Россия» (август 1922 г.), в котором даны живые бытовые зарисовки московской торговой жизни в первые годы нэпа. Цитата из этого очерка приведена Лежневым в 19-й главе «Записок современника» («Те же и то же»).

57. Э. И. ШУБ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

...статьей «Правды»... — Имеются в виду редакционные статьи «Правды»: «Сумбур вместо музыки» (28 января 1936 г.) и «Балетная фальшь» (6 февраля 1936 г.).

...недавно та же «Правда»... — В редакционной статье «Правды» от 5 декабря 1935 года («Владимир Маяковский») впервые были приведены слова И. В. Сталина: «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Безразличие к его памяти и его произведениям — преступление».

58. Э. И. ШУБ

Впервые — в журнале «Искусство кино», 1961, № 9.

...осилил тыняновского Пушкина. — В 1936 году были опубликованы первые две части исторического романа Ю. Н. Тынянова «Пушкин».

...за дискуссией... — Речь идет о дискуссии, посвященной проблемам социалистического реализма, формализма и натурализма в литературе и искусстве, которая развернулась в советской печати в феврале—марте 1936 года.

59. Н. А. ОСТРОВСКОМУ

Впервые — в журнале «Молодая гвардия», 1957, № 1.

Островский Николай Алексеевич (1904—1936) — писатель.

...рад... познакомиться с тобой... — В середине мая 1936 года вместе с Ю. Н. Либединским А. Фадеев выезжал из Сухуми в Сочи для встречи с Н. А. Островским. Эта встреча описана в книге Ю. Н. Либединского «Современники» («Одна встреча»). Фадеев выехал в Москву, узнав о тяжелой болезни А. М. Горького.

60. Н. А. ОСТРОВСКОМУ

Впервые — в журнале «Молодая гвардия», 1957, № 1.

...смерть Алексея Максимовича... — А. М. Горький умер 18 июня 1936 года.

...работаю над статьей для сборника Гослитиздата... — Статья не была написана.

...делал об этой книге доклад в Сухуми... — Стенограммы или других записей доклада не сохранилось.

...ты опубликовал уже в «Молодой гвардии» первую часть «Рожденные бурей»... — Отрывки из первых глав романа «Рожденные бурей» были опубликованы Н. А. Островским в апреле 1935 года в «Сочинской правде». В журнале «Молодая гвардия» роман печатался в 1935 году (с № 7).

61. П. А. ПАВЛЕНКО

Впервые — в журнале «Знамя», 1969, № 7.

...«полковник Луговец»... — поэт В. Луговской.

...и с отвращением читая жизнь мою... — строки из стихотворения А. С. Пушкина «Воспоминание» (1828).

Что смолкнул веселия глас?.. — эта и следующие две строки — из «Вакхической песни» А. С. Пушкина (1825).

1937

62. Э. Ю. ТРИОЛЕ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

Письмо написано А. А. Фадеевым в Париже и адресовано в одну из парижских больниц, где в то время находилась на лечении Э. Ю. Триоле.

Триоле Эльза Юрьевна — французская писательница (1897—1970); родилась в Москве, с 1919 года жила во Франции.

...когда я ехал в Париж... — А. А. Фадеев был в Париже в конце июня 1937 года, направляясь в Испанию на Второй конгресс Международной ассоциации писателей для защиты культуры.

63. А. О. СТЕПАНОВОЙ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

Письмо написано по дороге в г. Тбилиси, куда А. А. Фадеев выезжал в декабре 1937 года для участия в работе пятого пленума Правления Союза писателей СССР, посвященного 750-летию поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Степанова Ангелина Осиповна (р. 1905) — жена А. А. Фадеева, артистка МХАТа, народная артистка СССР.

1938

64. М. АЛЬТЕРМАНУ

Впервые — в газете «Горьковский рабочий» (вечерний выпуск), 14 апреля 1938 года.

Датируется по времени опубликования.

Альтерман Михаил — в те годы ученик 16-й средней школы г. Горького.

1939

65. А. М. СЕМЕНОВУ

Публикуется впервые. Датируется по содержанию.

Семенов Алексей Михайлович (1892—1967) — партийный работник, журналист, редактор (воспоминания о нем см. в журнале «Звезда», 1967, № 3).

Роман А. Семенова «Двадцать первый год», о котором идет речь в письме, опубликован не был.

...наконец — съезд... — Речь идет о XVIII съезде ВКП(б) (10—21 марта 1939 г.), делегатом которого был А. А. Фадеев. Съезд избрал его членом ЦК ВКП(б).

...сценарий о Фрунзе... — Речь идет о сценарии «Перекоп» (см. т. 4 наст. Собр. соч.).

66. А. Н. ТИХОНОВУ (СЕРЕБРОВУ)

Публикуется впервые.

Тихонов Александр Николаевич (псевдоним — Н. Серебров) (1880—1956) — писатель.

Замечания Фадеева были учтены автором при подготовке рукописи к изданию. Воспоминания опубликованы в журнале «Новый мир», 1940, № 6.

67. В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «МОЛОТ»

Впервые — в газете «Молот» (Ростов-на-Дону), 20 июля 1939 года.

68. И. К. ЛУППОЛУ

Впервые — в «Известиях Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», т. XIX, вып. 3, М. 1960, в статье А. П. Антоненковой «Замечания А. А. Фадеева на проект схемы-плана «Истории советской литературы».

Луппол Иван Капитонович (1896—1943) — философ и литературовед, академик. В 1935—1940 годах — директор Института мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР.

69. М. М. ПРИШВИНУ

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

Пришвин Михаил Михайлович (1873—1954) — писатель.

...Ваш очерк... — Очерк М. М. Пришвина «Большая биология» не был опубликован.

...после моего возвращения из Армении... — В сентябре 1939 года А. А. Фадеев выезжал в г. Ереван на празднование 1000-летия армянского народного эпоса «Давид Сасунский».

70. В. П. СТАВСКОМУ

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

...о твоем ранении... — В. П. Ставский был ранен во время советско-финской войны (1939).

71. В РЕДАКЦИЮ «МОСКОВСКОГО АЛЬМАНАХА»

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Датируется по времени выпуска «Московского альманаха», № 1 («Советский писатель», М. 1939). Редакция альманаха (Н. Атаров, А. Письменный, К. Симонов, Л. Соловьев, Г. Ярцев) учла замечания А. А. Фадеева. Из стихов поэта С. Н. Маркова было включено одно («Озеро Олонецкое Лаче...»), М. Матусовского — пять, Я. Смелякова — два.

«Писатель о своем деле» — статья Э. Хемингуэя в «Литературной учебе» не была напечатана.

1940

72. Е. С. БУЛГАКОВОЙ

Впервые — в «Ученых записках Тартуского государственного университета», выпуск 119 («Труды по русской и славянской филологии», V), Тарту, 1962, стр. 401 («М. А. Булгаков в неизданных письмах А. М. Горького и А. А. Фадеева»).

Булгакова Елена Сергеевна (1893—1970) — жена писателя М. А. Булгакова.

Первая встреча Фадеева с Булгаковым состоялась 11 ноября 1939 года на квартире больного Булгакова. Вплоть до самой кончины писателя Фадеев часто навещал его. Впоследствии он не раз очень тепло высказывался о Булгакове, заботился о его семье.

...я буду связан с Маршаком и Ермолинским... — После смерти М. А. Булгакова С. Я. Маршак возглавил Комиссию Союза писателей по литературному наследству покойного писателя. Членом комиссии был также драматург С. А. Ермолинский.

73. В. В. ОВЕЧКИНУ

Публикуется впервые.

Овечкин Валентин Владимирович (1904—1968) — писатель.

На основании этого письма можно утверждать, что произведения В. Овечкина обратили на себя внимание Фадеева в 1940, а не в 1944 году (время издания повести «С фронтовым приветом»), как утверждалось ранее. См. также публикацию Л. Огановой — журнал «Вопросы литературы», 1969, № 2, стр. 169.

...Ваш очерк... — Очерк В. В. Овечкина, о котором идет речь в этом письме, нигде не публиковался.

...в связи с заключением мира... — Речь идет о подписании договора о мире между СССР и Финляндией (12 марта 1940 г.), который положил конец советско-финской войне, начавшейся 30 ноября 1939 года.

74. А. Н. ТОЛСТОМУ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

1941

75. ТОВАРИЩУ СУКОВАНЧЕНКО

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Сукованченко Георгий Федорович (1900—1950) — библиограф-краевед.

76. В ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Семынин Петр Андреевич (р. 1909) — поэт и драматург.

Упоминаемые в письме поэмы П. А. Семынина были впоследствии опубликованы: «Окраина» — в сборнике П. А. Семынина «Земная колыбель» («Советский писатель», М. 1959); «Негр» и «Поэма о маляре» (новое название — «Федор Мякин») — в сборнике П. А. Семынина «Близость неба» («Советский писатель», М. 1962).

77. ГЕРБЕРТУ УЭЛЛСУ

Впервые — в газете «Известия», 12 июня 1959 года.

Английский писатель *Герберт Уэллс* (1866—1946) отправил Фадееву 15 июля 1941 года из Лондона пространную телеграмму, в которой писал о целях антигитлеровской коалиции в начавшейся войне. Текст телеграммы (в сокращенном виде) впервые опубликован в газете «Известия» вместе с ответом А. А. Фадеева,

78. А. В. ФАДЕЕВОЙ

Впервые — в книге: А. Фадеев, «Повесть нашей юности».

...из Казани... — В конце 1941 года А. А. Фадеев выезжал в г. Казань, где находилась часть писателей, эвакуированных (с семьями) из Москвы и других городов. Там, на собрании писателей, он выступил с докладом «Советские писатели в Отечественной войне». Стенограмма этого доклада не велась.

Ольга Адамовна — мать жены В. А. Фадеева.

79. В. А. ЛУГОВСКОМУ

Впервые — в журнале «Юность», 1963, № 4, в статье С. Преображенского «В одном строю».

Луговской Владимир Александрович (1901—1957) — поэт.

Дом наш в Комсомольском... — В Большом Комсомольском переулке, д. 3/а, кв. 25 (Москва) А. А. Фадеев жил с 1933 по 1948 год.

Зоя — жена П. Г. Антокольского.

...младшего моего брата... — Свитыча Б. Г.

...снова был у дачи... — Имеется в виду дача по 5-му Лучевому просеку (Сокольники, Москва), где в 1926—1928 годах жил А. А. Фадеев.

...ты был в Соснах... — в подмосковном санатории.

Ольга Михайловна — мать В. А. Луговского.

Туся — сестра В. А. Луговского, Татьяна Александровна.

Елена Сергеевна — вдова писателя М. А. Булгакова.

Сережка — сын Е. С Булгаковой.

80. А. В. ФАДЕЕВОЙ

Впервые — в книге: А. Фадеев, «Повесть нашей юности».

...собирал материалы для книги... — «Ленинград в дни блокады».

...Ничу и Неду... — В. М. Шушарина (Сибирцева) и ее дочь.

81. А. Б. ДЕРМАНУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Дерман Абрам Борисович (1880—1952) — критик и литературовед. В период Отечественной войны жил в г. Чистополе, куда и было направлено письмо А. А. Фадеева, работавшего в то время в Совинформбюро.

...написать о них специальную рецензию... — опубликована в газете «Литература и искусство», 1943, № 2, под названием «Стихи Исаковского».

...Вашу брошюру о Чехове... — Критико-биографический очерк А. Б. Дермана «Антон Павлович Чехов» был опубликован в 1939 году (М. Гослитиздат).

...товарищи по Пресс-бюро... — Пресс-бюро при Президиуме Правления Союза советских писателей было организовано в начале августа 1942 года для содействия творческой работе писателей в годы войны. А. А. Фадеев был председателем этого бюро.

82. А. Б. ДЕРМАНУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Повесть В. С. Гроссмана «Народ бессмертен» впервые была опубликована в журнале «Знамя» (1942, № 8).

...я просил К. А. Тренева... — Писатель К. А. Тренев в годы войны был назначен Правлением Союза советских писателей руководителем группы литераторов, эвакуированных в г. Чистополь.

83. А. О. СТЕПАНОВОЙ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

...об этом полку я написал... — Речь идет об очерке «Летный день» («Правда», 17 и 18 декабря 1942 г.) (см. т. 4 наст. Собр. соч.).

Мария Владимировна — мать А. О. Степановой.

84. И. Л. СЕЛЬВИНСКОМУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Датируется на основании авторской пометки на копии письма.

Сельвинский Илья Львович (1899—1968) — поэт.

...по поводу твоей заметки «Поэт на фронте»... — Текст этой заметки не найден.

«Степь». — По совету А. А. Фадеева, цитируемая в письме строфа была автором исправлена. Стихотворение «Степь» посвящено И. Сельвинским А. А. Фадееву.

1943

85. А. Н. ТОЛСТОМУ

Впервые — в журнале «Новый мир», 1961, № 12.

Написано в связи с 60-летием А. Н. Толстого.

86. А. Б. ДЕРМАНУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Хесин Г. Б. — в то время директор Литературного фонда СССР.

87. П. Х. МАКСИМОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

...о судьбе Крымова... — В годы Отечественной войны П. Х. Максимов работал в редакции армейской газеты «Советский патриот» вместе с писателем Крымовым (Беклемишевым Ю. С.), который погиб на фронте 20 сентября 1941 года. «Выполняя просьбу А. Фадеева, я дополнительно собрал и записал все, что знали мои товарищи об обстоятельствах гибели Ю. Крымова, и отослал А. Фадееву» (П. Максимов, Воспоминания о писателях, Ростов, 1958, стр. 93).

88. В. М. САЯНОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Напечатан ли мой отрывок «Катя Брауде»... — Очерк «Катя Брауде» (отрывок из книги «Ленинград в дни блокады») был напечатан в журнале «Ленинград», 1943, № 5.

89. М. Б. КОЛОСОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Письмо ориентировочно датируется мартом—маем 1943 года по свидетельству адресата и времени описываемых событий.

Колосов Марк Борисович (р. 1904) — писатель.

Собираемся на днях... — Такое совещание было организовано весной 1943 года.

Я был в Ленинграде... — В 1943 году А. А. Фадеев был в Ленинграде «с конца января по середину марта».

90. В. В. ВИШНЕВСКОМУ

Впервые — в журнале «Театр», 1959, № 2. Письмо не датировано. Судя по содержанию, написано весной 1943 года.

Вишневский Всеволод Витальевич (1900—1951) — драматург.

...жду твоей пьесы... — «У стен Ленинграда».

У нас закончилось на днях совещание... — Совещание о работе писателей на фронте было организовано Правлением Союза писателей СССР.

91. В. О. ПЕРЦОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Перцов Виктор Осипович (р. 1898) — литературовед.

Чагин П. И. — в те годы главный редактор издательства «Советский писатель».

1944

92. Л. Н. МАРТЫНОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Мартынов Леонид Николаевич (р. 1905) — поэт.

...издание Вашей книги... — Книга стихов Л. Мартынова «Лукоморье» была переработана автором по замечаниям А. А. Фадеева и опубликована в 1945 году издательством «Советский писатель».

93. М. И. АЛИГЕР

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Алигер Маргарита Иосифовна (р. 1915) — поэтесса.

...я жил очень замкнуто и одиноко... — на подмосковной даче в Переделкине.

...оправдались слова Гете... — Цитата из романа Гете «Страдания молодого Вертера», книга вторая, запись от 20 октября 1771 года.

1945

94. Б. С. РОМАШОВУ

Впервые — в журнале «Театр», 1959, № 2.

Ромашов Борис Сергеевич (1895—1958) — писатель.

95. А. О. СТЕПАНОВОЙ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

Мои дела такие... — Речь идет о работе над романом «Молодая гвардия».

М. В. — Мария Владимировна, мать А. О. Степановой.

1946

96. В РЕДАКЦИЮ ЧЕШСКОЙ ГАЗЕТЫ «МЛАДА ФРОНТА»

Впервые — в чешской газете «Млада фронта», 1946, № 2. Датируется по времени публикации.

97. С. М. ЭЙЗЕНШТЕЙНУ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

...мы с тобой здесь не встретились... — В это время Фадеев и Эйзенштейн находились на лечении в одной больнице.

98. А. О. СТЕПАНОВОЙ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

Я нашел у Гюго чудный эпиграф... — Судя по записи в дневнике А. А. Фадеева, он хотел рассказу «Ляля» предпослать такой эпиграф из В. Гюго: «Ураган на суше не уступал в силе морской буре. Разнузданная ярость окружала покинутого мальчика... Вдруг ему почудился какой-то неясный звук... Это был стон скорее человеческий, чем звериный, скорее фантастический, чем реальный... Было что-то бесконечно трогательное, душераздирающее и жалобное в этом голосе, ибо это был голос: это кричал человек... Мальчик быстро раскидал сугроб и увидел крохотное худое тело ребенка... Малютка лежала совершенно голая. Посиневшая от холода, она еще дышала. Это была девочка».

В дневнике писателя, вслед за этим эпиграфом, написана первая строка рассказа «Ляля»: «Это была девочка. Но это было еще страшнее...»

Рассказ «Ляля» не был написан.

Подробнее об эпизоде, послужившем основой для замысла писателя, см. в книге: Борис Полевой, «Встречи на перекрестках», «Советский писатель», М. 1961, стр. 357—364.

...я насочинял огромное количество рассказов... — Рассказы не были написаны. Лишь к рассказу «Суровые времена» в записных книжках сохранились рабочие материалы — «Заготовки».

99. Н. К. ЗАЛИЛОВОЙ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

Залилова Нина Константиновна (р. 1913) — жена татарского писателя, Героя Советского Союза — Мусы Джалиля (Залилова Мусы Мустафовича, 1906—1944).

100. П. Х. МАКСИМОВУ

Впервые — (частично) в книге: А. Фадеев, «Повесть нашей юности».

...ты можешь писать лучше... — По свидетельству адресата, эта оценка была дана рукописи очерка на военную тему.

...твою книжку о Горьком... — Речь идет о втором издании книги П. Максимова «О Горьком (Переписка и встречи)», Ростовское книжное издательство, 1946.

...Сурков больше занят в «Огоньке»... — В этот период А. А. Сурков был одновременно главным редактором журнала «Огонек» и «Литературной газеты».

Нина Ивановна — Бедельян Н. И., машинистка редакций ростовских газет «Советский Юг» и «Молот».

101. Н. С. КЛЕМЕНТЬЕВУ

Впервые — (с сокращениями) в газете «Чкаловская коммуна» 17 ноября 1957 года.

Письмо является продолжением личной беседы А. А. Фадеева с писателями Чкаловской (ныне Оренбургской) области в феврале 1947 года.

Клементьев Николай Сергеевич (1908—1947) — поэт, в то время ответственный секретарь Чкаловского отделения Союза писателей СССР.

Упоминаемые в письме: *Моисеев* — директор Чкаловского областного издательства, *Денисов* — первый секретарь Чкаловского обкома КПСС.

Марина Андреевна — жена Н. С. Клементьева.

102. С. Я. МАРШАКУ

Публикуется впервые.

Маршак Самуил Яковлевич (1887—1964) — писатель.

Рассказы О. С. Неклюдовой в детских журналах за эти годы не печатались.

Софья Михайловна — жена С. Я. Маршака.

103. О. Л. ЛЕОНИДОВУ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

Леонидов (Шиманский) Олег Леонидович (1893—1951) — драматург.

...я встретил Ларису Семеновну Сварог... — жена художника В. С. Сварога.

Эся — Эся Львовна Леонидова, жена О. Л. Леонидова.

104. В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Впервые — в «Литературной газете» 19 октября 1946 года.

105. З. И. СЕКРЕТАРЕВОЙ И К. П. СЕРОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма дальневосточникам».

Секретарева Зоя Ивановна (р. 1894) — участница революционного подполья на Дальнем Востоке (в подполье — «Зоя Большая»).

Серов Константин Петрович (р. 1899) — участник большевистского подполья и партизанского движения на Дальнем Востоке (в подполье — «Миша-Медведь»).

...событиями в Союзе писателей. — Речь идет о перестройке работы Союза писателей в связи с постановлением ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам (август 1946 г.).

Характеристику Зое о ее работе среди молодежи я посылаю. — В этой характеристике, датированной 22 октября 1946 года, А. А. Фадеев писал, что он знает З. И. Секретареву как видного работника Владивостокского подполья и партизанского движения в период колчаковщины. «В моем формировании как большевика тов. Секретарева сыграла огромную роль. Она оказала большое идейное влияние на целую группу демократической учащейся молодежи в 1918 году, стихийно подходившую к большевизму, и помогла оформиться их мировоззрению».

106. К. М. СИМОНОВУ

Впервые — в журнале «Новый мир», 1961, № 12.

Симонов Константин Михайлович (р. 1915) — писатель, в то годы главный редактор журнала «Новый мир».

Ты сделал бы благое дело... — В журнале «Новый мир» (1946, № 12) была напечатана статья К. И. Чуковского «О Некрасове».

107. К. М. СИМОНОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

...его поэму. — Имеется в виду рукопись поэмы венгерского поэта Антала Гидаша «Стонет Дунай» (впервые опубликована в журнале «Новый мир», 1947, № 3, в переводе Н. Заболоцкого).

Кривицкий А. Ю. — в те годы заместитель главного редактора журнала «Новый мир».

1947

108. В. В. ВИШНЕВСКОМУ

Впервые — в журнале «Москва», 1961, № 2.

...у Сони... — С. К. Вишневецкой.

Дискуссия о «Сталинграде»... — то есть о романе писателя В. П. Некрасова «В окопах Сталинграда» (1946).

...обсудить все №№ вышедших журналов. — Обсуждение состоялось в Правлении Союза писателей в конце 1946 года под

председательством А. А. Фадеева. 2 февраля 1947 года в газете «Правда» была напечатана статья А. Фадеева «О литературно-художественных журналах», явившаяся как бы итогом этого обсуждения.

...Березко я еще не прочитал... — повесть писателя Г. С. Березко «Ночь полководца» (журнал «Знамя», 1946, № 11—12).

109. В СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

...отменить неправильное указание... — В этой просьбе А. А. Фадееву было отказано, так как дача, о которой идет речь, принадлежала не А. Н. Толстому, а являлась одной из служебных дач Управления делами Совета Министров СССР и была предоставлена писателю в свое время во временное пользование. Городская квартира А. Н. Толстого была сохранена в неприкосновенности, и на доме, в котором он жил, установлена мемориальная доска.

110. В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «СТАЛИНСКАЯ ГВАРДИЯ» ТОВАРИЩУ КОМПАНИЕЦ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

Написано в ответ на коллективное письмо группы солдат и офицеров — читателей газеты «Сталинская гвардия» — по поводу романа «Молодая гвардия».

Компаниец — начальник отдела культуры и быта газеты «Сталинская гвардия».

111. А. ОРЛОВОЙ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

А. Орлова — сестра молодогвардейца Анатолия Орлова, геройски погибшего в 1943 году.

112. В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «КРАСНОЕ ЗНАМЯ»

Впервые — в газете «Красное знамя» (Владивосток) 6 мая 1947 года. Написано в связи с 30-летием газеты.

...впервые выступавшего на страницах вашей газеты в 1917 году. — Газетные выступления А. А. Фадеева за 1917 год не сохранились. Литературовед Б. Л. Беляев обнаружил во Владивостокском архиве статью «Интеллигенция и пролетариат» (газета «Красное знамя», 12 апреля 1918 г.) за подписью «Булыга Курцевич». По предположению Б. Л. Беляева, автором этой статьи является А. А. Фадеев (см. публикацию в газете «Красное знамя» 14 сентября 1957 г.).

113. С. П. ПИЩЕЛКЕ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма дальневосточникам».

Пищелка Семен Прокопьевич (р. 1898) — один из боевых партизан Приморья. Был командиром партизанского отряда и военным комиссаром Спасского партизанского района.

В характеристике, данной адресату в 1950 году, А. А. Фадеев писал, что он близко и хорошо знает С. П. Пищелку как смелого и преданного коммуниста, боевого партизана.

Вспоминая об одной из боевых операций под Спасском в апреле 1920 года, когда он был первый раз ранен в бою с интервентами, А. А. Фадеев рассказывал: «Я лично в значительной мере обязан Пищелке своей жизнью: вместе с бойцами коммунистического отряда, в сложных боевых условиях, через болота, по пояс в ледяной воде, Пищелка вынес меня тяжело раненного из японского окружения».

...запомнился мне один чудесный вечер... — Речь идет о товарищеской вечеринке, организованной молодежью г. Спасска в марте 1920 года. В августе 1920 года — по инициативе А. Фадеева — из этой молодежи была создана первая комсомольская организация г. Спасска-Дальнего.

...после убийства белыми Уткина... — Петр Уткин — большевик-подпольщик, один из деятелей партийной организации Дальнего Востока. В 1920 году по поручению партийной организации выехал на Иман, для переговоров с японским командованием, но был предательски убит белогвардейцами.

...не посылаю тебе своих книг... — Позже А. А. Фадеев прислал С. П. Пищелке свою фотографию и экземпляр романа «Молодая гвардия» с дружескими дарственными надписями.

114. Г. Х. ЦАПУРИНУ

Впервые — (в сокращенном виде) в журнале «Огонек», 1960, № 27, в статье С. Преображенского «Страницы юности Александра Фадеева».

Цапурин Григорий Хрисанфович (р. 1896) — один из организаторов и руководителей Владивостокского союза рабочей молодежи (август 1917 г.), активный работник газеты этого союза — «Трибуна молодежи», участник большевистского подполья и партизанского движения во Владивостоке.

...у нас коренная перестройка... — Имеется в виду перестройка работы Союза советских писателей, связанная с выполнением постановления ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» (1946). В июле 1947 года состоялся XI пленум Правления Союза писателей СССР, на котором А. А. Фадеев был избран генеральным секретарем Союза писателей СССР.

Настя — Нешитова (Красавина) Людмила Ивановна, участница большевистского подполья во Владивостоке.

115. Д. К. и М. Т. АНДРОСОВЫМ

Впервые — в статье С. Преображенского «Роман и история» («Учительская газета», 28 сентября 1961 г.).

116. И. Л. КРЕМЛЕВУ

Впервые — (не полностью) в книге: А. Фадеев, «За тридцать лет», под названием «И. Кремлев, «Солдаты революции».

Кремлев-Свен Илья Львович (р. 1897) — писатель и драматург.

Первая книга Вашего романа... — В письме говорится о романе И. Л. Кремлева «Солдаты революции», впервые опубликованном в журнале «Звезда» (1953, № 8—12).

117. В ГОСЛИТИЗДАТ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Книга В. Кирпотина «Молодой Достоевский» вышла в Гослитиздате в 1947 году.

118. К. П. СЕРОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма дальневосточникам».

...ленинградское издание «Молодой гвардии». — В 1947 году роман «Молодая гвардия» был издан «Лениздатом» с иллюстрациями художника М. А. Таранова.

119. Л. Ф. ПАЛАМАРЧУКУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Паламарчук Л. Ф. — в то время редактор газеты «Радяньска Україна» (Киев).

1948

120. М. И. АЛИГЕР

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Датируется по свидетельству адресата.

...к твоей пьесе. — Пьеса М. И. Алигер «Сказка о правде» (1945).

...в связи с критикой «Молодой гвардии»... — Речь идет о редакционных выступлениях газет «Культура и жизнь» (30 ноября 1947 г.) и «Правда» (3 декабря 1947 г.).

«Кремлевские куранты» — пьеса Н. Ф. Погодина, написанная в 1941 году.

Храпченко М. Б. — в те годы председатель Комитета по делам искусств при СНК СССР.

121. И. Я. АБЕЗГАУЗУ

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

Абезгауз Илья Яковлевич — один из старейших работников модельного цеха завода имени Владимира Ильича (Москва).

122. М. Ф. РЫЛЬСКОМУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Рыльский Максим Фаддеевич (1895—1964) — украинский поэт.

123. М. М. ПРИШВИНУ

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

«В краю непуганых птиц» — книга очерков М. М. Пришвина, написанная в 1906 году.

124. В УПРАВЛЕНИЕ ПО ОХРАНЕ АВТОРСКИХ ПРАВ

Впервые — в книге: А. Фадеев, «Повесть нашей юности».

125. А. А. ЖДАНОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Жданов Андрей Александрович (1896—1948) — в те годы секретарь ЦК ВКП(б).

126. О. Д. ФОРШ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

Форш Ольга Дмитриевна (1873—1961) — писательница.

...привет Тамаре — дочери О. Д. Форш.

127. КОЛЛЕКТИВУ УЧИТЕЛЕЙ И УЧАЩИХСЯ ЧУГУЕВСКОЙ ШКОЛЫ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма дальневосточникам».

...когда я учился в гор. Владивостоке... — А. Фадеев поступил в приготовительный класс Владивостокского коммерческого училища осенью 1910 года. Выбыл из училища весной 1919 года, в связи с уходом в партизаны.

128. Г. Х. ЦАПУРИНУ

Впервые — в журнале «Огонек», 1960, № 27.

129. М. В. ИСАКОВСКОМУ

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

Исаковский Михаил Васильевич (р. 1900) — поэт.

...со своим маленьким Мишей... — с сыном А. Фадеева.

Большое спасибо тебе за «Трансваль». — В 1948 году М. В. Исаковский написал стихотворение «Песня о Родине», которое посвятил А. А. Фадееву. В эпиграфе и тексте этого стихотворения были использованы слова песни: «Трансваль, Трансваль — страна моя...», любимой А. А. Фадеевым с юношеских лет.

Отдал ли ты это в какой-нибудь журнал?.. — Стихотворение впервые было напечатано в журнале «Огонек», 1948, № 8.

Лида — жена М. В. Исаковского.

Наталия Ивановна — мать жены М. В. Исаковского.

130. И. А. ГЛОТОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Глотов И. А. — в то время директор Ленинградской киностудии художественных фильмов («Ленфильм»).

Серебровская Елена Павловна (р. 1915) — писатель и кинодраматург.

Я разговаривал с тов. Большаковым... — Большаков И. Г. — в то время министр кинематографии СССР.

...если бы Герман согласился... — Одновременно с публикуемым письмом А. А. Фадеев обратился к Ю. П. Герману, прося его принять участие в работе Е. П. Серебровской над сценарием о В. Г. Белинском.

...председателя Правительственного Комитета... — В связи со 100-летием со дня смерти В. Г. Белинского (7 июня 1948 г.) Совет Министров СССР образовал специальный Всесоюзный комитет по проведению этой даты, во главе с А. А. Фадеевым.

131. К. М. СИМОНОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

...с немецкими писателями... — Речь идет о группе немецких писателей, приехавших в СССР по приглашению Союза советских писателей СССР.

Валя — Серова В. В., заслуженная артистка РСФСР.

132. Л. И. КЛИМОВИЧУ

Впервые — в журнале «Дружба народов», 1961, № 4.

Климович Люциан Ипполитович (р. 1907) — литературовед. В 1948 году был председателем бюро Комиссии по литературам народов СССР Правления Союза писателей СССР.

...по поводу Вашей хрестоматии... — Речь идет о «Хрестоматии по литературам народов СССР», составителем и комментатором которой был Л. И. Климович (Учпедгиз, М. 1947).

...прилагаю свои заметки по прочитанному... — «Заметки по прочитанному» А. А. Фадеева опубликованы в журнале «Дружба народов», 1961, № 4.

133. К. М. СИМОНОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Датируется по времени описываемых событий.

...рукопись Гладкова... — один из первых вариантов «Повести о детстве» (1949) Ф. В. Гладкова.

...врезался в Белинского. — Речь идет о подготовке доклада о жизни и творчестве В. Г. Белинского, с которым А. А. Фадеев выступил 7 июня 1948 года на торжественном заседании в Большом театре СССР (см. т. 6 наст. Собр. соч.).

134. А. С. БУШМИНУ

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

Бушмин Алексей Сергеевич (р. 1910) — литературовед, член-корреспондент АН СССР.

...прочел Вашу работу... — то есть диссертацию А. С. Бушмина на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему: «Роман А. Фадеева «Разгром» и советская проза двадцатых годов».

Мать разошлась с А. И. Фадеевым... — А. В. Фадеева разошлась со своим первым мужем Александром Ивановичем Фадеевым в 1905 году. Ее вторым мужем был Глеб Владиславович Свитыч, умерший в 1917 году.

Учился я в сельской школе... — в Саровке... — В селе Саровка семья Фадеевых жила в 1909—1910 годах.

Сибирцева М. В. — родная тетка А. А. Фадеева; деятельница народного образования на Дальнем Востоке.

...родная дочь Марии Владимировны... — Шушарина (Сибирцева) Вероника Михайловна.

...это противоречит замечательному определению Энгельса... — Речь идет об известном выражении Ф. Энгельса: «...реализм предполагает, помимо правдивости деталей, правдивость в воспроизведении типичных характеров в типичных обстоятельствах» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, М. 1948, стр. 405).

135. М. М. ЗОЩЕНКО

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Зощенко Михаил Михайлович (1895—1958) — писатель. В постановлении ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» (1946) были подвергнуты резкой критике рассказ Зощенко «Приключения обезьяны» (1946) и повесть «Перед восходом солнца» (1943). В результате этой критики писатель был исключен из Союза писателей СССР и из профсоюза. Восстановлен в правах при участии А. А. Фадеева.

...с твоей комедией... — Речь идет о неопубликованной пьесе М. М. Зощенко, название которой не установлено.

Я пишу одновременно письмо... — Помимо упомянутых писем, А. А. Фадеев позднее, в декабре 1951 года, обратился в Секретариат Правления Союза писателей СССР, прося рассмотреть заявление М. М. Зощенко, поддержанное Вс. Ивановым и В. Кавериным, о восстановлении его в правах члена Союза советских писателей. «Со своей стороны полагаю,— писал он,— что вопрос этот следует решить положительно».

136. Ю. Н. ЛИБЕДИНСКОМУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

...Ваше семейное торжество. — У Ю. Н. и Л. А. Либединских родился сын, названный Александром — в честь А. А. Фадеева.

...с поездкой в г. Вроцлав... — На Всемирный конгресс деятелей культуры в защиту мира, где А. А. Фадеев возглавлял советскую делегацию.

Ирина Крымова — жена писателя Ю. С. Крымова.

137. Г. Х. ЦАПУРИНУ

Впервые — в журнале «Огонек», 1960, № 27.

...навеян мне рассказом твоим и Андрея... — Андрей — брат Г. Х. Цапурина — А. Х. Цапурин, один из организаторов и руководителей Союза рабочей молодежи, а позднее — комсомола во Владивостоке.

138. П. И. ЛЕБЕДЕВУ

Впервые — в журнале «Театр», 1959, № 2.

Лебедев Поликарп Иванович — в то время был председателем Комитета по делам искусств при СНК СССР.

139. М. Л. СЛОНИМСКОМУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

...так кардинально переделаешь роман. — Речь идет о романе М. Л. Слонимского «Лавровы» (опубликован в 1949 г. в издательстве «Советский писатель»).

140. К. Ф. ПИСКУНОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Пискунов Константин Федотович (р. 1905) — директор изд-ва «Детская литература».

...следовало бы переиздать. — Сборник рассказов писателя С. В. Диковского «Приключения катера «Смелый» впервые был издан в 1940 году (г. Хабаровск, Дальгиз). После этого выпущен Детиздатом в 1941 году (с иллюстрациями худ. В. Коновалова). По рекомендации А. А. Фадеева переиздан Детгизом в 1949 году.

141. ТОВАРИЩАМ ЧЕРКАЛОВОЙ, МАТЮНИНОЙ, КАЧАЛОВСКОЙ

Впервые — в книге: А. Фадеев, «Повесть нашей юности».

142. З. Т. ГЛАВАН

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

143. К. М. СИМОНОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Датируется по содержанию письма.

Старик... много поработал над своей вещью. — Имеется в виду «Повесть о детстве» Ф. В. Гладкова, которая была напечатана в журнале «Новый мир» (1949, № 2—4).

1949

144. Е. И. КОВАЛЬЧИК

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

Ковальчик Евгения Ивановна (1907—1953) — критик. В 1949 году была председателем Комиссии по теории литературы и критике Правления Союза писателей СССР.

...с Макаровым... — Макаров А. Н., критик, работавший в то время в редакции «Литературной газеты».

145. А. В. ФАДЕЕВОЙ

Впервые — в книге: А. Фадеев, «Повесть нашей юности».

Вроцлавский конгресс — Всемирный конгресс деятелей науки и культуры состоялся в конце августа 1948 года в г. Вроцлаве (Польша). На этом конгрессе 25 августа 1948 года А. А. Фадеев выступал с докладом «Наука и культура в борьбе за мир, прогресс и демократию» (опубликован в газете «Правда» за 29 августа 1948 г.) и был избран в Международный комитет связи деятелей культуры.

...дней 10—12... — Поездка А. А. Фадеева в Париж продлилась до конца февраля 1948 года.

146. Г. М. ПОПОВУ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

Попов Георгий Михайлович — в то время председатель исполкома Московского Совета депутатов трудящихся.

...как совместную работу... — В. И. Мухина является автором памятника А. М. Горькому (по проекту И. Д. Шадра и при участии Н. Г. Зелинской и З. Г. Ивановой), открытого в Москве в 1951 году. От имени и по поручению правительства СССР этот памятник открывал А. А. Фадеев.

147. Ф. М. ГОЛОВЕНЧЕНКО, А. К. КОТОВУ, Н. С. РОДИОНОВУ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

Письмо адресовано членам редакционной комиссии Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого. А. А. Фадеев был председателем этой комиссии.

148. А. С. БУШМИНУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Я тоже не согласен с рецензией Баждаева... — В № 3 журнала «Новый мир» за 1949 год была напечатана отрицательная рецензия писателя В. Важдаева на опубликованную в «Известиях отделения литературы и языка Академии наук СССР» статью А. С. Бушмина «Идейно-образная концепция «Разгрома» А. А. Фадеева», представляющую собой отрывок из диссертации А. Бушмина — «Роман А. А. Фадеева «Разгром» и советская проза двадцатых годов». Не согласившись с рецензией, А. Бушмин послал письмо в редакцию и одновременно — А. А. Фадееву. Публикуемое письмо — ответ А. А. Фадеева.

...свою точку зрения я довел до сведения редакции «Нового мира»... — В письме в редакцию «Нового мира» А. А. Фадеев написал: «Критическая заметка В. Важдаева... действительно не может быть названа добросовестной. Статья Бушмина представляет собой извлечение из его большой работы о «Разгроме». В работе этой есть и ошибки, но это настоящий труд советского ученого».

Я просил их напечатать Ваш ответ... — Ответ А. Бушмина на рецензию В. Важдаева в «Новом мире» не был напечатан.

149. ТОВАРИЩУ КОШЕЛЕВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Кошелев — в то время директор Всесоюзного объединения «Международная книга».

150. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

Впервые — в журнале «Юность», 1958, № 12.

Колесникова Александра Филипповна (р. 1901) — дальневосточница, учительница, член КПСС, друг детства и юности А. А. Фадеева.

...в санатории под Москвой. — А. А. Фадеев жил тогда в подмосковном санатории «Барвиха».

...в ночь японского выступления... — Речь идет о предательском нападении японских интервентов на города и села Дальнего Востока в ночь на 5 апреля 1920 года.

...я дважды ездил на Дальний Восток... — Первый раз в августе 1933 — январе 1934 года и второй раз в сентябре 1934 — августе 1935 года.

...мимо домика, где столько прошло безвозвратного... — дом на Набережной, где встречались друзья А. Фадеева.

Нина Сухорукова — подруга А. Ф. Колесниковой.

...от первого брака... — Имеется в виду брак с В. А. Герасимовой.

...через Седанку, Вторую речку, Первую речку... — районы и улицы Владивостока.

151. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

Впервые — в журнале «Юность», 1958, № 12.

...проводить пушкинские дни... — А. А. Фадеев являлся председателем правительственного комитета по празднованию 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина.

Федоров Н. З. — дальневосточник, впоследствии преподаватель средней школы. Умер в 1942 году.

152. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

Впервые — в журнале «Юность», 1958, № 12.

...делегатом X съезда партии. — А. А. Фадеев был избран делегатом съезда на конференции военкомов, политработников и коммунистов ячеек РКП(б) Народно-революционной армии Дальневосточной республики в начале февраля 1921 года.

153. А. А. КОВАЛЕНКОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Коваленков Александр Александрович (р. 1911) — поэт.

...за книгу. — Книгу стихов А. Коваленкова «Семь холмов» (изд. «Московский рабочий», М. 1949), подаренную адресатом А. А. Фадееву.

...оставив у читателя неудовлетворенность. — «Замечания Фадеева о стихотворении «Прогулка», — вспоминает А. А. Ко-

валенков, — были так конкретны и убедительны, что я изменил концовку стихотворения. По сути, Фадеев отредактировал эти стихи».

154. А. А. КОВАЛЕНКОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

«Снегирь» — действительно прекрасное стихотворение. — Поблагодарив А. А. Фадеева за похвальный отзыв о книге его стихов, А. А. Коваленков спрашивал мнение Фадеева о стихотворении «Снегирь», которое автор считал лучшим в своей книжке. Публикуемое письмо — ответ на этот вопрос.

...державинские стихи... — Речь идет о стихотворении Г. Р. Державина «Снегирь» (1800), написанном на смерть великого русского полководца А. В. Суворова.

155. М. Я. ПОЛЯКОВУ

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

Поляков Марк Яковлевич (р. 1916) — литературовед.

...«Политическое завещание Белинского»... — статья М. Я. Полякова, опубликованная в «Вестнике Академии наук СССР» (1948, № 6).

...я являюсь большим поклонником Вашей книги... — книги М. Я. Полякова «Белинский в Москве» (изд. «Московский рабочий», 1948).

156. ЛИТЕРАТУРНОМУ КРУЖКУ В ВЕНГРИИ

Впервые — в книге: А. Фадеев, «Повесть нашей юности».

Написано в ответ на письмо участников литературного кружка в Венгрии, сообщавших А. А. Фадееву о решении присвоить их кружку его имя.

157. Ф. М. ДЗЮМЕНКО

Впервые — в книге: А. Фадеев, «Повесть нашей юности».

Дзюменко Федор Максимович — колхозник родного села А. А. Фадеева Чугуевки, Приморской области.

158. Г. С. МАРГОЛИНУ

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

...Ваша диссертация. — Диссертация Г. С. Марголина на соискание ученой степени кандидата наук: «Ворошиловградская областная партийная организация во главе народных масс области в борьбе против немецко-фашистских захватчиков в 1942—1943 годах».

...в прилагаемой рецензии... — А. А. Фадеев писал, что, по его мнению, диссертация Г. С. Марголина имеет неоспоримые научные достоинства. Г. С. Марголин по-новому осветил роль областной партийной организации и районных подпольных партизанских групп в борьбе местного населения против гитлеровской армии; обобщил факты деятельности партийной группы Краснодона и доказал ее руководящую роль по отношению к «Молодой

гвардии», показав, что «Молодая гвардия» не была единственной молодежной организацией в области; впервые вскрыл связь боевых действий подпольных большевистских групп области с военными операциями частей Советской Армии.

159. Е. Я. ВАСИЛЬЕВОЙ (ЧЕРЕПКОВОЙ)

Впервые — в книге: А. Фадеев, «Повесть нашей юности».

Васильева (Черепкова) Екатерина Яковлевна — член КПСС с 1925 года, по образованию инженер. В 1924 году была на комсомольской работе (секретарь волкома) в станице Медведовской, где Фадеев впервые встретился с ней на комсомольской конференции. Позднее работала на Краснодарской табачной фабрике имени Д. П. Жлобы и сотрудничала в краевой газете «Советский Юг».

...чаще всего встречаюсь с Леней Ильичевым. — Ильичев Леонид Федорович в 20-х годах был комсомольским работником на Кубани.

1950

160. Ф. М. ДЗЮМЕНКО

Впервые — в книге: А. Фадеев, «Повесть нашей юности».

Анна Павловна и *Клавдия Павловна* — родные тетки адресата.

161. З. И. СЕКРЕТАРЕВОЙ и К. П. СЕРОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма дальневосточникам».

...возможна еще одна поездка... — 11 марта 1951 года А. А. Фадеев выехал во главе советской делегации в Стокгольм на очередную сессию Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира.

...закончить работу над новыми главами «Молодой гвардии». — В конце апреля 1950 года А. А. Фадееву был предоставлен отпуск на четыре месяца для работы над вторым вариантом романа. Однако работа над «Молодой гвардией» была закончена лишь в июле 1951 года.

...о судьбе Тани... — Т. К. Цивилевой.

162. Л. П. КОЛЕСНИКОВУ

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

Колесников Лев Петрович (р. 1923) — сын А. Ф. Колесниковой, в то время военный летчик, автор повести «Тайна Темир-Тепе», напечатанной в альманахе «Советское Приморье», а затем в издательстве «Молодая гвардия».

163. И. А. КАИРОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма дальневосточникам».

Каиров Иван Андреевич (р. 1893) — в 1949—1956 годах министр просвещения РСФСР.

Одновременно с письмом И. А. Каирову А. А. Фадеев отправил аналогичные письма заведующему Приморским краевым отделом народного образования, а несколько позднее (9 августа 1950 г.) — председателю Приморского крайисполкома. А. А. Фадеев всегда исключительно заботливо относился к нуждам школы родного села.

«...Мною приняты меры к ее ремонту и к устройству в ней центрального отопления. Летом мною была организована экскурсия учащихся-отличников Чугуевской школы во главе с заведующим учебной частью товарищем Решетило в Москву. Мы вместе были в Министерстве просвещения и кое-чего добились для школы...» (из письма Я. С. Ющенко от 31 декабря 1951 г.).

Несколько раньше (24 февраля 1950 г.) в письме К. А. Кузьминой Фадеев советует, как лучше организовать экскурсию для школьников («...учтите, что у вас не должно быть обиженных»). Одновременно он сообщал, что посылает школе «учебники для младших и старших классов», и спрашивал, получили ли они «партию книг для школьной библиотеки, отосланную месяца полтора назад?». Через месяц в письме на имя директора школы писатель сообщал, что он «принял меры к тому, чтобы приобрести картины для украшения школы».

164. С. П. ПИЩЕЛКЕ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма дальневосточникам».

Справку я все-таки написал... — Речь идет о справке-характеристике и просьбе А. А. Фадеева о назначении С. П. Пищелке персональной пенсии.

...она все уточнит, как это с ней все произошло. — В. М. Сибирцева приехала в Спасск в первых числах апреля 1920 года навестить своих братьев — И. Сибирцева и А. Фадеева. В ночь на 5 апреля японские интервенты внезапно напали на Спасский гарнизон, и на улицах города завязался жестокий бой. «Игорь и Саша, — вспоминает С. П. Пищелка, — обратились ко мне с просьбой — устроить как-нибудь Веронику, так как в Спасске она никого не знала. Я написал записку своей тогда невесте Е. С. Науменко и ее отцу, дал их адрес, рассказал, как к ним добраться! Тут началась стрельба, закипел бой, и Вероника ушла в неизвестность...»

...какой отличный украинский хор мы создали... — В пулеметной команде, политруком которой в 1920 году был А. А. Фадеев, служило много украинцев, имевших хорошие голоса. «Наш хор, — вспоминает С. П. Пищелка,— пользовался большой популярностью у бойцов и населения села Ракитного, где мы тогда стояли».

...куда девался впоследствии Головко-Улазовский... — Головко-Улазовский — офицер царской, а потом колчаковской армии. В январе 1920 года перешел на сторону партизан. Впоследствии уехал за границу. Дальнейшая его судьба неизвестна.

С капитаном Тимохиным... — Капитан Тимохин — офицер царской и колчаковской армий. Впоследствии перешел на сторону партизан и вместе с ними сражался против интервентов.

...во время ликвидации семеновской пробки... — В апреле 1920 года из Прибайкалья были полностью изгнаны колчаковские и японские войска. Для полного освобождения Забайкалья надо было ликвидировать образовавшуюся здесь «семеновскую (иначе — читинскую) пробку», то есть уничтожить банды атамана Семенова и японских интервентов. Эту задачу успешно выполнили части Народно-революционной армии.

165. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

Впервые — (частично) в журнале «Москва», 1966, № 6, в статье С. Преображенского «...Я благодарен тебе...».

Нина — жена Л. П. Колесникова.

...мой секретарь... — В. О. Зарахани, сестра А. О. Степановой.

166. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

Впервые — в журнале «Юность», 1958, № 12.

Лия — Ланковская, дочь владивостокского доктора Ланковского, эмигрировавшего в 1905 году из России. В 1919 году Л. Ланковская уехала к родителям за границу. Дальнейшая судьба ее неизвестна.

...год образования «коммуны»... — Владивостокская юношеская коммуна возникла примерно в начале 1917 года. Это была группа демократически настроенной молодежи старших классов коммерческого училища, в которую входили: А. Фадеев, Г. Билименко, П. Нерезов, А. Бородкин, П. Цой, Я. Голомбик и другие. Впоследствии почти все участники этой «коммуны» вступили в Коммунистическую партию и приняли активное участие в партизанском движении Приморья.

167. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

Впервые — (частично) в журнале «Москва», 1966, № 6.

168. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

Впервые — в журнале «Юность», 1958, № 12.

По своему же избирательному округу... — А. А. Фадеев трижды (февраль 1946, март 1950 и март 1954 гг.) избирался депутатом Верховного Совета СССР от Сорочинского избирательного округа Оренбургской (б. Чкаловской) области. В феврале 1951 года он был также избран депутатом Верховного Совета РСФСР от Бологовского избирательного округа Калининской области.

...во время китайской поездки... — В сентябре—октябре 1949 года А. А. Фадеев, возглавляя делегацию деятелей советской культуры, выезжал в Китайскую Народную Республику в связи с торжественным провозглашением КНР, а также для участия в работе Всекитайской конференции в защиту мира.

169. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

Впервые — в журнале «Юность», 1958, № 12.

...когда я попал на Сучан... — в мае 1919 года.

...в феврале 1920 года был послан во Владивосток... — Фадеев ошибается: в феврале 1920 года он был избран от партийной организации Спасско-Иманского военного района делегатом на Четвертую Дальневосточную краевую конференцию большевиков, которая проводилась в г. Николаеве-Уссурийском. Именно там, по предложению С. Г. Лазо, Фадеев был назначен помощником политического уполномоченного Спасско-Иманского военного района. Во Владивосток он был командирован в конце марта 1920 года.

...пережили чудовищную «тряпицынскую» эпопею... — Анархист Тряпицын, будучи командующим партизанскими отрядами, занявшими Николаев-на-Амуре, игнорировал указания ЦК партии и Советского правительства об организации земской власти. Тех коммунистов, которые требовали выполнения указания ЦК, Тряпицын начал зверски истреблять. За преступную, антисоветскую деятельность военный суд в Керби, Амурской области, приговорил Тряпицына к расстрелу. А. А. Фадеев собирался подробно рассказать об этой «тряпицынской» эпопее в рассказе «Суровые времена».

...я лежал, тяжело раненный, на финском льду... — В марте 1921 года А. А. Фадеев, в составе группы делегатов X съезда РКП(б), участвовал в подавлении контрреволюционного мятежа в Кронштадте. 18 марта в бою под Кронштадтом был тяжело ранен.

«Нон Эсма» — литературный псевдоним П. Н. Матвеева — мужа А. Ф. Колесниковой.

170. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

Впервые — в журнале «Юность», 1958, № 12.

...Ваш отрывочек... — Речь идет об отрывке из неизданной рукописи А. Ф. Колесниковой.

...период «гайдовского восстания» — то есть контрреволюционного мятежа в Сибири и на Дальнем Востоке в 1918 году под предводительством генерала Гайды.

171. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

Впервые — в журнале «Юность», 1958, № 12.

172. К. А. КУЗЬМИНОЙ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Кузьмина Капитолина Александровна — школьная учительница Чугуевской средней школы-десятилетки имени А. А. Фадеева. О ее дружбе с А. А. Фадеевым см. статью: С. Преображенский, К. Кузьмина, «Дружба с писателем» (журн. «Воспитание школьников», 1967, № 2).

...о моей неудаче с организацией экскурсии... — Экскурсия учеников Чугуевской средней школы в Москву все же состоялась летом 1950 года.

...подумываю обратиться к учителям... — Вместо такого обращения к учителям А. А. Фадеев направил обстоятельное письмо в партийные и советские организации Приморского края.

173. РЕНЕ ЛИРУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Датируется по сохранившейся авторской пометке.

Рене Лир — бельгийский поэт и литературовед, умер в 1957 году. Фадеев упоминает в письме книгу «Пушкин» (исследование), изданную в Брюсселе.

...под впечатлением фильма... — Речь идет о фильме «Молодая гвардия».

174. И. Л. СЕЛЬВИНСКОМУ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

...пьесы «От Полтавы до Гангута»... — Пьеса И. Л. Сельвинского «От Полтавы до Гангута» опубликована в журнале «Звезда», 1951, № 11.

...я говорил с Симоновым... — В то время К. М. Симонов был главным редактором «Литературной газеты».

...будет говорить с Твардовским и Кожевниковым... — в то время: А. Т. Твардовский — главный редактор журнала «Новый мир»; В. М. Кожевников — главный редактор журнала «Знамя».

Берта Яковлевна — жена И. Л. Сельвинского.

175. С. В. МИХАЛКОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Михалков Сергей Владимирович (р. 1913) — писатель.

Наташа — Кончаловская Н. П. — поэтесса, жена С. В. Михалкова.

176. С. С. ПРОКОФЬЕВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Прокофьев Сергей Сергеевич (1891—1953) — композитор.

...присланный Вами вариант текста... — Речь идет о поэтическом тексте к оратории С. С. Прокофьева «На страже мира» (1950), написанном С. Я. Маршаком. Инициатива в создании этой оратории, по свидетельству С. Я. Маршака, принадлежала А. А. Фадееву.

177. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

Впервые — (частично) в журнале «Москва», 1966, № 6.

178. К. ЭРЕНБУРГ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

179. И. Л. СЕЛЬВИНСКОМУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

«Читая Фауста» — социально-философская трагедия И. Л. Сельвинского, впервые напечатанная в 1952 году.

180. В СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

В 1950 году грузинский писатель В. И. Татишвили обратился с письмом на имя А. А. Фадеева, в котором просил поддержать его неоднократные выступления в защиту находящихся в Москве памятников русско-грузинской культурной связи XVII—XVIII столетий. «Из записки, которую я прилагаю,— писал В. И. Татишвили, — Вы поймете, что я делал все, что мог, но ничего добиться не сумел... Хорошо бы было, подобно тому, как это произошло в Миргороде с могилой Давида Гурамишвили, восстановить в Москве могилу большого грузинского поэта XVII столетия Арчила II — грузинского первопечатника». На основании этого письма и статьи В. И. Татишвили «Арчиловский некрополь в Москве» и было написано публикуемое письмо А. А. Фадеева в Совет Министров СССР.

181. В. В. ВИШНЕВСКОМУ

Впервые — в журнале «Москва», 1961, № 2.

182. Д. Н. ОРЛОВУ

Впервые — в журнале «Театр», 1959, № 2.

Орлов Дмитрий Николаевич (1892—1955) — народный артист РСФСР.

183. К. А. ФЕДИНУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Федин Константин Александрович (р. 1892) — писатель.

За время конгресса... — Второго всемирного конгресса сторонников мира в Варшаве (16—22 ноября 1950 г.), где А. А. Фадеев от имени советской делегации внес предложение послать в ООН «Декларацию об устранении угрозы новой войны и об укреплении мира и безопасности народов». Конгресс избрал А. А. Фадеева в состав Всемирного Совета Мира, на первом заседании которого он был избран членом Бюро и вице-президентом Всемирного Совета Мира.

Не согласился бы ты... — Согласие К. А. Федина было получено, и вскоре он был избран в Секретариат Правления Союза писателей СССР.

184. В. Ф. ЛЕБЕДЕВУ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

Лебедев Владимир Федорович (1871—1952) — народный артист РСФСР, исполнитель роли Пики в пьесе «Разгром» (по роману А. А. Фадеева), поставленной на сцене Малого театра в 1932 году (автор инсценировки и режиссер-постановщик М. Нароков).

Я ознакомился с Вашими воспоминаниями... — 5 октября 1950 года В. Ф. Лебедев обратился к А. А. Фадееву с просьбой «просмотреть рукопись — воспоминания о моем разговоре с Львом Николаевичем Толстым».

1951

185. И. Г. КЭБИНУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Кэбин Иван Густавович (р. 1905) — первый секретарь ЦК Коммунистической партии Эстонской ССР.

Семпер Иоханнес Хансович (1892—1970) — эстонский писатель.

В начале 50-х годов И. Х. Семпер был снят с руководящих постов (он был руководителем писательской организации Эстонской ССР, одним из секретарей Союза писателей СССР) и исключен из Союза писателей СССР, а также из рядов Коммунистической партии по ложным, как выяснилось позже, обвинениям. А. А. Фадеев принял тогда в судьбе И. Семпера живое участие, одним из проявлений которого было публикуемое письмо, написанное в ту пору, когда А. Фадеев еще не знал, что обвинения, выдвинутые против И. Семпера, являются клеветническими.

Вспоминая о А. А. Фадееве, И. Х. Семпер писал:

«...я часто с ним встречался, и у меня сохранились об этом славном человеке и отзывчивом товарище наилучшие воспоминания. В тяжелые минуты он неоднократно мне помогал. Помню, как он осенью 1941 года, когда я случайно попал в Москву, устроил меня на работу в Радиокомитете и как он в 1951 году, когда я переживал самые тяжелые времена в своей жизни, обещал немедля написать тов. Кэбину. По скорому улучшению моего положения после беседы с Александром Александровичем я догадался, что письмо было послано» (из письма И. Х. Семпера С. Н. Преображенскому от 20 июня 1962 г.).

186. К. П. СЕРОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма дальневосточникам».

...ездил в Женеву, а потом в Берлин. — А. А. Фадеев выезжал в Женеву (январь 1951 г.) для участия в заседаниях Бюро Всемирного Совета Мира и в Берлин (19—26 февраля 1951 г.) — на первую сессию Всемирного Совета Мира.

Как живут Тамара и Танюша? — то есть Т. М. Головнина и Т. К. Цивилева.

187. Г. Е. НИКОЛАЕВОЙ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Николаева (Волянская) Галина Евгеньевна (1914—1964) — писательница.

...прочел «Жатву»... — Роман Г. Николаевой «Жатва» впервые был опубликован в журнале «Знамя» (1950, № 5—7). В 1951 году

роману была присуждена Государственная премия. Считая этот роман одним из тех явлений советской литературы, «которым суждена долгая жизнь», А. Фадеев вместе с тем указывал на отдельные, в частности, языковые, недостатки романа: в этом произведении, «которое поражает богатством народного языка,— говорил он, — встречаются небрежности, идущие от штампованной газетной речи».

188. Н. С. РОДИОНОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Родионов Николай Сергеевич (1889—1960) — литературовед, член редакционной комиссии по изданию Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого. Председателем этой комиссии был А. А. Фадеев.

В тот же день А. А. Фадеев обратился с аналогичным письмом к другому члену комиссии — Н. Н. Гусеву, в котором просил его изложить точку зрения по существу вопроса и свое мнение «направить в наши руководящие органы».

189. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

Впервые — (частично) в журнале «Москва», 1966, № 6.

...с Варшавского конгресса... — На Втором Всемирном конгрессе сторонников мира в Варшаве (16—22 ноября 1950 г.) А. А. Фадеев был главой советской делегации.

190. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

Впервые — (частично) в журнале «Москва», 1966, № 6.

...как несчастливо сложилась для меня эта весна. — А. А. Фадеев был болен весной этого года в общей сложности около трех месяцев (март, апрель и май).

...осуществится моя мечта... — Поездка на Дальний Восток не состоялась.

191. К. М. СИМОНОВУ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

192. К. Ф. ПИСКУНОВУ

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

Роман В. Катаева «За власть Советов» впервые был напечатан в журнале «Новый мир» (1949, № 6—8). Первый вариант романа подвергся в печати критике, которую автор признал во многом справедливой. Второй вариант романа (о котором идет речь в письме А. Фадеева) издан в декабре 1951 года Детгизом.

193. М. М. КОРНЕВУ, Н. В. ЛЕСЮЧЕВСКОМУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Рекомендую к изданию... — Статья литературного критика А. С. Гурвича «Сила положительного примера» была напечатана

в журнале «Новый мир», 1951, № 9. Статья подверглась критике в редакционной статье газеты «Правда» (28 октября 1951 г.) и в ряде других статей.

Выступая 24 марта 1953 года на заседании Президиума правления Союза писателей СССР, А. Фадеев сказал, что решение журнала «Новый мир» опубликовать статью А. Гурвича было принято «при поддержке членов Секретариата — Фадеева и Суркова».

Впоследствии А. Фадеев способствовал переработке статьи «Сила положительного примера», и она была опубликована (уже в исправленном виде) в книге А. Гурвича «Черты современника» («Советский писатель», М. 1958).

194. И. Л. СЕЛЬВИНСКОМУ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

3 августа 1951 года А. А. Фадеев обратился с письмом к руководителям издательства «Советский писатель», в котором рекомендовал опубликовать пьесу «Читая Фауста» (в переработанном виде) в сборнике пьес И. Сельвинского. «У нас очень мало пьес философского содержания, — писал А. Фадеев. — В этом смысле пьеса Сельвинского — явление принципиально новое».

195. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

Впервые — (частично) в журнале «Москва», 1966, № 6.

...сегодня уезжаю... — В тот же день А. А. Фадеев выехал в Хельсинки (Финляндия) для участия в работе Бюро Всемирного Совета Мира (20—23 июля) и для встречи с финскими писателями, которая состоялась 26 июля 1951 года.

196. КОЛЛЕКТИВУ МОЛОДЕЖИ ПАРОВОЗА ИМЕНИ «МОЛОДОЙ ГВАРДИИ»

Впервые — в книге: А. Фадеев, «Повесть нашей юности».

197. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

Впервые — (частично) в журнале «Москва», 1966, № 6.

...сижу в гостинице Магнитогорска... — А. А. Фадеев в августе 1951 года выезжал в Челябинск и Магнитогорск для сбора и изучения материала к роману «Черная металлургия».

198. В. А. МОРОЗОВОЙ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Морозова Вера Александровна (р. 1921) — в 1951 году была заместителем главного редактора издательства «Молодая гвардия» и редактором второго издания романа А. А. Фадеева «Молодая гвардия».

Публикуемому письму предшествовало «Несколько замечаний для корректоров» издательства, написанных А. Фадеевым 5 сентября 1951 года:

«1. В отношении Костиевича и Кондратовича — употребить буквы с ударением только вначале, в двух-трех случаях, когда эти отчества (употребляемые *отдельно) впервые* встречаются в романе. Во всех остальных случаях писать без ударения: Костиевич, Кондратович.

2. Условная, семейная кличка отца Сережи «дед» — везде в кавычках, кроме двух случаев: а) когда эта кличка впервые появляется в романе и тут же поясняется, б) когда эта кличка употребляется в живой речи.

3. Вообще в живой речи, то есть в диалоге, *не нужны* кавычки, если даже употребляются клички или условные названия, вроде — дед, Молодая гвардия, Сеняки, СС, полицай и т. п.

4. Если в авторской речи, то — хутор *Нижне-Александровский.* Если в живой речи, то — *Нижняя Александровка.*

5. Заместитель Швейде — *Фельднер,* а не Фельдфений.

6. Не могу понять, почему Вы везде подчеркиваете слово вахмайстер? Разве оно не так пишется? Немцы сказали мне, что оно пишется именно так, и в старом издании все так и было».

199. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

Впервые — (частично) в журнале «Москва», 1966, № 6.

200. В. В. ЕРМИЛОВУ

Впервые — в журнале «Юность», 1970, № 2.

Спасибо тебе за обстоятельное письмо... — Речь идет о письме В. В. Ермилова от 6—7 октября 1951 года, в котором дана высокая оценка новой редакции романа «Молодая гвардия» (опубликовано в журнале «Юность», 1970, № 2).

201. И. А. ПИКУЛЮ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма дальневосточникам».

Пикуль Иван Андреевич (р. 1897) — участник гражданской войны на Дальнем Востоке. В 1918—1922 годах вел культурно-просветительную работу среди партизан Спасского гарнизона, участник боев за Спасск.

...на пароходе «Пролетарий»... — Имеется в виду речной пароход «Пролетарий» (ранее назывался «Казак Уссурийский»), на котором в мае 1920 года А. Фадеев проделал несколько рейсов по р. Уссури, эвакуируя ценное военное имущество, вооружение, боеприпасы, промышленное оборудование из Приморья в Амурскую область (где тогда формировалась Народно-революционная армия Дальневосточной республики). Впоследствии этот эпизод был описан Фадеевым в рассказе «Рождение Амгуньского полка».

...Вашу заметку... — заметку И. А. Пикуля с предложением о создании краеведческого музея в г. Азове.

Павел Хрисанфович — П. Х. Максимов.

202. А. А. СУРКОВУ

Впервые — в журнале «Новый мир», 1961, № 12.

Сурков Алексей Александрович (р. 1899) — писатель.

203. В СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

...не проводить вечер... — Юбилейный вечер, посвященный 50-летию А. А. Фадеева, был проведен 23 декабря 1951 года в Центральном Доме литераторов (Москва) и повторен (по настоянию общественности) в Концертном зале имени П. И. Чайковского 24 декабря 1951 года.

204. Б. Л. БЕЛЯЕВУ

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

Беляев Борис Леонидович (р. 1912) — литературовед, автор ряда работ о жизни и творчестве А. А. Фадеева.

...Вы взялись за труд, посвященный семье Сибирцевых. — Очерк Б. Л. Беляева «Семья Сибирцевых» издан в 1954 году Приморским книжным издательством.

Михаил Яковлевич — Сибирцев М. Я., дядя А. А. Фадеева, выходец из революционной семьи, народоволец; вместе с женой, М. В. Сибирцевой, активно содействовал работе революционеров на Дальнем Востоке.

205. А. А. СУРКОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Тренева Н. К. — переводчица, жена П. А. Павленко.

ВКИ — Комитет по делам искусств при СНК СССР.

206. А. К. КОТОВУ

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

Котов Анатолий Константинович (1909—1956) — литературовед, в те годы — директор Государственного издательства художественной литературы (Гослитиздат).

Аналогичные письма были отправлены А. А. Фадеевым дирекции Института мировой литературы имени А. М. Горького, а также в издательства «Советский писатель» и «Молодая гвардия».

207. Е. Ф. КНИПОВИЧ

Впервые — в статье Е. Ф. Книпович «Живой опыт» — журнал «Знамя», 1958, № 3. Датируется по содержанию.

Книпович Евгения Федоровна (р. 1898) — критик и литературовед.

Я очень рад, что Вы оценили моего Лютикова... — В декабре 1951 года в Союзе советских писателей было организовано обсуждение второго варианта романа А. А. Фадеева «Молодая гвардия». В обсуждении приняла участие Е. Ф. Книпович. Фадеев на обсуждении не присутствовал. Ознакомившись со стенограммой, он прислал Е. Ф. Книпович публикуемую записку.

208. И. Ф. ТЕВОСЯНУ

Впервые — в книге: А. Фадеев, «Повесть нашей юности».

Тевосян Иван Федорович (1902—1957) — товарищ А. А. Фадеева по учебе и партийной работе в Горной академии; выдающийся организатор социалистической индустрии. В 1952 году — заместитель Председателя Совета Министров СССР и министр черной металлургии.

209. В. П. МАЛЫШЕВУ

Впервые — в журнале «Дальний Восток», 1960, № 3.

Малышев Василий Прокофьевич — участник гражданской войны на Дальнем Востоке. В 1952 году — зав. кафедрой истории СССР в Педагогическом институте г. Благовещенска-на-Амуре. «В январе 1952 года, — рассказывает В. П. Малышев,— изучая материалы партархива Амурского обкома КПСС, я встретил ряд документов, в которых сообщалось о работе партизанского «командира т. Фадеева» (инициалов в документах не было). Мне крайне необходимо было установить личность «командира т. Фадеева». По этой причине я написал А. А.Фадееву, с которым был знаком еще с 1920 года, и просил дать справку о его работе на Амуре...»

Мне никогда не приходилось с ним встречаться... — Позднее на копии своего письма А. А. Фадеев написал: «Это мое представление оказалось ошибочным. Как выяснилось из переписки с Ф. П. Булочниковым (комиссаром «моей» бригады, т. е. где я был комиссаром полка) — я встречался с Фадеевым. Но я был лучше знаком с его комиссаром Соркиным. И о Соркине я хорошо помню, а о Фадееве забыл».

210. Н. П. ОХЛОПКОВУ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

Охлопков Николай Павлович (1900—1957) — главный режиссер Московского театра имени В. В. Маяковского, постановщик спектакля «Молодая гвардия» по роману А. Фадеева (1947, совместно с режиссером Страдомской) и оперы композитора Мейтуса «Молодая гвардия» (1950, Ленинградский Малый оперный театр).

...на спектакль «Дорога свободы». — Поставлен на сцене театра им. В. В. Маяковского (по пьесе Говарда Фаста).

Я пишу большой, увлекательный и трудный по материалу роман... — роман «Черная металлургия».

...завтра я улетаю в Прагу... — на сессию Всемирного Совета Мира.

211. ТОВАРИЩУ АМБЕЛИКОПУЛО

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Амбеликопуло — читатель из г. Киева.

...я это место поправлю... — В издании романа 1951 года было написано: «Сережка вырезал стекло алмазом и вынул его»,

В последующих изданиях эта строка была переписана так: «Сережка выдавил стекло, треснувшее, но не распавшееся, и вынул его» (наст. Собр. соч., т. 3, стр. 509).

212. ТОВАРИЩУ ШАРНОВСКОМУ

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

Шарновский — в то время старший редактор издательства ЦК ЛКСМУ «Молодь», где в 1952 году был издан роман А. А. Фадеева «Молодая гвардия» (на украинском языке).

213. Д. С. ФЕДИНОЙ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

Федина (Александер) Дора Сергеевна (1895—1953) — жена К. А. Федина.

214. К. А. ФЕДИНУ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

Прими от меня соответственный подарок... — охотничье ружье.

215. И. С. ПЕШКИНУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «За тридцать лет», под названием «Книга о металлурге Аносове».

Пешкин И. С. — автор книги «П. П. Аносов».

Аносов Павел Петрович — выдающийся русский металлург.

...она мне очень много дала для новой моей работы — для романа «Черная металлургия».

216. О. Д. ФОРШ

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

...первую книгу романа о декабристах... — романа О. Д. Форш «Первенцы свободы».

217. К. А. КУЗЬМИНОЙ

Впервые — в книге: А. Фадеев, «Повесть нашей юности».

218. А. К. КОТОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Упоминаемые в письме тт. *Платонова, Юферев* и *Воинов* — редакторы Гослитиздата.

...тщательно выверенный и исправленный мною... — См. канонический текст романа «Разгром», опубликованный в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 1.

219. Т. М. ГОЛОВНИНОЙ

Впервые — (в сокращенном виде) в журнале «Юность», 1958, № 12. Включено в сборник: А. Фадеев, «Письма дальневосточникам».

Головнина Тамара Михайловна (р. 1899) — участница революционного и партизанского движения на Дальнем Востоке.

...когда я находился в заграничной командировке... — В марте—апреле 1952 года А. А. Фадеев находился в г. Осло (Норвегия), где участвовал в заседании Бюро Всемирного Совета Мира, а также в Стокгольме (Швеция), где он выступал 5 апреля на массовом митинге, организованном Шведским национальным комитетом защиты мира в «Доме гражданина».

...твоя поездка в Ленинград... — Речь идет о поездке Т. М. Головниной в марте 1921 года в Петроград, в госпиталь — к раненому при штурме Кронштадтской крепости А. А. Фадееву.

...твой укрупненный колхоз... — В 1951—1952 годах Т. М. Головнина работала председателем укрупненного колхоза имени И. В. Мичурина в Псковской области.

...увидишь Таню... — Т. К. Цивилеву.

...рад помочь тебе... — В ответ Т. М. Головнина прислала писателю большое письмо. 15 июля 1952 года А. Фадеев написал ей: «Дорогая Тамара! Спасибо за большое и теплое письмо. Получила ли ты деньги? Официального заявления твоего я еще не получил. Жду. Приехать в колхоз твой мне, конечно, очень хочется. Но боюсь, что дело это сорвется: уж больно много дел набежало за эти месяцы. Крепко жму руку и обнимаю тебя. Саша». (Опубликовано в книге: А. Фадеев, «Письма дальневосточникам».)

220. А. Б. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕРУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Гольденвейзер Александр Борисович (1875—1962) — пианист, педагог и композитор; друг Л. Н. Толстого. Речь идет о переиздании дневника А. Б. Гольденвейзера «Вблизи Толстого» — том I дневника был издан Гослитиздатом в 1958 году.

221. Е. Д. СТАСОВОЙ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

Стасова Елена Дмитриевна (1873—1966) — соратница В. И. Ленина, один из старейших деятелей революционного движения, член КПСС с 1898 года.

...«Письмо, как письмо»... — строка из поэмы С. Есенина «Анна Снегина».

Комитет по премиям... — Комитет по Сталинским премиям в области литературы и искусств при Совете Министров СССР.

222. И. Ф. ТЕВОСЯНУ

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

Коробов П. И. — в то время зам. министра черной металлургии СССР.

После нашей с тобой поездки в Магнитогорск... — в начале 1952 года — на празднование 20-летия Магнитогорского металлургического комбината.

223. И. П. БАРДИНУ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

Бардин Иван Павлович (1883—1960) — ученый-металлург, академик.

...*оторвался от Вашего института...* — И. П. Бардин являлся в то время руководителем Института металлургии Академии наук СССР.

...*поеду на сессию...* — Чрезвычайная сессия Всемирного Совета Мира состоялась в Берлине 1—6 июля 1952 года.

...*лучше, чем у Бека...* — в повести А. А. Бека о металлурге М. К. Курако (журнал «Знамя», 1935, № 5).

В книге Григорьева и Александрова... — Имеется в виду книга И. Александрова и Г. Григорьева «Курако», «Молодая гвардия», М. 1939.

224. СТРОИТЕЛЯМ КОМСОМОЛЬСКА-НА-АМУРЕ

Впервые — в журнале «Искусство кино», 1959, № 2.

Обращено к редактору газеты «Амурский ударник» (Комсомольск-на-Амуре) товарищу Беспомощному.

225. ТОВАРИЩУ ПОСТНИКОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Постников — редактор Московской полиграфической фабрики № 1.

...*книжку «Метелица».* — Речь идет об одной из глав романа А. А. Фадеева «Разгром», которая существует как самостоятельный рассказ для детей, под названием «Метелица».

226. В. С. ГРОССМАНУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Гроссман Василий Семенович (1905—1964) — писатель.

...*руководство семинаром прозы...* — Такое согласие В. С. Гроссманом было дано.

...*с началом печатания Вашего романа.* — «За правое дело».

Ольга Михайловна — жена адресата.

227. ДЖУЗЕППЕ БЕРТИ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

Написано до 10 ноября 1952 года (этим числом датирован ответ Дж. Берти на письмо А. А. Фадеева).

Берти Джузеппе (р. 1902) — итальянский писатель, историк.

В ответном письме адресат благодарит Фадеева за оценку сборника «Русская демократическая мысль XIX века», изданного в Италии с его предисловием и комментариями, и делится планами популяризации в Италии русской классической и советской литературы.

228. А. ФАДЕЕВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Фадеев Александр Александрович (р. 1936) — сын писателя, в настоящее время артист театра и кино.

229. ЖАНУ ЛАФФИТУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Лаффит Жан (р. 1910) — французский писатель-коммунист; один из руководителей Всемирного Совета Мира.

...завершением Конгресса народов в защиту мира. — Всемирный конгресс народов в защиту мира проходил в Вене (Австрия) 12—20 декабря 1952 года. А. А. Фадеев принимал участие в работе этого конгресса, но выехал в Москву до окончания его работы.

Жолио-Кюри Фредерик — в 1951—1958 годах председатель Всемирного Совета Мира.

...за его внимание ко мне. — В связи с 50-летием со дня рождения А. А. Фадеева Жолио-Кюри прислал ему поздравительную телеграмму, в которой писал: «Вам исполнилось пятьдесят лет, дорогой и великий друг, но Вы остаетесь в молодой гвардии. С любовью Вас обнимаю. Фредерик Жолио-Кюри» (Государственный Литературный музей).

230. ЯКУБУ КОЛАСУ (К. М. МИЦКЕВИЧУ)

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

Датируется концом декабря 1952 года — по содержанию телеграммы.

Колас Якуб (Мицкевич Константин Михайлович, 1882—1956) — белорусский поэт.

1953

231. К. Ф. ПЛАТОНОВОЙ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

Платонова Клавдия Федоровна — редактор одного из изданий романа А. А. Фадеева «Молодая гвардия» (Гослитиздат, 1953).

232. К. М. СИМОНОВУ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

...встречу с Сурковым... — В 1953 году А. А. Сурков был заместителем генерального секретаря Союза писателей СССР.

233. М. М. ПРИШВИНУ

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

Телеграмма послана в связи с 80-летием со дня рождения М. Пришвина.

234. В. К. КЕТЛИНСКОЙ

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

Кетлинская Вера Казимировна (р. 1906) — писательница.

...мне удалось прочесть Ваш роман... — Роман «Дни нашей жизни», впервые напечатанный (с сокращениями) в журнале «Знамя» (1952, № 7—10). При подготовке романа к отдельному изданию автором были учтены многие замечания А. А. Фадеева, а также восстановлены ранее произведенные сокращения. «Особенно это относится, — по словам В. К. Кетлинской, — к образам и взаимоотношениям партийных руководителей и директора».

235. К. М. СИМОНОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

...с книгой Трифоновой... — Речь идет о критико-биографическом очерке Т. К. Трифоновой «Илья Эренбург» (Гослитиздат, М. 1952).

...постановлении ЦК... — постановление ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» от 14 августа 1946 года.

Михайлов Н. А. — в те годы секретарь ЦК ВКП(б).

236. Б. А. ЛАВРЕНЕВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Лавренев Борис Андреевич (1891—1959) — писатель.

Это — единственное из сохранившихся писем А. А. Фадеева к адресату: «Пять писем Александра Александровича, — сообщал Б. А. Лавренев автору комментариев,— написанных мне в промежуток между 1925 и 1936 годами (одно из них было большое, интересное и содержательное с разговором о моем не очень удачном романе «Синее и белое»), погибли вместе со всем моим архивом в моей ленинградской квартире в блокадный год...»

Прочел «Лермонтова»... — пьесу Б. А. Лавренева «Лермонтов», поставленную на сцене МХАТа в 1954 году.

...прошу зайти ко мне... — По свидетельству Б. А. Лавренева, содержание беседы с ним А. А. Фадеева о пьесе «Лермонтов» «хотя и в конспективном виде, но точно и ясно включено в последнюю большую статью Александра Александровича» — «Заметки о литературе».

237. Т. А. ФАДЕЕВОЙ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Фадеева Татьяна Александровна (р. 1900) — сестра писателя, была членом Владивостокской подпольной комсомольской организации, член КПСС; кандидат экономических наук.

...в Шенкурске... — г. Шенкурске Архангельской губернии, где находился в ссылке отец писателя — А. И. Фадеев.

238. А. А. СУРКОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Датируется по справке адресата.

...с проектом организационной перестройки... — перестройка работы Секретариата Правления Союза писателей СССР и его аппарата проходила в связи с подготовкой к XIV пленуму Правления Союза писателей СССР (21—24 октября 1953 г.).

239. В. М. КАШИНЦЕВОЙ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Кашинцева Валентина Михайловна (р. 1903) — одна из старейших работниц аппарата Правления Союза писателей СССР.

240. Ю. Н. ЛИБЕДИНСКОМУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

...так долго держат... — В общей сложности А. А. Фадеев пробыл в этот раз в больнице и санатории (больничного типа) более пяти месяцев.

241. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

Впервые — (частично) в журнале «Москва», 1966, № 6.

Если дадут мне полный творческий отпуск... — А. А. Фадеев получил годовой отпуск для творческой работы в октябре 1953 года, но не использовал его полностью и не смог поехать на Дальний Восток.

242. И. Я. ВАСИЛЬЕВУ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

Васильев Илья Яковлевич — в те годы директор издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», где в 1952 году вышел роман А. А. Фадеева «Молодая гвардия».

243. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

Впервые — (частично) в журнале «Москва», 1966, № 6.

244. Л. П. КОЛЕСНИКОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма дальневосточникам».

245. Л. Е. СИДОРЕНКО

Впервые — в журнале «Новый мир», 1966, № 4.

Сидоренко (Апряткина) Лидия Ефимовна (р. 1902) — участница большевистского подполья в Баку, впоследствии училась в Москве, на рабфаке имени Артема при Московской Горной академии.

Галина — Михайлова Г. А., студентка Московской Горной академии, впоследствии инженер-геолог.

Апряткин Иван Семенович, *Виноградов* Леонид, *Блохин* Алексей Александрович, *Чепиков* Константин — товарищи Фадеева по учебе в Горной академии.

...вместе с Губкиным... — А. А. Блохину, вместе с академиком И. М. Губкиным, принадлежит открытие первого крупного месторождения нефти (Ишимбаевского) во Втором Баку.

ЦЗЛ — центральная заводская лаборатория.

246. АЛЕКСАНДРУ ФАДЕЕВУ

Впервые — в журнале «Смена», 1959, № 23.

...с Колей... — Н. Г. Заракани, племянник писателя.

247. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

Впервые — (частично) в журнале «Москва», 1966, № 6.

248. К. Н. СТРЕЛЬЧЕНКО

Впервые — в газете «Литература и жизнь», 1 апреля 1960 года.

Стрельченко Клавдия Николаевна — вдова поэта В. К. Стрельченко, погибшего на фронте в годы Отечественной войны.

...насчет новых глав Трифоныча... — Речь идет о главах поэмы А. Т. Твардовского «За далью — даль» (1950—1960).

249. МИХАИЛУ ФАДЕЕВУ

Впервые — в журнале «Смена», 1959, № 23.

Фадеев Михаил Александрович (р. 1944) — младший сын писателя.

250. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

Впервые — в журнале «Юность», 1958, № 12.

251. А. В. ФАДЕЕВОЙ

Впервые — в книге: А. Фадеев, «Повесть нашей юности».

Письмо датируется по содержанию.

Петр Владимирович — дядя А. О. Степановой.

...пишу тебе это письмо, сидя на Пленуме ЦК... — А. А. Фадеев впервые был избран членом ЦК ВКП(б) на XVIII партийном съезде (март 1939 г.), вновь избран членом ЦК на XIX партийном съезде (октябрь 1952 г.). На XX съезде КПСС (февраль 1956 г.) избран кандидатом в члены ЦК КПСС. В данном письме речь идет о Пленуме ЦК ВКП(б), обсуждавшем вопрос «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР» (3—7 сентября 1953 г.).

252. А. В. ФАДЕЕВОЙ

Впервые — в книге: А. Фадеев, «Повесть нашей юности».

Датируется по почтовому штемпелю.

Маруся — домашняя работница в доме Фадеевых.

253. К. М. СИМОНОВУ

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

Прочел на днях «Доброе имя»... — комедию К. М. Симонова, написанную в 1953 году и поставленную на сцене ряда театров.

...работая над докладом... — «О проблемах развития советской драматургии». С этим докладом К. М. Симонов выступил на XIV пленуме Правления Союза писателей СССР (21—24 октября 1953 г.).

254. А. М. УПИТУ

Впервые — в журнале «Дружба народов», 1957, № 1.

Упит Андрей Мартынович (1877—1970) — латышский писатель.

...два Ваших больших романа... — Исторический роман А. М. Упита «Земля зеленая» был издан на русском языке в 1948 году (М. «Советский писатель»). Роман А. М. Упита «Просвет в тучах» впервые был издан на русском языке в 1952 году (Рига, Латгиз).

...в памятной статье Вашей о социалистическом реализме... — Статья А. М. Упита «Монументальная форма социалистического реализма» (журнал «Карогс» за 1952 г.).

Ульманис — глава последнего буржуазного правительства Латвии.

255. С. С. НАРОВЧАТОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «За тридцать лет», под названием «О стихах С. Наровчатова».

Наровчатов Сергей Сергеевич (р. 1919) — поэт.

Прочел два Ваших стихотворения... — Опубликованы в «Литературной газете» в 1953 году.

...Ваши стихи, например, о Коммунистическом манифесте... — Стихотворение «Манифест Коммунистической партии» (1948).

256. М. В. ИСАКОВСКОМУ

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

Лидия Ивановна — жена адресата.

257. К. Е. ВОРОШИЛОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Ворошилов Климент Ефремович (1881—1970) — в те годы Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Соловьев Леонид Васильевич (1906—1962) — писатель. Был арестован и осужден в 1946 году. По ходатайству А. А. Фадеева перед Президиумом Верховного Совета СССР помилован.

258. К. Ф. ПИСКУНОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Элина (Куусинен) Херта — финская писательница, член Политбюро Коммунистической партии Финляндии.

Сказка Херты Элиной «Понимайка и лось» по рекомендации А. А. Фадеева была издана Детгизом в 1955 году, в переводе Л. Гоголя (литературная редакция Л. Воронковой), с иллюстрациями Т. Шишмаревой.

259. СЕКРЕТАРЮ ПРИМОРСКОГО КРАЙКОМА КПСС, ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРИМОРСКОГО КРАЙИСПОЛКОМА

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма дальневосточникам».

260. И. Я. ИЛЬИНУ (МАРШАКУ)

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

Ильин М. (Маршак Илья Яковлевич, 1895—1953) — детский писатель, автор книг: «Сто тысяч почему» (1929), «Рассказ о великом плане» (1930) и других.

261. ТОВАРИЩУ ФОКИНУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Фокин — начинающий литератор, служивший в то время в Советской Армии.

262. П. М. КОТОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Котов П. М. — читатель из Ленинграда.

263. Б. Л. БЕЛЯЕВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма дальневосточникам».

Прочел я Вашу статью «А. А. Фадеев и Дальний Восток»... — Статья Б. Л. Беляева с учетом критических замечаний А. А. Фадеева опубликована в журнале «Советское приморье», 1954, № 17, под названием «Тема гражданской войны на Дальнем Востоке в творчестве А. Фадеева».

264. А. И. ХАЧАТУРЯНУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «За тридцать лет», под названием «Письмо композитору А. И. Хачатуряну».

Хачатурян Арам Ильич (р. 1903) — композитор.

265. В. В. СОФРОНИЦКОМУ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

Софроницкий Владимир Владимирович (1901—1961) — пианист.

266. РАСУЛУ ГАМЗАТОВУ

Впервые — в журнале «Дружба народов», 1957, № 1.

Гамзатов Расул Гамзатович (р. 1923) — народный поэт Дагестана.

...Ваша поэма «Разговор с отцом», стихотворения «Тост» и «Два стихотворения»... — Поэма Р. Гамзатова «Разговор с отцом» (1953) на русском языке впервые опубликована в «Литературной газете» 5 ноября 1953 года, в переводе Я. Хелемского. Стихи Р. Гамзатова «Тост» и «Два стихотворения» опубликованы в том же году в журнале «Смена», № 20.

К таким переводчикам я отношу... — В письме упоминаются поэты-переводчики М. С. Петровых, В. К. Звягинцева-Ерофеева, С. И. Липкин и Я. А. Хелемский.

267. В. Н. ПАШЕННОЙ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «За тридцать лет», под общим названием «Васса Железнова» в Малом театре».

Пашенная Вера Николаевна (1887—1962) — актриса Малого театра.

В постановках Малого театра, упоминаемых А. А. Фадеевым, В. Н. Пашенная исполняла: в «Растеряевой улице» (по Г. Успенскому) — роль Маланьи; в «Разгроме» (по роману А. Фадеева, первый спектакль состоялся 6 ноября 1932 года) — роль Вари; в пьесе А. Островского «На бойком месте» — роль Евгении; в «Марии Стюарт» Ф. Шиллера — заглавную роль.

Вспоминая о своей работе над образом Вари в пьесе «Разгром», В. Н. Пашенная писала:

«Спектакль этот был не совсем удачный: во-первых, инсценировка была далеко не совершенна, затем в нем было очень сложное декоративное оформление, несколько растянуто действие и т. д.; но работа актеров была хорошо расценена и критикой, и самим автором...

Я стремилась показать внутреннюю жизнь Вари, ее горячие мечты. Этот образ, прошедший через мое сердце и мозг, зажег во мне веру в великую душу простой, трогательной русской девушки-шахтерки...

Я любила образ Вари, и работа над ним обогатила меня» (Вера Пашенная, Искусство актрисы, «Искусство», М. 1954, стр. 171—172).

268. К. А. ЗУБОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «За тридцать лет», под общим названием «Васса Железнова» в Малом театре.

Зубов Константин Александрович (1888—1956) — актер и режиссер, в те годы художественный руководитель Малого театра.

...я еще мальчишкой видел Вас на сцене... — В 20-х годах К. А. Зубов выступал на сцене Владивостокского драматического театра «Золотой рог» (теперь — Краевой драматический театр имени А. М. Горького).

269. А. М. УПИТУ

Впервые — в журнале «Дружба народов», 1957, № 1.

При подготовке к изданию сборника «За тридцать лет» А. А. Фадеев просил редактора-составителя: «Переписку с Упитом под названием, предложенным мною («Романы Упита и некоторые вопросы социалистического реализма». — *С. П.*), надо

печатать полностью. То есть его ответ печатать тут же, в тексте. Это будет интереснее. Не будем придерживаться трафарета!» Выполняя волю писателя, составитель опубликовал полный текст ответного письма А. М. Упита от 15 октября 1953 года в сборнике А. Фадеева «За тридцать лет».

270. В. М. КОЖЕВНИКОВУ

Впервые — (в сокращенном виде) в журнале «Дружба народов», 1957, № 1.

Кожевников Вадим Михайлович (р. 1909) — писатель, главный редактор журнала «Знамя».

...было бы хорошо, если бы Вы напечатали... эту статью А. Упита... — Статья А. М. Упита «Монументальная форма социалистического реализма» была напечатана в журнале «Знамя», 1954, № 4.

271. НАЗЫМУ ХИКМЕТУ

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

Назым Хикмет (1902—1963) — турецкий писатель и общественный деятель. В 1921—1928 и 1951—1963 годах жил в СССР.

...Ваши заметки «Грани алмаза»... — Литературные заметки Назыма Хикмета (газета «Советская культура», 5 ноября 1953 г.).

Такая великолепная, поэтическая «Легенда о любви»... — Пьеса Назыма Хикмета «Легенда о любви» была поставлена на сцене театра имени Маяковского (б. Московский театр драмы) в 1953 году.

...другой Ваш спектакль в театре Моссовета. — Речь идет о спектакле «Рассказ о Турции», поставленном в 1953 году.

272. В. С. САПАРИНУ

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

Сапарин Виктор Степанович — в то время главный редактор журнала «Вокруг света».

...начало незаконченного романа В. К. Тренева... — романа «Индейцы».

Овцын Д. Л. — известный русский гидрограф.

273. Л. И. СОМОВОЙ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Сомова Лукерья Ивановна — мать командира Советской Армии, имя, отчество и фамилия которого случайно совпали с именем, отчеством и фамилией вымышленного персонажа романа Фадеева «Молодая гвардия».

274. М. М. КОРНЕВУ и Н. В. ЛЕСЮЧЕВСКОМУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Повесть Э. Г. Казакевича «Сердце друга» была впервые опубликована в журнале «Новый мир», 1953, № 1.

275. В СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

...еще какие-нибудь меры... — Одновременно с публикуемым письмом в Секретариат Правления Союза писателей СССР А. А. Фадеев обратился с письмами к министру металлургической промышленности СССР И. Ф. Тевосяну и в Совет Министров СССР, в которых сообщал о последней просьбе умершего М. Ильина (И. Я. Маршака) — возвратить на работу и жительство в Москву семью своего близкого родственника, поскольку его жена — Е. А. Сегал — мать троих детей, сама больной человек, нуждается в помощи.

Считая необходимым исполнить предсмертную волю этого замечательного писателя, А. А. Фадеев писал:

«Наша молодежь уже в течение десятилетий воспитывается на исключительно талантливых научно-художественных книгах М. Ильина... Книги М. Ильина переведены на все языки мира, и если фамилия его менее известна в широких кругах, чем она того заслуживала бы, то объясняется это только необыкновенной скромностью М. Ильина» (из письма И. Ф. Тевосяну).

276. Н. П. ОХЛОПКОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

...попасть на «Грозу»... — спектакль «Гроза» А. Н. Островского, поставленный на сцене Московского театра имени В. В. Маяковского.

277. К. А. ФЕДИНУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

278. Ф. Н. СВЕРГУНУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма дальневосточникам».

Свергун Феодосий Николаевич — дальневосточный партизан из Особого коммунистического отряда, в котором служил А. А. Фадеев в 1919 году.

...в конном отряде Тетерина-Петрова... — Тетерин-Петров Федор, один из зачинателей партизанского движения в Приморье в годы гражданской войны. В 1919 году в его конном отряде был А. А. Фадеев.

Певзнер П. М. — один из руководителей партизанского движения в Приморье. Послужил одним из прототипов Левинсона в романе А. А. Фадеева «Разгром».

Баранов Андрей Петрович — один из командиров Особого коммунистического партизанского отряда, в котором находился в 1919—1920 годах А. А. Фадеев. Послужил прототипом Бакланова в романе А. А. Фадеева «Разгром».

279. Н. С. БЕЛИНОВИЧ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Белинович Надежда Сергеевна (1908—1962) — писательница.

...за книжку. — А. А. Фадеев благодарит за присланную ему в подарок книгу — «Гороховый стручок — огородный старичок». Польские народные сказки. Пересказ Н. С. Белинович и К. Дунина-Борковского. Рисунки Б. Шахова, Детгиз, М.—Л. 1953.

280. Е. Д. СУРКОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Сурков Евгений Данилович (р. 1915) — литературный и театральный критик, автор упоминаемой в письме книги «К. А. Тренев» («Советский писатель», М. 1953).

Адресат обратился к А. А. Фадееву с просьбой написать воспоминания о К. А. Треневе — для подготовляемого сборника, а также прочитать его (Е. Суркова) книгу «К. А. Тренев». Воспоминания не были написаны Фадеевым. Статья о К. А. Треневе была написана Фадеевым ранее, в связи со смертью драматурга, и опубликована в «Литературной газете» 22 мая 1945 года под названием «Друг».

281. В СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

...по поводу повестки дня съезда писателей... — Второго Всесоюзного съезда советских писателей (15—26 декабря 1954 г.).

...по поводу повестки дня Президиума. — Имеется в виду заседание Президиума Правления Союза писателей СССР 5 и 6 января 1954 года, где обсуждался вопрос о состоянии современной поэзии. Обзор стихов, публиковавшихся в «толстых» журналах, сделал А. А. Сурков. Из упоминаемых в письме писателей выступили Н. Асеев, С. Вургун, И. Сельвинский.

282. В ПРИМОРСКИЙ КРАЕВОЙ КОМИТЕТ КПСС, ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРИМОРСКОГО КРАЙИСПОЛКОМА

Впервые — в книге: А. Фадеев, «Повесть нашей юности».

1954

283. Р. А. ТРДАТЬЯН

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Трдатьян Роза Амазахатовна — вторая жена Б. Г. Свитыча, инженер.

284. А. И. БЕЗЫМЕНСКОМУ

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

Безыменский Александр Ильич (р. 1898) — поэт.

...прочел твою «драматическую сцену»... — пьесу А. И. Безыменского «Однажды ночью, или Рассудите вы» (Госкультпросветиздат, М. 1953).

...поправить их нетрудно. — Согласившись со многими замечаниями А. А. Фадеева, автор внес в последующие издания пьесы значительные исправления.

285. САМЕДУ ВУРГУНУ

Впервые — в журнале «Новый мир», 1966, № 4.

Вургун Самед (Самед Вургун Юсиф оглы Векилов, 1906—1956) — народный поэт Азербайджана.

...вспомнил, как мы были там вместе... — В сентябре 1947 года А. Фадеев выезжал в г. Баку, в связи с празднованием 800-летия со дня рождения великого азербайджанского поэта Низами. На юбилейном пленуме Правления Союза писателей СССР совместно с Правлением Союза писателей Азербайджанской ССР А. Фадеев выступил с большой речью «Торжество разума и справедливости» (см. т. 5 наст. Собр. соч.). После этого вместе с Н. С. Тихоновым и Самедом Вургуном Фадеев совершил поездку по Азербайджану. Подробнее об этой поездке и беседах с Самедом Вургуном — см. воспоминания Н. С. Тихонова (сборник «Фадеев. Воспоминания современников», «Советский писатель», М. 1965, стр. 421—453).

Ахундов Мирза-Фатали (1812—1878) — великий азербайджанский просветитель XIX века. «Домик Ахундова», о котором идет речь в письме, находится в г. Нуха.

...домик Белинского в Чембарах... — ныне Дом-музей в г. Белинский.

Шаншиашвили Сандро — грузинский поэт и драматург.

286. В. Д. ПРИШВИНОЙ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Пришвина Валерия Дмитриевна — жена писателя М. М. Пришвина.

287. С. Н. ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

...для предполагаемого сборника... — сборника статей, речей и писем А. А. Фадеева о литературе и искусстве («За тридцать лет»), подготовкой которого в то время занимался адресат.

С тем большим огорчением... — Впоследствии А. А. Фадеев изменил свое отношение к выпуску этого сборника и принял самое активное участие в его подготовке к печати. Однако сборник вышел уже после смерти писателя — в 1957 году.

288. Э. И. ШУБ

Впервые — в журнале «Искусство кино», 1961, № 9, в статье С. Преображенского «История одной дружбы».

...я живу в имении одного из Шереметьевых... — В январе—феврале 1954 года А. А. Фадеев отдыхал в подмосковном доме отдыха Министерства угольной промышленности СССР «Михайловское» (б. имение Шереметьевых).

...особенно одной из них... — Судя по описанию А. А. Фадеева, речь идет о картине русского художника Н. П. Богданова-Бельского «Устный счет в народной школе С. А. Рачинского» (1895, Третьяковская галерея).

Поправилась ли Аня? — дочь Э. И. Шуб — Анна Исааковна Коноплева.

289. ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ЧУГУЕВСКОГО РАЙИСПОЛКОМА

Впервые — в книге: А. Фадеев, «Повесть нашей юности».

290. Т. К. ЦИВИЛЕВОЙ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма дальневосточникам».

Цивилева Татьяна Константиновна (р. 1899) — участница большевистского подполья и партизанского движения на Дальнем Востоке в годы гражданской войны, большой друг А. А. Фадеева.

...о результатах твоего ходатайства... — В 1938 году Т. К. Цивилева была осуждена на восемь лет пребывания в исправительно-трудовых лагерях, как жена осужденного Э. Ф. Крастина (б. заместителя начальника Севморпути), с последующим ограничением ей места жительства.

Сохранилось письмо А. А. Фадеева на имя Министра внутренних дел СССР (от 6 мая 1954 г.), в котором он просит выдать паспорт Т. К. Цивилевой *на общих основаниях,* без всяких ограничений, так как осуждена она была незаконно и несправедливо. «Знаю Т. К. Цивилеву на протяжени 34-х лет (с осени 1919 года и по сей день) как кристально чистого, честного человека, преданного партии и народу... — писал в этом письме А. А. Фадеев.— Т. К. Цивилева принадлежит к тем скромным, трудолюбивым, дисциплинированным, не щадящим своих сил и жизни работникам-революционерам, исполнителям воли партии, на которых всегда и до конца можно положиться...

Все, что написано в ее заявлении-биографии, я могу подтвердить до последней строки. Я прилагаю характеристику Цивилевой большой группы товарищей, знающих ее по совместной борьбе за Советскую власть и последующей работе на протяжении десятков лет, которые, так же как и я, могут поручиться за нее, как за себя...»

Ходатайство А. А. Фадеева было удовлетворено.

Сахъянова М. М. — участница большевистского подполья во Владивостоке.

291. В ВОЕНИЗДАТ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «За тридцать лет», под названием «За правое дело» В. Гроссмана».

Статья в журнале «Большевик»... — Статья А. Лекторского «Роман, искажающий образы советских людей» (журнал «Коммунист», 1953, № 3).

...статья М. Бубеннова... — Статья М. Бубеннова «О романе В. Гроссмана «За правое дело» (газета «Правда», 13 февраля 1953 г.).

Автор этих строк очень сожалеет, что в его статье... — Статья А. А. Фадеева «Некоторые вопросы работы Союза писателей» («Литературная газета», 28 марта 1953 г.).

На XIV пленуме... — Имеется в виду речь А. А. Фадеева на XIV пленуме Правления Союза советских писателей 23 октября 1953 года, впервые опубликованная в «Литературной газете» 29 октября 1953 года под названием «О работе Союза писателей».

292. Л. П. КОЛЕСНИКОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма дальневосточникам».

...по поводу «Тайны Темир-Тепе». — Повесть Л. П. Колесникова, опубликованная в 1955 году в издательстве «Молодая гвардия».

...в письме главному редактору издательства «Молодая гвардия»... — В письме А. А. Фадеев рекомендовал издательству ознакомиться с этой «несомненно интересной рукописью»: «Пленяет ясное, жизнерадостное ощущение, пронизывающее книгу, — чувствуется, что написал ее человек очень ясной и чистой души. Автор построил свою вещь так, что она по-настоящему занимательна».

Отмечая ряд серьезных недостатков этой первой, «незрелой» книги молодого автора, Фадеев вместе с тем давал издательству совет поработать с автором: «У автора есть все данные для того, чтобы доработать свою вещь, — в ней больше хорошего и ценного, чем несовершенного и лишнего. При недостатке литературного опыта автор вряд ли сможет сделать это сам, — ему надо помочь и помочь не издали, не письменными указаниями, а наглядным примером» (письмо опубликовано полностью в книге: А. Фадеев, Письма дальневосточникам, стр. 153—156).

293. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

Впервые — (частично) в журнале «Москва», 1966, № 6.

В июне я буду сдавать в печать первую часть романа... — К этому сроку работа над первой частью романа не была закончена.

...за проект доклада... — доклад на съезде делал А. А. Сурков. В связи с болезнью А. А. Фадеев на Втором Всесоюзном съезде советских писателей смог выступить только с большой речью (см. т. 6 наст. Собр. соч., стр. 233—252).

294. З. Н. ШАПИРО

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

Шапиро Зоя Николаевна (р. 1893) — сестра писательницы Лидии Николаевны Сейфуллиной.

А. А. Фадеев всегда с глубоким уважением относился к Л. Н. Сейфуллиной. Не раз он с благодарностью вспоминал, как в начале его литературного пути «добрые руки Сейфуллиной» извлекли его первую повесть из потока журнальных рукописей (в котором она долго оставалась незамеченной) и дали ему «путевку в жизнь». В архиве Л. Н. Сейфуллиной хранится роман

А. Фадеева «Молодая гвардия» с надписью: «Дорогой Лиде Сейфуллиной — первому учителю и человеку прекрасной души. С сердечным приветом — от автора. Ал. Фадеев».

295. Э. И. ШУБ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

...прочесть то, что ты написала... — Э. И. Шуб работала в то время над рукописью своих воспоминаний (см. п. 312 и прим. к нему).

296. В. Т. ЛАЦИСУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Лацис Вилис Тенисович (1904—1966) — латышский писатель.

297. А. О. СТЕПАНОВОЙ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

Я по-прежнему много работаю... — Далее А. А. Фадеев рассказывает о своей работе над романом «Черная металлургия» (в частности, он сообщает об изучении материалов в местной милиции, которые были необходимы ему для романа).

298. Т. М. ГОЛОВНИНОЙ и Т. К. ЦИВИЛЕВОЙ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма дальневосточникам».

Ольга — О. С. Левич.

Колесникова М. Г., *Антонов* В. Г. — участники подпольной большевистской организации Дальнего Востока.

299. Ф. П. БУЛОЧНИКОВУ

Впервые — в «Литературной газете» 15 ноября 1960 года под названием «Дорогие страницы прошлого». Датируется по указанию адресата.

Булочников Федор Петрович (р. 1894) — участник партизанской борьбы на Дальнем Востоке. Был комиссаром 5-й (впоследствии 8-й) Амурской стрелковой бригады; в 1921 году А. А. Фадеев заменил Ф. П. Булочникова на посту комиссара 8-й бригады.

...к разыскиванию В. Я. Пляскина... — Сведения о нем не обнаружены.

...Логинов или Логвинов. — Комиссаром штаба 2-й Амурской стрелковой дивизии был Логинов, впоследствии генерал Советской Армии.

...перед взятием Борзи... — Здесь и в дальнейшем речь идет о боях частей Народно-революционной армии за железнодорожную станцию и поселок (ныне город) Борзя Амурской железной дороги.

...был не с Шамониным... — Шамонин И. Д. — командир 13-го (впоследствии 2-го) Амурского стрелкового полка.

...просил у Бондарева подкрепления... — Бондарев — бывший офицер царской армии, перешедший на сторону советской власти.

...бывший каппелевец... — Каппель — белогвардейский генерал, служивший под командованием Колчака. Его именем называли большую группу колчаковских войск, сражавшихся против Народно-революционной армии. Впоследствии некоторая часть каппелевцев перешла на сторону советской власти.

Книгу свою Вы должны писать... — воспоминания о гражданской войне, над которыми в те годы начал работать Ф. П. Булочников.

300. Н. А. МАГАЛИФУ

Впервые — в журнале «Дон», 1960, № 3.

Магалиф Наум Абрамович — член КПСС с 1918 года, в 20-х годах работал вместе с А. А. Фадеевым на Кубани, был секретарем Кубано-Черноморского обкома комсомола.

Панкратова Р. Г. — общая знакомая А. А. Фадеева и адресата по работе на Кубани.

301. С. К. ВИШНЕВЕЦКОЙ

Впервые — в журнале «Москва», 1961, № 2.

Вишневецкая Софья Касьяновна (1899—1962) — художница, жена писателя В. В. Вишневского.

302. ТОВАРИЩУ ВОРОНИНОЙ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма дальневосточникам».

Воронина — литературовед.

...связанную с моим любимым романом... — с романом «Последний из удэге».

303. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

Впервые — (частично) в журнале «Москва», 1966, № 6.

304. К. Н. СТРЕЛЬЧЕНКО

Впервые — в газете «Литература и жизнь», 1 апреля 1961 года.

305. С. В. КРИГЕР

Впервые — в книге: А. Фадеев, «Повесть нашей юности».

Кригер (Кляхина) Софья Варфоломеевна (р. 1898) — участница партизанского движения на Дальнем Востоке в 1919—1922 годах.

«Каменщик, каменщик, в фартуке белом...» — цитата из стихотворения В. Я. Брюсова «Каменщик».

«Темнее той ночи встает из тумана видением грозным тюрьма...» — В стихотворении И. Гольц-Миллера «Слу-шай!» — эти строки написаны так:

Черней этой ночи встает из тумана
Видением мрачным тюрьма.

...не то Камсков, не то Камков... — Камсков Александр Яковлевич, один из работников политотдела 2-й Амурской стрелковой дивизии.

306. С. И. ЧИКОВАНИ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Чиковани Симон Иванович (1903—1966) — грузинский поэт.

Спасибо за книгу... — сборник стихов С. И. Чиковани «Новые стихи», присланный адресатом в подарок А. А. Фадееву.

307. В. А. ЗАХАРОВУ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

Захаров Владимир Александрович — сталевар Магнитогорского металлургического комбината.

Некоторые отрывки из романа... — Отрывки из романа А. А. Фадеева «Черная металлургия» были опубликованы: в газете «Челябинский рабочий», 6—7 и 17 октября 1954 года; в журнале «Огонек» № 42—45 за 1954 год и в «Литературной газете» 11 ноября 1954 года.

Павлуша и Тина — герои романа «Черная металлургия».

308. Б. С. ШАРОВУ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

Шаров Борис Степанович — знакомый А. А. Фадеева по Челябинску.

По выступлению моему у челябинских писателей... — А. А. Фадеев выступал на собрании писателей г. Челябинска в 1954 году.

309. Э. Ю. ТРИОЛЕ и ЛУИ АРАГОНУ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

Арагон Луи (р. 1897) — французский писатель и общественный деятель, коммунист.

Два тома его романа... — романа Луи Арагона «Коммунисты» (1945—1951).

...мы увидимся в дни съезда писателей... — А. А. Фадеев, Э. Ю. Триоле и Луи Арагон встретились в Москве в декабре 1954 года на Втором Всесоюзном съезде писателей.

Здесь во время сессии... — Письмо написано А. А. Фадеевым из Стокгольма (Швеция), после окончания сессии Всемирного Совета мира (18—23 ноября 1954 г.).

310. И. П. МАЛЮТИНУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

311. О. Д. ФОРШ

Впервые — в журнале «Новый мир», 1961, № 12.

Датируется по содержанию.

Записка написана А. А. Фадеевым в день открытия Второго Всесоюзного съезда советских писателей. О. Д. Форш, как старейшая советская писательница, произнесла вступительное слово на открытии съезда.

1955

312. В ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИСКУССТВО»

Впервые — в журнале «Искусство кино», 1961, № 9, в статье С. Преображенского «История одной дружбы».

Письмо адресовано руководящим работникам издательства тт. Е. Е. Северину, С. В. Дробашенко, А. Т. Жукову.

...продлить срок представления воспоминаний кинорежиссера... — Книга Э. И. Шуб (Эсфирь Шуб, Крупным планом, «Искусство», М. 1959) была издана уже после смерти А. А. Фадеева. В послесловии к этой книге Э. И. Шуб писала:

«Александр Александрович Фадеев был редактором этой книги. Ему первому я показала задуманный мной план. Он заставил меня поверить, что я напишу ее. Своей верой он внес новое содержание в мою жизнь. Он находил время внимательно следить за каждой главой. Он принял и стиль моего письма — совсем не литературный, а скорее кинематографический. Все его указания были проникнуты доброй волей помочь мне. Когда работа подходила к концу, он написал мне, что он думает о моей книге. Это письмо окрылило меня. С глубоким уважением и любовью последние слова этой книги, слова благодарности, я отдаю прекрасному писателю земли советской — Александру Фадееву».

313. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

Впервые — (частично) в журнале «Москва», 1966, № 6.

...снова поеду за границу... — В середине января 1955 года А. А. Фадеев выезжал в Вену (Австрия) для участия в работе расширенного заседания Бюро Всемирного Совета Мира (18—19 января 1955 г.).

314. Д. СЕДЛАЧКОВОЙ

Впервые — в журнале «Юность», 1961, № 12.

Седлачкова Дагмара — чешская художница, иллюстрировавшая роман А. А. Фадеева «Молодая гвардия», изданный в 1954 году в Чехословакии.

315. ТОВАРИЩУ ЦЗЯН ТУНУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

316. С. С. ПИЛЯВСКОЙ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Пилявская Софья Станиславовна (р. 1911) — артистка МХАТа, вдова народного артиста РСФСР Н. И. Дорохина.

317. В. Л. ВАСИЛЕВСКОЙ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Василевская Ванда Львовна (1905—1965) — писательница.

Написано в связи с 50-летием со дня рождения В. Л. Василевской.

318. В. М. ОЗЕРОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Озеров Виталий Михайлович (р. 1917) — критик и литературовед. В то время — заместитель главного редактора «Литературной газеты».

...говорил я слишком длинно... — В январе 1955 года А. А. Фадеев принял участие в беседе, организованной редакцией «Литературной газеты», по вопросам состояния современной критики. Стенограмма выступления А. А. Фадеева не опубликована.

...статья Гайсарьяна. — Статья С. Гайсарьяна «Творчество критика» («Литературная газета», 25 января 1955 г.).

319. М. Т. ПОСЛЕДОВИЧУ

Впервые — в журнале «Советская отчизна», Минск, 1956, № 6.

Последович Макар Трофимович (р. 1906) — белорусский писатель.

...в обсуждении белорусской прозы... — 11—21 февраля 1955 года в Москве проходила декада белорусской литературы и искусства. А. А. Фадеев, находясь в больнице, внимательно читал книги, слушал радиопередачи, составленные из произведений белорусских писателей, и посылал развернутые письма-рецензии на прочитанное и прослушанное.

...услышал по радио передачу «Павлинки» — комедии Янки Купалы.

...концерта хора Ширмы. — Государственный хоровой капеллы БССР под руководством народного артиста СССР Григория Романовича Ширмы.

320. И. П. МЕЛЕЖУ

Впервые — в журнале «Советская отчизна», Минск, 1956, № 6.

Мележ Иван Павлович (р. 1921) — белорусский писатель.

С большим интересом прочел Ваш роман. — Прочитав роман И. П. Мележа «Минское направление», А. А. Фадеев написал автору два письма. «Оба письма получены мною одновременно,— сообщил И. П. Мележ. — Одно из них — «резюме» — написано на полях книги, вернее, на последних страницах, другое — прислано вместе с экземпляром романа (который читал и на котором де-

лал пометки Ал. Ал.)». При подготовке этих писем к публикации в сборнике «За тридцать лет» А. А. Фадеев решил «совместить» оба эти письма в одно, поскольку второе письмо, по словам А. А. Фадеева, надо рассматривать как продолжение первого.

321. В. Ф. ВОЛЬСКОМУ

Впервые — в журнале «Дружба народов», 1957, № 1.

Вольский Виталий Фридрихович (р. 1901) — белорусский писатель.

322. П. У. БРОВКЕ

Впервые — в журнале «Дружба народов», 1961, № 4.

Бровка Петр Устинович (р. 1905) — народный поэт Белоруссии, в то время председатель Правления Союза писателей БССР.

323. Ф. С. ПЕСТРАКУ

Впервые — в журнале «Советская отчизна», Минск, 1956, № 6.

Пестрак Филипп Семенович (р. 1903) — белорусский писатель.

324. В. М. ИНБЕР

Впервые — в журнале «Новый мир», 1956, № 12.

Инбер Вера Михайловна (р. 1890) — писательница.

«Как я была маленькая» — книга В. М. Инбер, изданная в 1954 году Государственным издательством детской литературы (Детгиз).

Мне очень понравились иллюстрации. — Иллюстрации к книге выполнены художником А. Давыдовой.

325. Б. С. РЮРИКОВУ и В. М. ОЗЕРОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Рюриков Борис Сергеевич (1909—1969) — критик и литературовед.

...с хорошей статьей о Вере Инбер... — Статья о творчестве В. М. Инбер была напечатана в «Литературной газете» 17 мая 1955 года (И. Гринберг, «Время и мастерство»).

326. А. Л. БАРТО

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

Барто Агния Львовна (р. 1906) — поэтесса.

327. В. Ф. ПАНОВОЙ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Панова Вера Федоровна (р. 1905) — писательница.

Написано в связи с 50-летием со дня рождения В. Ф. Пановой.

328. М. Ф. РЫЛЬСКОМУ

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

329. Г. М. КОЗИНЦЕВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».
Написано в связи с 50-летием со дня рождения Г. М. Козинцева.

330. Э. И. ШУБ

Впервые — в журнале «Искусство кино», 1961, № 9.

331. В. В. ИВАНОВУ

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.
Датируется по содержанию письма.
Иванов Всеволод Вячеславович (1895—1963) — писатель.

332. С. М. НЕЛЬС

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».
Нельс Софья Марковна (р. 1899) — литературовед.
...*напишу Северину*... — В письме директору издательства «Искусство» Е. Е. Северину (11 апреля 1955 г.) А. А. Фадеев писал, что он очень удивлен, почему рукопись С. М. Нельс отклонена издательством.

«Это настоящий серьезный труд, — пишет А. А. Фадеев, — в котором глубоко анализируется, что нового внес советский театр в постановки Шекспира по сравнению с дореволюционными временами, какие традиции мы в этом отношении продолжили и развили и какие стороны неисчерпаемого шекспировского гения наш театр поднял в эпоху социализма».

Однако труд С. М. Нельс увидел свет только в 1960 году (С. Нельс, Шекспир на советской сцене, «Искусство», М. 1960).

333. В ГЛАВНУЮ ВОЕННУЮ ПРОКУРАТУРУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

334. С. Г. ПАШКОВСКОМУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма дальневосточникам».

335. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

Впервые — (частично) в журнале «Москва», 1966, № 6.

336. Б. С. РЮРИКОВУ и В. М. ОЗЕРОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».
Датируется по содержанию письма.
...*к моей предполагаемой статье*... — Статья А. А. Фадеева «Заметки о литературе» была напечатана в «Литературной газете» 20, 22, 24 и 29 сентября 1955 года.
...*творческая конференция о прозе*... — Конференция на тему «Воспитание чувств и характера советского человека» была орга-

низована Правлением Союза писателей СССР 18—19 апреля 1955 года. А. А. Фадеев на этой конференции не выступал.

...ни статьи «Школы в науке», ни статьи В. Смирновой... — Имеются в виду статьи, опубликованные в порядке дискуссии «Литературной газетой»: акад. И. Кнунянца и Л. Зубкова «Школы в науке» (11 января 1955 г.) и Веры Смирновой «Живая связь с народом» (24 февраля 1955 г.). 2 июля 1955 года была опубликована статья, отражающая точку зрения редакции «Литературной газеты» (акад. А. В. Топчиев, «Новая техника и неотложные задачи науки»).

Статья В. Озерова... — Статья «Художественное открытие мира» («Литературная газета», 17 марта 1955 г.).

337. Э. И. ШУБ

Впервые — в журнале «Искусство кино», 1961, № 9.

...придется ехать в Хельсинки... — 18 июня 1955 года А. А. Фадеев выехал во главе советской делегации в г. Хельсинки (Финляндия) для участия в работе Всемирной ассамблеи мира. На этой ассамблее он был избран в новый состав Всемирного Совета Мира.

338. В. А. УКОЛОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

...на Старомонетном, 33. — Здесь помещалось общежитие студентов Московской Горной академии.

339. К. БАХАДУРУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Бахадур Калим — индийский писатель.

340. ГОСПОДИНУ П. ДИСТЕЛЬБАРТУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Дистельбарт Пауль (1879—1963) — немецкий писатель (ФРГ), участник движения сторонников мира.

341. К. АНДЕРСЕНУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Андерсен Кристиан — исландский писатель, публицист и литературовед, редактор журнала «Язык и культура», участник международного движения сторонников мира.

342. В ГЛАВНУЮ ВОЕННУЮ ПРОКУРАТУРУ

Впервые — в журнале «Новый мир», 1966, № 4.

343. Г. И. КОНОВАЛОВУ

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

Коновалов Григорий Иванович (р. 1908) — писатель.

344. М. ИВАНОВОЙ

Впервые — в книге: А. Фадеев, «Повесть нашей юности».

Иванова Милка — председатель отряда пионеров 2-й основной базовой школы г. Коларовграда (Болгария).

Коларов Василь Петров (1877—1950) — деятель болгарского и международного рабочего движения, один из основателей Болгарской коммунистической партии.

345. М. И. ГУБЕЛЬМАНУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма дальневосточникам».

Губельман Моисей Израилевич (р. 1885) — революционер, член Коммунистической партии с 1902 года. Во время колчаковщины и иностранной интервенции на Дальнем Востоке вместе с С. Лазо возглавил партизанское движение в Приморье. Автор книг о Сергее Лазо и о революционном движении на Дальнем Востоке.

«Дядя Володя» — одна из подпольных кличек М. И. Губельмана.

346. С. М. НЕЛЬС

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

...хорошая работа. — Речь идет о рукописи книги С. М. Нельс «Сатира Пушкина».

...убедить «Советский писатель»... — В письме на имя руководителей издательства «Советский писатель» М. М. Корнева и Н. В. Лесючевского (9 августа 1955 г.) А. А. Фадеев писал, что он считает работу С. М. Нельс «глубокой и интересной не только для литературоведов и писателей, особенно молодых, но и для широкого круга учителей и других работников культуры. С. М. Нельс исследует не только произведения Пушкина, имеющие прямое сатирическое значение, но и элементы сатиры во всем его творчестве...

Книжка Нельс написана просто, ясно, сжато, логично. Я нахожу работу Нельс умной, своеобразной и в высшей степени полезной».

347. ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

348. В. М. ВАЖДАЕВУ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

Важдаев Виктор (Рубинштейн Виктор Моисеевич, р. 1908) — писатель.

Люда — Скорино Л. И. — критик, жена В. М. Важдаева.

349. И. П. МАЛЮТИНУ

Впервые — в статье Ив. Малютина «Встречи с А. А. Фадеевым» («Адыгейская правда», 17 сентября 1961 г.).

Очерк о Неверове... — глава из книги воспоминаний И. П. Малютина.

...с моим пространным отзывом... — В отзыве о рукописи воспоминаний И. П. Малютина А. А. Фадеев писал:

«И. П. Малютин, которому сейчас 83 года,— одна из колоритнейших фигур рабочего движения. Выходец из деревни, он в юношеские годы спустился на плотах в Ярославль на Волге и поступил работать в одну из стариннейших русских текстильных фабрик, которая носит теперь название «Красный Перекоп».

Талантливый самоучка Малютин создал на этой фабрике одну из первых в России рабочих библиотек, где вскоре начал распространять среди рабочих нелегальные издания. Вокруг библиотеки создался просветительный кружок, вскоре приобретший революционное направление. И. П. Малютин был сослан в Сибирь, а по отбытии ссылки снова вернулся на фабрику. Я познакомился с ним на этой фабрике в 1928 году, когда Иван Петрович работал на этой фабрике библиотекарем.

За время своей долгой жизни Малютин встречался, дружил и переписывался со многими известными писателями и учеными...

Было бы очень хорошо, если бы книге было предпослано предисловие, характеризующее самого автора. Это предисловие, вероятно, с охотой напишет Всеволод Иванов, который знает Малютина дольше и лучше, чем я.

Это мое письмо прошу рассматривать как рецензию на книгу Малютина».

Книга И. Малютина «Незабываемые встречи (из воспоминаний)» выпущена Челябинским книжным издательством в 1957 году. В более полном виде вышла в издательстве «Советский писатель» в 1958 году под названием: Иван Малютин, «Воспоминания».

350. В. М. ВАЖДАЕВУ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

351. Л. М. ЛЕОНОВУ

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

Леонов Леонид Максимович (р. 1899) — писатель.

352. Б. С. РЮРИКОВУ

Впервые — в журнале «Новый мир», 1966, № 4.

...статья Баскакова... — Статья критика Вл. Баскакова «Золотая карета» («Литературная газета», 4 октября 1955 г.).

353. Б. С. РЮРИКОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

...если Вы дадите в субботу только один подвал... — Речь идет о предпоследней части статьи А. А. Фадеева «Заметки о литературе» («Литературная газета», 24 сентября 1955 г.). Работая над этой, последней редакцией статьи, А. Фадеев писал В. Озерову (тогда работавшему заместителем главного редактора «Литературной газеты») 10 ноября 1955 года:

«Над статьей я работаю с большим удовольствием. Но я, к сожалению, получил разрешение писать только 2 часа в день, в первой половине дня, и получил я его только 4 ноября... Как ни хотелось бы мне написать рецензию на работу А. Упита в области теории и критики (такое предложение было сделано в то время Фадееву со стороны «Литературной газеты». — *С. П.*) — я очень его уважаю и люблю,— но вынужден отказаться только в силу того, что рецензия эта, учитывая сложность темы, потребовала бы от меня много труда. А я собираюсь по окончании второго тура «Заметок» целиком и полностью отдать свои силы роману. Внутренне он уже мною преобразован и ждет меня, не дождется».

354. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

Впервые — (частично) в журнале «Москва», 1966, № 6.

...доклад на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами марксизма-ленинизма в вузах... — доклад о состоянии и задачах советской литературы, с которым А. Фадеев выступил 27 августа 1955 года. Впоследствии этот доклад был переработан им в «Заметки о литературе».

355. Ф. П. БУЛОЧНИКОВУ

Впервые — в книге: А. Фадеев, «Повесть нашей юности».

...в так называемой Центросибири... — Центросибирь — так сокращенно назывался Центральный исполнительный комитет Советов Сибири (ЦИК Сибири), образованный Первым съездом Советов Сибири, 16—24 октября 1917 года.

...полной твоей реабилитации... — В 1938 году Ф. П. Булочников был репрессирован и исключен из рядов КПСС. «Я пробыл в заключении четыре года, освобожден досрочно в Приморье, а позднее, при содействии А. А. Фадеева, реабилитирован, а еще через год, уже после его смерти, восстановлен в партии» (из письма Ф. П. Булочникова С. Н. Преображенскому).

356. Г. Х. ЦАПУРИНУ

Впервые — в журнале «Огонек», 1960, № 27, в статье С. Преображенского «Страницы юности Александра Фадеева».

357. Б. Л. БЕЛЯЕВУ

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

358. В. С. ТЕМНОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма дальневосточникам».

Темнов (Прокопенко) Василий Сергеевич (р. 1901) — дальневосточный партизан. В 1920 году вступил в партизанский отряд И. Певзнера — А. Баранова, где служил и А. Фадеев. Участвовал в боях под Спасском, Хабаровском, был бойцом на бронепоезде «Грозный». В том же году по поручению партийной организации

сопровождал А. Фадеева, нелегально переходившего из с. Ракитного в г. Спасск — по местам, занятым врагами.

...в газете «Шум тайги»... — газета Ракитинского стрелкового полка, в состав которого входила пулеметная команда, где в июне—августе 1920 года политруком был А. А. Фадеев. «Будучи политруком команды, А. Фадеев в то же время был ответственным редактором полковой газеты «Шум тайги». Газета выходила два или три раза в неделю и связывала оторванный, заброшенный в Ракитное стрелковый полк с остальным миром» (из воспоминаний командира пулеметной команды С. Пищелки).

359. Д. Н. ОРЛОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

...работу о Достоевском... — рукопись книги В. В. Ермилова «Ф. М. Достоевский» (Гослитиздат, М. 1956).

360. Д. Н. ОРЛОВУ

Впервые — в журнале «Театр», 1959, № 2.

361. В. В. ЕРМИЛОВУ

Публикуется впервые.

Размолвка между Фадеевым и Ермиловым, о которой идет речь в письме, произошла после выступления Фадеева на XIII Пленуме Правления Союза писателей СССР (февраль 1950 г.) с резкой критикой в адрес Ермилова (в то время — главного редактора «Литературной газеты»). Вскоре после этого Ермилов был освобожден от обязанностей главного редактора газеты.

Оценка Фадеевым работы Ермилова о Достоевском связана с тем, что, считая Достоевского «гениальным реалистом в изображении мучений и страданий людей», Фадеев резко критиковал некоторые реакционные идеи писателя, выступал против «достоевщины».

В. Ермилов очень внимательно отнесся к критическим замечаниям Фадеева, многое переделав и исправив в своей рукописи. Когда книга вышла из печати (В. Ермилов, Ф. М. Достоевский, Гослитиздат, М. 1956), один из первых ее экземпляров Ермилов прислал Фадееву с такой авторской надписью: «Саше Фадееву — с благодарностью за превосходную, строгую, дружескую критику рукописи этой книги».

...искренности не по Померанцеву... — Имеется в виду выступление писателя В. Померанцева в журнале «Новый мир», 1953, № 12, «Об искренности в литературе», которая была подвергнута острой критике в печати.

362. И. С. МАКАРЬЕВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Макарьев Иван Сергеевич (1902—1958) — критик, журналист; один из организаторов Ростовской АПП. В 30-х годах был одним из секретарей Правления РАПП. Был репрессирован. Настоящее письмо написано вскоре после реабилитации (см. п. 342).

В одном из ранних писем к Макарьеву (сентябрь 1927 г.) Фадеев рассказывал о начальном периоде своей работы над романом «Последний из удэге», который «...развился из предполагаемого рассказа «Смерть Ченьюаня», отрывок из которого я печатал как-то в краевой комсомольской газете» («Большевистская смена», Ростов-на-Дону, ноябрь 1926 года, №№ 42, 43 и 44 под названием «Хунхузы»).

...телеграмма от Раи... — жены И. С. Макарьева.

...характеристику тебе в КПК... — Такая характеристика для Комитета партийного контроля при ЦК КПСС была написана А. А. Фадеевым. В 1955 году И. С. Макарьев был восстановлен в правах члена КПСС.

...на имя Комарова... — Комаров П. Т. — в то время заместитель председателя КПК при ЦК КПСС.

Бышов — сотрудник КПК при ЦК КПСС.

363. Э. И. ШУБ

Впервые — в журнале «Искусство кино», 1961, № 9.

Борис Николаевич — муж дочери Э. И. Шуб — Б. Н. Коноплев, киноинженер.

364. М. И. АЛИГЕР

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

...огорчать тебя и Казакевича... — М. И. Алигер и Э. Г. Казакевич (члены редколлегии альманаха «Литературная Москва») обратились к А. А. Фадееву с просьбой дать им для публикации в альманахе роман «Черная металлургия».

365. С. Н. ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Письмо связано с подготовкой к печати сборника «За тридцать лет».

...попробуйте сделать этот монтаж... — Такой монтаж был сделан и включен в сборник «За тридцать лет» под названием «Писатели в дни ленинградской блокады».

366. Е. Д. СУРКОВУ

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

Сурков Е. Д. — был в то время руководителем литературной части МХАТа.

367. С. В. ГИАЦИНТОВОЙ

Впервые — в журнале «Театр», 1959, № 2.

Гиацинтова Софья Владимировна (р. 1895) — актриса и режиссер, в то время художественный руководитель Московского театра имени Ленинского комсомола.

...Ваш образ в «Униженных и оскорбленных»... — В инсценировке по роману Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» С. В. Гиацинтова исполняла роль Нелли.

368. А. М. ВАСЕВОЙ

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

Васева А. М. — начинающий литератор.

Книга А. Васевой «Приключения Димки на дне Пермского моря» издана в 1956 году Пермским областным издательством.

369. ТОВАРИЩУ ХОН СУН ЧЕР

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Датируется по сохранившейся авторской пометке на копии письма.

Хон Сун Чер — корейский поэт, в то время — один из руководителей Союза писателей Кореи.

370. А. НОВАКОВОЙ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Датируется ориентировочно, по дате письма адресата.

Новакова Анна — чешский литератор, переводчик романа А. А. Фадеева «Молодая гвардия» на чешский язык (совместно с С. Махониным).

Публикуемое письмо — ответ на просьбу Новаковой сообщить, какие изменения внесены автором в текст «Молодой гвардии», а также дать рекомендации, связанные с предполагаемой публикацией (на чешском языке) некоторых произведений П. А. Павленко (А. А. Фадеев являлся председателем редакционной комиссии по изданию собрания сочинений П. А. Павленко).

1956

371. О. В. КОНЧАЛОВСКОЙ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Кончаловская Ольга Васильевна — жена художника П. П. Кончаловского.

Миша — сын П. П. Кончаловского, М. П. Кончаловский — художник.

372. Н. К. ИЛЬЮХОВУ

Впервые — (в сокращенном виде) в «Литературной газете» 30 ноября 1957 года, в статье Л. Наумова «Досадное недоразумение».

Ильюхов Николай Кириллович (р. 1898) — народный учитель. Один из организаторов «Комитета революционного сопротивления» против контрреволюции и иностранной интервенции на Дальнем Востоке; ближайший боевой соратник Сергея Лазо; автор книг по истории партизанского движения на Дальнем Востоке.

...где я выступал... — Речь А. А. Фадеева на IV сессии Верховного Совета СССР 29 декабря 1955 года была опубликована в газетах «Правда» и «Известия» 30 декабря 1955 года. Вклю-

чена в сборник: А. Фадеев, «За тридцать лет», под названием «О всечеловеческом значении культуры стран Востока».

...с фамилией Мечика получилось чрезвычайно обидно для его памяти... — Мечик Тимофей Анисимович — молодой сельский учитель, один из первых организаторов и руководителей партизанского движения в Сучанской долине. Погиб смертью героя весной 1919 года.

...когда вышла книга твоя... — Н. Ильюхов и М. Титов, «Партизанское движение в Приморье. 1918—1920 гг.», изд. «Прибой», Л. 1928.

...я исправлю это специальным письмом... — Такое письмо А. А. Фадеев не успел написать. После смерти писателя о его воле было сообщено в «Литературной газете» 30 ноября 1957 года.

Предложенная тобой тема картины... — Н. К. Ильюхов обратился к А. А. Фадееву с предложением заказать кому-либо из художников картину о героических днях гражданской войны на Дальнем Востоке.

373. А. В. СОЛОДОВНИКОВУ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

Солодовников Александр Васильевич — в то время директор МХАТа.

...судя по рецензии Ольги Берггольц... — Рецензия О. Ф. Берггольц о спектакле «Оптимистическая трагедия» (журнал «Театр», № 2 за 1956 г.).

374. МИХАИЛУ ФАДЕЕВУ

Впервые — в книге: А. Фадеев, «Повесть нашей юности».

375. С. Н. ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

...прилагаемые четыре статьи периода РАПП. — «Столбовая дорога пролетарской литературы», «Против верхоглядства», «Долой Шиллера!», «За художника материалиста-диалектика». Впоследствии из статей этого периода в сборник была дополнительно включена статья «За ТРАМ и против «трамчванства».

В предисловии я скажу... — Предисловия к сборнику «За тридцать лет» А. А. Фадеев написать не успел. Однако он оставил редактору-составителю черновой набросок «замечаний к сборнику».

376. В ГЛАВНУЮ ВОЕННУЮ ПРОКУРАТУРУ

Впервые — в журнале «Новый мир», 1961, № 12.

Гумилев Лев Николаевич (р. 1912) — историк-востоковед. Вскоре после этого письма Л. Н. Гумилев был реабилитирован.

377. С. Н. ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

...разыскать в моем архиве оригинальные варианты некоторых статей... — Упоминаемые в письме статьи А. А. Фадеева: «Отечественная война и советская литература», «О советском патриотизме и национальной гордости народов СССР», «О «Севастополе» А. Малышкина», «Смышляев в пьесе А. Афиногенова «Чудак» — были найдены и включены в сборник «За тридцать лет». Записи речи на собрании Общества шведско-советской дружбы (23 марта 1940 г.) и речи, произнесенной на встрече с писателями Финляндии (26 июля 1951 г.), не найдены.

378. Э. И. ШУБ

Впервые — в журнале «Искусство кино», 1961, № 9.

379. А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ

Впервые — в журнале «Юность», 1958, № 12.

380. С. Н. ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

...с теми новыми фактами нашей жизни... — Имеются в виду материалы и документы XX съезда КПСС.

В трех последующих письмах адресату за март 1956 года А. А. Фадеев высказывает свои пожелания по составу и оформлению сборника «За тридцать лет», просит разыскать некоторые новые материалы, которые ему хотелось бы включить в сборник (подробнее — см. прим. к тт. 5 и 6 наст. Собр. соч.).

Работа над сборником «За тридцать лет» была закончена составителем уже после смерти писателя: все его просьбы и пожелания, связанные с этим сборником, были выполнены.

381. С. Н. ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

Порядок разделов, я думаю, надо изменить... — План сборника «За тридцать лет» менялся несколько раз до того, как сложился окончательный состав сборника. «Все... идет в том порядке, в каком я хотел бы видеть это в книге», — писал А. А. Фадеев 18 марта 1956 года.

382. Ф. П. БУЛОЧНИКОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «За тридцать лет», под названием «Они будут лучше прежних...».

...твои документы давно уже передал... — По просьбе адресата А. А. Фадеев передал в руководящие партийные органы документы, необходимые для восстановления Ф. П. Булочникова в рядах КПСС.

Что же касается выступления М. Шолохова... — Имеется в виду выступление М. А. Шолохова на XX съезде КПСС, 20 февраля 1956 года.

383. Я. К. КОКУШКИНУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма дальневосточникам».

Кокушкин Яков Карпович (р. 1892) — рабочий, деятель революционного движения на Дальнем Востоке; член Коммунистической партии с 1917 года; бывший комиссар партизанских отрядов Приморья.

«Мы с Вами старые знакомые,— писал А. Фадеев Я. К. Кокушкину 28 декабря 1940 года. — Правда, когда я начинал работать во Владивостокской организации большевиков, а потом в партизанах, Вы в это время сидели в тюрьме или тоже были в партизанах, и, насколько я помню, нам не удалось встретиться и в более позднее время, после нашей победы. Но я помню Вас еще по 17-му году и по началу 18-го, по Вашим выступлениям, статьям и по Вашей работе. Кроме того, у нас так много общих друзей и столько мне приходилось слышать о Вас, что у меня создалось такое ощущение, будто мы уже много, много лет знакомы...»

384. Н. В. ПОПОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Попов Николай Владимирович — один из дальневосточных друзей А. А. Фадеева.

Насчет выступления... — Имеется в виду речь М. А. Шолохова на XX съезде КПСС («Правда», 21 февраля 1956 г.).

...и тут же Гиндин с его письмом... — Речь идет о «Письме в редакцию» А. Гиндина («Литературная газета», 28 февраля 1956 г.).

385. С. В. ГЕРАСИМОВУ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

Герасимов Сергей Васильевич (1885—1964) — художник.

386. И. А. НОВИКОВУ

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

Новиков Иван Алексеевич (1877—1959) — писатель.

...тронут Вашим подарком. — Адресат прислал в подарок А. А. Фадееву трехтомник своих избранных произведений (Гослитиздат, 1955).

387. Р. Н. СИМОНОВУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Симонов Рубен Николаевич (1899—1968) — актер, главный режиссер Московского театра им. Вахтангова.

388. УЧЕНИКАМ VIII-Д КЛАССА СМЕШАННОЙ ГИМНАЗИИ г. ПОПОВО

Впервые — в книге: А. Фадеев, «Повесть нашей юности».

г. Попово — город в Болгарской Народной Республике.

389. ТОВАРИЩУ ГЮНТЕРУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Гюнтер — директор издательства Общества германо-советской дружбы.

390. ТОВАРИЩУ ДЫБОВУ

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

Дыбов — сведений об адресате нет.

«Оттепель» — повесть И. Г. Эренбурга (впервые опубликована в журнале «Знамя», 1954, № 5).

391. В РЕДАКЦИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЖУРНАЛА «ДЕ КИМ»

Впервые — (на русском языке) в журнале «Искусство кино», 1956, № 12, под названием «О творчестве кинематографии и творчестве литературном».

«Де Ким» — международный литературный журнал, выходящий в Амстердаме (Голландия).

392. Л. М. НЕИЗВЕСТНЫХ

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

Неизвестных Л. М. — литературовед. Статья «Партия и народ в романе А. Фадеева «Последний из удэге» опубликована в Ученых записках Кишиневского государственного педагогического института, т. IV, 1955.

393. ТОВАРИЩУ ГУРЕВИЧУ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Гуревич — ленинградский литератор.

394. А. А. АХМАТОВОЙ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Ахматова (Горенко) Анна Андреевна (1889—1966) — поэтесса.

...за книгу переводов... — Книга переводов стихов корейских поэтов-классиков: «Корейская классическая поэзия» (в пер. А. Ахматовой), Гослитиздат, М. 1956.

395. М. Е. МАРКАРЯН

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

Маркарян Маро Егишевна (р. 1915) — армянская поэтесса.

Хочу поблагодарить Вас за книгу... — Речь идет о книге стихов М. Е Маркарян («Советский писатель», М. 1955).

396. И. Л. СЕЛЬВИНСКОМУ

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

397. М. В. АЛТАЕВОЙ-ЯМЩИКОВОЙ

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

Алтаева-Ямщикова Маргарита Владимировна (лит. псевдоним Ал. Алтаев, 1872—1959) — писательница.

Большое, сердечное спасибо Вам за книжку... — 29 февраля 1956 года М. В. Алтаева подарила Фадееву свою книгу «Памятные встречи» («Советский писатель», М. 1955) с надписью: «Дорогому никогда не забываемому Александру Александровичу Фадееву от глубоко любящего и благодарного автора».

398. П. А. ГАРЯНОВУ

Впервые — в журнале «Театр», 1959, № 2.

Гарянов Павел Абрамович — артист Челябинского драматического театра, один из старейших русских актеров.

399. М. Б. КОЛОСОВУ

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

Спасибо тебе за книгу... — книгу М. Колосова «Товарищ генерал» (Воениздат, 1956).

400. С. Н. ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ

Впервые — в Собрании сочинений А. Фадеева, т. 5.

Написано, по предположениям адресата, в начале мая 1956 года.

Не горюйте о стенограмме «О своей работе»... — В 1947 году по просьбе творческой секции московских писателей-прозаиков А. А. Фадеев выступил с докладом «О своей работе», в котором процитировал некоторые из своих записей о русских писателях-классиках. Доклад не был опубликован из-за неполной стенографической записи.

401. Т. А. ВЕТРОВУ-МАРЧЕНКО

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма дальневосточникам».

Ветров-Марченко Тимофей Акимович (р. 1898) — дальневосточный партизан, по образованию фельдшер, бывший начальник санитарной части 1-го Дальневосточного коммунистического партизанского отряда. Оказал А. А. Фадееву первую медицинскую помощь и перевязал рану, полученную им в бою с японцами в Спасске 5 апреля 1920 года.

...все, что тобой написано... — Т. А. Ветров-Марченко работал в то время над воспоминаниями о гражданской войне на Дальнем Востоке.

402. ЛЮДМИЛУ СТОЯНОВУ

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

Стоянов Людмил (р. 1888) — болгарский писатель и общественный деятель, переводчик и популяризатор русской и советской литературы.

403. САМЕДУ ВУРГУНУ

Впервые — в журнале «Октябрь», 1957, № 6.

404. В. К. КЕТЛИНСКОЙ

Впервые — в сборнике: А. Фадеев, «Письма».

Написано в связи с 50-летием со дня рождения В. К. Кетлинской.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН к тт. V—VII[1]

[1] К именам, аннотированным в примечаниях, аннотация в указателе не дается.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

произведений А. Фадеева, напечатанных в настоящем собрании сочинений[1]

---

[1] Первая цифра обозначает том собрания сочинений, вторая — страницу.

СОДЕРЖАНИЕ

Избранные письма 1921—1956

1949

1950

1953

Александр Александрович
ФАДЕЕВ

Собрание сочинений, т. 7

Редактор *К. Нещименко*
Художественный редактор *С. Данилов*
Технический редактор *Л. Ковнацкая*
Корректоры *Р. Пунга и А. Юрьева*

Сдано в набор 14/V 1971 г.
Подписано к печати 21/IX 1971 г.
А-04157. Бумага типографская № 1.
84×108$^{1}/_{32}$. 23,25 печ. л.39,06 усл.-печ.
л. 42,15 уч.-изд. л. Тираж 100 000 экз.
Заказ 1094. Цена 1 р. 25 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградская типография № 2
им. Евг. Соколовой Главполиграф-
прома Комитета по печати при
Совете Министров СССР.
Измайловский пр., 29.

1р. 25к.